

**ЛЕОНИД
ШИНКАРЕВ**

СИБИРЬ

ЛЕОНИД ШИНКАРЕВ

Имя писателя- публициста Леонида Шинкарева хорошо известно читателям, интересующимся жизнью Сибири и Дальнего Востока. Об этих краях его книги — «Путешествие по острову АЕ», «Микешкин» идет в Арктику», «Сибирь: откуда она пошла и куда она идет», «Байкало-Амурская магистраль», «Второй Транссиб» и др., этому посвящены его очерки, статьи, корреспонденции на страницах газет и журналов, прежде всего «Известий».

Книга «Сибирь...» — это попытка публицистически осмыслить судьбу необъятного края, к которому каждое поколение проявляет собственный интерес. Опираясь на свидетельства многих людей и на свои впечатления, почерпнутые за 20 лет в поездках по восточным районам, привлекая малоизвестные, часто новые материалы, писатель рассматривает актуальные проблемы прошлого, настоящего, будущего Сибири. Впервые книга выпущена в 1974 году, в настоящее издание автор внес дополнения.

СИБИРЬ

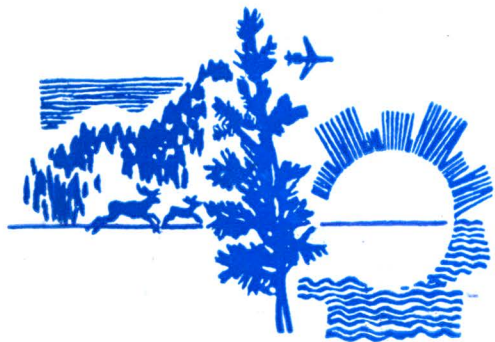
**ОТКУДА
ОНА
ПОШЛА
И КУДА
ОНА
ИДЕТ**

ЛЕОНИД
ШИНКАРЕВ

ЛЕОНИД
ШИНКАРЕВ

СИБИРЬ

**ОТКУДА
ОНА ПОШЛА
И КУДА
ОНА ИДЕТ**

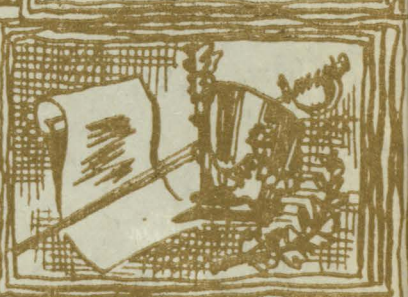
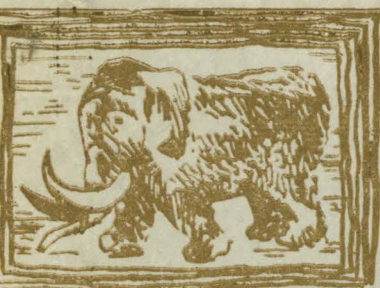

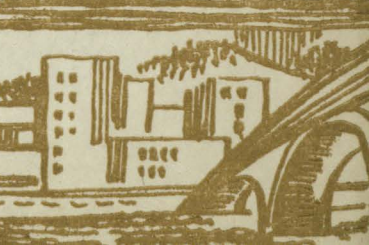
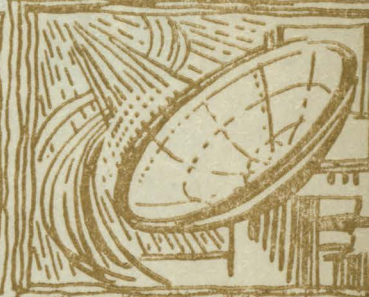
Интеллект древних кочевников
Дружина Ермака на Иртыше
Русские пахари в Азии
Зачем построили Транссиб
На каторгу и в ссылку
Губернаторы и их аппарат
Огненные дни революции
Следствие по делу Колчака
Кузнецкстрой выигрывает спор
Перед Вечным огнем (1941—1945)
Ангаро-Енисейский проект
Новоселы: проблемы и судьбы
Открытие тюменской нефти
Интересы коренных жителей
БАМ — новый этап освоения
Этот поучительный Байкал
Как обходиться с природой
Идеи долговременных программ
Возможности мировой торговли
Семь сценариев будущего

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

ОТКУДА
ОНА ПОШЛА
И КУДА
ОНА ИДЕТ

СИБИРЬ

**ЛЕОНИД
ШИНКАРЕВ**

СИБИРЬ

**ОТКУДА
ОНА
ПОШЛА
И КУДА
ОНА
ИДЕТ**

**Факты,
размышления,
прогнозы**

**Издание второе,
дополненное**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1978**

Ответственный редактор
академик А. П. ОКЛАДНИКОВ

Художники
В. А. АДОВ и И. П. СМИРНОВ

Ш $\frac{11301-120}{М-105(03)78}$ 86—78

© Восточно-Сибирское книжное издательство,
1974 г.

© Издательство «Советская Россия», 1978 г.,
дополнения.

ОТ АВТОРА

Эта книга о том, откуда Сибирь пошла и куда она идет. Впервые ее издали в Иркутске в 1974 году, и книга принесла автору массу новых знакомств. Писали сибирские старожили и недавние переселенцы, привыкающие к новой среде, и бывшие сибиряки, кого разлучила с краем судьба, откликались разные люди, наслышанные об освоении сибирских территорий, о молодых городах и т. д. Письма содержали пожелания, наводили на мысли, и я старался, как это было возможно, дополнить книгу. В остальном же остается повторить предисловие к первому изданию.

Подобно миллионам других сибирских жителей, я рос далеко от этого края и попал сюда в связи с моей журналистской работой, твердо уверенный, что выполнять обязанности мне здесь придется не больше двух-трех лет. Через три года я понял, что еще не знаю Сибири и уже не узнаю себя: буквально все вокруг мне казалось укрупненным, усиленным, гиперболизированным. Какие-то необыкновенные гидростанции, нефтяные месторождения, сибирские пельмени, снега, землетрясения, морозы — не такие они, как везде. И бывая в других местностях, даже на своей родине, я обескураженно замечал разницу: все выглядит преуменьшенным, как всего-навсего зерна зрелой сибирской мощи. Книга рождалась в течение десяти лет: поездки, встречи, споры с разными людьми вызывали желание докопаться до исторических начал, проследить связь времен, уловить тенденцию. И хотя именно мандат газеты «Известия» открывал мне доступ во многие архивы, музейные фонды, книгохранилища, сама газета была не в состоянии уместить на своих тесных злободневных страницах явления и факты давно минувших дней. Так накапливался материал этой книги и возрастала потребность свести размышления под одну крышу.

Естественно, что, обращаясь к прошлому, я отбирал по преимуществу те исторические сведения, которые лично для меня были интересны и помогали в какой-то мере лучше понять экономические и социальные процессы сегодняшней Сибири. В этом смысле книга получилась, наверное, субъективной, и не надо ждать от нее беспристрастного и последовательного изложения. Это не хроника, не справочник, не учебник, а лишь повествование о том, что привлекает меня в истории Сибири и ее предполагаемом будущем. При этом читатель встретит и знакомые ему факты сибирской старины или сибирской нови — что ж, есть события, которые нельзя обойти молчанием, но видеть их можно по-разному.

Следы исторических событий хранят многие избы по лесным берегам Иртыша, Енисея, Ангары. В них коротают дни глубокие и еще крепкие старцы, среди которых встретишь тех, кто возил тачками землю на полотно Великой Сибирской магистрали, кто шел в колонне демонстрантов во время Ленских событий 1912 года, кто на станции Иннокентьевской руководил арестом Колчака. Старики не желают размышлять о себе и мало интересуются тем, что о них думают другие. Они привыкли к движению, к практическому действию, к артельным усилиям и не прочь поучить житейской мудрости молодых.

Нынешние сибиряки унаследовали их товарищескую спайку — общительны, любят ходить друг к другу в гости и не суетливы. В них жив дух первопроходцев: чутки к новому, не так держатся за место, уважают предприимчивых людей и берутся за фантастические проекты. Не боятся ошибок, реже говорят: «так делали вчера, так будем и сегодня», а чаще радуются свежей идее: «это интересно, даже смело — давайте рискнем!»

За то время, пока писалась книга, в Сибири многое менялось, часто вызывая у нас удовлетворение, а иногда тревогу. Хотелось разобраться в существе перемен, рассчитывая при этом, что наблюдения могут пригодиться и тем, кто работает в восточных районах, и тем, кто собирается переселяться, чтобы прочно вклиниться в исторически сложившуюся общность сибиряков. Потенциальные ресурсы сырья и энергии здесь столь велики, что индустриальное и демографическое освоение Сибири выглядит проблемой, важной для всей планеты.

Программа партии наметила грандиозные планы размещения и развития производительных сил в районах восточнее Урала. Впервые на обширных пространствах испытываются новые формы комплексного хозяйственного освоения территорий. Очень хочется, чтобы масштабы огромного строительства сочетались с разумным отношением к своеобразной и легко ранимой сибирской природе. Потому история и экономика меня интересуют также и с нравственной стороны: что Сибирь для личности и что есть личность в Сибири?

Пользуюсь случаем искренне поблагодарить тех, кто читал в рукописи эту книгу или ее отдельные главы: А. Г. Аганбегяна, Г. И. Галазия, А. У. Китайника, В. А. Кротова, И. И. Кузнецова, Е. Н. Перчика, Б. П. Полевого, Ф. Г. Сафронова, М. Д. Сергеева, П. П. Силянского, В. Г. Тюкавкина, Г. И. Фильшина, Р. И. Шнипера. Разумеется, никто из них не несет ответственности за то, как удалось автору воспользоваться их советами и замечаниями.

Особая признательность А. П. Окладникову, который взял на себя труд быть редактором этой книги.

Я долго колебался, следует ли отсылать читателей к источникам и примечаниям, не утяжелит ли это книгу. И все-таки решил поместить в конце справочный аппарат, хотя бы сжатый, с надеждой думая о тех, кто захотел бы побольше узнать о Сибири, кого тоже потянет к раздумьям о ее судьбе.

ТАЙНЫ КАМЕННОЙ ЛЕТОПИСИ

В гостях у современников мамонта.— Интеллект древнейшего сибиряка.— Стоянка первых полярников.— Кто же открывал Америку?— Минусинские степи спорят с островом Пасхи.— Всадники шишкинских скал.— Сибирское ханство

Февральским вечером 1928 года в селе Мальта, расположенном в 90 километрах к северо-западу от Иркутска на правом берегу речки Белой, притока Ангары, произошло событие, которое заинтересовало мировую научную общественность, а потом даже и жителей этого села. Крестьянин Савельев попросил соседа Брилина помочь выкопать подполье: поставил новый пятистенок и, уступая настояниям жены, принялся долбить в мерзлой земле яму, а силы уже немолодые, и в одиночку он провозился бы с подпольем до весны.

Теперь и не вспомнить, сколько часов они долбили и копали, пока лопата не скрежетнула о грязную кость. Кость извлекли из земли, подивились странной плоской лопатке и выбросили на улицу в снег: детвора приспособит ее под салазки. И, утерев лбы, продолжали молча копать, еще не подозревая, в какую глубину веков они спустились. А Брилин был мужиком себе на уме: утром подобрал тяжелую кость и уговорил заведующего избой-читальней Бельтрама, первого грамотея на селе, написать про находку в Иркутск, в краеведческий музей, который интересовался такими штуками — об этом знали во всех окрестных селениях.

В Мальту послали археолога Михаила Михайловича Герасимова — тогда еще не доктора исторических наук, не лауреата Государственной премии, не антрополога с мировым именем, восстановившего по черепу облик неандертальца, Тамерлана, Ивана Грозного... — а молодого сотрудника музея, дотошного и одержимого, как все археологи. Один талант уже тогда за ним был всеми признан — способность ладить с людьми, находить с каждым общий язык. Короче говоря, Савельев и Брилин тут же спустили архео-

лога в подполье и дали в руки лопату. Мерзлая земля, поддаваясь и уступая, обнажала в своих слоях оббитые камни, позвонки рыб, кусочки оленьего рога... Так было открыто жилище сибирского охотника времен позднего палеолита. Почти одновременно были сделаны два важных вывода.

Вывод П. Брилина: «Видал, Савельев, к просьбам жены завсегда требуется уважение, потому что и самому господу неведомо, к чему они могут привести».

Вывод М. Герасимова: «Стоянка в с. Мальта по р. Белой принадлежит к древнейшим поселениям, известным в настоящее время в Сибири, характеризуя собою раннюю стадию верхнего палеолита этой части Азии»¹.

Радиоуглеродный анализ показал давность мальтинского жилища: около 24 тысяч лет.

Когда же пришли в Сибирь первые люди?

В разгар ледниковой эпохи почти половина Европы — от Британских островов до Уральского хребта — покоилась под мощным ледовым покрывалом толщиной до двух километров. Севернее простирался безмолвный и лишенный жизни «таймырский щит» — он был вдвое тоньше соседнего ледяного массива, но это обстоятельство не принесло лучшей участи территории: она тоже оставалась в летаргическом сне. Только на окраине кристаллической пустыни в летнюю пору зеленела тундра с кустарниками и карликовыми березками, поблескивали голубые озера — приоткрытые глаза уже проснувшегося пространства. Уж здесь-то была жизнь, тут-то слышался рев! Тяжело переваливались по кочкам сутулые мамонты с закрученными сверху желтоватыми бивнями. Неслись на стадо оленей шерстистые носороги. Тут же паслись и буйствовали дикие мускусные быки. Но грозным властителем древних животных был зверь, чей облик до сих пор восстановить не удалось: его называют «пещерным львом» — по нраву и по повадкам это было нечто среднее между нынешним львом и тигром.

К Байкалу с юга и северо-запада примыкали холодные степи, болота, тундра, а местами уже шумели деревья с опадающей по осени листвой. В хвойно-лиственничных лесах бродили олени, качая огромными ветвистыми рогами. На соседних юго-восточных территориях климат был мягче и суше, там поселились кулан, винторогая антилопа, страус — скорлупу страусовых яиц до сих пор находят на забайкальской земле. По топким болотам и на тихих озерах водились никем еще не пуганные утки, гуси, гагары.

Переселенческое движение в Северную Азию происходило разными путями, но называют три главных исходных очага: из Средней Азии, с Юга и Юго-Востока Азии, из Восточной Европы. По-видимому, эти первые сибирские переселенцы двинулись к неведомым северным краям, когда в Сибири образовались русла рек Оби, Енисея, Ангары и на их

надпойменных террасах, вблизи от воды, можно было устраивать жилище, находить камни для высекания огня и копать яму для очага. Они присматривались к повадкам животных, к их биологическим циклам, путям миграции и придумали сети-ловушки, сплетенные из кожи и волос.

Жилище, в которое нечаянно спустились мальтинские крестьяне, было сложено из крупных звериных костей. Бивни мамонта, его череп и бедренные кости, придавленные у основания известняковыми плитами, служили опорами сооружения. При недостатке строительного материала в дело шли и кости носорога. Но вершины изобретательства первобытные домостроители достигли при устройстве крыши: они использовали рога северного оленя, сцепляя отrostки рогов таким образом, чтобы получилась мелкая прочная сетка.

Посреди жилища в углублении находился очаг, где поlyphал костер,— сохранился пепел. Близко от очага лежали ножевидные каменные пластины, костяные наконечники, иглы, украшения из бивня мамонта: впечатление такое, будто человек в меховой парке недавно вышел отсюда в тайгу, чтобы скоро вернуться с добычей.

— Ну, попробуем? — предложил Герасимов приехавшему из Иркутска Бернгарду Эдуардовичу Петри, старейшему сибирскому археологу и своему учителю, приподнять известняковую плиту, под которой угадывалось вырытое в древности углубление. Они ухватились руками за край плиты и сдвинули ее в сторону.

И замерли... Из глины проступали странные красные пятна. Это была краска кровавик, которой первобытные люди обсыпали умерших: надеялись, что красный порошок — символ крови — даст покойникам жизненную силу в таинственном потустороннем мире. Что же, здесь должно быть захоронение?

— Кости... — неуверенно сказал Герасимов, показывая на едва различимые белеющие обломки. — Ясное дело, кости!

Верилось и не верилось: неужто такая удача, такая редкостная находка — первое погребение палеолитического человека в Сибири и во всей Азии!

Но еще больше изумились археологи, очистив хирургическим скальпелем косточку за косточкой... Перед ними был скелет ребенка, от роду трех или четырех лет.

Ребенок лежал головой на северо-восток, подобно взрослым покойникам из более поздних неолитических погребений. В овальной могильной яме нашли охотничьи доспехи: нож, наконечник копья... И все это не игрушки, а настоящее оружие. Мальтинские обитатели уже представляли себе разницу между жизнью и смертью, не пугаясь, а полагая смерть лишь формой продолжения жизни, где пригодятся орудия борьбы за существование. И никого не смущало, что речь идет о мальчике: в той темной безвестности, верило племя, ребенку предстоит расти и утверждать себя снова в мире опасностей.

Погребение младенца содержало намеки и на художественные вкусы мальтинцев. На лбу ребенка была диадема из мамонтовой кости, предшественница известных царских диадем античного мира — ее кушочки полукругом лежали у черепа. На шее обнаружили ожерелье из костяных бус, орнаментированную костяную бляху, на груди — резную летящую птицу, а на правой руке — костяной браслет. Трудно теперь сказать, все ли дети удостаивались таких почестей. Убедительным выглядит предположение, что причиной столь роскошного убранства явился физический недостаток ребенка: у него оказался второй ряд зубов. Древние племена наделяли уродов сверхъестественной силой и преклонялись перед ними.

Остатки черепа мальтинского ребенка находились в мастерской М. М. Герасимова в Москве, рядом с давно законченными и начатыми новыми скульптурными портретами — как зов, как напоминание, как мольба: он до последних дней мечтал приняться за портрет нашего маленького предка, но уж очень ограничен был костный материал, а ему хотелось добиться близости к подлиннику. Увлеченный портретами выдающихся деятелей русской истории, он где-то в тайниках души жил образом бесвестного палеолитического сорванца, надеясь все же додумать и воссоздать его облик, но так и не приступил к нему... М. М. Герасимов умер в 1970 году, оставив своим ученикам возможности новых решений.

В восьми километрах от Мальты раскопали еще одну палеолитическую стоянку — она оказалась на правом берегу Ангары у села Нижняя Буреть.

Мальта и Буреть открыли археологам мастерские ледниковой эпохи. Костяные фигурки стремительно летящих уток или гагар, подвески из бивня мамонта, бусинки из позвонков рыб... Ветер клубил снега по лесотундре, а в жилище было тепло, особенно близ огня, и когда есть в запасе мясо и лежат податливые камню белые кости, можно приниматься за эту тщательную, изнурительную, осмысленную резьбу и шлифовку, которой занимались не столько от избытка свободного времени — много ли его у охотника? — сколько от неистребимой внутренней потребности творить свой собственный мир. И, может быть, всего поразительнее было пристрастие первобытного мастера к изображению женщин. О, сколько он обнаруживал тут наблюдательности, восхищения, привязанностей, а возможно, и пылкой любви!

На этих двух сибирских стоянках оказалась половина всех найденных в мире костяных женских статуэток эпохи палеолита. Первые сибирские художники запечатлели женщин трех физических типов — по всей вероятности, они соответствовали реальному облику их родственниц или подруг. Женщины высокого роста, с узкими плечами, отвисшими и плоскими грудями; женщины низкого роста, полные, с широкими бедрами и небольшими грудями; женщины средних про-

порций, с широкими плечами, узким тазом и слаборазвитой грудью (по М. М. Герасимову).

Изображения обнаженной женщины, в большинстве случаев женщины-матери, с подчеркнутыми формами и акцентом на признаке пола, вряд ли можно объяснить только эротическими наклонностями художников. Скорее всего, они воплощали идею плодородия, материнства, продолжения жизни и наделяли образ женщины чудодейственной властью над природой и над судьбой.

Среди буретских и мальтинских скульптур оказались уникальные создания. Впервые в руках археологов были изображения женщин в меховой одежде, вполне по сибирскому климату. Первобытные портные научились орудовать костяными иглами, протягивать и вязать узлом тонкие сырые жилы и шить для людей своего племени двойные меховые парки: нижнюю одежду из песка мехом внутрь, а поверх одеяние из оленьей шкуры мехом наружу. Застежки скоблили из кальцита, который легко поддавался обработке оббитым камнем, а прорези-желобки резали такие же, как у нынешних брезентовых палаток. Одежда глухая, с капюшоном. Такой покроей и сейчас существует у охотников и рыбаков в Арктике.

Казалось бы, тут нечему удивляться: палеолитические племена долгие морозные зимы проводили в меховой одежде, потому первобытный скульптор и женщин запечатлел в оленьей шубе. Но художникам во все века было свойственно ставить в тупик своих потомков, и начало этой традиции мы видим уже в древнекаменном веке. Археологи до сих пор не могут объяснить, отчего среди множества скульптурок, обнаруженных за долгие годы раскопок, лишь три ангарские оказались в «мехах» и почему приледниковая Европа, где климат был не мягче, чем в Сибири, не оставила ни одной палеолитической фигурки, закутанной в одежды. Всего три в мире — и все сибирские! Не считать же, в конце концов, что у сибиряков уже и в те времена были построже нравы... Предположений может быть тьма, но истинной причины мы все равно не узнаем, по крайней мере, до новых находок «палеолитических Венер», одетых если не в меха, то хотя бы во что-нибудь демисезонное.

В сибирских музеях собраны украшения первобытного человека: подвески, браслеты, ожерелья, кольца из кости и камня. Обилие находок не может служить свидетельством древности женских слабостей. По утверждению археологов, у некоторых северных народностей, к примеру у эвенков, мужчины украшали себя с тою же старательностью, что и женщины, а иногда и превосходили своих подруг в изобретательности.

Верхний палеолит Сибири считают крупным центром изначальной художественной культуры человечества, вполне конкурирующим с известными палеолитическими очагами Европы.

Новейшее изучение памятников палеолита поколебало тривиальные представления и об интеллекте первобытного человека. Оказывается, он был не так прост! Изготавливая орнамент, охотник учитывал количество графических единиц, группировал их в определенном сочетании, короче говоря, пользовался счетом. Он выяснял число людей в общине, считал убитых зверей, умел разделить их поровну между всеми. В графике палеолитического охотника замечен акцент на числах пять и десять. Может быть, он считал на пальцах? Ведь вот гренландцы число пять называли словом «рука», а про восемь единиц говорили: «На другой руке три...»

И еще обнаружилась привязанность древних людей к числу семь... Группировка штрихов по семь видна на мальтинских женских статуэтках и на бляхе со спиралью, найденной на тех же раскопках. Не случай это, наверное, а сознательное обозначение числа — доступный охотнику счет четырех фаз Луны продолжительностью по семь суток. И кто знает, та бляха или статуэтка — не это ли первый «лунный календарь»?

Изучение наскальных рисунков привело и к другим интересным гипотезам. Если изображения довольно точно передают внешний облик, анатомические черты, характер поведения животных, то не свидетельствует ли это о том, что первобытный художник кое-что понимал в зачатках зоологии, анатомии, физиологии? И если в процессе работы над рисунками или статуэтками он имел дело со свойствами кости, рога, камня, наносил на них различные штрихи и узоры, то не значит ли, что он разбирался в исходных моментах геометрии и механики².

Палеолитический охотник, между тем, почти всегда находился в движении. Можно считать, что именно его ногами протоптаны и первые тропы на север — впоследствии они помогли человеку обживать обширные новые пространства. И когда бываешь в молодых сибирских городах и видишь памятники нашим современникам — кто первым спускался на вертолете или добирался на лодчонке в глухие места строить гидростанции и заводы, отдаешь им должное и все же думаешь, что вполне достойны памятника и те истинные безымянные первобытные пионеры Сибири, которые поставили здесь свои жилища раньше наших современников на пятнадцать — двадцать, а может быть, и на тридцать тысяч лет.

К какому физическому типу принадлежал обитатель Мальты и Бурети? Ученые располагают ограниченным и в общем-то скудным материалом раскопок, а потому бытует множество разных гипотез. Мне хотелось услышать суждения А. П. Окладникова, крупнейшего знатока сибирских древностей: он в 30-х годах раскапывал стоянку в Бурети.

— Видите ли, это дело тонкое и спорное, — рассказывал А. П. Ок-

ладников весной 1970 года.— Для расовой диагностики нужна лицевая часть черепа, а ее найти пока не удалось. Мальтинский ребенок — о нем ничего не скажешь: сам он слишком маленький, плохо сохранился, только черепная крышка. Сенсацию принес 1937 год: француз Ш. Фромаже, участник XVII Международного геологического конгресса в Москве, во время знакомства делегации с палеолитическим памятником Афонтова гора под Красноярском, поднял из культурного слоя обломок человеческого черепа. Это была лобная кость с переносьем. Фромаже высказал мысль — с ней согласились и антропологи, — что находка обладает чертами монголоидной расы... Но есть еще инвентарь и орудия. Тут картина получается интересная: костяной инвентарь Мальты и Бурети теснейшим образом связан с палеолитом Западной и Восточной Европы. Очевидно, в происхождении этой культуры принимали участие племена, которые населяли Восточную Европу, в частности долину Дона, где известны погребения палеолитических людей. Там отчетливо выражены два типа: кроманьонец и негроид, представитель южного типа. Значит, гипотетически можно думать, что кроманьонцы и негроиды принимали участие в формировании верхнепалеолитической культуры Мальты и Бурети.

— Ну, а как же буретская статуэтка, у которой явно раскосые глаза? — спросил я.

— В том-то и штука... У всей массы мальтинских статуэток лица примитивны и невыразительны, а вот у этой лицо тонкое, пластичное, нежно моделировано. У нее действительно раскосые глаза, угадывается уплощенность лица и скулы, как у монголоидов. Это заставляет думать, что существовали две группы палеолитического населения: с одной стороны, европеоиды и негроиды, которые пока не найдены в Сибири, и, с другой стороны, монголоиды, вернее сказать, древнейшие монголоиды, прамонголоиды, создатели буретской статуэтки... Между прочим, эта статуэтка чуть было не уплыла в Японию, только чудом удалось ее спасти.

— В наше время? — удивился я. — Какой-то детектив.

— Чистый случай... В Иркутском музее собирались подарить японцам муляж буретской статуэтки в «меховой одежде». А муляжи были настолько хорошо сделаны, что даже мне трудно было отличать их от подлинника. Я совершенно случайно оказался в музее в тот день, когда посылка готовилась к отправке. Взял в руки муляж и, на всякий случай, царапнул его перочинным ножом. Смотрю — кость, кость! Это был не муляж, а подлинная буретская статуэтка. Боже, что мы могли наделать...

— Алексей Павлович, можно ли считать жителя Мальты и Бурети «самым-самым» предком сибиряков?

— Этот человек был вполне мыслящим и по внешнему виду почти не отличался от современных людей. До последнего времени не

было оснований считать, что гомо сапиенс, человек разумный, появился в Сибири раньше. Но в 1954 году в долине реки Чарыш обнаружили Усть-Канскую пещеру, а в ней кости вымерших животных и орудия труда неандертальцев. Таким образом, человек появился в Сибири значительно раньше, пятьдесят или даже сто тысяч лет назад.

— Значит, можно считать усть-канских неандертальцев первыми сибиряками?

— Мы были уверены в этом, пока не открыли археологический памятник в Горно-Алтайске на реке Улалинке. Шли мы с друзьями по городу и случайно подняли обработанный камень. Видим — рядом такой же. Мы находились у подножья террасы, у мощной толщи суглинков с крупными гальками. Весьма подозрительное место... Центр города! Стали копать и подняли свыше 500 галечных орудий. Эта уникальная древняя стоянка значительно старше всех других палеолитических поселений Сибири. Ее возраст колеблется в амплитуде от 100 до 200 тысяч лет, а может быть, и еще больше. Обитатель Улалинки — архантроп стоял на одной из первых ступенек эволюции человека.

— И нет никаких намеков на его облик?

— Рас современного типа тогда, видимо, еще не было. Они появились лишь в верхнем палеолите. А о внешнем облике архантропа можно только догадываться. Может быть, он был мохнатый. У него низкий череп, сильно выступали надбровные дуги, между лбом и надбровьем был валик — его называют глабеллой. Говорил плохо, передвигался, балансируя и почти касаясь руками земли. Мы имеем дело с самым древним из обнаруженных в Сибири бесспорных археологических памятников. По-видимому, Алтай был одним из центров раселения человека по всей Северо-Восточной Азии.

— Ну, а сам улалинский архантроп, откуда появился он?

— Думаем, что Южная Сибирь была среди очагов становления человека. Во всяком случае, обнаруженные здесь архаичные рубила, я бы даже сказал, проторубила относятся ко времени обитания синантропов. Эти обезьянолюди попали на Алтай скорее всего из Центральной Азии.

Окладников пожал плечами, как бы давая понять, что ручаться пока ни за что невозможно, впереди еще много работы: копать, копать, копать...

В 1976 году на берегу Белого Июса, у отрогов Кузнецкого Алатау (Хакасия) обнаружили земляные домики с куполообразными крышами, каждый площадью с приличную современную квартиру, что-то около пятидесяти квадратных метров, люди жили там круглый год, поддерживали огонь и, сидя на корточках, скребли шкуры, оттачивали каменные топоры, готовили орудия из костей животных, растирали железную руду, мешали ее с жиром, получали краски, разукрашивали

себя и утварь. Жителям этого палеолитического поселка ниспослано было явное художественное дарование: археологи нашли каменную фигурку черепахи и кусочки железной руды, очень напоминающие в сборе духовой инструмент вроде флейты. Если они действительно имеют отношение к извлечению звуков, то очень может быть, что хакасская «флейта» войдет в число самых древних музыкальных инструментов на земле.

Поселку у Белого Июса 34 тысячи лет, он на десять тысяч лет старше Мальты, и его уже называют как новый аргумент в пользу тех, кто числит Сибирь в ряду районов земного шара, где происходило превращение обезьянолюдей в людей современного типа, или «людей разумных».

В переходный период от древнекаменного века к новокаменному (неолиту) замечается рост населения: сибиряки занимают новые пространства, недоступные в ледниковое время, а теперь привлекающие зеленью кочковатых равнин, обилием воды и пригодного для обработки камня. Крупные сообщества палеолитических охотников становятся громоздкими и неудобными, они дробятся на мелкие группы. Видимо, на этой основе впервые возникает племенная организация, а с нею перемены в материальном производстве и в образе жизни.

Охотник мезолита (переходной поры) жил на берегах Ангары, у устья речки Белой, в красивой лесостепи, которая много позже стала окрестностью Иркутска, а тогда, одиннадцать и десять тысяч лет назад, ее сочные травы привлекали тонконогих косуль, тучами спускавшихся в низину с высоких заснеженных гор. Косули щипали траву и замирали, издали почуяв человека и собаку. Охотник приручил собаку, она послушно побежала за ним вослед. Он шел, забросив за спину свой первый и еще не слишком меткий лук и привязав обрезками шкуры сбоку к поясу кожаный колчан с торчавшими стрелами. По пути он собирал листья черемши, клубни саранки, дикую гречу, карлык — знакомые съедобные растения.

Мезолитического человека можно называть дедушкой сибирского рыболовства. Он придумал резать из оленьей трубчатой кости рыболовные крючки с отогнутым острием, как современные стальные, при этом насад украшал нарезками для прочной привязи к леске из жил или растительных волокон. Но верхом его творчества была острога — три или два костяных острия, привязанных к палке. Весной он появлялся на мелких перекатах и шиверах, бил острой осетров, которые шли на нерест. А зимою долбил во льду прорубь и колол сонную рыбу в ямах. Очень может быть, что он знал лодки и плоты, умел «лучить» и плел сети. По мнению археологов, его снасти могли бы соперничать с рыболовной техникой неолита в Японии.

Но лично во мне мезолитический человек вызывает особую симпатию своей привычкой, где бы ни поселился, на некотором расстоянии от жилища рыть «хозяйственную яму» для свалки мусора. При раскопках стоянки Усть-Белой вскрыли пять таких ям, доверху заполненных бытовыми отбросами, битыми костями, мелкими отщепами, разными обломками. Ямы были завалены землей и обозначены бугорками. Не думаю, что обитатели боролись за звание «стоянка высокой культуры», но, живя на одном месте, они заботились о чистоте жилища, убирали мусор с тропы, сгребали отбросы на свалку, оставляя будущим поколениям не только зачатки чистоплотности и гигиены, но и бережного отношения к природе.

В неолите охотники вышли к Ледовитому океану и поставили вдоль берегов свои жилища, которые у одних северян зовутся чумами, у других голомо, у третьих юртами, у четвертых тордохами... Этому изобретению странствующих племен суждено было дожить до наших дней. И теперь, когда кочующую семью совхозных оленеводов переводят на оседлость и ставят для нее в поселке бревенчатый дом, люди первым делом собирают во дворе традиционное конусообразное жилище, тем самым не только отдавая дань вековой привычке, но и стремясь к удобствам — здесь размещают нечто вроде легкой летней кухни, где в дымной прохладе не бывает мошки и можно отдыхать, сняв с головы накомарники.

Хочется пробиться воображением через толщу веков, представить знакомые места много тысяч лет назад, приглядеться к племени каменного века. Звериные мохнатые шкуры, сшитые тугими жилами, покрывают тело первобытных охотников. Они сидят у костра, правят каменные ножи, готовясь к утренней охоте. Они убивают ровно столько животных, сколько им требуется, чтобы быть сытыми, одеть себя, покрыть шкурами шалаши. И хотя диких зверей тогда было много, а охотников сравнительно мало, первобытные племена интуитивно старались оградить животных от напрасного истребления. Придумывали всевозможные ограничения, запрещения, обряды. И когда убивали зверя, то причитали, как бы извиняясь перед ним: «Не я тебя убил, другой тебя убил...»

Древние охотники при всей примитивности хозяйственного уклада, наивных верованиях и страхах перед стихийными силами природы все же старались жить не одним днем. Они были заинтересованы сохранять в своих лесах животный мир, чтобы не попасть в зависимость от соседних племен. Существовали в тайге и так называемые «шаманские места», где по общему уговору охота на зверя запрещалась, никому не дозволено было применять на тех территориях лук или хотя бы легкое копье — пальму. Это были древнейшие заповедники.

Люди неолита рисовали на скалах фигуры лосей, идущих друг за другом, — поклонялись самой идее воспроизводства диких зверей, да

и вообще обитателей тайги. Молодых охотников приучали быть особенно внимательными к самкам, ожидающим детенышей. Существует много наскальных рисунков охоты на лося. Стянутые тетивой луки и летящие в сторону зверя стремительные стрелы. Но не встретишь рисунка, где оружие было бы направлено против лосихи, ожидающей лосенка. Вот и судите о проникательности людей, которых кое-кто зовет дикарями.

Они не понимали связей и равновесия в окружающей среде, а потому невольно были и первыми разрушителями природных ресурсов. Валили деревья на склонах гор, а ливневые потоки с грохотом устремлялись в низину, сносили стойбища... Природа шаг за шагом внушала человеку: так со мною поступать нельзя, за нарушение моих законов я требую серьезной, иногда катастрофической платы.

Присматриваясь и запоминая, неолитический охотник учился ладить с природой, приспособлялся к ней. Не раз и не два он держал в руках зеленый камень нефрит, пока не уверовал в его прочность; в хозяйстве появились нефритовые ножи, топоры, украшения; а глина, крошась между пальцев, смущала своею податливостью и волновала воображение новыми робкими формами; он догадался обмазывать изнутри глиной плетенный из веток сосуд-водоноску и заметил, что влага теперь не уходит из сосуда и ее можно хранить в жилище; а однажды сосуд упал в огонь, тут бы огорчиться утрате, но случилось невероятное превращение — ветки сгорели, а глина осталась цела, стала подобна камню, да еще сохранила отпечатки ветвей и листьев; тогда он вылепил из глины круглодонную посуду и, возбужденно радуясь, стал палочкой, острым камешком, а то и ногтем выводить по глине орнамент. Наконец, его осенила идея, предопределившая на тысячи лет вперед уклад жизни человечества: в горшок с водой он опустил мясо, рыбу, коренья и поставил горшок над огнем. Новая пища обжигала губы, но все-таки пришлась ему по вкусу. Он стал бросать в горшок все, что попадало под руку, и можно только гадать, сколько бывало горьких и обидных трапез, без пользы и без удовольствия, пока он не отобрал растения и плоды, приятные на вкус и укреплявшие силы. Так, в долгих и мучительных опытах зарождалось кулинарное искусство, а с ним возникла традиция застолья и хлебосољства.

По заключению антрополога Г. Ф. Дебеца в эпоху неолита на территории нынешнего Прибайкалья и Забайкалья обитали люди явно монголоидного типа, в отличие от Западной Сибири, где убедительно хозяйничал европеоидный тип. Граница между обеими расами проходила, по-видимому, по долине среднего течения Енисея³.

Кто же были первые засельщики Северной Азии?

Еще недавно, лет двадцать пять — тридцать назад, ни один из уважающих себя ученых не взялся бы и гадать об этом: случайные единичные находки, обнаруженные не столько специалистами, сколь-

ко местным населением, даже намекнуть не могли на содержание древних культур, на границы и продолжительность их существования. Незадолго до начала Отечественной войны, в 1940 году, в Якутию направилась Ленская историко-археологическая экспедиция. Шесть лет раскапывали памятники в долине Лены, Хатанги, Колымы. Эти открытия впервые дали возможность представить хотя бы приближенно доисторическое прошлое северных окраин Сибири.

Второй этап изучения северных древностей можно отнести к 60—70-м годам, когда в Якутии создали постоянно действующую археологическую экспедицию и она стала обследовать не изученные раньше районы северо-востока Сибири.

Археолог С. А. Федосеева проводила изыскания в верховьях Вилюя, на тех обширных глухотных площадях, которые попадали в зону затопления Вилюйской ГЭС. Она за пять лет прошла по Вилюю, Чоне, Чиркуо, Ахтаранде около полутора тысяч километров и еще пятьсот километров пробиралась охотничьими тропами с Вилюя на Нижнюю Тунгуску. В этих странствиях нашла двадцать три археологических памятника, в том числе больше десятка стоянок первобытного человека.

По всей вероятности, древнейшие обитатели Вилюя появились в конце палеолита. Они принадлежали к монголоидным племенам, которые впоследствии принимали участие в формировании тунгусской (эвенкийской) народности. Вилюйцы поддерживали связи с кочевавшими к востоку от них палеоазиатскими племенами, скорее всего, с юкагирами, но за пять тысяч лет (с IV тыс. до н. э. до I тыс. н. э.) их этнический состав оставался неизменным: следы каких-либо пришельцев в ту эпоху не замечены⁴.

Археологическая экспедиция во главе с Ю. А. Мочановым исследовала долину Алдана. Неподалеку от поселка Белькачи на левом берегу реки обнаружили многослойную стоянку с четкой стратиграфией всех культурных слоев. Редкостная удача! Таких стоянок, позволяющих выделить культурные комплексы на основе бесспорных стратиграфических материалов, до той поры не встречалось в Сибири. Археологи собрали ценнейший инвентарь палеолита и неолита на Крайнем Севере.

Мочанов разработал периодизацию каменного века Якутии. Радиоуглеродный анализ принес четкие временные границы культуры, присущих каждому этапу древнейшей истории края. Первые охотники и рыболовы появились на северной земле в эпоху голоценового палеолита (VIII—V тыс. до н. э.). В некоторых якутских местностях люди появились еще раньше, но следы их пока столь слабо выражены, что археологи не берутся утверждать что-либо наверняка об их судьбе.

Итак — белькачинцы... Во времена неолита, где-то уже в III тыс. до н. э. белькачинцы широко населяли пространства Якутии. Это были общительные люди, они поддерживали связи с соседними племена-

ми и даже оказывали влияние на их культуру. Установить факты влияния помогла белькачинская глиняная посуда со своеобразным орнаментом: поверхность покрывали отпечатками шнура. Фирменный знак белькачинской керамики. Следы этой культуры замечаются до Чукотки и побережья Берингова пролива. И еще дальше — посуда с отпечатками шнура проникла к древним племенам Северной Америки. На это обратили внимание и американские археологи. Они тоже считают, что шнуровая керамика попала на территорию Америки из Азии, но когда и каким путем это произошло, не берутся судить. Ю. А. Мочанов доказывает, что именно неолитическая белькачинская культура оказала влияние на формирование культур северо-запада Нового Света⁵.

— Что же это был за народ, первожителю Крайнего Севера? — спрашивал я Мочанова в Якутске.

— Думаю, что за археологическими культурами каменного века Якутии стоят предки многих народов. Наверное, не все из них дожили до наших дней, иные перебрались в новые края. Во всяком случае, когда речь заходит об этнической принадлежности, я сторонник очень осторожных суждений. Мне не по душе поспешное отождествление древнего населения с прямыми предками ныне живущих народов Крайнего Севера. Нужны совместные комплексные изыскания археологов, антропологов, этнографов, историков, лингвистов...

Первая мысль о возможной связи палеолитических сибирских охотников с древними обитателями Северной Америки возникла лет четыреста назад, когда испанский монах Хосе де Акоста высказал предположение о существовании в далеком прошлом сухопутного моста между Старым и Новым Светом. С тех пор появилось множество теорий, пытающихся ответить на уже тривиальный вопрос: кто же в доколумбову эпоху открыл Америку? Вслед за испанским монахом за азиатскую гипотезу высказались голландец Иоганнес да Лает и англичанин Томас Гейдж.

В XVII веке М. С. Мусин-Пушкин, поначалу служивший в Сибирском приказе в Москве, а затем назначенный енисейским воеводою, тоже настаивал, что первыми поселенцами американского материка были выходцы из Северо-Восточной Азии. Кто знает, как успешно он между хлопотными воеводскими обязанностями предаваться раздумьям о глубокой старине, тем не менее в его суждениях была последовательность и стройность: вдоль ледовито-морского побережья первобытные охотники промышляли моржей, нерп, голубых песцов, северных оленей, добывались до Медвежьих островов, расположенных севернее устья Колымы в Восточно-Сибирском море, обживали их и продолжали промысел в этих новых и еще богатых зверем местах.

Морские течения и ветры отрывали паковые льдины, несли их со случайно оказавшимися там людьми к Чукотскому морю и оттуда к северной оконечности Америки. Арктические охотники выходили на промысел семьями, потому нечего и удивляться, что первые жители побережья Аляски оказывались «одинакового вида с островитянами». Эту догадку легко опровергать, но вряд ли можно отказать ей в логичности и здравомыслии.

Древние люди обладали множеством утраченных ныне навыков приспособления к суровой природе. Пользуясь огнем, а может быть, трением запасенных деревянных брусков, первобытные полярники добывали огонь, подкладывали в очаг высушенные кости зверей (по выражению П. П. Ефименко, кости мамонта были «коксом палеолита»), растапливали отколотый от торосов чистый лед, получая пресную воду, а охота на зверя давала пищу, одежду, обувь. В весенние месяцы, особенно в апреле и мае, температура воздуха над арктическими льдами в наши дни держится в пределах минус 30—35 градусов по Цельсию и редко опускается ниже. Но предположим, что в древние времена было холоднее: и в таком случае шкуры песцов, оленей, белых медведей могли укрывать жилища от ветра и холодов. Если бы удалось установить направления морских течений в районе Медвежьих островов и розу ветров той поры, то о возможностях переселения людей на льдинах к побережью Америки можно было бы говорить определеннее. Найдутся ли энтузиасты, готовые проверить эту гипотезу на ледовом «Кон-Тики», оторванном весенними ветрами от Медвежьих островов?

Суждения о северо-востоке Сибири, как об обширном коридоре, по которому следовали самые первые засельщики Америки, бытовали и в XVIII веке, занимая образованных и думающих людей. К интересной мысли пришел Ф. Х. Плениснер, командир Анадырской крепости. Он много лет прожил на северо-востоке, был организатором санных походов к Медвежьим островам. Размышляя о древних миграциях населения, он в своих дневниках описывал возможный в прошлом сухопутный мост между Азией и Аляской: по этому мосту, полагал он, первобытные сибиряки вслед за стадами мамонтов незаметно перешли на новый материк, где природа была схожа с привычными для них местами — снежные горы, тундра, озера... Эти путешественники и стали первыми североамериканцами, открывателями и первооткрывателями Нового Света.

По сообщению доктора исторических наук Ф. Г. Сафронова, записки Ф. Х. Плениснера хранились среди дел Сибирского приказа, в печати никогда не появлялись и потому вряд ли могли быть широко известны даже его современникам. Тем не менее выводы позднейшей и сегодняшней науки (истории, геологии, археологии, палеозоологии и палеоботаники) почти полностью совпадают с затерянным среди ста-

ринных рукописей предположением анадырского командира. По мнению ученых, в эпоху верхнего палеолита, 30—20 тысяч лет назад, уровень Мирового океана был ниже нынешнего метров на девяносто, а между тем, даже если бы он понизился на одну треть этой величины, то и в таком случае обнажилась бы Берингия — поднявшийся над водой сухопутный перешеек между Чукоткой и Аляской. Это был, наверное, холмистый мост, по площади в одну треть нынешнего Берингова моря: от Алеутских островов на юге до 70-й параллели на севере. Существовал мост около 20 тысяч лет (принято считать, что пролив окончательно отделил Азию от Америки 10—11 тысяч лет назад) — было достаточно времени, чтобы палеоазиатский человек добрался до Берингии, прошел сухопутный коридор и поставил свои первые жилища на американской земле.

Великая догадка Федора Христиановича Плениснера! Но понадобилось около двух веков, чтобы наука привела в пользу этой гипотезы более или менее веские доказательства.

Сейчас почти все крупные ученые-американцы соглашаются, что первые люди пришли в Америку из Азии через Чукотский полуостров и дальше по Берингии.

Но вот предмет новых гипотез и дискуссий — какими тропами добирались сюда первобытные люди, откуда они начинали свой путь, из каких очагов первоначального поселения?

Наиболее распространенными еще недавно были две точки зрения: согласно первой, будущие американцы начали движение из Восточной Азии и пробирались вдоль тихоокеанского побережья; согласно второй, путешествие их начиналось еще дальше, в приледниковых равнинах Европы, оттуда они шли через всю Азию в область Берингии. Бытуют и другие предположения, по-своему интересные, но одинаково слабо подкрепленные археологическим материалом, добытым на северо-востоке Азии и на Аляске — по обе стороны проходного коридора Берингии.

В 60—70-х годах Академия наук СССР предприняла широкие археологические раскопки в Сибири и на побережье Тихого океана. Обобщая новые материалы и принимая во внимание работы американских археологов на Аляске, Ю. А. Мочанов отверг уже известные теории первоначальных миграций человека в Америку. Первая «тихоокеанская» гипотеза не годилась потому, что палеолитический человек шел на север за стадами мамонтов, а в ту эпоху физико-географические условия на побережье Тихого океана севернее Амура не были благоприятными для обитания крупных стадных животных. Вторая «европейская» гипотеза также отпадала. Во времена палеолита повысился уровень Каспийского моря, образовались серьезные водные преграды, и на юг продвигались ледники, вряд ли доступные первожителям.

По мнению Ю. А. Мочанова, заселение Северо-Восточной Азии и

Аляски проходило тремя этапами. Первый этап (35—22 тысячи лет назад) падает на то древнейшее время, когда население Центральной Азии (Монголия, Маньчжурия, Алтай, Тува, Прибайкалье) стало увеличиваться и искать новых территорий. На юг продвигаться не имело смысла из-за уже значительной в ту пору плотности населения, поэтому оставался естественный путь: вслед за стадами животных перемещаться к северу, по тундре и лесотундре Якутии, а оттуда на Чукотку и через Берингию — в Америку. Отдаленные потомки выходцев из Центральной Азии добрались до Плато Прерий и создали своеобразные палеоиндейские культуры типа Сандиа-Кловис.

— Как далеко к югу могли продвинуться эти палеоиндейские культуры? — спрашивал я Мочанова.

— Думаю, что 10 тысяч лет назад некоторые из них могли достигнуть Патагонии и выйти на берег Магелланова пролива.

Второй этап заселения Аляски (22—10 тысяч лет назад) относят к эпохе, когда в Сибири началось сартанское оледенение, а в Америке — классический этап висконсинского оледенения. Громадные непроходимые ледники отделяют Аляску от остальной Америки и снова соединяют ее с Чукотским полуостровом широким сухопутным мостом. На десять тысяч лет Аляска становится составной частью Азии, а не Америки. Тут уж не было никаких преград для продвижения азиатов дальше на восток. Не потому ли так схожи клиновидные нуклеусы, найденные на Аляске, с каменными орудиями на стоянке Ихине в низовьях Алдана, в отложениях сартанского времени? Такие же обработанные камни обнаружили на палеолитической стоянке Красный Яр на Ангаре и на стоянке Икарал в Забайкалье — хоть составляй маршрутную карту великого переселения.

Третий этап (10—6 тысяч лет назад) связан с открытой в долине Алдана новой культурой — сумнагинской. Ее стоянки есть также на Лене и на Вилюе. Охотника-сумнагинца можно было сразу отличить: у него в руках уже не просто камень, а усложненное орудие из кости и кремневого вкладыша. Увлекался он изготовлением и микроорудий.

В эту эпоху Азия снова отделяется от Америки нынешним Беринговым проливом. Но в культуре аляскинцев чувствуется влияние сумнагинцев. Видимо, сумнагинцы успели новой миграционной волной хлынуть на американскую землю. Тут еще многое предстоит изучить.

— Согласны ли американцы считать своей родиной Азию, и в частности Сибирь? — спросил я Мочанова.

— За всех не могу поручиться, но вот летом 1969 года Якутию посетили южноамериканцы. Они уверяли, что приехали навестить страну своих самых ранних предков... Земляки!

Новые свидетельства древних контактов Сибири и Америки принесли совместные работы советских и американских археологов на Алеутских островах (1974), а затем на Байкале (1975), когда удалось уста-

новить много общего в физическом типе обитателей соседних материков, похожих, как говорили ученые, на одно поселение, разделенное рекой. При раскопках обнаружили новые сходства в материальной культуре и в образе жизни первобытных племен, населявших Северную Азию и после мигрировавших в Северную Америку. Профессор Коннектикутского университета Вильям Лафлин, руководитель американской группы, говорил в прощальной речи на ученом совете Института истории, филологии и философии в Новосибирске:

— Мы нашли, что коренные жители Америки — эскимосы, алеуты, индейцы — действительно пришли в Новый Свет из Сибири. Первые поселенцы были не многочисленны, их могло быть около пятисот человек. И, возможно, от этого числа начался тот рост американского коренного населения, которое встретило Колумба уже в количестве трех миллионов человек⁶.

Первые орудия из металла появились у сибирских племен в начале II тысячелетия до нашей эры: иглы, шилья, ножи, рыболовные крючки, выкованные из меди, найденной охотниками в горах. Немало прошло времени, пока древние люди, вернее сказать, самые сообразительные из них попытались отбить кусок руды и расплавить его на огне. Литейное дело стало принимать широкий размах. Начинающие сибирские металлурги отливали ножи, мечи, кельты — порою сложных очертаний; в обиход входили бронзовые котлы и бронзовые наконечники стрел, все чаще звеневших над азиатскими землями.

Пожалуй, первыми из сибиряков научились добывать и ковать металлы афанасьевские племена. Их землянки и срубы стояли в горах Алтая и в Минусинских степях в конце III и начале II тысячелетия до нашей эры. Им еще были привычны каменные топоры, наконечники стрел, терки и колотушки, но, заметив в горах самородную медь, или золото, или серебро, а то и железо, и взвесив на ладони таинственную тяжелую находку, они уже не бросали ее в сторону от тропы, а приносили в жилище, разглядывали всем племенем у домашнего очага и пробовали бить камнями. У горных толщ разводили костры, вклинивали камни в горячие трещины — отбивали руду. Однажды их осенила великодушная идея ковать из металлов украшения. Может быть, от них и пошла ювелирная промышленность Сибири... Металлические орудия труда появятся много позже.

Афанасьевца считают и первым сибирским скотоводом. Он попытался рыхлить землю, выращивать злаки, а главное — разводить коров, лошадей, баранов, и эти занятия ему нравились. Он не был склонен ограничивать круг интересов и, когда выпадало время, лепил яйцевидные глиняные горшки от крошечных до гигантских, вместимостью

двести литров. По облику его относят к европеоидному этническому типу, схожему с европейским типом кроманьонца.

Археологи полагают, что культура афанасьевских племен не связана с культурой народностей, обитавших к востоку от нее, и представляет собой как бы окраину близкой ей культуры европеоидных племен Евразии. Горы Урала не были высоки настолько, чтобы помешать первобытным путешественникам. Памятники дают основания предполагать, что 4 тысячи лет назад существовали какие-то отношения между сибиряками и обитателями Поволжья, Приуралья, Средней Азии, а может быть, даже и далеких степей Причерноморья. Нам трудно представить конкретные транспортные средства той поры, мы могли бы снисходительно улыбнуться древним скоростям, но сам факт общения значителен и важен.

...В Хакасско-Минусинских степях высокое солнце опалает одинокие камни. Их так много, что если смотреть с высоты, то можно подумать, что это галька проросла и дала такие всходы. Енисейские крестьяне тут находили изделия из бронзы, много старинных кривых ножей с художественными навершиями. В степях когда-то бродили «бугровщики», промышлявшие раскопками богатых погребений. По сообщению минусинского окружного начальника, в 1830-х годах была ограблена могила местной богачки Тамай, которая, «будучи на том свете бездыханной, лишилась в числе прочих вещей четырех шуб, двух шапок, седла и пол-штофа водки с чашкой».

Сколь ни вездесущи были «бугровщики», все же главную ценность енисейских степей суждено было отыскать ученым. Уже исследователи XVIII века Д. Мессершмидт, Ф. Страленберг, П. Паллас, И. Гмелин обратили внимание на высокие серые камни: их плоскости испещрены рисунками. Чего тут только не разглядишь — человеческие маски, образы зверей и неведомых существ, шаманы в причудливых наголовниках... И личины с тремя глазами! Этот удивительный музей под открытым небом оставили какие-то древние племена Енисея, от природы наделенные художественным дарованием и безудержной фантазией. Что это были за племена?

На Енисее и раньше проводились археологические исследования, но размаху и темпам помогло строительство Красноярской ГЭС. Мы уже не в первый раз наблюдаем, как строительство гидроузлов ускоряет археологические раскопки: тревога о бесследном затоплении важнейших исторических памятников заставляет сосредоточиться и поторопиться. Хотя с горечью думаешь: неужто обязательна угроза, чтобы изучение древностей шире развернуть в Сибири?

Красноярская археологическая экспедиция М. П. Грязнова раскопала несколько могильников. В 1963—1964 гг. на левом берегу Енисея открыли каменные ящики-гробы: стенки ящиков испещрены знакомыми рисунками. Вместе с инвентарем нашли и образцы искус-

ства далеких предков. Миниатюрные скульптурные портреты очень походили на изображения каменных плит в степи. Выяснилось, что захоронениям четыре тысячи лет.

Эту культуру археологи назвали окуневской — по месту раскопок первого кургана близ Окунева улуса в Хакасии. По мнению ученых, окуневская культура явилась не результатом развития культуры афанасьевского человека, а была привнесена извне — носители новой культуры сменили на этой земле своих афанасьевских предшественников. Окуневцы имели отчетливо выраженные монголоидные черты. В короткое время они расселились широко, оставив следы по берегам Енисея, Абакана и их притоков. Занимались скотоводством, но не бросали охоты и рыболовства. Женщины пряли, ткали, лепили глиняную посуду и были весьма разборчивыми модницами — они носили ожерелья из клыков медведя и украшали ткани мелкими белыми бусами из жировика-стеатита.

На каменных плитах изображены почти одни женщины. Это дает основание полагать, что художниками были мужчины: они поклонялись в образе женщины материнскому началу и славили ее красоту. Недаром же древний скульптор изваял «Кыс таш» (Девицу-камень) с распущенными длинными волосами и с глубокими глазами. Просто прелесть это лицо! Правда, впечатлению мешает третий глаз на милом женском лбу. Кто знает, какой намек вкладывали в свою причуду окуневские мастера. Может быть, это украшение головы или важный ритуальный знак?

Окуневские рисунки, если к ним присмотреться, двух разных почерков — реалистические и нереалистические. Приверженцы неолитического реализма изображали, что видели: округлое лицо, два глаза, нос, подбородок. Одним словом, все от натуры и почти ничего от игры воображения. А их творческие конкуренты наделяли модели чертами, подсказанными неистощимой фантазией, — бычьими рогами, полосами поперек лица, лучевыми коронами, странными головными уборами.

В те времена, очевидно, реалисты не сумели доказать преимущества своего метода или, во всяком случае, терпимо относились к произведениям иных художественных стилей — не разрушали их каменными топорами, а оставляли стоять в степи, под тем же небом и тем же солнцем. Узоры мастеров, первобытных выдумщиков, поддаются расшифровке, их можно перечитывать, как книгу с глубоким смыслом, и тогда увидишь, тогда почувствуешь, испытав на мгновение страх и радость, как окуневцы-охотники справляли у ночного костра культовый обряд, состязаясь с пламенем изгибами озаренного огнями тела, и как проступают фрески на церковных стенах, так на степных камнях, отглаженных снегом и дождями, являются лики божества и лики устрашающего идола, какими они виделись древнему художнику и людям его племени.

Не меньше хакасских статуй занимал меня человек, отважившийся кочевать по пыльной степи, искать эти камни, торчащие над голой пустынной землей в десятках и сотнях километров друг от друга, чтобы описать их, зарисовать, вырыть из земли и на лошадях, на самосвалах везти громадины через холмы и реки в Абакан. Археолог Альберт Николаевич Липский, участник экспедиций П. К. Козлова и В. К. Арсеньева, вывез и установил во дворе краеведческого музея больше сорока каменных идолов. В нашей стране нет другого столь богатого собрания памятников этого типа. Они старше идолов острова Пасхи на две тысячи лет и, по мнению местных патриотов, стоят выше их и в художественном отношении.

Не знаю, я не видел статуй острова Пасхи, только их фотографии в книгах Тура Хейердала, но среди идолов Минусинских степей я бродил два дня, возвращаясь то к одному изваянию, то к другому, и каждый раз обнаруживал не замеченные прежде черты. У божества плодородия обычно круглый, а то и квадратный лик солнца, обрамленный лучами и очень схожий с человеческим лицом. Из долин реки Абакан, реки Нини и других мест доставлены каменные статуи беременных женщин — это хранители душ потомства рода. Липский привел меня к прекрасной статуе Хуртаях тас, каменной старушке, которую он нашел близ улуса Онхаков, где местные жители по традиции предков ходили к священному месту, чтобы освободить свое сердце от горя.

— Однажды утром я пришел в музей и обомлел, — говорит Липский, вышагивая вокруг Хуртаях тас. — Перед нашей старухой стояла молодая хакаска и пыталась влить в каменный рот молочную водку — араку. На земле я увидел берестяные туески и миски с пищей. У ограды торжественно наблюдали за происходящим старый хакас и хакаска. Было видно, что они пришли издалека.

— Что же им было нужно от Хуртаях тас? — спросил я.

— Мне не хотелось мешать тому, ради чего пришли эти люди в Абакан и разыскали Хуртаях тас, и я молча стоял рядом со стариками, ожидая конца священнодействия. А потом пригласил их обоих в музей, усадил и осторожно спросил, откуда и куда держат путь. Они не удивились моему любопытству и простосердечно рассказали о своей тоске. Молодая хакаска придется им невесткой, она десять лет замужем за их сыном, а детей нет. Потому и пустились они в дорогу, на поиски Хуртаях тас, о которой до сих пор говорят в степи глубокие старцы, верующие в ее возможности и доброту...

Помоги людям, если можешь, Хуртаях тас!

Но пора возвращаться в далекое прошлое, представить себе опять-таки степь, редкие костры и стада овец, щиплющих сочную траву, в той части Сибири, где теперь сошлись южные земли Красноярского края, Казахстан, Зауралье.

Афанасьевскую и окуневскую культуру уже сменила андроновская (1,5—1,2 тысячи лет до нашей эры). Андроновец держал крупный рогатый скот и тонкорунных овец, летом пас их в степи, а с первыми морозами загонял всех в теплую землянку, укрепленную каменными плитами. Костры, располагаясь по центру жилища, обогревали людей и скот. Андроновец был человек земли, оценивший злаковые культурные растения, особенно пшеницу, и столь много преуспевший, что исследователи называют его родоначальником сибирского крестьянства.

Он обнаружил и другие способности — в неглубоких шахтах добывал медную руду, дробил и плавил ее, а когда находил золото, отливал и ковал украшения.

После андроновских племен в XIII—X веках до нашей эры на землях от Урала до Енисея ставили свои жилища с деревянными нарами-лежанками карасукские племена. Это были скотоводы и земледельцы, профессионалы-литейщики, владевшие секретами сложного фигурного литья. Они оставили поразительные по разнообразию форм бронзовые коленчатые ножи с навершиями в виде голов барана, лошади, лося, козла... Украшая орудия труда, карасукцы были, вероятно, первыми в Сибири специалистами в той области производственной культуры, которую в наши дни называют технической эстетикой.

Есть у карасукцев и другая историческая заслуга — они попытались сесть верхом на коня, это им удалось, и с их легкой руки сибирская лошадь стала оседланной. Появились новые возможности для передвижений, особенно в густых зарослях или вброд через неглубокие речки и шумные горные потоки.

В бронзовый век технику обработки металла узнали на сибирском Севере. Для многих оказалась неожиданной находка литейной мастерской в низовьях реки Лены на 79-м градусе северной широты, вблизи Ледовитого океана. Мне пришлось быть в крохотном селении Сиктях, где обнаружили древнюю мастерскую. Глядя на чахлые притундровые деревца, на песчаные желтые отмели и на пустынные острова посреди Лены, я думал о горстке эвенов-охотников и рыбаков, которые живут здесь в деревянных избах и в покрытых оленьими шкурами тордохах, представлял себе, как переносят они морозы, и ночи в полгода, и отрезанность от мира, и старался вообразить, как в этой местности, в суровом крае их далекие предки плавил металл и отливали его в глиняных формах. Где?.. Среди вечной мерзлоты, на краю света.

Якутские мечи, кинжалы, кельты, датированные той эпохой, производят сильное впечатление. Можно вполне понять чувства русского майора Темина, современника А. С. Пушкина, который путешествовал по Северу и писал в 1835 году: «Якутские ножи, делаемые самими якутами из тамошнего железа, суть отличной доброты, и сколько могу судить по некоторым испытаниям, кажется, что железо, из которого

оние сделаны, превосходит добротой самое лучшее Англинское. По сему должно предполагать, что природа снабдила Якутский край рудниками превосходного железа, тем более, что нет никакой вероятности, чтобы народ едва полубразованный превзошел просвещеннейших Европейских наций в искусстве приготовления железа»⁷.

Не могу судить, во всем ли прав наш майор, сравнивая достижения якутского населения и европейских народов, но несомненно, что таежные племена Севера самостоятельно организовали первоначальное металлургическое производство, которое привело к серьезным переменам в их укладе, хозяйстве, культуре.

В таежном Прибайкалье эпоху металла связывают с культурой Глазковских племен (XVII—XIII вв. до н. э.) — название пошло от Глазковского предместья Иркутска, где раскопали первые погребения с инвентарем из меди и бронзы. Это были охотники и рыбаки, не чуждые нововведениям, но и не согласные ради них тут же порывать с вековыми традициями. Даже привыкнув к бронзе, они еще долго применяли ее для изготовления тех же изделий и в той же форме, которые были им давно знакомы при работе с камнем и костью. Между тем, верх одерживало инициативное начало. И вот уже Глазковец отказался долбить лодку, а придумал мастерить речную посудину из легкой бересты и быстро оценил ее быстротходность, а также и возможность переносить лодку на плече.

Глазковец питал слабость к верхней одежде и знал в ней толк. Он шил меховые сапоги, похожие на современные якутские камусовые торбаза из шкур с оленьих ног. С шеи спускался меховой передник, обильно украшенный бляхами и перехваченный у бедер массивным кожаным поясом. Но верхом скорняжного изобретательства была пушистая шапка с дисками из белого и зеленого нефрита, клыками зверей, всевозможными бусами. Глазковца уже не устраивали украшения местного производства, и он где-то выменивал или другим путем приобретал немислимые в сибирской тайге раковины южных морей. Даже из района Молуккских островов! Глазковец сделал и первый шаг навстречу грядущей перемене быта — в его захоронении обнаружена костяная ложка, пока самая древняя в Сибири.

В эту эпоху возникает шаманство как форма религии, распространенной среди различных народностей доклассового общества. По-видимому, шаманы появились, когда внутри общины началось расслоение и из массы стали выделяться личности одареннее других, наделенные способностью угадывать связи в природе и запоминать повторяемость явлений. Им доверяли, за ними шли. Племена сами шили своим шаманам устрашающие костюмы, маски с узкими прорезями, подвешивали на грудь, на спину, к подолу кафтана побрякушки, чтобы приподнять шамана над другими и пугать самих себя придуманным звоном его одежд. Шаманы были первыми медиками, пытавшимися лечить тело ис-

целением духа, они выступали и как артисты, и как пророки, и как горланы-агитаторы.

Что ни говори, но и просвещенные люди в глубине души относились к шаманам не так строго, как повелевал им образованный ум. Даже Петр I, простудившись осенью 1724 года при спасении гибнувшего в Финском заливе судна, подписал указ, по которому «велено дворянину Дмитрию Кычкину... из Якутского уезду шаманов четырех человек выбрать, взять и привести в Санкт-Петербург», причем подбирать «шаманов лучших, которые пользуют от болезней». Шаманов долго и придирчиво отбирали. Они, как видно, не слишком рвались показывать свое искусство в столице империи, а потому их содержали в остроге под охраной, выдавая кормовое жалованье по две копейки в день. Не успели доставить шаманов к государю — 28 января 1725 года Петра I не стало. Пять лет спустя императрица Анна Ивановна повторила указ о присылке шаманов, хотя и неизвестно, для какой именно надобности. Новая поездка шаманов в столицу Российского государства тоже сорвалась: у Санкт-Петербурга, как видно, появились другие заботы.

Постепенно шаманизм был вытеснен религиями классового типа — христианством, исламом, ламаизмом, но его черты перешли и в эти новейшие религии. Во время странствий по Якутии мне очень хотелось встретить хотя бы одного бывшего шамана. Люди рассказывали, что есть старик оленевод в Булунском районе у берегов Ледовитого океана, он давно уже не шаманит, но если попросить, покажет шаманские пляски. Не удалось отыскать старика, он кочевал с оленями.

Во II веке до нашей эры в степях Центральной Азии возникло могущественное государство хуннов, воинственных кочевников, подчинивших себе сибирских аборигенов на огромном пространстве Забайкалья. Некоторые племена, занимавшиеся в тайге охотой и рыболовством, переняли полезные навыки у скотоводов-хуннов, другие же племена снялись с обжитых мест и, не желая терпеть гнет чужеземцев, подались на север в долину Ангары.

Держава хуннов существовала не слишком долго. В середине I века нашей эры объединение хуннов распалось, а пять столетий спустя возникло новое государство — степных тюрков. Тюрки-кочевники освоили промышленную добычу железа, даже торговали им. Сибирские племена, «лесные народы», как их тогда называли, многое перенимали у южных соседей.

Совершенствование обработки металла, создание разных видов оружия, использование прирученных коней для обороны и для нападения на соседние племена, а также имущественное разделение единоплеменников подготовили условия для возникновения в V—VI веках нашей эры на территории Минусинской котловины первого в Сибири государственного объединения енисейских кыргызов.

Полагают, что граждане первого государства были европеоидами,

и даже много веков спустя вместе с кареглазыми брюнетами монголоидной внешности здесь встречались русоволосые блондины с голубыми глазами. Кыргызы были хорошими земледельцами, занимались ремеслами, торговали с тибетцами, китайцами, уйгурами, арабами. Отправлялись на продажу изделия из металла, а также золото, меха и кость. Кость шла на выделку рукояток ножей. В быту кыргызы придерживались строгих законов, за невесту платили калым лошадьми и овцами, а за воровство наказывали смертной казнью. Была у них руническая письменность — знаками покрывали серебряные сосуды, отвесные скалы, могильные плиты.

Сведения, содержащиеся в этой главе, почерпнуты по преимуществу из работ археологов, которые занимаются делами, для нас не всегда понятными, а потому пользующимися безоговорочным уважением и доверием. Но однажды судьбе угодно было укрепить во мне эту веру на всю жизнь. Друзья повезли меня из Иркутска по Качугскому (Якутскому) тракту на северо-восток, сначала сквозь густые хвойные леса, затем по широкой равнине мимо бурятских улусов и русских деревень. Когда на спидометре прибавилось двести семьдесят километров, мы оказались в рабочем поселке Качуг. В прежние годы это было шумное и многолюдное село. В XVIII—XIX веках отсюда на деревянных баржах-карбасах сплавляли вниз по Лене грузы и людей, в том числе осужденных и сосланных на поселение в Якутию.

Мне казалось, древнее село и есть конечный пункт поездки, но спутники объявили, что здесь привал и остались каких-нибудь два десятка километров вдоль правого берега реки, где хранится самая древняя книга по истории Сибири. «Там живет крупный историк?» — спрашиваю я. «Нет...» — «Частная библиотека?» — «Потерпи...»

Скоро машина остановилась, мы вышли под красные скалы. «Здесь близко деревня Шишкино», — сказали спутники и стали подниматься по каменистой тропе. Я карабкался за ними, хватая руками кустарник и припоминая, что слышал когда-то о здешних рисунках на скалах, петроглифах, или, как еще говорят, писаницах, впервые отмеченных два века назад Г. Ф. Миллером. Миллер был несколько разочарован увиденным и даже пожалел о времени, потраченном на зарисовку. И только в конце двадцатых, а затем в начале сороковых годов нашего столетия А. П. Окладников как бы вторично открыл этот памятник, обнаружив неизвестные до той поры художественные композиции, оставленные древними сибиряками разных эпох.

С той поры наскальные рисунки у Шишкино вошли в науку как уникальный музей первобытного изобразительного искусства⁸.

Камни осыпаются под ногами, сталкиваются, грохочут вниз. Эти звуки, как частые удары колотушки или шаманского бубна. В струях нагретого воздуха рисунки шевелятся, отделяются от скал и начинают существовать сами по себе, словно живые.

Стою как вкопанный — не сон ли это?

Передо мною воскресла лошадь палеолитических времен. Да какая громадная: почти три метра от узкой морды через непомерно большое брюхо до символического хвоста, а высотой со среднего мужчину. Дикая лошадь обитала здесь в конце ледниковой эпохи. Первобытный художник старательно обвел контуры лошади краской из кровавика. А пониже оставил волнистую полосу — может быть, он хотел рассказать, что эта лошадь брела по воде или переплывала Лену, вот здесь, поблизости? Мастер грубо выводил линии, стараясь передать сходство с реальными животными, но соотношение частей тела не удавалось: при таком брюхе — такие слабые короткие ноги... Рисунки обнаруживали скрытую веками культуру самых древних сибирских племен и были первыми работами палеолитических художников, выполненными краской.

На тех же скалах сохранились рисунки, оставленные много веков спустя, уже во времена неолита. Мы разглядывали двух стройных лосей, выбитых и отшлифованных на скале, камнем по камню, и еще обведенных красной краской, почти сливающейся с красным отливом песчаника. Они не слишком-то отличались изяществом форм, присущих реальным лосям, бродившим по тайге и лесотундре.

Мы видим процесс освоения первобытными мастерами реалистической манеры письма, которая давалась им непросто. Впрочем, возможно, древний художник умышленно изменял пропорции, чтобы подчеркнуть состояние животного в определенный миг: вот лось вытянул шею, как бы прислушиваясь к тревожным шорохам со стороны реки, а вот он поджал передние ноги, готовясь к прыжку...

Первое впечатление рассеивается, как только видишь другой рисунок — сильный и стройный лось застыл в величавом спокойствии, вполне схожий со своим действительным прототипом, как набросок к большой картине. Значит, умел неведомый нам мастер почти в точности отражать окружающий мир, но художественная фантазия придавала его штрихам и линиям экспрессивные очертания. Не случайно на скалах так много лосей: неолитические племена боготворили красивого зверя, который был к тому же существенной частью их экономики.

Шаг в сторону, и можно преодолеть тысячелетия, оказаться в мире представлений бронзового и железного веков. «Ты смотри — лодка, а в лодке люди!» — говорили мои друзья, протирая рукавами пиджаков выщербленную плоскость. Странные люди сидят в лодках, похожих не то на долбленки, не то на поздние дощаники. Зачем они подняли руки? У иных туловище без головы — вместо головы торчат рога или длинные уши. Может быть, так выглядел ритуальный головной убор? Или художник пытался рассказать о плавании душ в потусторонний мир и потому руки умерших молитвенно подняты вверх?

Повернув голову, издали вижу страшное мифическое чудовище

с длинной мордой — ни дать ни взять морда крокодила с разинутой пастью. Зловеще торчат два клыка. Над пастью висит круг, разделенный вертикальной линией. Ученые встречали похожие изображения на бронзовых бляхах и на других предметах, найденных в разное время на территории Сибири. По всей вероятности, в представлении древних племен это чудовище воплощало темные силы жестокости и зла. Недаром каждый раз у пасти рисуют кружок, означающий солнце или другое светило — чудовище хочет его проглотить.

Так переходили мы от камня к камню. Солнце чувствовало себя нашим гидом, опускалось таким образом, что высвечивало те рисунки, которые нас интересовали, как бы тревожась, чтобы взгляд не упустил прекрасные черты.

Позолотились знамена в руках всадников. Казалось, квадратные знамена, прикрепленные к древку, трепещут на ленском ветру! Это рисунки племен курыканов, обитавших в Прибайкалье, в междуречье верхнего течения Ангары и Лены, в первом тысячелетии нашей эры.

Курыканы были довольно культурным племенем. Они владели рунической письменностью тюрков и енисейских кыргызов, а изобразительное искусство отражало образ их жизни и верований. С особой симпатией они рисовали лошадей, высоких стройных скакунов с тонкими ногами. Кони изображены в сложных композициях, часто с вытянутой шеей, несущиеся стремглав. Иногда на коне гарцует всадник то со знаменем, то с тугим луком, то с арканом.

Нахлынувшие в Прибайкалье монгольские племена оттеснили курыкан на север в район Средней Лены. Там они ассимилировались с аборигенным населением и положили начало якутской народности.

Не все курыканы ушли, часть их укрывалась в верховьях Лены и в Кудинских степях, смешиваясь с кочевниками-монголами. В результате этого общения возникла бурятская народность.

Прежде чем распрощаться с обитателями древних эпох на территории Сибири и подняться к новым историческим этажам, окинем последним взглядом воображаемую картину. Над вечерней степью стелется горький дымок костра; охотники сидят локоть к локтю, очищают скреблами мездру сырой оленьей шкуры; первобытный литейщик ставит в ямку с раскаленным углем глиняные тигли, плавит и разливает в формы медь; на горизонте высятся могильные курганы, встают укрепленные городища воинственных племен... И шевелится в душе тревога: где они, археологические памятники, уже отысканные, раскопанные, изученные — как добраться до них, как зачерпнуть в ладонь пыль минувших столетий?

Не доберется... В Мальте и Бурети, на тех самых площадях, где проводились всемирно известные раскопки, теперь сажают картофель. Гибнут и другие археологические памятники. Шишкинские скалы однажды вздрогнули от взрывов, как будто землетрясение всколыхнуло

берег реки: это инициативные жители близлежащих селений рвали амоналом камни для строительства коровников. Неужество обладает большими разрушительными способностями, чем стихийные силы природы. Горько сознавать эти невосполнимые утраты⁹.

В древних сибирских летописях встречается забытое ныне слово, которое точно объясняет наше отношение к археологическим памятникам — *неразумство*. Хочется верить, что рост общественного сознания, так явственно замечаемый в различных сферах жизни, проявит себя, наконец, и в отношении нашего поколения к историческим древностям. И тогда важнейшие раскопки будут сохранены под стеклянным или пластиковым куполом, войдут в списки охраняемых достопримечательностей. Потянутся к ним все те, кто умеет из прошлого извлекать уроки на будущее.

Как складывались в Сибири события ко времени появления русских? Сибирские народности не были изолированы от многочисленных соседей. На их судьбах отражались возникновение и распад крупных государственных образований в Центральной Азии: хуннов, жужаней, уйгуров, хакасов... В начале XIII века смерчем пронеслись над сибирскими землями конники Чингис-хана, разоряя местные народности, ломая привычный уклад их жизни. Было уничтожено первое государство кыргызов на Енисее. Пала «Золотая империя» чжурчженей на Амуре и в Приморье. Некоторые сибирские племена погибли, другие снимались с места и перемещались в новые и неизвестные им края.

В те времена понятие «Сибирь» не ограничивалось нынешним южным пределом (по-монгольски «Сибери» — «Страна Лесов»). И урочище Делиун-болдак на таежной речке Онон тоже находилось на тогдашней сибирской земле, но никто из сибиряков XII века, ни одно племя, ни даже шаманы их не могли предвидеть, что рожденный здесь около 1155 года в семье Есугэй-багатура мальчик Тэмуджин, стиснувший в правой руке сгусток крови, знак странного предзнаменования, станет грозою народов. И имя ему будет Чингис-хан.

Великий завоеватель слыл образованным человеком, он велел князьям иметь при себе грамотных личных секретарей, сам писал стихи и афоризмы, свидетельствующие о гибкости ума. «Нельзя взять людей силой, — учил он, — заberi их сердца, тогда они сами придут к тебе». Правда, мы знаем и другие примеры, когда слова правителей существовали отдельно от их поступков. Шестьдесят тысяч монгольских конников, почти половина ханского войска, разделенного по-кочевничьи на десятки, сотни, тысячи, тьму, шли на север и на запад, пополняя ряды сибирскими единоверцами, разбивали на берегах рек орды (военные лагеря), ставили в круг кибитки на колесах и сборно-разборные войлочные геры (европейцы их называли юртами), жгли костры, а на рас-

свете двигались дальше, оставляя в пыли из-под копыт разруху и кровь.

Покорять сибирские народности послан был Чжочи, старший сын Чингис-хана. Его конница форсировала Енисей, Обь, Иртыш... Первым навстречу завоевателям вышел с выражением покорности ойратский предводитель Худуха-беки, привел своих соплеменников, предложил услуги — стать проводником монголов среди «лесных людей». Подчинив одну за другой разрозненные народности и племена Южной Сибири, Чжочи на обратном пути взял с собою несколько их князьков-нойонов, доставил к шатру могущественного отца и, как свидетельствует «Сокровенное сказание», монгольская хроника XIII в., «велел бить государю челом своими белыми кречетами да белыми ж меринами да белыми ж соболями».

Чингис-хан обратился к молодому полководцу: «Ты старший из моих сыновей. Не успел выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми лесные народы. Жалую их тебе в подданство».

В степях Прибайкалья монгольское воинство встретило сопротивление хоринских бурят. По легенде, которая и сегодня бытует в верховьях Лены, в лесных улусах, хоринский род пошел от предка Хоридэя, однажды спасенного на озере стаей белых лебедей. С тех пор хоринцы обожествляют лебедя, и когда слушаешь древние предания, думаешь, не от этого ли общего поклонения красавице-птице укреплялись гордые сердца хоринских бурят? В тот год Зайца (1207) во главе хоринцев стояла отважная Ботохой-Толстая, вдова Дайдухул-Сохора. Под ее предводительством хоринцы восстали против монголов. Чингис-хану пришлось дважды посылать войска на усмирение. Первый монгольский отряд был разбит. Великий завоеватель уже собирался было сам повести воинство на непокорных, но второму его отряду удалось подобраться звериными тропами к лагерю хоринцев, напасть внезапно и полонить повстанцев.

Триста лет монгольского ига сильно подорвали экономику сибирских народностей, привели к кровопролитным междоусобным войнам. Аборигенное население находилось на разных ступенях исторического развития. Предки современных якутов, бурят, хакасов и тувинцев, обитатели степи и лесостепи освоили высшие формы хозяйства железного века, завели широкие связи с Китаем и Средней Азией. А жители тундры и арктических пространств — чукчи, юкагиры, ненцы, эвены, эвенки, долганы, кеты и другие все еще жили в эпоху неолита.

В конце XV века татарские улусы, разбросанные по Тоболу и среднему Иртышу, объединились в так называемое Сибирское ханство со столицей Кашлык (Искер или Сибирь). Деревянный городок с магометанской мечетью был обнесен земляным валом и хорошо укреплен, тем не менее он сам никогда не знал покоя и не давал покоя обита-

шим поблизости племенам. Владыки ханства унаследовали строй и традиции Золотой Орды, ее воинственный дух. Верхушка местной знати — мурзы, беки, тарханы — собирала ясак со своих же обедневших соплеменников, «черных людей», и призвала их в свое шумное пестрое войско, вооруженное луками. Набирали воинов и среди подвластных вогулов и остяков. Конные и пешие лучники нападали на соседние земли, уводили рабов — «ясырей», покоряли малые племена, облагали и их ясаком: вывозили на двуколках пушнину. Но только со стороны ханства выглядело крепким сжатым кулаком, на самом же деле оно было как разрозненные пальцы, каждый из которых не хотел смыкаться с другими и претендовал на титул большого. Ожесточенно боролись между собою кочевники шейбаниды, потомки Чингис-хана, с тайбугинами, захватившими власть. Враждовали и владельцы улусов, затрудняясь делить новые территории. Само государство постоянно находилось под угрозой набегов южных кочевников. Эту непрочность Сибирского ханства выявил поход Ермака.

Таким образом, племена и народности дорусской Сибири имели свою биографию, историю, культуру, которые стали составной частью общечеловеческого прогресса. Обстоятельства складывались так, что местные народности, как бы далеко на север они ни продвинулись, имели устойчивые и разносторонние связи с ближними и отдаленными соседями, многое перенимая у них и, в свою очередь, обогащая их уклад своим собственным опытом. Процесс колонизации Сибири до сих пор вызывает различные толкования ученых. Но вот в чем согласны почти все авторы: коренные интересы сибирских народностей действительно требовали прочного объединения на основе более прогрессивных форм хозяйства и культуры, а также оборонных возможностей, гарантирующих территориальную целостность.

По мнению советских ученых, весь предыдущий ход исторического развития подготовил объединение народностей Сибири с Россией: контакт с русскими приобщал сибирское население к более высокой культуре и цивилизации, создавая надежный щит для совместной охраны государственных границ. Иными словами, объединение пространств, лежащих по обе стороны от Урала, отвечало объективной необходимости и взаимным интересам населения Сибири и России. Именно так следует понимать слова В. И. Ленина: «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии»¹⁰.

РУССКИЕ ЛЮДИ ЗА УРАЛОМ

Новгородцы на Югорской земле.— Ермак против Кучума.— Русь на сибирских дорогах.— Пенда или Пянда? — Первые пашни Хабарова.— На могиле Прончищевых.— Великий железный путь.— Стольный град Тобольск

Присоединение Сибири к Русскому государству связывают с именем Ермака, легендарного предводителя казачьих отрядов. Между тем этот отчаянный молодец и его товарищи все же не были первыми россиянами, перевалившими за Урал-камень. Их поход в XVI веке уже завершал определенный этап отношений между русским и сибирскими народами, связанными между собой со стародавней поры, из глубины веков.

В древности, говорят, жители уральских поселений различали два типа рек: текущие в западном направлении — белые реки, в восточном — черные реки. Принимая эти народные обозначения, можно сказать, что черные реки уже с XI века стали первой дорогой русских в Сибирь.

Историки Византии, Древней Греции и Рима почти не имели представления о землях Северной Азии: они пользовались слухами, полученными от путешественников из третьих или четвертых рук, им виделся в полярной стороне холодный и каменный плен, где обитают фантастические существа — гиперборейцы, которые у их современников вызывали содрогание, а у нас пробуждают почтение к воображению древних мудрецов. И может быть, только готский историк Иордан (VI в.) по случайности или по чуть большей осведомленности назвал правдоподобную деталь: из страны Югры вывозят меха соболей с «черным отблеском». Мог ли подозревать готский историк, что ровно через тысячу лет именно по соболюму следу пройдут русичи всю Азию до Тихого океана?

Первые реалистические описания Сибири прозвучали в XIII веке в генуэзской тюрьме, где венецианский купец Марко Поло диктовал пизанцу Рустича-

но свои воспоминания о путешествии по Азии. Почти четверть века жил Марко Поло в Монголии, объездил немало восточных стран, но побывать в Сибири не удалось и ему. По-видимому, монголы и персы — а среди них наверняка были участники мирных или немирных вторжений на северные территории — рассказывали ему о сибирских народностях. С их слов Марко Поло живописует некую равнину Бангу, которая тянется сорок дней пути: одни ученые полагают, что здесь подразумеваются степи Забайкалья, другие стараются отметить признаки долины Приобья, но описания столь общи, что нам приходится довольствоваться главным — речь идет о Сибири¹.

Первыми людьми, рассказавшими о Сибири по своим собственным впечатлениям, оказались русские летописцы. Мы представляем летописца невозмутимым старцем с впалыми щеками, жиденькой бородкой, как он согбенно приник к фолианту с медными застежками, скрипит гусиным пером в полутемной со сводами келье у слюдяного окошка — добру и злу внимая равнодушно... Могуча поэтическая сила образа, но истина требует хотя бы временного отрешения от привычного видения. Не каждый летописец был домоседом, иных нелегко было усадить за стол, их душа рвалась в гущу событий, предпочитая роль участника, а не свидетеля.

Первый рассказ о походе новгородцев на восточные склоны Урала, по реке Печоре в Югру, где обитали приобские племена — предки нынешних народностей манси, хантов и ненцев, содержится в Лаврентьевской летописи (1377 г.) и отнесен к 1096 году. Здесь передано сообщение новгородца Гюраты Роговича о странствии посланного им «отрока» в «полуношные страны», о Югорской земле и племенах, которые выплачивают дань Новгороду.

Второе известие приносит Ипатьевская летопись (начало XV в.): в 1114 году автор записи побывал на Ладогe и беседовал с людьми, которые поведали ему о северных странах. «Еще мужи старии ходили на Югру и Самоядь», — сообщает летопись, оставляя потомкам право положиться на достоверность этих слов и опираться на них как на факт исторический.

Ученые не пришли к единому мнению о точной датировке двух этих эпизодов. Существует предположение, что оба рассказа о походе русских людей относятся к одному году и между обоими сообщениями есть внутренняя связь. Во всяком случае, известие Гюраты Роговича впервые подтверждает существование отношений, по преимуществу торговых, между Великим Новгородом и племенами на северо-западе Сибири.

После экспедиции Гюраты Роговича торговые связи между Новгородом и Югорской землей стали прочны и постоянны. Новгородцев привлекала сибирская пушнина, которая уже тогда пользовалась спросом на рынках Византии и Западной Европы. Отдавая должное вкусу на-

ших предков, отметим их особое пристрастие к соболю. До появления русских сибирские народности не занимались специальной охотой на соболя, и, когда зверек попадал в ловушку, некоторые племена лакомились соболиным мясом, а из длинноворсого меха шили рукавицы, головные уборы и подшивали шкурками охотничьи лыжи. По свидетельству С. Крашенинникова, некоторые сибирские народности считали соболиные шкурки хуже собачьих и посмеивались над русскими, принимавшими соболей в счет ясака. Что за люди эти русские: готовы за каких-то восемь соболей отдать металлический нож, а за восемнадцать соболей уступить настоящий железный топор!

Русские полярные мореходы на долбленых, вмещающих 40—60 человек однодеревках — ладьях, а также на стругах и челнах плавали по Белому морю и ходили в Ледовитый океан, достигая устья Оби. Они тоже возвращались с пушниной, рыбой, моржовыми клыками и тюленьим жиром, частью добытыми на трудном промысле, иногда взятыми у сибирских племен в обмен на другие товары. Во время этих рискованных походов удалось обследовать берега Карского моря, острова Вайгач и Новую Землю. И не вина русских мореходов в том, что их рассказы подогревали собственные страсти новгородских феодалов: по следам мореходов они посылали вооруженные отряды за ценностями северной земли. Печорские и югорские племена, бывало, оказывали пришельцам сопротивление: им нравилась торговля в обмен, за топор они отдавали уже столько шкурок, сколько пролезает в проух, гостей встречали игрой на пятиструнной цитре (манси) или на девятиструнной арфе тор (у хантов), и менять эти отношения на новые, грубые, непонятные им никак не хотелось. Но что могли изогнутые листовничные луки и стрелы с металлическими наконечниками против бердышей, секир, алебард и повязанного на руку тяжелого пупырчатого кистеня! Со второй половины XI века Югорская земля уже значилась одной из «волостей» Великого Новгорода.

Стремясь укрепиться на северных землях, русские феодалы строят по берегам Пинеги, Вычегды, Печоры и других рек укрепленные городки — опорные базы для покорения местных племен.

Ростовские князья тоже были не лыком шиты: на пути новгородцев они основали в 1218 году Великий Устюг, который давал возможность нападать на новгородских сборщиков дани, пробираться на север и восток все за тою же пушной добычей. Не стояли в стороне и московские бояре — их вооруженные отряды удерживали бассейн Вычегды, притока Северной Двины. Все труднее становилось новгородским дружинникам возвращаться с добычей из Сибири в родные края. Их подстерегали московские ратники, брали дружинников в плен, а обозы с пушной отправляли в дар князю Московскому. Война велась, как говорится, с переменным успехом. Но могущество новгородцев слабело перед возрастающей силой москвичей. В 1479 году Новгород утратил неза-

висимость, а с нею вместе и свои владения, которые с тех пор навечно перешли к Московскому государству.

Москва постаралась придать элементам колонизации последовательность и основательность. При поддержке московского князя устюжанский монах Стефан организовал среди местных племен миссионерскую деятельность. Учрежденная в 1383 году Пермская епархия приняла на себя роль посредника между Москвой и вождями сибирских племен, даже выступала в качестве арбитра при столкновениях между племенами. Так создавались условия для постепенного присоединения северной части Зауралья к Русскому государству.

При Иване III начались систематические и хорошо организованные походы Москвы на восток. В 1465 году за Урал переваливает отряд В. Скрябы, у которого проводниками были пленные сибирские данники. Семь лет спустя к новым землям направляется отряд Ф. Пестрого. А еще через одиннадцать лет в Сибирь идет со стрельцами князь Ф. Курбский — ему удалось достичь Кашлыка — столицы Сибирского ханства и по Иртышу доплыть до Югорской земли. Шестнадцать лет спустя трое русских воевод — С. Курбский (сын Ф. Курбского), А. Ушатый и В. Гаврилов-Заболотский затеяли новый поход. Больше четырех тысяч ратников двумя отрядами продвигались с боями через Уральские горы. У устья Оби навстречу русским вышла делегация племенной знати, волоча за собой нарты с пушниной и торопясь известить гостей о желании принять русское подданство.

Северные пути в Сибирь, как видно, ограничивали возможности Русского государства, а пойти южными дорогами мешала граница с Казанским царством, владевшим бассейнами Камы, Вятки и их притоков. Лишь с 1552 года, когда при Иване Грозном пало Казанское царство, был открыт самый короткий путь из Москвы в Сибирь. Этим воспользовались московские промышленники и купцы. Они двинулись на новые южные земли, обживая берега Камы-реки. В 1555 году московские дьяки уже переписывают земли татарского князя Едигера как собственные владения.

Неверно было бы рассматривать этот факт лишь как свидетельство бесцеремонности московских дьяков, перепутавших свои земли с чужими. Правители Сибирского ханства — братья Едигер и Бекбулат — сильно опасались претендовавшего на их трон Кучума, сына узбекского правителя Муртазы. Кучум собирал вокруг себя узбекских, ногайских и башкирских кочевников, явно намереваясь потеснить встревоженных братьев. Едигер и Бекбулат просили заступничества у Москвы, соглашаясь платить дань и стать вассалами русского царя. Именно об этом говорит Никоновская летопись в главе о поездке в Москву сибирских послов, которые «били челом государю от князя Идигира и ото всей земли, чтобы государь их князя и всю землю сибирскую взял на свое имя, и от сторон ото всех заступил, и дань свою на них наложил...».

Едигер, Бекбулат и другие правители Сибирского ханства принесли присягу на верность Ивану IV и обязались выплачивать дань по тысяче соболиных шкурок в год. Таким образом, хлопоты московских дьяков, которые переписывали сибирские земли, были в ту пору невинной попыткой навести учет на уже подвластных территориях.

Но история, как видно, еще не научила Едигера и Бекбулата мудрости, теперь известной даже самым бездарным правителям: устойчивость собственного положения обеспечивается не ставкой на вооруженную силу соседа, а наведением порядка в своем внутреннем хозяйстве. Такого порядка у Едигера не было — татарские улусы враждовали между собой, подневольные местные племена одинаково страдали от притеснителей, из какого бы улуса те ни появились, и только ждали случая, чтобы вырваться из незримого тяжкого плена. А тут еще на границах Сибирского ханства стали замечать кочевников, обитавших в соседних степях и лесах. Воинственные и дерзкие, они нападали и на татарские улусы и на стойбища незащищенных сибирских племен. Этим и воспользовался Кучум, давно поджидавший за кулисами выхода на сцену сибирской истории. Мы не так много знаем об этой личности. Но действия татарского хана позволяют сделать вывод о его бесспорном воинском чутье: он отличался умением выбрать момент. В 1563 году Кучум со своею конницей налетел на земли Едигера, разгромил нестройное войско соперника и провозгласил себя правителем Сибирского ханства.

Кучум был хитрым и гордым правителем, ловким дипломатом. Скоро он сумел обложить данью соседние башкирские и угорские племена, но не давала ему покоя главная мысль — избавиться от ежегодной подачи московскому царю. Вынашивая эти планы, Кучум любезно обменивается с Иваном Грозным посланиями, шлет к нему свое посольство и даже подтверждает готовность выполнять подписанные его предшественниками обязательства. Это не мешает Кучуму уже ставить себя почти на одну ногу с московским царем. «С нашим отцом, — пишет он Ивану Грозному, — твой отец гораздо помирился и гости (послы) на обе стороны ходили... С кем отец чей был в недружбе, с тем и сыну его в недружбе ж быти пригоже... И ныне похощь миру и мы помиримся, а похощь воеватися — и мы воюемся...»

Можно представить, каково было это читать Ивану Грозному, который, по свидетельству Карамзина, еще в 1554 году в грамоте к английскому королю Эдуарду VI величал себя «повелителем Сибири».

Очень скоро Кучум дал понять, что впредь Москве нечего рассчитывать на тысячу соболей в год. И когда почувствовал, что силы его крепки, он не только прекратил выплату дани, но и стал подумывать о нападении на пограничные районы России. Об этом свидетельствует концентрация на границе его вооруженных отрядов. И опять он проявил умение выбрать момент: на западе Россия вела тяжелую Ливон-

скую войну, а на юге опустошительной бурей прошли крымские татары Девлет-Гирея...

В это время в авангард русской колонизации выходит семейство промышленников Строгановых. Если верить летописям, предок Строгановых был крещеным татаринном по имени Спиридон, он ввел в России деревянные счеты. Но ему не повезло: попал в плен к своим соплеменникам — татарам, и те застрогали его до смерти. Поэтому-де и сын его, и внуки, и правнуки стали носить фамилию Строгановых. Потомки несчастного Спиридона оказались людьми предприимчивыми. Начало купеческому поприщу династии положил Иоаникий Федорович Строганов: купцы меж собою называли его Аникий с уважением и со страхом. Аника стал владельцем соляных промыслов, развернул широкую торговлю и проявил немалую настойчивость, заселяя свои пермские земли крестьянами.

В 1574 году сыновья Аники — Яков и Григорий Строгановы заручились грамотой Ивана IV, дозволившей разместить русские гарнизоны на Урале и держать там «сторожей с вогняным нарядом» (огнестрельным оружием). Строгановы поселились со своими людьми вдоль Камы, Сылвы и Чусовой, построили слободки и оборонные городки с артиллерией для охраны новых земель. Царь Иван IV даровал Строгановым многие права и преимущества, но положение их на границе называть спокойным было бы преувеличением. «Хан Кучум не только не считал себя данником Московского государя, а хотел сноситься с ним как равный с равным», — с некоторым удивлением отмечали историки во второй половине XIX века².

После смерти Якова и Григория Строгановых их владения перешли к брату Семену: тот призвал на помощь племянников Максима и Никиту, они заручились согласием государя распространить свои владения за Урал, чтобы обезопасить границы. Но набрать войско в окрестных районах было трудновато. Привыкшие к земле крестьяне не желали идти в ратные люди, да их и маловато было здесь, пашенных людей. И тогда возникла мысль пригласить на службу донских казаков под водительством Ермака Тимофеевича и других атаманов. Они известны были своею дерзостью и отчаянностью — в низовьях Волги грабили купцов и даже государеву казну. Некоторые атаманы, как Иван Кольцо, уже были приговорены к виселице, а потому их удаль не знала границ.

«И собрався на устье матки Самары реки на крутом красном берегу на желтом на сыпучем на песочку, не ратная труба протрубила, говорил атаман Ермак Тимофеевич: «О, есте, братцы атаманы и казаки донские, яицкие, волские и терские, думайте думу, братцы, с цела ума, чтоб нам не продуматца: на Волге нам жить — ворами слыть, а на Дону нам жить — казаками слыть, а на Яик идти — переход велик, а се добычи нет...» Атаманы не заставили себя долго упрашивать и с дру-

жиной в 540 казаков пришли во владения Строгановых. Старшим над собою они признали Ермака, его помощником Ивана Кольцо.

Ермак — одна из самых загадочных личностей в русской истории. Вариации многих преданий, картины знаменитых и безвестных живописцев, повести, поэмы, оперы воссоздают характер народного героя, каким он представлялся художникам разных эпох, опиравшимся скорее на свои собственные морально-патриотические критерии, чем на достоверные реалистические сведения. Зыбкими первоисточниками служат при этом сибирские летописи XVII века, созданные на основе устных преданий, существовавших, как полагают ученые, но утраченных письменных свидетельств, а также сообщений из Синодика первого сибирского архиепископа Киприана. Архиепископу в Тобольске, дабы утвердить собственное положение, хотелось создать местные святыни и на первый случай записать в святыне Ермака. С этой целью он собирает по крупницам сведения о русском походе в Сибирь, записывает воспоминания «товарищей» славного атамана — этот материал лег в основу Синодика, предназначенного для провозглашения «вечной памяти» Ермаку и его дружине. По-видимому, изложение событий, призванное утвердить «богоизбранность» Ермака, послужило в той или иной степени основой для Есиповской, а затем и других летописей — Строгановской и Ремезовской³.

Трудно восстановить истинные картины прошлого, если предположить, что летописцы, исполняя наказ Киприана, могли умалчивать о том, что было, и описывать то, чего не было, видя в этом свою историческую миссию. Тем не менее, дошедшие до нас описания рисуют Ермака талантливым предводителем войска, храбрым и выносливым человеком, то мудрым и осторожным, а то доверчивым и простодушным. Он был, по словам летописца, «велми мужественен и разумен, и человекен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою и власы прокудряв, возраст средний, и плоск, и плечист». Судя по всему, его авторитет среди гулящих казаков был непререкаем, что свидетельствует как о силе его характера, так и о недюжинной физической силе. Не думал и не гадал атаман Ермак, «воюя бусы по Хвалынскому морю и по Волге со многими своевольными вои, яко и царскую казну шарпал», что судьба уготовила ему славу покорителя Сибири.

Трудно сказать наверняка, что побудило отчаянных казаков снять боевой лагерь и, не жалея ног, податься дружиной в чужие края, в самый дальний поход, под неясные новые порядки. Возможно, предложение Строгановых показалось им заманчивым, потому что позволяло совместить привычное и весьма прибыльное занятие с открытым служением государству и царю-батюшке. Может быть, они рассчитывали на высочайшее прощение своих грехов — как очень скоро оказалось, они были неплохими провидцами. Не исключено также, что иных привлекал удобный случай уйти подальше от тех мест, где население хорошо

их знает и даже оповещено о цене за голову каждого преступника... Справедлива и мысль Н. Ядринцева: «Ватага Ермака была только продуктом брожения русской народной жизни, искавшей выхода, она была движима тою же силою, какая впоследствии, в XVI и XVII вв., управляла тысячами народов, кинувшимися в Сибирь искать приволья, изпод ига крепостного права, от безурядицы, смуты, гнета суровой регламентации, непосильных тягостей и злоупотреблений»⁴.

Между тем обстановка на восточной границе Русского государства была напряженной. По указанию хана Кучума, хантам и манси, которые исправно платили дань Москве, запретили впредь иметь дело с русскими сборщиками ясака. За неисполнение ханской воли наказывали со всею неотвратимостью восточных обычаев. Часть взрослых хантов и манси забирали в войско хана. Племянник Кучума — Маметкул со своим отрядом налетел на строгановские земли: это была как бы разведка боем. В Сибирском ханстве убили царского посланника Третьяка Чубукова... По мнению советских ученых, в эту пору возникла реальная угроза отторжения от России районов Зауралья, которые уже с конца XV — начала XVI века считались вассальными русскими территориями и откуда шла ежегодная дань в царскую казну. Группа местного населения во главе с Пелымским князьком напала на подвластную России Чердынскую область и опустошила ее. Чердынский воевода написал Ивану IV жалобу на Строгановых, они-де или не хотят, или не умеют оберегать границы. Попутно он сообщил государю, что Строгановы призывали из чужих мест злодеев, воровских казаков, посылают их в Сибирь, что вызовет неудовольствие хана Кучума. Такой оборот дела заставил царя призадуматься. И пока окончательная мысль в самодержавной голове еще не созрела, на всякий случай он отправил указание Строгановым: немедленно выслать Ермака с товарищами в Пермь и Усолье-Камское, где им должно покрыть вины свои усмирением остяков и вогуличей, а для безопасности городков оставить у себя казаков сто, не более. Если же указ не будет исполнен и что-нибудь случится на Пермской земле от Пелымского князя или Сибирского султана, «то возложим на вас большую опалу, а казаков-изменников велим перевешать».

Разгневанный государь и представления не имел о том, с какой ответственностью шла подготовка к историческому походу в Сибирь. Ермак ввел среди казаков беспрекословную дисциплину. Заслушание наказывали жгутами, а за преступления сажали в мешок с песком и бросали в воду — по свидетельству летописцев, таким образом было наказано больше двадцати казаков. «Блуд же и нечистота в них в великом запрещении», — сообщали очевидцы. Дружина была разделена на отряды по сто человек, во главе отрядов поставили ближайших и проверенных в прежних совместных действиях атаманов — Ивана Кольцо, Якова Михайлова, Никиту Пана, Матвея Мещеряка... В подчинении у

отрядных атаманов были есаулы-пятидесятники, тоже верные и надежные казаки. Кроме того, Ермак зачислил в дружину войсковых музыкантов-трубачей, литаврщиков и барабанщиков: им предписано было создавать настрой для широких казацких душ и возвещать о победе.

А тут такая царева угроза: «..возложим на вас большую опалу, а казаков-изменников велим перевешать».

Мы можем лишь посочувствовать Строгановым: они знали, что Иван IV, недаром прозванный Грозным, слов на ветер не бросает. Но выполнить царский указ было не в их власти — дружинники Ермака уже вторглись в пределы Сибири и огнестрельным оружием подавляли сопротивление разноплеменных воинов Сибирского ханства. Судьба Строгановых была во власти случая — победа Ермака сулила им великие почести, поражение Ермака грозило смертельной бедой.

Дружина Ермака выступила в поход 1 сентября 1581 года из Орла-городка, расположенного южнее Соликамска. Еще буянил хмельной народ, облепив наугольные башни, деревянные проезжие ворота и городской вал перед узким рвом. А на Чусовой уже отваливали от обрывистого берега струги и лодки с казаками, а вслед за ними — обвязанные ивовый оградой плоты с продовольствием и боеприпасами. Не покупались купцы: на каждого дружинника отписано было по три фунта пороха, по три фунта свинца, по три пуда ржаной муки, по два пуда крупы и толокна, по пуду сухарей и по пуду соли, по два с половиной фунта коровьего масла на двоих и по половине свиной соленой туши. Принимался, наверное, в расчет и прежний опыт вольницы — коли вдоль берегов, по лесам и степям, живут-кочуют «некрещенные», то дружина без харча не останется, себя оденет да обует, а еще от доходов своих почнет отсылать приуральским купцам-благодетелям «мягкую рухлядь».

Тяжело грести против течения, но восемьсот казаков, сменяясь, наваливались на весла, и в дружных усилиях от опытных волжан не отставали триста молодых новобранцев, завербованных на строгановской земле из подневольных крестьян⁵. Казаки были в кафтанах и зипунах, с бараньими шапками на чубатых головах. За кушаком ножи, сбоку привязаны пороховницы. Дружина вооружена бердышами, скорострельными пищалями и гладкоствольными фитильными ружьями. Были и пушки со стенобитными ядрами.

Казаки-гребцы совладали с перекатами и бурными шиверами, неизвестными в южных российских местностях, отчаянно гребли против течения, меняясь на короткий отдых. Они изумлялись великости и могуществу Сибири: плывешь день, неделю, месяц, а все нескончаемы черные леса; сохатый покачивает тяжелыми рогами, спускаясь к реке на водопой; слышно в вечерней сырой тишине, как он сокрушает кусты, не решаясь приблизиться к дрожащим на реке кострам.

Не раз, верно слово, сжималась в тоске и в надежде крестьянская душа, глядя на свободные земли, строились в буйных головушках хозяйские планы, и хотелось скорее достичь цели.

Перезимовали возле устья реки Серебрянки, притока Чусовой. А ранней весной 1582 года по волоку длиною в тридцать километров понесли на плечах пушки, весь походный скарб на берег Тагила, перетасили часть старых и построили новые струги и плоты и вслед за первыми льдами стали спускаться вниз по Тагилу, а затем по Туре. Безмятежному и созерцательному путешествию тут пришел конец — уже в мае случилось столкновение с татарами и остяками.

На правом берегу Туры стояли юрты татарского князя Епанчи (на том месте, где нынешний Туринск). Князь Епанча со своим войском ринулся в бой с пришельцами, явно недооценив могущества казаков. Татарские луки из смолистого корня лиственницы пускали деревянные, с железными наконечниками стрелы, но где им было противостоять ружейному огню. Мастера ятагана — короткой сабли — татары пытались навязать казакам ближний бой, но свинец и ядра не подпускали их к берегу, пробивали их узорные щиты и шлемы с бармицей. Татары бежали, оставляя пылающий городок. Русские выиграли бой, как будто и впрямь им помогал одетый в доспехи русского воина архангел Михаил на крылатом огненном коне, поражающий копьём дракона: так выглядела икона-знамя дружины Ермака⁶.

Тут был выход напряжению «бунташного» времени. Обнищавшие крестьяне, бывшие холопы, челядь опальных бояр, вся эта деклассированная вольница, поднятая на гребень истории, уже хмелела от первой победы и торопилась наносить удары, как в кулачном бою.

Большое сражение разыгралось у древней татарской столицы Чинги-Тура, окруженной оврагами и защищенной искусственными рвами и валами. С XIII века существовал здесь татарский городок, позднее вошедший в состав Золотой Орды под названием Тумен. В честь татарского князя Чингия городок переименовали в Чинги-Тура, назвали столицей Сибирского ханства, но в конце XV века столицу перенесли на Иртыш, а Чинги-Тура осталась укрепленным форпостом ханства. Бои шли на равнинной местности, почти в центре сегодняшней Тюмени, где сейчас городской стадион.

Еще не просохли у казаков глаза от порохового дыма, не забылась панихида об убитых товарищах, скорбно похороненных на чужом берегу, а уже на Тоболе, вблизи урочища Бабасан, в прибрежных зарослях притихло татарское войско, поджидая флотилию. Воинственный Маметкул держал наготове лук, чтобы свистом первой стрелы подать сигнал к сражению.

Татарских лучников было больше, чем казаков на стругах, а потому победа в этом бою имела значение не только военное, но и психологическое.

Видно, не зря появились русские и татарские легенды о военной хитрости Ермака: будто он расставлял на стругах вдоль бортов пучки хвороста, поверх натягивал казачьи одежды, а сам уводил ватагу на берег и заставлял неприятеля врасплох. Такой ли маневр применил атаман у бабасанского холма или иначе протекал бой, мы в точности не знаем, а по свидетельству летописцев, сражение продолжалось пять дней — русские снова одержали победу.

Случись это в прежних волжских местах, Ермак гнал бы дальше побитое татарское войско и видел бы изменника в каждом, кто предложил бы остановиться. А тут поднялся атаман на взгорье, поглядел на лесные дали, в черноту пространства, удивленно замечая, как отступает от него прежний опыт, а приходит пока еще робкое понимание, что на этой земле теперь придется поступать не как всегда. Он велел разбить лагерь и отправил отряд казаков в обратный путь, к Орлу-городку за подмогой.

Строгановы послали Ермаку боеприпасы, продовольствие и сотни три служилых людей. Осенью 1582 года подкрепление прибыло в русский стан. Дружина засобиралась в поход, чтобы взять столицу Сибирского ханства до первых заморозков.

По Тоболу струги спустились до Иртыша, а тут снова пришлось подниматься на веслах да на гребях по холодной осенней воде. Казаки-гребцы были мокры от работы и от брызг, но пуще прежнего оберегали под холстиной порох, свинец, муку — и налегали на весла. С боями захватили укрепление Атики-мурзы и вышли к Чувашевскому мысу (мыс Подчеваш).

За мысом открылась прямая дорога к Кашлыку.

Кучум ждал русских... В отделе редких книг Научной библиотеки Томского университета недавно обнаружили рукопись исторического летописного свода «Книга записная», важного памятника третьей четверти XVIII века. Летописец утверждает, что еще за восемь лет до похода Ермака царь Кучум дал бой русскому военному отряду князя Афанасия Лыченицына, затеявшего «провесть царство Сибирское»: «И те ратные люди побиты от царя Кучума в Сибири, а иные в полон взяты. Немногие из них того приходу утекоша через Камень на Русь, а снаряд весь и пушку и ядра пушечные и зелье порох и свинец царь Кучум поимал себе, а тое де пушку в пришествие Ермаково в Сибирь царь Кучум велел спехнуть с Чувашевых гор под гору в реку Иртыш и потонула...»⁷

Не унизив себя применением против русских русского же оружия, Кучум привел на мыс войско конников-лучников и приготовился к бою.

На подступах к Кашлыку произошла знаменитая битва, запечатленная на полотне сибирского уроженца В. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». По мысли художника, здесь встречаются две стихии: слева казаки в лодках, возбужденные боем, устремленные вперед, высо-

ко поднявшие знамена и хоругви. Припав к пищалям и ружьям, устроившись на носу лодок, они неудержимо продвигаются вперед. А справа, прижатые к косогору, татары и сибирские аборигены — кто охвачен страхом, кто жаждет боя, кто опечален смертью или раной соплеменника. И по всему чувствуется — не удержать татарам натиска русских казаков, вот сейчас струги причалят к берегу и пойдет рукопашная схватка...

Бой Ермака с Кучумом явился распространенным сюжетом для многих русских народных песен и легенд, от которых не приходится ждать исторической достоверности, зато народная оценка событий отражена в них довольно точно: «И была баталия целый день, прибили казаки тех татар немало число — и тому татары дивовались, каковы русские люди крепкие, что ни единого убить не могут их; каленых стрел в них как в снопики налеплено, только казаки все невредимы стоят, и тому татары дивуются наипаче того»⁸.

Дружина Ермака одерживала победу. Раненого Мамёткула уносили с поля боя. Это смутило татар, а тут еще хантыйские и мансийские князьки, видя перевес русских, поспешили отойти подальше от места сражения. По преданию, мужественнее других держалась одна из жен Кучума — красавица Сузге, но даже верные ей люди не решились последовать за ней навстречу огненному шквалу, надвигавшемуся с реки.

В ночь с 25 на 26 октября 1582 года Кучум покинул Кашлык и подался в Барабинские степи, «...взя себе мало нечто от сокровищ своих и вдашася невозвратному бегству, а град Сибирь оставиша пуст», — повествует русский летописец. Утром дружина Ермака подняла свой стяг над столицей Сибирского ханства.

Еще не успели русские дружинники обосноваться в новом городке, определить судьбу добычи, восстановить разрушенные и построить новые оборонительные укрепления, как послышался от снежного поля нараставший скрип полозьев. Стрельцы в ружье — к наблюдательной вышке и к воротам... А это погонял оленей князь Бояр, вслед за ним неслись нарты с его людьми и с пушшиной. Остяки торопились на поклон новому правителю Сибири. Ермак проявил истинно дипломатический этикет. Принял Бояра с почестями, угостил и его людей, выслушал обещание остяков ежегодно и верно выплачивать дань. Тут же на снегу, прижимаясь друг к другу зипунами, казаки ошеломленно смотрели в центр круга, где шла церемония остяцкой клятвы на верность русскому царю. Под боевой хоругвью острой саблей рассекли собаку, и князец Бояр, опустившись под знаменем на колени, целовал окровавленную саблю.

Кашлык лежал в 17 километрах от нынешнего Тобольска, вверх по Иртышу, вблизи сохранившейся и теперь деревни Алемасовой. После нескольких часов ходьбы по пыльной тропе правого берега увидишь

подмываемый рекою крутой глинистый яр, а под ногами, если опустить голову, заметишь поросшие травой старые рвы и ровную площадку, где ветер колышет полынь, — и все, и больше никакого намека на давно прошедшие времена. Видно, был раньше город, с промышленностью и широкой торговлей, и укрепленная крепость. Но в 1915 году во время раскопок здесь обнаружили один лишь череп, очевидно голову казненного. Иртыш из года в год уносит вязкую глину с берега, и очень может быть, что в скором времени бывшая столица Сибирского ханства самой природой будет упрятана на дне реки.

Ермак мог нанести и другие поражения татарам, обратить их в бегство, но оставить за собой завоеванные земли навечно его дружине было не под силу — с этой задачей могли справиться лишь регулярные правительственные войска, способные закрепить новую территорию и положить начало ее экономическому освоению. Как бы мы ни расценивали с высоты современных представлений прошлые деяния, в ту конкретную эпоху взятие русскими столицы Сибирского ханства явилось событием исторического значения. Тут было торжество народных усилий, промышленных интересов и государственной политики, которые при сложных противоречивых взаимоотношениях объективно способствовали процессу централизации Русского государства.

Русские праздновали победу, еще не сознавая до конца последствий этого дня. Ермак проводил в Москву Ивана Кольцо с пятьюдесятью казаками. Завидное выпало ему поручение — передать Ивану Грозному грамоту с просьбой принять Сибирь «под свою высокую царскую руку». А чтобы напомнить царю, о чем идет речь, Ермак послал в дар две тысячи четыреста соболей, двадцать черных лисиц и пятьдесят бобров. Случалось ли русскому царю принимать такие подарки?

Мы не знаем, что больше порадовало Ивана Грозного, грамота или пушнина, известно лишь, что царь был весьма доволен... Не зря летописцы, потом выспрашивая о Ермаке у близких к нему людей и споря между собою в частностях, без сомнений писали о его мудрости: видно, понимал атаман, что и московский государь не без слабостей.

Царь торжественно принял посольство, простил казакам прошлые преступления, и бывший разбойничий атаман Иван Кольцо, чудом избежавший виселицы, под звон московских колоколов прикоснулся губами к руке государя. Москва гуляла победу! А. Н. Радищев по этому поводу заметил: «...и тот самый, который незадолго пред сим за столь же храбрые дела почитался разбойником, ныне почтен был отлично за то только, что насильственные его поступки были удачны и сходны с пользами общественными. Столь величие и низкость близятся во мнении человека»⁹.

Иван Грозный осыпал казаков милостями. Устроил в их честь застолье, Семену Строганову пожаловал два новых посада на Волге, Максиму и Никите Строгановым разрешил торговать в своих городах

беспошлинно, а Ермаку отправил дорогую шубу с государева плеча и два кованых панциря.

На обратном пути Иван Кольцо набирал в свою дружину «гулящих людей», наслышанных о победах Ермака и преисполненных желания устроить свою горемычную судьбу на привольных и свободных землях, далеких от постылого им края. Они двигались на восток с надеждами, как в земли обетованные.

Между тем дела Ермака, зимовавшего в Кашлыке, принимали тяжкий оборот. Казаки стали болеть цингой. Не хватало продовольствия, появились случаи голодной смерти. Этим воспользовались татары. Князек Карача стал выдавать себя за сторонника Ермака и заманил в свой лагерь Ивана Кольцо с его казаками. Нескладно сложилась судьба разбойничьего атамана — долго скрываясь от виселицы, добившись храбростью прощения у государя, он нелепо погиб в стане татар.

Настроение русских стало еще хуже после неожиданной и опять же случайной гибели Ермака. По свидетельствам летописцев, он пал жертвой собственной оплошности. Зная о близости татар, пятьдесят казаков во главе с атаманом разбили лагерь на берегу Вагая, притока Иртыша, и устроились на ночлег, не обеспечив охраны. «Пришедши ж ноци, казаки ж утрудилшась от многого пути, доидоша ж до перекопи и тут обночевашесь и поставиша станы своя, стражи ж крепки не утвердиша: ослабеша умы своими, яко приходит смертный час их», — с горечью замечает летописец.

В ночь с 5 на 6 августа 1584 года Кучум послал провинившегося и приговоренного к смерти татарина переплыть реку и убедиться в безопасности нападения. Тот выполнил поручение, но осторожный Кучум послал второго воина проверить известие. И когда новый лазутчик подтвердил обнадеживающую весть, да еще прихватил с собой три русских ружья, этой темной и дождливой ночью татары, «аки звери дивни», «аки ехидна некая», напали на спящих казаков. Всех перерезали — только одному казаку удалось спастись. Ермак бросился в Вагай и, может быть, выплыл бы, хоть и был ранен. Но помешал царский подарок: панцирь оказался слишком тяжел, Ермак не смог доплыть до струга или до берега.

Через неделю вблизи епанчинских юрт ловивший рыбу татарин Яныш увидел, как плывет вдоль берега богатырское тело. Он накинул петлю, за ноги вытащил утопленника и стал созывать единоверцев посмотреть несчастного... В высокой траве, раскинув руки, лежал Ермак.

Не всем историкам пришлось по душе сведения, сообщаемые летописцами, и они пустили в обиход собственную версию. Наилучшим образом новый вариант обосновал П. Небольсин: «Но не оскорбительно ли для нашей гордости допускать, что Ермак думал искать спасения в бегстве, бежал, как низкий трус, в такую минуту, когда его братьев резали? Не мог Ермак бежать: он должен был пасть!»¹⁰

И все же напрасно переживает известный историк случившееся — Ермак был мужествен до конца, и свидетельством тому легенды, бытующие среди татар.

Говорят, старели в мертвого Ермака, но кровь продолжала литься, как будто тело оставалось живым. Это сильно испугало татар. Желая успокоить грозный дух, они похоронили Ермака под кудрявой сосною, поделили между князьями и мурзами его панцири, доспехи, кафтан, пояс и устроили богатую тризну. Было съедено тридцать быков и десять баранов: «и учинили жрение по своему обычаю». Такими почестями татары справляли тризну только по своим героям. Если все было так, как передает легенда, то надо отдать должное и благородству татарского войска.

В Кашлыке осталось 150 казаков и стрельцов, подавленных вестью о гибели товарищей и атамана. Давно уже были на исходе боеприпасы и продовольствие, стало опасно возить ночами воду из Иртыша — над горной тропой свистели татарские стрелы, устраивались засады. Дружина Ермака решила уйти из Кашлыка.

По-видимому, среди казаков не было на этот счет полного согласия: часть их не поддержала общего решения и осталась на сибирской земле. Во всяком случае, именно с той поры пошли в здешних краях фамилии, сохранившиеся до наших дней: Пановы, Мещеряковы, Никитины, Первовы, им положили начало сподвижники Ермака¹¹.

Сын Кучума — Алей занял оставленный русскими Кашлык, но возвращение пустынного и разрушенного города уже не имело существенного значения для судеб Сибири.

Западносибирские татары стали добровольно переходить на сторону русских. Вслед за ними потянулись в остроги давать шерть (присягу) на верность башкиры, ханты, манси.

Уже к 1591 году русские вернули себе потерянные после гибели Ермака позиции и добрались до Барабинских степей, где все еще кочевал, не желая смириться с поражением, измотанный и оставленный мурзами хан Кучум.

Русские воеводы, по указанию правительства, предпринимали попытки вступить с Кучумом в переговоры, привлечь его на сторону Российского государства и даже обещали ему кочевья по Иртышу. Но Кучум не сумел смирить гордыню: «А Сибирь не яз отдал — сами естя взяли!» Водрузив на голове ханский шлем с золотым орнаментом и искрами бирюзы, он садился на коня и продолжал с немногими покорными ему вассалами нападать на русские становища и на селения местных племен, покорившихся русскому царю. Изменить ход истории ему было не дано. Летом 1598 года русские стрельцы захватили ставку Кучума и пленили его семью. Сам Кучум бежал, совсем одинокий, покинутый даже друзьями.

Воевода Воейков послал вслед Кучуму гонца, надеясь все же угово-

ритель старика отдать себя под государеву руку, но тот слал ответ: «Если я не пошел к Московскому царю в лучшее время, то пойду ли теперь, когда я слеп, и глух, и нищий?»

Пожалуй, единственное, что осталось от некогда могущественного владыки Сибири,— это драгоценный шлем восточной куполообразной формы с красивым орнаментом, называемым в древних описях «травы чеадасские разметные». Этот шлем XVI века доставили Ивану Грозному, и теперь он хранится в фондах Государственной Оружейной палаты.

А Ермаки живы — уж и не знаю, остались ли его прямые потомки, или это лихие сибиряки взяли его имя в основание своей родословной, а только и сегодня на стройках и на заводах Сибири вы встретите людей по фамилии Ермак — один Ермак сидит за рычагами драги на золотоносной речке, другой Ермак сплавляет карбасы по Витиму, третий Ермак за штурвалом комбайна на омской ниве... В годы Великой Отечественной войны из села Царицыно Омской области ушел воевать Павел Ильич Ермак. Батальон капитана Ермака брал Мариенбург, старинную крепость крестоносцев, и с боями ворвался в город Конитц (Хойнице). Здесь капитан Ермак поднял батальон в атаку — и был убит... Герой Советского Союза капитан Павел Ермак похоронен на площади польского города Хойнице¹².

...Сибирь XVI века. В ночи мерцают огоньки, скатываются по склонам гор от пещеры к пещере, дрожат меж вековых деревьев, неподалеку от землянок, покрытых старой листвою. И вот уже огоньки разбежались по топкой озерной тундре, как будто звезды спустились с неба передохнуть возле берестяных чумов.

У очагов — узкоглазые широкоскулые кочевники, довольные дневной охотой. Общность огня, подобно кровным узам, связывает людей в роды, из родов слагаются фратрии и племена. Мужчины сидят на корточках, вытянув к огню ладони, побитые камнями и исцарапанные железными наконечниками стрел; женщины взмахивают костяными иглами, шьют одежды из тонкой налимьей кожи. А над головами вялятся связки крупных серебристых рыб и сушатся клубни сараны.

Что за племя собралось у костра, что за род?

Роды и племена часто носили тотемные названия, по имени птицы или зверя, которые помогали им в беде, выручали в охоте и которым они поклонялись. «Медведь», «Ястреб», «Журавль», «Ворон», «Филин», «Глухарь» — их было великое множество, больших и малых объединений людей, затерянных на огромных сибирских пространных. Когда русские перевалили через Урал, они встретили самодийские племена, от которых пошли ненцы, энцы, нганасаны; угроязычные племена, предков нынешних хантов и манси; к востоку от них жили трудолюбивые селькупы, кетоязычные и тюркоязычные племена; кое-где обоснова-

лись татарские поселения, а за енисейским берегом шли земли: кыргызов, бурят, якутов; широко расселились по лесам и тундре тунгусы, из которых сформировались эвенки, эвены, негидальцы.

...Охотник идет по снегу на широких лыжах, за спиной поняга с сушеным мясом и кореньями, плечом он ощущает тугой изогнутый лук. Он выследит соболя, белку, лисицу — никого не упустит, все возьмет и сменяет шкурки у соседа на железный трезубец или на крапивную пряжу, и в знак удачливой охоты оставит на дереве затес, припадет на колени и острием наконечника выцарапает по свежему срезу тамгу — знак своего рода или племени: птицу, рыбу, оленя, гребенку, солнце — у кого что. А может быть, черточками — чередуя горизонтали и вертикали — расскажет миру о себе и о своей добыче, где был и куда направился, кого встретил на этой тропе, убил или промахнулся, позволил уйти в тайгу, при этом особые знаки назовут медведя, соболя, куницу, росомаху. Пусть одна удача принесет еще одну удачу, и еще одну удачу, и еще одну удачу... До наших дней сохранились в тайге заплывшие от времени затесы.

Племена отличались меж собою хозяйственной деятельностью: одни занимались охотой, другие рыболовством, третьи умели сочетать и то и другое. И были уже такие народности, по преимуществу в южных районах, где знали скотоводство и даже земледелие — распахивали степь и засевали борозду овсом и ячменем. Сибирские аборигены умели долбить устойчивые лодки-однодеревки, украшали их изображениями птиц и зверей. Мастерили хитроумные ловушки для охоты, тянули нитки из крапивного волокна и ткали грубые холсты. Были у них свои кузницы... Отличные следопыты, авторы точных берестяных карт, смелые и отчаянные охотники на зверя, они не могли бы прожить без взаимной помощи и коллективных действий. По характеру спокойны и миролюбивы; широта пространства располагала к созерцательному складу мышления, но трудные жизненные обстоятельства, необходимость применяться к стихийным силам природы, а иногда и противостоять им вырабатывали непредвзятый реалистический взгляд на окружающий мир, который был к ним не слишком благосклонен. Обиды, чинимые соседями, иногда принуждали их хитрить, изворачиваться, искать выход из трудных положений, но с друзьями они были доверчивы, щедры, уверены во взаимопомощи. Известное преимущество мелких племен — независимость, обособленность — при нашествии грозного врага оборачивалось уязвимостью, и они слали от рода к роду стрелу, как призыв к единению против общей беды.

Перед первыми русскими в Сибири открылись земли, населенные великим множеством семей, родов, племен, еще не успевших сложиться в народности. У каждой этнографической группировки было свое имя или название, записанное сборщиками ясака в подлинном, а то и в приближенном звучании, а иным группам, не добившись от них ответа, да-

вали собственные обозначения, дошедшие в архивных документах до наших дней: так появились «белые калмыки», «канские татары» и «аринские татары» (татарами называли саянских самоедов, южных кетов, многие тюркоязычные племена), «черные люди куи», как стали звать айнов... Ученым пришлось проделать колоссальную работу, чтобы выяснить более или менее правдивую картину расселения родов и племен, подсчитать примерную численность коренного сибирского населения в XVII веке.

По данным Б. О. Долгих, к приходу русских население Сибири составляло около 217 тысяч человек. В их числе тридцать шесть тысяч тунгусов (эвенков), двадцать восемь с половиной тысяч якутов, двадцать семь тысяч бурят, шестнадцать тысяч угров, пятнадцать тысяч самоедов, около двадцати шести тысяч северо-восточных палеоазиатов и другие этнографические группировки... На сибирских землях оставались племена и роды, на первых порах оказавшиеся за пределами русских владений: это татары, ушедшие за Кучумом (их насчитывают, приблизительно, тысячу человек), енисейские кыргызы и «белые калмыки» (по пять тысяч), а также предки орочей, удэ, ороков, сахалинские гиляки и айны — всего девятнадцать тысяч. Таким образом, общую численность коренного населения Сибири в XVII — начале XVIII века определяют в 236,3 тысячи человек.

Судьба сибирских народностей складывалась неодинаково: в следующие два — два с половиной столетия одни из них численно выросли (к концу XIX века бурят стало 289 тысяч, якутов 226 тысяч), почти не изменилась численность хантов, манси, нганасанов, резко уменьшилось число юкагиров, коряков, ительменов, эскимосов, энцев — малочисленные и самые отсталые народности были больше других подвержены эпидемиям оспы, которая волнами опустошительно прокатывалась по сибирской земле¹³.

Русское население в Сибири возросло столь стремительно, что уже к концу XVII века русских здесь оказалось больше, чем взятых вместе аборигенов. Два века спустя на сибирских землях насчитывалось 4,5 миллиона русских.

Россия повернулась к Сибири, еще не подозревая о великих последствиях своих первых робких шагов. Нашему поколению, свидетелю политических и экономических результатов присоединения восточных районов, заманчиво и приятно воздавать должное мудрости тогдашних государственных деятелей. Но между желаемым и действительным межой лежат исторические документы. По их беспристрастным свидетельствам, основным стимулом движения русских отрядов на восток был рост внешнеторговых отношений России со странами Европы, где уже триста лет назад понимали толк в сибирских мехах. Собольная шкурка на время стала новой иконой русских правителей, промышленников, купцов. Основательно выбив зверя в европейских лесах, а затем на Пе-

чоре и под Уралом, они вкладывали свои золотые в снаряжение дальних походов.

По слухам, приходившим из Закаменной стороны, была надежда обнаружить запасы металлических руд, первым делом золота и серебра. Не зря же славились кузнецы сибирских племен коваными мечами и оружием, железными котлами, бронзовой сбруей, серебряными сосудами и золотыми украшениями. Изделия из металла, добытые при обмене или отобранные при первых походах, будоражили воображение русского промышленника. Фантазия рисовала и новые перспективы: экономические связи с Китаем, торговлю со странами Тихоокеанского побережья, особенно с Японией.

В составе снаряженных промышленниками и купцами экспедиций хлынула в Западную Сибирь энергичная народная вольница; в отряды стекались безземельные крестьяне, едва прикрывая наготу ветхим зипунишком; шел лихой забубенный народишко, готовый браться за любое дело; предприниматели разбивали этот разношерстный люд по артелям, одевали и обували доброхотов, снабжали таганом, продовольствием, бечевой, оружием да строгими наказаниями. При артелях частенько бывал грамотей в должности слогатая, от него ждали подробных описаний новой земли и ясачных людей. Артели шли по рекам и по волокам, «питашася ловитвою», благо, осетра, стерляди, сороги в сибирских реках было предовольно, а на звериных тропах добывали медведей, лосей, оленей, добирались до стойбищ кочевников, а уж там — где добрым миром, а где и принуждением — облагали аборигенов ясаком.

Ясак не был повсеместно одинаков, но некоторое представление о нем могли бы дать сохранившиеся исторические документы. Согласно грамоте 1601 года, в Верхотурском уезде надлежало брать с женатого 10 соболей, а с холостого 5 соболей, что на взгляд современного человека выглядит фактом явной несправедливости: в наш век уже поняли, что такое семья, и потому поступили бы наоборот. Есть сведения, что и на детей налагали ясак, когда им исполнялось пять лет. Кое-где ясак брали не с отдельных охотников, а целиком от волости. Когда соболиный промысел основательно истощился, разрешено было заменять соболь другими шкурками; вместо соболя сборщики соглашались брать по шкурке лисицы, росомахи или выдры, по две шкурки голубых песцов, по шестнадцать шкурок белых песцов или по сотне белок. Сборщики старались собрать пушнины больше, чем предусматривала ясачная норма, кое-где процветала обманная торговля, артельные люди нередко спаивали кочевников, ущемляли национальные традиции и права.

Русские и сами занялись соболиным промыслом: мастерили пасти, сети, капканы. Местные охотники со своими примитивными луками вынуждены были оставлять традиционные промысловые земли, уходить в глухие места. При таком опустошении лесов казна не могла рассчиты-

вать на постоянное пополнение пушных запасов. Это стимулировало промышленников искать новые, еще не освоенные территории. И шли артели вглубь, чиня допросы местному населению и продвигаясь с навьюченными лошадьми и на самодельных лодках, не слишком представляя себе, куда выведет этот долгий блуждающий путь.

Но все же не отважным воинственным артелям суждено было закрепить новые неизвестные земли Западной Сибири; эта историческая миссия выпала на долю русского пашенного крестьянства, работающих и малоимущих мужиков, чья душа тосковала и рвалась из темницы крепостничества на вольную волюшку. Никто поначалу не планировал массовое переселение крестьянства, оно возникло преимущественно из северных и приуральских районов, самостийно и неудержимо. Русские крестьяне стали ведущей силой при колонизации новых территорий: они принесли в эти края новую культуру земледелия, которую воспринимали от них местные народности. По справедливому замечанию советского исследователя, «русский крестьянин с сохой, бороной и серпом, с его вековыми земледельческими навыками совершил в доступных для феодалов общества формах и степени подлинный переворот в деле использования земельных богатств Сибири»¹⁴.

Здесь пригодился русскому крестьянину исконный плотницкий талант. За Урал-камнем было где разгуляться удалому острому топору. Строительный перестук в лесной глуши усиливал и перекатым эхом повторял испуганную дробь черных дятлов. На берегах рек, словно в старинных славянских небывальщинах, стали вырастать рубленые зимовья, избы с двускатными крышами, увенчанными тяжелым охлупнем и коньком, поставленные по чертежам замкнутые остроги с высокими частоколами, островерхими башнями, украшенными жестяными орлами и петухами. Государевы плотники — их присылали артельно — быстро оценили сибирскую лиственницу, устойчивую против гниения, стали смело класть ее в нижний оклад избы и вкапывать в землю столбами, тесно один к одному, создавая укрепленную стену. Из привычной березы гнули дуги, колеса, полозья, и в свободный час во дворе, как бы потехи ради, но тоже и из нужды, вырезали ложки, посуду, всякую домашнюю утварь, изумляя сноровкой и легкостью пленных заложников, с интересом наблюдавших за русскими плотниками сквозь щели в аманатной (для заложников) избе.

Низкие осенние облака, совершая привычный ход над речными холмами, к началу XVII века уже часто цеплялись за дозорные вышки сторожевых укреплений. В бассейне Иртыша возникали Тюмень (1586), Тобольск (1587), Тарская крепость (1594), на Оби выросли Березов (1593), Обдорск (1593), Сургут (1594), остроги Нарымский (1597) и Кетский (приблизительно 1602 г.). Князец томских татар Тоян просил Бориса Годунова о постройке русской крепости на реке Томи, дабы ограждать сибирских жителей от набегов киргизских и монгольских конни-

ков. Из Сургута на юг отправился военный отряд, где помимо служилых людей и стрельцов были тобольские татары и кодские ханты. У впадения в Томь речки Ушкайки они построили Томскую крепость (1604). К этой поре почти вся Западная Сибирь вошла в состав Русского государства.

Стрельцы в малиновых бархатных шапках и с алебардами несли сторожевую службу у крепостных стен; в отворяемые цепями ворота проходили обозы обложенных данью сибирских племен; данники старались угодить сборщикам ясака из боязни огнестрельного оружия и всяких поруганий и из горького опыта зависимости от других азиатских кочевников, а еще из сострадания к заложникам-аманатам, своим близким и дальним родственникам, которых содержали в темнице. Если ясак был своевременен и богат, аманатам назначалось сносное житье, но ежели запаздывали обозы или, упаси бог, привозили добра меньше того, что полагалось, тяжело приходилось заложникам — они криками и воплями заклинали соплеменников не задерживать проклятый ясак.

Близко от острогов появлялись слободы и деревни, где шла совсем другая жизнь. Крестьяне и мастеровые быстро и дружелюбно находили взаимопонимание с сибирскими народностями, многому учили их и кое-чему с пользой учились у них сами. Да и как было русскому человеку осваивать в новых лесах охоту, если не перенять стародавний племенной опыт здешних охотников, до тонкости знавших особые приметы местности, повадки сибирского зверя, секреты внезапно меняющейся погоды. Переселенцы учились устраивать ночевку в таежном снегу, разводить под дождем костер, отыскивать кратчайшую тропинку к реке.

Русский трудовой народ сам знал, почем фунт лиха, и умел уважительно относиться к навыкам и уменью местных жителей. Верно заметил Ф. П. Врангель: «К чести наших соотечественников прибавить можно, что жадность корысти, побуждая их на отважные предприятия, не ознаменовалась бесчеловечными поступками, как ненасытная алчность к золоту испанцев в Перу и Мексике»¹⁵.

Казачи, стрельцы, крестьяне брали себе в жены молодых татарок, вогулок, остячек, и эти союзы часто бывали дружны и прочны. И появлялось на свет младое племя смуглых и чуть широкоскулых сибиряков, наших давних предков, от которых пошел особый тип коренного сибирского населения, сохранившийся до наших дней: в славянский облик вплетаются суженные темные глаза и немного приплюснутый нос, а широкая русская натура легко уживается с азиатской созерцательностью и невозмутимостью.

Торговым центром той поры в Сибири была достославная вольная Мангазея — старинный портовый город на берегу северной реки Таз. Первый русский город за Полярным кругом поражал воображение пу-

тешественника или торгового гостя. На вечной мерзлоте, в неудобном холодном краю, русичи воздвигли могучий кремль о пяти башнях, а за крепостной стеной три церкви, гостинный двор, богатые терема: полагают, что город насчитывал пятьсот домов, а населения в нем было до полутора тысяч. Мангазейцы занимались ремеслами, трудились на «государевой житнице», охраняли аманатную избу, а по духу своему, по главному содержанию жизни это был шумный торговый город. В таинственное поэтическое Лукоморье по рекам и волокам тащили груженные ладьи и струги. Чего только не было на прилавках! Черные соболи. Бобры. Горностаи. Красные кожи и сафьяновые сапоги. Восточные ткани. Пряности, чай. Парусина. Морские якоря, ювелирные украшения. Московские, ярославские, нижегородские, вологодские купцы и промышленники просиживали в притонах для игры в зернь, выменивали друг у друга товары и выхвалялись купленными «самоедскими девками». И банька русская парная была, и встречи с гостями, и никто не торопился возвращаться обратно к хозяйству и к семьям. Торгуя, играй, шуми, вольная Мангазея!

По документам, только с 1630 по 1637 год мангазейские таможи отметили провоз 477 469 соболей, а сколько пушнины шло урманам и тайгою, минуя таможенные шлагбаумы... Правительство создавало таможенную службу, посылало чиновников взыскивать с купцов пошлину в пользу казны. Но кому была охота за здорово живешь отдавать неведомо куда немалую толику дохода. И купец хитрил, изворачивался, как мог, дабы утаить от государевых чиновников свою выгоду. Особенно труден был учет торговых операций на морском побережье. Предприимчивые торговцы выходили навстречу груженным товарами кораблям, в том числе и иноземным, располагались лагерем на дальних подступах к Мангазее, а то и на островах, стараясь перехватить товары и увезти их на европейские торги, минуя таможенный досмотр.

В 1552 году английское судно «Эдуард — Благое Предприятие» бросило якорь в устье Северной Двины, и его капитан Ричард Ченслер побывал в Москве у Ивана Грозного, выпрашивая для английской компании право торговли с Россией. Четыре года спустя, в 1556 году, второе английское судно «Ищи наживы» при содействии русских поморов дошло до устья Печоры, а когда поморы оставили капитана Стефана Барроу, «Ищи наживы» нашло только глухие льды, песчаные банки и вынуждено было повернуть обратно. Были и другие попытки иностранных кораблей пройти Северным морским путем, но большая осадка не позволяла приближаться к отмелым берегам, а в открытом море их затирали льды. Эта настойчивость иноземных гостей была не по душе сибирским воеводам и внушала опасения за безопасность границ, за сохранность северных пушных и прочих богатств.

По настоянию воевод правительство закрыло морской путь с За-

пада в Сибирь. Так бывало в истории не раз: царские воеводы, неспособные создать условия и обстановку, при которых исключалась бы возможность злоупотреблений, прибегали к спешным мерам, не требовавшим большой работы ума: закрыть, запретить, положить конец¹⁶.

И когда в окрестных местах соболя выбили, судьба златокопящей Мангазеи была предрешена. Можно повторить вслед за Леонидом Мартиновым:

И волны гремели на взморье,
И ветры над камнем шумели:
Исчезло, ушло Лукоморье,
Хранить вы его не сумели!

В только что построенном Енисейском остроге крыши, стены, башни, избы еще хранили на свежих срезах капли янтарной смолы и густо пахли летнею тайгою; возбужденный, шумливый народ, охваченный жаждой деятельности, проводывал окрестные земли, заводя торговлю и облагая ясаком тунгусские племена. В один из вечеров случилось событие, которое породило у гулящих и промышленных людей новые воинственные стремления. Со скрипом отворились ворота проезжей башни, расступились охранники, оттеснили любопытных горожан: с победными возгласами возвращались енисейские казаки, сопровождая взятого в плен князца кипанских эвенков Илтика.

Вряд ли можно было рассчитывать на прок даже от такого заложника. Соболи в здешних местах были уже изрядно побиты, и мало вероятности, что кипанские эвенки станут исправнее платить ясак. И все же князец есть князец, ему послушны единоверцы, он знает много больше других и должен быть осведомлен об обширных землях к востоку. Потому допросить гостя изволил сам енисейский воевода Максим Трубчанинов. Мы не знаем, долг или короток был разговор, пленный князец часто мотал головой, коричневой и щербатой, как кедровая шишка. Многие вопросы он не понимал или не знал ответа, но одно его сообщение вызвало интерес: воевода просил несколько раз повторить, чтобы запомнить и записать важное показание.

Илтик говорил про какую-то неведомую «великую реку», где «остров-де великих и всяких угодий по той великой реке много» и в тех местах, слышал он, «соболя ведется добрый», но ни он сам, ни его соплеменники не выходили на берег той реки, а только знают от других кочевников, что живет у той реки могущественный народ, а по реке ходят суда с пушками и колоколами. Можно себе представить изумление воеводы и всей енисейской администрации: они были уверены, что на востоке от русских острогов кочуют все те же разбросанные сибирские племена, с которыми они давно имеют дело и научились сравнительно легко приводить их под государеву руку, а тут, оказывается, где-то поблизости обитает незнакомый оседлый народ, да еще ходит на кораблях, вооруженных пушками!

Показания Илтика легли на бумагу, и специальный гонец отправился с ними в Тобольск, к Матвею Годунову — он старший над сибирскими воеводами, ему и принимать решение. Разные вести приходили в столичный град Сибири, были среди них фантастические, вызванные ошибками толмачей, искажавших при переводе не только названия, но даже и смысл сказанного. Но были сообщения важные, правдивые, помогавшие безопасности и быстроте русского продвижения. То, о чем твердил эвенкийский князец, не было неожиданностью: давно ходили слухи о некоей реке восточнее Енисея, и называли её, по словам толмачей, Елюенэ... Казаки тогда же и перевели непонятное слово на родной лад: Елюенэ — Лена...

Тобольский воевода Годунов был человеком дела и тут же отправил Максиму Трубчанинову «наказную память» с подробнейшим предписанием, что следует предпринять для разыскания неведомой реки, построить коч, или шняки, или другие подходящие суда и пройти по реке, собирая следующие сведения: река ли это или залив моря (Илтик упоминал, что в ней соленая вода), каковы берега, есть ли леса и удобные для пашни земли, а если горы, то каменные ли они и насколько высоки, откуда река вытекает и где ее устье, водится ли в ней рыба или какой зверь, какова сама вода в реке.

В проводники предписывалось взять князца Илтика, да не притеснять его и других кипанских эвенков, а, напротив, ублажать их, чем возможно, дабы они честно несли государеву службу. «И как к тебе ся память прийдет, а князец Илтик и иные ясачные люди Кипанские земли учнут в Новой Тунгусский острог с ясаком приходить и ты бы их государевым жалованьем, что с тобою послано из Тобольска, поил их и кормил довольно и государево им жалованье, сукна и однорядки, и камень мунчак давал, смотря по тамошнему делу; а поя и кормя и дав им государево жалованье, что кому доведетца, смотря по человеку, да и тому князцу Илтику говорити, чтоб он тем государю послужил: вместе с русскими служилыми людьми пошел проведывать тое великие реки, про которую он, Илтик... сказывал»¹⁷.

Трудно теперь установить, пошел в новый поход Максим Трубчанинов или возникли обстоятельства, помешавшие ему осуществить заманчивое и небезопасное предприятие: до сих пор не удалось отыскать документов или хотя бы записанных легенд о том походе. Скорее всего, экспедиция не состоялась, во всяком случае, под водительством енисейского воеводы. А в путь отправился отряд численностью в сорок казаков, и повел его мангазейский гулящий человек Пянда Пантелей сын Демидов.

Пантелей Пянда, истинный открыватель Восточной Сибири, почти три столетия считался личностью если не вымышленной, то во всяком случае известной лишь под странным и смешным прозвищем, что затрудняло, а вернее сказать, почти исключало поиск каких-либо доку-

ментов, с ним связанных. В 1949 году А. П. Окладников напомнил легенды восемнадцатого века про «гуляющего человека» Пенду, проследил возможный маршрут его отряда по Нижней Тунгуске через Чечуйский волок на Лену¹⁸.

В давние времена, если верить тунгусским преданиям, были известны три зимовья: Нижнее Пяндинское, Среднее Пяндинское и Верхнее Пяндинское — места стоянок отряда по Нижней Тунгуске. В наши дни, сколько мы ни расспрашивали эвенкийских стариков-охотников Катангского района Иркутской области, об этих зимовьях никто от своих предков не слышал. Ничего удивительного нет: отцы передавали детям в наследство свои собственные зимовьюшки или большие опорные базы, важные для таежных охотников, и вряд ли была нужда хранить в памяти да еще сообщать потомству о срубах, оставленных в случайных местах и случайными, не знавшими здешних соболиных угодий людьми.

Знарок истории географических открытий И. П. Магидович утверждает, что Пенда — не фамилия, а прозвище, причем не бессмысленный набор веселых звуков, а точное название одной из деталей самоедской одежды. Самоеды шили малицы — олени рухахи глухого покроя, шерстью внутрь, а подол украшали собачьим мехом. Собачья опушка и называлась пендой. Ну что ж, предположение вполне правдоподобно: побывав наш земляк у самоедов, заинтересовался названием, услышал забавное слово, посмеялся да стал повторять: так и пошло за ним прозвище — Пенда... Многие русские, новоявленные сибиряки, в шутку или по умыслу, скрывали подлинное имя и принимали любое, какое подвернется, часто смешливое и веселое. Ходила же в те времена в Сибири слава о бродяге по имени Омуть Кривой!¹⁹

Двусмысленность положения землепроходца Пенды закрыла перед ним страницы солидных научных изданий. Пятитомная «История Сибири» сочла благоразумным о нем вообще не упоминать, только на схематической карте первых русских походов обозначен и его предполагаемый маршрут. Составители старались опираться на документы, а легенды не принимали в расчет.

Но не таков был Пенда, чтобы уйти в небытие, не оставив следа и отпустив от себя ученых.

В 1966 году историк Б. П. Полевой находит в Центральном государственном архиве древних актов подлинную кабальную запись первой половины семнадцатого века, где названо имя нашего героя, оказавшегося в 1643 году в Якутске. Его звали Пантелей Демидов Пянда, он взял у енисейского казака Кирила Терентьева Ванюкова «десять рублей денег московских ходячих прямых без приписи июля в 10 день до срока до Петрова заговения 151 года без росту. По сроце рост ис пяти шесть почну платить. За приставом все убытки кабальные на мне заимщике.. Где ся кабала выляжет тут по ней суд и правезж, хто станет

тот по ней истец»²⁰. Эту кабальную запись оформлял енисейского острога десятник казачий Вахромейко Максимов. Кто знает, на какое новое предприятие занимал деньги Пантелей Пянда. Судя по всему, он и после знаменитого ленского похода не стал крупным промышленником или купцом, тем интереснее обратить внимание на его подлинный — теперь это можно утверждать более уверенно — поход на Лену, проторивший дорогу русскому народу в глубину Восточной Сибири.

По-видимому, уже в 1619 году слухи о неведомой великой реке дошли до «гулящего человека» Пантелея Пянды, и в той атмосфере приподнятости, удалства, отваги, которыми овеваны были ближние и дальние походы служилых и промышленных людей, пришла и ему в голову мысль попытать шального счастья. Он набрал дружину в четыре десятка человек, все больше знакомых ему енисейских казаков и с ними задумал предприятие, которое даже в ту пору великих географических открытий выглядело отчаянным.

Воображение подсказывает, как это могло происходить.

Ватага поначалу поселилась в Туруханске и усиленно готовилась в дорогу. Свозили в одно место бухты смолистой пеньковой веревки, раздобыли парусину — укрыться в непогоду, а может, и под парус пригодится, складывали мешки ржаной муки, бочки водки и кваса, топоры, пилы, молотки, котомки со всякими безделушками, на тот случай, если выйдет торговля с иноверцами...

В первой половине 1620-х годов были готовы несколько стругов, уложены грузы. Землепроходцы сели за весла и двинулись вверх по Нижней Тунгуске. Плыть было тяжело, чуть замешкаешься, течение сносит в обратную сторону, а берега высоки, круты, скалисты, немудрено разбиться о камни. Гребцам приходилось часто меняться и править поближе к берегу, где течение поспокойнее.

Выше устья речки Илимпей, где Нижняя Тунгуска круто поворачивает к югу, вблизи бурлящих порогов почти всю реку перегородил затор из плавника. Встревожила мысль, не устроили ли это заграждение тунгусы, дабы не пропустить русских вверх по реке, в соболиные места. Пянда решил причалить к берегу и осмотреться. Приближалась зима, надо было растаскать плавник и пробить проход в запруде. И струги, надо думать, уже нуждались в ремонте. Да, надо осмотреться, а заодно проведать тунгусские стойбища и разузнать, куда ведет река.

Застучали в тайге топоры, и скоро на берегу реки, на высоком месте с хорошим обзором, выросло бревенчатое строение, тот самый легендарный дом, что получил название Нижнего Пяндинского зимовья. Шли густые снега, но ватаге тут хватало работы. Казаки гнули упругие лыжи, подшивали их шкурами оленей и выходили на охоту. Плотницких дел мастера возились со стругами — где заменить бортовую доску, где укрепить разбитую корму, где просмолить днище. А иные несли охрану зимовья: когда тунгусы подходили близко, завязывались

«обиды великие», продолжаясь до поры, пока русские не открывали огонь. Тунгусы бежали, оставляя на снегу соплеменников, а потом собирались с духом, и опять свистели стрелы у русского зимовья.

Тем временем пришла весна, по Нижней Тунгуске поплыли льды. От пленных тунгусов Пянда узнал, что всего надежнее подниматься дальше по реке, до верховьев, а там короток путь по суше к великой Лене. И опять холодная вода за кормою казачьих стругов. Пороги были причиной или что случилось с кем из спутников, но этот переход оказался очень коротким; всего на несколько десятков километров удалось подняться отряду, и чуть ниже речушки Средней Кочемы ватага пристала к берегу и поставила второе зимовье.

С новым ледоходом струги продолжали путь. Прошли несколько сот километров. Осень только еще приближалась, вполне можно было выйти к Чечуйскому волоку, а между тем Пянда распорядился снова причалить к берегу и рубить третье зимовье. Можно предполагать, что он хотел удостовериться, ходят ли по той большой реке суда с пушками, а заодно установить на всякий случай мирные связи с тунгусскими племенами, наладить с ними торг и обмен. Да и пора, вообще говоря, сойтись поближе хотя бы с иноверцами: за два года странствий казаки пообносились, обнаружилась нехватка муки, бечевы, топоров, пороха...

Прошла зима в привычных таежных заботах, в постоянной напряженности от возможной встречи с голодным шатуном в тайге или с воинственным племенем, и сорок русских людей, продвинувшись на восток, были подобны острой стальной игле, за которой предстояло тянуться крепким ниткам промышленной и крестьянской колонизации.

Как видно, Пантелей Пянда не ошибся в своих надеждах на общение и связи с обитающими поблизости кочевниками: к весне отряд был достаточно осведомлен о протяженности волока, об отсутствии на Лене серьезных порогов и подводных скал, которых следовало бы опасаться. И еще узнали, что вниз по великой реке живет оседлый народ, он занимается скотоводством и умеет плавить железо.

Где-то весной на третий год странствия казаки перетаскивали струги волоком по зимнику протяженностью около двенадцати верст. Впрочем, очень может быть, что они и не стали заниматься хлопотным делом, а на берегу Лены построили новые суда из свежего леса. И тот и другой вариант имеет свое преимущество, потому трудно утверждать наверняка, что предпочли землепроходцы. Во всяком случае, в середине мая (в районе Киренска весенний ледоход начинается примерно с 15 мая) струги пошли вниз по реке, к радости гребцов, которым теперь не работать веслами против течения, а только помогать ходу и направлять движение судов. Скорость течения реки в этих местах в среднем достигает шести километров в час. Мы не знаем, ставили или нет на судах паруса. Но берусь утверждать, что в любом случае вряд ли выпадало в сутки больше десяти ходовых часов. В 1967 году автор этих строк

прошел ленский отрезок пути Пантелея Пянды на карбасе «Микешкин» и может засвидетельствовать, что сильные туманы почти исключают движение в утренние часы. А про ночь и говорить не приходится: множество больших и малых островов за нынешним Чечуйским перекатом и почти до Якутска, мелководные протоки с галечным грунтом, опасные отмели и навалыные течения — все это вынуждает к особой осторожности. Надо принять во внимание и неизбежные бытовые заботы: казакам предстояло запастись рыбой и мясом, рубить дрова и устраивать трапезу, скорее всего, на берегу, попутно разведывая окрестные места. Эти обстоятельства дают основания предположить, что отряд спустился в сутки на 50—60 километров.

От этих землепроходцев или позднее, от их последователей, остались на Лене названия островов, связанные с первым безошибочным впечатлением и в точной простоте своей дошедшие до наших дней: Большой, Малый, Верхний, Нижний, Еловый, Таловый, Голенький, Осиновый, Сенной, Каменный... Струги петляли по рукавам реки, на носу стоял казак с длинным шестом, замеряя глубину. Сядешь на мель — попробуй-ка столкнуть груженные суда. Всего опаснее было пройти участок реки примерно на пятый день похода. Тут изгибы реки зажаты высокими отвесными скалами — «щеками», скорость течения увеличивается до девяти с половиной километров в час, и нелегко петлять в узких ущельях, да еще при свальных течениях. Но, слава богу, преодолели!

Прошел месяц. Гребцы освоились, река становилась все шире, и особых препятствий уже не было, так что можно не спеша спускаться до устья, до Ледовитого океана. Но не было в том нужды: Пянде вменялось проводывание Лены-реки. Кроме того, на исходе боеприпасы, и это обстоятельство придавало бы затее неоправданный риск.

В районе нынешнего Якутска (а может быть, и выше, близ нынешнего Олекминска) казаки повернули обратно, чтобы обследовать верхнюю часть реки. Путь до Чечуйского волока был знаком, и хотя теперь гребцам приходилось снова налегать на весла, все же возвращение к исходному пункту у отряда заняло месяца два или два с половиной: в сутки они шли вверх по реке километров двадцать или чуть больше. Опасаясь быстрого наступления осени, они не стали останавливаться у своих недавних построек, а продолжали подниматься к вершине реки.

Они плыли вверх по реке еще с месяц, к концу сентября или к первым числам октября достигли берегов нынешнего Верхоленска. Здесь оставили струги и по широкой Усть-Ордынской степи, советуясь с бурятами-скотоводами, коротким путем вышли на Ангару, где-то в районе Балаганска. Хотя осень уже давала о себе знать, изнуренные долгим походом люди все же принялись сооружать новые струги и торопились, пока их не застал ледостав. Они спустились по Ангаре, преодолели

в среднем течении пороги и к ноябрю оказались в низовьях реки, уже обжитой русскими землепроходцами. Тут встречались ясачные зимовья, дымили костры, и приведенные под цареву руку тунгусские охотники помогли Пантелею Пянде санным путем вернуться в Енисейск.

За три с половиной года Пантелей Пянда и его спутники проплыли по рекам около восьми тысяч километров. До них никто из русских не продвигался так далеко на восток. Переход с верхней Лены на Ангару проложил удобный и надежный путь, по которому впоследствии почти два столетия шло снабжение Якутии и Крайнего Севера.

Сегодня на Лене пассажирские теплоходы, сотни барж, лихтеров, катеров... Курсируют от порта Осетрово до Якутска и дальше до Тикси. И как было бы справедливо, если бы где-то ниже Киренска, на холмистом левом берегу, в том самом месте, куда выходил древний Чечуйский волок, стояла бы на горе бронзовая фигура Пантелея Пянды, который открыл для нас реку Лену и Восточную Сибирь.

Мангазейский воевода Андрей Палицын внимательно следил за известиями, доходившими из глубинных азиатских земель. Служилые и промышленные люди, возвращаясь из походов, почитали себя обязанными доложить о маршруте в воеводской избе. А боярский сын Самсон Навацкий даже привез на санях от Нижней Тунгуски шамагирского эвенка, захваченного при сборе ясака, и испросил разрешения заявиться к воеводе вместе с гостем. «Воевода ждет немедля!» — сообщил гонец.

Шамагирец сидел на скамье перед Андреем Палицыным, опустил глаза долу, разглядывая сафьяновые воеводские сапоги и не слишком понимая, с какою целью так дотошно пытается воевода, где именно стоят юрты «якуцких людей» да сколько дней ходу от горы до горы, как зовется эта речка и где кончается тайга, куда уходят за оленем племена киндарей и варакай...

Поднимая голову, шамагирец видел, как воевода растопыренными пальцами выверяет расстояния между кружочками и пишет пером названия рек, болот, племен.

В 1633 году Андрей Палицын прибыл на росписных санях в Москву да сразу в приказ Казанского дворца. Ему не терпелось показать плод давних трудов своих — чертеж «Великой реке Лене и розных землиц людям, которые по той Лене и по иным рекам живут». Это была первая обширная карта бассейна Лены, а при ней роспись, зовущая проложить в новый край надежные пути: «...та, великая река Лена угодна и пространна, и людей по ней розных землиц кочевных и сидячих и соболей и иного всякого зверья много; и как де на ту великую реку Лену укажет государь послати сибирских людей с лишком и велит поставить город или остроги, где пригоже, и велит по той великой реке

Лене и по иным рекам новых земель людей приводит под свою, государеву цареву, высокую руку и на себя, государя, с них собирать ясак, и в государеве казне в том будет большая прибыль и будет та, Лена, река другая Мангазея»²¹.

Андрей Палицын, «русский интеллигент XVII века», как называл его С. Бахрушин, оставил нам первые литературные страницы о якутской земле и якутах, но в историю Восточной Сибири его роспись к чертежу вошла не только своими художественными достоинствами, а скорее прозорливой хозяйственной мыслью: «а вверх де по Лене и по Ангаре и по Оке можно пашня завести».

Можно пашня завести! — это предложение о хлебопашестве в Ленском крае показалось московскому правительству благоразумным, и уже первые якутские воеводы Петр Головин и Максим Глебов обязаны были «высмотреть того накрепко, мочно ли на Лене реке в которых местах пашня завести и пашенных крестьян устроить, чтоб на ленских служилых людей и на ружников и на оброчников... хлеба напахать ленскими крестьяны, а ис Тобольска б на тех ленских служилых людей и на ружников и на оброчников хлеба не посылать»²².

В начале XVII века русские разведали и проложили от Енисея на Лену три магистральные волоко-речные дороги, важнейшие артерии, по которым шли в Восточную Сибирь, а затем и на Дальний Восток неудержимые и ошеломляющие своею энергией пионеры новых территорий. Первые два пути возникли почти одновременно: уже известный нам маршрут по Нижней Тунгуске и Чечуйскому волоку с выходом на Лену ниже нынешнего Киренска. Другой по Нижней Тунгуске, затем по ее левому притоку Титее, от ее верховьев волоком на речушку Чурку, впадающую в Чону, по Чоне на Виллой и уже по Вилую на Лену — где-то между Якутским острогом и Жиганским зимовьем.

Третий путь возник позднее, но именно ему суждено было стать главным коридором крестьянского продвижения: по Ангаре до устья Илима, затем по Илиму до устья Игирмы (а позднее Туры), отсюда волоком к верховьям Муки, с Муки на Купу, из Купы в Куту, а из Куты на Лену — выходили в районе нынешнего Усть-Кута.

В 30-е и 40-е годы XVII века русские землепроходцы закрепили за собой бассейны всех крупных рек Восточной Сибири. Максим Перфильев прошел Ангару, заложил Братский острог, познакомился с обитавшими в средней части реки бурятами. Вослед ему по Ангаре отправился Василий Бугор, но он не стал слишком далеко подниматься, свернул на Илим и вышел к Лене. Иван Галкин со своими товарищами побывал в бассейне Ангары, Лены и Байкала, построил Илимский острог, один из опорных пунктов дальнейшего продвижения первопроходцев. За ними Петр Бекетов поднялся по Ангаре, попал на Лену и здесь заложил Якутский острог.

Большинство этих пионеров — енисейские служилые люди, в раз-

ных званиях и чинах: пятидесятники, сотники, атаманы, просто казаки и письменные головы, каким был, к примеру, Василий Поярков, открыватель Амура. Сибирь давала возможность испытать себя на крепость тела и духа, независимо от итога предприятия, каждый чувствовал, что здесь он начинает становиться другим человеком.

Освоение бассейна Лены, Ангары, Прибайкалья шло небольшими отрядами служилых, промышленных, гулящих людей и сборщиков дани. Были случаи, когда эвенки, якуты, буряты, юкагиры, чукчи сами участвовали в этом продвижении, шли проводниками, помогали отрядам сократить расстояния, сэкономить силы, наладить добрые отношения с местным населением. Известны имена пустозерского немца Игнатия Ханептека, проводника стрелецкого отряда Супоньки Васильева, а затем отряда Григория Семенова; эвенкийского князца Томканя, согласившегося быть «вожем» отряда Василия Пояркова... «Вожи» делили с русскими невзгоды трудного и часто рискованного пути, при этом нередко им приходилось порывать со своими соплеменниками и старейшинами родов или племен²³.

Эвенк Можеул помог тобольскому казаку Курбату Иванову выяснить истоки Лены и Ангары, рассказал ему о Байкале. «Роспись против чертежу от Куты реки вверх по Лене и до вершины и сторонним рекам, которые впали в Лену реку и сколько от реки до реки судового ходу и пашенным местам и распросные речи тунгусского князца Можеулка про брацких людей и про тунгусских и про Ламу и про иные реки» — так называется чертеж и роспись к нему, составленные Курбатовым, первым картографом Лены, Байкала и Охотского побережья. Известен эпизод: в то время, когда Курбат Иванов и его товарищи были в гостях у Можеула, там же находился «тунгус Чилкагирсково роду с Ламы и хотел нас, Курбатка Иванова, Федьку Степанова убить». Злодеяние не удалось, и в спасении русских казаков, можно полагать, немалую роль сыграл помогавший им Можеул²⁴.

В конце 40-х — начале 50-х годов XVII века отряды Ивана Москвитина, Василия Пояркова, Ерофея Хабарова, Михаила Стадухина вышли к Тихому океану, завершив присоединение Сибири и Дальнего Востока к России. По мнению ученых, сделать это в довольно сжатое время удалось не только благодаря вооруженному превосходству русских или из-за раздробленности местных народностей — тут сыграли роль обстоятельства объективного свойства. Среди них историки называют заинтересованность некоторых сибирских племен в защите от монгольских завоевателей, возможность при сильной и единой власти прекратить испокон веку возникавшие кровавые столкновения между племенами и родами; привлекал торговый обмен с русскими — те несли в тайгу не одни лишь побрякушки, но еще промышленные товары, доброе оружие для схоты, новые инструменты. С живым интересом и даже с участием наблюдали сибирские народности за совершенствованием

охотничьего промысла, дивились кузницам, мельницам, строительству острогов — приобщались к иной цивилизации.

Русские землепроходцы аккуратно составляли «скаски» — первые описания новой местности, и эти их сведения, заполняемые с обстоятельностью открывателей, послужили бесценным материалом для первоначального изучения Сибири Россией и Европой. Заслуга русских пионеров тем благороднее, что не так уж много было в их среде грамотных. «Все географические познания, какие приобретали русские в Сибири в XVII веке, — замечает А. П. Щапов, — составлялись также путем медленной ассоциации последовательных топографических впечатлений и мышечных ощущений. Не математические умственные соображения, а медленный и последовательный ряд мышечных ощущений, сопровождавший акт продолжительной ходьбы, в связи с правильной периодичностью мышечных ощущений усталости и отдохновения — вот что порождало определение расстояний именно «днями, днями и неделями ходьбы» или «добрым побегом» и т. п.»²⁵.

Менее чем за полвека русские прошли Сибирь и омыли лица из Тихого океана. Не будет слишком большой натяжкой утверждать, что именно соболя, а уж заодно с ним и горностаи, и бобр, и лисица, и белка, и росомаха были главным стимулом изначального «звероловного» периода освоения новых территорий. Между тем истинное развитие производительных сил края связано с современниками первых землепроходцев, но людьми иных трудовых навыков и другого склада характера. К концу семнадцатого века 44 процента русского населения составляли крестьяне.

Именами русских землепашцев, пробиравшихся дикими урманами и спускавшихся на плотах по воде, чтобы в глухих краях поставить первую избу и распахать землю, названы многие большие и малые деревушки по Лене, Илим, Витим, Олекме... Они знали соху с железными сошниками, деревянную борону, серпы, косы-горбуши, топоры. Привезли с собою в дерюге хлебные злаки, до ближайшей весны, до пахоты. Крестьянское продвижение на восток шло и самостоятно и при содействии администрации, озабоченной снабжением служилых и промышленных людей, обитателей новых острогов, слобод, ясачных зимовий — завозить продовольствие становилось все дороже и затруднительнее.

В Сибири не было помещичьего землевладения, если не считать церковных земель. Всю пашню объявили государевой, крестьяне обрабатывали свой «собинный» участок и казенную десятинную пашню. В XVII веке барщина на государевой пашне уже заменялась хлебным оброком. С 1762 года сибирского крестьянина освободили от работ на государевой пашне и обложили денежным оброком. Крестьянин вздохнул повольготнее, стал присовокуплять к своему участку теперь пустующие казенные поля: захватывали кто сколько мог...

Все же рабочих рук в Сибири недоставало, и это заставило прави-

тельство пойти на принудительное переселение крестьянских семей, а затем и на использование труда ссыльнопоселенцев. Но история свидетельствует, что насильственные приемы не дают желаемых результатов: естественная сущность людей всегда восстает против принуждения, против необходимости выполнять даже привычный труд под нажимом административной силы.

Тем не менее сибирское земледелие, на первых порах опытное и не всегда удачное, расширилось, становилось надежной житницей на востоке России. Пытливость русских хлебопашцев вела их все дальше на север, в зону лесотундры и вечной мерзлоты.

Были крестьяне, что не ладили с государевыми приказчиками или по иной причине покидали пашню, их ловили, наказывали кнутом и батогами. С расцветом городского и посадского уклада возникали новые побуждения для побегов, и никакими наказаниями было не остановить беглецов. О характере переселения землепашцев в города некоторое представление дает дневник сибиряка — инженерного капитана Ивана Андреева. «Думается, что происходящее сие зло, — пишет Андреев в своей «Домовой летописи» (1789 г.), — вкореняется в людей от... умствований бесполезных, что они поставляют земледелие самопоследнейшим, и гнуснейшим, и подлейшим упражнением, приличным только таким людям, которых в жизни их почитают не иначе с неосмысленным скотом... Будто определено только тем трудиться, кто только не вник в роскоши, в надменные понятия, в хитрость, сплетающую всякими несправедливостями и волочашую их самих по судам и расправам по всякой неправде... сии люди, можно назвать, управляющиеся в земледелии, принужденными находятся обрабатывать для пропитания обществом душ по 20 и по 22 на одного работника, кроме собственных своих семейств... Сделаем же мы хотя и не велик вопрос: почему в таком селении, где триста душ, очень мало пахарей? Постыдился бы я вам о сем сказать, но принужденно откроюсь. Роскошь переманила блеском своим изрядных и добрых земледельцев... рассеяла по разным многочисленным городам, где... их принудила снискивать пропитание свое во грехах, неправде, в сваре и беспокойствии...»²⁶.

Суждение капитана Андреева несколько эмоционально и поверхностно, а между тем оно содержит одну важную мысль: социальное неравенство ведет к нарушению и разрушению структуры хозяйственного организма. Истинное зло происходит не столько от «умствования», морально принижающего одну часть населения перед другой, сколько от возникновения действительного неравноправия в условиях труда, в его вознаграждении, в возможностях быта разных слоев общества. Зародившись в стародавние времена, этот социально-экономический перекод долго еще тормозил развитие производительных сил дореволюционной Сибири.

Основателем русского пашенного хозяйства на Лене и на Илеме

называют Ерофея Хабарова, оборотистого человека с Устьяга Великого.

В 1628 году Ерофей Хабаров и брат его Никифор оставляют привычное пашенное хозяйство под кабальные грамоты, сколачивают средства для покупки снаряжения, продовольствия и товаров, пригодных для обмена с «инородцами», привлекают к своей затее десять малоимущих промышленников, которым не слишком везло в одиночных стараниях, и вся эта небольшая и полная надежд артель прибывает на мангазейские земли.

Ерофей устроился целовальником — сборщиком таможенной пошлины и, как видно, немало преуспел: через два с половиной года со многими сороками соболей вернулся в Устюг, чтобы после отдыха и торговли снова отправиться в Сибирь, уже навсегда. В 1632 году все с тем же неразлучным братом Никифором и племянником Артемом Ерофей Хабаров обследовал верховья и среднее течение Лены, побывал на Куте, на Чечуе, на Киренге, Витиме, Олекме, Алдане. Он прискивал пашенные места, а попутно промышлял соболя, разворачивал торговлю, скоро и звание ему присвоили новое — торгового человека.

Весной 1640 года Ерофей Хабаров и его товарищи впервые бросили семена в ленскую землю и осенью получили урожай. На следующий год у устья Куты уже было около двадцати шести десятин пашни. Пока покрученики — наемные крестьяне — обрабатывали землю, Хабаров открыл соляные варницы в районе Усть-Кута и снабжал солью почти весь бассейн Лены и Витима. Скоро он перебрался к устью Киренги, создал и там крупное пашенное хозяйство, пустил капитал в оборот.

Воевода Головин решил поставить Хабарова на место — способом, не вызывавшим удивления в тот далекий и грубый век: сперва соляные варницы конфисковали в пользу казны, а несколько лет спустя их создателя посадили за решетку. Предлогом для сурового наказания, судя по документам, была крупная драка между казаками, а среди участников того рукоприкладства был и Ерофей, которого бог не обидел кулаками. По другим данным, основанием для ареста послужил отказ Ерофея Хабарова ссужать деньгами воеводскую казну²⁷.

Выйдя из тюрьмы, Хабаров предпринимает поход на восток; с семьюдесятью товарищами поднялся в лодках по Лене, вверх по Олекме и по ее притокам к Амуру. Год спустя ставит укрепленный городок и спускается вниз по реке. У устья Уссури зимует, проведывает окрестные земли, отражает нападение маньчжурского войска и весной снова поднимается по Амуру.

Хождение по рекам, связи с дальневосточными племенами, строительство укреплений и решительная их защита — все это было в духе времени и не отличало Ерофея Хабарова от других известных землепроходцев. Новые же черты стали проявляться в нем поначалу в делах безобидных: он завез на Лену лошадей, основал регулярный извоз

и стал вести обманную торговлю пушниной — обходя построенную близ Усть-Кута государствену таможену. Этими операциями он занимался вместе с напарником Парфеном Ходыревым, оба наживали барыши, но когда махинация раскрылась, перед судом оказался Парфен Ходырев... Хабаров же выступал на суде в качестве свидетеля.

Ходырева с позором выслали с берегов Лены, а Хабаров процветал, принимал на свою пашню пришлых людей, при этом на весьма кабальных условиях. Судился с теми, кто не мог ему вовремя выплатить долг, и начал практиковать ростовщические операции: давал деньги займы под проценты. Это был предприимчивый, отважный, деятельный земледелец и животноводство, но главным спутником крестьянина шел уже не охотник, раздосадованный упадком промысла, а рабочий горнорудной промышленности. Формировались города с мещанами, купцами, ремесленниками. По-прежнему плыли на восток дощаники с тканями, обувью, одеждами, домашней утварью, галантереей, парфюмерией, со всевозможными товарами заморского и отечественного происхождения. А в обратный путь все еще вывозили пушнину. Между тем скоро на сибирской земле стали выделяться мастерством плотники и каменщики, строители речных судов на Енисее и на Лене, прекрасных по архитектуре деревянных острогов и церквей, первых строгих каменных строений. Появились и свои портные, кожевники, обувщики, мыловары, кузнецы, котельники, медники, шорники, посудники...

Примерно полтора века Сибирь представляла себя России пушными богатствами и обнадеживающим сельским хозяйством. А с XVIII столетия наступил новый этап освоения: все шире распространялось земледелие и животноводство, но главным спутником крестьянина шел уже не охотник, раздосадованный упадком промысла, а рабочий горнорудной промышленности. Формировались города с мещанами, купцами, ремесленниками. По-прежнему плыли на восток дощаники с тканями, обувью, одеждами, домашней утварью, галантереей, парфюмерией, со всевозможными товарами заморского и отечественного происхождения. А в обратный путь все еще вывозили пушнину. Между тем скоро на сибирской земле стали выделяться мастерством плотники и каменщики, строители речных судов на Енисее и на Лене, прекрасных по архитектуре деревянных острогов и церквей, первых строгих каменных строений. Появились и свои портные, кожевники, обувщики, мыловары, кузнецы, котельники, медники, шорники, посудники...

В «наказных памятках», врученных первым землепроходцам, сохранилось непеременимое требование «про золотую руду, и про серебро, и про жемчуг, и камень, и медь, и олово, и свинец, и железо и про всякие камни накрепко проводить и расспрашивать». Местные жители — якуты, буряты, эвенки и другие сибирские народности — вызывались показать русским месторождения железной руды, соляные источники, горный хрусталь и слюду. Вообще говоря, они и сами умели плавить металл и ковать простейшие изделия, но, рассматривая русские пищали и алебарды и восторгаясь множеством незнакомых прежде и полезных в хозяйстве вещей, они шли в проводники поисковых отрядов.

В 1709 году возник Старо-Монастырский рудник около Нерчинского завода, где начальником поставили П. Мусина-Пушкина, а после него В. Суворова, отца будущего полководца. Добывали до десяти с по-

ловиной тонн серебро-свинцовых руд в год. На рудниках и заводах Забайкалья широко применялся труд приписных крестьян, а также каторжников и ссыльных. Началась добыча медной руды и строительство заводов в Томском и Кузнецком уездах. Неподалеку от Колыванского озера вырос медеплавильный завод уральского промышленника Акинфия Демидова. До трех тысяч сибирских парий с кайлами и тачками собирались на руднике у Змеевой горы, под сводами обледенелых забоев, по колено в холодной воде. На низкорослых местных лошадях обозы вывозили со змеевского двора серебро и золото. Рудник давал большую часть серебра и золота, отправленную в XVIII веке из Сибири в Россию. С 80-х годов стали разрабатывать Салаирское месторождение полиметаллических руд, открытое в ста шестидесяти верстах от Барнаула. Дымили плавильни меди, плавильни чугуна, железодельные заводики в других местах Алтая и на Енисее.

В горнодобывающей промышленности появлялись первые сибирские рабочие... Вообразите себе солдатского сына, выпускника одной из сибирских «гарнизонных школ». Открытые по сенатскому указу 1732 года во всех воинских гарнизонах, эти школы обучали подростков грамоте, военному делу, разным ремеслам, чтобы воспитанники могли пойти в слесари, кузнецы, столяры, сапожники. Дети мастеровых попадали в горнозаводские школы, созданные в 20-х годах XVIII века на Урале, а затем и на Алтае для обучения подростков, «которые в главные мастера и прочие горные чины по состоянию их родителей надежны». Питомцы этих школ составляли ядро квалифицированных горных рабочих, вырастали до «унтер-шихтмейстеров», до технической интеллигенции. Среди них было немало талантливых людей. Солдатский сын Иван Ползунов, механик Барнаульского сереброплавильного завода, сконструировал первый в мире универсальный паровой двигатель и со своей «огненной машиной» вошел в историю мировой технической мысли. Сын мастерового Козьма Фролов, механик-изобретатель с рудника у Змеевой горы, интересный живописец, разработал и соорудил оригинальные гидротехнические устройства.

На рудниках и заводах находили пристанище и вольнонаемные работные люди, среди них случались беглые, бродяги, кого только не было. Их посылали жечь древесный уголь, разбирать и перевозить руду. Такие же подсобные работы возлагались на приписных крестьян, все больше на деревенскую бедноту. Бывало, в самый разгар сева или уборки крестьян усылали в тайгу рубить лес, грузить уголь и флюсы. Не все мирились с такой участью, иные бежали от заводских отработок, поодиночке или артелью. Драгунские отряды ловили беглецов по лесам и возвращали на место — пороли, а кое-кому вырывали ноздри.

В 1730-х годах от Петербурга через Сибирь до Якутска (8600 верст) пошли первые почтовые станции регулярного сообщения, при них возникли постоянные дворы, поварни, трактиры...

Петровская эпоха (первая четверть XVIII века) принесла Сибири первые многолетние научные экспедиции, организованные с размахом, с приглашением ведущих европейских и русских ученых, с участием сотен солдат, ремесленников, крестьян. Ученых манили и волновали предстоящие открытия, они долго и тщательно готовились, чтобы безбоязненно тащиться с обозами по лесным равнинам, плыть по рекам на дощаниках, буксируемых упряжкой лошадей, составлять чертежи, рубить лес, строить боты, идти вдоль морских берегов и заполнять дневники сведениями, которым суждено будет стать документами великих географических открытий. Люди высокого духа, широко образованные, бескорыстно преданные науке, пустились в рискованные путешествия со счастливой безоглядной решимостью. И все же — пишу от зависти к путешественникам — задачу им облегчала сама Сибирь, лежавшая перед ними чистым белым листом — лист давно ждал, он уже сам тянулся к первым буквам, к самым начальным строкам.

Будем же помнить научный подвиг Д. Г. Мессершмидта, врача из Данцига, естествоиспытателя и лингвиста, отважившегося 250 лет назад первым отправиться в семилетнее (1720—1727 гг.) странствие по Сибири. Строгий педант, требовательный к себе и к другим, добросовестный ученый, лишенный каких-либо интересов, кроме исследовательских, Мессершмидт был именно тем человеком, на которого мог положиться Петр I, торопившийся узнать о сибирских землях нечто на уровне европейской науки того века. В Тобольске к экспедиции присоединился пленный шведский капитан Табберт и один художник, они вместе с Мессершмидтом добрались до Красноярска, но дальше пути их разошлись. После заключения Ништадтского мира капитан Табберт вместе с другими пленными шведами вернулся на родину, а Мессершмидт продолжал странствие, стойко перенося одиночество, лишения, непривычный для здоровья климат. Он проник через Енисейск в Туруханск, оттуда попал на Лену и вышел к Байкалу, направился вдоль монгольско-китайской границы и увлекся настолько, что пересек границу и очень растерялся, когда его задержали.

Мессершмидт отправлял в Петербург деревянные ящики с чучелами птиц, одеждой сибирских народностей, домашней утварью, привез с собой гербарии, множество тетрадей с подробными записями о погоде, о полезных ископаемых, о нравах и обычаях сибирских народностей, зарисовки пещер, наскальных рисунков, рек и горных хребтов... Пять больших томов. Но судьба оказалась к нему немилостивой. Во время пожара кунсткамеры часть коллекций погибла. После смерти Петра I в Академии наук все прибрал к своим рукам Шумахер, питавший неприязнь к державшемуся независимо Мессершмидту. Шумахер закрыл доступ Мессершмидту к коллекциям, которые тот хотел разобрать, классифицировать, описать. Возмущенный Мессершмидт покинул Рос-

сию — перед отъездом от него потребовали обязательства ничего не публиковать о путешествии.

Мессершмидт замкнулся и молчал. Но бывший капитан Табберт, теперь уже Страленберг (он получил дворянское имя в честь родного города Штральзунда) выпустил в 1730 году книгу «История путешествия по России, Сибири и Великой Татарии», где ссылается на странствие Мессершмидта, использует его материалы. По совету друзей Мессершмидт решил вернуться в Россию и еще раз попытаться получить доступ к своим коллекциям, чтобы закончить труд, которому отдано столько лет и столько сил. Ему отказали, милостиво обещая привлечь его для разъяснений, когда в его коллекциях встретятся неясности. Четыре года Мессершмидт ждет, еще надеясь на судьбу. В марте 1735 года всеми забытый Мессершмидт умирает в Петербурге печально и незаметно, как все это время жил, и еще долго его никто не хватился...²⁸

По инициативе Петра I в 1725 году отправилась через Сибирь к Тихому океану Первая Камчатская экспедиция во главе с принятым на русскую службу датским капитаном-командором В. Берингом и его помощниками — навигатором А. Чириковым и лейтенантом флота М. Шпанбергом. Петр написал инструкцию и обязал командора установить, существует ли пролив между Азией и Америкой. Когда инструкция догнала экспедицию, важную бумагу читали уже как завещание умершего государя... Два года пробирался отряд по сибирским землям, по рекам и по тайге, окруженный вниманием и помощью местного населения, особенно крестьянства. Экспедиция требовала множества вещей, которых не имело смысла или не было возможности приобретать в Петербурге: верили в исполнимость и даже в отзывчивость сибирской администрации, всего населения. Так оно и случилось — по деревням собирали пеньку, смолу, канаты, муку, крупу, отрывали от хозяйства сотни подвод и лошадей, чтобы перевозить пушки, фальконеты, якоря, железо, сталь, котлы, геодезические и штурвальные инструменты, зеркала, сукна, кожи. Можно себе представить, сколько понадобилось подвод, если одни медикаменты, деньги и письма экспедиции весили шестьдесят три пуда!

В Нижне-Камчатске построили и спустили на воду бот «Св. Гавриил». Летом 1728 года «Св. Гавриил» вышел в море и взял курс на север. Моряки открыли новые острова, впервые промерили глубины вдоль побережья. Бот миновал пролив, разделяющий два материка. Кое-кто из участников экспедиции настаивал плыть дальше, но командор Беринг решительно приказал повернуть обратно: зачем подставлять деревянный бот под айсберги?

«Санкт-Петербургские ведомости» известили Европу об открытии морского прохода между Азией и Америкой.

В 1733 году В. Беринг возглавил Вторую Камчатскую (Великую

Камчатскую, или Великую Северную) экспедицию, продолжавшуюся десять лет на всей территории Сибири и Дальнего Востока. Отряды русского флота работали по побережью Ледовитого океана, предпринимали рискованные плавания к устьям Печоры, Оби, Енисея, Лены, Яны, Индигирки, Колымы. С каждой милей обрушивались на мореходов новые впечатления, брала в полон северная краса, и молодые куряне, смоляне, москвичи — кого только не было — называли себя гиперборейцами. Они описывали берега, острова, устья рек и на шатких судовых столиках составляли первые подробные карты.

Один из отрядов экспедиции называли Академическим или Сухопутным — тут были Г. Миллер, И. Гмелин, С. Крашенинников, Г. Стеллер, И. Фишер и другие ученые, взявшиеся исследовать природу, климат, ресурсы Сибири, историю и этнографию аборигенов. Это был редкостный по размаху и тщательности многолетний комплексный труд. Интересны изыскания Г. Миллера — «отца сибирской истории» — он странствовал по многим городам и уездам, собирал фольклорный, летописный, этнографический материал, рылся в архивах, которые попадались на его пути, расспрашивал каждого встречного, уточняя детали, — так появилась его «История Сибири». Первый том вышел на русском языке в 1750 году: «Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена; сочинено Герардом Фридериком Миллером, Историографом и Профессором Университета Академии наук и Социетета Ангинского членом», — к нему до сих пор почтительно обращаются историки Сибири.

И снова, как прежде, сибиряки, все больше крестьяне, снабжали Вторую Камчатскую мукой, крупой, хлебом, маслом, лошадьми, подводами. По указу воеводской канцелярии молодые крестьяне в одной гурьбе с угрюмыми каторжниками поступали в распоряжение экспедиции, гребли и тащили бечевой баржи да лодки, калеча ноги среди прибрежных камней. По деревням громогласно созывали плотников строить экспедиционные суда. Крестьяне уходили в тайгу валить сосны и, погоняя лошадей, волокли по тропам деревья до плотбища. А экспедиции нужны кузнецы! Конопатчики! Лоцманы! Особо тяжко пришлось пахарям Илимского воеводства. «На протяжении десяти лет, — замечает историк, — Илимск являлся основной базой Камчатской экспедиции, а илимский пашенный крестьянин — невольным участником и главной ее силой... И потомки, воздающие честь славным деятелям этого паразитического научного предприятия, лишь выполняют свой долг, если вспомнят о позабытом герое — пашенном крестьянине...»²⁹.

Но вернемся ко Второй Камчатской... Морские офицеры, приглашенные на русскую службу иностранцы, студенты, мастеравые — этот разношерстный люд был сплочен согласием: не страшась трудов, годами пробираться в дебрях Северной Азии к Великому океану, раздвигать

гая географическое познания цивилизованного мира. По-разному складывались их судьбы в чужом краю. Во время арктических поездок я слышал много преданий, страшных и трогательных, но одна история, а может быть, легенда, так запала в душу своею таинственностью и правдоподобностью, что успокоение пришло лишь несколько лет спустя, когда случайный почтовый биплан взлетел над портом Тикси и взял курс к устью Оленька, в пустынные места, где могильный холмик над подлеморской унылой тундрой мог печально укрепить доверие к рассказам бывалых людей.

Вот эта история, как она запомнилась мне.

Жарким летом 1735 года под Якутском на Жатайском затоне строили трехмачтовый дубель-шлюп «Якутск» для плаванья среди северных льдов. Командир Лено-Хатангского отряда Второй Камчатской лейтенант Василий Прончищев и штурман Семен Челюскин, молодые офицеры русского флота, опьяненные предстоящим совместным походом в Ледовитый океан, пропадали на верфи, торопя корабелов. Однажды Прончищев и Челюскин скакали в город берегом реки, погоняя низкорослых местных лошадей. В заливе купались черноволосые девушки-якутки. Всадники осадили лошадей, пошутили и хотели было двигаться дальше, но одна из девушек, обернувшись, задержала их внимание европейскими и к тому же прекрасными чертами лица. Было отчего смутиться флотским офицерам!

Лошади еще долго топтались на месте, косясь на залив, откуда доносилось веселье.

Друзья навели справки — Мария, так звали девушку, оказалась дочерью высланного в северный край дипломата, приближенного к Петру Великому и попавшего в немилость после смерти государя. Она получила европейское воспитание, прекрасно пела, рисовала и была любимицей якутской молодежи: свободно говорила по-якутски, знала народные обычаи, в праздник ысыах лихо пила из чорона кумыс и водила хоровод ёхор. Талантливая, веселая, быстрая! Во всяком случае, флотские офицеры с той поры зачастили в ветхую избу, где девушка жила со старым отцом, обрадованным возможностью общения с образованными моряками из экспедиции командора Витуса Беринга.

Всю зиму, пока на верфи строили корабль, Прончищев, Челюскин и Мария не разлучались. Они катались со снежных гор, ночами слушали якутов-олонхосутов, читали книжки, учились играть на хомусе, скользили по льду Лены, бродили вокруг башни острога, отгоняя мысли о неизбежной весенней разлуке.

Прончищев и Челюскин полюбили Марию.

Весной, когда прошел по реке ледоход и военный корабль спустился с бревенчатых ступеней на воду и он уже покачивался на волнах, удерживаемый якорной цепью, и вся команда была возбуждена скорым прощальным звоном судового колокола, Марии надо было сде-

лать выбор... Она стала женой Прончищева. По обычаям, женщину не положено брать на борт военного судна, но матросы так любили своего командира, да еще и привязались к его юной прекрасной жене, что в дни прощания осмелились постучать в каюту лейтенанта. «Василий Васильич, может, возьмем... на борт? В Петербурге, ей-богу, никто не узнает!».

Челюскин согласно кивал головой.

Летом 1736 года «Якутск» спустился к устью Лены, протоками вышел в Ледовитый океан и повернул вдоль берега на запад к Таймыру. Мария была первой русской женщиной в арктических водах. «Якутск» достиг 77-го градуса 29-й минуты северной широты и попал в тяжелые льды. Прончищеву хотелось пробиться до устья Енисея, но это не удавалось. Марии казалось, что это из-за нее, из-за женщины на борту, господь обрушил на корабль неудачи. Во всяком случае, думала она, такие мысли могли приходить в голову Прончищеву, он мог, не подавая вида, все же думать, что именно она всему виной, он мог жалеть, что презрел обычай, и от этих сомнений она молча страдала.

Корабль повернул обратно... И как бы в горестное продолжение несчастьев Василий Прончищев заболел цингой. Спасти мужа Мария не смогла.

Матросы хоронили своего командира в устье реки Оленек, на мерзлом пустополе, посреди северной тундры, за сотни верст от ближайшего стойбища охотников. Было пасмурно, дул холодный сентябрьский ветер со стороны океана. И когда вырос холмик, Мария упала на могилу, обняла ее и прижалась к ней лицом. Ее попытались поднять, но тело не поддавалось — она была мертва.

Марию похоронили рядом с Василием.

Говорят, что в тот холодный день Челюскин одиноко и долго стоял у свежей могилы, изредка бросая комья глины на утрамбованный лопатами холм. Может быть, в те часы он и дал себе слово, чего бы это ни стоило ему, все же добраться до самой северной земли на побережье Арктики и дать ей имя Марии — имя своей любимой и жены друга.

В мае 1742 года, двигаясь по тундре на собаках вдоль побережья Ледовитого океана, Челюскин вышел на крайнюю северную точку Евразийского материка. Этот гористый мыс над морем он будто бы и назвал мысом Марии. Впоследствии, когда материалы Второй Камчатской экспедиции попали в Петербург, когда пошли выяснения, кто и что открыл, как и почему наименовал, всплыла история Марии Прончищевой. Петербургу это не понравилось: офицер морского флота нарушил закон. И мыс, говорят, переименовали... Он и сейчас, как почти два с половиной века назад, высится над Ледовитоморьем — но зовется теперь мысом Челюскина³⁰.

Эта версия несколько отличается от известных по документам обстоятельств, но что из того — однажды возникнув в арктическом пла-

вании, во льдах и торосах, под хмурым снежным небом, она бытует среди суровых полярников, как им одним известная и свято хранимая тайна.

...Был апрель 1969 года. Почтовый самолет облетел острова Исай-арыта, опустился лыжами на лед Оленька и затормозил бег возле домика полярной станции. Ветер швырял в лицо мокрый снег. К самолету сошлись полярники, их здесь живет пять семей — мы вместе выгружали почту и бочки с горючим. А потом я попросил новых знакомых показать могилу Прончищевых. Мы двинулись по снежной целине, я шел за полярниками след в след, спотыкаясь и вглядываясь в колючий белесый туман, пока не заметил на взгорье тяжелый крест с двумя перекладинами.

Мы смахнули рукавицами снег с перекладин и обнаружили три приколотенные гвоздями дощечки с надписями, побитыми ветром и дождями. Если судить по датам, люди здесь бывали в 1921, в 1936, в 1961 годах — неужто в иные годы сюда никто не добирался? Я стоял над могилой в ошеломлении — так живо представился восемнадцатый век, эпоха великих географических открытий, дерзких походов, полетов ума, а во всем этом, надо всем этим история одной любви, тоненькая горящая свеча, плывущая из тьмы столетий.

Тучи низко шли в печальном марше, набухшие и тяжелые, предвестники новых снегов. Полярники принесли молотки и гвозди, подоспели летчики, мы стали поднимать изгородь и укреплять старый крест.

Присоединяя Сибирь к Российскому государству, высшая администрация пока еще и представления не имела, как управлять столь обширными и отдаленными территориями: создавать ли структуру, подобную европейской части империи, или же придумывать новый и небывалый доселе порядок. В XVI веке органами центрального управления государства были приказы: их возглавляли доверенные царя, которые ведали отраслью хозяйства или территорией. Сибирь вначале отнесли к Посольскому приказу, затем передали приказу Казанского дворца, а в 1637 году был образован специальный Сибирский приказ во главе с князем Б. М. Лыковым, приближенным царя Алексея Михайловича. Аппарат центрального учреждения состоял из судьи приказа (начальника), ведавших «столами» дьяков и группы подьячих-канцеляристов. Помимо управленческих забот, это учреждение занималось оценкой, обработкой, хранением и продажей сибирской пушнины, потому в штате приказа числилось несколько скорняков, «купчин» и целовальников — сборщиков таможенных пошлин. При вступлении в эту высокую должность они должны были целовать крест, хотя история учит, что ритуалы часто прикрывали самые безбожные злоупотребления.

На должность судьи Сибирского приказа назначали крупных царедворцев, представителей родовой знати, которым неплохо жилось в достославной столице, иные даже не подумывали навестить подвластные сибирские уезды, управляемые воеводами. Нескольких уездов составляли разряд (в первой половине XVII века существовало три разряда — Тобольский, Томский, Якутский, а уже во второй половине века к ним прибавился Енисейский), во главе разрядов стояли воеводы, обычно более знатного происхождения, чем воеводы уездные, а потому имевшие над ними не только административную власть, но и сословное превосходство. Четкого разграничения сфер деятельности разрядных и уездных воевод не существовало, они нередко, как мы теперь говорим, дублировали друг друга или же, напротив, принимали взаимоисключающие решения, и эта безалаберность руководства лишала чинов какой бы то ни было ответственности: за истинное положение дел в Сибири, в разряде или уезде по существу не отвечал никто. Москва была за тридевять снегов, а потому в глазах сибирского населения местный воевода был всемогущим и всевластным владыкой, способным казнить и миловать. Нередки случаи, когда воеводы чинили произвол, брали взятки и «подношения», притесняли за малейшую строптивость или жалобу, самочинно судили, а чаще расправлялись без суда. Из разных мест шли челобитные царю-батюшке, о том ставились в известность воеводы на местах, их подьячие отписывали по начальству о решении вопроса, хотя на самом деле часто ничего не делалось, а только ужесточался режим и усиливались преследования за челобитные.

Высшая администрация не уставала повторять воеводам, что за каждой челобитной стоит живой человек, что надо на месте с ними разбираться, а не заваливать челобитными стольный град Москву, но воеводы-то прекрасно понимали, что для отписки или для фискальной проверки можно пособить отдельным челобитчикам, но исключить сами обстоятельства, вынуждающие людей, даже неграмотных, посылать жалобы царю-батюшке, было не во власти воевод: тут следовало бы разрушить отлаженную и для самих воевод весьма удобную административную машину.

С образованием Сибирской губернии (1708 г.) первым ее губернатором стал князь М. П. Гагарин: ему дали право назначать воевод, которых с тех пор величали комендантами. Стольным городом Сибири назвали Тобольск, сюда приезжали для решения дел не только воеводы-коменданты, но даже и послы восточных стран. Между тем воеводы на местах творили что бог на душу положит, ничем не гнушаясь ради быстрейшего обогащения на сибирских землях, покинуть которые они были готовы в любое время. Их злоупотребления зашли так далеко, что встревожили русское правительство. Принимались меры, чтобы хоть как-нибудь ограничить возможности безудерж-

ного приобретательства. Воеводам запретили иметь больше мехов, чем предусмотрено правилами; по возвращении из Сибири подвергали обыску не только самих воевод, но также их жен и детей. Таможенные чиновники обязаны были досматривать пушнину «в возах, сундуках, в коробьях, в сумках, чемоданах, в платьях, в постелях, в подушках, в винных бочках, во всяких запасах, в печеных хлебах... обыскивать мужской и женский пол, не боясь и не страшась ничего ни в чем, что в пазухах, в штанах и в зашитом платье отнюдь никакой мягкой рухляди не привозили... а что найдут, то брать на государя»³¹.

А петербургские дома все выхвально сибирским богатством.

За злоупотребления властью воевод сажали в тюрьмы, подвергали пыткам — одним словом, проделывали с ними то же самое, что они допускали в отношении сибирского населения. Дело дошло до того, что губернатора М. П. Гагарина вынуждены были приговорить к смерти и публично повесить. Но эти действия, способные произвести внешний эффект, не могли изменить самой системы, при которой злоупотребления возможны. На место одних губернаторов и комендантов приходили другие, вскрывали ошибки своих предшественников, но сами, в конце концов, поступали так же, только старались быть изворотливее. П. Нарышкин, назначенный в 1775 году главным начальником Нерчинских Заводов, прокутил свои капиталы и потребовал у местного купца деньги взаймы. Купец заколебался. Нарышкин собрал подчиненную ему артиллерию, приказал зарядить пушки, окружил орудиями дом купца и готов был скомандовать «пли» — если бы в ту минуту на крыльце не появился купец с деньгами на серебряном подносе.

Были среди правителей Сибири и весьма образованные, даже искренне преданные своей службе личности, но что их усилия?

Как замечал П. Кропоткин, «высшая сибирская администрация имела самые лучшие намерения; опять повторяю, состояла она, во всяком случае, из людей гораздо лучших, гораздо более развитых и более заботившихся о благе края, чем остальные власти в России. Но все же то была администрация — ветвь дерева, держащегося своими корнями в Петербурге. И этого вполне было достаточно, чтобы парализовать все благие намерения и мешать местным самородным проявлениям общественной жизни и прогресса. Если местные жители задумывали что-нибудь для блага края, на это смотрели подозрительно и с недоверием. Попытка немедленно парализовалась, не столько вследствие дурных намерений (вообще, я заметил, что люди лучше, чем учреждения), но просто потому, что сибирские власти принадлежали к пирамидальной, централизованной администрации. Уже один тот факт, что она была ветвью правительственного дерева, коренящегося в далекой столице, заставлял сибирские власти смотреть на все с чиновничьей точки зрения. Раньше всего возникал у них вопрос не о том, насколько то или другое полезно для края, а о том, что ска-

жет начальство там, как взглянут на это заправляющие правительственной машиной»³².

Положить конец произволу хотел М. М. Сперанский, направленный в 1819 году генерал-губернатором Сибири. Он совершил поездку по восточным территориям, слушал жалобы, встречался с людьми разных характеров и судеб, назвал край «отчиной Дон-Кихотов» и в письме Кочубею отмечал: «Природа назначала край сей не для того, чтобы невероятными трудами извлекать несколько крупинок серебра, разбросанного по горам; но для сильного населения, для обширного земледелия, для овцеводства, для всех истинно-полезных заведений, кои могут быть здесь устроены на самом большем размере с очевидными успехами»³³.

Сперанский был умен, образован, в суждениях широк, но недавняя царская опала и немилость, испытанные им с досадой и горечью, научили его двум главным свойствам: осторожности и гибкости. Естественно, он и не помышлял потрясать основы государственной власти, хотя мысль его часто бывала глубже той формы, в которую он ее облекал. Прогрессивная общественность многого ожидала от задуманной им реформы, и некоторые ее разделы в самом деле носили принципиальный характер: удалось рациональнее районировать пространства Сибири (разделили на два генерал-губернаторства: Западной Сибири и Восточной Сибири), были предприняты шаги к поощрению частного предпринимательства, к некоторому облегчению жизни сибирских народностей — им разрешили свободный и беспошлинный сбыт продукции.

Среди привлеченных к разработке реформы особенно выделялся активностью и сердечным участием в судьбах сибирских племен инженер путей сообщения Г. С. Батеньков, сибиряк по рождению, человек смелых планов и решительных действий. Ему принадлежит и «Устав об управлении инородцев Сибири». Устав предусматривал переход кочующего населения на оседлый образ жизни. Батенькова поставили правителем дел Сибирского комитета, возглавляемого Сперанским, а затем Аракчеевым. События 14 декабря 1825 года зачислили Батенькова в ряды «государственных преступников», и он по этапу отправился в Сибирь, которой так искренне и старательно желал добра.

Реформа Сперанского все же не смогла решить сибирские проблемы кардинально и бескомпромиссно: сколь ни привлекательными выглядели стремления реформаторов ограничить произвол властей, упростить разрешение дел, учредить широкую гласность постановлений и поступков всех должностных лиц, эти благие намерения не могли быть в полной мере осуществлены в условиях самодержавного единовластия, не допускавшего и мысли о действиях, способных поколебать незыблемость установленных порядков.

Мыслящие люди возлагали надежды на молодое поколение чиновников, щеголявших прогрессивными словечками и даже осуждавших при свечах и за бокалом пунша то или иное действие царя и его бюрократического аппарата, но это вольномыслие, по большей части, продолжалось до вступления хотя бы на первую ступеньку государственной иерархической лестницы. Молодые чиновники старались в своем рвении превзойти собственных покровителей и с улыбкой вспоминали наивные суждения молодости. Во всяком случае, от обновления бюрократического аппарата Сибири лучше не становилось.

Спокойная и размеренная жизнь сибирской окраины была внезапно нарушена в 30-х годах XIX века: золотая горячка, точно землетрясение, расшатала многие здания торгово-промышленной организации; огромные капиталы, масса людей, артели и бродяги хлынули через горы и леса к глухим речушкам промывать деревянными лотками песок, ворочать прибрежные камни, долбить кайлой и лопатой северную землю. Эти люди прошли вдоль и поперек Енисейскую тайгу, Витимскую тайгу, Баргузинскую тайгу, стараясь застолбить «свое» место, и не раз, зверея, хватали друг друга за глотку, и при ружейной пальбе с елей валились мохнатые ветви.

«Золотое» время останется в истории Сибири связанным с грустными страницами самого беззащитного расхищения природных богатств. Крупные капиталисты, приближенные царя, местные предприниматели, иностранные ловцы удачи — все добывали сибирское золото, разрабатывая участки лишь с высоким содержанием металла; остальные пески или штольни забрасывались, обращались в отвалы, снимались с балансовых запасов государства. Эта участь постигла не только золото, но и другие полезные ископаемые, извлекаемые примитивными варварскими способами при широком использовании дарового труда ссыльнокаторжных. И руда, и многое другое вывозилось для обработки в европейские районы страны, обрекая Сибирь на незавидную роль сырьевого придатка империи. Это волновало думающих людей. Ученые и публицисты XIX века предупреждали о грозящей опасности. «Многokrатно уже доказывалось, — писал Э. Петри, — что вывоз сырых продуктов из Сибири представляет явление весьма вредное и готовящее самые гибельные последствия для будущего преспеяния страны»³⁴.

Если принять во внимание, что в 60—70-х годах XIX века ежегодно истреблялось свыше 43 тысяч соболей, 56 тысяч горностаев, миллионы белок и ценнейшие породы рыб, большая часть которых выбрасывалась, потому что не хватало соли и негде было ее хранить, то весь этот период удачливого бума и промысловой лихорадки теперь у нас, потомков, вызывает чувство глубокой досады: не за темпы развития производительных сил, а за приемы и методы, истинную цену которым суждено было узнать лишь последующим поколениям.

Идею рельсовых дорог на восточной окраине России принято относить к 50-м годам XIX века, когда граф Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири, поручил произвести изыскания грунтовой трассы между заливом Де Кастри в Татарском проливе и Софийским заливом на Амуре, имея в виду превратить ее впоследствии в железную дорогу. Примерно в те же времена стало появляться немалое число проектов железных и конно-железных дорог в отдаленных районах Сибири, называемой тогдашними образованными людьми «ближкою Калифорнией». Проекты бывали смелые, даже отчаянные. Томский губернатор, например, озабоченный снежными заносами, настаивал строить дорогу от Тюмени до Иркутска в крытом деревянном коридоре.

Известны проекты, выдвинутые английскими и американскими предпринимателями (Дулем, Коллинсом, Моррисоном и т. д.). Они намеревались совместить прокладку рельсового пути с разработкой природных ресурсов и льготной торговлей на востоке России. Муравьев-Амурский принялся было покровительствовать американцу Коллинсу: его предложения о железной дороге Иркутск—Чита он препроводил в Петербург, сообщив при этом о своем сочувствии проекту и условиям. Предусматривалось освободить американскую строительную компанию на 99 лет от налогов, разрешить ей безвозмездно пользоваться лесом и строительными материалами, разрабатывать на прилегающих землях руды и строить заводы, вербовать рабочих, где сочтут нужным, и не препятствовать распространению акций по всей империи. По истечении договорного срока дорога должна быть передана в собственность России.

Правительство отклонило проект: он не указывал точного направления пути, строительство обошлось бы слишком дорого и вряд ли компания собрала бы в России даже десятую часть необходимых средств. А главное, этот участок железной дороги поставил бы внутренние интересы Восточной Сибири в зависимость не от метрополии, как это было до сих пор, а от районов Великого океана, где усиливалось влияние иностранных предпринимателей, в особенности североамериканцев. В переговорах с Коллинсом предписано было «действовать со всей возможной осторожностью и ни в коем случае не сообщать ему всех причин, послуживших правительству основанием к отказу в его предложении (кои должны быть известны только лицам высшего правительства); объяснив ему в самых учтивых и лестных выражениях, что правительство нашло его предложение преждевременным, не входя за сим в объяснение других причин»³⁵.

В один из зимних дней 1878 года, а именно 20 февраля, в Москве встретились два выдающихся человека, оба фанатики, равно озабоченные прокладкой дорог в Сибири, но сторонники принципиально разных решений: золотопромышленник М. Сидоров, захваченный идеей

устройства Северного морского пути, и инженер Е. Богданович, энтузиаст сооружения Транссибирской железной дороги.

Это было на торжественном обеде, устроенном московским обществом в честь прибывшего из Петербурга М. Сидорова, всем известного гуляй-купца, одного из самых богатых людей России. Гость откинулся сильной бурлацкой спиной к синему плюшу кресла, заложил одну руку в карман пливовой поддевки, а другою поглаживал мужицкую рыжую бороду, метал испытующие взгляды на лица, к нему обращенные с почтением и любопытством, точно взвешивал, кто тут чего стоит.

Сын архангельского купца второй гильдии, он был почитаем сибиряками истинно своим человеком не по причине его широкого разудалого характера, трудолюбимого, как тут говорят, но перво-наперво потому, что его бытие, похожее на необузданную бурную реку, разбитую на множество рукавов, неизменно петляло по северной земле. Тут он искал золото, владел многими приисками и внезапно предложил все состояние на устройство университета в Сибири. Странствуя, открыл месторождения графита на Нижней Тунгуске и затеял добычу. Пытался на свои средства построить Обь-Печорскую грунтовую дорогу и прорыть канал Таз—Турухан. Собирал минеральные коллекции, отсылал их в Петербург и на Всемирные выставки в Лондон, Париж, Вену. Писал статьи и книги о нуждах Севера; защищал аборигенное население, а для детей инородцев построил школу при Туруханском монастыре, взял ее на содержание и удостоился звания почетного вице-президента африканского института во Франции для цивилизации диких племен. Он назначил премию в 2 тысячи фунтов стерлингов тому, кто пройдет с запада Карское море и бросит якорь в устье Енисея, отправился в Швецию, вовлек в свои затеи полярного морехода Норденшельда, сам вышел в арктическое плавание на пароходе «Георгий» и, наверное, прошел бы тяжелые карские льды, если бы поблизости не потерпел бедствие английский пароход «Норфольк» — «Георгий» изменил курс, пошел на помощь и упустил время для прохода сквозь льды.

Во всяком случае, участник торжественного обеда полковник Е. Богданович, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, изыскатель железных дорог, одержимый проектом Сибирского рельсового пути, которому он посвятил едва ли не сотни устных и печатных выступлений, а также обращений к высшим правительственным чинам, весьма сожалел, что сидоровская энергия направлена хотя и на важные, даже близкие, а все же иные цели. Ибо великий исторический подвиг России, по его разумению, заключен будет в прокладке именно железной дороги на восток. Рельсовый путь должен стать несокрушимым памятником культуры XIX века и вступлением на порог грядущего XX века. Полковник утвердился в этой мысли после поездки по уральским горнозаводским поселениям, страдавшим от голода,

плохого снабжения, оторванности от промышленных центров России. Ее разделяли многие, даже и министр финансов, который с сочувствием выслушал тогда Богдановича и грустно улыбнулся, прощаясь: «Скажу вам, однако, полковник, что много еще утечет воды прежде, нежели это полезное дело найдет свое осуществление».

Об этом, может быть, и вспомнилось Богдановичу, и хотелось теперь говорить, когда пришел черед поднять в честь Сидорова тост, но начал он так:

— Встречаются часто люди, которые постоянно к чему-то стремятся и никогда ни к чему не приходят. Не хватает выдержки, знания, любви, воли. Встречаются, но гораздо реже, люди, которые избирают себе только одну цель и уж наверняка во что бы то ни стало дойдут до нее. Таких-то тружеников нам нужно побольше, особенно в настоящее время. Такого именно труженика мы чествуем сегодня за нашу трапезой...³⁶

Глядя в уже хмельные глаза гостя, он продолжал, делая паузы, дабы подчеркнуть каждое слово:

— Все, что сблизит Сибирь с нами, нас с Сибирью, должно приветствоваться радостно. И морской путь, и путь железный в золотоносную Сибирь — это проводники нашего экономического развития, нашего народного богатства!

А идея волновала умы, вслед за фабрикантами и заводчиками ее стали поддерживать купцы с Нижегородской и других крупных ярмарок, они писали государю: «К столицам Твоим, Государь, мы доставим немалые богатства и сами оживем Твоей щедротой». В российской печати, столичной и провинциальной, обсуждали, где и как лучше проложить рельсовый путь, в коем видели «проявление русского национального величия» и «исполнение нравственного долга современников перед лицом грядущих поколений».

Богданович, как видно, не переубедил Сидорова, не склонил его к своей мысли и продолжал писать статьи, будоражить общественное мнение, а когда стал слепнуть, диктовал их жене, снова и снова указывая выгоды рельсового пути на восток. При открытии Петровской линии московских конно-железных дорог он выступил с речью:

— Не знаю, доживу ли я до той трапезы, за которою будет праздноваться соединение Москвы с золотоносною Сибирью. В этот день я бы перекрестился, успокоился и сказал бы последнюю речь: ныне отпускаеши раба твоего...

К быстрейшей постройке Сибирского пути стали склоняться и правительственные чины, занятые внешней политикой и озабоченные напращанием на восточных границах. Англия субсидировала открытие паромного сообщения между Канадой и Китаем, китайцы установили телеграфную связь, концентрировали на границе воинские части, и всяк понимал, что в случае вооруженного конфликта главный русский порт

на Тихом океане — Владивосток оказался бы отрезанным от Европейской России. «Игнорировать же Китай, как нечто для нас совершенно безразличное, — указывала официальная печать в 1890 году, — значит жить только сегодняшним днем и закрывать глаза на будущее, даже на ближайшее будущее; такое поведение непростительно и для отдельной личности, а тем более непозволительно оно для целого государства. Игнорировать Китай — это значит игнорировать историю, которая дает нам массу примеров того, как неожиданно и быстро нация или народность — до того времени веками пребывавшая в косности и невежестве, — как быстро она может приобрести военное могущество и стать грозой не только для соседей, но и для самых отдаленнейших государств мира»³⁷.

В 1891 году началась постройка Великого Сибирского рельсового пути. План осуществления замысла разработал министр финансов граф С. Ю. Витте, сторонник не шаблонного, а совершенно нового подхода к стройке такого масштаба: он предложил сооружать магистраль не всю разом, а поочередно, отдельными участками, поощряя при этом последовательное освоение прилегающих земельных округов, развитие речного судоходства и горнозаводской промышленности. Законодательная власть полностью передавалась комитету Сибирской железной дороги, в который вошли первые лица государства — председатель комитета министров, министры финансов, путей сообщения, внутренних дел, государственных имуществ, военно-морской, а также государственный контролер. Во главе комитета стоял сначала наследник, а затем царь Николай II. Стремясь хоть как-то преодолеть неповоротливость бюрократической правительственной машины, договорились вопросы финансирования решать не в общепринятом тогда порядке (через общее собрание Государственного совета и последующее утверждение царем), а по укороченной схеме — при совместном обсуждении комитетом Сибирской железной дороги и соответствующим департаментом Государственного совета.

Государь призвал всех, причастных к сооружению, «строить и быстро и дешево», до конца не сознавая, как видно, истинные масштабы затейного. Проектировщики, дабы не вызывать высочайшее неудовольствие, урезывали в сметах, что можно и что нельзя, сокращали многие необходимые работы. Принимали упрощенные решения, надеясь как-нибудь утвердить проект, не раздражая особенно верхи, а там жизнь свое возьмет, заставит делать все, что пока укрывалось в тени проекта и смет. Первоначальную стоимость железной дороги приняли в 350 миллионов рублей, а действительная, когда подсчитали, превысила миллиард, не говоря о потерях экономического, организационного, нравственного характера, вызванных страхом смотреть в глаза царя и бесстрашием не смотреть в глаза правде.

В разгар строительства на трассе работало 84—89 тысяч человек,

пестрый, разношерстный, многоязыкий люд, вытолкнутый нищетою со всех углов Российского государства. В одной канаве, стоя по колено в воде, трудились отходники из малоземельных районов, беглецы с золотых приисков, забайкальские казаки и ссыльные, вчерашние ямщики с Московского тракта, бедняки буряты, воинские команды, недавние «чаерызы», как называли сибиряки лихих грабителей, нападавших по ночам на обозы с чаем. На стройку привлекли 15 700 иностранных рабочих, в основном китайцев, корейцев, японцев (на Уссурийском и Забайкальском участках), были финны, немцы, итальянцы. Большинство людей впервые оказалось в условиях пустынной сибирской земли, в тайге, на болотах, среди скал, в мире вечной мерзлоты и частых землетрясений, предоставленные летом изнурительной жаре и тучам мошки, а зимою — трескучим морозам, снегопадам, наледям на дорогах. Но выдюжили, но выстояли, но проложили путь, увековечив народный подвиг, один из самых внушительных в российской истории.

«В моих понятиях устройство Великого Сибирского пути,— писал С. Ю. Витте,— неразрывно связывалось с вопросом о переселении. Этим путем, с одной стороны, разрежалось население Европейской России и там (в Европейской России) являлось больше свободы для земельного быта крестьян, а с другой стороны — этим оживлялась великая наша сибирская окраина; затем благодаря переселению можно было надеяться, что Сибирский путь в близком будущем сам себя будет окупать»³⁸. Этому противились, как могли, крепостнически настроенные землевладельцы центральных и южных районов. Но рельсовый путь протаранил ворота, и в распахнутый проем хлынули волны крестьянского перемещения. Сначала в путь отправлялись ходоки, выбранные обычно небольшим числом семейств, они присматривали землю, приглядывались к окружению, чтобы в подробностях пересказать землякам-односельчанам, желающим твердо и наперед знать, на что они могут рассчитывать. Правительство установило для переселенцев льготный проездной тариф, втрое меньше обычной стоимости железнодорожного билета. На станциях по пути следования организовали выдачу хлеба и горячего питания, открыли пункты медицинской помощи, к поездам подцепили вагоны-церкви с крестом на крыше. Бедный крестьянский люд, сгрудившись в товарных вагонах, испуганно смотрел во все щели, как уплывает, остается позади родная земля и возникают картины их новой родины. В первые же годы после открытия движения поездов по Сибирской железной дороге (1892—1901 гг.) на восток переселялось каждый год в среднем по 147,5 тысячи крестьян. За четверть века переселилось до 4 миллионов человек. Население Сибири удвоилось.

Железная дорога ускоряла кругооборот капиталов, привлекала в свою зону новые рудники, копи, фабрики, станции и города, способствуя размаху производительных сил края, но ориентируя хозяйство

почти исключительно на добычу и вывоз сырого продукта. Даже прежние отрасли, оживленные в пору прокладки рельсового пути (металлургия, например), стали глохнуть, исчезать с экономической карты края, уступив место горнодобывающей промышленности, первым делом добыче золота. Возникали серебро-свинцовые и медеплавильные рудники, угольные копи, соляные промыслы, лесопильные заводы, поставлявшие древесину на российские и международные рынки. Шли споры о путях развития края, многие опасались за будущее, наблюдая, как постепенно промышленность берет верх над земледельческим трудом, и, ссылаясь на опыт американских фермеров Дальнего Запада, оказавшихся в лучших условиях, нежели рабочие фабрик и заводов в предместьях больших городов, торопились предостеречь: «...Можно хорошо жить без множества фабрикатов, но нельзя остаться без хлеба и мяса»³⁹.

Завать в Сибирь бездомных, да неустроенных, да всяко обиженных судьбой не так уж сложно было, тем паче, что расширялся рынок наемного труда. Спорили, однако, о том, как и чем удержать население, обратить пришлых в сибиряков, до конца преданных краю и не замышляющих, чуть поокрепнув, при удобном случае податься в обратный путь. Перед глазами был опыт Канады, где уже сообразили главные затраты направлять не на колонистов, то есть не на повышение их личных доходов и выгод, а на создание общих экономических условий, способных, как писали современники, привлечь колонистов «более, чем всякие льготы, ссуды, пособия и опека, которые стоят в конце концов гораздо дороже и не только дают меньше, но вносят разлагающие начала в колонию»⁴⁰. Принципиальный вопрос, он еще не раз будет вставать перед стратегами хозяйственного продвижения на восток, при заселении новых территорий, и я не буду утверждать, что в наши-то дни тут уже не о чем думать.

По железной дороге, или «чугунке», как ее называли, на первых порах продвигались каждые сутки три пары поездов: два товарных (скорость 12 верст в час) и один товаро-пассажирский (20 верст). Со временем в расписание включили, помимо дополнительных товарняков, еще три «сибирских экспресса», с повышенной скоростью, способных пройти от Москвы до Владивостока за 9 дней 8 часов и предназначенных как для пассажиров отечественных, так и для иностранцев-путешественников, направляющихся транзитом из Европы в страны Тихоокеанского бассейна. Эти их поездки носили сезонный характер, тем не менее в 1910 году, например, от продажи купонных книжек для сообщения из Европы через Сибирь с Японией и Китаем выручили более 2 миллионов франков, или больше 785,5 тысячи рублей.

Великая Сибирская железная дорога имела для России и для Европы также особое нравственное значение. Она приблизила окутанный таинственностью край, сделала эту землю понятнее и доступнее,

стала менять традиционные представления, связанные с редкими таежными деревушками, с охотничьими зимовьями, да с обнесенными частоколом тюрьмами, и начала вселять надежды, что с притоком новых деятельных людей эти пространства могли бы полнее включиться в современную хозяйственную жизнь, концентрировать у себя культурные силы, развиваться в неведомых прежде формах.

«Кто хочет видеть нечто прекрасное в Nature, тот поезжай в Тобольск...» — из давних пушкинских времен приглашает «Сибирский вестник» (1818 г.), сдержанно сохраняя тайну своих понятий о красоте. Тот зов оценишь не сразу, даже если судьба опустила тебя, наконец, на крутой берег Иртыша, где складки прибрежных бугров, похожие на лица древних старцев, терпеливо хранят память о казацких стругах, о скорострельных кремневых пищалях и татарских стрелах, что неслись над степями, бессильные отвлечь неотвратимое. Кто знает, может быть, прекрасное виделось автору тех призывающих слов в реликвиях старины — свидетелях российской истории, — которые собрал и бережно хранит этот стольный город изначальной русской Сибири.

Тобольск нельзя назвать хронологически первым из российских городов за Уралом: раньше была Тюмень, заложенная еще воеводами Василием Сукиным и Иваном Мясным, а с ними и письменным головою Даниилом Чулковым на правом берегу Туры, против разгромленного татарского городка Чинги-Тура. И только через год, при царе Федоре Ивановиче, пошел указ Даниле Чулкову «поставить град Тоболеск. И по промыслу Божию, доплыв воевода Данило Чулков, и против устья Тоболу поставил град, именем Тоболеск на горе, первый столной во всех городех и церковь и первую воздвиже во имя Святые Троицы, и другую Всемилостиваго Спаса», — сообщает Кунгурская летопись.

В 1680 году московские работные люди принялись тут строить каменный собор — это было началом каменного зодчества в Сибири.

Больше двух с половиной веков назад Даниэль Дефо написал «вторую и заключительную часть» жизни йоркского моряка Робинзона Крузо. Он отправил любимого героя в кругосветное путешествие: 13 апреля 1690 года неутомимый скиталец пересекает китайскую границу и с торговым караваном начинает странствие по Сибири, где его ожидали новые невероятные приключения.

В Тобольске, по роману, Робинзон Крузо остался зимовать и принялся энергично скупать соболей, черно-бурых лисиц, горностаев. Он был доволен здешним обществом, близко сошелся с князем Голицыным — «опальным министром московского царя» — и отвел, наконец, свою авантюрную душу: устроил побег сыну изгнанника... И хотя фантазия писателя была ограничена уровнем европейский знаний начала XVIII века, тем не менее Дефо не случайно привел героя в древний

сибирский город, с которым связаны важные страницы истории Российского государства.

Нынешние туристы, отправляясь вниз по Иртышу навстречу белобашенному Тобольску, могли бы, если угодно, считать Робинзона основателем своего маршрута. Но сегодня увидеть здесь и узнать предстоит такое, то искателю приключений и в голову прийти не могло. Не слишком давно при раскопках на месте городища Кашлык, столицы Кучумова ханства, нашли круглую медную мишень, сантиметра три в диаметре. Судя по выпуклой надписи, кругляш принадлежал кольчуге князя Шуйского, той самой легендарной кольчуге, весом в 3 килограмма 200 граммов, что царевым подарком висела на плече Ермака. Кольчугу укрывали в Сибири, а потом она вернулась в Москву, и теперь ее можно увидеть на груди казака-манекена в Оружейной палате. Тускло поблескивают железные кольца, крепленные на гвоздь, а на левой стороне московской кольчуги, повыше пояса, висит вторая мишень, такая же, какую свято берегут тоболяки⁴¹.

Хранительница фондов Тобольского музея-заповедника, смуглая сибирячка, на разжатой ладони несет драгоценную тобольскую мишень, самое веское доказательство подлинности ермаковских доспехов. Она идет с вытянутой рукой, словно совершает ритуальный обряд, а может, для нее это и есть торжественное действо посвящения незнакомца в историю.

В библиотеке при музее-заповеднике пятьдесят тысяч томов: среди них издания редкие, даже уникальные. Вы увидите журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», одно из первых периодических изданий провинциальной России (печатали в здешней типографии В. Корнильева, прадеда Д. Менделеева), вам покажут рукописный дневник Д. Давыдова, автора знаменитой песни про славное море — священный Байкал, и книгу Ф. Нансена с автографом путешественника. Тут я нашел древний томик и не поверил глазам: «Исторический журнал», изданный в Тобольске в 1790 году, тот самый таинственный журнал, о котором добрую сотню лет спорили знатоки провинциальной печати. Его искали и не могли найти, даже утверждали, что он вообще не существует, и сенсацией выглядело недавнее сообщение, что один-единственный экземпляр все же удалось обнаружить в отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. И вот еще один, тобольский экземпляр, найденный без суеты и охраняемый без шума...

В нескольких шагах от музея, в помещении Менового двора и Рентереи хранятся фонды тобольского архива. Здесь 450 тысяч документов от начала XVII века (первый датирован 1604 годом) и позднейших времен: Тобольской приказной избы, Тюменской воеводской канцелярии и других изначальных сибирских учреждений, оставивших нам подлинные свидетельства жизни и быта аборигенных племен, русского казачества и торгово-ремесленного населения.

К вечеру я поднялся на Панин бугор и по узким вертикальным лесенкам взобрался на верхнюю площадку телевизионной мачты, почти к самым облакам, и оттуда смотрел на стены и башни Тобольского кремля. Хотелось представить себе этот город два-три века назад. Верхний и нижний посады, кузницы, мыловарни, кожевенные и портняжные мастерские — чем только не занимались тоболяки! Они отлавливали кречетов, доставляли в специальных повозках в Москву, к государеву двору. И когда царю предстояло задабривать высоких особ в Англии, Франции, Австрии, подарком тоже служили сибирские ловчие птицы.

А вон там стоял слюдяной завод, а подальше котельный, рядом свечной, а за ним серебряных дел мастерские и пряничные заведения. Людно, шумно, суетливо... Через Тобольск лежал торговый путь из Европы в Азию, и чего-чего только не было в тесных торговых рядах: устюжские знаменитые топоры, вятские ножи, ярославские рубашки, московские иконы, ивановские полотенца, казанские башмаки, тверские деревянные ковшики, бухарские шелка, английские сукна, китайский чай. А надо всем этим царила сибирская пушнина. Переливались красками соболя, белки, лисицы, горностаи, росوماхи. В гостинном дворе толпились иногородние и чужестранные купцы, охотники до дешевых шапок, воротников, шуб, а главное — до мягкой рухляди. С приезжими состязались в изворотливости тобольские купцы, которые уже знали ходы-выходы... Властям пришлось создавать таможенные заставы, придумывать ограничения и строгости, но даже им не под силу было унять пушной азарт.

Тобольские же мастера ковали железо, резали по дереву, расписывали стены, поражая гостей талантом и воображением. Голова полна колокольным звоном, ярмарочным гамом.

Тобольский кремль строили московские и устюжские умельцы, крестьяне из пригородных слобод и множество ссыльного люда, для которого эта кирпичная кладка увенчанных шатрами круглых башен, зубчатых стен, высоченной строгой колокольни была едва ли не единственной возможностью применения нерастраченных сил. На реставрированной крепостной стене, как будто выжат из ее каменного нутра, проступает мозаичный портрет мыслителя и зодчего, с циркулем в руках. Никто не знает, как он выглядел в жизни — Семен Ремезов, автор многих сооружений Тобольского кремля, самородный художник и писатель, но нынешние тоболяки придали его облику черты непокорного своемыслия и напряженной внутренней работы.

Удивительный все-таки город: останавливаться приходится так часто, что кажется, никогда его не обойдешь. Здесь бывал «арап Петра Великого» Ганнибал, родился художник Перов, из здешнего острога дважды бежал Кармалюк, тут служил Дежнев, сюда сослан был Александр Грин... Вот крепко сбитый деревянный дом, где жил Петр Ершов, автор знаменитого «Конька-Горбунка». Ершов был учителем в той са-

мой гимназии, где сам учился, когда во главе гимназии стоял И. П. Менделеев, отец великого химика. Пришло время, П. Ершов стал директором гимназии, и среди его учеников оказался сын И. П. Менделеева — Дмитрий, будущий ученый.

В Тобольске отбывали ссылку 14 декабристов, и ваш спутник не преминет показать их сохранившиеся дома, когда-то очаги культурной жизни... Между прочим, знаменитый тобольский оркестр — три хора и сто музыкантов — был создан здешним уроженцем А. Алябьевым, автором знаменитого «Соловья».

Город взял на учет около сотни памятников каменного и деревянного зодчества, историко-революционных мест, оборонных сооружений, в том числе городской вал, построенный в XVII веке. Тобольяки принялись восстанавливать старину, отливать по сохранившимся рисункам и фотографиям чугунные плиты, чеканные орнаменты, резать по дереву ажурные узоры, отдавая благодарную дань мастерству предков и стараясь не уступить им во вкусе и тщательности. Старые люди помогли найти и установить дверные полотницы старинной кузнечной работы, уточнить планировку древней квадратной башни, вернуть первоначальный вид северным Святым воротам.

На Софийском кафедральном соборе, построенном в 1689 году, уже восстановили купола, вернули белизну фасадам, а впереди реставрация внутренних стен, хранящих под толщей наслоений бесценные старые фрески. Подобно многим другим зданиям, собор вызывает в памяти тобольяков исторические страницы гражданского мужества. В 1793 году по случаю торжества бракосочетания великого князя Александра Павловича с Елизаветой Алексеевной, княжнью Баденской, на кафедру собора взшел 27-летний тобольский историк Петр Словоцов и к изумлению собравшихся произнес: «Если не все граждане поставлены в одних и тех же законах, если в руках одной части захвачены имущества, отличия и удовольствия, тогда как прочим оставлены труды, тяжесть законов, или одни несчастья, то там спокойствие, которое считают залогом общего счастья, есть глубокий вздох, данный народу тяжким ударом; то спокойствие следует из повиновения, но от повиновения до согласия столько же расстояния, сколько от невольника до гражданина...»⁴².

По указу Екатерины Словоцова арестовали и заключили в Валаамский монастырь.

А между тем умственные толчки не пропадали зря.

Побродив по городу и оказавшись почти что на окраине, вы увидите ограду Завального (за валами крепости) кладбища: это историко-мемориальный памятник. В тени густых зеленых деревьев здесь покоятся люди, чьи имена стали гордостью нашей истории и культуры, — декабристы В. Кюхельбекер, А. Барятинский, А. Муравьев, Ф. Вольф, Ф. Башмаков, С. Семенов, тут же могилы П. Словоцова, П. Ершова,

И. Менделеева (отца), украинского поэта-революционера П. Грабовского...

В Тобольске, как и в других старых городах, есть общество по охране памятников истории и культуры. Но если тоболякам удалось сделать несколько больше, чем в иных городах, то причиной тому не столько активность общества в смысле организационном, сколько истинный патриотизм всего тобольского общества — общества в широком гражданском смысле.

В некоторых сооружениях, которые входят в комплекс музея-заповедника, временно разместились городские учреждения. Они выплачивают музею аренду (15—18 тысяч рублей в год), и все эти деньги тоже идут на реставрационные работы. А иначе нельзя — многие памятники еще не восстановлены, местами разрушены, кое-где обросли заборами и деревянными постройками. Пришла пора наводить порядок. По просьбе горожан в Спасской церкви после ремонта будет создан музей истории и градостроительства Тобольска. Другие древние церкви ждут своей участи: не везде охрана такова, какой заслуживают сами памятники, и не каждый раз приезжие люди относятся к ним с достаточной бережливостью. Даже сюда проникает турист-«накопитель», который не успевает разглядеть памятник, а вот расписаться на нем при помощи гвоздя, а то и прихватить с собою кусочек камня или резьбы — успеет...

Старина всегда влечет к себе приезжего человека, но оказавшись в Тобольске, начинаешь замечать, как интерес раздваивается: прошлое прошлым, но как притягивает к себе в этом краю своеобразный и бурно развивающийся сегодняшний день! Его ритм хорошо прослушивается на берегу Иртыша в речном порту, среди порталых кранов, складских помещений, снующих автопогрузчиков... За мысом Подчеваш, где неслись струги Ермака и развернулось главное сражение с Кучумом, стоят на рейде теплоходы, катера, полуглиссеры. Днем и ночью — привычное сочетание слов тут в самый раз — работает труженица-река, отправляя грузы на север, разведчикам и промысловикам тюменской нефти, жителям Обь-Иртышья.

Вообще-то в разговорах между собой тоболяки не считают, что их городу уж очень повезло. На обском Севере открывали месторождения нефти и газа, одно другого крупнее и значительнее; там возникают новые поселки, на болотах растут буровые вышки, по равнине тянется трубопровод, но все это рядом, близко, возле — и мимо, мимо нашего исторического городка. Как к острову в море, подкатывают сюда волны современной индустриализации, и тоболяки не теряли надежды, что время даст, в конце концов, промышленности города тоже новый сильный толчок.

Так оно и случилось: в Тобольске строят нефтехимический комбинат. Это гигантское предприятие получит нефть по трубопроводу.

Усть-Балык — Омск и принесет древнему краю современные ритмы.

Тех, кто приезжает в город, тоболяки приглашают к Сузгун-горе, где, по преданию, стоял замок любимой Кучумовой жены Сузге, воспеваемой П. Ершовым. Теперь, как бы соединяя не только два берега, но прошлое с настоящим, здесь перекинулся величественный мост через Иртыш, по мосту идут поезда, и тоболяки без пересадки могут доехать до Москвы.

Что говорить, велик размах индустриализации... Но хочется верить, что в праздничном развороте строительства город сохранит и традиционные ресурсы духовного свойства — они ведь тоже могут и должны стать отраслью большого хозяйства. Иметь такие архитектурные ценности, связанные с историей и культурой России, столько памятников и мемориальных мест, жить в городе, где каждый шаг — только остановиться на мгновение! — вызывает в памяти образы славных предков и эпизоды великих событий, иметь такое наследство — и не воспользоваться им по-умному было бы нерасчетливо и грешно. В Сибири нет второго города — архитектурного заповедника, способного стать вровень с Тобольском. Самую судьбой определена ему роль сибирского центра отечественного и иностранного туризма. Уже теперь каждый год приезжает сюда пятнадцать тысяч туристов, а числу их расти и расти...

Будем надеяться, что с тою же решительностью и вдохновением, с какими принимаются тоболяки за сооружение промышленных предприятий, возьмутся они построить новые гостиницы, туристские базы, службы быта, которые будут достойны современного индустриального города. И принесут ему много дополнительных средств для реставрации и охраны памятников старины и для развития туризма. Хочется пометить о том времени, когда гости города увидят в первозданной красоте восстановленные церкви — памятники русского сибирского зодчества — и сумеют, при желании, в комфортабельном автобусе или — кто знает — на вертолете отправиться к Баишевскому кладбищу, где под сосною лежит Ермак, оставивший потомкам загадку своей жизни и народных предания о ней.

Да просто, без заранее составленного маршрута, а куда глаза глядят, бродить снова вдоль белой кремлевской стены, пройти, не торопясь, под торжественным сводом ворот, на ходу погладив холодную медь кольца, взобраться по крутым и темным ступенькам на колокольню, смотреть вдаль, на заречный район, окутанный слабым вечерним туманом, плывущим от реки, а потом ступить на деревянные скрипучие тротуары окраин, быть среди наличников и ставень, в толпе тоболяков, похожих своею мягкостью на ленинградцев, — все равно как отдать себя во власть Кижей или древнего Тырнова. В таких местах какой-то особый воздух, неизвестный мне химический состав, действующий на душу.

Мне выпало увидеть тобольских граждан весной 1970 года, когда Иртыш вышел из берегов, глыбы льда подсекали на своем пути деревья, заборы, избы. Такого половодья никто из стариков припомнить не мог: предстояло вывезти из затопленных мест больше четырех тысяч семей с домашним скарбом, утварью, скотиной. Тобольск не спал несколько суток. Я сам видел, как носились по обращенным в протоки переулкам и улицам моторные лодки, над домами висели вертолеты. Жители верхней части города принимали в свои квартиры эвакуированных, сами укладывались по двое-трое на кровать, а то и на полу, кормили и одевали чужих людей в сухое чистое белье, хорошо понимая, что расстаться с гостями придется не скоро. Женщины верхней части города забрали из яслей своих детишек и попросили паводковую комиссию отдать ясли под детский дом, который попал в зону затопления. И понесли из своих квартир для ребят простыни, подушки, одеяла. Мне рассказывал Фарман Курбанович Салманов, знатный нефтяник, что происходило ниже по Иртышу:

— Затопило, понимаешь, деревню под горой, где стоит наша экспедиция. Нефтяники забрали у крестьян детишек в свои семьи, пусть крестьяне пока спасают свое хозяйство. Забирали подростков, малолеток, почти, понимаешь, младенцев. Утром мне в конторе житья не было: кому дети не достались, приходили целыми семьями, стучали по столу: почему одним детей давал, другим не давал. Ну где я, понимаешь, мог набрать детей на всех?

Слушая эту историю, я вспомнил тобольский губернский герб: золотое поле и на двух скрещенных пиках, на алых знаменах украшенный драгоценными камнями и увитый голубою лентою круглый черный щит Ермака, старинный символ сибирского артельного единства. Он не потускнел в веках, не утратил прочности, а остался лаконичным обозначением доброты и силы народного характера.

Прощаясь с Тобольском, хорошо подняться по Пря姆斯кому взвозу, пересчитать все сто одиннадцать ступенек, войти под арку Рентереи, бывшего хранилища государственной казны, и сделать несколько шагов к глубокому и узкому ущелью. Здесь начинается кривая средневековая улочка, и надо задрать голову, чтобы увидеть, как темная стена уходит в небо. По улочке идут тобольские граждане, и мне кажется, что древность, ими изучаемая и оберегаемая, возвышает их души и помогает строить сегодняшний день.

Что ж, вернемся к началу и припомним то ли зов, то ли мольбу нашего далекого предка, сибирского прадедушки: «Кто хочет видеть нечто прекрасное в Натуре, тот поезжай в Тобольск...»

КАНДАЛЬНЫЙ ЗВОН

Иван Грозный и човое наказание.— Сколько ссыльных было в Сибири? — Бродячее население.— Каторжный труд.— Производительные силы.— Вторые похороны декабристов.— Вокруг Чернышевского.— Ленин в Шушенском

Арестантская дорога в Сибирь стала протапываться уже в XVI веке, по свежим следам дружины Ермака. Ссылка политических противников с давних времен становилась для русских правителей традиционным способом укрепления узурпаторской власти. В 1542 году князья Шуйские, приблизившись к престолу, убили Бельских и выслали митрополита Иосафа, в 1547 году после народного восстания в Москве отправили в ссылку князя Глинского... Вряд ли изобретатели этой меры наказания могли представить себе, какой горестный размах в русской истории получит это их начало — воистину лихая беда.

При Иване Грозном ссылка становится освященным в законе наказанием и в сознании русской нации связывается с географическим понятием — Сибирь... Историю ссылки можно было бы следить с 12 марта 1582 года: в этот день появился дополнительный указ к Судебнику 1550 года, и ссылка впервые стала называться в качестве самостоятельной меры наказания. Первопроходцами тут были опальные вельможи и царедворцы, а вслед за ними пошел и простой люд: стрельцы, раскольники, участники крестьянских и городских восстаний. Существуют различные сведения о численности сибирских ссыльных в конце XVI — начале XVII века — вероятно, с 1593 по 1645 год в Сибирь отправили 1500 «воров», как называли поначалу политических противников и уголовных преступников¹.

Соборное уложение 1649 года впервые вводит в обиход понятие государственного или политического преступления. Под этим подразумевалось покушение на царя, на его власть и здоровье, на органы государственного управления, злосло-

вие против царского двора... Да что там намерения или анекдоты! Царь Алексей Михайлович трижды издавал указы против скоморохов, исполнительный сатирических виршей: скоморохов предписывалось наказывать кнутами и батогами, а также «ссылать в украинные города за опалу». А в начале 1720-х годов уже появляются жесткие термины, которым суждена была в России долгая жизнь: «государственная вина» и «государственный преступник».

История сохранила сведения о первом сосланном в Сибирь за политическую провинность. Перед этим ему вырвали язык, отрубили ухо и нанесли двенадцать ударов плетьюми... Это был не вор и не злодей, а набатный колокол из Углича. В субботний день 15 мая 1581 года вблизи Константино-Еленинского собора зарезали малолетнего сына Ивана Грозного от последней, седьмой жены Марии Нагих — царевича Дмитрия, наследника русского престола. По просьбе царицы Марии Федоровны пономарь Федор Огурец ударил в набат. Пронзительным жалобным звоном колокол собрал возмущенных злодейством угличских жителей. Они сбросили убийц в наполненный водою ров. Но политическая ситуация изменилась: официально объявили, что юный царевич страдал эпилепсией и при очередной припадке мог сам напороться на нож. Около двухсот угличан казнили, другим отрезали языки, вырывали ноздри, подвергали иным пыткам. Подобно живому существу, жестоко наказали и колокол. Почти тридцать тысяч угличан, приговоренных к высылке в Сибирь, тащили волоком до Тобольска своего медного сострадальца.

Только через 300 лет по ходатайству жителей Углича святейший синод и император России позволили опальному колоколу вернуться на родную землю. Ночью 20 мая 1892 года Углич встречал пароход общества «Самолет» — на палубе стоял реабилитированный колокол, освещенный тусклыми керосиновыми фонарями. На особых носилках колокол внесли в город при криках двухтысячной толпы: «ура!». До утра именитые угличане стояли у колокола в почетном карауле. Возвращенца окропили святою водою и в присутствии пяти тысяч сограждан снова ударили в набат — и над городом, как триста лет назад, разлился пронзительный жалобный звон. Он напоминал людям о справедливости и о суде собственной совести, и именно это подчеркнул в своей речи перед молебном протонерей Спасо-Преображенского собора: «...В настоящее же время живущим пожелаем, чтобы и они любили истину и стояли за правду, как и их предки»².

В русском законодательстве Сибирь впервые упоминается в 1648 году в одном из законов, изданных в бытность царя Алексея Михайловича. Имелась в виду ссылка не в современном ее понимании, как одна из форм наказания за преступление, а высылка людей, уже понесших кару: тех, кого клеймили раскаленным железом, били до полусмерти палками... Высылка имела целью избавить просвещенное общество от необходимости лицедреть жертвы правосудия.

Уголовный кодекс России совершенствовался; результатом законодательного прогресса в конце XVII века и было установление сибирской ссылки как самостоятельной формы наказания. Среди истинных причин, побудивших правительство пойти на этот шаг, немаловажное значение имела необходимость живее заселять свободные сибирские земли. Этот акт правительства в его собственных глазах был гуманен — отменялись жестокие телесные наказания, зато при малейшей провинности правонарушителей вместе с семьями выслали в Сибирь. За нюхание табака, за попрошайничество, за предсказание будущего... А потом бывали в истории случаи, когда выслали и без всякой вины — от страха, от шаткости положения, от собственных прогнозов на будущее.

В снежную метель и буран шли, согнувшись и поддерживая друг друга, оборванные арестанты, в армяках и треухах, оставляя на белом поле следы лаптей, разбитых ботинок, в самодельной дерюжной одежке, шли с сокрушенными сердцами и темными неясными предчувствиями. Это на первых порах еще строились веселою гурьбою, в новых поддевах и при плисовых шароварах, храбрясь друг перед другом: «Что нам Сибирь, дальше солнца не ушлиот!», «В Сибири бабы коромыслом соболей бьют!» А бесконечный сумрачный тракт брал свое, кончались веселые напевы, сердце наполнялось тревогою и тоскою, и через месяцы изнурительных переходов да спешных дневок или ночевок в арестантских колоннах рождались новые песни: «От Москвы и до Казани идем с полными возами, от Казани до Тобола идем с горькими слезами...»

Сибирский кандальный тракт начали строить в 1735 году силами местного крестьянства, а кое-где и ссыльнокаторжных: они валили деревья, корчевали пни, плотничали на переправах, гатили болота. Дорогу закончили только в 60-х годах. Не было в России другого большака, который мог бы соперничать с этим по горькой известности, отраженной в печальных народных песнях. По тракту нескончаемой вереницей шли каторжные и ссыльные с наполовину обритыми головами и гремели кандалами (ножные и ручные кандалы вместе весили 2 килограмма). А за ними добровольно шли жены и малолетние дети, испытывая всю тяжесть долгого изнурительного пути, плетясь вослед за верховым казаком, олицетворявшим незыблемость и всеислие власти.

Американский журналист Дж. Кеннан, совершивший в 1885—1886 годах поездку по сибирским тюрьмам и ссылкам, оставил описание сцен у пограничного столба, отделяющего Европу от Азии:

«Русский мужик, хотя бы и совершивший преступление, глубоко привязан к родной стороне, и возле пограничного столба разыгрываются иной раз душу раздирающие сцены. Некоторые плачут навзрыд, другие сдерживают слезы; иные становятся на колени и целуют родную землю, и уносят горсточку ее с собой в изгнание; есть даже такие, что припадают устами к холодному каменному столбу с европейской сторо-

ны, словно целуя на прощанье все, что он собой символизирует. Наконец, суровый окрик конвойного: «Стройся!» кладет конец прощанию; и со второй командой «Марш!» серая толпа ссыльных и каторжников, наскоро сгрудившись и звеня цепями, медленно шагает далее мимо пограничного столба, в далекий нерадостный путь»³.

По документам находившегося в Тюмени Приказа о ссыльных, где формировали арестантские колонны и намечали им маршруты по волокам и рекам дальше на восток, с 1823 года за семьдесят пять лет в Сибирь отправлено больше девяносто тысяч человек: около семисот тысяч ссыльнокаторжных, а с ними жены, дети, сестры. Примерно одна треть ссыльных оседала в Тобольской губернии, а остальные гремели цепями дальше, в Восточную Сибирь⁴.

Не все участники мрачного шествия доходили до места назначения: десять-пятнадцать процентов сосланных погибало в дороге от болезней и при попытках к бегству.

По заключению историков, в 900-х годах в Сибири должно было проживать не менее пятисот тысяч ссыльных, а насчитывали едва одну треть. Остальные то ли погибли, то ли скрывались, то ли бежали на родину. Мало кому удавалось добраться до родного дома, и еще долго по весне, когда разойдется снег, в тайге или на каменистом речном берегу находили несчастных, которым не достало сил брести дальше.

Беглых ловили и жестоко наказывали.

Наказания усиливались, если беглецы пытались перейти сибирскую границу и проникнуть в европейские районы. Но призрак свободы, как огонек во тьме, тянул к себе страдальцев, и они шли к нему, кто на ощупь, кто изворотливо, кто напролом. Иные обрубали себе топором руку, кайлом ломали ногу, пытались вытравить серной кислотой каторжное клеймо, но шрамы на теле и следы шпицрутенов или батогов выдавали беглецов драгунским командам, и тут уж не приходилось ждать ни поблажки, ни сострадания. Взаимное ожесточение людей, волею судеб поставленных в странную и страшную зависимость, часто пробуждало самые темные силы, кидало их друг на друга, как зверей, и эта обоюдная ненависть поощрялась, внедрялась, была предусмотрена.

Жизнь сосланных в Сибирь, униженных и неправых, складывалась по странному закону, несвойственным человеческому обществу. На сто мужчин приходилось восемнадцать женщин. И если иметь в виду, что в первые пять лет ссылки браки были запрещены, то можно удивляться, как удавалось несчастным перенести тот образ жизни, остаться людьми и даже затевать побег «на волю». История сохранила немало свидетельств тех и о тех, кто прошел Акатуй, Кару, Кадаю, Горный Зерентуй и другие тюрьмы Нерчинской каторги, пересыльные тюрьмы и остроги, спускаясь из круга в круг потаенного жестокого ада — в холодную темноту камер, в сырость подземелий, где надрываются от тяжести, умирают от истощения, сходят с ума. Рассказывают, что по-

сле одного из выступлений Дж. Кеннана в США о сибирских каторгах поднялся американец и сказал:

— Если подобное правительство не может быть низвергнуто иначе, как посредством динамита, то да будет благословен господь за динамит!

Американца звали Марк Твен.

Отношение русского крестьянства к ссыльным не было одинаковым. Расходы на содержание тюрем, тракта, подводные повинности ложились тяжелым бременем на местное население. В Енисейской губернии, например, пересылка арестантов каждый год требовала 5200 человек и 5300 подвод — все это отвлекалось от сельскохозяйственных работ и порождало у части крестьянства неприязненное отношение как к самой системе ссылки, так и к «разбойникам», которых сибиряки называли еще «варнаками». По удачному выражению Н. М. Ядринцева, сибирский край выполнял тюремную повинность за целое государство.

Между тем человеческое в людях часто пересиливало, и крестьяне укрывали беглых каторжников, помогали им, чем могли, и недаром в деревянных избах вдоль Сибирского тракта устраивали специальные окошечки, куда выставляли на ночь хлеб, молоко, миски со снедьей для беглых людей. И частенько в деревенских баньках, расположенных в стороне от тракта, во глубине дворов, в полночные часы светились огоньки — то бродяги и бедные, пройдя зимою по льду Байкала, располагались на ночлег.

Старожильческое зажиточное население Сибири не прочь было приютить беглого в летнюю пору, когда на поле не хватало рук, благо что и отплатиться можно одними харчами, возмещающая разницу между трудом и оплатой риском по сокрытию преступника. Беглые косили сено, резали хлеба, складывали скирды и по дому исправно выполняли обязанности батрака, чтобы в осеннюю пору снова уйти в бега, окунуться в милую сердцу бродячую жизнь. Сибиряки были благодарны несчастным за работу в страду, но иных отношений с ними иметь не желали, а уж о том, чтобы выдать за ссыльного дочь, и речи быть не могло: вот разве что девица убежит со своим горемычным возлюбленным из отчего дома. Упрямство сибиряков в области этого рода отношений немало причиняло обид ссыльнопоселенцам. Они подавались в самые глухие места, брали в жены остячек, тунгусок, буряток, якуток... По берегам Оби, Лены, Ангары и за Байкалом стали появляться и набирать силу поколения сибирских метисов.

Ссылка превращала Сибирь в самый интернациональный край России.

Едва ли не первыми иностранцами, официально сосланными в Сибирь, были шведы — участники так называемой Северной войны между Россией и Швецией (1700—1721). Пленные шведы — их количество сильно возросло после Полтавской битвы — предприняли в Свияжске и

Казани попытку массового побега. Но им не повезло, и вместо глубоких фьордов, густых мачтовых лесов, стокгольмских вод с белыми лебедями, вместо дома, к которому они рвались, им предстоял долгий сибирский путь. Девять тысяч шведских офицеров, унтер-офицеров и солдат сокрушенно шли в обратную от дома сторону, в снегах и в метелях. Они оседали в сибирских городках, при рудниках и заводах, затевали столлярное, сапожное, портняжное дело, расшивали золотом ткани и ковали серебряную посуду.

Среди шведских офицеров были люди высокой культуры. Они давали уроки, музицировали, занимались архитектурой, даже принимали участие в географических экспедициях и русских посольских миссиях, всерьез изучали сибирскую историю и этнографию. Многие шведы женились на сибирячках, иные приняли православие и русское подданство, и, когда пришла, наконец, долгожданная возможность вернуться в Швецию, далеко не все пленные пожелали пускаться в обратный путь. Из тысячи шведов, живших в Тобольске, только шестьсот человек запросилось домой.

Среди высланных в Сибирь иностранцев всех гуще были представлены поляки, участники революционных восстаний первой и второй половины XIX века. Передовая Россия с симпатией следила за событиями в Польше. Русские и поляки вместе выступали против царизма за социальное равенство и национальную свободу. Даже умеренные люди, по словам П. А. Кропоткина, открыто высказывались тогда, что «России выгоднее иметь Польшу хорошим соседом, чем враждебно настроенной подчиненной страной. Польша никогда не потеряет своего национального характера; он слишком резко вычеканен. Она имеет и будет иметь свое собственное искусство, свою литературу и свою промышленность. Держать ее в рабстве Россия может лишь при помощи грубой физической силы, а такое положение дел всегда благоприятствовало и будет благоприятствовать господству гнета в самой России»⁵.

Около девятнадцати тысяч поляков, полураздетые, почти нищие, все потеряв, кроме достоинства, в шестидесятых годах прошлого века шли в Сибирь, на каторгу и на поселение, шли полные надежд и новых планов. Среди них были истинные ученые — Я. Черский, А. Чекановский, Б. Дыбовский, В. Годлевский. ...Они много сделали для изучения Сибири, и сибирская земля всегда хранит о них благодарную память.

Больше двух тысяч польских повстанцев сооружало Кругобайкальскую дорогу. В июне 1866 года группа ссыльнокаторжных подняла вооруженное восстание и объявила себя Сибирским легионом вольных поляков. Тридцать дней в горах Прибайкалья шли бои повстанцев с регулярными правительственными войсками. У поляков были карабины, ружья, пистолеты, шашки, самодельные пики, косы, ножи — где им бы-

ло одолеть организованные казачьи сотни и конно-артиллерийские части?

Военно-полевой суд учинил жестокую расправу над повстанцами. Четырех руководителей восстания приговорили к расстрелу. Густав Шарамович (внук генерала русской армии и сын полковника — оба разжалованы Николаем I в солдаты) сказал на суде:

— Смертная казнь, которую вы мне уже назначили, будет для меня справедливой за то, что я не сумел лучше руководить восстанием⁶.

С XVIII века среди сосланных в Сибирь заметную часть стали составлять «страдальцы за веру». Это совершенно особая прослойка религиозных фанатиков, их судьба нисколько не походила на судьбы других сосланных, и они оставили в сибирской истории свой след. Самый крупный деятель раскола XVII века протопоп Аввакум провел в Сибири девять лет, из них два года заточения в башне Братского острога, неподалеку от того места, где теперь Братская ГЭС. Сохранилась на берегу Ангары и острожная башня, низкий и грубоватый деревянный сруб в двадцать венцов до облама — может быть, та самая, где томился протопоп, а может быть, и другая; но ступив сегодня за порог башни, в сырую полутьму, вспоминаешь горькие строки аввакумовского «Жития»: «Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филиппова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья! Что собачка, в соломке лежу; коли накромят, коли нет»⁷.

В поездках по Забайкалью я встречал селения, где чувствовал себя зрителем, попавшим за кулисы театра во время постановки спектакля из русской жизни XVII—XVIII веков. Мужчины с бородами до пояса, в шелковистых шароварах и косоворотках, подпоясанных кушаком. Женщины в ярких сарафанах с атласными нашивками по подолу, а на голове украшенные бисером кички, расшитые золотом и серебром малиновые кокошники, а поверх еще шали, перекрученные впереди особым узлом и закрепленные на затылке. А вслушайтесь в их мелодичный говор, в это упоительное древнерусское наречие — где мы, в многобашенном Новгороде, в колокольном Суздале, в Ростове Великом?

Так я познакомился с современными потомками староверов или старообрядцев, не принявших церковную реформу и нововведения патриарха Никона и продолжавших упрямо придерживаться прежних обрядов и старых церковных книг. Никакие жестокости и преследования, лишения и скитания не смогли сломить упорства религиозных фанатиков. Многие старообрядцы бежали в Польшу, но судьба решила испытать их до конца: их селения на польской территории во второй половине XVIII века снова вошли в состав Российской империи. Можно себе представить, что они пережили, ожидая новых преследований. Императрица же Екатерина II специальным манифестом пригласила раскольников вернуться в родные места и предложила на льготных услови-

ях переселиться в Сибирь и в другие края государства, где нашлось бы дело для их работающих рук. Староверам прощались их побег и обещано было никого не преследовать — ни за бороды, ни за одежды, а при поселении на новых местах даже освобождали на шесть лет от налогов.

Началось массовое переселение старообрядцев в Сибирь, главным образом за Байкал. Они сами стали называть себя «семейскими» — шли в далекий путь семьями. Старообрядцы сыграли большую роль в развитии сельского хозяйства в Забайкалье, помогали обеспечивать продовольствием горнозаводскую промышленность.

Семейские ревностно охраняли свои традиции и обряды, передавая их из поколения в поколение почти в первозданном виде. И хотя сегодня жители семейских селений — Тарбагатая, Большого Куналея, Бичуры, Новосретенки и иных забайкальских мест — такие же рабочие совхозов и члены колхозов, как и все другие жители края, хотя семейская молодежь по образованию, развитию, интересам ничем не отличается от своих сверстников из соседних русских деревень, тем не менее, большинство семейских — старых и молодых — даже сегодня можно узнать по манере одеваться, по обычаям, поговору, по именам: здесь детей называют, как называли дедов и бабушек: Епистимией, Мартемьяном, Мамантом, Анохрием... А прекрасный хор семейских из села Большой Куналей стал известен по всей Сибири и с большим успехом выступал в Москве.

Во второй половине XVIII века в Сибирь стали ссылать так называемых скопцов, членов религиозной секты, жестокой и многострадальной. За принадлежность к секте лишали прав и состояния, отправляли в сибирскую ссылку, и если бы скопец когда-нибудь порвал с братьями по вере и принял бы православие, ему все равно не было пути обратно, как это разрешали другим приверженцам ереси или раскола. Скопцы видели спасение души в «борьбе с плотью» и потому подвергали себя — мужчины и женщины — оскотлению. Они жили «кораблями», устраивали дикие, до одурения, пляски, чтобы истощить силы и ослабить «злую нелепость». В 1967 году мне случилось заночевать в городке Олекминске на Лене, одном из крупных центров водворения скопцов. Вечером бродил по улочкам, ища следы страдальцев. От них остались сельскохозяйственные орудия, фотографии, домашняя утварь в местном музее, да на окраине села под соснами их кладбище с замшелыми плитами.

В конце XIX века в Сибирь ссылали духоборов — закованные в ручные кандалы, они через Иркутск добирались до верховьев Лены, а оттуда на плоскодонных лодках-паузках плыли по реке в Якутию. За судьбой духоборов с тревогой следил Л. Н. Толстой. Он уговорил молодого якута П. Н. Сокольникову, только что окончившего медицинский факультет Московского университета, сопровождать в этом изнурительном странствии женщин и детей. Сокольников помог несчастным

добраться до места назначения. При содействии Л. Н. Толстого духоборы получили, в конце концов, право на возвращение из Якутии в Россию и на выезд в Канаду.

Русское правительство старалось использовать каторгу и ссылку для быстрой, прибыльной, неразборчивой эксплуатации природных ресурсов Сибири, предполагая дешевой рабочей силой компенсировать неизбежные издержки производства, связанные с отдаленностью и суровой природой края. Арестантов и прочих горемык распределяли по рудникам, на железоделательные, солеваренные и иные вредные производства, их объединяли в строительные команды при прокладке путей сообщения.

Несколько тысяч ссыльнокаторжных работало на сооружении Великой Сибирской железной дороги. Одна верста «железки» в сибирских горах, болотах, тайге обжидалась казне вдвое дороже средней стоимости каждой версты в европейской части России, а потому правительство стремилось, где только возможно, использовать дешевый труд. Арестанты стояли по пояс в трясине, оттаскивали вековые деревья, били кайлами скалу, под порывистым ветром, под снежной выгой. Можно сказать, что это их пот, как и пот рабочих, и пот крестьян, поблескивал на новых чугунных рельсах, по которым из Сибири вагоны повезли пушнину, хлеб, руды металлов, мясо и масло, строительные материалы, а в Сибирь железо, машины, сельскохозяйственные орудия, ткани...

А в общем, эффективность подневольного труда в Сибири была невелика. Опыт Запада США, Канады, Австралии, также заселявших свободные территории, свидетельствовал о преимуществах добровольной колонизации перед принудительной, но у русских властей было на этот счет собственное мнение. Возможность помыкать людьми, даже без особой экономической отдачи, производила впечатление могущества и размаха. Все делалось грубо, силой, угрозой, антинародными законами, которые цепью привязывали людей к месту: откуда же тут взяться производительности труда?⁸

В массе сосланных была особая прослойка людей, которых называли «политическими». Трудно сказать, какой процент они составляли — точного учета не велось. Тем не менее влияние политических ссыльных на изучение, развитие, культуру Сибири огромно — там, где останавливались «политики», группами или в одиночку, возникали очаги просвещения, активизировалась общественная жизнь, росли демократические и революционные настроения. Стоит назвать имя — будь то Радищев, Чернышевский или Федосеев — и сразу воображение занимают снега Сибири, поземка надо льдом реки, фигура усатого конвоира в зеленом мундире и с заплетным ружьем, и из этих видений наплывают знакомые лица и такие отчетливые события, как будто они происходили с нами самими или, по крайней мере, перед нашими глазами.

В различные исторические периоды ссылка политически неблаго-

надежных людей преследовала особые для своего времени цели и принимала формы и масштабы, в какой-то степени зависимые от уровня тех, кто судил и ссылал. Личные судьбы каторжников и поселенцев складывались не одинаково: были люди твердых убеждений и случайно втянутые в исторический водоворот, были железные характеры и слабые воли, были дружбы, возникала любовь, случались разрывы и тяжелые драмы — всякое приключалось и с политическими, ибо это были живые люди, которым ничто человеческое не было чуждо... А совокупность этих характеров, образов мышления, личных судеб создавала и постоянно поддерживала в Сибири свой нравственный климат. «Настоящее житейское поприще наше началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили» — это признание декабриста М. С. Лунина в какой-то степени выражает самоощущение политических ссыльных в Сибири на разных этапах русской революции⁹.

В середине июля 1952 года иркутскому археологу П. П. Хороших поручили произвести раскопки в деревне Большая Разводная, на правом берегу Ангары. Просили выполнить задание быстро и постараться не привлекать к себе внимания местного населения, тем более что у жителей в ту пору были дела поважнее, чем глазеть на земляные работы. Скоро весь берег со старыми листовенничными избами, уже заброшенными огородами, пыльной проселочной дорогой скроется на дне Иркутского водохранилища и над замшелыми крышами в зеленоватой воде засеребрятся рыбы. Деревня переезжала на новое место, до раскопок ли в хлопотные дни!

И если археолог Хороших почувствовал некоторую растерянность, как бы душевную неготовность к раскопкам, то причиной тому была не странность поставленного условия, а исключительность самого поручения. На плане деревни Большая Разводная уже кто-то обозначил кружочком церковь — там в ограде могилы Артамона Муравьева и Алексея Юшневского, — а за крайним порядком изб, за огородами, тот же карандаш обвел маленькое старое кладбище, где хоронили Петра и Андрея Борисовых.

— Прах декабристов надо спасти. Могилы раскопать, истлевшие гробы заменить, перевезти прах в Иркутск и захоронить на городском кладбище. Есть мнение о раскопках не распространяться. Вам понятно, Павел Павлович?

— Где могилы Борисовых — тоже известно?

— Пока нет... Придется искать.

В помощники Хороших назначили антрополога А. И. Казанцева, профессора медицинского института, тоже застигнутого врасплох таинственным и небывалым в его долгой практике заданием.

Прежде чем отправиться на раскопки, Хороших и Казанцев, два старых иркутских интеллигента, засели за книги, перевероршив библиотеки в обеих квартирах и подняв на ноги знакомых библиографов. Не знаю, что они читали и о чем говорили между собой, но могу представить, как не терпелось им воскресить в памяти исторические события, с детских лет для них святые, и как они были счастливы опять и ближе прежнего войти в мир молодых тогда людей, воинов-сподвижников, любивших Россию так, что несчастья не отучили их желать ей добра.

Стояло жаркое лето 1826 года, когда из Петербурга выехали первые фельдъегерские тройки, охраняемые жандармами; в кибитках сидели закованные в кандалы декабристы, по четыре узника в кибитке. После семимесячного заключения в Петропавловской крепости, после полуденной гражданской казни на крепостном плацу, после горестных прощаний с родными и другими участниками восстания, ожидавшими своей судьбы, первым группам декабристов с перевала через Уральские горы открылись синие леса, гряда за грядой, а за ними где-то на реках Тобольск, Колывань, Томск, Красноярск... Доблестные участники войны 1812 года, русские офицеры, лучшие из дворян, они с робкой благодарностью и даже потрясенно замечали доброе отношение к себе сибирского населения, о котором до той поры знали разве что понаслышке, и с надеждой всматривались в печально известный край — что их там ждет?

Одно время генерал-губернатором Западной Сибири был Пестель, которого Герцен называл не иначе как «настоящим римским проконсулом, да еще из самых яростных. Он завел открытый систематический грабеж во всем крае, отрезанном его лазутчиками от России. Ни одно письмо не переходило границы нераспечатанным, и горе человеку, который осмелился бы написать что-нибудь об его управлении». Сын же генерал-губернатора, идеолог Южного общества П. И. Пестель, автор знаменитого конституционного проекта «Русская правда», видел будущую Сибирь краем развитым и свободным: по его мнению, на первых порах предстояло распространить среди сибирских народностей земледелие, поднять их социально-экономический уровень до уровня русского народа, ибо только в этом случае они сумеют воспользоваться правами, которых декабристы добивались для народов России.

Не для всех декабристов Сибирь была землей чужою и далекой — Г. С. Батеньков и В. И. Штейнгель, сибиряки по рождению, связывали надежды на общественные перемены также и с Северной Азией, видя в мечтах ее великую будущность. Иные декабристы в разное время путешествовали по восточным окраинам России и тоже прониклись живым участием к судьбам туземного населения. Желая их перевода на оседлость, строили планы социальных преобразований, обдумывали законопроекты, способные развеять отчужденность аборигенов от непривычного уклада жизни, чтобы «утвердить Сибирь как верную

спутницу России и, присоединенную некогда в качестве дикой и пустынной, еще раз присоединится как образованную и прогрессивную: иначе она истощится и сделается бесполезною, будет даже в тягость»¹⁰.

В истории Сибири никакая другая общность ссыльнокаторжных не оставила такой чистый, глубокий, незарастающий след, какой проложили декабристы, никто, пожалуй, не двинул вперед с такою радостью и с таким упоением, как они, интеллектуальную жизнь в Иркутске, Чите, Тобольске и в других местах поселения, где их скромные домашние очаги задавали уровень духовным исканиям целых губерний. Испив до дна горькую чашу страданий на Нерчинской каторге, на рудниках и заводах, они вышли на поселение с просветленной мечтою — своими руками, сколько хватит им сил, начать переустройство края с своими простых шагов. Раевский в Олонках затеял выращивать огурцы в парниках и стал учить этому крестьян, а потом, говорят, он едва ли не первым в Прибайкалье получил на своем огороде арбузы. Муравьев-Апостол принялся выращивать под Вилюйском, на холодной якутской земле, картофель. Трубецкой, Поджио, Якубович стали разрабатывать золотые россыпи по берегам сибирских рек. Николай Бестужев обследовал Гусиное озеро в Бурятии и открыл месторождение бурого угля... Декабристы лечили больных, открывали школы, изучали природные ресурсы. И когда волею судеб оказываешься у сибирских могил, перед каменными плитами с их именами, мысли о прошлом проецируются в сегодняшний день и возвращаются вопросом к твоей собственной совести.

Перед этими могилами становится стыдно словоблудия, надутости, многозначительности ничтожных поступков, когда существует освященное веками простое нравственное правило — делать на земле добро и не поступать дурно, не быть среди трудящихся людей паразитом. Прекрасно обозначил эту человеческую обязанность Л. Н. Толстой: «...как можно меньше заставлять других служить себе и как можно больше самому служить другим».

Но вернемся к Хороших и Казанцеву, когда они сидели над старыми книгами и старались найти что возможно о четырех декабристах, оказавшихся на поселении под Иркутском в небольшой ангарской деревушке, вытянутой над рекою восемнадцатью подслеповатыми избами.

Что они узнали тогда?

Генерал Алексей Петрович Юшневский, член Южного тайного общества, был арестован в Тульчине, увезен в Петербург и приговорен к смертной казни отсечением головы. Эту меру заменили ссылкой в каторжные работы. Храбрый воин, образованный человек, отличный музыкант, он приводил в замешательство иркутских крестьян своею выносливостью и неизменно ясным невозмутимым лицом. Когда на деревенской улице кто-нибудь из старичков сочувствовал генералу, он отвечал с кроткой улыбкой:

— Всякий умеет жить, когда ему хорошо, но надо уметь жить, когда трудно.

К нему в Сибирь приехала жена Мария Казимировна разделить горести его жизни. Юшневский был сдержан в выражении эмоций и не слишком-то любил говорить о себе, но в одном из писем брату не выдержал, сорвалось: «Мы живем в такой крайности, что не постигаю, как дальше существовать будем»¹¹.

Держишь в руках письма Юшневого и диву даешься, как в этой глухой таежной деревушке, забытой богом, ему хватало духа следить за новостями в мире науки и высказывать суждения, поражающие своею прозорливостью. «Ты обещал показать опыты светописи, — пишет Юшневский брату. — Вероятно, ты прочитал уже где-нибудь известия о новых опытах над действием света профессора Мезер, деланных в присутствии Гумбольдта и Энке. Подлинно, дойдут скоро до того, что откроют средство удерживать изображение предмета, видимого в зеркале...»¹².

Подумать только, это написано в отрезанной от мира сибирской деревне, 5 апреля 1843 года, примерно в то самое время, когда Европа узнала об открытии Луи Даггера, сумевшего закрепить, наконец, естественный свет на твердой пластинке и получить изображение предмета так, как он отражается в зеркале,— начиналась эра даггеротипии, или фотографии.

Юшневский учил крестьянских детей и первым на иркутской земле начал выращивать кукурузу.

В январе 1844 года Юшневский отправился в деревню Оек на похороны декабриста Ф. Ф. Вадковского, старого своего друга; не сменяясь, нес на плече гроб до церкви, и, когда гроб поставили на катафалк, во время заупокойной, он поклонился земле и упал замертво.

Артамон Захарович Муравьев тоже был членом Южного общества. Тучный, жизнерадостный, добродушный человек, первоклассный гастроном, изысканный гурман и щеголь — таким он остался в памяти близких ему людей. Раскатистый хохот Муравьева был заразителен для всех, кто оказывался с ним рядом. «Его все любили за беззаветную и деятельную доброту, — вспоминал Н. А. Белоголовый, — он не только платонически сочувствовал всякой чужой беде, а делал все возможное, чтобы помочь ей; в нашей деревушке он скоро сделался общим благодетелем, потому что, претендуя на знание медицины, он разыскивал сам больных мужиков и лечил их, помогая им не только лекарствами, но и пищею, деньгами, — всем, чем только мог. Между прочим, он изучил и зубоврачебное искусство...»¹³.

Декабристы Борисовы были в числе организаторов и руководителей Общества соединенных славян — бедные армейские офицеры, простого происхождения, без связей в высшем свете. Это они подняли войска в Новоград-Волынке и поспешили на помощь восставшему Черни-

говскому полку. На допросах никто из них не выдал товарищей по тайному обществу, каждый старался взять вину на себя, чтобы не подвергать смертельным мукам брата. Оба они до конца следствия держались мужественно и с большим достоинством. В своих ответах на вопросы следствия Андрей Борисов писал: «...законы ваши неправые, твердость их находится в силе и предрассудках»¹⁴.

Борисовы были на редкость похожи: невысокого роста, худощавые, с большими задумчивыми глазами. Они никогда не расставались, и эта неразлучность привела к невероятному сходству натур. Говорили тихо, вполголоса, только Петр чуть громче брата — служба в артиллерии, оглушительные пушечные залпы сделали его глуховатым. Братья нежно любили друг друга, взаимное общение доставляло им спокойствие и радость.

Природа Забайкалья увиделась им сквозь щели тюремной ограды. Изнуренные каторжными работами, они собирали травы и корни в короткие часы прогулок по двору, все это несли в камеру, — рисовали, описывали.

Петр Борисов был прекрасным художником, его рисунки сибирской флоры — безупречно точные, красочные, яркие — вызывали такой интерес товарищей по каторге, что все почитали за честь отыскать и принести в камеру братьев что-нибудь для их гербариев. Скоро на подоконниках, на табуретках, на полу лежали ценнейшие гербарии сибирских растений, альбомы с рисунками, чучела прибайкальских птиц.

По свидетельству декабристов, Андрей Борисов увлекся насекомыми Сибири и разработал для них новую классификацию. В то время никто не понял этого настоящего научного открытия. Мелко исписанные бумаги пылились в тюремной камере. Товарищи по каторге вспоминали о них много лет спустя, когда Парижская Академия наук приняла совершенно такую же классификацию насекомых, даже не подозревая о работах декабриста на сибирской каторге.

Борисовым не хотелось, чтобы многолетние наблюдения за растительным и животным миром Прибайкалья пропали зря, и они затевают переписку с Петербургом, шлют посылки в Ботанический сад с тем бескорыстием и добротой, которыми отличалась вся их страдальческая жизнь. Управление Благодатского рудника по-своему помешательством в уме», — появилась запись в служебных бумагах каторги.

В деревне Малая Разводная Борисовы жили уединенно. И здесь их изба была завалена коробками с сибирскими коллекциями. Чтобы как-то поддержать братьев, ссыльные декабристы добились для Петра Борисова официального научного поручения: описать сибирских муравьев. Петр принял за дело с кропотливостью настоящего исследователя. Он написал большой труд, иллюстрировал его своими рисунками. Но труд так и не был издан... А рисунки, говорят, купил за бесценок

проезжий чиновник, их награвировали на стали в Англии, а потом воспроизвели в одном из петербургских альбомов, не указывая имени художника.

Однажды в Сибирь приехала ревизия сенатора Толстого, наслышанная о краеведческих интересах Борисовых и об их художественном даровании. Один чиновник из свиты сенатора, задумав иллюстрировать отчет о поездке, заказал ссыльным братьям рисунки сибирской фауны и флоры. И снова настали для братьев счастливые рабочие дни. Все, кто видел новые рисунки Петра Борисова, говорили, что он превзошел самого себя. А когда и этот труд был завершен, чиновник бессовестно обсчитал Борисовых и увез альбомы в Петербург — они затерялись среди прочих бумаг царской администрации.

В те годы Петр Борисов давал уроки математики сыновьям иркутских купцов, чтобы прокормить себя и больного брата. В числе учеников оказался и юный Николай Белоголовый, будущий известный русский врач, друг Боткина, знакомый с Герценом, Огаревым, Салтыковым-Щедриним. Он лечил и описывал болезнь Тургенева, у него на руках умирал Некрасов.

Записки Белоголового полны величайшей признательности своим учителям-декабристам... Петр Борисов сыграл в судьбе мальчика особую роль, пристрастив его к природе и к естественным наукам. «По окончании уроков, — читаем в воспоминаниях Белоголового, — он, если день был хороший, тотчас же брал нас с собой на прогулку в лес, и для нас это составляло великое удовольствие: в лесу мы не столько резвились на просторе, сколько ловили бабочек и насекомых и несли их к Борисову, и он тут же определял зоологический вид добычи и старался поделиться с нами своими сведениями. Иногда он приводил нас к себе в свой крохотный домик, и тогда, лишь только мы переступали порог комнаты, несчастный брат его, никогда не снимавший с себя халата и не выходивший на воздух, порывисто вскакивал из-за переплетного станка и убежал в соседнюю комнату, так что мы никогда не видели его лица. В жилище Борисова нас всегда манила собранная им небольшая коллекция сибирских птиц и мелких животных, а также великое множество его собственных рисунков, за работой которых он просиживал все часы своих досугов. В этой страсти он находил для себя источник труда и наслаждения в своей однообразной и беспросветной жизни...»¹⁵

До крайности застенчивый, Петр Борисов старался ничем не выдать страданий и тоски, чтобы не огорчать больного брата и всех, кто оказывался тогда с ним рядом. Но не выдержал скрытых и мучительных напряжений. Однажды ночью, когда при свече он разбирал цветы, — сердце остановилось, голова его рухнула на стол, безжизненно опустились руки. В комнату вбежал Андрей, увидел, что произошло, в страхе и в отчаянии хотел было поджечь дом, а потом, подавленный

безысходным горем, повесился — в той же комнате, заваленной цветами, гербариями, чучелами птиц.

«Каждый из них в отдельности, — писал о декабристах Н. А. Белоголовый, — и все вместе взятые — они были такими живыми образцами культуры, что естественным образом поднимали значение и достоинство ее в глазах всякого, кто с ними приходил в соприкосновение, и особенно в тех, в ком бродило смутное сознание чего-то лучшего в жизни, чем то животное прозябание и самоопошлявание, какими отличалась жизнь тогдашнего провинциального захолустья»¹⁶.

Как обошлось время с Юшневским, Муравьевым, Борисовыми? — молча думали Хороших и Казанцев (так они оба потом рассказывали мне), когда грузовая машина с надписью на борту «посевная», громыхая лопатами и ломом, неслась по старой байкальской дороге, оставляя за собой клубы пыли, — что сохранила сибирская сырая земля?

Грузовик въехал в Большую Разводную ранним утром, остановился у церкви. Хороших и Казанцев вошли в ворота и близко от ограды увидели могилу Алексея Петровича Юшневского. На могиле памятник с чугунной доской. «Мне хорошо» (слова покойного) — выбито на чугуне.

Копали долго... Горка земли выростала у церковной ограды. Павел Павлович Хороших извлек из ямы бревна перекрытий, замерил глубину и нанес размеры раскопа на миллиметровую карту. И только опустившись до пояса, он почувствовал под ногами каменистое выпуклое основание.

— Гроб, наверное? — предположил Казанцев.

— Кирпичная кладка.

Долго долбили холодный грунт.

Они оказались на прочном каменном основании, и приходилось бить камень ломом, отбивать кирпич от кирпича, чтобы расчистить раскоп и копать дальше, отбрасывая лопатой на поверхность комья холодной земли. Хороших уже с головой скрылся в раскопе, когда лопата снова звякнула о каменный пол. Глубина была примерно 1,6 метра от поверхности. И опять спустили в яму ломы и стали долбить камень, который поддавался с трудом; связующий кирпичи раствор не уступал камню. В русских селениях так не хоронили — скорее всего, Мария Казимировна просила крестьян устроить глубокий склеп сообразно католическим традициям.

В каменном склепе на бревнах и на кирпичах стоял деревянный гроб с металлическими ручками. Гроб был обит зеленым глазетом — так называют парчу с шелковой основой и золотым или серебряным стежком. Покойник лежал на подушке из черного шелка. Судя по всему, он был похоронен в черном сюртуке и в суконных клетчатых брюках, на ногах кожаные полуботинки. На шее Юшневского висел золотой крестик. Гроб плохо сохранился, и прах покойного переложили в новый.

Крестьяне прослышали о раскопках у церкви, набегали взрослые и дети, предлагали свои услуги, да только мешали копать, пришлось искать милиционера, чтобы оттеснить толпу от края могилы.

Второй раскапывали могилу Артамона Захаровича Муравьева.

Сдвинули в сторону сложенный из серого камня памятник с чугунной доской: «Здесь покоится прах Артамона Захаровича Муравьева. Сконч. 4 ноября 1846 года на 53 году рожд.». В письме М. К. Юшневской из Малой Разводной в Европейскую Россию проскользнуло упоминание о потайной нише, где якобы был установлен скульптурный бюст сына Муравьевых. В 1924 году историк Б. Г. Кубалов предложил вскрыть нишу. В ней обнаружили прекрасную гипсовую скульптуру работы неизвестного мастера первой четверти XIX века — головку юноши. Бюст передали в Иркутский художественный музей.

Под каменными плитами была черная земля с кусками разбитого кирпича и серого песчаника. Только на глубине 60 сантиметров от поверхности оказалось перекрытие из лиственничных бревен толщиной в двадцать пять — двадцать восемь сантиметров. Бревна подняли, сложили в сторонке и снова копать, то и дело натываясь лопатой на обломки красного кирпича.

— Передохнул бы ты, Пал Палыч, — сказал Казанцев.

— Странная могила... Давай продолжать!

На глубине примерно 80 сантиметров оказалась подземная арка, сложенная из кирпичей, ребром к ребру. Впечатление было такое, что арка тоже прикрывала таинственный склеп. Разобрали кирпичи, снова застучали лопатами, пока не уткнулись во второе перекрытие — из бревен; они были потолще бревен верхнего перекрытия. Бревна хорошо сохранились, павверное, холод полутораметровой глубины предохранял их от гниения.

Под этим перекрытием обнаружился выложенный из кирпича склеп и на глубине два метра двадцать сантиметров на каменной кладке стоял деревянный гроб, тоже обитый светло-зеленым глазетом. На боковых досках гроба сохранилась надпись из наклеенных бумажных букв: «Святый боже...» — дальше не разобрать.

Подняли крышку гроба.

Вот записанный мною рассказ П. П. Хороших:

«Голова Артамона Захаровича Муравьева покоилась на небольшой шелковой подушечке. Лицо было укрыто сеткой из черных шелковых нитей, тепер уже истлевших. Все тело под оранжевой шелковой шалью, которая тоже плохо сохранилась. Его хоронили, как видно, в черном сюртуке и в ботфортах. На шее оказалась ладанка на плетеном шелковом шнурке. В ладанке золотой овальный медальон с прядью волос — жены, сына, дочери? Тут же была и крошечная серебряная иконка с изображением Спасителя»¹⁷.

Рассказ А. И. Казанцева:

«Я увидел мумию, стянутую сухой черной кожей. На голове сохранились редкие русые волосы. Лицо чуть поросло щетиной, короткая борода. О выражении лица я затрудняюсь что-нибудь сказать, но мне оно показалось спокойным и умиротворенным. Левое плечо покойника было переломано и потом срослось. Одна нога тоже была переломана. Эти детали окончательно подтвердили, что перед нами Артамон Захарович Муравьев: из литературы известно, что он однажды упал с экипажа и сломал ногу, а в другой раз руку... Сомнений у меня не было».

Прах Муравьева тоже перенесли в новый гроб.

Напоследок предстояло раскопать могилу братьев Борисовых на запущенном сельском кладбище, где лебеда поднялась выше крестов. Хороших и Казанцев ходили из конца в конец холмистой земли, приподнимали кресты, стараясь разобрать стертые временем надписи, но могила не находилась, и тогда позвали на помощь разводнинских стариков — может быть, они наведут на след.

Старики кряхтели, задерживались то у одного холмика, то у другого, но наверняка сказать ничего не могли. Кто знает, где порешили крестьяне хоронить самоубийцу и брата самоубийцы — в церковной ограде не положено было, а здесь они затерялись среди прочих могил.

Хороших спросил стариков:

- В каком стороне самая старая часть кладбища?
- Однако, в той стороне, котору мы обошли.
- Может, крест с той могилы унесло в бурю?
- Отчего же... Тут много крестов поломало.

И они шли дальше меж зеленых холмиков, приподнимая из бурьяна черные перекладыны, но братья Борисовы, как в горемычной жизни своей, так и на деревенском кладбище, не хотели выделяться и остались меж разводнинских крестьян, уравненные сырою землей.

Археолог Хороших так и не нашел могилы братьев Борисовых, теперь она навеки скрылась в волнах Иркутского моря, где-то в местах, над которыми пронесется белоснежная «Ракета», курсирующая на линии Иркутск — Лиственничное. Зимой, в январе или феврале, когда заливы водохранилища схватываются льдом, на той же акватории сидят по воскресным дням закутанные в тулупы рыболовы, долбят лунки, поддерживают лески с крючками: может быть, клонет...

А два грузовика с гробами Муравьева и Юшневского в июле 1952 года прошли путь до Иркутска — там похоронили декабристов во второй раз.

Морозным днем 15 января 1866 года 3-е Отделение собственной его императорского величества канцелярии в Санкт-Петербурге направило генерал-губернатору Восточной Сибири в Иркутск секретную бумагу № 28 за личной подписью шефа корпуса жандармов, что требова-

ло от сибирской администрации особо пристального внимания: «В Петербурге распространился слух, что в том месте, где находится осужденный политический преступник Чернышевский, каторжники были как-то недовольны пищею, что Чернышевский успел подготовить их к бунту и что, будто бы, вследствие того он был так сильно наказан, что вскоре после того умер. Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство почтить меня уведомлением, случилось ли что-либо подобное. Генерал-адъютант князь Долгоруков»¹⁸.

Такой вот запрос издалека.

Странное испытываешь чувство, глядя на этот ложенный лист с красивым черным штампом в левом верхнем углу и с лихой княжеской росписью. Этим документом открывается серая папка, которая хранится в Государственном архиве Иркутской области: «Дело по отношению статс-секретаря князя Долгорукова о политическом преступнике Чернышевском, подговаривавшем будто бы ссыльнокаторжных из поляков к бунту». Просматривая эту папку, не сразу и сообразишь, какие именно слова или их оттенки в депеше предводителя жандармов вызывают настороженность, но все время не покидает ощущение недомолвки, подтекста, намек, скрытых за нарочитым примитивом лексики: «будто бы, вследствие того... что вскоре после того...» — обычно в канцелярии его императорского величества тщательно подбирали слова.

Сомнения возникают уже при первом беглом прочтении. Удивительное дело: шеф российских жандармов не спрашивает, жив ли Чернышевский или его «вскоре после того» все-таки убили. Другая сторона занимает сочинителя депеши — случалось ли на каторге что-либо подобное. В принципе можно было бы допустить, что князь Долгоруков не отличался пристрастием к точным словам, а потому послание в Иркутск способно обнаружить лишь особенности его литературного стиля. Но знакомство с некоторыми обстоятельствами Нерчинской каторги, которую отбывал Н. Г. Чернышевский, и с последовавшими за этой депешей событиями заставляют думать, что отношения князя с русским языком тут ни при чем: он писал именно то, что хотел.

Обратимся к давним событиям.

Уже полтора года Чернышевский на Кадаинском серебро-свинцовом руднике. Кадая — это три улицы в узкой ложбине между покрытыми снегом сопками. У подножья одной из гор за частоколом — шахта и тюремный барачный поселок. Каторжных здесь много, большинство работает рудокопами под землю, в сырой и холодной штольне, хлюпая по щиколотку в воде. Они толкают деревянные лотки с рудой, днем и ночью откачивают воду из забоев, пробираются штреками, держась за цепь, прикрепленную крючьями к мерзлому своду шахты, и на рудничном дворе короткими молотками дробят тяжелые неподдающиеся глыбы. Кое-кто, желая оставить по себе память, в подземелье на рудничных стойках царапает по дереву свою фамилию или инициалы. Эти покры-

тые каменной солью крепи с именами еще много лет будут извлекать из заброшенных шурфов.

Может быть, по ночам, на деревянной лежанке, Чернышевскому вспоминалась или являлась в кошмарном сне Мытнинская площадь Петербурга, безмолвие оторопелой толпы; ворота Петропавловской крепости, казенная повозка с опущенным пологом, рядом два жандарма, невольных попутчика на его долгом пути в Сибирь; солеваренный завод в Усолье, первые дни каторги, скрип тяжелых тачек, окрики конвойных, жаркая боль разъедаемых солью рук; и облегчение души в этом царстве страданий — встречи с единомышленниками, с русскими революционерами, с участниками польского восстания. Иркутские власти побаивались этих контактов на усольском заводе и, во избежание непредвиденных событий, распорядились отправить «государственного преступника» далеко за Байкал, на знаменитую Нерчинскую каторгу.

Между тем Чернышевский был болен и слаб — тюремные медики Кадаи не отличались филантропией, но даже они вынуждены были определить преступника в лазарет, в бревенчатую избу со щелями, открытыми для вольных сибирских ветров.

«Мой ревматизм довольно сильно чувствовал во время здешних зимних бурь плоховатость стен кадаинского моего домика», — признавался писатель¹⁹. Нетрудоспособные каторжники получали в сутки по 2 фунта яричного хлеба, половину фунта крупы да по кружке вареного кваса, изредка перепадало что-нибудь еще. Бессильное, исхудалое тело держалось неуступчивым духом, и эта дьявольская сила воли узника немало тревожила тех, кому по роду службы надлежало сломать человека. А он не ломался; поблескивал своими очками, скрестив руки на груди, как будто был свободен.

Сибирская администрация отдавала себе отчет в том, что политическая ссылка второй половины XIX века оказывает огромное воздействие на местную общественность. До амнистии 1856 года здесь еще жили на поселении декабристы С. П. Трубецкой, С. Г. Волконский, Г. С. Батеньков, И. А. Анненков, Д. И. Завалишин, М. А. Бестужев, В. Ф. Раевский, А. В. Поджио, Е. П. Оболенский, И. И. Горбачевский, В. А. Бечаснов, И. Д. Якушкин. В 1857 году вышли на поселение в Сибири М. В. Буташевич-Петрашевский, Ф. Н. Львов, Н. А. Спешнев, С. Ф. Дуров, Д. Г. Толь... В том же году в сибирскую ссылку попал М. А. Бакунин, а через четыре года М. И. Михайлов. Вокруг них возникали очаги политической и общественной активности: сливаясь в одно движение, они стимулировали распространение передовых идей и оказывали революционное влияние на умы многих сибиряков.

На это время падает расцвет деятельности сибирского демократического лагеря во главе с Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым, С. С. Шашковым, Н. С. Щукиным, А. П. Щаповым и другими. Они желали особого пути развития Сибири, чтобы дать ей экономический

толчок и на равных основах соединиться со всеми свободными российскими народами. «Вспомните, — писали демократы, — что Сибири, быть может, выпадет на долю первой из славянских племен осуществить великое народное дело, великую идею демократической республики. Вспомните, что наша независимость будет иметь такое же великое значение в истории нашей и в истории человечества, как независимость Соединенных Штатов Америки»²⁰.

Революционно настроенные ссыльные поляки, участники восстания 1863 года, установили связи с подпольем Центральной России, совместно организовали побег Я. Домбровского и П. Юндзилла, вынашивали идею вооруженного выступления против царизма. В Сибири сложился русско-польский революционный союз, который предполагал путем переворота образовать в Сибири Временное революционное правительство из Михайлова, Чернышевского, Серно-Соловьевича и представителей Сибири. Сибирь предполагалось именовать Свободославией. Одновременно разрабатывался план освобождения Чернышевского — его побег из Нерчинских рудников.

Вряд ли сам Чернышевский был осведомлен обо всех этих намерениях революционного подполья. Кадая строго охранялась, Нерчинский и Кличкинский горные хребты были достаточно суровы и непроходимы, чтобы рассчитывать на потаенную связь. Но он не унывал. Судьбе угодно было свести его на краю земли со старым другом и единомышленником М. И. Михайловым, прекрасным поэтом и публицистом, которого он нежно любил. Михайлов был врагом всяческой тирании, проповедовал народное восстание, и им было о чем поговорить в долгие забайкальские ночи. А скоро здесь же оказались Луиджи Кароли, сподвижник Гарибальди и казначей известной гарибальдийской «тысячи», швейцарский революционер Э. Бонгард, сосланный за участие в польском восстании, французский историк и журналист Э. Андреоли, который тоже помогал полякам в составе гарибальдийского отряда, польский повстанец С. Стецевич и другие каторжники, почитавшие за великую честь общаться с Чернышевским и облегчать, чем возможно, его страдания.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков явно растерялся, прочитав депешу князя Долгорукова. Из Нерчинских рудников никаких донесений не поступало, а уж о смерти столь важного государственного преступника его, генерал-губернатора, первым делом поставили бы в известность. Видимо, ничего существенного на каторге не произошло, в противном случае сибирской администрации не избежать позора и скандала: по столице гуляют разговоры, до канцелярии его величества дошли, 3-е Отделение ими заинтересовалось, а сибирские власти представления не имеют, что происходит на вверенной им территории. Генерал тут же сел за «секретное конфиденциальное» письмо исправляющему должность нерчинского коменданта полковнику Воронцову:

«Шеф корпуса жандармов сообщил ныне мне о распространившемся в С.-Петербурге слухе, что находящиеся в Нерчинских заводах политические преступники, будучи недовольны как-то пищею, были подговорены по этому поводу преступником Чернышевским к бунту, за что сей последний будто бы наказан был так сильно, что вскоре после того умер.

Не получая никакого донесения о подобном происшествии от коменданта Г. М. Шипова, ни от Вашего Высокоблагородия, а также не имея сведений и о смерти преступника Чернышевского, и потому хотя я и не даю вероятия распространившемуся слуху и уведомил о том шефа жандармов, но тем не менее необходимым считаю просить Вас, М. Г., уведомить меня в возможно непродолжительном времени, не случилось ли когда-либо в Нерчинских заводах что-либо подобного... а также и о том, как вел и ведет себя политический преступник Чернышевский и в каком состоянии здоровья находится он в настоящее время»²¹.

Депеша из Петербурга в Иркутск была отправлена, мы помним, 15 января, а запрос из Иркутска в Нерчинск ушел лишь 21 февраля. По всей вероятности, в этот день генерал-губернатор отослал предварительный ответ и шефу жандармов. Не странно ли, что Петербург и Иркутск не слишком торопятся выяснить судьбу Чернышевского: жив он или убит? Они затеяли неспешную почтовую переписку, хотя уже с 1864 года существовала между Петербургом и Иркутском телеграфная связь. Остается предположить одно из двух: или администрация не придавала особого значения возможной смерти государственного преступника, или же, пустившись в обмен депешами, загодя была осведомлена, что ничего не случилось. Первое предположение маловероятно, ибо российское правительство хорошо понимало роль Чернышевского в революционном движении и могло догадываться о резонансе, который вызвала бы его смерть. Оно бы поторопилось выяснить действительное положение дел и подготовиться к возможным последствиям. Скорее всего, переписка преследовала иные цели.

Вернемся к генералу Корсакову: не выяснив истинных обстоятельств, он поспешил уведомить 3-е Отделение, что слухи напрасны и в каторжных местах наблюдается полный порядок. Но потом, перечитывая лаконичный петербургский документ, он мог почувствовать между строк беспокойную недосказанность: конечно же, корпус жандармов не хуже генерал-губернатора понимает вздорность разговоров, даже если они действительно имеют хождение, а не сочинены в той же его императорского величества канцелярии. Тогда чего же от сибирской администрации ждут, на что держат намек, подробно излагая возможный и не состоявшийся пока вариант судьбы государственного преступника?.. Что ни говори, а есть еще крепкие головы в столице. Да ведь это же так тонко придумано! Если принять такую схему, то смерть революционера будет выглядеть вполне убедительной, а за не-

которые злоупотребления при наказании, в случае чего, можно было бы сделать внушение нижним чинам. «...Был так сильно наказан, что вскоре после того умер...» — и нет вопросов.

И все же, уловив невысказанный проект, в котором, как видно, и заключалась суть вежливого и неторопливого петербургского письма, генерал Корсаков не решился тотчас принять на себя исполнение предложенного варианта, а попытался в той же ненавязчивой форме внушить новую идею администрации Нерчинских рудников. Он присовокупил к запросу шефа жандармов свои наводящие вопросы относительно поведения Чернышевского в прошлом и в настоящем, а также состояния его здоровья: судя по всему, хотел полнее учесть обстоятельства, могущие повлиять на осуществление схемы. Волнения среди каторжан были не так уж редки, можно при надобности организовать их в терпимых границах, и не надо слишком больших усилий, чтобы привязать к беспорядкам государственного преступника прямо или косвенно: «Успел подготовить их к бунту» — да, у столичных жандармов есть голова на плечах.

Чернышевский в Кадае изыскивал время писать. Здесь он закончил роман «Старина» и начал «Пролог пролога»: читал главы из новой книги М. И. Михайлову, им обоим был близок герой романа Волгин, занятый созданием подпольной революционной организации, они оба жили предчувствием политических перемен. Но судьбе угодно было разлучить их. В августе 1865 года М. И. Михайлов, тридцати шести лет от роду, умер на Кадаинском руднике, и теперь потрясенный Чернышевский заставлял себя работать еще напряженнее.

Полковник Воронцов был отлично осведомлен о каждом шаге государственного преступника Чернышевского. Помимо обычного караула, за революционером вел непрерывное тайное наблюдение специальный урядник Миней Глазков. Никаких тревожных сигналов до сих пор не поступало, а если бы возникло беспокойство, да разве бы он скрыл от старшего начальства, да разве бы не передал в тот же момент в установленном порядке забайкальскому военному губернатору, а через него генерал-губернатору Восточной Сибири? Полковник вертел в руках письмо из Иркутска и не мог понять, чего от него хотят. Дела на каторге шли не так уж плохо, и всюду — тьфу! тьфу! — было спокойно: и на Горном Зерентуе, и на Благодатке, и на Александровском заводе, и в Кадае. Правда, были бунты среди польских каторжников в деревне Сиваковой, где случилось даже столкновение ссыльных с войсками, наблюдались беспорядки в Срегенске, а также волнения в Акатуевском руднике. Но об этом давно уже знал генерал Корсаков, он же самолично присылал для расследования чиновника особых поручений П. А. Кропоткина... Кадая к тем волнениям никакого отношения не имела.

Восемнадцатого марта полковник Воронцов отправил в Иркутск

рапорт, не содержащий ничего нового для тех, кто посылал ему запрос: «Вследствие предписания Вашего Превосходительства от 21 февраля за № 169-м, — писал полковник, — имею честь донести, что ничего подобного, указанным в оном слухам, между политическими преступниками на Нерчинских заводах, кроме уже известных Вам беспорядков в Акатуевском руднике, никогда не было, да и эти беспорядки были без участия государственного преступника Николая Чернышевского, который со времени поступления в работы находится в Кадаинском руднике и ведет себя примерно для прочих и притом в настоящее время совершенно здоров»²².

Ах, полковник, при твоей сообразительности ты далеко по службе не пойдешь! Генерал-губернатор Корсаков с досадой читал нерчинский ответ, и трудно сказать, как сложились бы в дальнейшем отношения генерала с полковником, если бы очень скоро, как бы спохватившись, нерчинский комендант не предложил вариант более жесткой изоляции Чернышевского: перевод в тюрьму Александровского завода, где размещалась резиденция нерчинского коменданта и где преступник всегда на виду. Ну что же, для начала хотя бы такой шаг. В сентябре 1866 года Чернышевского перевезли на новое место.

Генерал Корсаков, по всей вероятности, не раз сожалел о том, что тонко продуманный вариант, который так явно предлагало 3-е Отделение, не был в свое время реализован. Слишком много беспокойства причинял этот каторжник, хотя находился он теперь в маленькой сырой камере с узким окошком и железной решеткой — почти не снимая пальто и валенок.

Хлопоты были связаны с непрекращавшимися попытками устроить побег Чернышевского. В 1871 году эту операцию затеял отчаянный революционер Герман Лопатин: он добрался до Иркутска, и только случай помог установить его личность и арестовать его. Так ведь он сумел бежать, и пришлось поставить на ноги всю сибирскую полицию, перекрыть дороги, установить посты вдоль рек, чтобы следили за всеми плотами и лодками: все же поймали, обезвредили.

Но кто мог поручиться, что попытки не будут возобновлены? Решение надо было принимать кардинальное и убедительное. И генерал потом с удовольствием вспоминал, что именно ему пришла в голову мысль после окончания срока каторжных работ выслать Чернышевского на поселение в Якутию, в забытый богом Вилюйск: пусть попробует кто-нибудь добраться туда через снега, сквозь чахлую тайгу. Эту мысль обсудил и поддержал комитет министров, а затем — повезло генералу! — утвердил и сам царь. Судьба Чернышевского была предрешена еще на двенадцать лет.

Летом 1875 года была еще одна отчаянная попытка освободить Чернышевского. Видный деятель революционного народничества Ипполит Мышкин приехал в Иркутск, раздобыл костюм и документы жан-

дармского офицера, добрался до Вилюйска и потребовал у тюремного начальства выдачи государственного преступника, дабы отправить его на новое место. Вилюйский исправник заподозрил недоброе, потребовал подтверждения якутского губернатора и с этой целью направил Мышкина в Якутск в сопровождении двух жандармов. Мышкин пробовал бежать, но был схвачен...

Раскрыли замысел Мышкина, сорвали план Лопатина, обезвредили и другие начинания по устройству побега Чернышевского, а покой не приходил, только возросло ощущение всеобщего беспокойства.

По указанию из Петербурга генерал-губернатор Восточной Сибири барон Фредерик направляет в Вилюйск своего адъютанта полковника Винникова с неожиданной миссией: пусть Чернышевский подпишет прошение о помиловании. Для бесправного ссыльного, окончательно подорвавшего здоровье в гиблых болотистых местах, это будет освобождение, дарованное самодержавной властью. А для властей оно явилось бы осуществлением долгожданного убийства, безопасного и выигрышного: это была бы победа над русским революционным движением — смотрите вы, Рахметовы и Веры Павловны, ваш кумир сдался, отрекся, сломался!

Полковник Винников встретил Чернышевского на берегу озера, близко от острога. Сел рядом на скамейке, изложил поручение и протянул загодя приготовленный текст прошения о помиловании. Ссылный внимательно прочитал его и вернул обратно.

— Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер, — а об этом разве можно просить помилования?

Полковник Винников потом признавался: «Увидеть-то я тогда Чернышевского увидел и говорил с ним с глазу на глаз, а уезжая от него, мне сделалось стыдно за себя, а может быть, что и другое...»²³.

Убить Чернышевского они не смогли.

Дежурный постовой долго разглядывал мои документы. Не мог взять в толк, что за нужда проникать за ограду музея-заповедника в столь ранний час. Было сыро и зябко, постовой поеживался, потягивался, всем своим видом выражал неудовольствие: можно еще подремать в проходной часа два или три.

— Одного пускать не положено... У нас ходят экскурсиями.

— Пожалуйста, сделайте исключение. Я хочу побродить в тишине.

Я стоял, умоляюще глядя на гигантского сонного стража, но не просьбы мои, а в кожаных корочках мандат, который он не выпускал из рук, поколебал, наконец, его решительность. Постовой еще долго вздыхал, качал головой, выговаривал мне за возможное нарушение правил, а потом все же отворил железные ворота, и я, ступая по шур-

шащему гравию и не оглядываясь, ощущал спиной его пристальный озабоченный взгляд.

Так я оказался один в Шушенском второй половины XIX века.

Иду деревенскими улицами, вдоль черных заборов, крупных амбаров, сибирских реставрированных изб, где у узких чистых окошек сидят бородатые косари, старые пряжи при прялках, молодухи при расписных люльках — все манекены. Усадьба с усадьбой объединяется общим двором с пристройками и навесами, но больше замкнутых хозяйств с крепкими воротами при железном кольце — не усадьба, а крепость.

Лет двести назад здесь стояла по пояс трава и шумели сосновые леса, тут была середина пути меж рудной горой Омай-Тура и Лугавским медеплавильным заводом, и останавливались у речки Шушь обозы с медной рудой. Крестьяне присмотрели это место — почвы плодородны, сенокосы обширны, пастбища хороши и сосны почти корабельные — знай вали их на сруб... Так появилось Шушенское.

Почтовый тракт лежал далеко от села, непросто было в этот уголок добраться, того труднее удавалось выбраться отсюда — разве что на плоту вниз по Енисею. Но высокие горы, тайга, звери мало привлекали тех, кто отважился бы отдаться течению. И скоро стало ясно, что не придумаешь лучшего места для водворения неблагонадежных. Саянские хребты угрюмо несли охранную службу, но не могли оградить от гулявших по России ветров.

Минусинский край становился одним из центров сибирской политической ссылки, а Шушенское попало в число окрестных селений, наилучшим образом приспособленных для осуществления государственных планов. Первыми «политиками» здесь были декабристы А. И. Фролов и П. И. Фаленберг, затем М. В. Буташевич-Петрашевский, и шушенцам приказали ни под каким видом не вступать в общение с опасными преступниками.

К концу XIX века в Шушенском было 257 дворов; улицы в пыли, грязи, навозе; на окраине лепились избы, а ближе к центру села, возле звонкой каменной церкви, шла торговля в четырёх купеческих лавках, и стоял дым коромыслом в двух питейных заведениях, у винных бочек с медными краниками — набор коротких деревенских радостей.

В. И. Ленин приехал в Шушенское 8 мая 1897 года на крестьянской телеге, запряженной парой лошадей. Был вечерний час, в избах уже гасили керосиновые лампы и укладывались на полати после дневного труда. Путник и сам, признаться, сильно устал; четырнадцать месяцев в одиночной камере Петербургской тюрьмы оставили свой след: впалые щеки, сомкнутые губы, напряженные глаза — так он выглядит на фотографии перед отъездом в сибирскую ссылку. Восемьдесят один день дороги: громыхающий неторопливый поезд на

транссибирской магистрали; знакомство с Красноярском, с его обитателями, большей частью невольными, работа в библиотеке Г. В. Юдина; плавание на пароходе «Св. Николай» вверх по Енисею, через сто семнадцать шивер и перекаатов, с остановками у монашеского скита, у дровяных складов и пристаней; два дня в Минусинске — визит к полицейскому исправнику — и опять за книги в минусинском музее... И снова на лошадях по размытой весенней дороге до берега Шуши. «Место моего окончательного успокоения», — усмехнулся он в письме к матери²⁴.

Каким увидели Ленина шушенцы, те из них, кто услышал скрип телеги и прильнул к окну? Наверное, в сумерках они смогли заметить лишь общие черты, которые уже были занесены в документы жандармами. Жандармы, как известно, не художники, потому описали внешность ссыльного на свой безукоризненно точный манер: роста два аршина и пять с половиной вершков, телосложения среднего, волосы на голове и бровях русые, а на усах и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины, голова круглая, лоб высокий, нос обыкновенный... Приехал и приехал в село чужой человек, поутру разъяснится, кто такой и по какой надобности.

...Шушенские улицы все еще пустыньны и тихи, как будто крестьяне только сейчас оставили избы, двинулись на пашни сеять, боронить. Не мычат коровы, не блеют овцы, даже собака не тявкнет из подворотни — село в мемориальном беззвучии. Я отворил калитку и вошел в усадьбу крестьянина А. Д. Зырянова. Во дворе под широким навесом лежат старые плуги, висят на крюках хомуты и уздечки, разный хозяйственный инвентарь. По лестнице-входу, устроенному в прирубке, можно подняться в сени, толкнуть дверь — попадешь в просторную избу; русская печь с полатями, вдоль стены скамейки, шкаф с посудой; крестьянские самотканые половички глушат прикосновенья и без того осторожных шагов; над скамейкой висит старинное зеркало... Что видело, запомнило, вобрало в себя это стекло?

Зырянов отвел Ленину угловую комнату площадью четырнадцать квадратных метров. Сейчас в комнату не войдешь, не пускает красный музейный шнур, но из горницы можно смотреть: стол, застеленный белой льняной скатертью, керосиновая лампа с зеленым абажуром, газеты «Русские ведомости» и «Сын Отечества» — здесь он писал книгу «Развитие капитализма в России», надо было изучить гору журнальных статей, газетных публикаций — больше шестисот источников. Они находились тут же, под рукой, на деревянной полке, сколоченной хозяином дома, и на угловых столиках. Вряд ли в ту пору, в разгар работы над книгой, в этой комнатке блистал нынешний идеальный порядок; и мне подумалось, что было бы совсем неплохо, если бы устроители музея восстановили обстановку рабочего дня, может быть, даже с естественным маленьким хаосом; как будто он сейчас снова войдет и скло-

нится над бумагами, в белой сорочке и при сюртуке, и камышовой ручкой будет водить по листу.

Деревянная кровать покрыта бордовым одеялом, у изголовья белая подушка. Стоило приподнять голову, и можно было видеть на стене у окна старенький барометр: он предупреждал о «погоде», как называли шушенцы дующие из-за Енисея холодные и сильные ветры, способные ломать заборы и сносить крыши; вихри случались весной или осенью, их приходилось иметь в виду при прогулках к Перову озеру или к Журавлиной горке, где ему хорошо дышалось и думалось.

Я обернулся на стук шагов — в комнате появилась женщина с тряпкой в руках. Подол ее платья был заткнут за пояс; видно, она мыла ступеньки черного хода в избу, а теперь вопросительно смотрела на посетителя-одиночку, да еще возникшего в неподходящий час. Мы объяснились, и женщина обрела покой, стала протирать в горнице подоконники, скамейки, деревянные ходики, отбивающие время, как сто лет назад. Дежурный смотритель дома Зырянова — так называется должность моей новой знакомой. Каждое утро она открывает ставни, убирает избу, перестилает постель, как будто ждет возвращения жильцов, которые сюда никогда не вернуться.

Женщина опускается на скамейку, вытирает крупные руки о подол и объясняет, в какую дверь входил Зырянов, а в какую Владимир Ильич, и как весной 1898 года приехала Надежда Константиновна и они обвенчались в здешней церкви.

— Не по душе им было венчанье, стыдились они этого, потому и в церковь шли порознь, он по одной улице, а она по другой.

— Легенда, наверное? — спрашиваю я.

— Старики говорили, — обижается она, — сами видели!

— А дом Петровой далеко отсюда?

— Прямо пойдете и налево.

— Спасибо, — говорю я, прощаясь.

— Вам спасибо, в гостях побыли.

Дом крестьянки Петровой стоит на берегу Шуши — Ленин и Крупская перебрались сюда от Зыряновых, потому что здесь отвели им три комнаты, можно было работать и отдыхать, никому не мешая.

Во дворе ни души.

Я поднимаюсь на высокое крыльцо, охраняемое белыми колоннами. Дверь ведет в кухню и в маленькую комнатку, где жила шушенская девочка, помогавшая ссыльной семье по хозяйству. А вот и столовая: старинный обеденный стол, диван с низкой деревянной спинкой, два кресла, четыре стула, буфет с посудой и кровать — здесь верховодила Елизавета Васильевна, мать Крупской. Еще несколько шагов, и опять шуруктовый барьер: вход в рабочий кабинет и спальню Владимира Ильича и Надежды Константиновны. У окна стол, на нем подсвечник, а на стене портрет Чернышевского; рядом высокая конторка с кероси-

новой лампой — рабочее место, и опять полки с книгами, от пола и до потолка; углом стоят две железные кровати — голова к голове; рассказывают, сами набивали матрацы соломой.

«Я в первое время своей ссылки решил даже не брать в руки карт Европейской России и Европы: такая, бывало, горечь возьмет, когда развернешь эти карты и начнешь рассматривать на них разные черные точки. Ну, а теперь ничего, обтерпелся и разглядываю карты более спокойно; начинаем даже нередко мечтать, в какую бы из этих «точек» интересно было попасть впоследствии. В первую половину ссылки, должно быть, больше смотрелось назад, а теперь — вперед», — писал отсюда Ленин М. И. Ульяновой.

У меня с собой 55-й том Полного собрания сочинений В. И. Ленина — здесь семьдесят семь шушенских писем к родным: почти столько же писем до сих пор не найдено, а они были написаны и разлетелись по свету, о них упоминает переписка. Кто знает, какие новые обстоятельства добавят к нашей осведомленности письма, когда их разыщут, если их все-таки разыщут, но известные нам странички обладают особенностью: в них почти ничего нет о тяготах ссылки, зато успокоительные строчки о прекрасном самочувствии и великолепной охоте... Условия переписки, скажете вы. Но только ли в этом дело? Читаешь, перечитываешь и представляешь себе того, кто писал — не вождя, не теоретика, никакую не сильную личность, а просто сына, который нежно любит мать, просто брата, который дорожит спокойствием близких людей.

Очень человеческие письма.

Сидишь с томиком на скамейке у домика Петровой, смотришь на белые березки, склоненные над Шушью, и думаешь о таинстве сибирской природы: диковата она и сурова, а плавными линиями дальних гор, а переливами синей тайги, а прозрачностью круглых озер вызывает совсем другое настроение — хочется мягкости, чистоты, доброты.

Что-то делала с Лениным Сибирь!

В Красноярске Ленина потянуло на стихи, даже написал строчку: «В Шуше, у подножия Саяна...». А в письмах не раз и не два замечаешь, как с ним действительно что-то происходит: «Насчет резкости я теперь вообще стою за смягчение их и уменьшение их числа. Я убедился, что в печати резкости выходят неизмеримо сильнее, чем на словах или в письме, так что надо быть поумереннее в этом отношении», — пишет он сестре. А вот рецензия на книгу Р. Гвоздева «Кулачество — ростовщичество, его общественно-экономическое значение»: «Слог книги страдает в некоторых местах вычурностью и туманностью», — замечает Ленин, требуя ясности и глубины как слагаемых прекрасного.

И почти в каждом письме разговор о книгах, журналах, газетах — этим исчерпываются почти все просьбы. «Присылайте мне всякие ка-

талого, особенно букинистов и особенно заграничных». «Скучаю только по газетам: надеюсь, что теперь уже скоро стану получать их, что они у вас уже посланы». Он просит выписать «Русское богатство», «Русские ведомости», «Вестник финансов», отправить ему литературу по экономике, статистике, истории, политике.

Шушенское чутким ухом воспринимало все оттенки жизни России и Европы. Редакция газеты «Самарский вестник» и П. П. Маслов («Золотопромышленник») вступили в полемику с редакцией журнала «Новое Слово» с П. Б. Струве во главе. Самарцы обвиняли своих противников в сочувственном отношении к либерализму. Ленин просит родных незамедлительно сообщить ему обстоятельство спора. «Не знает ли Аня каких-либо подробностей о распре с редакцией, о войне против нее золотопромышленника и К^о? Не слыхала ли она «другую сторону», т. е. кого-либо из редакции? Буду ждать ее письма» (18.V.97).

В Петербурге за Невской заставой существовало Общество устройства народных развлечений: проводили для рабочих гулянья, ставили спектакли, собирали танцевальные вечера, открывали детские сады и читальни. Члены марксистских кружков в одной из читален встречались с рабочими. Ленин продолжает следить за этой возможностью легальной работы. «Получил 3-го дня отчет общества народных развлечений,— пишет он.— Спасибо за него» (15.VI.97). В Париже стал выходить журнал «Социалистическое движение»,— в нем сотрудничали В. Либкнехт, Ж. Жорес, А. Бабель, Р. Люксембург и другие видные деятели международной социал-демократии. Ленин знакомится с новым изданием и тут же откликается: «...самое уже появление его под редакцией Лонге очень знаменательный факт» (17. X. 99).

...На заповедных улицах Шушенского случилось оживление. Захлопали ставни, послышались голоса, мимо домика Петровой промчались два велосипедиста — судя по комбинезонам, строители или реставраторы. У каждой усадьбы появились дежурные смотрители, хлопотали, засуетились. Уже поднялось над городом солнце, а значит, скоро жди первые группы экскурсантов, и до сумеречной поры тут будут слышны разные языки и говоры.

— Без группы?— подошла ко мне женщина в плюшевом жакете.— Вы что делаете здесь?

Наверное, дежурный смотритель дома Петровой. Она быстрым взглядом окинула двор, скользнула по крыльцу, задержалась на приоткрытой двери... Теперь смотрела на меня, полная решимости безоговорочно проводить до милицейского участка. Есть женщины в русских селеньях!

Пришлось назваться и что-то лепетать о привычке бродить одному, о желании посидеть и подумать, но эти жалкие слова только возбуждали подозрение. И тогда я обстоятельно доложил, что на посту была проверка документов и меня допустили к прогулке «по зоне».

— Вы не сердитесь, что я так допытываю,— смягчилась женщина,— сами понимаете, где находимся.

Женщина присела на скамью рядом со мной и принялась рассказывать о своем «объекте», конечно же, наиважнейшем во всем заповеднике. От ее бдительности не осталось и следа, она говорила сбивчиво и торопливо, все же не экскурсовод она, но желание поведать незнакомцу о том, что слышит изо дня в день и знает наизусть, было слишком велико, и она спешила выложить разом все сведения, как бы тревожась, что кто-нибудь может ей помешать. Мы говорили о шушенских ссыльных, бывавших у Ленина. В дом приходили лодзинский рабочий И. Л. Проминский и путиловский рабочий О. А. Энгберг, прекрасный ювелир: оказывается, это он выковал для Владимира Ильича и Надежды Константиновны бронзовые обручальные кольца, но молодые так их и не носили. Приезжали в дом Петровой ссыльные марксисты и из окрестных селений, хотя было это нелегко, все находились под гласным полицейским надзором.

«...Его творческий ум непрерывно работал и будил мысль в других, всегда освещая наши политические интересы»,— это из воспоминаний М. А. Сильвина, который отбывал ссылку по соседству в селе Ермаковском²⁵.

Ленин тоже не считал себя шушенским сиднем — выезжал в Минусинск, в Ермаковское, в Ивановку, в Тесинское, встречался с соратниками. В Красноярске установил связь с П. А. Красиковым, Л. Н. Скорняковым, Е. В. Степаненко и другими ссыльными марксистами, вступал в полемику с их идейными противниками. Красноярцы создали первый марксистский рабочий кружок — с этого начиналась история Красноярской партийной организации.

Летом 1899 года в Шушенское переслали манифест «экономистов»: группа русских социал-демократов — они называли себя молодыми — выступила против создания революционной рабочей партии и призывала ограничиться экономическими требованиями. По мнению составителей этого документа, отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства не может быть искуплено разговорами о политике или воззваниями к несуществующей силе, а потому они предлагали остановиться на воспитании такого чувства в процессе экономической борьбы. Манифест не предназначался для печати; видимо, составители побаивались огласки и критики. Тем не менее бумага получила хождение в Петербурге, попала в руки А. И. Ульяновой-Елизаровой, и та решила немедленно познакомить с ним В. И. Ленина.

Шушенский пристав уже привык к тому, что керосиновая лампа в доме Петровой на высокой конторке горит до полуночи, но теперь окно светилось позднее обычного. «Все пишет чего-то,— жаловался пристав,— должно, из писателей. Я уже доносил об этом господину исправнику не раз, как бы, дескать, чего не вышло из его писанины.

Пусть,— говорит исправник.— пишет, лишь бы буянства не чинил или чего прочего, а это ничего...»²⁶.

Ленин писал ответ на манифест «экономистов» и считал очень важным, даже необходимым, обсудить документ с товарищами по ссылке. Но как встретиться всем вместе, у кого?

Перебирая минусинские селения, где жили ссыльные социал-демократы, Ленин остановился на Ермаковском — там лежит тяжело больной А. А. Ванеев, двигаться ему нельзя, пусть у него и соберутся товарищи. К тому же есть, по крайней мере, два убедительных довода для минусинского исправника: во-первых, болезнь земляка, которого надобно проведать, во-вторых, день рождения дочери Лепешинских в том же селе. Доводы поделили между собою и стали хлопотать о короткой отлучке.

Село Ермаковское лежит в 36 километрах от Шушенского, на реке Ое, правом притоке Енисея. Здесь жили в ссылке соратники по Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса»: А. А. Ванеев, Д. В. Ванеева (Труховская), Н. Н. Панин, М. А. Сильвин, социал-демократы В. К. Курнатовский, П. Н. Лепешинский, а также поехавшая вслед за мужем в Сибирь О. Б. Лепешинская. Сюда же добрались в те августовские дни В. И. Ленин с Н. К. Крупской и О. А. Энгберг из Шушенского, Г. М. Кржижановский, З. П. Кржижановская, В. В. Старков, А. М. Старкова из Минусинска, А. С. Шаповалов, Е. В. Барамзин, Ф. В. Ленгник из Тесинского.

Совещание открылось на квартире у Лепешинских. Социал-демократы обсудили написанный В. И. Лениным «Протест» и одобрили его. Затем перешли на квартиру Ванеева. Больного внесли на кровати в большую комнату, где собрались товарищи; тут приняли резолюцию и подписались под документом. «Протест» переправили за границу, там опубликовали²⁷.

«Протест российских социал-демократов» явился первым коллективным документом русских революционных марксистов: участники совещания семнадцати показали несостоятельность теоретических построений «экономистов» и во весь голос заявили о неотложной задаче — создавать революционную рабочую партию, способную повести пролетариат к классовым боям, на свержение самодержавия, к победе в политической борьбе. Мысль об организации партии нового типа проходит через многие работы Ленина, созданные в сибирской ссылке. А написал он здесь больше тридцати произведений, среди них «Развитие капитализма в России», «Задачи русских социал-демократов», «Наша программа», «Насущный вопрос», «От какого наследства мы отказываемся... В 1897—1900 годах Шушенское стало центром, где разрабатывалась теория и практика строительства будущей Коммунистической партии Советского Союза.

...Уже отворились ворота, неизвестно откуда возникло множество

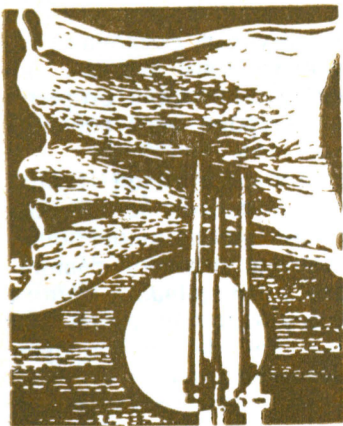
экскурсантов, пестрые и бойкие толпы, и заповедные деревенские улочки вмиг преобразились. Организованные группы следовали по предписанным маршрутам, милые девушки-экскурсоводы хорошо поставленными голосами окликали тех, кто хотел уклониться в сторону; у изб, амбаров, колодцев, у винной лавки и у острога экскурсоводы уже взяли власть в свои руки.

Я сижу на скамейке у домика Петровой, на берегу тихой Шуши. Вот здесь, прогуливаясь по этим же улочкам, в последние месяцы ссылки Ленин обдумывал план создания партии при помощи общерусской политической газеты. Он обсуждал детали плана с товарищами по минусинской ссылке, писал соратникам, договаривался с ними о поездке за границу, где можно будет наладить издание газеты. Он был в те дни возбужден, энергичен, неутомим — как будто его руки уже были в типографской краске от первого номера «Искры».

Утром 29 января 1900 года шушенцы высыпали вот на эту улицу провожать своих «политиков» — кончился срок ссылки. Прощай, Шу-Шу-Шу! Твоих три года не были пустым ожиданием, вычеркнутыми из жизни, скорее напротив, так хорошо здесь работалось, думалось, мечталось, а теперь пора проверять теорию революционной практикой. Что там, впереди?

Ленин, Крупская, Елизавета Васильевна устроились на санях, тесно прижавшись друг к другу, а ямщик погонял лошадей по звонкому льду Енисея к Минусинску и по белым степям до Ачинска — до железной дороги в Россию.

Проходящий поезд № 3 «Иркутскъ — Москва» увозил Ленина через Сибирь навстречу революции.

ДНИ ТВОРЕНИЯ

Легендарная Центросибирь.—
При блеске чужих штыков.—
«Отечество в опасности!» —
Архивная папка о байкальской
трагедии.— Один из свиты
«верховного». — Красные! —
Колчак на допросе

Мне в руки попало Следственное дело по обвинению адмирала А. В. Колчака и членов его правительства: девятнадцать пухлых серых пыльных папок, связанных короткими тесемками; кипы бумаг — напечатанные на «ундервуде», а больше написанные от руки протоколы допросов, постановления, рапорты, служебные записки, прошения и справки, множество пронумерованных страниц, от которых когда-то зависели повороты не одной судьбы... Дело хранится в одном из архивов Москвы, и редко кто потревожит те грозные документы, рукописи, фотографии. В этом рассказе, построенном по преимуществу на материалах из тех серых старых папок, мы не раз будем обращаться к подлинным свидетельствам истории революции и гражданской войны в Сибири, а для зачина приведем отрывок из заседания Чрезвычайного революционного трибунала 24 мая 1920 года: в неожиданном диалоге во время судебного разбирательства для меня стал проясняться идейный ключ ко всей этой главе.

«Косырев (член Ревтрибунала). За это время здесь очень часто слышал слова вроде — родины, отечества и т. д. Но в то же время оглашенные документы показывают, что с родины вывозилось золото десятками вагонов, что Национальный центр и другие организации десятками делали взрывы и т. д., целый ряд железнодорожных мостов здесь были взорваны, Иртышский мост был взорван, разрушения были огромные, что же подсудимые подразумевают под родиной, может быть, это исключительно карман купцов или какое-нибудь другое место. Столько родине нанесли ущерба, что же они понимают под словом родина, отечество и т. д.?»

Червен-Водали (министр прави-

тельства Колчака). Под словом родина я понимаю и думаю, что и понимают другие: страну, в которой мы выросли, среди народа русского, среди людей, которые нам так же дороги, как и всем остальным русским людям, и если мы в период борьбы совершали, может быть, действия, которые нанесли, может быть, ущерб родине, то не следует, что эти действия были целью нашей работы. Мы считали, что этим путем мы достигнем пользы родине. Потому что под отечеством мы подразумевали русский народ полностью, а не какой-нибудь отдельный класс.

В притихшем зале судебного заседания, как и раньше, в кровопролитной братоубийственной войне, как и еще раньше, в извечной противоречивой жизни, в борьбе имущих с неимущими, продолжалась все та же схватка двух миропониманий: классовый пролетарский подход неимущих к социальным явлениям противостоял «общерусскому», якобы внеклассовому, а на самом деле буржуазному подходу имущих. Эти столкновения — теоретические и вооруженные — заставляли размышлять об истинных понятиях родины и отечества.

История революции и гражданской войны в Сибири описана во множестве мемуаров, научных исследований, в художественной литературе. Это свидетельствует не только в пользу современного знания, но также служит доказательством достаточной сложности происходивших тогда явлений. Нужен немалый труд, чтобы разобраться в политических оттенках всевозможных партий, группировок, правительств, революционных и контрреволюционных сил внутри страны и вторгшихся на территорию Советской России иностранных армий. Потому не будем даже и пытаться вместить в эту главу объем информации, который потребовал бы многих томов, а попробуем выделить некоторые обстоятельства тех потрясающих дней.

Известия о событиях в Петрограде 25 октября 1917 года пришли в Сибирь по телеграфу 26—27 октября, и тут же узкие телеграфные ленты с экстренным сообщением потянулись к почтовым аппаратам уездных городков, на ходу множась и обрастая подробностями. Крестьяне, погоняя лошадей по слякотной осенней дороге, несли великую весть в таежные селения, и пока еще не стали реки, жители прибрежных деревень на шитиках плыли от берега к берегу, сообщая соседям неслыханные новости: русские рабочие в союзе с крестьянством под руководством большевиков свергли Временное правительство! установили диктатуру пролетариата! и власть на местах передали Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

Сибирь была, как разбитый вдребезги градусник: ртутная подвижная масса населения раздробилась на множество больших и малых образований, они воссоединялись и снова раскалывались на мелкие части, бессильные слиться в целое. Возродить общество на новой социальной основе мог только российский пролетариат и его большевистская партия.

В Сибири формированию рабочего класса помогло сооружение Великого железнодорожного пути. Наверное, в тот памятный день 19 мая 1891 года, когда во Владивостоке наследник цесаревич, а в скором будущем российский император Николай II «изволил лично наложить в приготовленную тачку земли и свезти ее на полотно строящейся Уссурийской дороги», ни сам он в минуты трудового спектакля, ни самодержавная администрация России еще не предполагали, к каким экономическим и социальным последствиям приведет сооружение транссибирского пути. Возникло множество мелких предприятий мануфактурного типа, а с ними рядом крупные акционерные компании сибирских промышленных («Лензолото» на Витиме, «Копикуз» в Кузбассе, «Сибирская медь» и т. д.); привлекался и иностранный капитал: многие заводы, рудники, копи принадлежали английским и американским предпринимателям. Влияние иностранного капитала, в особенности американского, заходило так далеко, что в 1917 году американцы предприняли попытку установить контроль над сибирскими железными дорогами: они направили в Россию большую группу специалистов-транспортников во главе с инженером Джоном Стивенсом, участником строительства Панамского канала¹.

Сибирь в ту пору была настоящим сырьевым придатком метрополии — Европейской России, а также капиталистических стран Западной Европы и США. Поезда увозили отсюда золото, цинк, свинец, медь, уголь, кожи, соль...

Выгодно было раздувать слухи о якобы безграничных природных ресурсах Сибири, тем самым освобождая себя от заботы думать о завтрашнем дне сибирского населения: в горячке не было времени размышлять, что ожидает Сибирь, когда на месте открытых и вычерпанных месторождений останутся зиять пустые мерзлые ямы, траншеи, штольни, когда тайга отступит перед пустырями. И подобно тому, как было в давние времена и как продолжалось впоследствии, отношение к природным ресурсам в эпоху капитализма касалось не только экономических категорий, но также психологических, обнаруживая нормы поведения общества или отдельных классов в окружающем мире.

Экономические магниты притягивали к сибирской промышленности массы трудового народа. В ведущих отраслях здесь сосредоточилось около трехсот тысяч рабочих. А всего в канун революции Сибирь насчитывала девятьсот — девятьсот двадцать тысяч пролетариев, в том числе и наемных рабочих, занятых в сельском хозяйстве². Такие же обездоленные, как и по всей России-матушке, сибиряки были чутки к социальным поветриям и к классовой борьбе. Из этого подростка выросли многие видные большевики, организаторы первых Советов, Красной гвардии, рабочей милиции, фабрично-заводских комитетов.

К июлю 1917 года по Сибири возникло сто пятьдесят местных

Советов, одинаково называвшихся, но разных по программам и действиям. Там, где верх взяли большевики, эти органы власти оказывались в пекле революционной борьбы, а другие, во главе с меньшевиками и эсерами, где робко, а где и воинственно служили контрреволюционным силам. Все же к осени большевистские организации добились в сибирских Советах внушительного перевеса. Можно сказать, что в эту пору Сибирь жила предчувствием залпа «Авроры».

Владимир Ильич Ленин живо следил за делами в Сибири.

На VII (Апрельской) конференции партии большевиков Ленин беседовал с делегацией сибирских партийцев, а в статьях «К чему ведут контрреволюционные шаги Временного правительства», «Еще одно преступление капиталистов», «К вопросу об объединении интернационалистов» он опирался на опыт Советов рабочих и солдатских депутатов Сибири, и по всему чувствовалось, что он не только отлично осведомлен о происходящих событиях, но видит их тенденцию, важную для понимания обстановки и перспектив всей революционной России. Важно отметить, что опыт Советов Сибири помог В. И. Ленину сделать глубокие политические выводы, ценные для всей Коммунистической партии.

Первый съезд Советов Сибири созвали 16 октября 1917 года в Иркутске, в особняке бывших купцов-миллионеров братьев Второвых. Просторные залы каменного особняка с башнями и флигелями заполнили рабочие, солдаты, крестьяне. Тут были делегаты Советов, расположенных от Тюмени до Владивостока,— из 184 делегатов 65 большевиков, 35 эсеров, 11 меньшевиков; представители других партий и группировок. Восемь дней революционное большинство съезда боролось с правыми эсерами и меньшевиками; те пытались сорвать работу съезда, да еще таким образом, чтобы при этом выглядеть истинными ратателями за народное дело. Правые эсеры кричали, что на съезде якобы недостаточно представителей крестьянства, а потому это и не съезд, а всего лишь совещание, которое не уполномочено решать главные задачи революции. Горлопаны не нашли поддержки: в те напряженные октябрьские дни, когда все вокруг охвачено было предчувствием надвигающихся великих событий, цену имели не слова, а способность к действию. Большевистская фракция Всесибирского съезда призвала к немедленному переходу власти в руки Советов.

— Мы знаем, что берем на себя великую ответственность,— говорил большевик А. И. Окулов.

Его поддержали направленный ЦК РСДРП(б) в Сибирь Б. З. Шумяцкий, С. Г. Лазо и другие делегаты. В последний день работы — 23 октября — съезд образовал Центральный исполнительный комитет Советов Сибири, который вошел в историю под легендарным названием Центросибирь.

Центросибирь — ею руководили большевики — стала организатором

ром и душой сибирских трудящихся. В ее состав вошли испытанные партийцы, страстные трибуны, люди большого личного мужества. Это они, центросибирцы, устанавливали власть Советов в городах и в далеких таежных селениях, пробираясь через леса на охотничьих лыжах; это к ним в тяжкое для Советской республики время обращался председатель ВЦИК Я. М. Свердлов с просьбой помочь трудящимся Европейской России продовольствием, и они помогали, как это было ни трудно; это они раскрывали антисоветские заговоры, боролись с белобандитами и возглавили знаменитую оборону Белого дома, превращенного в крепость красногвардейцев Иркутска. Среди защитников Белого дома были П. Постышев и П. Петров... Мы пишем о них, как о партийцах-вожаках, об этих молодых тогда людях, и стараемся представить себе то удивительное время чистоты и возвышенности побуждений, единства слова и дела, когда бойцы революции были писателями, как П. Петров, или поэтами, как Ф. Лыткин. Эта естественность одновременного проявления духовных сил в бою и в литературе рождалась верой в правоту борьбы. Это их, центросибирцев, в 1918 году в глухой олекминской тайге расстреливали белогвардейцы. Федор Лыткин, двадцатилетний народный комиссар Советского управления в Сибири, писал о своих сверстниках: «Если бы мертвых уважить, не хватило б крестов. Но каждый вам кустик скажет, сколько легло голов...» Лыткин был убит в той же тайге на Олекме...³

Отношение к социалистической революции 1917 года не было одинаковым у разных партий, классов, групп сибирского общества. Буржуазия Сибири, а с нею правые эсеры и меньшевики отказались признавать Советы и ратовали за Учредительное собрание, разогнанное большевиками. Рабочие и солдаты на митингах поддерживали вооруженное восстание в Петрограде и во многих сибирских городах устанавливали власть Советов — в Красноярске, Ачинске, Минусинске, Енисейске... Контрреволюционные силы, в свою очередь, принялись создавать «комитеты спасения», «союзы спасения» и прочие политические группировки, объединенные общей задачей: готовить антисоветские мятежи и громить новые органы власти.

Опасно бурлила ошеломленная Сибирь.

Участник гражданской войны и член Центросибири В. В. Рябиков писал о социальных коллизиях, которые в ту пору касались тысяч людей: «Представители враждующих партий рвали личные отношения, на политической почве ломались отношения в семьях, дети уходили от инакомыслящих родителей. Я вспоминаю, с каким скептицизмом и недоверием мои товарищи стали относиться к активной работнице большевистской организации т. П. только потому, что она не решалась порвать отношения со своим мужем — видным меньшевиком, с которым прожила, примерно, лет десять. Никакие компромиссы с враждебными партиями были невозможны, стоял вопрос: кто кого?»⁴

У революционного движения в Сибири оказались свои особенности: край удален от центральных районов России, промышленность была слабее развита, потому и рабочий класс не отличался той сплоченностью и организованностью, которой славился пролетариат крупных российских городов. Среди крестьянства сильна была прослойка зажиточных хозяев и кулаков, которым импонировали «демократические» обещания буржуазии и связанных с нею контрреволюционных сил. Сибирские коренные народности стояли на низкой ступени общественного развития, и вряд ли можно было рассчитывать на их широкое участие в происходящих событиях. Если учесть при этом слабые транспортные возможности, ограниченность средств связи, разбросанность таежных поселений, то можно представить себе, каких трудов стоило устанавливать по Сибири власть Советов. И все-таки уже к апрелю 1918 года новая власть торжествовала даже в самых отдаленных районах. Это свидетельствует о том, что Советы, как форма политической власти, отвечали интересам подавляющего большинства трудящихся и принимались ими.

Силы сибирской контрреволюции ушли в подполье и готовились к реваншу. В Омске, Новониколаевске, Барнауле, Красноярске, Иркутске создавались подпольные вооруженные организации, руководимые офицерами бывшей царской армии. К началу мая восемнадцатого года в рядах подпольной контрреволюции под ружьем было около восьми тысяч солдат, хорошо обмундированных и имеющих опыт военных операций. Они предпринимали попытки свержения власти Советов, но добиться успеха им долго не удавалось.

Контрреволюция отдавала себе отчет в том, что рассчитывать на широкую добровольную поддержку со стороны сибирского населения ей не придется, потому надежды на реванш она связывала с иностранными армиями, уже приведенными в движение... В ноябре 1917 года у дальневосточных берегов бросил якорь американский крейсер «Бруклин» под командованием адмирала Найта. Правительство Англии распорядилось перебросить из Гонконга в Сибирь 25-й батальон Миддлсекского полка во главе с полковником Уордом. На рейде Владивостока появился японский броненосец «Ивами», а через день английский крейсер «Суффолк». Жерла орудий смотрели на притихший приморский город, ожидая команды.

«Союзники должны пригласить Японию войти в Сибирь, захватить Сибирскую железную дорогу и богатые области, лежащие на восток от Урала, и создать из Азиатской России противовес Европейской России,— призывала 5 марта 1918 года английская газета «Дейли мейл».— Каждый день промедления выполнения этого плана является потерей для жизненных интересов и союзников, и Японии»². Чтобы ускорить решительные действия, контрреволюционные силы спровоцировали грабеж во владивостокской гостинице «Версаль», а за-

тем убийство в отделении японской конторы «Исидо»... Японский и английский десанты сошли на берег.

Им развязал руки мятеж чехословацкого корпуса.

Чехословацкий корпус был сформирован в России в 1916 году из солдат и офицеров австро-венгерской армии, оказавшихся в русском плену. Предполагалось, что они примут участие в войне на стороне России против Германии и Австро-Венгрии, потому их организовали в воинские части и сохранили при них вооружение. После Октябрьской революции многие чехи и словаки вступили в ряды Красной Армии, а остальные томительно дожидались обмена военнопленными между Россией и Австро-Венгрией. Когда немецкие войска нарушили соглашение о перемирии и выступили против молодой Республики Советов, чехам разрешили продвигаться по Сибирской железной дороге до Владивостока, откуда они могли бы вернуться морем в Европу.

Командование чехословацкого корпуса, сочувствуя белогвардейцам и интервентам, тесно с ними связанное, распространяло среди солдат антисоветские слухи и, в конце концов, спровоцировало выступление пятидесяти-шестидесяти тысяч вооруженных чехословаков. Эшелоны мятежников рассредоточились на всем протяжении транс-сибирской магистрали от Пензы до Владивостока. В конце мая 1918 года белочехи заняли Челябинск, Новониколаевск, Мариинск, а затем другие города и станции вдоль железной дороги. Они свергали Советы, расстреливали большевиков и красноармейцев. Сдержать это выступление на огромном пространстве не под силу было неокрепшей еще Советской республике. К осени 1918 года в Сибири и на Дальнем Востоке власть Советов перестала существовать.

Торговые люди Томска устроили пышный прием «чешскому Наполеону» — полковнику Р. Гайде — ему поднесли гусарскую саблю толедской стали с эфесом из чистого золота и гравировкой: «рази и побеждай!». Но Гайда не слишком церемонился с торговыми людьми, отцами города, редакторами сибирских газет, он на всех нагнал страху. И еще не просох его поцелуй на клинке, как он сел за распоряжение, обошедшее русские газеты: «Предупреждаю всех редакторов местных газет, что они ответственны в полной мере за все, помещаемое в газетах... и будут предаваться мною военно-полевому суду и судиться по всей строгости законов военного времени»⁶.

До торговых людей не сразу дошло, в чьи руки попала толедская сталь и полтора фунта чистого золота на эфесе!

«Чехословаки широко открыли дверь в Россию, — писала «Дейли Кроникл», — но они не могут охранять эту открытую дверь до бесконечности». В конце июня 1918 года представители Антанты обратились к президенту Вильсону с предложением о совместной интервенции. К берегам Приморья отправилось семь тысяч американских солдат.

«...На земле не существует такого народа, который не возненавидел бы иностранцев, посылающих свои войска на его территорию, для того чтобы поставить во главе правительственного аппарата ту или иную партию. В результате этого не только терпит ущерб престиж иностранца-интервента, но и создается крайне невыгодное положение для той политической группы, которая пользовалась помощью иностранцев»⁷.

Самое удивительное в этом высказывании — это то, что принадлежит оно командующему войсками США в Сибири генералу В. Грэвсу и лишний раз доказывает ту простую истину, что исторические воззрения и практические действия в конкретной обстановке не всегда способны сочетаться.

При блеске чужих штыков на территории Сибири и Дальнего Востока стали возникать всевозможные контрреволюционные «правительства», причем с такою поспешностью, как будто бегуны обходили друг друга у финишной ленты. Первым таким «правительством» был «Западно-Сибирский эмиссариат»: в него вошли представители партии эсеров. Они отменяли все распоряжения Советской власти, возвращали предприятия бывшим владельцам, возрождали царское судопроизводство. Но крупной буржуазии не понравились новые правители, и в союзе с реакционным офицерством она настаивала на военной диктатуре. Как бы промежуточной ступенью к диктатуре было созданное через месяц после эмиссариата Временное Сибирское правительство в Омске. Но и это была не единственная жаждущая власти администрация. Во Владивостоке возникает Временное правительство автономной Сибири, в Харбине объявляется «Деловой кабинет» генерала Хорвата, появились войсковые «правительства» атаманов Семенова, Калмыкова и многие другие. Никто не координировал их усилий, каждое «правительство» претендовало на высшие полномочия, забыв в этой суматохе уроки политического соперничества. Кажется, никогда раньше на русской земле не звучало на разные лады так много красивых слов о родине, единой и неделимой, о патриотизме и демократии, но эти понятия у каждого «правителя» приобретали свой собственный смысл, подобно тому как у мыльных пузырей всегда бывают особые оттенки, но лопаются они одинаково.

К лету 1918 года для Советской России положение сложилось тяжелое: в течение нескольких недель чехословаки в блоке с русской контрреволюцией заняли Самару, Казань, часть Урала и Сибири, из Мурманска белогвардейские части шли к Петрограду, англичане и белогвардейцы оккупировали часть Туркестана и стали насаждать контрреволюционные правительства в Закавказье. Белый террор, невиданный по своей жестокости и изуверству, превращал захваченные территории в кровавый концлагерь. Легко ли было только еще создаваемой Красной Армии при ее немногочисленности и нехватке воору-

жения противостоять организованному и опытному регулярному воинскому соединению белой армии?

«Отечество в опасности!» — этот зов шел крупными шапками на первых страницах большевистских газет, он звучал на митингах и на рабочих собраниях, и сила его была как раз в том, что тревога, может быть, самая большая из всех возможных тревог, была не только осознана теми, кто готовил и осуществлял пролетарскую революцию, но она была выстрадана и понятна большинству рабочих и беднейших крестьян, уже хлебнувших глоток свободы.

Пришло время, когда Восточный фронт решал судьбу социалистической революции — именно здесь оказались главные силы белогвардейцев и интервентов, отторгнувших от Советской России Поволжье и Сибирь и теперь наступающих на Москву.

Партии большевиков надо было организовать Красную Армию, поднять ее боевой дух, обучить военному делу вышедших из рабочих слоев молодых командиров, разработать стратегические планы ведения войны, изыскивать и распределять резервы на небольшой территории, в кольце вражеского окружения. В воинских подразделениях развернули партийно-политическую работу комиссары. Скоро на Восточном фронте было создано пять сильных и боеспособных армий, готовых перейти в контрнаступление. В воображении наших современников то была пора вихревой чапаевской конницы, летевшей стремглав под красным знаменем, лихих тачанок с пулеметами, волевых командиров в черных кожанках и с маузером на боку... Все это, как говорится, имело место, а за всем этим стояла работа Центрального Комитета большевистской партии, реввоенсоветов и штабов, где разрабатывалась стратегия, которая стала гордостью советской военной науки.

Натиск Красной Армии на Восточном фронте был неудержим; белогвардейцы бежали, оставляя города, бросая оружие. С ноября 1918 года по январь 1919 года в плен попало шесть тысяч белых, удалось захватить семьдесят шесть орудий, восемьдесят четыре пулемета, две тысячи семьсот винтовок, а еще бронепоезда, паровозы, железнодорожные составы. Совет рабочей и крестьянской обороны собирал главные силы партии и трудящихся масс на основных участках сражений, укреплял связи со всеми слоями трудового населения, уже успевшего на собственной шкуре узнать, чем оборачиваются самые лучшие обещания сменяющих друг друга «правительств».

Наступление Красной Армии на Восточном фронте ускорило объединение контрреволюционных сил для создания «крепкой руки», «твердой власти», «военной диктатуры». Эту идею постоянно внушал своим собеседникам английский генерал Нокс во время поездок по Сибири, он даже называл возможные кандидатуры и среди них того, кому и пришлось стать «верховным правителем». Уже в сентябре

1918 года в Уфе организовали Директорию из пяти человек, но и этому правительству, эвакуированному в Омск, просуществовать удалось недолго. В ночь с 17 на 18 ноября, когда по городу разъезжали казачьи патрули и чьими-то стараниями нарушилась телефонная связь, группа белогвардейских офицеров с казачьими отрядами арестовала Зензинова и Авксентьева, двух членов Директории. Ранним утром в бывшем губернаторском доме собрался Совет Министров. «...Мои пулеметы командовали над каждой улицей, которая вела к помещению русской главной квартиры»,— вспоминал потом полковник Д. Уорд⁸.

Вопрос был не из легких: два члена Директории арестованы, третий — генерал Болдырев — на фронте, остались в Омске двое — Вологодский и адмирал Колчак... Что предпринять?

«Лично я высказался, что при настоящем положении вся полнота военной и гражданской власти должна быть передана Верховному Главнокомандующему Армиями, который и явится главой Правительства,— рассказывал потом Колчак на допросе в Иркутске.— Такое решение и было принято Советом Министров; осталось решить вопрос, кто именно должен быть Верховным Главнокомандующим, облеченным такой властью. После обмена мнениями по этому вопросу большинство Совета Министров предложило принять власть мне».

Весть о перевороте дошла до генерала Болдырева, и тот потребовал Колчака по прямому проводу для объяснений неожиданного поворота событий. Вот телеграфная запись их разговора:

— У аппарата верховный главнокомандующий генерал Болдырев.

— У аппарата адмирал Колчак. Вы просили меня к аппарату.

— Здравствуйте, адмирал. Я просил вас к аппарату, чтобы выяснить все те события, которые произошли за мое отсутствие в Омске, а равно и те распоряжения, о которых я косвенно слышал и которые касаются вопроса о русском верховном главнокомандовании.

— Рассказать все по порядку невозможно. События в Омске произошли неожиданно для меня в Совете Министров, когда выяснялся вопрос о Директории... Совет Министров постановил, чтобы я принял всю полноту верховной власти, указав на тяжести переживаемого момента, на недопустимость отказа. Я принял этот тяжелый крест, как необходимость и как долг перед родиной. Вот и все.

— Таким образом, ни со стороны вашей, как военного министра, ни со стороны командарма Сибири, ни со стороны Совета Министров не было принято никаких мер к восстановлению прав потерпевших и к ликвидации преступных деяний по отношению членов всероссийского правительства. Кроме того, наличие третьего члена Директории, хотя и находившегося в отсутствии по делам службы, создавала кворум и право Директории распорядиться своей судьбой и здесь и на фронте. Я уже видел гибельность последствий переворота, одним ударом разрушившего все, что было с таким трудом создано за

последний месяц... Я не ошибусь, если скажу, что ваших распоряжений как верховного главнокомандующего на фронте слушать не будут... Как солдат и гражданин, я должен вам честно и открыто сказать, что я совершенно не разделяю того, что случилось, ни того, что совершается, и я считаю восстановление Директории необходимым... Считаю совершенно необходимым... и сложение вами ваших полномочий. Я считаю долгом чести, совести высказать мое глубокое убеждение и надеюсь, что вы будете иметь мужество слушать меня спокойно. Я не допускаю мысли, чтобы в сколько-нибудь правовом государстве были допустимы такие приемы, какие были допущены в отношении членов правительства, и чтобы представители власти, находящиеся на месте, могли спокойно относиться к этому событию и только констатировать его, как совершившийся факт. Прошу это мое мнение довести до сведения министров. Я кончил.

— Я не понимаю выражение ваших чувств в смысле спокойствия или беспокойства правительства и нахожу неприличным ваше замечание о непринятии тех или иных мер в отношении совершившихся событий. Я передаю возможно кратко факты и прошу говорить о них, а не о своем отношении к ним... Положение создавало полную анархию и требовало немедленного и твердого решения, так как рассуждать в области отвлеченных представлений о кворуме Директории, из которой два члена были неизвестно где, два признали невозможным ее дальнейшее существование и пятый, в вашем лице, находился за тысячу верст. Решение было принято единогласно, и верховная власть главного командования и гражданского управления была возложена на меня. Я ее принял и осуществил, так как этого требует положение страны. Вот и все.

На этом телеграфный разговор по прямому проводу был закончен, но на имя генерала Болдырева пришла телеграмма: «Приказываю вам немедленно прибыть в Омск. Неисполнение моего приказа буду считать как акт неповиновения мне и постановлению всероссийского правительства. Омск. 19 ноября 22 часа. Верховный правитель адмирал Колчак»⁹.

Не все из крупных русских промышленников признали Колчака — боялись, как бы узурпаторская власть не притеснила их самих. Из Уфы Совет управляющих ведомствами направил телеграмму в Омск на имя Вологодского с требованием восстановить прежнее правительство.

«Если наше предложение не будет принято, Совет управляющих ведомствами объявит вас врагами народа, доведет до сведения союзных правительств, предложит всем областным правительствам активно выступать против реакционной диктатуры Учредительного собрания, выделив необходимые силы для подавления преступного мятежа».

На телеграмме появилась резолюция: «Принять меры через Вер-

ховного правителя к немедленному аресту подписавших телеграмму... иначе могут быть подняты рабочие и солдаты».

Адмирал Колчак начал действовать.

В летние дни по сибирским степям полыхают огненные жарки, тянутся малиновые рощи иван-чая, а на лесных вырубках и гарях буйствуют лилии — красная сарана, будто из-под земли, из глубоких пластов поднимается и пузырится кровь.

И сто, и двести, и триста лет назад росли эти цветы, но в дни, когда просяживаешь один на один со Следственным делом по обвинению адмирала Колчака и членов его правительства, когда вчитываешься в документы о зверствах и терроре при диктатуре «верховного правления», о массовых убийствах большевиков и ни в чем не повинных людей, кажется, что раньше сибирские цветы не обладали такими густыми красками, что лишь с тех пор сибирская земля — скопище братских могил — стала давать лепесткам особый цвет, близкий к цвету живой крови.

«Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и правопорядка», — обещал адмирал Колчак населению России на страницах «Правительственного вестника» в ноябре 1918 года. Диктаторы всегда отличались умением бросать в массы доступные для их понимания лозунги, а потом, не поднимая больше брошенного, садились на шею тех, кто пригубил и тянулся за лозунгом: так было легче сворачивать массам головы.

«Верховный правитель» полностью ликвидировал завоевания социалистической революции, отменил восьмичасовой рабочий день, закон об охране труда рабочих на предприятиях и другие постановления Советской власти, принялся восстанавливать учреждения и порядки, существовавшие до революции, и железной рукой стал расправляться с политическими противниками и со всеми, кто им сочувствовал или подозревался в сочувствии большевизму. По транссибирской магистрали двигались так называемые «эшелоны смерти» с заключенными — мест в тюрьмах уже не хватало.

Омск — названная столица контрреволюционной Сибири — жил странной, перепуганной, торопливой жизнью. Колчак и его свита проезжали по улицам в автомобилях в сопровождении вооруженной охраны; телеграфный аппарат, не умолкая, передавал распоряжения на фронт и в захваченные города; по улицам патрулировали солдаты в английских френчах защитного цвета и в ботинках с высокими обмотками; белоохранцы схватили в городе писателя А. Новоселова, отвезли на окраину и убили выстрелом в затылок; на квартире Антона Сорокина собирались Давид Бурлюк, Всеволод Иванов, Игорь Слав-

нин и многие другие; были также писатели и журналисты, сотрудничавшие в колчаковских изданиях, и, как повсюду, где открыто, а где потаенно, шла и напряженная работа мысли, и бездумная жестокая централизация верховной власти, которая старалась ограничить способность к действию противоположающейся стороны.

На сибирских предприятиях возникали забастовки — их подавляли безжалостно и кроваво. Отряды карателей наводняли города и селения, особенно много их было вдоль железной дороги: они останавливали поезда, устраивали облавы и обыски, производили массовые аресты и расстрелы. Мужественно выступали против Колчака омские рабочие. В декабре 1918 года они подняли вооруженное восстание, руководимое подпольными комитетами партии большевиков. Захватили тюрьму и выпустили двести пятнадцать политических заключенных; к рабочим примкнуло немало солдат, на улицы вышли железнодорожники станции Куломзино и поселка Новоомска на левом берегу Иртыша. Они разоружили чехословацкий батальон, и к утру власть в Куломзино перешла в руки повстанцев.

Колчак двинул на восставших регулярные воинские части — две роты кадрового полка, казачью сотню, отряды контрразведчиков. На пятьсот повстанцев приходилось по винтовке, а на винтовку всего двадцать-тридцать патронов. Им трудно было противостоять пулеметному шквалу и ружейному огню воинских подразделений. Контрреволюция подавила восстание и начала расправу, какой не знала до той поры многострадальная Сибирь. Только на станции Куломзино на другой день после расстрелов на улицах подобрали двести семьдесят один труп.

Потом, на заседании Чрезвычайного революционного трибунала 27 мая 1920 года будут выяснены подробности той трагедии.

«Третьяк (свидетель). До меня доходили сведения такого рода, что Омская контрразведка... воспользовавшись восстанием как поводом, захотела буквально истребить наиболее неблагонадежные части военные и одновременно расправиться с заключенными в тюрьме и в концентрационном лагере, причем в то время, как раз на другой день после восстания, у меня на квартире происходило совещание комиссаров труда, и вот на этом совещании, уже не знаю, откуда они почерпнули сведения, было констатировано, что уже после восстания некоторые воинские части, не принимавшие участия в восстании и с точки зрения правительства считавшиеся неблагонадежными, были пропущены сквозь пулеметный огонь: просто была сделана ложная тревога, были расставлены пулеметы, солдаты начали выбегать из казарм и таким образом все были пропущены через пулеметный огонь.

Гойхбарг (обвинитель). До вас не доходили сведения о том, что достаточно было звания рабочего в Куломзино, чтобы быть кандидатом на то, чтобы быть отведенным на Иртыш и расстрелянным?

Третьяк. До меня не только доходили эти сведения, но я еще кое-что знал и о других районах, в которых мне приходилось и раньше и потом работать, что очень часто были массовые аресты, без всякого суда и следствия, где люди расстреливались исключительно по такому признаку: если руки с мозолями, то значит этот человек рабочий, и его расстреливали».

Читаешь, перечитываешь старые бумаги протоколов, а из головы не выходит все то же: «...под отечеством мы подразумевали русский народ полностью, а не какой-нибудь отдельный класс». Бессмысленно, да и неприлично вступать в полемику с тем, кто тебе уже никогда не сможет возразить; но ведь у нас даже и не спор сквозь долгие годы, а только размышления: может быть, то, что уготовано было колчаковским правительством «отдельному классу», впоследствии ожидало и «русский народ полностью»? Никто не может поручиться, зная начало, чем может обернуться для общества конец...

Сибирякам известна трагедия, разыгравшаяся на Байкале в январе 1920 года. Белогвардейцы убили и сбросили в озеро группу арестованных. Вот они перед нами, протоколы допросов свидетелей и участников тех событий — обыкновенные спокойные показания, кто приказывал, кто выполнял, кто видел, и сама бесстрастность изложения говорила не только об авторах воспоминаний, но еще больше о тех временах, когда массовые убийства несколько не выглядели событиями, выходящими из ряда других.

Бывший начальник контрразведывательного отделения штаб-капитан Д. Черепанов рассказывает, как по распоряжению генерала Сычева он арестовал тридцать одного человека: на его вопросы арестованные «не давали прямых ответов и вообще старались отмалчиваться», а потому у штаб-капитана сложилось «впечатление, что они все глубоко виновные». Ему-то и поручили отправить арестованных на берег озера, по которому уже пошла первая шуга... На пристани Байкал Черепанова и его узников встретил штаб-капитан Годлевский, направленный генералом Скипетровым принять арестованных.

«Годлевский всех арестованных поместил на пароходе «Ангара». Годлевскому я заявил, что арестованных нужно рассматривать как заложников и что о них был в Патронах разговор о передаче их союзному командованию, на это Годлевский ответил мне сухо «знаю», и вообще с ним было трудно говорить — он не хотел отвечать... Через день после этого ко мне пришел поручик Шмаков и заявил, что пароход «Ангара» вечером ходил в море и все арестованные, сидевшие на этом пароходе, убиты и сброшены в воду. Убивались арестованные колотушками по распоряжению Сипайлова... Получив такие сведения, я отправился к Сипайлову и спросил у него, что он сделал с арестованными. На это он мне показал подписку арестованных о выезде их из пределов России в течение трех дней, при этом подписка общая и

подписи сделаны или палочками или пальцами, на мое замечание, что они убиты, он ответил: «Посмотрите, что я сделаю с Иркутском, когда туда прибуду», и упомянул с хвастовством о своих поездках с карательным отрядом по Амурской дороге, что после таких поездок судам делать нечего было».

Это показание дополняет работник белогвардейской контрразведки В. Полканов: «На станции Байкал нас встретил штабс-капитан Годлевский (комендант парохода «Ангара» и начальник гарнизона ст. Байкал) со своим помощником капитаном Колчиным. Семьи они посадили в классные каюты-купе парохода «Ангара», арестованных приняли от Базанова и посадили в каюту третьего класса. Там Годлевский стал выкликать арестованных по списку, стал ругаться матерной бранью и арестованного Парушкова два раза ударил кулаком по голове; часовым он приказал наблюдать, чтобы среди арестованных не было ни малейшего движения и не было громких разговоров, а при неисполнении требований часовых приказал стрелять под его, Годлевского, ответственность. Затем Годлевский произвел обыск у арестованных, отобрал у них табак, спички, кольца, перочинные ножи, часы и т. п. Мы ночевали на «Ангаре». За ночь с арестованными ничего не произошло, но их не кормили, а те съестные припасы, которые для них были куплены Базановым, были Годлевским отобраны. Утром всех членов контрразведки потребовали к Сипайлову... Сипайлов обрушился на нас с грубыми выпадами и бранью, грозил расстрелом, называл провокаторами, говорил, что мы должны поступать в его распоряжение и что он сам отправил и собственноручно расстрелял в сопках 3000 человек. Во время этих выпадов он держал в руках четверть водки и стакан. Один из нас, Насонов, упал тут в обморок. Попову Георгию Сипайлов сказал: «Я вас назначаю к себе — вы будете выводить у меня в сопки...» Тот ответил, что он не способен на это, а Сипайлов заметил — ничего, у меня руку набьете. Мне, Черепанову, Базанову, Забродину и Невольцеву (он же Шатаровский) Сипайлов дал распоряжение отправиться в Култук для формирования там пропускного пункта... Мы отправились в Култук в тот же день в теплушке. С парохода «Ангара» в этот же день мы были Годлевским изгнаны вместе с семьями и вещами, и пароход ушел в Мысовую, а за ним шел «Кругобайкалец». На пароходе были увезены и арестованные. Об их судьбе я слышал от повара парохода «Ангара», что они были раздеты до нижнего белья, их выводили на борт, били по затылкам деревянной колотушкой, а затем спускали «под винт» в Байкал; шум и крик был редко слышен, так как пароход шел, переламывая лед толщиной три-четыре вершка...»

Сибирь моя, Сибирь многострадальная, как увидеть и представить тебя всю разом, чтобы на миг приостановилось, замерло время, оставив все, как было, ничего не меняя, словно на одном черно-белом сним-

ке, охватившем кусок азиатского материка от монгольских степей до Ледовитого океана?

Диктаторы, независимо от того, были ли они способными или вовсе бесталанными людьми, почти всегда отличались божьим даром и умением держать массы людей в гипнотическом страхе: согласитесь, что братские могилы, виселицы, колючая проволока, этот, в общем-то, небольшой арсенал средств, часто обеспечивал повиновение, принимавшее подчас даже формы преклонения и громкого восторга. Подавление в людях всего человеческого, разрушение личности, унижение всех скопом и каждого в отдельности помогало посредственности приобрести уверенность в себе и в собственной исключительности.

Адмирал Колчак на допросе вспоминал события, которые он предпочел бы не воскрешать в памяти, но улики — следствие есть следствие — заставляли его говорить о том, что было: «Под видом преследования большевиков производились, по существу говоря, разбойничьи нападения, с убийствами в целях ограблений. Так, например, был повешен агент шведского или датского Красного креста, ограблены у него большие суммы, и деньги эти так и не были возвращены... Всякие расправы, ограбления и прочее производились отрядами, милицией и охраной дороги главным образом над проезжавшими и приезжавшими с запада, в частности, над лицами, имевшими при себе ценности. Организовывая контрразведку при Штабе, я имел в виду уничтожить произвол всех контрразведок при отрядах; контрразведка при Штабе, конечно, тоже предпринимала аресты... я в конце сентября 1918 года выехал из Владивостока и к половине октября приехал в Омск. В это время я держался в вопросах организации власти такого мнения: в период борьбы с большевизмом должна существовать единая власть, сосредоточенная в руках Главнокомандующего всеми военными силами, но при наличии подчиненного ей аппарата власти гражданской: таково было мое понятие о военной диктатуре, необходимость которой я признавал».

Под каждой страницей протокола допроса его собственноручная размашистая подпись — адмирал Колчак: он уже не мыслил себя вне своего высокого чина, хотя события 1918—1919 годов развенчали его и как военачальника, и как личность.

Среди бумаг Следственного дела по обвинению А. В. Колчака и членов его правительства, где-то уже в пятой папке, мне на глаза попал протокол заседания революционного трибунала, когда среди прочих колчаковских служащих судили бывшего товарища министра снабжения и продовольствия И. А. Молодых, крупного русского заводчика. Личность бесцветная, жалкая, изворотливая, и протокол допроса вряд ли привлек бы к себе внимание, если бы не одно обстоя-

тельство. Оказывается, в Петрограде и в Москве этот субъект искал связей с советскими служащими, а решив от греха подальше уехать в Сибирь и чтобы обезопасить себя, подал записку лично Ленину... Привожу выписку из протокола заседания ревтрибунала 23 мая 1920 года с небольшими сокращениями:

Обвинитель. Вам было известно, что здесь произошло чехословацкое восстание.

Молодых. Да, я сначала пожил в Москве, а потом поехал сюда.

Обвинитель. Не заручились ли вы для этой цели разрешением тов. Ленина?

Молодых. Да, я подал докладную записку на имя тов. Ленина, подал ему лично, он ответил так, что Сибирь имеет свое управление, и я не могу вам поручиться, что вы будете в безопасности.

Обвинитель. А находясь в Москве и Петрограде, не интересовались ли вы телефонами целого ряда важных деятелей Советской власти, большевиков в одно время, а в то же время телефонами английской миссии Бойеля и членов национального центра Протопова и Авинова?

Молодых. Если вы нашли где-нибудь такие записки, то весьма вероятно. Как человек, никогда не занимавшийся политикой — я был директором крупных заводов, — я не мог бросить дела, потому что разрушалось и я нес ответственность перед служащими и мог выехать из Петрограда, только если передам дело.

Обвинитель. Простите, что я вас прерываю. Вы в одно и то же время обращались за содействием к членам партии большевиков, национальному центру и английской миссии.

Молодых. В английской миссии мне хотелось просто информироваться, как обстоит дело, потому что я политикой не занимался и мне хотелось понять, что это такое.

Обвинитель. Вы подали докладную Ленину и получили ответ, что в Сибири нельзя ручаться за безопасность. Значит, в Советской России вы были гарантированы?

Молодых. Нет, я считал себя не гарантированным.

Обвинитель. После этого вы приехали сюда и участвовали в выборах Колчака?

Молодых. Я приехал вовсе не для выборов Колчака, и эти все смены членов правительства указывали мало что веско означающее, потому что все находилось в брожении, и находясь как областник в оппозиции к прежним правительствам...

Обвинитель. Ко всем правительствам?

Молодых. К царскому, которое, по моему мнению, по моему опыту, отразившемуся на моей личной судьбе, угнетало Сибирь...

Читаю протоколы допроса и стараюсь представить себе господина в енотовой шубе, вспугнутого революцией; как он растерялся, заме-

тался, съежился, пока не оказался, наконец, среди себе подобных, в омском болоте, окружавшем «верховного правителя». Эта фигура, готовая продаться любой власти и склонная к шпионству, дает некоторый материал для понимания психологии того времени, жалкой духовной суеты, нравственной колчаковщины, которая несла обществу полное разложение и в силу этой своей особенности оставалась главной опорой «твердой власти».

Я окружил себя подшивками колчаковских газет, тех самых или примерно тех, которые по утрам, торопясь на службу, проглатывал товарищ министра снабжения и продовольствия. Листая шершавые страницы, мне хотелось спроецировать их содержание на нашего заводчика, взглянуть на него как бы изнутри его собственного уровня.

Хотя белогвардейская пресса и не представляла собой исключительной идеологической силы, формировавшей его моральный облик, хотя она не являлась и единственным каналом для выражения его политической линии, тем не менее, такой эксперимент, казалось мне, помог бы полнее представить природу поведения колчаковского слушающего из аппарата «верховного».

Газеты были всякие: «орган демократической и кооперативной мысли», «орган независимой социалистической мысли», «орган пропаганды идей анархизма», масса всевозможных «больших беспартийных», «ежедневных беспартийных», «общедоступных народных» и прочих изданий. Принципиальное общее свойство, их объединявшее, сводилось к постоянному и мощному давлению на читателя с тою задачей, чтобы ослабить способность к самостоятельным умственным усилиям, нарушить заложенные природой связи головного мозга с окружающей средой и формировать поколение людей без развитой психологии и с неистребимым чувством страха.

На первых полосах нашего героя подстерегали приказы «верховного правителя» Колчака, выступления председателя совета министров Вологодского, статьи членов правительства; вся эта велеречивая патетическая фразеология, лишенная простых человеческих чувств, с отупляющим постоянством внедрялась в сознание обывателя, заглушая и вытесняя здравый смысл. Его мировосприятие, предрасположенное к простейшим формам, уже сопротивлялось иному уровню, потому стандартная демагогия речей и политическое пустозвонство каждый раз воспринимались им как откровение, которое предстояло изучить и постигнуть уже отяжелевшим умом.

К этому сводилось усердие и придворных публицистов, которые бойко строчили после каждого выступления Колчака: «Передо мной официальное обращение «верховного правителя» к населению России: какие величественно простые слова, каким безжалостно суровым приговором звучат его ясные государственно необходимые строки...» («Русская армия», 2 августа 1919 г.).

Издатели газет соперничали между собою, как лучше потрафить губернаторскому дому, где собиралось правительство и работал «верховный»; судьба статей зависела исключительно от того, насколько они могли, по мнению издателя, понравиться «там», и газеты делались, по существу, тоже для «них» — только бы не вызвать раздражения. Эту ситуацию можно понять — еще в начале декабря 1918 года Колчак собрал редакторов омских газет и без обиняков пообещал им: «Я думаю, что нужно установить ответственность за антигосударственные преступления печати, подрывающие дело организации власти. И я думаю, что государственно мыслящая печать разделит мою точку зрения в этом вопросе». («Земля и труд», 4 декабря 1918 г.).

Но вернемся к читателю газет — нашему герою, колчаковскому служащему.

Молодых пробегал глазами рубрики «официальный отдел», «на темы дня», «в кругах правительства», «последние известия». И хотя он знал цену похожим друг на друга газетам, хотя в душе презирал их, он и дня не мог без них прожить, как наркоман без наркотиков. Он нырлял в трясины слов за новостями и с инфантильной радостью, демонстративно держался на газетной поверхности, будучи уверенным или надеясь, что с высокого берега замечают, где он барахтается, и потому будут и впредь допускать его греться с собою рядом на особо теплом привилегированном песке.

Вообще говоря, перевернув страницу, обыватель находил немало сведений, для себя полезных или, по крайней мере, отвечающих кругу его действительных интересов:

«Икра кэтовая, кэта малосольная, парижское сладкое сливочное масло получены и поступили в продажу...», — «Томский уездный воинский начальник объявляет: командующий армией приказал офицеров-украинцев в войска не призывать и до особого распоряжения держать их на особом учете», — «Отдаются два мальчика в дети, одному полтора месяца, крещеный, другой нет», — «Только один день продаются бриллианты крупной величины. Приходить гостиница «Сибирь», комната 7», — «Вниманию армян! В г. Томске формируется армянская сотня. Все армяне, живущие в Сибири, приглашаются записаться добровольцами. Командир сотни штаб-ротмистр Манденянц», — «Сифилис во всех его стадиях успешно излечивается при помощи усовершенствованного французского препарата доктора Де-Веза», — «Для формирования отрядов химической борьбы требуются офицеры и солдаты. Бывшие воинские чины химических рот и газовых отрядов приглашаются явиться для регистратуры в Доме Свободы».

Верховная власть не то чтобы глубоко понимала, а скорее инстинктивно чувствовала необходимость создания в обществе новых структур внутренней жизни, освобожденных от индивидуальных свойств и безропотно подчиненных общей абстрактной идее, называемой «дол-

гом перед родиной» или «защитой отечества». Как писала одна из газет, «настоящий момент требует от нас полного отречения от самого себя и признания себя принадлежащими полностью без всяких исключений государству...» («Русская армия», 26 августа 1919 г.).

Товарищу министра Молодых вряд ли приходилось затрачивать много усилий, чтобы отречься от себя самого, он давно уже был безличен, давно слиняла заложенная в нем природой индивидуальность, потому газетная пропаганда падала на уже подготовленную почву. Уравняв себя с другими из того же аппарата «верховного», наш герой, по логике событий, должен был люто ненавидеть тех, в ком еще не утратилось человеческое достоинство: индивидуальность, даже в его собственном слое, была бы для него более ненавистной, чем самый лютейший классовый враг. Потому колчаковские служащие подбирались один к одному и в этом смысле представляли собой монолит, а «верховного» вполне устраивало, что монолит был серого цвета.

Такой, как Молодых, укрепившись в аппарате правителя, уже сам мог выговаривать редакторам, что «вяло, недеятельно ведется пропаганда против большевизма», он уже учил их методам идеологической борьбы: «Ведь никто не будет отрицать того, что чем чаще повторять одно и то же, тем крепче оно держится в голове; бывает также, что путем постоянного повторения человек, незаметно для него самого, приводится к тому, что соглашается с тем, что он прежде отрицал, с чем он прежде не соглашался. Невольно в голове такого человека складывается убеждение, какого прежде не было» («Надежда России», 4 сентября 1919 г.).

Колчаковские газеты изо дня в день внушали читателю, что, «помимо личного счастья, личного устройства, сейчас в наше время стоит задача неминуемая и дорогая, устройства Государства Российского...», что уже «много горя и несчастья перенесла Россия благодаря отсутствию в своих сынах нравственного мужества, благодаря дряблости характера и колебания их убеждений», потому на полосах все чаще появлялись бойкие материалы на темы морали. И нравственные пигмеи, приближенные к «верховному» и его аппарату, занятые приобретательством, подсиживанием, престижной возней, открытые циники и растлители всех устоев человеческого общежития учили общество правилам поведения и с издевательским самодовольством бросали в массы самые святые слова: «Да проснется в нас искра любви! Да настанет равенство и братство!» («Свободный голос Сибири», 30 января 1918 г.).

В колчаковском обществе широко распространилась наркомания, она приняла такие формы, что обеспокоенные последствиями правительством развернуло газетную кампанию, опять же взывая к нравственным чувствам обывателя, не давая ему возможности даже и подумать об истинных причинах этого социального бедствия. Война

против наркоманов велась на таком уровне: «Грех, не познав жизни, не разочаровавшись в ней, прерывать ее так мучительно и бестолково. Грех забыть, что твоя жизнь, твои мускулы, твой мозг могут понадобиться истерзанной в борьбе России» («Русская армия», 1 августа 1919 г.).

О чем мечтал в эту смутную пору товарищ министра Молодых?

Совет Министров учредил особый орден «Освобождения Сибири», который жаловали, как гласил статут, «гражданам Сибири, так и прочим гражданам Государства Российского и подданным иностранных государств, оказавшим несомненные заслуги по освобождению Сибири от большевиков как на поле брани, так и в государственном и общественном строительстве». Наш герой был не больше, но и не меньше других сослуживцев честолюбив, и ему очень бы хотелось появиться в свете при голубой ленте через левое плечо и с новой правительственной наградой.

Где развлекался товарищ министра Молодых?

В столичном Омске были рестораны и кафе, где пели шансонетки, обласканные английскими и французскими офицерами, были официальные обеды и приемы, а помимо прочего, для служащих его круга не было особых проблем достать билет или пропуск в электротеатр. Стоило развернуть газету, и можно было сориентироваться, где веселей удовлетворить свои духовные потребности. В одном электротеатре «выдающаяся художественная картина «Дочь Анны Карениной», драма в шести частях: 1. Девичьи грезы; 2. У порога жизни; 3. Отзвуки прошлого; 4. Сердце, не знающее сомнений; 5. Только утро любви хорошо; 6. Мне отмщение и аз воздам». В другом театре ставится «колоссальный боевик из русской жизни «Эх, дубинушка, ухнем!», драма в пяти частях с пением». В третьем театре «художественная картина «Судьба, как вихрь, людей метет» в трех отделениях, в четвертом и пятом отделении — «Когда жена на курорте», после каждого сеанса гастроли танц-комика, любимца петроградской публики г-на Зорина».

Как проявлял свою «оппозиционность» товарищ министра Молодых?

Разворачивая газеты или слушая выступления, он улавливал факты и не утруждал свой мозг идеями времени. Сообразительности ему хватало на зубоскальство, эрудиции — на газетный фельетон, а в припадке отчаянной смелости он заучивал площадную газетную смесь и в квартире своей возлюбленной шепотом читал стишки, плотно прикрыв двери и окна: «Однозвучно гремит колокольчик, льются речи одна за другой. Затопили Россию словами — с головой, с головой, с головой...» («Русская речь», 26 октября 1918 г.).

Как проявлял свой оптимизм товарищ министра Молодых?

Сам он давно никому и ни во что не верил, но как один из воспитателей человечества — так ему хотелось думать о себе — он време-

нами любил предаваться иллюзиям, и чем неотвратимее надвигался крах, тем воинственнее разглагольствовал он об окончательной победе. Уже части Пятой Красной Армии освободили Тобольск, переправились через Ишим и приближались к Омску, уже бежали разгромленные колчаковские войска, а утренние газеты сообщали: «Враг совсем не так силен, как это представляется испуганному обывателю. Враг наступает только потому, что мы недостаточно активны. Один хороший удар, и дикие полчища красных побегут без оглядки, уступая путь нашим победоносным войскам» («Русская армия», 2 ноября 1919 г.).

Вот некоторые штрихи к портрету тех, на кого опирался адмирал Колчак, кто выступал от имени России и объявлял себя ее спасителем. Полковник Уорд писал об омской правящей верхушке: «Тут нет ни одного, которому бы я доверил управление мелочной лавкой, а не только государством»¹⁰.

В этом конкретном случае английскому полковнику не откажешь в наблюдательности.

Летом 1918 года в Омске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, Чите, Благовещенске и в других сибирских городах еще ходили ночами белогвардейские патрули, но в конспиративных явочных квартирах, в лесных сторожках и зимовьях уже встречались, объединялись, сплачивали ряды народные мстители, возникали и крепились подпольные большевистские организации. В Новониколаевске и в Красноярске удалось наладить нелегальные типографии: листовки и прокламации той поры можно было бы назвать вершиной большевистской публицистики: рождаясь в подвалах или на чердаках, когда приходилось замирать при скрипе дверей или шагах под окном, они были кратки и ясны, какой бывает очищенная от словесных одежд, обнаженная и чистая революционная мысль. Железнодорожники Красноярска начали забастовку, выдвинув при этом и политические требования; их поддержали рабочие всей транссибирской магистрали; забастовали и шахтеры Черемховского угольного бассейна под Иркутском.

Возникли волнения в сибирской деревне. На первых порах многие крестьяне были осторожны и пассивны, не выражали особых чувств ни к власти Советов, ни к власти контрреволюции, надеясь пережить это суматошное время и только бы поменьше утратить того, что хошь не хошь, а приходится терять при таких заварушках. Но контрреволюционные силы заставили крестьян пройти начальную школу политической грамоты: они призывали их в армию, не считаясь с положением семьи и хозяйства, отбирали скотину и утварь, карательные отряды вызывали в крестьянских душах не всегда осознанный, но решительный внутренний, а с ним часто и действенный протест. Человек, выросший среди привольных лесов, с детства привыкший к токованию

глухарей и к всплеску хариуса в родной серебряной речушке, крестьянин, любящий землю, умеющий вспахать ее и вырастить хлеб,— это, по большей части, добрый человек, и душа его противится насилию. Крестьян вешали и расстреливали, а они все чаще отказывались служить в белогвардейской армии, платить налоги, а затем стали подниматься на вооруженную борьбу. В некоторых сибирских уездах крестьянские волнения проходили под лозунгом: «Даешь наши потерянные Советы!»

В этом лозунге каждое слово исполнено глубокого смысла, но особенно хочется обратить внимание на два: «наши» и «Советы». Сибирское крестьянство не скоро и не просто осознало, в какую сторону тащить им лямку событий, но когда понимание пришло, они стали на путь революционной борьбы.

В ста шестидесяти километрах от Канска есть небольшое село Тасеево — в 1918 году оно стало столицей партизанского движения в Сибири. Тасеевцы объявили войну белогвардейской власти и на собрании представителей волостей, проведенном большевиками, приняли резолюцию: «По всем волостям северного района послать агитаторов, готовиться к вооруженному восстанию за восстановление Советской власти». Стали возникать и объединяться партизанские отряды. В ночь на 30 декабря 1918 года они заняли Тасеево — над селом снова поднялся флаг Советов.

Все мужчины села вышли на улицу и присоединились к партизанам — набралось двести восемнадцать человек, способных воевать. Составился партизанский батальон из четырех вооруженных рот. «Тасеевская республика», как ее стали называть, росла не по дням, а по часам. Отовсюду стекались крестьяне и вливались в партизанские ряды. В зимнее время крестьяне на своих таежных лыжах передвигались по лесным чащобам, уходили от карателей и неожиданно обрушивали на них шквальный ружейный огонь.

Колчаковцы не раз бросали на повстанцев регулярные части с орудиями и пулеметами, но свергнуть «республику» не смогли. Против тасеевцев выступил атаман казачьих войск Красильников — под его началом было около тысячи солдат и офицеров с одиннадцатью пулеметами и шестью орудиями. Атаман бежал, бросив на поле боя пулеметы и орудия...¹¹

Широкое партизанское движение развернулось по всей Сибири — от Саянского края до заболоченной лесотундры Якутии. Партизанские отряды были разными по численности и по своим боевым возможностям, у некоторых командиров были анархистские настроения, но со временем многие отряды удалось объединить в полки, а в районе Красноярска — Канска возникла целая партизанская армия со своим армейским Советом. Партизаны разрушали линии железной дороги, пускали под откос поезда с военными грузами, взрывали мосты, об-

стреливали воинские части колчаковцев. Среди сибирских партизан выдвинулись талантливые вожаки, о которых до сих пор в глухих таежных селениях вы услышите легенды или были, схожие с народным фольклором. Их имена хорошо знают сибиряки, да и как не знать, если почти в каждом городе Сибири на площадях и улицах стоят памятники с пятиконечными звездами и с незабвенными именами — Нестора Каландаришвили, Николая Бурлова, многих других народных героев.

По поручению ЦК РКП(б) весной 1919 года в Сибирь для выяснения обстановки прибыл большевик Д. Киселев, которому предстояло по возвращении информировать В. И. Ленина. «Владимир Ильич интересовался буквально всем, что имело отношение к положению на Востоке нашей страны: революционной борьбой сибирских, дальневосточных рабочих и крестьян, взаимоотношениями Колчака с атаманом Семеновым и японцами, вооружением и снабжением колчаковской армии и многими другими факторами, какими бы незначительными ни казались они мне. Но особенно Ленин интересовался тем, какую форму принимает партизанское революционное движение в тылу Колчака, организуются ли Советы там, где колчаковская власть свергнута...»¹².

Между тем через интервентов шла со всех сторон помощь Колчаку вооружением, обмундированием, продовольствием. Еще раз обратимся к признанию генерала Грэвса, агента по выдаче оружия и амуниции армии Колчака: «Я сомневаюсь, мог ли какой-нибудь непредубежденный человек считать, что Соединенные Штаты не вмешивались во внутренние дела России. Вследствие этого вмешательства Соединенные Штаты при помощи своих вооруженных сил помогли продержаться непопулярному и монархически настроенному правительству, к чему подавляющая масса населения относилась отрицательно. Этим поступком Соединенные Штаты снискали себе ненависть со стороны более чем 90% населения в Сибири»¹³.

Советское правительство не раз обращалось к правительствам США и Антанты с предложением о мире, но эти предложения не находили поддержки. «Союзники» и русская контрреволюция готовили решающее наступление по всему фронту протяжением восемь тысяч километров. Войска Колчака предполагали прорвать фронт в направлении Вятки — Вологды и Средней Волги, соединиться с северной и южной контрреволюцией, взять Москву и Петроград. К весне 1919 года Колчак сколотил армию в триста тысяч штыков.

В первых числах марта 1919 года войска Колчака пошли в наступление. Захватили Уфу, продвигались к Волге, отрезали от Советской России Туркестан. Это было в те дни, когда на юге развивал наступление генерал Деникин, а на севере продвигались части генерала Юденича.

Над социалистической революцией в России вновь нависла смер-

тельная угроза. Центральный Комитет партии большевиков и Советское правительство приняли дополнительные меры по укреплению фронта, провели широкую мобилизацию, в армию направились новые тысячи коммунистов и комсомольцев.

К лету 1919 года сложились условия для одновременного мощного подъема борьбы против Колчака на всем пространстве от Урала до Тихого океана. Активизация партизанской борьбы, массовые рабочие волнения, восстания рабочих и крестьян в различных сибирских уездах — все это было грозным предзнаменованием «начала конца» Колчака и его правительства.

Командование Красной Армии разработало план контрнаступления на Восточном фронте: решающий удар должна была обеспечить Южная группа фронта под командованием М. Фрунзе. В конце апреля Южная группа войск перешла в контрнаступление и нанесла белой армии Колчака крупное поражение. В июле 1919 года М. Фрунзе отдал приказ завершить освобождение Урала и бросить главные части на Сибирь. В боях гражданской войны отличились многие советские военачальники, среди них командующий 5-й армией М. Тухачевский, командир 51-й дивизии В. Блюхер, командир 2-го кавалерийского дивизиона К. Рокоссовский, командир 43-го полка и 5-й стрелковой дивизии В. Чуйков и многие другие.

Настоящими героями проявили себя в борьбе за власть Советов в Сибири также и бойцы-интернационалисты: имена Матэ Залки, Бела Куна, Ференца Мюнниха, Ярослава Гашека и сотни других высоко почитаемы не только у них на родине, но и в нашей стране.

Государственный секретарь США Лансинг писал президенту Вильсону 23 декабря 1919 года: «Правда заключается в том простом факте, что правительство Колчака потерпело полное поражение. Наступление большевистских армий в Восточной Сибири усиливается с каждым днем. Население, по-видимому, предпочитает красных офицерам колчаковского режима. Кроме того, большевистские армии приближаются к районам, где находятся наши солдаты, и установление контакта с ними приведет к открытым действиям и многим другим осложнениям. Иными словами, если мы не уйдем, нам придется вести войну с большевиками»¹⁴.

Американское командование вполне естественно опасалось приближения революционной армии и ее контактов с американскими соединениями. Оно приняло решение эвакуировать свои войска из Сибири.

Было ясно, что дни правительства Колчака сочтены — об этом свидетельствовало и напряжение, которое возникло между «верховным правителем» и командованием чехословацких мятежников, а также выступления эсеров во Владивостоке, направленные против Колчака: на него оставалось все меньше надежд. В этих условиях в Иркутске члены

партии эсеров, меньшевики и другие контрреволюционные силы создают так называемый Политический центр, как межпартийный антисоветский орган, предназначенный, по замыслу его организаторов, для захвата власти и образования буферного буржуазно-демократического государства.

В ноябре 1919 года у перрона Омского вокзала стоял специальный поезд. Адмирал Колчак, премьер-министр его правительства Пепеляев и их свита спешно уезжали на восток. Колчак счел благоразумным сложить с себя звание «верховного правителя России» — и официально передал полномочия генералу Деникину. Вряд ли он надеялся, что при создавшейся ситуации на фронте и в тылу генералу повезет больше, чем адмиралу, но отречение от власти было для него вроде того темного переулка, в который можно нырнуть, чтобы на время остаться в тени и переждать преследование. Союзники и лично генерал Жанен обещали свободное продвижение Колчака на восток: этот потерпевший фиаско русский мог им еще при случае понадобиться, по крайней мере, как обменный товар при вынужденной сделке.

Вслед за поездом Колчака продвигался поезд с золотым запасом России, так называемый «золотой эшелон». В 29 вагонах было 1678 мешков и 5143 ящика с золотыми слитками, монетами, а еще в семи вагонах размещены были тюки с платиной, серебром, драгоценностями.

Вдоль транссибирской железной дороги то в одном, то в другом месте появлялись партизаны. Из прилегающих сел и деревень крестьяне уже открыто шли к партизанам, вооруженные кто чем, даже собственными охотничьими ружьями. Партизанские отряды пополнялись освобождаемыми из тюрем политическими заключенными и пленными красноармейцами, а также и колчаковскими солдатами, которые переходили на сторону большевиков. Не все из бывших колчаковцев до конца осознавали тогда правоту власти Советов, но каждый из перешедших понимал, что на службе у Колчака он занимался неправым делом.

Из окна вагона проплывавшая мимо тайга казалась все неожиданнее и опаснее. Чехословаки уже не могли гарантировать свободного продвижения по магистрали не только поезду Колчака, но даже и своим собственным военным частям, а потому командование чехословацких оккупационных войск стало лихорадочно искать возможности выпутаться из этой истории, пробраться все-таки на Дальний Восток, чтобы морем вернуться в Европу. В Нижнеудинске чехи остановили поезд Колчака, пересадили адмирала и сопровождавших его офицеров в свой поезд, расцвеченный флагами США, Англии, Франции, Японии и Чехословакии. Поставили свою охрану и у вагонов «золотого эшелона»: если удастся, увезти все это с собою на Дальний Восток, а если не удастся, то по тем же законам купли-продажи выкупить самим себе возможность спокойно унести ноги.

Еще в Красноярске по распоряжению чешского генерала Сырвого был задержан поезд Колчака, при этом чехи арестовали начальника эшелона, пытались отобрать паровоз. На имя Сырвого поступила телеграмма от колчаковского генерала Каппеля: «...Я не считаю себя вправе вовлекать измученный русский народ и его армию в новые испытания, но если вы, опираясь на штыки тех чехов, с которыми мы вместе выступили и, взаимно уважая друг друга, дрались во имя общей идеи, решились нанести оскорбление русской армии и ее верховному главнокомандующему, то я, как главнокомандующий русской армией, в защиту ее чести и достоинства требую лично от вас удовлетворения путем дуэли со мной... генерал-лейтенант Каппель».

Через день Каппель получил телеграмму от атамана Семенова: «Глубоко возмущенный распоряжением чешской администрации и действиями чешских комендантов, со своей стороны принимаю все возможные и доступные мне меры к прекращению чинимых ими безобразий, не останавливаясь в крайнем случае перед вооруженным воздействием. Приветствуя ваше рыцарски патриотическое решение, прошу верить, что я всегда готов заступит ваше место у барьера... Генерал-майор Семенов» (Из материалов Следственного дела по обвинению адмирала А. В. Колчака и членов его правительства).

Поначалу это даже не укладывается в голове: разгар гражданской войны, на русской земле окопались войска интервентов, решаются судьбы страны и народа, а тут дуэли, барьеры, секунданты... Да полно, не фарс ли все это? Приходит на ум, что рыцарски-шутовские замашки, лохмотья от былой аристократичности в той обстановке как нельзя лучше выражали истинное отношение матерых белогвардейцев к истерзанной России: так промотавший состояние игрок, спасаясь на улице от кредиторов, занят мыслями о том, не съехал ли на бок галстук-бабочка. А пройдет немного времени, и эти русские рыцари начнут на площадях Константинополя, Парижа, Сан-Франциско устраивать тараканьи бега и торговать на базарах пирожками... Но это случится не скоро, потом, а пока они генералы, и идет война, и они еще на что-то надеются.

Поезд с адмиралом Колчаком и «золотой эшелон», охраняемые белочехами, прибыли на станцию Зима, и хотя чешское командование держало в тайне продвижение этих специальных составов, зиминские партизаны узнали о них и предприняли попытку освободить чехов от их сторожевых обязанностей и взять на себя сопровождение этих поездов и их охрану. Чешский комендант станции Зима полковник Ваня отказался выдать партизанам адмирала, но согласился допустить одного из зиминских партизан для дальнейшего продвижения в поезде «верховного».

Поезд с развевающимися флагами прибыл на станцию Черемхово, а тут его давно поджидали. Дружина шахтеров вскочила на подножки

вагонов, проникла в тамбуры и разделила с чешскими солдатами охрану, а теперь уже вернее сказать, конвоирование Колчака. По существу, именно здесь произошел фактический арест бывшего правителя, хотя формально этому суждено было случиться в Иркутске.

Вожаки Политцентра в Иркутске попытались договориться с «союзниками» и взять в свои руки власть, которую утратило омское правительство Колчака. Переговоры проходили в салон-вагоне генерала Жанена, командующего войсками «союзников».

В Иркутске тогда существовало двоевластие: с одной стороны, меньшевистско-эсеровский Политцентр, который не пользовался поддержкой революционного народа, и с другой стороны, Центральный штаб рабоче-крестьянских дружин — легальный орган Сибирского и губернского комитетов большевистской партии. Политцентр чувствовал шаткость своего положения и хотел заручиться поддержкой иностранных войск. Его программа: «Мы предполагаем здесь образовать буферное государство, и демократическое правительство не покидает мысль о борьбе с большевизмом»¹⁵.

Поезд с адмиралом Колчаком медленно приближался к перрону Иркутского вокзала, и «верховный правитель», попивая из кружки чай в салон-вагоне, не подозревал, что последние двести километров он едет в салон-камере.

Весной 1964 года в рабочем поселке Забитуй, километрах в двадцати от станции Черемхово, мы сидели за столом с седым старичком, радуящимся возможности поговорить со случайным незнакомцем. В избе было чисто и светло, и сам Александр Герасимович Нестеров старался угодить гостю в своем доме, но его внимательность проявлялась неторопливо и сдержанно, как будто он только и думал о том, чтобы со стороны это не выглядело суетой. В поселке его все знали: он занимал высокий пост начальника жилищно-коммунальной конторы, и пока мы вели беседу, к нему все приходили люди со своими бедами и неурядицами, и он кого-то к кому-то отсылал, писал записки о кровле и гвоздях, набрасывал на плечи шубу и исчезал вместе с прищельцами, возвращался усталый и взвинченный и опять садился за шаткий стол и продолжал свой нескончаемый рассказ, то и дело останавливаясь, задумываясь, прикрывая глаза: «Была же блестящая память, остались одни осколки...»

Нестерову был поручен в Иркутске арест Колчака.

Поезд подошел к Иркутску 15 января 1920 года: в тамбурах стояли вооруженные белочехи, а с ними рядом черемховские рабочие и партизаны. Белочехи согласились выдать Колчака Политцентру и оставить «золотой эшелон»: это была для них единственная возможность продвигаться дальше на восток.

В то время Нестеров, штабс-капитан 23 лет, был заместителем командующего войсками Политцентра, но он раньше многих других разобравшись в расстановке сил и решил действовать лишь с ведома большевистского Штаба рабоче-крестьянских дружин: здесь он и попросил надежный конвой. Задача была, что и говорить, не из легких — город наводнен колчаковскими офицерами и юнкерами, сюда уже съехались многие деятели колчаковского правительства, на путях стоят чешские бронепоезда, тут же размещены миссии «союзников»... По указанию большевистского руководства два батальона перешедшего на сторону революции 53-го стрелкового полка окружили вокзал и были готовы, в случае необходимости, вместе с железнодорожниками взорвать за станцией полотно дороги, но ни при каких обстоятельствах не пропустить дальнейшее продвижение поезда с Колчаком и поезда с золотым запасом России — эта операция была возложена на комиссара полка Н. Захарченко, активного борца за власть Советов в Сибири¹⁶.

Часов в 8 вечера на станцию прибыл Нестеров, здесь его уже поджидал конвой, направленный Штабом рабоче-крестьянских дружин. Поезд Колчака стоял на путях без паровоза. Первым в вагон «верховного правителя» поднялся дежурный чешский офицер 6-го чехословацкого полка Боровичка, а вслед за ним Нестеров с дружинниками. Дальнейшие события я излагаю так, как позднее записал со слов Александра Герасимовича Нестерова¹⁷.

Колчак сидел на диване рядом с Анной Тимиревой, вокруг них стояли офицеры.

— Господин адмирал, приготовьте ваши вещи. Сейчас вас передаем местным властям! — произнес чешский офицер с сильным акцентом. Для Колчака это сообщение, рассказывает Нестеров, было таким неожиданным, что он вскочил, как бы не веря своим ушам:

— Как, неужели союзники меня предали? Где же гарантии генерала Жанена?

Анна Тимирева оказалась женщиной с характером: она взяла в свои руки дрожащие руки адмирала и, как могла, успокаивала его. Наконец Колчак овладел собой, поднялся и направился к выходу. Попросили выйти и Пепеляева. Арестовывать Тимиреву не собирались, но она сама изъявила желание разделить участь адмирала и пошла с ним вместе. В вагоне Колчака находились механик телеграфа, капитан-шифровальщик, инженер-механик, заведующий автомобильным гаражом, почтово-телеграфные чиновники, полковник генерального штаба, директор канцелярии «верховного правителя», лейтенанты, есаулы, хорунжие, даже журналист-делопроизводитель — 39 человек.

В здании вокзала Нестеров спросил Колчака, есть ли у адмирала оружие. Адмирал молча достал из кармана кольт и протянул его помощнику коменданта станции Польдяеву, тот передал оружие представителю Штаба рабоче-крестьянских дружин И. Бурсаку, вскоре на-

значенному комендантом города Иркутска. Чешский офицер Боровичка на клочке тетрадного листка написал расписку, что получил акт от конвоя, который принял Колчака и Пепеляева. Составили протокол обыска: «...У адмирала Колчака на руках имеется наличных денег десять тысяч рублей, у гражд. Пепеляева с точностью не установлено, сколько у него имеется на руках денег. Вещи гражданки Тимиревой не осматривались, денег взято тридцать пять тысяч рублей и на руках осталось приблизительно восемь тысяч рублей. Гражданин Пепеляев заявил, что у него на руках имеется шестнадцать тысяч рублей». Акт подписали уполномоченные Политцентра, а вслед за ними Пепеляев, Колчак, Тимирева.

Нестеров и конвой повели Колчака и Пепеляева по льду Ангары к городской тюрьме: на правом берегу реки их уже ожидали машины, которые увезли арестованных. Передо мною расписка — бледными чернилами на тетрадном листке: «1920 года января 15 дня. Я, начальник Иркутской губернской тюрьмы, выдал настоящую расписку Члену Политического центра Фельдман в том, что троих арестованных: Колчака, В. Н. Пепеляева и А. В. Тимиреву для содержания под стражей принял. Начальник Иркутской губернской тюрьмы (роспись)».

Политический центр в Иркутске просуществовал 15 дней: он оказался неспособным руководить событиями и полностью дискредитировал себя. Власть перешла в руки Военно-революционного комитета, образованного 21 января 1920 года. Комендантом города был назначен большевик И. Н. Бурсак, начальником штаба войск — большевик В. Букатый, А. Г. Нестеров стал командиром отряда в тысячу бойцов. Военно-революционный комитет послал его отряд на станцию Зима задержать наступление каппелевских частей.

«Коменданту тюрьмы, которая находилась теперь в моем ведении,— вспоминает И. Н. Бурсак,— как комендант города, я приказал принимать всех, кого будут направлять Чрезвычайная следственная комиссия Политцентра и другие органы, но выпускать из тюрьмы никого не должен без моего письменного разрешения. В тот же вечер я приехал в тюрьму и вместе с ее комендантом и начальником караула прошел по корпусам и приказал поставить, кроме надзирателей, круглосуточные караулы из бойцов рабочих дружин. После этого прошел по камерам. Вошел и к Колчаку. Он сидел на койке в накинутом на плечи полушубке. Когда мы вошли, он встал. Между мною и Колчаком состоялся следующий разговор:

— Я комендант города и начальник гарнизона. Есть ли у вас жалобы?

— Никаких.

— Довольны ли вы питанием?

— Я эту пищу кушать не могу.

— Мы на воле сейчас не лучше питаемся.

- Следствие будет?
- Да, будет.
- Кто будет вести его?
- Чрезвычайная следственная комиссия. Уже назначена»¹⁸.

Следственная комиссия была образована еще при Политцентре из оказавшихся в Иркутске юристов во главе с К. А. Поповым. Мне довелось видеть проект сводки вопросов к арестованному «верховному правителю» — двенадцать вопросов весьма общего характера, связанных, главным образом, с выяснением взаимоотношений Колчака с другими деятелями русской контрреволюции. Наверное, если бы власть вскоре не перешла к Военно-революционному комитету, который назначил председателем следственной комиссии большевика С. Чудновского, то вряд ли удалось бы во время допросов получить более или менее обстоятельные ответы о действиях Колчака, его правительства.

Первый допрос начался 20 января 1920 года.

Попов. Вы присутствуете перед Следственной комиссией в составе ее председателя К. А. Попова, заместителя председателя В. П. Денике, членов комиссии: Г. Г. Лукьянчикова и Н. А. Алексеевского для допроса по поводу вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

Колчак. Да, я адмирал Колчак.

Попов. Мы предупреждаем вас, что вам принадлежит право, как и всякому человеку, допрашиваемому Чрезвычайной следственной комиссией, не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать ответов. Вам сколько лет?

Колчак. Я родился в 1873 году, мне теперь 46 лет. Родился я в Петрограде, на Обуховском заводе. Я женат формально законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

Попов. Вы являетесь Верховным Правителем?

Колчак. Я был Верховным Правителем Российского правительства в Омске — его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял. Моя жена Софья Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь находится во Франции. Переписку с ней вел через посольство. При ней находится мой сын Ростислав.

Попов. Здесь добровольно арестовалась г-жа Тимирева. Какое она имеет отношение к вам?

Колчак. Она — моя давнишняя хорошая знакомая: она находилась в Омске, где работала в моей мастерской по шитью белья и по раздаче его воинским чинам — больным и раненым. Она оставалась в Омске до последних дней и затем, когда я должен был уехать по военным обстоятельствам, она поехала со мной в поезд. В этом поезде она доехала сюда до того времени, когда я был задержан чехами. Когда я ехал сюда, она захотела разделить участь со мною.

Попов. Скажите, адмирал, она не является вашей гражданской женой? Мы не имеем право зафиксировать это?

Колчак. Нет¹⁹.

Войска генерала Каппеля тем временем продвигались с запада вдоль полотна железной дороги к Иркутску. Каппеля уже не было в живых — погиб он не на дуэли и не был убит в бою, а отморозил ноги и умер,— и теперь белые офицеры тащили за собою цинковый гроб, дабы он придавал солдатам ярость в борьбе с большевиками. Каппелевцев повел за собою генерал Войцеховский, охваченный желанием во что бы то ни стало снова взять Иркутск и освободить адмирала Колчака.

В Западной группе партизанских войск, которой командовал А. Г. Нестеров, были солдаты 53-го стрелкового полка, кавалерийского полка И. М. Новокшонова (командира Зиминского партизанского отряда), а также полка черемховских рабочих. Штаб группы разместился на станции Зима в двухэтажном здании бывшей гимназии, неподалеку от телеграфа. Поблизости располагались два чехословацких полка под командованием полковника Чилла, начальника Чешского гарнизона. К нему в штабной вагон направились для переговоров комиссар Д. Ф. Клингоф и его помощник Н. Н. Захарченко. Полковник Чилла заверил их, что чехословаки не будут вмешиваться в бои партизан и каппелевцев и сохраняют нейтралитет. Но поставил условие, чтобы сражения проходили не у полотна железной дороги. На это ему резонно возразили, что место боя будет зависеть не только от одной стороны... Полковник был не очень доволен таким ответом, но, прощаясь, подтвердил обещание сохранять нейтралитет.

Штаб партизанских войск послал ультиматум генералу Войцеховскому — сопротивление бесполезно, не надо зря проливать кровь. В тот же день Нестерова попросили к телеграфному аппарату: на другом конце провода был генерал Войцеховский. К телеграфу направились Нестеров, Клингоф и Захарченко. Нестеров повторил ультиматум — сопротивление потеряло смысл, и надо сдаться, чтобы избежать ненужных жертв. «Я хорошо помню,— пишет в своих воспоминаниях Захарченко,— с каким напряжением мы ждали отстук аппарата морзе. Телеграфист приподнял ленту и стал читать: «Ультиматум о сдаче отвергаю. Мы с боем возьмем Иркутск и освободим адмирала. Прошу передать всем, что мы не оставим от города камня на камне»²⁰.

Вперед был трудный бой — из-за предательства чехословацких частей каппелевцы ворвались в Зиму, арестовали штаб партизанских войск, зверски замучили группу красноармейцев и советских работников. Каппелевцы шли на Иркутск, теперь уже требуя освобождения адмирала Колчака.

Колчак тем временем исправно отвечал на вопросы Следственной комиссии.

В конце января Бурсак при обходе тюрьмы зашел в камеру Колчака. Адмирал обратился к нему:

— Гражданин комендант, разрешите задать вопрос?

— Задавайте.

— Скажите, пожалуйста, кто у власти в Иркутске?

— Большевики. Военно-революционный комитет, которому Политцентр передал 20 января власть.

— А как отнеслись к этому чехи?

— 5-я армия гонит чехов на восток, как и остатки ваших войск, а здесь они боятся застрять на Кругобайкальской дороге. Кроме того, восставшие войсковые части потребовали от Политцентра немедленной передачи власти большевикам. Ясно вам? Передача прошла без каких-либо инцидентов.

— Да, теперь мне многое стало ясно. Но почему меня продолжают допрашивать члены комиссии, назначенной Политцентром?

— Председателем Чрезвычайной следственной комиссии назначен член губернского комитета партии большевиков товарищ Чудновский вместо Попова, а для окончания допросов пока оставлены юристы, члены комиссии, работавшие раньше²¹.

Колчак понимал, что угрозы Войцеховского не приведут к добру, а только усложнят положение в городе и приблизят развязку его собственной судьбы. Он пишет тайную записку Анне Тимиревой — клочок бумаги, мелко исписанный химическим карандашом: «Дорогая голубка моя, я получил твою записку, спасибо за твою ласку и заботы обо мне. Как отнестись к ультиматуму Войцеховского, не знаю, скорее думаю, что из этого ничего не выйдет или же будет ускорение неизбежного конца. Не понимаю, что значит «в субботу наши прогулки окончательно невозможны»? Не беспокойся обо мне, я чувствую себя лучше, мои простуды проходят. Думаю, что перевод в другую камеру невозможен. Я только думаю о тебе и твоей участи, единственно, что меня тревожит. О себе я не беспокоюсь — ибо все известно заранее...»²².

К Иркутску все ближе подходили банды каппелевцев. Положение становилось настолько серьезным, что власти отказались от первоначального предположения конвоировать Колчака в Москву и даже не успели довести до конца все его допросы, прервав их на довольно важном для истории периоде, связанном с организацией и деятельностью Омского правительства; 6 февраля днем шел допрос, а члены Следственной комиссии уже знали о решении Военно-революционного комитета: «Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент и пр.; установлено таинственное передвижение по городу этих предметов боевого снаряжения; по городу разбрасываются портреты Колчака и т. д.

С другой стороны, генерал Войцеховский, отвечая на предложение сдать оружие, в одном из пунктов своего «ответа» упоминает о выдаче ему Колчака и его штаба.

Все это заставляет признать, что в городе существует тайная организация, ставящая своей целью освобождение одного из тягчайших

преступников против трудящихся — Колчака и его сподвижников. Восстание это, безусловно обреченное на полный неуспех, тем не менее может повлечь за собою еще ряд невинных жертв и вызвать стихийный взрыв мести со стороны возмущенных масс, не желающих допустить повторения такой попытки.

Обязанный предупредить эти бесцельные жертвы и не допустить город до ужасов гражданской войны, а равно основываясь на данных следственного материала и постановлений Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, объявивших Колчака и его правительство вне закона, — Иркутский военно-революционный комитет постановил:

1. бывшего «Верховного правителя» — адмирала Колчака и
2. бывшего председателя совета министров Пепеляева — расстрелять.

Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв»²³.

Чудновский и Ширямов вручили постановление коменданту города И. Бурсаку, ему же поручили подобрать специальную команду из коммунистов. Предупредили коменданта тюрьмы В. Ишаева, чтобы тот никуда не отлучался и держал в боевой готовности караул. Во втором часу ночи Бурсак с командой прибыл в тюрьму, скоро туда же подъехал Чудновский. Они оба вошли в камеру Колчака. Чудновский зачитал постановление ревкома.

— Как! — воскликнул Колчак. — Без суда?

— Да, адмирал, так же, как вы и ваши подручные расстреливали тысячи наших товарищей, — ответил Чудновский.

«Поднявшись на второй этаж, мы вошли в камеру к Пепеляеву. Этот уже был одет. Когда Чудновский зачитал ему постановление ревкома, Пепеляев упал на колени и, валяясь в ногах, умолял, чтобы его не расстреливали. Он уверял, что вместе со своим братом генералом Пепеляевым давно решил восстать против Колчака и перейти на сторону Красной Армии. Я приказал ему встать и сказал:

— Умереть достойно не можете...

Снова спустились в камеру Колчака, забрали его и пошли в контору. Формальности закончены»²⁴.

В ночь с 6 на 7 февраля Колчака и Пепеляева повезли на берег Ангары, где время от времени слышны были орудийные залпы приближавшихся капелевцев. Пепеляев потерял самообладание, Колчак оставался спокойным. Бурсак хотел было завязать ему глаза, но Колчак отказался. Взвод солдат был построен, винтовки наперевес. Бурсак скомандовал: «Взвод, по врагам революции — пли!»

Их расстреливали в 5 часов утра. Мерзлая земля не поддавалась лопате, и трупы опустили в прорубь Ангары.

Части регулярной Красной Армии с боями продвигались вдоль

Сибирской железной дороги. 7 марта 1920 года 30-я дивизия 5-й армии торжественно вступила в Иркутск. Предстояли бои с остатками бежавших за Байкал японских интервентов и с бандой Семенова, с разрозненными белогвардейскими отрядами, скрывавшимися в степях Забайкалья, в лесотундре Якутии, в сопках Дальнего Востока. Но практически судьба Сибири уже была решена; над городами и селениями снова, и теперь уже навсегда, поднимали красные флаги.

Тем временем продолжались следствия по делу колчаковского правительства, сотрудников его контрразведки, воинствующего и обласканного им «узкого круга», давно порвавшего с живою средой и прыгавшего на одной ноге в пустом квадратике идей, как в детстве на тротуаре, готовые перескочить через любую черту, на другой меловой пятачок, только бы не споткнуться и не выйти из игры. В те безумные омские дни, когда власть переходила в жесткие руки «верховного», эти крикуны всеобщностей на ходу сконструировали логику, призванную оправдать их быстрый перескок в другой квадрат. «Надо думать,— нашли они,— что предпочитая единоличную, диктаторскую власть — власти коллегиальной — наши союзники имели в виду не борьбу с демократией вообще, а лишь борьбу с дурно усвоенным русскими гражданами понятием демократизма, борьбу с демократизмом без обязанностей, своими действиями разлагающим дело создания русской армии — этого необходимого условия всякой государственности,— с демократизмом, который только требовал, но сам родине ничего не давал, кроме углубления хозяйственной разрухи» («Земля и труд», 29 ноября 1918 г.).

Опасен был не только диктатор, но сама растленная среда, готовая идти напролом против очевидных фактов, чувствующая прилив бодрости при явной разрухе, не знающая мучительных сомнений и сострадания, поднимающая на пьедестал своих фанатиков, не дорожащих собственной жизнью и не щадящих жизни других. Перед следственными комиссиями, перед народным судом проходило кровавое время, жалкий кордебалет белогвардейского спектакля, демонстрировавший пируэты, подьемы, прыжки в пустом пространстве. В эту безнравственность и низость колчаковщины целились дружинники на Ангаре в предрасветный исторический час.

БЕТОН СОЦИАЛИЗМА

На проводе Кремль.— Советы
в тайге и в тундре.—
Даешь Кузнецкий
металлургический! — Бардин
спорит с Эвергардом.— Уроки
Урало-Кузбасса.— Из
Сиб-Чикаго — к Луне!

Ефимов взялся показать мне Чурапчу, и я едва поспевал за его быстрыми шагами, пружинившими по деревянному тротуару. Подтянутый, в белой сорочке и при галстукe, он казался слишком молодым, чтобы иметь за душою достойный внимания жизненный опыт. Он рос в многодетной и бедной якутской семье, на берегу Бабаги, ползал по земляному полу, а когда научился ходить, отец сшил ему штаны из мятых телячьих шкур и собачью доху. Детские годы связаны для него с острым запахом шкур.

— В Отечественную войну я попал в госпиталь с забинтованной головой,— рассказывал мне Ефимов.— Школьники принесли нам в подарок кожаные кисеты, и у меня закружилась голова.

Ефимов — краевед из Чурапчи, лежащей в котловине меж холмов, покрытых чахлой якутской тайгой.

На холме, куда мы взобрались, царит деревянная трехъярусная церковь. Старики приходили в церковь со своими дарами, но приношения, как видно, были уже очень малы и не вызывали расположения того, кто мог бы облегчить их участь. В двадцатые годы бедняки-чурапчинцы создали коммуну «Кэскил» (по-русски значит «Горизонт»), попросили священнослужителей убраться из церкви и разместили в ней музей истории села.

Мы попали в мир документов, прокламаций, фотографий, подпольных изданий, связанных с историей Якутии. В конце XIX и в начале XX века Чурапча являлась местом политической ссылки: тут до сих пор вспоминают В. К. Курнатовского, Н. Л. Мещерякова, жившего поблизости Петра Алексева. Якуты относились к революционерам с уважением и старались добротой скрасить безрадостные дни поселенцев.

Под стеклом телеграмма 1910 года из Чурапчи в... Ясную Поляну? «...И мы, жители жалкого поселка холодной страны, якуты и русские, из глубины полярной тайги и снежных пустынь шлем свое горячее соболезнование вам и всем, кому дорого имя и память великого нашего отца, учителя, друга и брата...»¹.

Чурапча горевала о Льве Толстом.

— Неужто здесь был в ту пору телеграф?— усомнился я.

— Еще какой...— Ефимов помолчал.— В 1921 году телеграф передал из Чурапчи приветствие Ленину и получил от Ленина ответ!

«Машина времени» дает задний ход, мы возвращаемся в Сибирь двадцатых годов, растерзанную и измотанную гражданской войной, в глухие леса, где скрывались банды Карамзина, Артемьева, Ксенофонтова... Почувяв близкий конец, они отходили на север, зверскими убийствами запугивали население. Однажды ворвались в Чурапчу, сожгли баню, больницу, забили палками шестнадцать комсомольцев.

Белая гвардия пыталась делать ставку на тойонов — князьков малых народностей, но их вожизм почти всегда представлялся внушительным лишь внешними своими атрибутами. Охотники и скотоводы принимали сторону Советской власти, а тойоны чуяли эти настроения и принаравливались к ним: выбора у них не было — или оставаться в изоляции, или идти с людьми своего рода, сохраняя хотя бы подобие былого влияния.

Перепись 1920 года выявила на территории Сибири больше тридцати национальностей и народностей. Самыми крупными по численности были якуты, буряты, эвенки, алтайцы, хакасы... Болезни и голод косили несчастных, запуганных, ошеломленных событиями северян, и шаманы с их бубнами и колотушками были бессильны спасти соплеменников от нескончаемых бед. Судьба родов и народностей в иных районах висела на волоске: развиваться ли им, как этническим группам, или, подобно древним вымершим существам, оставить для будущих археологов лишь сохраняемые в вечной мерзлоте свои кости, утварь, оружие.

После войны еще дух перевести не успели, вокруг разор и поруха, и среди самых неотложных забот Советской власти была и вот эта: спасти, сохранить, поддержать народности Сибири. На Алтае уездный революционный комитет взял на государственное обеспечение тридцать тысяч голодающих алтайцев: обозы с продовольствием и одеждою двигались по пыльным степям и поднимались в горы, в самые отдаленные селения; партийцы разносили по землянкам хлеб, помогали подняться слабеющим людям. По таежным тропам шли караваном отряды Красного Креста, и рядом с юртами шаманов возникали юрты медицинской помощи.

Сибирским большевикам пришлось вести отчаянную и часто рискованную борьбу с купцами «тунгусниками», которые в суматохе дней

продолжали обирать аборигенов, спаивать их и грабить, возрождая худшие времена колонизаторского натиска. А попробуй добраться по тундре от одного стойбища до другого, часто в одиночестве, да с наганом в руке гнать из тундры изворотливых купцов, перекупщиков, промышленников, которые не всегда уходили подобру-поздорову, и эта война идеологий, характеров, нервов была завершающей стадией все той же гражданской войны. Правительство аннулировало прежние долги зверобоев и рыбаков торговцам или перекупщикам. Промысловые участки по Оби, Иртышу и Енисею, принадлежавшие рыбопромышленникам, объявили государственной собственностью и передали местному населению.

В феврале — марте 1921 года в Омске прошел Первый Всесибирский беспартийный съезд «туземных народностей», собрания с участием коренного населения устраивались и в других сибирских городах. Как ни затруднительно было сплотить разноязыкие массы людей — не хватало переводчиков, а грамотных среди аборигенов можно было бы по пальцам перечесть — все же разговор всем был понятен: речь шла о земельном переделах, об охотничьих угодьях и рыболовных тонях, о налоговых льготах, об организации государственной и кооперативной торговли... Словно перекасти-поле, неслись по тундре хорошие вести, укрепляя у местных племен доверие к новой власти.

В апреле 1921 года в Чурапче собралась беспартийная конференция бедноты, волостных и наследных ревкомов. Из десяти волостей Якутии приехало верхом и на саях больше двухсот посланцев окрестных селений, и хотя ядро их составляли большевики, были среди делегатов люди разных политических взглядов. Как повсюду, здесь шла острая классовая борьба. Среди участников той конференции был большевик Еремей Григорьевич Куличкин, трижды раненный на фронтах гражданской войны, председатель Ожулунского наследного ревкома. Сейчас ему под восемьдесят, он живет километрах в двадцати от Чурапчи, и Ефимов предложил на райкомовском «газике» отправиться сквозь таттинские леса к старому якутскому партийцу, уж он-то должен помнить, как пришла в село телеграмма от Ленина.

— Ну, как ехали? — часа через полтора спрашивал нас Еремей Григорьевич, высокий седой старец в наброшенной на плечи фуфайке, и этот вопрос про дорогу не был данью вежливости, с которой якуты встречают гостя, а с давних пор имел практическую цель: дороги здесь не легки, а потому традиционный первый вопрос подразумевал и множество других вопросов — о самочувствии, о встречах в пути, о новостях.

— Однако, неплохо добрались, — отвечал Ефимов, входя в избу, — буксовали помалу.

Хозяйка ставила на стол тарелки с кровяной колбасой, начиненной конскими потрохами («субай-хаан», — шепнул мне Ефимов), фаян-

совые кружки с крепким чаем, а Еремей Григорьевич, исчезнув на несколько минут, предстал перед нами снова, и мы ахнули: пиджак сверкал орденами и медалями, а через плечо перекинута красная лента «Почетного гражданина Чурапчинского района». Потом мне рассказывали, что к Куличкину часто приходят пионеры, туристы, гости республики, и он всех встречает в этом блистательном пиджаке, и в такой его привычке усматривается не столько человеческая слабость, сколько желание настроить гостей на предстоящий разговор и вызвать почтение к дороге для него эпохе.

Весна 1921 года выдалась в Якутии снежной и буранной. Уполномоченный Сибревкома М. К. Аммосов, большевик-подпольщик, один из организаторов Советской власти в Сибири, привлек к работе среди коренного населения интернациональный коллектив учителей, врачей, инженеров, красноармейцев. Но их не хватало, боевых агитаторов и пропагандистов, особенно тех, кто знает якутский язык. «Якутская область, как поставщица пушнины и мамонтовой кости для экспорта, а также масла, мяса, рыбы и др. для внутреннего потребления, имеет громадное значение для Советской России. Пробуждающаяся якутская беднота ждет помощи от своих старших товарищей — пролетариев Центральной России и Сибири», — писал М. К. Аммосов².

Аммосов был на X съезде партии в Москве и вечерами торопился на телеграф сообщить в Якутию о новостях. В эти дни он предложил землякам провести на местах уездные и волостные конференции бедноты.

— В первый день чурапчинскую конференцию вел Степан Васильев. Президиум зачитал приветствие Ленину. Все захлопали, поднялись со скамеек, с подоконников, кто где сидел. Русский текст послали телеграфисту Гошке Беляеву. Про ответ и не думали. По всей России митинги, все пишут вождю. Если каждому отвечать будет, когда работать будет?

Куличкин набивает табаком березовую трубку.

Теперь известно, что произошло в Кремле, когда пришла телеграмма из Чурапчи.

Ленин пригласил Аммосова и беседовал с ним... Мы не знаем подробностей встречи. Что гадать! Но судя по всему, рассказ заинтересовал Владимира Ильича, и он попросил Аммосова подготовить ответ в Чурапчу.

Аммосов написал черновик телеграммы и передал Ленину.

Ленин прочитал, внес исправления — он сохранился, блокнот якутского партийца с черновиком телеграммы в Чурапчу и ленинскими поправками. Слова, исправленные и дополненные Владимиром Ильичем, выделены полужирным шрифтом:

«Товарищ Ленин выражает надежду, что (раскрепощенная) **раскрепощенные** от царистского угнетения, (освобождающаяся) **освобожден-**

дающиеся от кабалы тойонов (Якутская) якутские (беднота) трудящиеся массы (пробудится) пробудятся и с помощью русских рабочих и крестьян выйдут на путь (коммунизма) полного укрепления власти самих трудящихся. Член ВЦИК Аммосов. Согласен с указанными управлениями. Ленин.»³.

— Шел третий или четвертый день конференции,— Еремей Григорьевич дымит трубкой.— Смотрю, между рядами пробирается Гошка-телеграфист, протягивает в президиум записку. Васильев пробежал ее глазами, да как вскочил, перебил оратора и закричал во все горло: «Товарищи! Телеграмма! От Ленина!»

Слушаешь Куличкина и представляешь себе ту низкую церковку со слюдяными цветными окнами, две сотни якутов и русских, всю эту возбужденную «беспартийную бедноту», которая редко выбиралась дальше своего наслег, слышишь разноязыкие голоса людей, для которых Ленин был тогда столь же велик, недосягаем, боготворим, как герой боотур из народного эпоса олонхо, и вдруг «Телеграмма! От Ленина!», все равно как если бы: «Телеграмма от Нюргун-боотур Стремительного!» Делегаты кинулись к президиуму, а растерянный и ошалелый Васильев влез на табурет и размахивал над головой телеграфным бланком.

— А где тот чурапчинский телеграфный аппарат?— спросил я Куличкина.

— У Гошки, однако, выпытать надо... Молодой, вспомнит!

Еремей Григорьевич долго трясет наши руки, и его пиджак исходит приглушенным звоном наград.

В окрестных селениях, где мы останавливались, все знают Гошку-телеграфиста. «А, Гошка-чоновец... До него еще минут тридцать будет». «О, Гошка — красный партизан... Дома редко бывает, однако!»

...Сухонький старичок с узкими слезящимися глазами вкладывает в наши руки свою обмякшую бронзовую ладошку:

— Беляев буду... Георгий Константинович.

Маленький сгорбленный дедушка, лет семидесяти — семидесяти пяти, блаженно улыбался, спрятав щелочку глаз. Мы присели на скамейку у крыльца его избы.

Беляев принялся вспоминать.

В дни работы конференции бедноты он в условленный час начал сеанс связи с Якутском. Почувствовал чуть изменившийся ритм ключа на другом конце линии, хотел было выругать якутского телеграфиста, но слух уловил первые слова: «Товарищ Ленин поручил мне...»

Беляев быстро записал текст на бланке, схватил заячий малахай и по сугробам, по речному льду — бегом к церквушке. Минутку помешкал у массивной двери, не зная, можно ли входить во время выступления, но потом приоткрыл дверь и по чьим-то ногам, пригнувшись, стал пробираться к президиуму.

— Сколько было шуму! Меня кидали вверх, а моя какая заслуга?

— Вы помните тот аппарат?— спросил я.

— Ну как же... На медной планке: «Акционерное Русское Электрическое Заведение Сименс и Гальске № 631165».

Беляев сел с нами в «газик», и мы отправились в районную контору связи. Начальник конторы развел руками.

— Под Новый год Егор Монастырев притащил какое-то старье в клуб и приспособил, чтобы лампочки мигали.

— Едем в клуб!— горячился Беляев.

Наконец, мы отыскали чурапчинский телеграфный аппарат за кулисами сцены, среди хлама. Беляев повернул ящик и смахнул ладонью пыль с медной планки: «Акционерное Русское...» Мы стояли молча, как перед реликвией давних лет, перед аппаратом, с которым связана телеграмма в Ясную Поляну, телеграмма начальнику отряда Красной Армии о признании чурапчинцами власти Советов, телеграмма в газету «Известия Якутского Совдепа»: «Население Чурапчи, получив радостную для себя весть о водворении в Якутске власти Совета рабочих депутатов, постановило на своем митинге 21 сего июня приветствовать Совет рабочих депутатов и начальника отряда Красной Армии и выразить полное свое подчинение и признание повой народной власти. Чурапчинцы»⁴. Этот же аппарат передал приветствие в Москву Ленину и получил ответ.

— Несем в музей!— суетился Ефимов.

Беляев взял аппарат на руки, прижал к груди, торопился и проваливался в снег, как много лет назад, когда он бежал с телеграммой по этой же дороге, по блюдцам тонкого льда.

...В 20-е годы вопросы национального государственного строительства остро обсуждались в партии и в правительстве. Не так-то просто было на основе единой власти Советов выработать конкретные формы государственной самостоятельности для каждой национальности и народности, тем более в особых условиях Сибири, где население стояло на разных ступенях развития, имело свои исторические традиции, и ко всему этому надо было отнестись с пониманием и уважением, чтобы опрометчивым шагом не оттолкнуть людей от новой власти и от ее проводников — русских партийцев, которые на первых порах встречались с порожденным колонизаторской политикой самодержавия недоверием аборигенов ко всему русскому.

Уже в феврале 1922 года Президиум ВЦИК постановил образовать Якутскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Впервые в истории северные народности Азии обретали государственную самостоятельность, которая открывала широкие перспективы экономического и культурного развития не только якутов, но и всех других народностей и племен, обитавших на этой территории.

В трудном положении оказалось население бурятских улусов к за-

паду и к востоку от Байкала. Буряты-кулаки зывали к национальному чувству единоплеменников и пытались втянуть их в движение за «Великое Монгольское государство» под протекторатом Японии. Стратеги японских островов находили ситуацию в Сибири вполне подходящей для осуществления идеи: «Азия для азиатов». Ламы и их сторонники — буддисты выступали за образование «теократического государства» во главе с духовным лицом.

Они пытались объединить несколько бурятских районов в государство под названием Соемпкус... По степям носилась конница атамана Семенова, человека огромной физической силы, жестокого и беспощадного нрава, со смуглым азиатским лицом (отец его был русским, а мать монголкой из знатного рода). Монгольские князья предлагали ему стать императором, но пока до трона было далеко, атаман задумал перевести всех бурят в казачье сословие и влить свежие силы в белогвардейские части. Бурятские националисты, как видно, не слишком доверяли будущему императору и пытались заручиться поддержкой колчаковского правительства. Но и тут они не встретили сочувствия. На ходатайстве бурят-националистов один колчаковский министр наложил резолюцию: «Выпороть бы вас».

Между тем на территории Верхнеудинского, Селенгинского, Троицкосавского, Баргузинского, Усть-Селенгинского и Чикойского районов хозяевами положения были партизанские отряды. Буряты-охотники отдавали партизанам дробовики, крестьяне помогали продовольствием, перековывали ухваты в острые пики, сами вливались в ряды повстанцев. Население улусов встречало партизан как своих освободителей.

Обстоятельства сложились таким образом, что в ходе гражданской войны поначалу были образованы две Бурят-Монгольские области: одна в составе Дальневосточной республики (апрель 1921 г.), другая в составе Российской Федерации (январь 1922 г.). Когда японских интервентов изгнали с дальневосточной территории и упразднили ДВР, появилась практическая возможность объединить обе области и создать национальную государственность бурят в форме Автономной Советской Социалистической Республики. Президиум ВЦИК 30 мая 1923 года принял постановление: образовать единую Бурят-Монгольскую АССР с центром в Верхнеудинске (теперь Улан-Удэ).

Первая половина двадцатых годов прошла в поисках форм национальной автономии народностей Сибири: в Горном Алтае возникает Ойротская автономная область, в Минусинских степях организуют Хакасский уезд, затем преобразованный в национальный округ, в Горной Шории создают национальный район. Почти везде проводят политику «коренизации» — привлекают в местные органы власти, в кооперативы, в избы-читальни самих аборигенов и давних жителей края, знающих язык, нравы, традиции коренного населения.

Всего труднее давалась советизация малых народностей Севера.

За годы империалистической войны и колчаковского господства аборигены были вконец разорены. По берегам тундровых озер, обхватив руками карликовую березку, оставались лежать голодающие, не имея сил брести дальше. Давно истощились боеприпасы, пришли в негодность ружья, снова возвращались к луку и стрелам. Даже в 1923 году Отдел национальных меньшинств Народного комиссариата по делам национальностей вынужден был признать, что «туземцы Севера живут за пределами Конституции РСФСР»⁵.

Нужен был величайший такт, чтобы внедрять новые формы государственности, которые бы учитывали традиции и при этом были способны постепенно приобщать аборигенов к самостоятельному хозяйствованию, управлению, судопроизводству. В тундре появились кооперативные фактории, где осуществляли прямой индивидуальный продуктообмен. При организации местной власти здесь еще нельзя было брать за основу территориально-экономический и национальный принцип: пришлось на первых порах создавать родовые Советы и туземные районы, как временную, переходную форму для создания будущей национальной государственности. И хотя кое-где по традиции люди выбирали верховодить над собою князьков и богачей-оленоводов, хотя по тундре еще немало кочевало племен, до которых не могли добраться инструкторы-партийцы и где ничего не слышали о новой власти, все же процесс советизации начался, ширился, достигал самых дальних мест.

К концу 20-х годов Советы были созданы у всего оседлого и у большинства кочевого населения Сибири.

— Америка в Сибири — это просто глупо... Мы считаем совершенно невозможным строить у вас стопятидесятитонные мартеновские печи и такие мощные домны и прокатку, какие вы задумали. Вы поймите, ведь в Америке мы только начинаем строить такие заводы. Что же вы сделаете без опыта, без механизмов, с вашими необученными людьми? Посмотрите на них, ведь они ходят в лаптях. Смешно!⁶

Мистер Эвергард умолк, наверное, упрекая себя за эту несдержанность. Ему, главному инженеру чикагской фирмы «Фрейн», ни к чему было давать волю чувствам. Этот эмоциональный взрыв не был в интересах его фирмы, взявшейся осуществить русский проект Урало-Кузбасса. И вообще, какое ему дело до новой затеи большевиков, до их гигантомании, до их торопливости, до их фантастической пятилетки? Сталин заявил, что они отстали от передовых стран на 50—100 лет и должны пробежать это расстояние в десять лет. Им бы, русским, развивать индустрию, исходя из возможностей, а они обращают экономику в пропаганду и объявляют гонку, не соразмерив сил. Планируют гидростанцию на Днепре, автомобильные заводы в Москве и Горьком, тракторные заводы в Харькове и Челябинске, комбайновый завод в Саратове, хими-

ческие комбинаты — в Березниках и Соликамске... Пусть так, но Америка — в Сибири?!

Мистер Эвергард с беспокойством смотрел на свои высокие утепленные сапоги, как они пружинят и погружаются все глубже в присыпанный первым снегом мох трясины, вблизи площадки, где полным ходом строился Тельбесский, или Кузнецкий металлургический завод. Слышны были глухие удары лопат, скрип тачек, изредка ухала взрывчатка, поднимая над белой землей низкие пыльные облака, а тут он стоял один на один с русским, который управлял этой огромной стройкой, и уважение к смелости русского заставляло быть открытым.

Иван Бардин — так звали главного инженера Кузнецкстроя — смешил неловкостью в собственном кабинете, где стол завален бумагами, они валялись даже на полу и посетители наступали на них, но здесь, на строительной площадке, он преображался, становился выше ростом и шире в плечах. Раньше он работал на американском заводе Герри, самом крупном в мире, строил металлургические предприятия на Европейском Юге России, а теперь стал душой строительства в Сибири.

Конечно, теоретические русские, может быть, правы, их идея соединить уральскую железную руду с кузнецкими углями вполне логична и с инженерной точки зрения заманчива, — они отвергли немецкий путь строительства небольших металлургических заводов и хотят строить гиганты мирового уровня. Их можно понять. В 1929 году Россия занимала по производству стали пятое место, а по добыче угля — шестое среди других стран. Создание топливно-энергетической базы в Сибири позволяло сократить этот разрыв, продвинуть индустрию ближе к главным запасам природного сырья, а также сильно укрепить позиции глобокого тыла, что было со всех точек зрения умно и предусмотрительно.

Правительство США все еще не признавало власть Советов, потому русские пошли на сделки с частными иностранными фирмами. Американская фирма «Мак-Ки» согласилась проектировать и осуществлять техническое руководство строительством Магнитогорского завода и рудников, но с обязательствами не справилась. Проектирование Кузнецкого металлургического комбината взяла на себя компания «Фрейн», основанная в 1915 году.

Мистер Эвергард, как честный инженер, не мог скрывать отношения к происходящему. Разве русские сами не видят, что в отсталой стране, при нехватке квалифицированных рабочих, с голодными и босыми людьми, которые не знают техники сложнее лопаты и быстрее тачки, при бесхозяйственности и примитивной организации труда им не вытянуть сооружение новейших современных предприятий?

Бардин смотрел на собеседника, но слушал его рассеянно, потому что надо было торопиться в котлован. Суждения американца были

правильны, и словесная перебранка не имела смысла: правоту или неправоту могла доказать лишь строительная площадка.

Люди ехали отовсюду: коммунисты и комсомольцы, крестьяне из соседних деревень, вчерашние уголовники, выпущенные на свободу, — горластый, лихой, отчаянный народ. Каждый день прибывали сотни людей, размещались в бараках и землянках, ставили железные печки, сооружали топчаны, затыкали щели и окна соломой, копали траншеи, развозили камень и гравий, вбивали колышки на месте будущих цехов.

Уже были свадьбы и рождались дети, и когда на площадке появились два первых легковых автомобиля, устроили катание детей, а взрослые терпеливо дожидались конца этого веселья, чтобы самим, соблюдая очередь, прокатиться на диковинной машине. Прокатилась даже старушка девяноста пяти лет.

Чего только не было — и радости, и горести, и даже статья в кемеровской газете против Бардина. «Газета запальчиво обличала меня во всех смертных грехах, требуя остановить вредительское возведение фундамента заводоуправления и прекращения всех работ, возводимых злой моей рукой во вред советской власти», — вспоминал потом И. Бардин⁷.

Но тогда, слушая американского инженера, Бардин думал о стройке, о недавней истории, когда его личная судьба переплелась с судьбой Сибири.

Мысль об индустриальном соединении Урала и Кузбасса возникла не вчера: передовая техническая интеллигенция России давно уже вынашивала идею комплексного развития производительных сил восточных территорий, но то была тогда скорее мечта. Не хватало изученности предмета и экономических обоснований. В 1899 году Д. И. Менделеев и его сотрудники совершили поездку в Зауралье, посмотрели тамошние железорудные месторождения и бросили клич: «Надо будить Урал!», имея в виду воссоединение уральских и сибирских природных ресурсов. Разговоры о перевозке кузнецких углей на уральские предприятия не раз возникали среди русских промышленников, но решить задачу такого масштаба им было не по плечу — Кузнецкий угольный бассейн находился в личной собственности царствующего дома Романовых. Добыча угля была делом прибыльным, она привлекала к себе солидный русский и иностранный капитал. Строились шахты, вывозился уголь, делились сферы влияния. Природные ресурсы растаскивались — торопливо, жадно, глупо.

В 1912 году царский сановник В. Ф. Трепов и председатель Международного коммерческого банка С. Хрулев учредили акционерное общество «Копикуз» (Копи Кузбасса). Главными держателями акций оказались два русских и два французских банка. Акционерам хотелось быстро увеличить прибыли, разместить новые заказы на предприятиях

родственников или близких людей, а потому они предприняли попытку организовать коксохимическое производство, построить металлургический завод, соединить железнодорожной веткой Кузбасс с транссибирской магистралью. Общество пригласило на службу выдающегося доменщика России М. К. Курако и других патриотов индустриального развития Урало-Кузбасса. Но усилия оказались напрасными. «Копикуз» не сумел найти достаточных средств для исследовательских работ и вскоре прекратил их. Только Курако продолжал свои поиски, не желая расставаться с надеждами на будущее угольно-металлургической Сибири.

В ту пору на Юг — инженеру Бардину — приходили от Курако восторженные письма, а однажды объявилась посылочка с образцом кузнецкого кокса. Старый металлург старался заразить молодого коллегу своим энтузиазмом, как будто предчувствовал грядущий поворот в его судьбе.

Курако умер в разгар гражданской войны от сыпного тифа на Кузнецких коях, которым оставался верен до конца.

А еще припоминал Бардин первые годы молодой Республики Советов, то восторженное и одухотворенное время, когда на заседаниях правительства под председательством В. И. Ленина сталкивались разные мысли, сшибались характеры, шел спор по важным вопросам, в том числе о судьбах Урала и Сибири.

Ленин — это все знали — с давних пор интересовался восточными районами России: в его библиотеке было множество книг по экономике сибирских территорий. Уже в плане ГОЭЛРО народное хозяйство Урала и Сибири рассматривалось комплексно, а между тем реализовать программу собственными силами было тяжело. Ленин считал возможным допустить в Сибири организацию лесных и горных иностранных концессий. По его мнению, было бы разумно привлечь иностранный, в частности американский, капитал и на развитие ведущих отраслей промышленности Урала.

Помощь пришла со стороны международного пролетариата: рабочие разных стран собирали средства в фонд развития русской промышленности и выражали свою готовность непосредственно участвовать в сооружении новых предприятий. Возникла Автономная индустриальная колония «АИК — Кузбасс» при Совете труда и обороны СССР. Ее организаторами выступили американские рабочие во главе с С. Рутгерсом и В. Хейвудом. Они обязались доставить из Америки около трех тысяч знающих дело рабочих и специалистов для Кузбасса. Предполагалось, что каждый приезжающий внесет свой пай в общее дело — по сто долларов на приобретение машин и инструментов и столько же на закупку продовольствия.

Нелегко пришлось американским рабочим; их травили в США, фирмы срывали поставки оборудования, власти чинили препятствия

вербовке специалистов. И в Сибири естественно возникали психологические трудности: в колонию вошло около 500 американцев, немцев, чехов, французов, югославов, финнов, голландцев, — люди с разными настроениями и с разными жизненными идеалами, не сразу сложилось доверие к ним. Всю эту разноязыкую массу цементировали приехавшие из разных концов Советской России 2500 рабочих с крепкой прослойкой партийцев.

Дела у колонии шли успешно. В 1923—1925 годах добыча угля в Кемеровском районе возросла почти в два с половиной раза. Производительность труда каждого рабочего поднялась втрое, а заработная плата удвоилась, при этом вдвое снизилась себестоимость добычи угля. «АИК—Кузбасс», открытая показателями, хотела было взять на себя и строительство Кузнецкого металлургического завода, но для широкого фронта работ у нее не было возможностей. Создание индустриальной Сибири требовало иных организационных форм⁸.

В двадцатые годы по вьючным тропам Горной Шории и Темир-Тау продвигались на лошадях изыскатели. Их головы в черных накомарниках покачивались в такт движению, и только на таежных увалах да при переправах через стремительные холодные реки нарушался привычный ритм и начиналась отчаянная, не ограниченная временем работа. Они строили из веток шалаши, приподнимали их на сваях, жгли по ночам костры, чтобы отпугнуть горных крыс, обитавших поблизости, в старых выработках. Досаждали еще и змеи, да так, что чуть было не погиб профессор М. А. Усов, участник разведочной партии. Благо, что местные жители — шорцы — охотно шли в проводники и вековым опытом своих предков уберегали изыскателей от бед, которые таились на каждом шагу. Некоторые проводники и сами втягивались в поиски полезных ископаемых. Шорец Шерегешев открыл месторождение железных руд; теперь оно зовется его именем. Шерегешская руда до сих пор плавится на Кузнецком металлургическом заводе.

В ту пору утвержденные запасы железных руд в Кузбассе были меньше тех объемов, на которые рассчитывали, и тогда возникла идея территориального маятника: если из Сибири придется доставлять на Урал уголь, то почему бы те же поезда не загрузить на обратном пути железной рудой Магнитки?

Шли споры, появлялись новые варианты, финансисты мучительно и медленно распределяли капиталовложения, и эти затыжки создавали дополнительные трудности для тех, кому предстояло в Сибири начинать крупную стройку, обеспечивать работой, жильем, продовольствием тысячи людей.

На XV съезде партии выступил председатель Сибирского крайисполкома Р. И. Эйхе:

— Все считают, что это предприятие должно быть построено в самое ближайшее время и что оно даст Союзу большую выгоду. Важность

его усиливается особенно в связи с общей внешней обстановкой. Несмотря на это, нам вместо намечаемых 4 миллионов, очень мизерной суммы, отпустили 1 400 000 руб., чтобы, так сказать, отмахнуться от нас. По-моему, надо ставить вопрос таким образом: или ничего не давать, или давать ту сумму, которая дала бы возможность реально приступить к строительству. А выдать миллион рублей для того, чтобы отвязаться — это, товарищи, лишняя трата денег. Во всяком случае, это значит, что очень важное дело в Сибири, и не только сибирского значения, откладывается в долгий ящик...⁹

Горбуновская строительная площадка — здесь выбрали место под металлургический завод — лежит близ села Бессоново, километрах в тридцати от Кузнецка: и речка Томь недалека, и два каменноугольных месторождения рядом. Первые строители появились здесь весной 1929 года — несколько плотников со своими топорами. Они рубили просеки, ставили первые колышки, веря и не веря, что в скором времени тут соберутся сотни, тысячи, а может быть, десятки тысяч людей. Они отправлялись в Бессоново разжиться продуктами или попросить какой другой помощи, но село было зажиточное, самодовольное, подвластное кулакам, и контактов не получалось. Под нажимом кулаков бессоновцы-сельсоветчики постановили не принимать детей пришельцев-рабочих в деревенскую школу.

Бардин в то время работал на Юге, был главным инженером крупного металлургического завода. С ним вели предварительные разговоры о сибирской стройке, но он деликатно отказался: тут тоже большое дело, и оно ему нравилось. А слухи о предстоящем строительстве за Уралом набегали, как волны; ему показывали проект будущего гиганта металлургии, и он вспоминал старого доменщика М. К. Курако, друга молодости, который похоронен в тех местах. В январе 1929 года Бардину снова предложили сибирскую стройку — он согласился. Несколько инженеров и техников попросились ехать с ним вместе.

Мы теперь можем гадать, о чем думал Бардин в холодном вагоне поезда, который вез его в Москву, где предстоял разговор с В. В. Куйбышевым, твердым сторонником проекта Урало-Кузбасса. На сибирском металлургическом гиганте предполагалось строить самые мощные по тем временам доменные печи. По предварительным расчетам, в доменном цехе на каждого рабочего будет приходиться в год по 1542 тонны чугуна, а в мартеновском цехе — по 1180 тонн стали. Непосвященному человеку эти цифры мало что говорят, но Бардину-то известно было: даже на лучших заводах Юга на одного рабочего получали только 300 тонн чугуна и 200 тонн стали. Таких предприятий, какое запроектировано в Сибири, насчитаешь пять-шесть в США, и, может быть, к ним приближается по мощности пара заводов в Германии. Понимание величественности задачи не могло заменить отсутствия непосредственных впечатлений от строительной площадки, организации дела, хода

работ, и предстоящая встреча его тревожила: он не чувствовал себя готовым к разговору на столь высоком уровне.

Куйбышев пригласил Бардина за длинный стол, а сам стал расхаживать вдоль кабинета, тихо ступая по ковровой дорожке.

— В Сибири теперь зима, Иван Павлович, холод, мороз трескучий. А хорошо! Я люблю сибирскую зиму. А вы не боитесь холода? Вы ведь почти южанин. Но в общем сибирские морозы не так страшны, как их представляют себе. Там очень интересные места. Я их знаю хорошо.

Бардин старался представить себе, о чем сейчас думает Куйбышев — вспоминает ли Томск, Нарым, Тугуру на Лене — все те таежные места, которые прошел он в годы сибирской ссылки, или, напротив, мыслями он теперь в Кузбассе, на строительной площадке, где кирки уже долбят мерзлую землю?

— Сибирь, Сибирь, — продолжал Куйбышев, — тупые русские цари сделали такой изумительный край каторгой. Я вспоминаю: у Герцена...

Куйбышев достал с книжной полки том «Былого и дум».

— Вот послушайте: «Сибирь имеет большую будущность; на нее смотрят только, как на подвал, в котором много золота, много меху и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насилуем, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед. Увидим, что будет, когда... Америка встретится с Сибирью...»

Куйбышев закрыл книгу.

— Неправда ли, как замечательно, Иван Павлович? Америка встретится с Сибирью... Эту встречу устраиваем мы, большевики, наша великая партия. Но строить в Сибири, создавать там социалистическую Америку будет нелегко. Много будет зависеть от людей. Есть ли у нас такие люди, на которых можно будет положиться и быть уверенным, что они серьезно возьмутся за дело? Вы имейте в виду, что это глубокая разведка партии и рабочего класса в завтрашний день нашей страны. Это будет замечательное завтра. И это очень почетная задача для инженера. Вам позавидует не один из них...¹⁰.

Бардин увидел Сибирь с той горькой, тяжкой, безалаберной изнанки, которая могла отпугнуть любого уважающего себя специалиста-хозяйственника, но пути назад уже не было, и он ходил по баракам, рассчитанным на шестьдесят человек, но вмещавшим по сто — сто пятьдесят рабочих, выслушивал крики, ругань, домыслы... А люди тут были разные — и крестьяне-коногоны, и шумные сезонники, и кулачье из соседних деревень, и недавние уголовники, и вся эта масса в разбитых башмаках из свиной кожи, а то и в лаптях рыла канавы, чтобы отвести вешние воды с площадки, кирками спрямляла речушку Абу, прокла-

дывала к строительству временный деревянный водовод и толпилась у первой стенной газеты «Топор», прислушиваясь к тем, кто умел читать.

Первая электростанция Кузнецкстроя — динамо-машина в 3,5 киловатта, которую раздобыли рабочие в соседней деревне на мельнице, — давала энергию двадцати лампочкам, освещавшим по ночам строительную площадку. Зимой ей помогали костры, и в этом тусклом туманном пространстве, как в театре теней, происходило движение людей и предметов, и над прочими звуками главенствовали звонкие удары молота о наковальню в первой кузнице, помещенной посреди четырех столбов, покрытых листами жести. Все тут бывало: и героический сознательный труд, и булыжники ночью в освещенное окно редакции многотиражки, и забастовка бузотеров из бригады Юхнова, и сборка паровоза при кострах, и праздник встречи первого поезда из Кузнецка, и субботники «в кошелек Кузнецкстроя», и прорыв дамбы, когда спасать строительную площадку выходили все, даже женщины и старики, даже бузотеры-юхновцы, и аврал, при котором за ночь выстроили барак-больницу, и закладка фундамента под первую доменную печь, когда работали и пели «Интернационал», и ночные суматошные разгрузки вагонов, происходившие при медном громохании двух рабочих оркестров, старавшихся на пристанционной площадке.

Зимой замерзал бетон, и тут ничего не могли поделывать даже плакаты «Бить мороз в лоб», разрываемые ветром на бараках; и тогда люди шили одеяла из мешков и войлока, укрывали бетон, тащили из бараков кошму, на которой спали, и тоже укутывали бетон, потому что не знали, как поступать в таких случаях, и никто этого не знал, не мог подсказать по той причине, что таких работ в практике строительства не делали при сибирских температурах, опускавшихся до шестидесяти градусов. А смельчаки продолжали и зимою монтаж оборудования, поднимались на кауперы и высоко над землей закладывали болты. В 1931 году на площадке работало свыше сорока шести тысяч человек, были среди них казахи, шорцы, алтайцы — родоначальники рабочего класса своих народностей: из них выходили потом горновое, вальцовщики, сталевары.

Площадка Кузнецкстроя не умещалась на отведенной ей территории, ей тесно было в границах Сибири, и она простиралась по всей стране. Заказы Урало-Кузбасса выполняли заводы Москвы, Ленинграда, Украины, отовсюду шли товарные поезда, и на пульмановских вагонах кто-то мелом выводил наказ: «Срочно! Ни минуты задержки! Кто бы в пути ни повредил, кто бы вагон ни задержал бы — в «Рабочую газету» и «Крокодил» посылайте немедленно жалобы. Товарищ, запомни и повтори адрес: Москва, Тверская-три!» Через тридцать-сорок лет так же чисто и возвышенно всколыхнут страну Братск, Красноярск, Тюмень, но уже на ином уровне развития производительных сил и при другом поколении; а тогда, в бесстрашную пятилетку, то был первый эксперимент планирования в столь широком государственном масштабе, опи-

равшийся не только на возможности экономики, но также на новую психологию революционных масс. До сих пор ни одному режиму или системе не удавалось вызвать у общества сознательные дополнительные усилия, способные компенсировать трудности социально-экономического опыта и ценою неизбежных потерь все же привести к запланированному результату.

На каждом большом строительстве бывают похожие друг на друга будни. а вслед за ними, как грудью о финишную ленту, — пуск... На первой домне по рукам ходила газета-«молния» «Даешь чугун!», всех торопили, и все торопились, не ходили, а бегали, усталое смыканье глаз почитали непростительным стыдным сном, принимали вагоны с рудой из Магнитки и Темир-Тау, с марганцем из Чиатуры и вручную загрузжали печь коксом и дровами. Третьего апреля 1932 года в 6 часов 30 минут утра доменная печь выдала первую плавку. Пошел сибирский чугун, и люди, не расходясь, смотрели на огненную реку, как на великую награду за неотступные свои труды, и это перевозбуждение, ликование, праздник еще придавали им некоторые силы, чтобы не свалиться от усталости.

А потом были еще две даты, еще два суматошных счастливых дня: 19 сентября мартеновская печь выдала первую кузнечную сталь, а 5 ноября кузнечный блюминг прокатал первые стальные болванки, и на следующий день вышли первые рельсы сибирского производства. Наверное, стилистам режет слух это назойливое повторение слова — первая, первую, первые — но не хочется придумывать, да и не придумать точного синонима, который бы так просто и коротко выражал самую суть того, что происходило тогда в Сибири. Все было внове, раньше неведомым, первым — через Урал перевалила техническая революция, и все, что возникнет потом, спустя много лет — грандиозные проекты и новейшие предприятия шестидесятых годов, схемы размещения производительных сил семидесятых-восемидесятых годов, — станет возможным потому, что в тридцатые годы поднялся Урало-Кузбасс, начало многих других начал индустриальной Сибири.

Спор Бардина с Эвергардом мог показаться дружеской размолвкой двух умных и общительных людей, но по сути он был глубок и принципиален: под силу ли общественной собственности на средства производства, народной инициативе, революционной сознательности добиться наивысшего уровня, достигнутого капиталистическим способом производства. Тем более, что подняться вровень — означало доказать преимущества и превзойти. Американского инженера нельзя было упрекнуть в предвзятости: он исходил из практики, суждения его были трезвы, логика безупречна. Не случалось такого, чтобы люди в лаптях, необученные, без механизмов, строили первоклассный металлургический завод. Египетские пирамиды — да, Суэцкий канал — да. Но завод? В Сибири?

Тут надо вторгаться в область психологии.

В. Шидек, огнеупорщик:

— Начали мы со здания заводууправления. Тут мы впервые ввели подогрев гравия. Бетон приходилось лить на морозе, а так как печей не было, то мы обливали гравий кипятком. Бетон ложили на перемычки, а чтобы не промерзали фундаменты, накрывали кошмой, паклей и бетонировали. Тут нам задавали норму в пятьсот кирпичей, но мы сами ее повысили до тысячи кирпичей. Старались работать быстрее, и поэтому перерывы на курение не делали. Чтобы завернуть сигарку из махорки, нужно затратить минуту-две, а это стоит десятков кирпичей. Поэтому мы курили только папиросы и только на ходу¹¹.

А. Млатковский, секретарь партячейки:

— Я помню, была ужасная грязь, четыре дня лил дождь, двести женщин работали на подноске кирпича для кладки коксовых батарей. Сапог не было, они работали босиком. Четыре дня они, насквозь мокрые, босиком, таскали кирпичи и пели свои песни. Устроишь собрание, скажешь им несколько товарищеских слов, и они работают без отказа. Вот этот подлинный героизм самой отсталой части пролетариата — женщин-работниц — говорит о том подъеме, который был среди рабочих¹².

А. Елисеева, начальник доменного цеха:

— Помню пусковые дни. В эти дни мы не спали по двое-трое суток. Не спала я, не спал секретарь партколлектива тов. Митрофанов, не спали рабочие: мы день и ночь сидели на так называемых недоделках. Это слово мы, вероятно, никогда не забудем. Как будто бы все решительно готово, вот уже точка, пускать можно без всяких сомнений; пускаем, и вдруг — или воздух в кауперах, или вода в пылеуловители течет. Маленькая дырочка — и опять надо клепать и чеканить. Всех измучили эти недоделки. Мы буквально истощили свои силы в эти дни. Надо было задуть домну во что бы то ни стало. Вначале хотели пустить ее в час ночи. Что-то не ладилось. Отложили до двух часов, потом до четырех. Опять не удалось, и в конце концов домна была задута в шесть часов утра 1 апреля¹³.

А. Филиппов, землекоп:

— Пуск домны я не только ознаменовал вступлением в Коммунистическую партию, но у меня от избытка чувств и удовлетворения, что труд свой вкладывал не напрасно, в течение нескольких минут сочинились стихи, о чем я никогда и не думал, пока не увидел первый горячий чугуна¹⁴.

Металлургический гигант Сибири построили за двадцать три месяца.

Иностранным консультантам и специалистам приходилось менять прежние представления о зависимости результатов от возможностей, надо было осмыслить новую категорию сверхвозможности, которая возникла при социалистической общности людей на стройках первой пяти-

летки. Не сразу давалось это понимание, и даже такой проницательный скептик, как мистер Эвергард, почувствовал нечто такое, что сформулировать еще не сумел и в своих воспоминаниях предпочел обойти причины, называя лишь следствие: «Я не знаю металлургического завода, который был бы построен в такой короткий срок в столь отдаленной местности, как Кузнецк»¹⁵.

Частный спор был выигран, но принципиальному спору суждено было продолжаться еще долго.

Проект Урало-Кузбасса был первой пробой комплексного освоения восточных территорий: ощупью, опираясь на предварительные расчеты и предложения, плановики старались разместить предприятия таким образом, чтобы в будущем вылепить гармоничный индустриальный район взаимосвязанных и дополняющих друг друга производств, с общими дорогами, коммуникациями, связью. Сооружались крупные угольные шахты, оборудованные новой техникой; вступали в строй цеха знаменитого Уралмаша, и советская металлургия стала получать отечественные блюминги, прокатные станы, оборудование для домен и коксовых батарей; в Челябинске пустили тракторный завод, и первые сибирские гусеничные тракторы печатали на сибирских пашнях первые следы, а рядом бежали толпы любопытствующих и возбужденных крестьян, и молодые, самые отчаянные, записывались учиться на трактористов; строились химические предприятия, реконструировались железные дороги, развивались старые города и возникали новые рабочие поселки — плановое социалистическое строительство демонстрировало свой потенциал.

В Кемерово размещали коксохимический и азотно-туковый комбинаты, завод пластических масс; в Иркутске завод тяжелого машиностроения и первую в стране слюдяную фабрику; в Верхнеудинске строили крупнейший завод по ремонту паровозов и железнодорожных вагонов. По реке Лене, с лесистых верховьев, сплавляли деревянные карбасы, по восемь-десять карбасов в связке, а на карбасах под тесом и брезентом лежали узлы гидромониторов, экскаваторов, электрических драг — до Бодайбо, на Ленские золотые прииски. За годы пятилетки добыча золота на многих сибирских шахтах и открытых разработках удвоилась, а кое-где возросла в три с половиной раза.

Нелегко доставалась первая пятилетка: не было опыта научной организации труда, и времени на продумывание не хватало; судьбу строек часто решала мускульная сила тысяч людей, а сроки поджимали, топили, подхлестывали; и трудности в доставке конструкций, материалов, механизмов, и промахи в проектной документации, и тысячи других обстоятельств могли объяснить то чередование временного затишья и лихорадочного напряжения, которое стали называть штурмовщиной. Этот стиль строительства никто не выбирал, он был тогда естествен и неизбежен и так приучил к себе психологию поколения, что и в после-

дующие времена, даже в эпоху научно-технической революции, продолжал будоражить на востоке страны то одну, то другую стройку.

В 1928 году по всей Сибири можно было насчитать около сорока тысяч строителей, а к концу 1932 года их стало пятьсот тысяч: это были, по преимуществу, выходцы из деревни, переселенцы из европейских районов страны, много молодежи и женщин. Они жили в палатках и землянках, летом даже в шалашах, и понимали, что это примитивное временное жилье — вынужденный выход из положения, и были уверены, что их последователи будут начинать стройки на более высоком уровне, и завидовали им. Тогда казалось само собой разумеющимся, что на новых стройках обязательно позаботятся вначале о хороших дорогах, о связи, о домах, построят для людей хотя бы элементарные бытовые удобства и не станут повторять ошибку, «которую одинаково совершали на всех строительных площадках Союза в первые годы индустриализации, — как писал И. П. Бардин. — Мы не подумали, что бани, пекарни, магазины, столовые — это далеко не последнее, а первое звено в крупном строительстве, где заняты десятки тысяч людей»¹⁶.

На Оби, Иртыше, Енисее строились судоверфи. Новые колесные пароходы выталкивали в небо черные дымы, стучали по воде мокрыми плечами и совершали переходы к неизученным участкам рек, выходили в широкие устья, продвигались вдоль побережья Ледовитого океана и пробуждали к жизни затундровые окраинные районы. Реки же были первыми взлетными и посадочными полосами монопланов типа «Юнкерс», оснащенных дюралевыми поплавками. Они прокладывали воздушные трассы от Иркутска до Якутска, садились в Марково, Киренске, в других отдаленных пунктах. Самолеты встречали всем селом, устраивали митинги, а кое-где в честь летчиков палили из пушек, оставшихся со времен гражданской войны.

В январском номере «Сибирских огней» (1928 г.) появились стихи восемнадцатилетнего Павла Васильева о будущей Сибири. Стихи задорные, с упругим динамичным ритмом, как бы заданным стройками, блюмингами, отбойными молотками, всем темпом индустриализации народного хозяйства. Их декламировали на вечерах самодеятельности, и даже девять лет спустя, когда П. Васильев разделил трагическую судьбу А. Балина, Г. Вяткина, И. Гольдберга, П. Петрова, М. Ошарова и некоторых других сибирских писателей, эти его стихи, уже без имени автора, продолжали читать в рабочих клубах, как неизвестно чьи, как народные: «Я уж давно и навсегда бродяга. Но верю крепко: повернется жизнь, и средь тайги сибирские Чикаго до облаков поднимут этажи...»

Сибирь была овеяна романтикой первых пятилеток. Работа на дальних новостройках выглядела возвышенной, и поколение молодых

людей, появившееся на свет незадолго до революции, с песнями отцов — конников гражданской войны и с новыми песнями времен восстания народного хозяйства, с мечтами о стратосфере, о дрейфующих льдинах, о мировых рекордах — двигалось, шумно перемещалось по транссибирской железной дороге возводить новые заводы и города — рай для пролетариев всех стран, когда они соединятся.

По тем же путям тащились поезда со «спецпереселенцами», как называли раскулаченных; громыхали вагоны, набитые искателями легкой жизни, спекулянтами, авантюристами, подавшимися на заработки крестьянами; в поездах и на полустанках шла бойкая торговля вещами, кусочками сахара, табаком и хлебом. Вся эта расхристанная масса людей тоже надеялась обрести на сибирских стройках лучшую долю, если не для всего человечества, то, по крайней мере, для самих себя. С 1926 по 1939 год из европейских районов страны на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток переселилось больше трех миллионов человек.

Авторитарной строительной державой стал созданный в 1931 году трест «Дальстрой» во главе с Э. П. Берзиным, бывшим командиром дивизии латышских стрелков, охранявших Кремль.

Сначала он назывался Государственным трестом по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы, первые его рабочие были доставлены летом того же года на пароходе «Сучан» в сопровождении ледокола «Литке» в арктическую бухту Нагаева. Число колымчан быстро возрастало, возникали новые золотые прииски, лесоразработки, палаточные городки. В 1938 году трест переименовали в Главное управление строительства Дальнего Севера (Дальстрой), руководимое Министерством внутренних дел СССР¹⁷. Тысячи километров отделяли друг от друга горные и лесные разработки, таежные автодороги, морские порты, аэродромы, возникавшие далеко в горах, в якутской тайге, в колымской тундре, где не было еще строительных баз и механизмов, а были только рабочие руки, которым и рукавицы-то не всегда перепадали. Эти руки в тридцатые годы принимали на себя главные трудности развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока.

К низовьям Енисея, к одинокому Игоркиному зимовью, расположенному за Полярным кругом, за 67-м градусом северной широты, подошел пароход с первыми строителями города-порта Игарки и его мощных лесозаводов. Бревенчатые дома, доски-тротуары, из отборных чурбаков мостовые, и специальные места, где разрешалось курить... Представляли себе: скоро на рейде появятся морские лесовозы под флагами разных стран!

В таймырской тундре заложили Норильск. В 1937 году первая в мире арктическая железная дорога связала Норильск с Дудинкой и дала заполярному городу выход к морскому порту. Почти на семидеся-

той параллели, на топкой мшистой земле незаметно рос один из самых крупных горнодобывающих центров мира.

На строительстве северных поселков, предприятий, дорог работали и осужденные в период массовых репрессий и нарушений социалистической законности. Тут были люди большой культуры, специалисты высокой квалификации в различных отраслях техники и науки.

В 30-е годы новое мощное строительное управление, по охватываемой территории близкое к Дальстрою, приступило к сооружению еще большого размаха: Байкало-Амурской магистрали. Идея рельсового пути, параллельного и расположенного севернее Сибирской железной дороги, не раз возникала в конце XIX и начале XX века, существовали конкретные проекты, в том числе предложенный американской компанией и рассчитанный на соединение второго Транссиба через Берингов пролив с транспортной сетью Аляски. Лишь в годы первых пятилеток началось планомерное изучение трассы, но дела шли медленно: изыскатели встречались с большими затруднениями, вызванными гористой местностью, повышенной сейсмичностью районов, участками вечной мерзлоты, а на многие местности не было даже достоверных карт.

К тому времени, о котором речь, определилось основное направление трассы: от Тайшета через северную оконечность Байкала на Тынду и далее на Комсомольск-на-Амуре до Советской Гавани (общая протяженность 4341 километр). ПUTEармейцы, как называли этих строителей, расписанные по отделениям и бригадам, грузили в карьерах гравий на тачки, сооружали мосты и виадуки; во главе бригад часто стояли женщины, их воспевали бамовские поэты: «И еще туман, что сахар белый, не выходит с солнцем на развод, — на ногах она, и мысли смело мозг сверлят: как двинуть план вперед?». Наверное, у разных людей разные мысли тогда сверлили мозг, но строительство действительно разворачивалось, и газета «Строитель БАМа», выходявшая три раза в неделю в городе Свободном Амурской области, бодро информировала о ходе работ.

Перед войной удалось построить три соединительные ветки от транссибовских станций к проектным отметкам новой магистрали: от Волочаевки до Комсомольска-на-Амуре, от Известковой до Ургала, от Бама до Тынды.

Сибирь строила настоящее и жила будущим... Перечитываешь сегодня составленный в те годы первый генеральный план развития народного хозяйства Сибири (1926—1941 гг.), изучаешь долговременные проекты решения Урало-Кузнецкой и Ангаро-Енисейской программ и с великим уважением думаешь об экономистах первых пятилеток, сумевших в той трудной обстановке, при довольно зыбких исходных данных разглядеть и предложить концепцию развития производительных сил края на многие годы вперед. По заключению ученых, авторы сибирского генплана «являлись, по существу, первооткрывателями в об-

ласти регионального планирования. Несмотря на то, что многие количественные показатели генерального плана подвергались в результате разработки последующих пятилетних планов коренному пересмотру, стержневые вопросы его на всем протяжении довоенного развития социалистической экономики Сибири являлись основополагающими в практике планирования и управления хозяйством»¹⁸.

В годы второй пятилетки завершается объединение сибирских крестьян в колхозы и совхозы. На полях работало сорок две тысячи тракторов и пятнадцать тысяч комбайнов. Здесь создавался один из самых крупных сельскохозяйственных районов страны. Колхозницы-сибирячки выходили на поля с припевками. «Редко дома я бываю, в клубе с книжкой я сижу. Я не время убиваю, за политикой слежу!» — «Наша Родина прекрасна, наша партия крепка. Мы троцкистов-диверсантов уничтожим до конца!» («Сибирские огни», № 5—6, 1937 г.).

Между тем, урожайность полей и продуктивность животноводства еще оставались низкими, валовой сбор зерна удавалось повышать лишь за счет расширения посевных площадей. Во многих колхозах платили по трудодням мало, и крестьяне подавались на стройки или в тайгу валить лес.

Политическая грамотность сибиряков опередила общеобразовательную подготовку: по общей грамотности населения Сибирь отставала от других областей РСФСР. В таежных деревнях еще не вкусили иной культурной жизни и на радостях выдавали за печатью и подписями сельсовета справку заезжему по случаю «атлету физкультуры»: «...Не обладая видной фигурой, тов. Антонов с честью выполнил все трудные номера, недоступные для рядового гражданина, гнул железо два и полтора дюйма толщиной на горле и на зубах, на голове его били кирпичи и кололи дрова... Впечатление публики от вечера осталось самое удовлетворительное и восторженное, что Карасунский сельсовет свидетельствует»¹⁹.

Молодые сибиряки создавали отряды культармейцев, повсюду открывали школы ликбеза, объявляли месячники «культтревоги». Зимой на лыжах комсомольцы шли в глухие селения, рассказывали о грандиозных проектах и приколачивали к стенам плакаты: «Ни одной рабочей семьи не должно быть, где бы не знали и не любили Ангару!»

Эти молодые люди со значками «Ворошиловский стрелок» на вельветовых куртках собирались в лыжные переходы из разных мест Сибири до Москвы, демонстрируя «стране героев» физическую выносливость и негнбимый дух. Все бредили Арктикой, челюскинцами, полярными перелетами, а во сне им являлся бородатый О. Ю. Шмидт в кожаном пальто и с биноклем на груди.

Все перемешалось — энтузиазм, страдания, надежды.

Сибирским Чикаго (Сиб-Чикаго) называли тогда Новосибирск. Весной 1930 года здесь заложили завод-гигант по производству комбай-

нов и сельскохозяйственных машин: по мощности он должен был превзойти такого типа американские и европейские заводы. Токарные станки завода имени XVI партсъезда уже демонстрировались на Всемирной выставке в Париже. Строился завод горного оборудования, реконструировались старые и сооружались новые электростанции, вырастали кварталы каменных многоэтажных домов, а в сибирской краевой конторе «Союзхлеб» сослуживцы встречали высокого сутулого механика Кондратюка, имевшего обыкновение спать в кабинете на столе, веселой хоровой декламацией: «Твой одичалый вид пугает и тревожит. Оброс ты и небрит, что сердце твое гложет? Витаешь где-то ты в погоне за Луною... Брось детские мечты, займись жизнью земною. Живешь ты, как монах, и сыт единым хлебом. Ты облако в штанах и занят только небом!»

Юрий Васильевич Кондратюк — сослуживцы его звали Юрич — виновато улыбался. Прости ему, «Союзхлеб», бессонные ночи, усталость, его неотвязную идею, с детских лет возникшую задачу, которая всегда в голове, чем бы он ни занимался. Он махнул на репутацию «не от мира сего», он уже сам стал смеяться шуткам в свой адрес и карикатурам в стенгазете: «Чуть не выскочил из брюк этот Юра Кондратюк», — пожалуйста, он на все согласен, только терпите его, каков он есть!

Кондратюк разрабатывал вариант пилотируемой экспедиции на Луну при помощи многоступенчатых составных ракет.

Мы пока еще не так много знаем о механике и изобретателе Ю. В. Кондратюке, вызванном с Кубани в Сибирь для ремонта элеваторов. Юрич поселился в Новосибирске на тихой улочке Нерчинской, в бревенчатом доме № 27 со старыми тополями у окон. Он мотался по районам, по зерноскладам и элеваторам, его привыкшие к металлу руки приводили в действие все, чему положено было двигаться, его новшества облегчали труд сотен людей, и слава об этих изобретениях затмевала шутки о «межпланетных чудачествах» механика. Что ни говори, а его нового типа ковш и самотаски стали широко внедряться, и контора «Союзхлеб» выплатила изобретателю крупную премию. Сослуживцы уже готовились «обмыть» премию Юрича, да не пришлось... Изобретатель оказался гол как сокол — премию и прежние сбережения он отнес на улицу Советскую, дом 6 в типографию Сибкрайсоюза. На эти деньги он издает тиражом в две тысячи экземпляров свою книжку «Завоевание межпланетных пространств» — она вышла в начале 1929 года.

Я держу в руках эту тоненькую книжку, где на титульном листе изображена околоземная орбита и траектория выхода в космическое пространство, смотрю на выходные данные — «издание автора», «под редакцией проф. В. П. Ветчинкина», и эти испещренные расчетами страницы и чертежи высветили в тумане давних лет судьбу удивительную.

«Предлагаемая книжка Ю. В. Кондратюка, — сообщал в предисло-

вии В. П. Ветчинкин, — несомненно, представляет наиболее полное исследование по межпланетным путешествиям из всех писавшихся в русской и иностранной литературе до последнего времени. Все исследования проделаны автором совершенно самостоятельно, на основании единственного полученного им сведения, что на ракете можно вылететь не только за пределы земной атмосферы, но и за пределы земного тяготения. В книжке освещены с исчерпывающей полнотой все вопросы, затронутые и в других сочинениях, и, кроме того, разрешен целый ряд новых вопросов первостепенной важности, о которых другие авторы не упоминают»²⁰.

Кто же такой Кондратюк?

Сведений о его жизни и его трудах пока мало. Известно только, что в молодые годы, еще не ведая о калужском мечтателе и его исследованиях, даже не подозревая, что где-то сидит над подобными же формулами его предшественник, старше по возрасту и по опыту, Кондратюк самостоятельно и оригинальным методом вывел основное уравнение движения ракеты. Впоследствии он напишет К. Э. Циолковскому из Новосибирска: «С тех пор, как я определил осуществимость вылета с Земли, достижение этого стало целью моей жизни».

Кондратюк, подобно другим выдающимся теоретикам космонавтики, пришел к мысли, что для прорыва за пределы земного тяготения ракета должна сбрасывать и сжигать свои топливные баки. Таким образом, он по-своему вывел формулу движения многоступенчатых составных ракет.

Кондратюк выдвинул и теоретически обосновал идею по тем временам поразительной смелости: осуществлять пилотируемые полеты космических кораблей на Луну и планеты солнечной системы с предварительным выходом на селеноцентрическую орбиту и с последующим отделением от корабля взлетно-посадочных ступеней.

А мысль шла дальше.

Кондратюк изучал возможности создания промежуточных запра-вочных баз между Землей и другими планетами. Эти базы, или орбитальные станции, как их теперь называют, должны обеспечить устойчивую межпланетную связь, дать возможность для новых и более дальних бросков в космическое пространство. При этом он полагал летающую базу спутником не Земли, а Луны — по его мнению, полеты с лунного спутника во Вселенную обходились бы дешевле и в большей мере гарантировали бы станцию-базу от возможной потери скорости, вызванной торможением даже при малейшем влиянии земной атмосферы.

В его работах содержится описание шахматного расположения форсунок и окислителя: эта схема используется в наше время в жидкостно-ракетных двигателях.

Множество интереснейших идей обосновал и разработал Кондратюк. Он первым — признавал К. Э. Циолковский — предложил исполь-

зывать при выходе на орбиту и возвращении на Землю «ракеты с крыльями». При вхождении в плотные слои атмосферы космический корабль сбрасывает лишние части конструкции и уже как планер спускается на поверхность.

Читаешь, не можешь оторваться: в двадцатых годах, когда полет даже на крошечном биплане казался для многих мечтой, этот человек уже рассматривал медицинские аспекты космоплавания, продумывал специальные костюмы космонавтов, уменьшающие силу перегрузок, и предлагал снаряды для тренировки тех, кто выйдет в космос... Профессор В. П. Ветчинкин написал в рецензии на рукопись Ю. В. Кондратюка: «Кроме напечатания работы тов. Кондратюка, самого его следует (в случае его согласия) перевести на службу в Москву, ближе к научным центрам; здесь его таланты могут быть использованы во много раз лучше, чем на хлебном элеваторе, здесь и сам Кондратюк мог бы продолжать свое самообразование и работать плодотворно в избранной им области. Такие крупные таланты-самородки чрезвычайно редки, и оставление их без внимания с точки зрения Государства было бы проявлением высшей расточительности»²¹.

Кондратюк разрабатывал также проект ветровой электростанции.

Кроме книги «Завоевание межпланетных пространств», Кондратюк написал еще несколько работ, оставшихся в рукописи. В 1938 году Юрий Васильевич передал все рукописи известному историку авиации Б. Н. Воробьеву, и теперь они хранятся в Институте истории естествознания и техники Академии наук СССР.

Кондратюк, как К. Э. Циолковский, как Ф. А. Цандер, как другие теоретики космонавтики, жил впереди своего времени. Он был среди сверстников, героев первых пятилеток, как пришелец из завтрашнего дня. В предисловии к своей книге он писал: «Пионер исследований данного предмета проф. Циолковский видит значение его в том, что человечество сможет заселить своими колониями огромные пространства солнечной системы, а когда солнце остынет, отправится на ракетах для поселения в еще не остывшие миры.

Подобные возможности, конечно, отнюдь не исключены, — но это все предположения отдаленного будущего, частью чересчур уже отдаленного. Несомненно, что еще долгое время вложение средств в улучшение жизненных условий на нашей планете будет более рентабельным, нежели основание колоний вне ее; не нужно забывать, что по сравнению с общей поверхностью нашей планеты лишь незначительная ее часть как следует заселена и эксплуатируется. Посмотрим на проблему выхода человека в межпланетные пространства с более «сегодняшней» точки зрения: чего мы можем конкретно ожидать в ближайшие — максимум — десятилетия, считая от первого полета с Земли.

Если не вдаваться в более или менее необоснованные фантазии, то наши ожидания будут заключаться в следующем:

1. Несомненное огромное обогащение наших научных знаний с соответствующим отражением этого в технике.

2. Возможное, более или менее вероятное, хотя и не достоверное, обогащение нашей техники ценными веществами, которые могут быть найдены на других телах солнечной системы и которые отсутствуют или слишком редки на земной поверхности.

3. Возможны иные дары солнечной системы, которых мы сейчас частью не можем и предвидеть и которые могут быть или не быть, как, например, результаты общения с предполагаемым органическим миром Марса.

4. Несомненная возможность для человечества овладеть ресурсами, с помощью которых можно будет самым коренным образом улучшать условия существования на земной поверхности,—проводить мелиорацию ее в грандиозных размерах, осуществляя в недалеком будущем предприятия и такого порядка, как, например, изменение климата целых континентов.

Я говорю, конечно, не о чем ином, как об утилизации неисчерпаемых запасов энергии солнечного света, которая так затруднительна в условиях земной поверхности, делающих ее менее рентабельной, чем эксплуатация топлива, воды и ветра, и которая, наоборот, будет неизмеримо рентабельнее в пространствах, где отсутствуют атмосфера и кажущаяся тяжесть. Именно в возможности в ближайшем же будущем начать по-настоящему хозяйничать на нашей планете и следует видеть основное огромное значение для нас в завоевании пространств солнечной системы»²².

Это написано в октябре 1928 года в Новосибирске... Годы первых пятилеток остались в памяти сибиряков работой в поте лица на новых стройках. Они шли тундрой и горными тропами в малодоступные места, предоставляя географическим картам оповещать страну о своих адресах. И как во все времена, люди поднимались над суетой, над бытом, над трудностями, желая понять закономерности мира и мечтая о звездах.

В конце 60-х годов журнал «Лайф» сообщил о некоторых подробностях подготовки американской программы «Аполлон». В Главном управлении пилотируемых полетов при Национальном управлении по авионавтике и исследованию космоса (НАСА) при обсуждении вариантов полета на Луну возник спор между группой Вернера фон Брауна и группой Джона Хуболта, предлагавшей вывести корабль на окололунную орбиту, затем отделить и спустить на Луну специальную кабину. По признанию журнала, эта идея, с которой потом согласились все руководители американской программы, была родственна разработкам из книги Ю. В. Кондратюка, изданной в 1929 году в Сибири.

«Когда он наблюдал старт «Аполлона-9», на борту которого отправлялось в полет его детище — лунный модуль,— пишет журнал о Хуболте,— он думал о другом инженере... Хуболт только недавно прочитал историю Юрия Кондратюка, русского механика-самоучки, который примерно полвека назад рассчитал, что метод стыковки на лунной орбите является наилучшим методом решения проблемы высадки на Луну... «Боже мой! Он прошел через все то же, что и я»,— говорит Хуболт»²³.

Ополченец Юрий Кондратюк был убит при обороне Москвы в 1942 году. Его именем назван кратер на Луне.

ФРОНТ И ТЫЛ

Письма танкистов
Козулиных.— Заводы едут на
восток.— Автоматы сталевара
Чалкова.— Цена таежного
хлеба.— Третьяковская галерея
в Сибири.— Война
и аборигены.— Перед Вечным
огнем

Первая встреча гитлеровской Гер-
мании с Сибирью произо-
шла на рассвете 22 июня
1941 года, когда танки группы
Гудериана с белой буквой «г» на борто-
вой броне перешли пограничную реку
Буг и загрохотали по советской земле,
прошупывая дымным светом фар переле-
ски и содрогаясь от залпов собственных
орудий. Среди пограничников, которые в
прибрежных зарослях приняли бой, от-
стреливаясь и погибая, было немало сибир-
яков — и тех, у кого заканчивался срок
службы, и совсем молоденьких ново-
бранцев. Они навеки остались лежать
у западной границы страны, не отступив
и не сдавшись, а через много лет над их
могилами, над холмами с красной звез-
дой, зашумят сосны, такие дремучие, как
будто брели сюда на поклон из прилен-
ской тайги.

Сибиряки оказались и у стен старого
Бреста: вместе с однополчанами в тесных
траншеях они до последнего патрона от-
бивали натиск моторизованных пехотных
дивизий вермахта, и далеко не все имена
сохранили для нас развалины крепости.
А южнее, у реки Прут, немецкие войска
встретили отчаянное сопротивление 30-й
Иркутской стрелковой дивизии, чье бое-
вое знамя еще в гражданскую войну по-
бедно плыло по дорогам Сибири. В годы
первых пятилеток дивизия помогала
строить Днепрогэс, над полками неслась
бравая песня: «А придется в пору злую,
устоим в бою...», и когда это время при-
шло, батальоны проявили боевой дух.
Гвардейская дивизия потом освобождала
Новороссийск, Крым, Белоруссию и
штурмовала Берлин...

Из регулярных сибирских соединений
первыми в бой вступили части 16-й армии
генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина. Армию
год назад сформировали в Забайкалье,

эшелонами перевезли на Украину. Едва оставив вагоны-теплушки, не обстрелянные еще красноармейцы мужественно держали оборону в районе Шепетовки, а потом Смоленска. Вчерашние сибирские горняки, металлурги, крестьяне и солевары, охотники-таежники дрались с такой неустрасимостью, что германскому командованию надолго пришлось запомнить слово «сибириенменшен», что означает «сибиряки».

Еще до начала войны, разрабатывая стратегические планы, руководители гитлеровского режима отдавали себе отчет в том, что на советской территории им ни в каких слоях населения не найти поддержки, и в этих условиях, даже в случае быстрого военного продвижения, им все же придется приостановить свой марш у порога Сибири. «...Я, однако, весьма сомневаюсь,— писал Риббентропу статс-секретарь Министерства иностранных дел Германии Вейцзигер,— сможем ли мы использовать плоды победы перед лицом хорошо известного пассивного сопротивления славян. В русском государстве я не вижу какой-либо эффективной оппозиции, способной прийти на смену коммунистической системе, объединиться с нами и служить нам. Поэтому нам, вероятно, придется считаться с продолжением существования в Восточной России и Сибири сталинской системы — в обстановке возобновления военных действий весной 1942 года. Окно к Тихому океану будет оставаться для нас закрытым»¹. Нацисты рассчитывали, что на втором этапе операции они пройдут победоносно по Сибири и, размахивая над головой автоматами, с криками «хайль» побегут навстречу Тихому океану.

...По транссибирской магистрали с неслыханными раньше скоростями — до 900, до 1000, до 1200 километров в сутки — неслись воинские эшелоны из Сибири на запад, на помощь родной Москве, о которой сибиряки столько слышали, а увидеть ее большинству придется в первый раз — окна в газетных крестах да мешки с песком в витринах магазинов. Воины-сибиряки торжественно чеканили шаг на историческом параде 7 ноября 1941 года на Красной площади. Прямо с парада, не передохнув, уходили на фронт — мимо противотанковых рвов, проволочных заграждений, железных крестовин по дорогам — на исходные рубежи обороны. Части сибиряков сражались в составе Западного фронта на Можайском, на Малоярославском, на Волоколамском направлениях. Среди 28-ми героев-панфиловцев было восемь сибиряков: И. Р. Васильев, И. Д. Шадрин, П. К. Емцев, А. И. Крючков, Н. И. Трофимов, Г. С. Митин, Н. А. Митченко, Д. Ф. Тимофеев. Сибирские войска входили также в соединения Юго-Западного и Калининского фронтов. В обороне Москвы приняли участие воины-якуты, буряты, хакасы, представители малых народностей Севера. Меткие стрелки, выносливые лыжники, ловкие разведчики в снегах под столицей защищали дружбу советских народов и великие завоевания социализма.

Некоторые западные военные историки указывают, что одна из причин поражения немецко-фашистских войск под Москвой осенью

и зимой 1941 года заключается в прибытии сибирских дивизий, которые стояли на главных оборонительных рубежах².

Уже в первый год войны о солдатах-сибиряках заговорили на всех фронтах, быстро оценив их бесстрашие, выносливость, товарищество. Весь прежний опыт, унаследованный от предков или приобретенный с детства: всечасная готовность обороняться, естественная тяга к артельности, закаленность тела, привыкшего к жаркой парной бане и к ванне в горной ледяной реке, — все это, скрытое под красноармейскими шинелями, облагороженное исконной душевной чистотой сибиряков, оборачивалось грозной и неуступчивой силой. Ее почувствовали немцы под Смоленском, под Ельней, под Ленинградом.

Сибиряки закрывали свою грудь и Сталинград: 9 сибирских и забайкальских дивизий, несколько сформированных на востоке стрелковых бригад дрались за каждый вершок волжской земли, и когда группы бойцов оказывались отрезанными от главных сил, они продолжали вести упорные бои, сообщая о себе по радио: «За Родину умрем, но не сдадимся!» В этих сражениях особенно прославились 308-я дивизия генерала Л. Н. Гуртьева, 112-я дивизия полковника И. П. Сологуба, 321-я дивизия генерала И. А. Макаренко, 284-я дивизия полковника Н. Ф. Батюка и другие сибирские соединения, оказавшиеся в самом пекле сталинградских боев. Они стояли рядом — сыны России и Украины, Белоруссии и Прибалтики, Кавказа и Сибири, Казахстана и Средней Азии, продемонстрировав перед всем миром не только оборонную и экономическую мощь многонационального государства, но первым делом ресурсы духовного свойства. И пусть для одних понятие родины воплощалось в стройной белой березке, растущей под окном отчего дома, а для других, напротив, в скрюченной карликовой березе, которая шумит на ветру в его тундре и так же мила его сердцу, — у них была общая большая страна, где жить их детям и внукам, и они готовы были скорее погибнуть, чем докориться врагу.

История Сибири всегда будет помнить и тот факт, что в списки самых первых Героев Советского Союза в годы Великой Отечественной войны вошли два сибиряка — летчик Н. Я. Тотмин и танкист А. М. Грязнов. А вслед за ними это высокое звание получили больше тысячи сибиряков. Четверо из них стали дважды Героями — А. П. Белобородов, С. И. Кретов, П. А. Плотников, Н. В. Челноков.

Первым трижды Героем Советского Союза стал сибиряк Александр Иванович Покрышкин.

Но я расскажу сейчас о простых солдатах, о трех братьях — танкистах Козулиных из забайкальского села Баргузин: в том далеком селе до сих пор хранят ящик с их письмами — армейскими треугольниками: писали после боя на листках, газетах, бланках — что попало под руку. В баргузинском ящике не вся их переписка. Часть почт братьев я нашел потом в архиве областного военкомата в Улан-Удэ,

еще несколько страничек оказалось у их старшей сестры Татьяны Шавровой (Козулиной) в Ленинграде³.

Баргузин провожал трех братьев в Красную Армию, когда еще не рвались снаряды на нашей земле, а только сгущались тучи. Принимая ходатайство сыновей Егора Ивановича Козулина, всей их семьи, а также односельчан, воинское командование в 1939 году создало на Дальнем Востоке танковый экипаж братьев Козулиных. Потом один веселый косарь с той же улицы, где стоит козулинская изба, приносил в баргузинскую газету свои стихи, которые уже знали наизусть все баргузинцы: «Грозных дней гуляла в поле выюга, лес горел, дымилось все в огне. Три танкиста, три не только друга — три родные брата на войне...».

Ивану шел тогда двадцать третий год, Алексею — двадцатый, Александру — семнадцатый. Они учились, работали, любили друг друга. «Хочу быть таким, как Иван...», «Алеша мой герой...», «Мы всегда будем вместе»... — мелькают строки из писем, приоткрывая души людей, которых никогда уже не встретим, но они своими незатейливыми рассказами становятся очень понятными и близкими. Они отовсюду и часто писали родителям, сверстникам, односельчанам. Хочется привести эти странички, ничего не трогая, как они есть. Они и сейчас хранят запахи пороховой гари. Вчитаемся в эти подлинники истории, в эту исповедь поколения. В простых сердечных словах, обращенных с фронта к самым близким людям, — то величие духа советских солдат и та глубокая народность освободительной войны, которые с самого начала предопределили нашу победу над фашизмом.

Случилось так, что Иван Козулин ушел служить в 1938 году, а вслед за ним в дальневосточную часть прибыли новобранцы Алеша и Шурик. Письма той поры, лукавые и восторженные, дышат новизною пограничной обстановки, где среди тайги и сопок по реке Уссури братья начинали иную, неведомую им раньше жизнь. «...Бывает, что так подзакалимся, как все равно капуста на морозе. Ну, большевики перед трудностями не пасовали...» (Иван 1.1.39). «Вчера получили обмундирование, и я не узнал Алеху! Вообще, много другого, чего я себе не представлял...» (Александр 13.11.40).

У матери болело сердце больше за среднего. Двое других парней — спокойные и выдержанные, а этот горяч, ну, просто сорвиголова. Во всех скандальных происшествиях, случавшихся с баргузинскими мальчишками, он был если не заводилой, то обязательно стороной деятельной и горластой: многие сверстники побаивались его исцарапанных кулачищ, а девчонки в классе посылали ему на уроках записки. Зная о материнской тревоге, братья пишут с Дальнего Востока: «...Алексея прямо завалили письмами девчата с Улан-Удэ и с Баргузина, я их уже накопил чемодан...» (Иван 21.11.40), или вот: «...Здоровьем ладные, Алешка опять наел морду...» (Александр 22.12.40).

Нет, мать не обманули предчувствия, пришла все же невеселая

весть. «Сижу на губе, и кто меня посадил — ты не поверишь — родной брат!» Это пишет Алешка. А дело было так: на учениях он послушался командира экипажа Ивана Козулина. Братья, как это было ни горько, доложили командованию. Командир подразделения написал родителям, и старики, получив также Алексею весточку, послали непутевому сыну письмо...

Уже был июнь 1941 года, несколько дней шла на нашей земле война, и неизвестно было, что там с сыновьями, поладили между собой или нет, куда их теперь направят. Старики трижды в день наведывались на почту, хотя знали, что почта приходит в Баргузин только один раз.

Наконец пришло письмо сразу от всех троих братьев, и старики Козулины вслух перечитывали его на завалинке, где собрались соседи.

«29.VI.41. Здравствуйте, родители. Во-первых, спешу передать вам, что в настоящее время чувствуем себя хорошо, здоровье отличное, только одно, что ваши письма стали ходить редковато. С приветом ваш старший сын Иван. Мама, я еще несколько скажу — письмо, которое вы писали Алексею, т. е. ответ на письмо командира части, — все факты грубых нарушений проявились со стороны Алексея. Командир части вам написал, и это все верно. Я бы никак не простил такого нарушения дисциплины, но у Алексея это имеет место, вернее — имело. В настоящий момент он исправился, видны меры воспитания, сознательность в нем стала зарождаться. Он думал, что приехал в гости, и панибратством хотел заняться. Но мы, как комсомольцы-братья, это пресекли в корне. Он сейчас исправился, а поэтому вы не беспокойтесь о нас. Живем хорошо, так что в бою будем вместе защищать мирный труд всего народа. Я заверяю вас, что Алексей исправился, учел свои ошибки, и сейчас находимся в одном экипаже. Теперь пишет Александр.

Мама и папа! Все, что писал капитан, верно. Алексея переводили, только в другой взвод, а не в другую часть, как ты пишешь. Он уже исправился и находится вместе с нами. Сейчас, мама и папа, знаете, какое время. Придется и нам воевать. Но ничего, в бой пойдем все вместе, Алексея здорово в письмах не ругайте — это его» расстраивает. Дальше пишет Алексей.

Ну, вот и очередь моя. Живем вместе, все, что было, уже прошло, писать об этом нечего. Вы знаете сейчас положение. Нам придется крепко защищать нашу страну от этих фашистов. Но втроем будем драться до последнего. О нас не беспокойтесь. Все в порядке... А. Козулин».

Две странички — три разных почерка: мелкий округлый — Ивана, аккуратный и почти каллиграфический Александра и размашистый, крупный Алексея — первое совместное письмо.

Братья Козулины подали рапорт, чтобы их отправили на фронт. Командование удовлетворило только просьбу Ивана — он был постар-

ше и поопытнее... Вот письмо от 18 августа 1941 года: «Здравствуй, папа и мама. Спешу сообщить, что живем пока ничего, здоровы, учимся. Настал день нашей разлуки. Иван закончил обучение, страна потребовала от него все, что он знает. Сегодня мы его провожаем. Так что остаемся двое, скоро и мы будем командирами. Но не падайте духом, не бросайтесь в раздумья, соберите силы, как это требуется от советских людей. А мы должны защищать Родину до последнего дыхания и, если потребуется, отдадим жизнь... Ваш Алексей Козулин.

Так я решил немного добавить. Сегодня я поеду, а братья пока еще поучатся, так как для них это будет большой опыт. Они сейчас учатся отлично, так что скоро и они, вернее, им также доверят ценное дело — технику, а главное, это люди — неоценимый капитал для нашей страны. Письма пока пишите на их адрес, я сообщу. Иван.

А мне писать не о чем. Иван сегодня уезжает, он уже средний командир. Скоро мы тоже поедem. Вы особенно не волнуйтесь, что мы по разности. Раз этого требует обстановка, то о личном заботиться не приходится. Так что вы не волнуйтесь, все будет в порядке... Александр».

А поезд уже мчал Ивана Козулина на запад, мимо родных сибирских просторов, через всю страну к Москве, где шли первые кровопролитные бои. На каждой остановке выбегал Иван на перрон, чтобы взглянуть на платформы, на застывшие в ожидании танки...

«Здравствуй, папа, мама. С приветом ваш сын Иван. Во-первых, скажу, что здоровье хорошее, самочувствие прямо на 300%. Наконец-то мы дождалась этого момента, когда нам, всем братьям, выпала доля не только защищать нашу Родину, но и отстаивать в боях, громить фашизм. Хотя мы находимся не вместе, но как один горим желанием бить врага, показать, как и чему мы научились. Нам всем доверяют, и мы носим звание среднего командира. Также каждый из нас имеет подразделение, которое поведет в бой. Дорогие папа, мама и Милочка, ваше доверие также оправдаем, всегда и везде будем впереди, в любых условиях громить врага. Папа и мама, я прошу только одного, чтобы вы чувствовали себя как родители братьев-патриотов Родины, а мы это доверие всегда оправдаем. Ну, пока все. В дальнейшем будет возможность, сообщу. На имя ваше я перевел аттестат, ежемесячно будете получать по 250 рублей. Братишки также должны на ваше имя перевести. Прошу, о нас не беспокойтесь. Писал плохо, в вагоне трясет. Младший лейтенант Иван Козулин».

«22.XI.41. Здравствуй, родители, папаша, мама и Милочка. Во-первых, скажу, что нахожусь жив и здоров. Несколько разочков побывал в горячих схватках. Но пока жив, фашисты будут помнить, как танкисты действуют. Только одно жалко, что братишек у меня нет. Не знаю, где они, мы вместе еще бы покрепче ударили... Ну вот и все. Пишите, хотя адреса у меня нет... Ваш сын Иван».

Иван не знал, что оба брата уже давно с ним рядом, на флангах ведут свои новые танки, и по давнему уговору, где бы ни находились, шлют короткие вести домой.

«2.XII.41. Здравствуйте, папа, мама и Милочка. Спешу сообщить, что жив и здоров. Отстаиваю каждую пядь своей земли. Вот уже месяц провел в боях, но еще здоров и думаю быть таким, как сейчас. Прошу вас, за меня не беспокойтесь, все же я нахожусь в своей броневой коробке, которая защищает меня превосходно. Насчет Саши сейчас ничего не могу сказать, он отстал от меня совсем нечаянно. Я поехал в бой, а он остался отдохнуть, а после этого уехал в другую деревню. Вчера его видели ребята, а я еще не видел. Но вы за него не беспокойтесь, он тоже жив и здоров. Командование нашей части меня представило к награде за хорошие боевые качества, которые я дал в боях за советскую Родину. Ваш сын мл. лейтенант Алексей Козулин».

Не успел Алеша получить свою награду. 6 декабря 1941 года войска Западного фронта перешли в контрнаступление под Москвой. Танк Алексея Козулина в составе войск генерала Лелюшенко шел на Рогачево и вступил в этот город, один из первых городов по всей линии советского фронта, окончательно освобожденный. Но из этого боя он уже не вернулся...

Впоследствии, когда рассказ о письмах братьев Козулиных появился в «Известиях», мне написал участник войны А. П. Маган из Киева: «Хочу сообщить Вам, как погиб Алексей Козулин, я был вместе с ним в его последнем бою за Рябинки под Москвой. Эта деревня имела большое стратегическое значение, она находится на важной автомагистрали. Командование армии приказало 185-й стрелковой дивизии пересечь эту магистраль и овладеть Рябинками. Эта задача была возложена на 1319-й стрелковый полк 2-го декабря 1941 г. Безуспешным оказалось наступление двух рот — деревня была сильно укреплена дзотами и траншеями, ее обороняли финны и курсанты немецкой автошколы, находившейся в деревне. Оборона проходила по окраине, огородами. В самой деревне было много складов с боеприпасами, противотанковой и зенитной артиллерии, которая была прямой наводкой по нашей пехоте.

После неудачного наступления двух рот в бой был введен весь 1319-й стрелковый полк. Четыре дня с 2-го по 5-е декабря 1941 года трижды в сутки поднимались мы в наступление, но оборона была прочная, и взять Рябинки было нельзя. Вечером 5-го декабря командование армии прислало танковый взвод из 6 танков Т-34 во главе с Алексеем Козулиным. В полку отобрали танковый десант из 36 человек: по шесть бойцов на танк. Десант был из ветеранов полка, коммунистов и комсомольцев. В этот десант вошел и я. Перед боем, как сейчас помню, выступил на собрании командир танкового взвода Алексей Козу-

лин и сказал, что его танкисты — народ отборный, не раз бывавший в боях, тоже почти все коммунисты и комсомольцы и не ударят лицом в грязь перед десантниками, отобранными в полку для ответственного боя. Мне очень понравилось выступление Алексея, его уверенность в хорошем исходе наступления, а также горячность, с которой он говорил, и даже, как мне показалось, его ухарство перед боем, но это не мешало ему, а наоборот, подходило к его выступлению и создало задор у всех участников танкового десанта. Я постарался в числе шестерки поехать на его танк.

На следующий день, 6 декабря 1941 года в 6 часов утра шесть танков с десантниками вышли на опушку леса и заняли исходный рубеж для атаки. Козулин дал ракету — и танки полным ходом пошли на передний край противника. Впереди шел танк Алексея Козулина. Немцы были так ошарашены смелым и стремительным броском танков с десантом на их передний край, в центр их обороны, что даже прекратили стрельбу, укрылись в траншеи и блиндажи. Прорвав оборону, танки устремились в Рябинки. Наверное, не нужно было врываться в деревню, а лучше бросить десант на немецкие траншеи и заняться уничтожением дзотов и огневых точек непосредственно в обороне противника. Но танки шли вперед, и когда ворвались в деревню, сразу был подбит передний танк Козулина в правый бок, снаряд разорвался внутри танка, погиб Алексей и башенный стрелок, потом загорелся последний танк — создалась пробка на улице. Десант пехоты и некоторые уцелевшие танкисты, выскочившие из горящих танков, повели страшный бой в окружении противника непосредственно на улице, это был бой, который не забудется никогда при жизни живых. Много, очень много было побито врагов в этом бою, но силы были не равны, и из 36 бойцов десанта и 12 танкистов в живых осталось лишь шестеро. Фамилии всех я уже не помню, только знаю, из моей шестерки остались в живых сержант Воробьев из Чувашии и Потапов Иван из Ленинграда — до войны работал шофером, может быть, жив и сейчас.

После освобождения Рябинок в братской могиле возле деревни были похоронены все павшие смертью героев в этом жестоком бою, в том числе и танкисты вместе с Алексеем Козулиным. Это место знает каждый житель села...»⁴.

Александр писал в Баргузин: «22.XII-41. Конаково, Калининской обл. Прошло уже много дней, а мне они кажутся вечностью, как я остался один без Алексея. Эти дни — самые черные дни моей жизни. Я потерял самое дорогое... Жалко Алешку, жалко до слез! Разве он не хотел жить и работать? И как же после этого не мстить этим варварам-людоедам за Алексея, за погибших товарищей, за растерзанных детей, за разрушенные города и села, за нарушенный мирный труд. Будьте спокойны, кровь Алексея не останется неоплаченной! Я, ваш сын и брат погибшего Алексея, заявляю вам, что мы разгромим и уничтожим до

единого гитлеровских оккупантов, пробравшихся на нашу территорию. Смерть за смерть!

Алексей погиб так. 6 декабря, как вы читали из газет, — день нашего наступления на врага. Взвод Алексея наступал на деревню Рябинки, где немцы установили много противотанковых пушек. Одна из них ударила по танку Алексея, пробила броню и убила Алексея и башенного стрелка. Через два дня его похоронили. Пишу, а у самого спазма сжимает горло... Александр Козулин».

А Иван Козулин узнал о тяжелой утрате уже из письма Егора Ивановича и Анастасии Александровны. «...Вчера получил ваше письмо, которое говорит, что теперь нет уже нашего любимого брата... Остается нам отомстить за кровь, пролитую братом, командиром-лейтенантом Алексеем. Но вы не отчаивайтесь. Мы победим. На месте каждого погибшего товарища встают сотни новых. Я еще раз прошу, сильно не отчаивайтесь. Мы отомстим за смерть брата и сына. Кровь за кровь... Остаюсь ваш сын Иван Козулин».

А впереди была еще долгая война.

Летом и осенью 1941 года Сибирь походила на единый огромный завод, где все спешно перестраивалось на военный лад. Немецкие танки шли по украинской земле: ее уголь, железо, металлургические предприятия, те из них, которые не успели вывезти, а только сумели взорвать, становились фактической собственностью горнорудной и сталелитейной восточной компании (БХО). Членом административного совета компании был Альфред Крупп, последний из династии германских пушечных королей. Он был сведущ в вопросах региональной экономики и мог рассчитать, что за четыре месяца войны объем промышленного производства в Советском Союзе сократится наполовину, если не больше. За Уралом имеются, конечно, сырьевые ресурсы и есть даже зачатки индустрии, но можно быть абсолютно спокойным: Рура там нет — на организацию такого концерна угля и стали потребовалось бы триста пятьдесят четыре года.

На второй день войны глубокой ночью нарком черной металлургии И. Ф. Тевосян позвонил в Сибирь, на Кузнецкий металлургический комбинат:

— Надо срочно наладить выпуск брони.

Главный инженер комбината Л. Э. Вайсберг опустил телефонную трубку, медлил с ответом. В практике мировой металлургии специальные легированные стали выплавлялись только в малых печах, способных обеспечить высокую чистоту металла. Мощные мартены, типа кузнецких, никогда не варили броню, да они и не приспособлены для этой технологии. И прокатное оборудование тоже рассчитано совсем на иную сталь. Что же теперь, проектировать новый производственный

процесс, заменять или переделывать оборудование, реконструировать главные цеха? Даже и в спокойной обстановке этого не сделать за короткий срок: ведь нет пока не только чертежей перестройки, но и самая идея — что предпринять — в голову еще никому не пришла.

— Срочно броню, вы меня слышите?

— Товарищ нарком, разрешите подумать до утра.

Ночью они собрались за одним столом — руководители комбината, инженеры-металлурги и сталеплавильщики, опытнейшие мастера по варке стали. Они и без того не расходились домой, как бы предчувствуя этот паркомовский звонок, с которого начиналась новая судьба кузнецкого металла. Они мало говорили, только чертили мелком на доске, считая и пересчитывая, спасительно хватались за каждую новую мысль и придирчиво отвергали проекты, обсуждали новые варианты, сообщая развивавшуюся идею, а к утру, когда в рассветных окнах возникли трубы комбината, снова звонила Москва.

— Товарищ нарком, броня будет...

И хотя говорил в трубку один человек, все стояли, строго вытянувшись, как будто на них, на каждого, сейчас смотрели оттуда, за несколько тысяч верст, из пылающих селений Украины, Белоруссии, России, из перешедшей на военный лад Москвы.

В августе 1941 года кузнецкая легированная сталь пошла. Доставалась она нелегко: плавки длились по пятнадцать-восемнадцать часов, много металла уходило в брак, металлурги сутками не покидали цех, экспериментируя и стараясь выжать из печи ее способности, но сдвигов не было. И тогда сталевар А. Я. Чалков, один из ветеранов комбината, начинавший здесь землекопом, бетонщиком, а теперь один из ведущих мастеров, предложил совершенно новый метод скоростной выплавки легированных сталей. По заключению специалистов, с его идеей связан переворот в технологии сталеварения.

Чалков так вспоминает об этом:

— Шел однажды я со смены, а тогда как раз первых раненых в наши городские госпитали привезли. Гляжу, выносят сердечных на носилках: у того из-под бинта один нос заострившийся видно, у другого руки, ноги нет. Жутко мне стало... В тот день пришел я на смену немного раньше, зашел к начальнику цеха.

— Разрешите попробовать, — говорю, — без добавки смеси сталь сварить.

Он посмотрел на меня удивленно, внимательно выслушал, подумал.

— А не выведешь печь из строя? — спрашивает.

— Не выведу, — отвечаю, — а случится что, спрашивайте с меня со всей строгостью, по законам военного времени.

Когда встал у печи, чувство такое меня охватило, будто к атаке на передовой готовлюсь. Каждый нерв натянут, как струна, но волнения, растерянности нет. Ведь все до мелочей обдумано, взвешено, ре-

шено. А через 11 часов в ковш сталь полилась. Это была победа. Мастер Петр Дмитриевич Никитин крепко пожал мне руку.

— Молодец ты, Чалков, великое дело сделал!

Вручили мне и так называемый сухой паек — дополнительное питание. Была там и плитка шоколада, и, что греха таить, бутылка водки⁵.

За освоение скоростных плавок качественной стали Александру Яковлевичу Чалкову в марте 1943 года присудили Государственную премию. Сталевар передал пятьдесят тысяч рублей в фонд Главного командования и попросил, чтобы на эту сумму изготовили автоматы для воинов гвардейских сибирских дивизий. Скоро на фронт отправили четыреста именных автоматов с надписью на ложе «Сибиряку от сталевара Чалкова». Их вручали воинам 22-й гвардейской Сибирской добровольческой дивизии.

Почти все предприятия Сибири перешли на выпуск военной продукции; не останавливая производство, на ходу заменяли оснастку, приспособляли оборудование, запускали в работу новые для всех заказы, часто неожиданные, с которыми никогда не имели, да и не хотели бы иметь дела; но шла война, и осознанная необходимость заставляла людей все делать с тою традиционной тщательностью и сноровкой, которая истари присуща изобретательному уму сибиряка. И хотя не хватало рабочих, многие ушли на фронт, а их место заняли женщины да подростки, да старички-пенсионеры, вернувшиеся в прежние свои цеха, и хотя то и дело случались перебои с поставкой сырья и материалов, все же боевые изделия сибирской промышленности были в арсенале Советской Армии весомы и значительны: танки, самолеты, стрелковое оружие, минометы, снаряды, авиабомбы, мины, патроны, противогазы...

Даже мелкие мастерские каких-нибудь шахт, машинно-тракторных станций, как могли, выполняли военные заказы. По берегам сибирских рек лесники, сплавщики, деревообработчики строгали ложа для автоматов, собирали ящики для артиллерийских снарядов и мин. Лозунг «Все для фронта!» в ту пору уже не был неким обобщенным и мобилизующим призывом; он являлся буквальной и неотступной программой действий не только для каждого коллектива, но и для всех сознательных граждан. Об этом задумываешься, перебирая документы военных лет из партийного архива Иркутского обкома КПСС. «С июня 1939 года я, как инвалид третьей группы, получала пенсию. Государство и партия оценили мой сорокалетний труд и обеспечили старость пенсией. Сейчас, когда над страной нависла опасность, я на время войны отказываюсь от получения пенсии и снова поступаю на работу. М. С. Шатковская»⁶.

«В ответ на разбойничье нападение озверелых фашистов на нашу дорогую родину я, мать красноармейца, обязуюсь отработать два дня

бесплатно на швейной фабрике по пошиву белья на любимую Красную Армию. Вызываю последовать моему примеру всех домашних хозяек города и области. Нас, домашних хозяек,—тысячи, и мы сделаем великое дело... Кириллова Мария»⁷.

В первые пять месяцев войны с временно оккупированных территорий на восток эвакуировали больше полутора тысяч крупных заводов и фабрик: в Западной Сибири разместили 244 предприятия, в Восточной Сибири — 78 предприятий. Литерные поезда с оборудованием пробивались по напряженнейшей в те дни транссибирской магистрали, шли навстречу воинским эшелонам: те, кого ждал впереди глубокий тыл, с тоскою и завистью провожали взглядом вагоны и груженные платформы, которые неслись на фронт. Им предстояло становиться сибиряками: хоть на время, а может быть, и не только на время, входить в новую среду, приобщаться к иной жизни среди незнакомых людей, у которых давно сложились свои традиции, обычаи, привязанности. И когда на станциях и полустанках вместе с сибиряками эвакуированные разгружали вагоны, да все на руках, под колючим осенним снегом, и собирали станки в продуваемых ветром корпусах, или на загородном поле, под куском брезента; когда сибиряки теснились, разделяя с прибывшими измученными людьми крышу над головой и помогая им обрести уверенность в себе, для многих тысяч эвакуированных на восток понятие «сибиряк» стало обозначением не только закаленности, но также синонимом глубокого великодушия и доброты: нравственная репутация Сибири в те дни возрастала и в тылу.

На второй год войны Сибирь выпускала почти треть чугуна, который давала в те критические дни вся промышленность страны, больше четверти стали и проката, около половины угля и кокса. Это говорит, конечно, как об усилиях сибирского рабочего класса, так и о потере южных индустриальных районов, оказавшихся временно оккупированными: экономический потенциал страны в первый период военных действий неудержимо падал; на некоторых крупных предприятиях, особенно в черной металлургии и угольной промышленности, снижалась производительность труда; тяжело сказывалось авральное снабжение заводов, планы, составленные без учета реального положения, уход в армию опытных хозяйственников-руководителей с довоенным стажем и их замена людьми часто с меньшими возможностями. И если сибирский рабочий класс это осилил, превозмог и сумел пустить на полный ход оборонные производства и другие, чтобы одевать и кормить людей, то сам этот факт экономической победы имеет под собой могучие морально-политические причины.

Сибиряки быстро разместили в городах военную авиационную промышленность. На новых заводах разрабатывали и внедряли в производство самые совершенные боевые самолеты. По воспоминаниям авиаконструктора А. С. Яковлева, созданные на сибирских предприятиях

машины были предельно простыми по конструкции и приспособленными для производства в условиях военного времени: почти все материалы, из которых строились самолеты, были местными — фюзеляж из стальных труб, выпущенных сибирскими заводами, а на деревянные крылья шла сибирская сосна. Тут же на месте организовали изготовление сложных приборов, электрооборудования, даже колес. Только один из сибирских авиационных заводов выпустил за годы войны пятнадцать тысяч боевых машин — это восемнадцать процентов всех самолетов, которые дали за годы войны германские концерны. А в Сибири таких заводов было не один и не два... Авиаконструктор О. К. Антонов писал, как в Тюмени, в помещениях пивоваренного завода, крытого рынка, мелких складов наладили выпуск специальных планеров: они перебрасывали через линию фронта партизанам оружие, боеприпасы, продовольствие. Созданные сибиряками самолеты по боевым и летным качествам брали верх над гитлеровской авиацией.

Да, Урал и Сибирь не стали Руром. Они Рур превзошли.

Не только крупная индустрия, но и предприятия легкой промышленности работали на войну: шили солдатское белье, гимнастерки, шинели, шапки; местные артели выпускали лыжи из березы и даже из сосны: представители военного ведомства сообщали, что сибирские лыжи отлично бегут по подмосковным снегам. Рабочие приходили на предприятия спозаранку, стуча по замеченным деревянным тротуарам войлочными и брезентовыми ботинками на деревянной подошве; тут же, у станка, в обеденный короткий перерыв пили кипяток с сухими листьями брусники; женщины доставали в аптеках рыбий жир из налима или из байкальской голомянки, чтобы поддержать детей.

Не легче приходилось сибирскому крестьянству: мужчины ушли на фронт; пригодные тракторы и грузовые автомашины, а также тысячи коней передали оборонным заводам и воинским частям; резко уменьшились поставки бензина; приходилось рассчитывать главным образом на косы и серпы — с этим пришли к первой военной уборочной страде. От нее зависело не только снабжение армии и местного населения, но также судьба более миллиона человек, эвакуированных в Сибирь.

Ждать помощи крестьянству было неоткуда, приходилось искать резервы, главным образом, в своих собственных человеческих возможностях. Расширяли посевные площади, чтобы как-то возместить переход к упрощенной старой агротехнике и к примитивным орудиям труда. И в этих условиях только колхозы Сибири заготовили осенью 1941 года сто восемьдесят миллионов пудов хлеба — почти пятую часть от хлебозаготовок страны⁸.

Всю войну сибирское крестьянство выполняло свой долг в труднейших обстоятельствах: хозяйства работали на износ, истощенная земля теряла плодородие. Заготовительные и закупочные цены в ту пору носили условный характер, равно как и выработанные стариками, жен-

щинами, детьми многотысячные трудодни, от которых мало что прибавлялось у домашнего очага — рассчитывать можно было лишь на огород возле избы да на коровенку, у кого сохранилась; при этом заниматься подсобным хозяйством приходилось в то короткое время и теми слабеющими силами, которые оставались после изнурительной работы на полях и фермах. В истории земледельческого труда не было такого всеобщего порыва и добровольного самопожертвования со стороны крестьянства: отрывая от себя, от своей семьи, сибирские крестьяне обеспечивали и тыл и фронт.

Самая острая ситуация сложилась в сельском хозяйстве в 1943 году: тысячи колхозников продолжали уходить в армию, а также на оборонные и промышленные предприятия; почти вся техника пришла в негодность; истощенные лошади не в силах были повиноваться людям, и тогда колхозницы запрягали своих коров и сами шли в упряжке по борозде; катастрофически не хватало семян; бескормица привела к падежу и забою скота. Многие хозяйства сдавали мясо в счет хлебазаготовок и в обмен на государственную помощь семенами.

Исследователи считают, что помимо объективных причин, связанных с неотвратимыми следствиями войны, немалую роль в сложившейся ситуации сыграли недостатки в руководстве сельским хозяйством: посевы расширяли под административным нажимом, без учета трудовых возможностей, природных условий, традиций землепользования. Вместо того, чтобы изучать истинные причины ухудшения дел в сельском хозяйстве и таким образом наметить действительные пути преодоления трудностей, на местах часто предпочитали командование и категоричность, которые вряд ли способны были выжать из людей больше того, что люди сами отдавали.

Уже в 1944 году благодаря помощи партии и правительства многим зерновым районам удалось приостановить сокращение сельскохозяйственного производства, обзавестись некоторым инвентарем и техникой. Государство помогало хозяйствам семенами, промышленность постепенно возобновляла производство запасных частей. В колхозы и совхозы Сибири возвращались раненые солдаты, садились за тракторы, принимались руководить хозяйством.

Мне кажется глубоко несправедливым, что нет нигде памятника сибирскому крестьянину и крестьянке военных лет, сумевшим ценою величайших усилий и жертв обеспечить рабочий класс необходимым минимумом продовольствия и бесперебойно снабжать продуктами питания Советскую Армию. Пусть бы он стоял, гранитный или бронзовый, в широкой степи, посреди волнующей пивы, как вечное напоминание о Пахаре, который в самый трудный час выполнил долг перед Родиной.

В Баргузине люди жили фронтом и победой, как в сотнях других поселений среди лесов и полей на великом российском пространстве. Пожалуй, не было избы, откуда не ушел бы кто-то воевать. Анастасия Александровна Козулина сильно сдала, осунулась и по ночам хрипло звала сыновей. День-деньской она вязала шерстяные носки, хотя пальцы уже отказывались держать спицы.

По всей Сибири старушки и женщины-солдатки шили, вязали, вышивали: пусть не их родным и любимым попадут именно эти варежки, шарфы, меховые унты — другие матери и жены сошьют, свяжут, вышьют и для них тоже. Наверное, никогда раньше, а может быть, и позже не было у народа такого обостренного чувства нежности к солдатам и заботы о них. Уже в 1941 году сибиряки отправили на фронт сто шестьдесят тысяч полушубков и жилетов, больше четырехсот тысяч пар валенок, свыше пятисот тысяч меховых рукавиц, шерстяных перчаток и варежек, почти четыреста двадцать тысяч шерстяных чулок, носков, портянок, более трехсот тысяч шапок, триста пятьдесят тысяч ватных шаровар и курток, около ста пятидесяти тысяч фуфаяк, свитеров⁹.

Их шили и вязали не только в городах, но во всех стойбищах, в дымных юртах, в морозные белые ночи.

В Хакасском краеведческом музее мне показали большую серебряную медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814 года» — это работница рудника «Коммунар», расположенного неподалеку от озера Шира, внесла в фонд обороны реликвию семьи, медаль своего деда-солдата, участника разгрома наполеоновских войск. Эта медаль хранилась в семье 127 лет. Люди сдавали портсигары, подсвечники, часы, ткани, мебель, обручальные кольца... По подсчетам историков, сибиряки внесли за годы войны свыше трех миллиардов рублей деньгами и облигациями, а если к этому прибавить стоимость внесенных в фонд обороны драгоценных металлов, вещей, подписку на военные займы, то сумма, собранная сибиряками на укрепление вооруженных сил, составит не менее пятнадцати миллиардов рублей.

По всей Сибири размещали госпитали, это были самые святые места. Жители собирали и несли раненым книги, зубные щетки, папиросы, печенье, полотенца, носовые платки, белье, носки, тапочки... Почти каждое предприятие шефствовало над госпиталем — отдавали для своих подопечных лучшую мебель из кабинетов, несли из клубов игры, музыкальные инструменты. Работницы госпиталей не управлялись со стиркой белья, и женщины-солдатки уносили тюки с бельем к себе домой и ночью, стараясь не разбудить спящих детишек, при свете коптилки стирали простыни, наволочки, полотенца, сорочки, халаты; руки ходили взад-вперед по железной доске, пока хватало сил.

Егор Иванович Козулин все работал в Баргузине возницей, и ког-

да где-нибудь в тайге его выспрашивали про сыновей, он кряхтел и вытирал впалые щеки платком.

Однажды Милка — она училась уже в седьмом классе — появилась на пороге, держа за руку мальчишку, оборванного, грязнущего, в солдатской пилотке.

— Свернулся калачиком и спит... прямо в собачьей конуре! — говорила Милка, раздевая малыша. Егор Иванович молча затопил печь и поставил ведро воды. Сколько их, сирот, бродит нынче по деревням...

— Как тебя звать-то? — спрашивала Анастасия Александровна.

— Сашка-партизан...

— А лет тебе сколько же?

— Пять... будет скоро, — с достоинством отвечал партизан,

— А мамка где?

— Не знаю...

И остался жить мальчишка у деда и у бабки, как он назвал Козулиных.

Об этом черноглазом кудрявом мальчишке старики писали на фронт сыновьям: и как старательно отмывали его, и обшивали, а теперь вот надо готовить в школу — растет новый человек... Первым откликнулся на это известие Иван, прислал письмо после жаркого боя: «4.1.42. Здравствуй, родители, папа и мама и все в нашем семействе — Милочка и Александр. Спешу передать, что нахожусь жив, здоров. Новостей особых пока нет, если какие есть, то читайте в газетах. Завтра хочу перевести Милочке совместно с Александром. Вы его постарайтесь одеть, ведь он сирота. Да сейчас наш. Мы все трое его считаем братом... Иван».

«Мы все трое...» — что из того, что один в сырой земле, они все равно вместе. Навеки — как клялись.

И опять передышка в смоленских лесах, и снова можно черкнуть пару слов сестренке: «5.IV.42. Смоленская обл. дер. Савинки. Здравствуй, сестра Милочка! Шлю привет, желаю самых лучших успехов в учебе, а также в молодой счастливой жизни... Живу пока только отлично, здоров, воюю, сейчас выбрал момент, хотя концерт еще не имеет затишья, но, не обращая на все разрывы, пишу тебе. Сестра, почему ты не скажешь, в чем нуждаешься? Я переводил раз на твое имя и не знаю, получила ты или нет. Пиши, чем могу, буду помогать. Только ты за нас уважай родителей, чувствуй, что они убиты горем. Надо учиться, напрягая все силы, пока есть возможность, так учиться, чтобы нашим родителям было бы радостно и они могли бы гордиться тобой. Вот все, прости, сестра, что ругаю в письмах. Но думаю, учтешь и дашь слово. Братишка — лейтенант Иван Козулин».

— Они сами так мечтали учиться! — рассказывал мне в Баргузине Иосиф Тихонович Затеев, заслуженный учитель школы Буря-

тин.—Иван — тот хотел пойти в ветеринары, Алексей — в эконоmisty, а Шурик, удивительно светлая голова, влюбленный в историю и литературу, собирался на горного инженера. Как сейчас вижу их всех вместе на перемене.

...А за окнами дома Козулиных проносятся стриженные головы в малахаях, разлетаются косички над плюшевыми пальто, школьники разбегаются по домам — все, как было тридцать лет назад, когда здесь училось то поколение, что победило в самой большой войне.

В марте 1942 года к избе Козулиных добралась через реки и горы вторая похоронка: «Ваш сын мл. лейтенант Козулин Александр Георгиевич в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 27.2.42 под деревней Крутики Ржевского района Калининской области...» Из конверта выпал облитый кровью комсомольский билет и фотография девушки, с которой Шурик дружил на Дальнем Востоке.

Много позднее пришло письмо из Риги от полковника в отставке И. М. Подберезина, который рассказывал: «С тех пор минуло больше четверти века, но этот случай врезался мне в память по названию деревни Крутики и по фамилии Козулин. Засекречивая наши телефонные разговоры, мы давали условное название местности, частям, фамилиям. Мой позывной был «Абрек», а командира отряда танков, который был нам придан, Александра Козулина — «Коза». Крутики мне помнятся на всю жизнь по многодневным, бесплодным и неоправданным атакам без снарядов и мин (был лимит: 4 снаряда на ствол в день). Дважды мы врывались в Крутики и с большими потерями были выбиты. Снег в этом году был метровой, местность перед деревней открытая и ровная. Бригаде был придан отряд танков, три или четыре, уже не помню. Этой группой и командовал Александр Козулин. Он предложил сделать волокуши — огромные низкие полозья из больших деревьев, скрепленные бревнами по ширине танка, с настилом дна из толстых жердей. На волокушах помещалось по пятнадцать-двадцать бойцов. Целый день я не отходил от него — волокуши изготавливались под его руководством, а вечером и ночью мы с ним разрабатывали план операции и тренировали бойцов. Во время боя танк Козулина подорвался на mine и был, кроме того, подбит прямым попаданием. Ночью мы вытащили убитых, в том числе экипаж Козулина, и похоронили на следующий день утром. Мне кажется, я мог бы даже найти это место, где он похоронен...»¹⁰.

Старики написали Ивану, своему старшему, последнему из оставшихся в живых сыновей. Далек путь письма от Сибири до Подмоскovie и обратно — до занесенного снегом Баргузина. «Получил только что ваше письмо — благодарю за то, что вы, наши родители, растили и воспитывали нас, хотя вам было трудно. Ваша забота о нас была очень велика. Не только мы ценим, но и ценит вся наша партия (боль-

шевиков). Дорогая мамаша, я читал ваше письмо всем нашим таким же боевым товарищам, как были мои любимые братья Алеша и Шурик. Ваше письмо слушали все, стиснув зубы. У всех одно стремление!

Дорогие папаша, мамочка, будьте уверены, враг будет разбит, победа будет за нами. Высылаю вам маленькое фото, но извините, что плохо вышел, как раз только с работенки приехал, еще весь в пороховых газах, в масле и грязи. Мама, я очень жалею братьев. Но у меня нет слез. Они не капаят, мои слезы. Это фашистам смерть! Ваш сын лейтенант Козулин».

Скоро пришло второе письмо — наверное, снова была передышка: «4.VI.42. Смоленская обл. Здравствуйте, папа, мама и Милочка! Вчера получил ваше письмо, которым остаюсь доволен за то, что вы хотя и убиты тяжелым горем, но и в такой момент понимаете суть нашей Отечественной войны. Пережить такое горе, да и в короткий срок... Всего лишь прошло два месяца, как мы потеряли наших любимых для всех сынов Алешу и Шурика. Братья погибли геройски в бою, они знали, что нам выпала счастливая доля — защищать нашу любимую, кровью завоеванную нашими отцами и братьями Родину, где двадцать четыре года жил и строил культурную жизнь весь советский народ. Везде в нашей стране за эти годы все изменилось, стало светлей и светлей, каждый человек видел, что его труд ценен. Германский фашизм воровски хотел надеть на наш народ рабское ярмо, хотел заставить весь мир быть рабами буржуазии. Но этого не вышло и не будет... Иван».

По совету соседей Анастасия Александровна и Егор Иванович написали письмо командующему Западным фронтом: «...Товарищ командующий, мы, родители трех командиров, получив для нас, воспитавших таких сыновей, тяжелую весть, знаем, что защита Родины — священная обязанность и долг каждого гражданина нашего Союза. Мы также крепко уверены в том, что коварный и подлый враг — германский фашизм в скором времени будет разгромлен и уничтожен славной Красной Армией. У нас, родителей, товарищ командующий, большая просьба к вам: чтобы разрешили нашему старшему сыну Козулину Ивану Георгиевичу кратковременный отпуск, чтобы он мог навестить нас, стариков. Правда, мы сознаем настоящую военную обстановку, что сейчас дорог каждый час, не говоря о днях. Если имеется возможность, просим удовлетворить нашу просьбу».

Иван Козулин, командир взвода танков, услышал в части об этих хлопотах и при первой возможности, с короткого привала после боя, отправил домой треугольник: «14.VI.42... Вы эти затеи отложите. Я не поеду, мой долг мстить за пролитую кровь братьев. Так что в отношении всего этого я вам согласия не давал, и вы не думайте, что я брошу товарищей и поеду домой — нет, хотя я не раз был в госпиталях, но домой не собирался. Ведь вы не одни, а тысячи есть, которые

потеряли братьев и сыновей, да если мы, оставшиеся, все поедем по домам, а тогда что будет... Ваш сын лейтенант Иван Козулин».

Командующий фронтом удовлетворил просьбу Анастасии Александровны и Егора Ивановича, предоставил Ивану Козулину кратковременный отпуск с фронта домой. В Баргузине уже готовились к встрече, старики и солдаты сносили в избу кто что мог... А вместо сына снова пришло письмо: «...26.VI.42. Мамаша и папа, я позавчера читал ваше письмо командующему Зап. фронтом. Правда, оно хорошо сформулировано, все по-истинному, результаты об этом также положительные, между прочим... Прямо скажу, не поеду! Это как же я смогу оставить своих боевых товарищей, ведь они устремлены только вперед на закланного врага. У многих также погибшие братья, сестры, матери, отцы. Правда, для нас это тяжело пережить. Я бы хотел, чтобы мои родители в каждом письме ко мне желали бить и бить врага, а мне особенно надо рассчитывать. Я один раз давал слово дорогим Алеше и Шурику, так пусть же это будет для них твердость. Извините меня во всем. Но мой долг братьям я должен выполнить. Обо мне напишет вам комиссар. Он беседовал со мной по вашим вопросам и сказал: я с ними поговорю. Пока остаюсь ваш сын, лейтенант Иван Козулин».

Читаешь и хочешь представить себе Баргузин в тяжелый тот год, и двух не сломленных духом стариков Козулиных, и миллионы других отцов и матерей, которые воспитали поколение победителей. И хочется низко-низко поклониться им в пояс за то, что умеют выносить невыносимое...

Шли тяжелые оборонительные бои августа 1942 года на Северном Кавказе, на Волге, на Калининском фронте... «12.VIII.42. Здравствуй, сестра Милочка! Во-первых, спешу передать горячий братский привет с желанием лучших успехов в жизни. Милочка, вчера получил ваши письма, за которые большое спасибо. Но мне одно становится неясным: почему ты в этом году не хочешь учиться? Мой совет: учись, пока есть возможность, а там дальше будет видно. Я тебе во всем могу помочь, дело только за тобой. Несколько слов о себе. Живу пока хорошо, дела идут по-хорошему. Только одно плохо, что нет со мной братишек — Алеша, которого я нигде и никогда не могу забыть, а также Шурика! Ну что ж, пусть их имена находятся в сердце моем... Твой брат Иван Козулин».

Через несколько дней Ивана командировали в Москву получать новые танки. «12.IX.42... Сообщаю, что здоров, прибыл в Москву, но недолго пришлось пожить, сегодня еду обратно. Писем ваших не получаю давненько. Вы, наверное, пишете в часть, а я выехал. Но ничего, скоро прибуду на свое место... Дорогие мои папа и мама, Милочка, вы не беспокойтесь обо мне. Я здоров, чувствую себя прекрасно, всегда иду в бой с убеждением, что нас народ не забудет, он помогает

фронту и уверен в победе Красной Армии. А наш долг — громить мародеров и быть победителями. Недавно вы, наверное, читали в газете, что Красная Армия в короткое время освободила 610 населенных пунктов, в них были наши люди, они стонали от палачей, но Красная Армия вырвала их из-под палки. В этом есть моя доля, в этом есть доля моих любимых неопенимых боевых товарищей; моих братьев и ваших сынов, которые отдали свою жизнь за дело освобождения народа. Заверяю вас, что мой экипаж имеет немало опыта в борьбе, мы отдадим Родине все, что нужно отдать в момент нависшей трудности для нас всех...»

И уже из части, после боя, и за три дня до гибели, Иван пишет свое последнее письмо. «18.IX.42. Здравствуйте, папа, мама и сестренка Милочка! Шлю привет, желаю здоровья. Мамаша, вот ровно месяц 18 сентября, как я не получаю ваших писем, что меня сильно беспокоит. Первое — вы не знаете, где я нахожусь, и, наверное, беспокоитесь за меня. Мамаша, я нахожусь в части, где были наши Алеша и Шурик. Здесь командир, который был еще, когда приехали на ДВК. Он очень жалеет Алешу и Шурика. Ну что ж, теперь их нет, за них мы даем. Вы, наверное, читаете в последних известиях. Я уже не раз на этом участке фронта давал холодка... а сегодня еще поеду и дам. Вы за меня сильно не беспокойтесь. Напишите обо всем. Привет всем, всем... Ваш сын Иван».

Анастасия Александровна и Егор Иванович с помощью односельчан собрали посылку на фронт для сына и понесли в контору связи заявление: «...Мы переживаем тяготы войны и разделяем наше горе с Родиной, которая находится в опасности. Но уверенность в победе крепит нас. Мы знаем, недалек час победы над гитлеровскими палачами. Наш сын Иван отказался от отпуска, который ему предоставили навестить родителей. Мы убедительно просим вашего разрешения о том, чтобы дали возможность послать индивидуальную посылку оставшемуся единственному сыну на фронте. В посылку хотим вложить следующее: 10 воротничков, шерстяные чулки, шерстяные перчатки, одеколон 3 флакона, табаку 500 гр., мыла туалетного 4 печатки, спирта 1/2 литра, масла 500 гр., конфет 500 гр. Вот такова просьба нас, родителей. Узнав, что в исключительных случаях можно послать индивидуальную посылку, мы пишем вам и надеемся, что вы не откажете нам».

Посылка опоздала. Старший лейтенант Иван Козулин 21 сентября 1942 года был тяжело ранен под Ржевом. Товарищи вынесли своего командира с поля боя, но, не приходя в сознание, он скончался.

Уже светало за окном, когда в доме Козулиных мы перебрали письма и тихонечко, чтобы не разбудить детей, вышли с Людмилой Егоровной за ворота старой избы, откуда уходили воевать ее братья. Закрылась калитка, в избе скоро погас свет, а мы с нею долго еще

бродили по темным баргузинским улочкам, не проронив ни слова. Начинал крепчать холодный ветер с северо-востока. Мы спустились к реке, присели на перевернутую у берега лодку. Мы еще были там, в снегах под Москвой 1942 года. Пройдет время, и солдатские письма, хранимые по всей стране в сундучках, комодах и семейных альбомах, станут исторической реликвией; они уже стали реликвией — они были документами эпохи при самом возникновении своем.

Июльским вечером 1941 года от перрона Москвы отошел товарный состав с пломбами на вагонах. В одной теплушке была полуоткрыта дверь, и люди, пошатываясь в такт движению, толпились у проема, глотая напоследок родимый воздух. Вспомнили случай, как однажды в галерею пришел с этюдником Илья Ефимович Репин, чуть поправил картину «Не ждали», и это самоуправство ужасно рассердило Павла Михайловича Третьякова, он отчитывал хранителей, и тогда Репин пошутил: «Значит, здесь для нас Сибирью пахнет. Вот уж, действительно, не ждали...»

Не ждали и они, эти люди в товарном вагоне, что им придется снимать старые золоченые рамы с картин, все равно что из отчего дома выставлять и неизвестно куда отправлять родных детей; но уже несколько дней шла война, и они освобождали от подрамников полотна: накатывали их на валы, изобретали амортизацию, чтобы не причинять боли этим холстам. В обитые цинком ящики уходили и «Георгий на коне», и «Меньшиков в Березове», и гигантское «Явление Христа народу». Ящики приняли в себя тысячи картин — вершины русского изобразительного искусства, и никто не подозревал тогда, сколько сил потребуется от хранительниц галереи, от женщин в белых воротничках, чтобы вывезти и сберечь все это.

Особенно много хлопот причинил «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Краска и прежде, бывало, осыпалась, холст нельзя было лишать подрамника и накатывать на вал, пришлось наклеивать папиросную бумагу, прокладывать фланелью в несколько рядов, устраивать на щит и опять покрывать фланелью и упаковочными материалами, чтобы картина не мучилась на трудном пути в Сибирь.

В истории культуры то был первый случай перемещения такого большого количества картин мирового уровня за тысячи километров да еще при столь тревожных обстоятельствах. Консервация полотен вымотала силы у всех работников галереи, но испытания для них только еще начинались, и высокая должность хранителей теперь явила им свой суровый смысл. Такое уже бывало однажды, в 1908 году, когда Москва-река вышла из берегов, понеслась по улицам Замоскворечья, хлынула в Лаврушинский переулок, и две роты солдат воз-

водили вокруг галереи каменную стену и земляной вал, и тогда хранители, может быть, в первый раз ощутили свою необходимость.

Но даже такое бедствие разве сравнишь с войной?

На десятые сутки поезд подошел к Новосибирску, и опять у проема теплушки все та же горстка людей, как будто за всю дорогу никто не сдвинулся с места.

Хранители Третьяковской галереи первый раз попали в Сибирь, они мало что знали об этом далеком и холодном крае и уж вовсе не представляли себе его нынешней интеллектуальной жизни, на которую легла густая тень войны. Многие сибирские ученые, врачи, учителя, писатели, художники, музыканты ушли на фронт, и любимые их артисты организовались в бригады, разъехались по воинским частям. Они неплохо воевали, интеллигенты из восточных районов страны: в боях за Родину погибли молодые поэты Борис Богатков, Георгий Суворов, Евгений Березницкий, Моисей Рыбаков, Иосиф Ливертовский, Джек Алтаузен, Владимир Чугунов и другие писатели. От них много ждали, и даже теперь, столько лет спустя, их книги перечитывают сибиряки, да и не только они, проникая в сокровенную философию того трудного времени и стараясь постигнуть эмоциональный мир поколения, которое победило в войне.

Эвакуация культурных ценностей, приезд большого числа деятелей культуры и науки из западных районов страны вливали в военную Сибирь свежую и энергичную кровь. Сибирь принимала театры Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, творческие коллективы, книжные хранилища и музеи многих городов страны. И с тою же непоказной душевной заботой, которой окружали семьи фронтовиков, а еще и тех, кто прибыл вместе с эвакуированными заводами и фабриками, местные жители взяли под свою опеку величайшие культурные сокровища страны и тех, кто оберегал их в трудные дни.

У Новосибирска был довоенный вид: вечернее небо свободно от скрещения прожекторных лучей, но на путях готовились к отправке воинские эшелоны, подходили составы с ранеными и с беженцами, с архивами, библиотеками, театрами, и трудно было понять приезжим людям, как Сибирь распорядится всем этим.

Картины Третьяковской галереи выгружали два дня.

Многотонные ящики опускали на руках — подкатывали тележки на шариковых колесиках и, поддерживая деревянные бока, неспешно везли к машинам: воинские грузовики стояли гуськом, словно в очереди к хлебоприемному пункту. «Осторожно, товарищи солдаты...» — «А что тут?» — «Царевна-Лебедь». — «Шутник ты, батя...»

Третьяковскую галерею разместили в Новосибирском театре оперы и балета: в двух крыльях центрального фойе на первом этаже, в голубом полуциркульном зале, в примыкающих к нему репетиционных комнатах, а у широкой лестницы фойе поставили бронзового Петра I

в мундире офицера Преображенского полка, точно предводителя отряда милиции и пожарных, которые круглые сутки несли охрану театра.

Удивительное это сооружение — Новосибирский театр. Здание начали строить в начале 30-х годов. В огромных помещениях и на сцене с вертящимся кругом к началу войны оставалась последняя отделка, но сибирякам не суждено было стать первыми хозяевами долгожданного театра. Здесь создавали нечто вроде эвакуационного пункта крупнейших музеев страны: Московской консерватории, Ленинградского этнографического и Военно-Артиллерийского музеев, Детского Села и Павловского дворца... Хранители и научные сотрудники — в основном женщины, матери, солдаты — жили тут же, при своих постах. Театр был на военно-казарменном положении.

Первое лето выдалось сухим и жарким, приборы в помещении показывали слишком низкую влажность воздуха; и тогда все, кто был свободен от дежурства или мог на время оставить пост, замачивали в ведрах ткани, приносили из своих комнаток простыни и наволочки и развешивали мокрые полотнища на высоких шестах.

Зимой пришла другая беда... Грянули сибирские морозы, и стальные батареи заблестели льдистыми подтеками. С топливом было трудно, лимита не хватало отопить такое здание, а надо было постоянно держать температуру не ниже 15 и не выше 18 градусов по Цельсию.

Когда выхода не было, А. И. Замоскин — директор Государственной Третьяковской галереи — звонил в Москву К. Е. Ворошилову. Сибирский военный округ давал новые тонны угля. Уголь привозил ночной трамвай, за ним скрежетали две груженные платформы, и женщины брались за тачки и свозили уголь к котельной, подбирая в снегу каждый комок.

Этот уголь отгружал Кузбасс.

В дни «контрольного вскрытия» распаковывали один из ящиков и извлекали на свет картину — убедиться, все ли в порядке. Рядом с главным хранителем С. И. Битюцкой стояли все сотрудницы, изможденные, в валенках и фуфайках, стояли тихо и торжественно, и если бы «Апостол Павел» или «Богородица Великая Панагия» могли видеть лица этих знакомых им женщин, они бы преклонили колени перед их верностью и самоотверженностью.

В 1942 году в Новосибирск привезли куски знаменитой панорамы «Оборона Севастополя» Рубо. В здание панорамы угодила авиабомба, севастопольцы под обстрелом разрезали полотно на части, выносили их из горящего здания и грузили на военный корабль. Корабль взял курс на восток, его бомбили, сильно повредили, но моряки все же доставили мокрые куски на берег, и теперь панорама оказалась в сибирском тылу. Третьяковцам поручили спасти ей жизнь. Нужен был спирт,

скипидар, растительное масло, тонкая бумага, мед, мыло, и в таких количествах, что не хватило бы продовольственных карточек всех жителей театра.

Сибирь все это раздобыла — дала.

Реставраторы Е. В. Кудрявцев и К. А. Федоров ползали по полотнам, снимали грязь и плесень, восстанавливали краски, и дети хранителей картин расширенными зрачками смотрели то на холсты, то на банку с густым коричневым медом, с настоящим тягучим медом, который столовыми ложками размазывали по полотну.

Рассказывают, как однажды к третьяковцам пришел Дмитрий Шостакович, он только что приехал из Ленинграда после «Седьмой симфонии». Что случилось с женщинами! Они потащили его с этажа на этаж, к своим картинам, к своим громадным ящикам. «Здесь Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе...»

Шостакович глядел сквозь очки на ящики, на железные ванны с водой, на шести с тряпками. Это был первый посетитель военной Третьяковки.

А потом приходили Евгений Мравинский, и Леонид Утесов, и другие знакомые и незнакомые люди искусства, заранее зная, что к картинам их никто не допустит, да они и не рассчитывали на это, хотелось повидать хотя бы ящики, где хранится то, что они так преданно любили, к чему не раз возвращались, мимо чего не могли пройти и теперь.

Просил показать картины и Новосибирск — хотя бы те, которые возможно выставить на время, не причиняя им зла. Реставраторы и научные сотрудники долго обсуждали эту проблему, им самим хотелось того же, но они побаивались за полотна («Не беспокойте картину напрасно», — не раз говаривал Третьяков), и эти сомнения побуждали их к осторожности и изобретательности.

Согласились показать русское реалистическое искусство конца XVIII — начала XIX века. Горком партии разослал письма на предприятия: «Учитывая исключительную важность этой выставки, где трудящиеся Сибири могут увидеть подлинные сокровища русского изобразительного искусства... предлагаем организовать коллективные и индивидуальные посещения. Лекции, проводимые на выставке, должны быть включены в учебные планы курсов по повышению квалификации пропагандистов и агитаторов»¹¹.

По студеным улицам шли на открытие выставки после ночной смены рабочие — бригадой, а то и цехом, шли школьники, женщины, старики. Инвалиды войны стучали костылями по тротуару, и это молчаливое, сосредоточенное шествие было естественной демонстрацией высокого духа народа — того неистребимого духа, который дал миру и эти великие полотна.

Приходили сибирские художники за советами и помощью, и треть-

яковцы устраивали их выставки тоже; двенадцать таких выставок организовали по Сибири.

Новосибирцы до сих пор поражаются выпосливости хранительниц галереи. Они, как все, ожидали с фронта весточки от мужей и сыновей, и не раз приходили к ним похоронки, и, как все, они выстаивали с карточками в очередях, и за городом копали землю, сажали картошку и отдавали половину заработной платы на постройку авиаэскадрильи, выезжали в районы уполномоченными по хлебозаготовкам. При этом научная сотрудница Н. Е. Мнева изучала древнерусское искусство, а С. Н. Гольштейн писала о Крамском, а З. Т. Зонова даже ездила в Москву защищать диссертацию. «Можно было выжить, — рассказывает член-корреспондент Академии художеств СССР А. И. Замошкин, — но мы хотели жить».

А еще они выступали с лекциями — всего больше в военных госпиталях: эти встречи для них для всех — от хранителя до директора галереи — были святы, даже если в морозный вечер приходилось идти с репродукциями из одного госпиталя в другой, в противоположный конец города. Вряд ли в палатах догадывались, что женщины еле стоят на ногах. После одного выступления старейшую сотрудницу галереи Ф. С. Мальцеву, жену фронтовика, унесли в больницу: крайнее истощение.

Об этом рассказывают документы в архиве Третьяковской галереи, и там среди старых бумаг я наткнулся на отзывы о лекциях профессора Н. С. Моргунова, тоже ветерана галереи: «Более года работает среди раненых, больных, и нет палаты, где бы он не побывал. Его лекции заставляют раненых забывать свои раны и призывают на новые бои за Родину...»¹².

Моргунов тяжело заболел. Кровоизлияние в мозг. Раненые бойцы, узнав об этом, упростили военврачей поместить профессора в госпиталь, пусть втиснут в палату еще одну койку. Везти больного было нельзя, и сотрудницы галереи несли своего товарища на носилках по городу, а за ними шла процессия горожан, предлагавших сменить усталых женщин.

А где-то далеко была Москва и Лаврушинский переулок... Письма «оттуда» читали вслух, вместе плакали, смеялись, обсуждали события. Оказывается, на здание галереи упали две фугаски и несколько зажигательных бомб, выбило стекла, разрушило стеклянную крышу, но жизнь не замирала и там: сотрудники галереи, оставшиеся в столице, выступали с докладами на призывных пунктах и на вокзалах и открыли выставку «Фронт и тыл».

В 1943 году А. И. Замошкина вызвали в Москву со срочным заданием: в Парке культуры и отдыха имени Горького устроить выставку трофейного оружия. Он смотрел на это скопище гитлеровских тяжелых орудий, танков, на «мессершмитты» и «фокке-вульфы», на пулеметы,

минометы, виштовки, поверженные знамена и чувствовал себя растерянно среди столь непривычных экспонатов, но сама идея захватила его. Располагали экспонаты по всем правилам музейного искусства, чтобы измученные войною люди, пройдя через ворота парка, увидели мощь врага — мощь, которую сокрушала Советская Армия.

В 1944 году правительство приняло решение возратить Третьяковскую галерею в Москву. И вот они, ящики с картинами, у родимого здания, и государственная комиссия, возглавляемая академиком И. Э. Грабарем, который с 1913 по 1925 год был директором Третьяковской галереи, раскрывает огромный щит, где за прокладками и фланелями жили все эти годы «Иван Грозный и сын его Иван»; когда развернули полотно, освободили от бумаги и взглянули на краски, чистые, нетронутые, пережившие войну, председатель комиссии стал обнимать тех, кто вернулся.

Ни одна картина Государственной Третьяковской галереи не пострадала.

...Я побывал в Новосибирске: меня водили по этажам театра и рассказывали о мужестве хранительниц картин, просили зайти в галерею, передать привет Петру I, что стоял у входа в театр, как исторический страж. «Я с ним здоровался каждое утро... Поклон ему от меня», — говорил заведующий постановочной частью Новосибирского театра.

И вот Москва... Петр стоит в 27-м зале Третьяковской галереи, все в том же костюме офицера Преображенского полка, — что ему делается, бронзовому?

А рядом со мною А. И. Замошкин и женщины с белыми воротничками гимназисток — С. И. Битюцкая, С. Н. Гольштейн — немногие из тех, кто помнит историю спасения сокровищ. Они, как прежде, служат галерее, пишут книги, учат молодых искусствоведов. Думаешь о них, а еще о тысячах сибиряков, которые в трудные годы, кто чем мог, помогали сберечь культурные ценности русского народа, и не перестаешь удивляться их стойкости и силе — люди, не бронза.

В годы войны, как никогда раньше, усилились духовные связи народов и этнических групп Сибири. Не разработанные еще до конца теоретические и практические вопросы сближения наций, некоторые шероховатости и трудности этого естественного и неизбежного процесса теперь как бы сами собой отодвинулись в сторону, чтобы в этот опаснейший для Советского государства час явить перед лицом всего мира то главное, ведущее, принципиальное, ради чего не только по призыву и с готовностью, но часто сами, по собственным заявлениям, добровольно уходили воевать сибиряки — русские, якуты, буряты, хакасы, алтайцы, эвенки, ханты, манси, эвены, юкагиры, ненцы; ради чего они погибли в боях за Москву, за Ленинград, за Сталинград, освобождали

Украину и Белоруссию, а также страны Европы. А в Германии воины полка под командованием сибиряка полковника Ф. Зинченко водрузили над рейхстагом знамя Победы и на развалинах написали острием штыка, словно бы привычным охотничьим ножом, широко и размашисто, чтобы издалека было видно: «Мы — сибиряки в Берлине!»

Укрепление духовных связей не ущемляло чувства национального достоинства каждой народности, ее приверженности к таким историческим ценностям, как язык, территория, культура. В годы войны можно было наблюдать как раз обратное явление: национальное самосознание народных масс развивалось ускоренно и прицельно; с еще большей, чем прежде, силой проявлялась национальная гордость, любовь и уважение к своей народности, повышенная ответственность за репутацию национального характера; все это светлыми прозрачными родниками вливалось в могучее течение советского патриотизма. Солдатская среда не знала национальных предрассудков, предвзятых устойчивых представлений, недоверия или антипатии. В обстановке крайнего напряжения сил, когда от действий каждого зависела судьба его Родины, его народности, его личная участь, было истинное армейское братство многонациональной армии, сплоченной единством взглядов и идеалов. В той атмосфере чистоты, доверия, оптимизма русские воины беспрекословно выполняли приказы Героя Советского Союза генерала И. В. Балдынова, славного сына бурятского народа; украинские, белорусские, татарские стрелки учились меткому огню у снайпера якута Ф. М. Охлопкова, впоследствии Героя Советского Союза, латышские партизаны действовали плечом к плечу со славным разведчиком — эвенком, заместителем командира отряда народных мстителей Л. Увачаном... И когда якут Ф. К. Попов, бурят М. Ф. Мархеев, хакас М. Е. Доможаков, нанайец А. П. Пассар, эвенк И. П. Увачан и другие сибиряки переплывали ночной Днепр, освещаемые ракетами, под артиллерийским огнем, и все-таки добрались до другого берега и цепью укрепились на нем — все они стали Героями Советского Союза, — то в их ратном подвиге проявилась не только сыновняя преданность социалистическому Отечеству, но они утверждали тем самым также и свою национальную гордость.

В Якутии я встречался с 82-летней Февроньей Николаевной Малгиной, крестьянкой из Усть-Татты, далекого северного наслега. Она проводила на фронт пятерых сыновей — все они погибли в боях за Ленинград, Новгород, Старую Руссу. Через четверть века после войны старую женщину пригласили приехать в те места, где в братских могилах лежат ее сыновья — два охотника, два фельдшера и один курсант военного училища. И хотя старушка никогда не бывала дальше своего наслега и плохо говорит по-русски, почти совсем не говорит, она отправилась в путь с тою неустойчивостью, с какой верующие люди добирались к святым местам. Ей показали Ленинград, повели под руки на Пискаревское кладбище; старушка вслушивалась в тихую непонятную

речь людей, в шепот у стены и запомнила два только слова — потом повторяла их у озера Ильмень, над могилой своих сыновей, молитвенно шевелила губами: «Никто... не забыто...» И когда мы разговорились после этой горестной поездки, Февронья Николаевна стала рассказывать о ратных подвигах своих сыновей точно так, как она сама услышала об этом от их однополчан, и в ее скорби и в ее гордости было то же достоинство, что и у потерявшей своих сыновей русской, украинской, грузинской и любой другой матери.

В национальных районах Сибири перестройка традиционного уклада жизни на военный лад происходила много мучительнее, напряженнее, острее, чем в соседних краях и областях. Иные отдаленные уголки, особенно центры горнодобывающей промышленности, почти целиком держались на привозном продовольствии и всем необходимым обеспечивались раз в год, в горячие дни навигации по рекам; а теперь экономические связи сократились, а кое-где и вовсе прервались, ждать завоза продовольствия и товаров было неоткуда; слабая местная промышленность работала, но производила оборонную продукцию; и реки, эти главные транспортные магистрали, в первую очередь пропускали в дни навигации пароходы и баржи с военными грузами. Все это было необходимым, естественным, само собой разумеющимся, и жители окраинных мест, проводив мужчин-охотников на фронт, старались управиться и с оленьими стадами в тундре, и с овечьими отарами в бурятских степях, и с табунами лошадей на хакасской равнине... Многие мужчины из местного населения были призваны тогда в оборонную и другие важные отрасли промышленности: процент национальных кадров в рабочем классе заметно возрастал. Нелегко было им, еще слабо знавшим русский язык, овладеть профессиональными знаниями, с полуслова понимать мастеров, читать чертежи, но помогла природная исполнительность, и сметливость, и опытность тех, кто работал рядом.

Им, с детства привыкшим к естественному быту среди природы, подчинявшим свой распорядок циклам перекочевки оленей, охоты на песца, лова рыбы, нужно было через многое пройти, чтобы свыкнуться с существованием под железными сводами заводских корпусов, в обстоятельствах строгой регламентации действий. Перестройка психологии требовала времени и внутренних усилий. Новички-аборигены старались от других в бригаде не отставать, перенимали рабочие навыки и замашки наставников, а после смены, вдохнув холодного таежного воздуха, принимались писать сами или диктовали школьникам, юным грамотеям, энергичные заявления, наподобие того, что принес охотник-нанаец в Салехардский военкомат: «Военному начальнику просьба большая. Посылай меня драться с крестогрудой зубастой собакой. Я белке в глаз попадаю — крестогрудой наглай собаке в сердце стрелять буду. Нашу землю защищать буду».

В рабочие шли якуты, буряты, хакасы, алтайцы, эвенки, юноши

и девушки других народностей Севера, по призыву и по мобилизации, спускались с гор, добирались из дальних стойбищ. С прирожденным чувством собственного достоинства, отзывчивые на доброту и человеческое тепло, они свыкались с новыми формами общежития, овладевали городскими понятиями: «касса», «карточки», «доноры», «бронь» — и заводские дымы становились привычными глазу.

На территории Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа окреп Норильский горно-металлургический комбинат, который давал стране много меди, никеля, кобальта и других металлов. Когда-нибудь появится более или менее полная история строительства этого и других гигантов северной и особенно северо-восточной индустрии, созданной за короткие сроки в снегах Якутии и Чукотки, и тогда мы узнаем о нашей собственной выносливости и о наших физических потолках гораздо больше того, что представляем себе сейчас. Люди жили в брезентовых палатках, заваленных снегом, в мрачных бараках, не было или почти не было механизмов, самые трудные работы выполнять приходилось руками, и хотя многие рабочие не учились этим горным и строительным профессиям, а овладевали ими тут же, по ходу дела, это их усилиями возникали в чахлах лесах золотые прииски, поднимались в горах оловянные рудники. Они валили лес, строили дороги, гатили болота, кострами отогревали мерзлую землю и кирками долбили ее, чтобы уложить трубы. Для них все это было ежедневной работой, от зари до зари, а ели они в ту пору баланду из лебеды и крапивы, и им в голову не приходило, что много лет спустя эти старания в исторической литературе будут называть развитием производительных сил.

Бурятия стала республикой самолетостроения. Разместили эвакуированные цеха авиационного завода, по тем временам одного из ведущих предприятий отрасли. Из степей шли чабаны, в системе трудовых резервов обучали подростков новым профессиям, помогали устроиться приезжим, знакомым с технологией производства. За один год бурятские машиностроители в четыре раза увеличили выпуск оборонной продукции. Уже к лету 1942 года вся промышленность республики завершила перестройку на военный лад. Поезда увозили боевую технику, вольфрам и молибден для других оборонных заводов, продовольствие для армии. Восемнадцать с половиной тысяч вагонов с мясными консервами и колбасами отгрузил на фронт улан-удэнский мясокомбинат.

В национальных райснах Сибири создавались моторно-рыболовецкие станции, пункты приема и обработки рыбы, рыбоконсервные комбинаты и заводы. Рыболовецкие артели тащили на нартах снасти и скарб, уходили жить на дальние тони, круглый год снабжали сибирской рыбой не только армейские части, но и население тыла. Стоянки рыбаков появились в низовьях Лены и Яны, по Оби, Иртышу, Енисею, на Байкале, на озерах Якутии и Таймыра. На Диксоне построили осо-

бый комбинат для отлова нерпы и белухи. Рыбаки, звероловы помогали ослабить трудности продовольственного обеспечения страны. В некоторых сибирских местностях в течение всей войны вяленая, соленая, а то и свежая мороженая рыба (строганина, расколodka, чушь — на разных водоемах ее называют по-своему) оставалась едва ли не единственным продуктом питания.

Народности Сибири чутко прислушивались к дыханию охваченной войною земли, с открытой душой принимали вывезенных в эти края жителей Поволжья и Северного Кавказа, навеки оставив в душах многих тысяч людей, их детей и внуков святую благодарную память. Они ловили вести с фронтов, обсуждали судьбы оставшихся без крова солдат и с традиционным артельным прямотушием слали солдатам письма, звали к себе как родных сыновей.

Однажды дошла весть, что на Карельском фронте тринадцать гвардейцев-минеров во время войны потеряли свои семьи — погибли их жены и дети. И тогда хакасские колхозники из артели «Путь к социализму» Бондаревского сельсовета Аскизского района написали письмо тринадцати безвестным гвардейцам и отослали на Карельский фронт: «Наши делегаты рассказали нам, что ваши села и колхозы захвачены гитлеровцами, что фашисты угнали всех ваших близких, сожгли ваши дома. Вы остались на белом свете совсем, совсем одни... Нет! Вы не можете считать себя одинокими. Защитники социалистической отчизны — наши защитники. Это наши дома вы защищаете, нашу землю, нашу жизнь. Значит, наш дом — и ваш дом, наша земля — ваша земля, наш колхоз — ваш колхоз. Вы не лишились семьи, вы не одиноки, мы — ваша семья...» Хакасы сообщили в письме, что все тринадцать гвардейцев приняты членами их колхоза. Это письмо читали во всех частях фронта. Много лет продолжалась дружба пятисот хакасских колхозников с тринадцатью минерами¹³.

Мне рассказывал старый хакасский сказитель Семен Кадышев из села Чохчил возле озера Шира: когда в войну приходила к хакасам в дом похоронка, они приглашали на ночь народного певца-хайджи, тот являлся со своим инструментом чатханом, перебирал струны и пел о подвигах былинных богатырей, причисляя погибшего воина к их великому и благородному клану. Так проходила вся ночь, а с рассветом надо было торопиться на работу. Следующей ночью наверняка придется слушать хайджи в каком-нибудь другом доме... В Чохчиле не было и нет лучшего хайджи, чем сам Кадышев. Старый человек, он был в военные годы председателем сельского Совета и никому не мог отказать в скорбной просьбе, и бывало, что неделями ему не удавалось сомкнуть глаз. Но пришел день, когда и в его дом принесли похоронку. Пал смертью храбрых старший сын. Старик не мог в эту ночь петь, повторять свои сказания, не было сил, совсем оставили его силы, но отступить от традиции было нельзя, и односельчане поехали на лошадах

в соседнюю деревню, привезли другого хайджи, и уже тот, другой, причислял убиенного храброго воина к лику героев.

В Новосибирске горит Вечный огонь — святая память о сибиряках, павших на полях сражений Великой Отечественной войны. Отсветы огня падают на высокие каменные стелы с именами погибших. Их многие тысячи. Наверное, будь они живы, мы встречали бы их на перекрытии Енисея или на строительстве Братской ГЭС, мы бы энергичнее развивали производительные силы Сибири. Но их нет, этих тысяч рабочих, инженеров, проектировщиков, охотников, ученых...— только имена на стелах, озаряемые газовым пламенем.

Подойдем к огню.

Помолчим,

СТРАТЕГИЯ ОСВОЕНИЯ

Большой чертеж Ангарстроя.—
Западная Сибирь бросает
вызов Техасу.—
Индустриальные комплексы.—
Новый город: мечты
и реальность.— Почему
покидают Сибирь? —
Плановики указывают выход

Если бы кто-нибудь взялся описать с возможной полнотой и добросовестностью положение экономической географии в первые годы после войны, воскресить тогдашние надежды, припомнить споры, сопротивление чьей-то железной воли чьим-то знаниям, мы бы прибавили в книгу собственного опыта немало поучительных приложений. И с печальным пониманием оценили бы преданность науке и мужественную порядочность знающих людей, не пожелавших платить этими своими свойствами за безмятежную жизнь. Им случалось читать такое про себя: «Статья Колосовского, квазинаучная по стилю, насквозь проникнута техницизмом, непониманием того, что мы имеем дело не просто с техникой, а с общественным производством...»¹

Николай Николаевич Колосовский — участник разработки урало-кузнецкой проблемы, ведущий специалист Ангарстроя, один из авторов схемы размещения промышленности в восточных районах в годы войны.

Чего он добивался?

При прикидках первого послевоенного плана развития народного хозяйства Советского Союза (1946—1950 гг.) вся территория страны разбивалась на тринадцать крупных «очагов». Одиннадцатый по порядковому счету район — Западная Сибирь, двенадцатый — Восточная Сибирь, тринадцатый — Дальний Восток. Сторонники такого раскроя представляли себе каждый район замкнутым хозяйством, как правило, с угольной и металлургической базой, с набором одних и тех же производств, способных полностью обеспечить нужды «очага». Все районы выглядели похожими друг на друга, словно башни старинного острога. Мышление находилось в плену у ситуа-

ции военных лет, и было трудно преодолеть инерцию, воспротивиться однажды принятым принципам и открытыми глазами взглянуть на перемены, озаренные началом атомной эры. Нужна была прозорливость ученого и независимость гражданина, чтобы в этой обстановке вспомнить разработанные в двадцатые годы ленинские принципы районирования и на их основе нарисовать перспективу ближайших лет в новом ключе.

На это решился Н. Н. Колосовский.

«Экономическое районирование и перспективы развития народного хозяйства» — так назвал Колосовский свою работу 1945 года, поразительную по смелости и дальновидности. В ней территория страны выглядит объединением двадцати шести крупных экономических районов, каждый со своею особой ролью в общесоюзном разделении труда. Он видел территорию района как арену для комбинирования разных отраслей хозяйства, наиболее эффективных в той или иной местности. «Сочетание системы централизованного управления через отраслевые центральные органы по вертикальной линии и через специальные централизованные районные комплексные органы по горизонтальной линии — вот тот конечный результат, который необходимо получить для полного перехода на систему экономического районирования в организационном смысле этого термина»².

Этим вопросам сочетания отраслевого и территориального планирования еще долго суждено будет оставаться актуальными.

Исследование Колосовского содержит новые обоснования сдвига советской индустрии на восток. Счастливым виденьем первых пятилеток вставали перед ним Ангарстрой, экспедиции в Сибирь, расчеты и схемы каскада гидравлических станций, оставшихся прекрасной и неосуществленной мечтой его поколения. «Среди великих сибирских рек наибольшее внимание в отношении создания баз массового производства гидроэнергии, дешевой и зарегулированной в многолетнем разрезе, привлекает река Ангара и Средний Енисей после впадения реки Ангары. Это не одна из многих сибирских рек, это уникам в мировом масштабе...»³.

Н. Н. Колосовский вместе с И. Г. Александровым, Н. Н. Баранским и другими крупными советскими географами унаследовал и развил передовые идеи экономической географии, выстраданные российской наукой на протяжении полутора столетий. Обширные пространства России, в особенности ее азиатской части, и возникавшие связи между ними привели к открытию экономических районов, существующих независимо от административного деления государства. Плеяда блестящих географов принялась изучать «физиогномию» отдельных частей страны. Открытие экономических районов имело для географических наук такое же значение, как для физических наук проникновение в глубь атомного ядра.

Изучение отличающихся друг от друга районов («пространств», «полос», «очагов») стало приближать экономическую мысль к самым верным путям размещения производительных сил. Оказалось, что в том или ином сочетании производств, населенных пунктов, транспортных связей заложена взрывчатая сила: при случайных группировках она рушит эффективность хозяйства, зато при объединении связанных между собою элементов эта сила дает огромный добавочный выигрыш — потом его назвали «эффектом комплекса».

Острые споры и грубые нападки тех, кто не понимал и не принимал «эффекта комплекса», вызвала работа Н. Н. Колосовского «Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии» — эти тридцать пять страничек в одном из сборников «Вопросы географии» в 1947 году были, по существу, концентрацией новых идей и направлений экономического районирования. Удивительно, как в небольшой по объему статье удалось выдвинуть чрезвычайной важности гипотезы, ставшие источником новых поисков и размышлений.

Территориально-производственные комплексы (ТПК), по Н. Н. Колосовскому, открывают возможности рационально использовать природные ресурсы в их наивыгоднейших сочетаниях, добиться взаимосвязи в производственных процессах и правильного географического разделения труда внутри района и в межрайонных отношениях, применить комбинирование в использовании сырья, энергии, транспортных средств, рабочей силы, коммуникаций в рамках не только отдельного предприятия, но и в границах всего района. Только сочетание отраслевых принципов управления с территориальной организацией производительных сил, утверждалось в работе, обеспечит максимальную эффективность народного хозяйства. Колосовский был одержим идеями комбинирования. «Николай Николаевич пишет стихи о территориально-производственных комплексах!» — шутил в кругу друзей Н. Н. Баранский.

В 1947 году по Сибирской железной дороге Н. Н. Колосовский вместе с группой ученых из Москвы ехал в поезде на восток, в Иркутск, на первую после войны конференцию по развитию производительных сил Прибайкалья, в те дорогие ему места, где до революции он начинал службу по устройству сибирских путей. А потом, как честный «спец», помогал там Совету рабочих депутатов. Как давно это было! И хотя до войны он не раз собирал экспедиции в Сибирь и сам отправлялся в странствия, именно это возвращение, связанное с конференцией, его сильно волновало. От решений конференции — он это понимал — будут зависеть сроки осуществления Ангаро-Енисейского проекта и сами принципы продвижения индустрии на восток.

Куда пойдет развитие Сибири?

Мне неведом ход размышлений того или другого ученого, когда он садился в поезд «Москва — Иркутск», чтобы выступить на конферен-

ции, хотя известно, что под единой крышей сибирского доброжелательства бывали сомнения и споры. Попробуем воспроизвести, пусть в общем виде, возможные тогдашние соображения, какими они могли быть, местами дополняя их сегодняшним знанием предмета.

В девяностых годах XIX века в России бытовало расхожее изречение, приписываемое одному из царских министров: «Сибирь — наша Перу и Мексика...» Царизм действительно использовал сибирские природные ресурсы как сырье для промышленности западных губерний и как важную статью экспорта. Из России и Европы везли в Сибирь шубы, тулупы, шапки, воротники, утепленную обувь, всякую всячину — изготовленные там из сибирских кож и сибирской пушныны⁴.

Между тем исторический опыт приводит к парадоксальным наблюдениям. Быстрее других часто развиваются государства, лишенные или почти лишенные собственных природных ресурсов. Им не приходится вкладывать огромные первоначальные средства в освоение месторождений, которые окупят себя через много лет. Они покупают лес, уголь, нефть, газ, металлические и неметаллические руды сравнительно дешево. На мировом рынке сырой продукт не имеет высокой цены. «Неимущие» страны таким образом выигрывают у «ресурсных» стран время — фактор индустриального лидерства. Чтобы обладание ресурсами стало преимуществом, надо разрабатывать месторождения с применением новейшей техники, быстрыми темпами, при наивысшей производительности труда и с минимальной себестоимостью продукта. Недаром же еще древние римляне поговаривали, что богатство может служить, а может и порабощать: смотря по тому, как с ним обходиться.

Наверное, поэтому развитые капиталистические государства стремятся осваивать свои природные ресурсы с привлечением иностранных капиталов. В горной промышленности Канады больше 60 процентов вложений приходится на долю иностранного капитала. Даже Соединенные Штаты Америки, самая богатая капиталистическая страна, разрабатывают месторождения полезных ископаемых на Аляске при участии иностранных фирм. При этом доля японского, английского, западногерманского капитала в промышленности Аляски из года в год растет⁵.

Советский Союз — единственная из крупных мировых держав, где добывали и осваивали сырье собственными силами.

В Сибири сошлись богатства земли с огромными топливно-энергетическими возможностями. Мы к этому не приложили стараний, так уж формировалась в далеком прошлом наша планета. Разрабатывать месторождения в сибирских условиях стоит немалых усилий и средств. Но запасы так велики и так удачно сконцентрированы, что сырье здесь обходится сравнительно дешево. Благодаря сибирскому сырью можно снизить удельные затраты на производство конечной продукции в масштабе всей страны.

Уже в годы первых пятилеток на геологической карте появились

довольно точные очертания Канско-Ачинского, Иркутского, Минусинского и некоторых других каменноугольных бассейнов. Они обнадежили размерами площадей, удобством залегания пластов, высокой калорийностью углей. Очеркисты воспевали черемховские угли. Эти угли содержат до пятидесяти процентов летучих веществ и могли бы служить сырьем для производства сибирского жидкого топлива.

Сибирь задыхалась без нефти.

Ученые спешно изучали возможности углехимии для получения моторного топлива, искусственных волокон, пластмасс и каучука. Газеты призывали экономить черемховский уголь, на разные лады варьировали связанные с ним планы, намеченные еще в период реконструкции народного хозяйства и с трогательной решительностью сформулированные Сергеем Третьяковым в 1932 году: «Черемховским углям нечего гореть в топках. Из черемховских углей надо доить нефть»⁶.

Нетерпеливо ожидали донесения геологов, занятых поисками железных руд. Урал и Кузбасс увеличивали выплавку металла, а разведанная сырьевая база не могла обеспечить развитие черной металлургии. Геологи пробирались в труднодоступные районы, но их выносливость долго не компенсировалась открытиями. Везучим оказался 1946 год, когда В. И. Медведков обнаружил в восточной части Северо-Енисейского кряжа Ангаро-Питский железорудный бассейн из трех крупных месторождений. Прогнозных запасов оказалось пять миллиардов тонн — примерно в восемнадцать раз больше железных руд, чем их было известно до войны по всей Сибири.

Скоро пришли вести об открытии Западно-Сибирского железорудного бассейна, где руд еще больше, да жаль, что залегают слишком глубоко и содержание железа в них не столь уж высокое. Геологи обследовали Южно-Якутский железорудный бассейн, новые месторождения на Алтае, в Кузнецко-Минусинском районе, в Забайкалье. Определили запасы открытого еще в тридцатые годы Рудногорского месторождения: прогнозные — четыреста миллионов тонн. А рядом Коршуновское месторождение, семьдесят пять миллионов тонн магнетитовых легко обогащающихся руд с содержанием железа до шестидесяти процентов. И лежат почти у самой поверхности. Может быть, с них и начинать?

Вырисовывались контуры новой металлургической базы Советского Союза на востоке страны.

Из дальних мест приходили сообщения о находках золота, вольфрама, молибдена, бокситов, слюды, поваренной соли, гипса, асбеста, каолинов и огнеупорных глин, талька, магнезита, стекольного песка... А тайга! В Иркутской области подсчитали: на человека приходится по сорок пять гектаров леса. На жителя СССР в среднем — по пять гектаров.

Если экономическая конъюнктура 40-х годов и вызывала сомнения,

стоит или не стоит изымать крупную часть национального дохода страны для индустриализации восточных районов, то долговременные интересы Советского Союза, понятия широко и подтвержденные ситуацией прошлой войны, требовали дальновидности и решительности. Ученые доставали с полок труды ГОЭЛРО, находили среди уцелевших антикварных изданий первый генеральный план развития хозяйства Сибири (1926—1941), обнаруживали там глубокие идеи, видели их современность и даже актуальность — комплексное использование сырья и гармоничное развитие сибирского хозяйства с применением особо мощной техники и новейшей технологии: таким путем можно получать от первоначальных крупных затрат большую и долгую выгоду.

...Поезд с московскими учеными приближался к Байкалу.

Академик А. В. Винтер стоял у окна. Он был уверен, что не надо в верховьях Ангары строить две маломощные станции (Тальцинскую и Иркутскую), как это предлагали некоторые проектировщики. Лучше соорудить под Иркутском одну крупную Байкальскую ГЭС, способную по выработке и по мощности превзойти ведущие гидростанции США.

«Нам нет надобности идти робкими неуверенными шагами при осуществлении Ангарского строительства — этого нового промышленного и энергетического узла, — считал Винтер. — Днепровское строительство прошло этот трудный путь исканий и сомнений, и было бы обидно, если бы затруднения того времени, ошибки, к которым привела эта неуверенность и робость, не были бы сейчас достойно учтены и приняты в расчет»⁷.

Винтер строил Шатуру и Днепрогэс. О нем В. И. Ленин писал Г. М. Кржижановскому: «В случае надобности запрягите Винтера...»

На станции Тайшет в вагоны проникли журналисты. И все двенадцать часов, пока поезд шел от Тайшета до Иркутска, в купе и в тамбурах шли пресс-конференции. Уже были в блокнотах приветственные слова академиков А. А. Григорьева, В. М. Родионова, В. С. Немчинова, уже есть ответы на вопросы типа «что вы ждете от предстоящей...», но журналистам этого мало, они переходят из вагона в вагон, ищут собеседников поразговорчивее.

Академик Струмилин вспомнил молодость.

— С давних лет мне хотелось посетить этот край не виданного еще нигде раздолья, это золотое дно, это наше восточное Эльдorado. В 1904 году за участие в революционном движении меня приговорили к десяти годам ссылки в Восточную Сибирь. Но тогда побывать здесь мне не пришлось. Началась японская война... И вот прошли годы. В бывших «гиблых» местах наступила пора интереснейших дел. Хочется принять в них посильное участие. Я верю, молодые люди, что силы революции, которые из царских арестантов создают академиков, способны из «гиблой» Сибири создать цветущую жемчужину социализма!

Газетчики подошли к Колосовскому.

— Николай Николаевич, вы больше тридцати лет занимаетесь Сибирью — что вы думаете о ее будущем?

— Большое будущее.

— Что может ждать Сибирь от конференции?

— Рекомендаций.

— Но, Николай Николаевич, — растерялись журналисты, — скажите же хоть несколько слов читателям «Восточно-Сибирской правды». С нас голову снимут!

— Пишите, — сдался Колосовский. — Приветствуя товарищей иркутян, уверен, что в течение ближайших лет первая гидроэлектростанция на реке Ангаре близ города Иркутска будет начата строительством и закончена в кратчайшие сроки.

— Так, записали, — радовались возбужденные газетчики, — в кратчайшие сроки.

— Точка! — сказал Колосовский и заторопился в купе.

Самолетом ИЛ-14 из Москвы в Иркутск прилетел академик И. П. Бардин. После Кузнецкстроя Бардин заметно поседел, ссутулился, но вышагивал по набережной Ангары так споро, что за ним не каждый попевал. Он познакомился с Черемховским угольным бассейном, летал на Рудногорское месторождение железных руд, в таежные места, где строилась железная дорога от Тайшета до Усть-Кута (западное плечо БАМ) и где велись изыскания для второй ступени ангарского каскада гидроэлектростанций — Долгопорожной (Братской) ГЭС.

Бардин испытывал счастливое предчувствие новой грандиозной стройки, перемещения тысяч людей, приближения небывалых событий — возбуждение, которое он узнал у деревушки Бессоново, на голом пустыре, лет восемнадцать назад, когда лишь богатое воображение могло нарисовать корпуса металлургического комбината.

В коттедже беспрестанно звонил телефон, в комнатку набивались плановики и экономисты, всем хотелось услышать суждения Бардина и проверить его вниманием свои собственные варианты. Иван Павлович занимался теперь не одной черной металлургией, а размещением производительных сил страны и с прежней заинтересованностью продвигал индустрию в Сибирь.

На письменном столе, зажатая по углам графином и стаканами, лежала карта Сибири, испещренная его пометками.

— У кого записные книжки, а у меня записной лист! — улыбался Бардин, приглашая всех к столу.

— Первый шаг на восток обеспечил развитие промышленности в районе Кузнецкого завода, — говорил Иван Павлович, отводя ладонь по карте вправо, как бы пересчитывая расстояния. — Второй шаг приближит до меридиана Байкала. А третий шаг приведет к созданию мощной индустрии в Забайкалье.

— Долго же дожидаться иным меридианам своей очереди, Иван Павлович!

— А как иначе, голубчик? Проблема очередности сейчас приобретает важное значение, может быть, самое важное. Мы с вами государственные люди, должны предлагать научно обоснованные решения и не отрываться от реальных возможностей. Кажется, у Льва Толстого есть мысль: мудрость не в том, чтобы узнать, что нужно делать, а в том, чтобы знать, что делать прежде, а что потом... Вот такой мудрости нам не хватает!

— Иван Павлович, но как же тут с трудовыми ресурсами, их же явно мало.

— Потому и надо ориентировать Сибирь на новейшую технику, на самый высокий уровень производительности труда — иного выхода нет. При прочих равных условиях здесь надо добиваться минимальных трудовых затрат, а с этой целью внедрять механизацию и автоматизацию производственных процессов.

Колосовский выступил на конференции с докладом «Проблема Ангары».

— Проект Ангарского бюро представляет собою не простую механическую сумму заводов, расположенных более или менее произвольно, а органически взаимосвязанную систему со значительным объемом технологических связей комбинирования.

Колосовский оставался верным своей идее.

— При строительстве крупных комплексных хозяйств необходимо соблюдать условие концентрации усилий и средств на определенной, достаточно четко очерченной территории. В пределах избранной территории следует развивать не только основную промышленность, энергетические и транспортные устройства, но и сельское хозяйство, лесные разработки, по возможности сырьевые базы, иметь резервные территории, резервы сырья и энергии... Прибайкальский комплекс должен в дальнейшем послужить «экономическим очагом», от которого пламя большой индустриализации должно распространиться на другие территории Восточной Сибири.

Когда знакомишься ближе с трудами деятелей Ангарстроя, не можешь отогнать от себя навязчивого сопоставления. В тридцатые годы в США при поддержке президента Ф. Рузвельта составили комплексную программу развития бассейна реки Теннесси. После пяти лет исследований и проработок здесь начали осуществлять схему строительства гидравлических и тепловых электростанций, создания водохранилищ, формирования горнорудной промышленности, черной и цветной металлургии, химии, нефтехимии, производства синтетических материалов, машиностроения, атомных, целлюлозно-бумажных, деревообрабатывающих, текстильных и иных центров. На конференции ООН по развитию науки, техники и экономики (1963 г.) эту программу приводили как поучи-

тельный опыт мобилизации экономических, природных и трудовых ресурсов для освоения хозяйства большого района на базе дешевой местной энергии⁸.

Между тем государственная корпорация долины реки Теннесси (ТВА) разработала первую комплексную программу развития бассейна в 1936 году — через несколько лет после того, как в советской печати стал обсуждаться Ангаро-Енисейский проект и появились первые публикации Н. Н. Колосовского (1929 г.), И. Г. Александрова и В. М. Малышева (1930—1936 гг.). Пишу об этом не из престижных соображений, не только из престижных. Как подумаешь о минувшей войне, когда проектировщики и будущие строители уходили воевать, а разработки комплексной схемы оставались лежать на архивных полках Госплана Союза, как представишь первые послевоенные годы, когда Сибирь помогала западным районам страны восстанавливать разрушенные города и промышленные центры, о всевозможных нехватках и бедах той поры, когда отказывали себе в необходимом, как вспомнишь о возникавших спозаранку очередях, о продуктах по карточкам, то начинаешь понимать, чего стоило нашему народу вернуться к Ангаро-Енисейскому проекту в 1947 году.

Вернулись! Новому поколению предстояло осуществлять программу с размахом и темпами социалистического планового хозяйства. Со времени иркутской недели 1947 года прошло больше тридцати лет: срок достаточный, чтобы соотнести идеи конференции с реальным течением жизни. Не пришлось из черемховских углей «доить нефть». Проложили магистральный нефтепровод из Туймазы (Башкирия) через Омск до Ангарска. А затем и на сибирской земле обнаружили нефтегазовые месторождения. Наверное, можно было бы указать и на другие коррективы, которые внес в послевоенные планы наш динамичный век. Но размещение и развитие производительных сил все эти годы шло по главным направлениям, указанным конференцией. Поразительно, какой точный чертеж сегодняшнего дня уже тогда был нарисован!

Иркутская конференция обратила внимание на самую мощную в Советском Союзе концентрацию водной энергии в бассейнах Ангары и Енисея, где расположены разнообразные, крупные, удобные для эксплуатации природные ресурсы. Обилие дешевой энергии дает возможность не просто увеличивать выпуск уже известных в крае продуктов, а организовать совершенно новые электроемкие производства: алюминиевую промышленность, электрохимическую переработку солей...

Конференция признала неоправданным дробление мощности верхнего участка Ангары в двух установках и рекомендовала выше Иркутска строить крупную Байкальскую (Иркутскую) ГЭС, а вслед за нею еще более крупную Братскую ГЭС как начальные этапы осуществления Ангаро-Енисейского проекта.

Наметили обширные химические производства — пластических масс, искусственных волокон, каустической и кальцинированной соды, многих других продуктов. Уже виделся будущий Иркутско-Черемховский индустриальный узел с глубоким технологическим и энергетическим комбинированием.

Химия меняла лицо Сибири.

Новый курс требовал комплексного использования древесины. Речь шла о строительстве лесохимических производств: целлюлозно-бумажных комбинатов, гидролизных заводов, предприятий по выпуску вискозного шелка. Пусть тайга дает не бревна, громоздящиеся штабелями у транссибирской железной дороги, а домостроительные панели, фанеру, мебель.

Интересно следить, как перспективы гидростроительства на Ангаре привели ученых к мысли соединить в комплексе сибирскую энергетику с транспортом: перевести широтную железнодорожную магистраль и ее будущие ответвления с паровой тяги на электрическую. Важен принятый на конференции общий подход к транспорту, как к пионеру и катализатору освоения экономического района. «В очередности создания ангарского комплекса, — говорил академик В. Н. Образцов, — транспорт является первым по времени фактором, способствующим мобилизации природных ресурсов строительства».

Конференция выдвинула новую идею.

В таежном кольце от Красноярска через Енисейск и Усть-Кут до Иркутска на основе мощных ангаро-енисейских энергетических установок построить в перспективе целостный индустриальный гигант — связанный между собою комплекс производств. Пусть он зовется Восточно-Сибирским комбинатом и примыкает плечом к Урало-Кузнецкому комбинату. Эффективность труда здесь должна быть предусмотрена в два или в три раза выше, чем на соседнем комбинате. Участники конференции мечтали создать «такую передовую в технико-экономическом отношении промышленность, которая может обеспечить производительность труда рабочего, вполне соответствующую условиям и требованиям экономики и более высокую, чем в других старых индустриальных районах нашей страны и за границей»⁹.

Заключительную речь на конференции произнес академик Л. Д. Шевяков, тогда председатель Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР. Его последний вывод был прост и конструктивен:

«Выявившиеся на конференции задачи, стоящие перед наукой, так грандиозны, что, безусловно, назрел вопрос об учреждении в Иркутске органа — штаба советской науки — Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР. Я уполномочен заявить, что Президиум Академии наук СССР сочувственно относится к идее создания Восточно-Сибирского филиала Академии».

В Западной Сибири искали нефть и газ. Унылые места! Доисторический пейзаж с девственными зелеными болотами, редкими деревцами, овалами тихих озер, где может померещиться ихтиозавр или другое чудище юрской эпохи. Буровики валили деревья, гатили непролазные трясины, ставили вышки, вызывая любопытство и тревогу местных охотников, пробиравшихся мимо, с собаками или оленями, по древней лесной тропе. По Оби и ее притокам шли на север одинокие баржи с оборудованием, садились на мель и сушились на пустынном берегу до поздней осени, часто и зимовали, где прихватит непогода, в снегах и во льдах, похожие на мамонтов, взломавших мощными спинами вечную мерзлоту. Одна из величайших заболоченных равнин мира, площадью больше двух миллионов квадратных километров (пять Франций...) бесследно поглощала, как трясина, все новые и крупные затраты, смыкаясь на поверхности чистым мшистым ковром. Терпение тех, кто наблюдал за событиями, уже не раз подходило к концу, и тогда издалека неслось над торфяниками и озерами эхо кабинетных дебатов: «Хватит разбрасываться народными деньгами!»

Неустойчивость положения поддерживали геологи-теоретики, снисходительные к бывлой увлеченности И. М. Губкина и его сторонников, уверенные в бесперспективности поисков за шестидесятой параллелью, где даже в случае открытия месторождений осваивать их было бы слишком расточительно, золотыми были бы нефть или газ. Большое сочувствие вызывали грандиозные проекты строительства Нижне-Обской ГЭС мощностью 7,5 миллиона киловатт — самой крупной гидростанции на земле. Тут все выглядело реальным, обстоятельным, проверенным практикой. Бетонная плотина образует искусственное водохранилище, обские воды зальют обширные пространства низменности. Правда, придется пожертвовать приобскими и прииртышскими древними поселениями, сотней миллионов кубометров леса, плодородной поймой реки, зато какой источник гидроэнергии получит Сибирь, как разовьется судоходство и рыболовство... Это была гидросиница, почти уже в руках, против нефтяного журавля в небе.

И если поиски нефти все-таки продолжались, то объяснение этой настойчивости следует искать, пожалуй, не только в инерции, а скорее во взаимном доверии тех, кто обещал действительные открытия, и тех, кто понимал значение возможных сибирских промыслов для судеб народного хозяйства. По прогнозам ученых, нефть до конца столетия будет сохранять лидерство в обеспечении мира промышленной энергией. На переработке нефти основаны все новые и быстро развивающиеся направления современных химических производств. Недаром же в самых крупных потребителях нефти оказываются страны с наивысшими темпами научно-технической революции. И вот что замечено: иные капиталистические государства, даже располагая собственными нефтяными ресурсами, предпочитают покупать нефть на внешнем рынке, чтобы

сохранить свои запасы до лучшей поры. Если в 1950 году промышленно развитые страны закупали всего 36 процентов потребляемой нефти, то через двадцать лет — такие были расчеты, и они потом подтвердились — импорт нефти составил 60 процентов. У тех, кто так или иначе был связан с поисками нефти и газа в Западной Сибири, имелись веские причины воздерживаться от категорических решений, выслушивать разные стороны и не терять надежд.

В конце лета 1953 года караван барж тащился по Оби до Кызыма, к месту бурения новой опорной скважины. Из-за мелководья баржи застряли возле села Березова, на территории Ханты-Мансийского национального округа. Обские шкиперы промеряли глубину шестами, но утешить геологов ничем не могли. Выходило, каравану здесь зимовать девять-десять месяцев. Начальнику партии А. Г. Быстрицкому велено было разгружать станки, разместить по селу людей и, чтобы не пропадало время, поставить буровую. Указали точку бурения... Быстрицкий бродил с друзьями по селению Сумгут-Вож (Березовый город), воскрешая в памяти страницы прочитанных книг и пытаясь отыскать следы древнего остяцкого стойбища, русского центра по сбору ясака, места восстаний вогулов и остяков против царских сборщиков дани, узнать среди ветхих построек низкую избу, где угрюмо жил с дочерьми опальный Меншиков, любимец Петра, герой Полтавы, «полудержавный властелин...». Ни намек на далекую историю — обыкновенный старинный поселок, такой же одинокий, как и другие среди болот и озер. И все же это был рай-центр — два кирпичных здания, рыбоконсервный комбинат, два заводика — стекольный и кирпичный, четыре тысячи жителей. Точка бурения геологам не понравилась: близко от больницы, в живописном березняке, который жаль было вырубать. Быстрицкий махнул на это место рукой и присмотрел другое, за стеклозаводом, поближе к речке Вогулке, чтобы не перетаскивать оборудование слишком далеко.

За самовольство и недисциплинированность трест объявил Быстрицкому выговор.

А в сентябре скважина в Березове дала мощный газовый выброс. Над селом стоял неумолчный гул от фонтана газа и воды, грохот слышался в радиусе десяти километров. Пришлось эвакуировать жителей близлежащих улиц, усмирять фонтан, а это потребовало не один месяц. Наступили зимние холода, пошел снег, буровая превратилась в царь-сосульку высотой сорок метров, все еще буйствующую и опасную. Только весной следующего года скважину удалось заглушить. «...Не предвидение ученых-геологов, а простой случай привел к открытию Березовского месторождения газа. Достаточно было Быстрицкому точно выполнить указание, и открытия бы не произошло, как не произошло его нигде в Западной Сибири, где намечалось бурение дорогостоящих опорных скважин... Голос фонтана с таежной речки Вогулки прозвучал сенсацией. Спешно повернули от Ханты-Мансийска вывозимые из Березова

геофизические партии», — вспоминал потом Ю. Г. Эрвье, начальник Тюменского территориального геологического управления¹⁰.

Нефть обнаружила себя через семь лет; через столько долгих циклов, похожих друг на друга сменой времен года и спорами бессменных оппонентов, все еще бессильных утвердить свою правоту.

В июне 1960 года из Шаима, расположенного в том же Ханты-Мансийском округе, по берегам речки Конды, в Тюмень пришла короткая радиограмма. Первые, кому она попала на глаза, прочитали: «Ики юз али — уч юз». Ну и телеграфисты! На всякий случай, бланк показали Эрвье, и тут произошло событие, теперь уже хрестоматийно известное. «На шестой скважине бригада Семена Урусова получила нефть! — воскликнул Эрвье. — Двести пятьдесят — триста тонн в сутки!» — «Но при чем здесь эти ики юз али, Юрий Георгиевич?» — «Это двести пятьдесят — триста, по-азербайджански». — «Что за странный шифр?» — «А мы так договорились с Шалавиным, чтобы никого не пугать цифрами!»

Сообщив о том, как все начиналось, я чувствую некоторую растерянность перед обилием последующих событий. Ход моих мыслей теперь, как сказали бы обские старожилы, размахрявился, то есть растрепался: дальнейшему разговору нужен стержень, а выбор лежит в треугольнике из трех проверенных и безотказных оборотов — «несмотря на...», «благодаря...», «используя...» — за которым пойти?

Оборот «несмотря на...» (суровую природу, мрачные прогнозы скептиков, нехватку машин и оборудования, организационные трудности и т. д.) имеет некоторые преимущества перед другими в том смысле, что вводит в мир сложностей и таким образом позволяет выявить настоящую цену поступкам. Когда Эрвье, первый после войны советский геолог в Молдавии, организатор геологической службы в республике, решил уехать из Кишинева в Западную Сибирь, этот его поступок в глазах приятелей мог выглядеть мальчишеством: ведь уже за сорок, в семье трое детей и престарелая мать жены. Это теперь, когда явилась миру неизвестная прежде нефтяная Сибирь, можно сказать о каждом, кто причастен, что был правильный выбор; но, отправляясь в путь, он ведь не мог быть уверенным, что обязательно случится открытие века или, во всяком случае, что это произойдет при его жизни. Ошеломляющих успехов могло и не быть, как не бывало их долгие годы здесь или как их нет до сих пор в других районах. Сколько встречаешь прекрасных геологов — прозорливых, добросовестных, профессионально подготовленных не менее, чем тюменские нефтеразведчики, а результаты их усилий пока скромны. Каждый чувствует в себе потенциального Колумба, но не все открывают Америку.

И когда хор мальчишек поет — «кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет», я думаю, что это не абсолютная истина, может быть даже абсолютно не истина. В освоении Сибири участвуют миллионы

людей; найти и добиться здесь совсем не то, что добежать первым до ленточки по финишной прямой, где, при разных личных возможностях, все-таки дорожка одна и условия одинаковы. Потому для меня интересен не столько сам результат, как бы ни был он важен, сколько сознательно выбранный человеком образ жизни и его ориентация.

Оборот «благодаря...» (научным гипотезам, поддержке, энтузиазму и т. д.) удобен как способ перебрать существенные и даже второстепенные обстоятельства, связанные с открытием новых нефтегазовых месторождений. Не желая умалять ни один из пригодных для перечня факторов, я бы хотел выделить особенность, очень важную для районов нового освоения. В тайге не просто обратиться к отраслевым институтам, чтобы оперативно обсудить варианты и принять оптимальное решение. Тут не станешь у каждого пенька звонить начальству и выяснять линию. Новизна обстановки и неожиданность возникающих задач производят естественный отбор специалистов — в знающих инженерах здесь ходят не те, кто много знает, а кто способен, кроме того, брать на себя ответственность.

Может быть, концентрат этих свойств заложен в характере Ф. К. Салманова, легендарного начальника Горноправдинской экспедиции. Я встретился с ним в Тюмени и вспомнил эпизод его жизни, о котором рассказывалось в одной из публикаций о сибирских нефтеразведчиках. Салманов погрузил бригаду буровиков с семьями на баржу, чтобы отправить в Сургут. В это время ему передают депешу: начальство «переиграло», сургутский вариант отпадает, надо возвращаться обратно. Салманов сказал посыльному: «Слушай, я тебя нэ видел, ты меня нэ видел. Нэ виделись!» — и вместе с буровиками поплыл к Сургуту...

Я спросил Фармана Курбановича, так ли все было. «Я ему кароче сказал!».

Долго бурили на сургутской земле, а нефти все не было, и уже ходили слухи о возможной ликвидации тамошней нефтеразведочной экспедиции. А Салманов и его друзья продолжали бурить. Наконец, на реке Меге ударил фонтан нефти, да еще какой! Каждые сутки скважина выбрасывала до 240 тонн. Салманов послал в Москву телеграмму, окрасив официальный текст своим восточным темпераментом: «Двести сорок тонн, вы понимаете?» — в главке потом еще много лет с улыбкой вспоминали салмановский телеграфный стиль как образец выразительности.

С именем Салманова связано открытие нефтяных месторождений на Средней Оби — Сургутского, Усть-Балыкского, Мегионского, Правдинского, Мамонтовского, Салымского. В тюменском небе повисли вертолеты, как стаи птиц над болотами. В тайгу и по трясинам двинулись колонны средних и тяжелых тягачей, плавающих транспортеров. Все лучшее, чем располагала советская геологическая наука и техника, было брошено в этот район, заставивший заговорить о себе деловые кру-

ги всех стран мира. В мае 1962 года, когда стали известны только первые странички сибирской нефтяной истории, в конгрессе США выступил сенатор от штата Нью-Йорк Китинг, прямо-таки запуганный «потоком красной нефти». У капиталистического мира, говорил он, «осталось только три года для того, чтобы предотвратить затопление США, Европы, Азии, Южной Америки и Африки коммунистической нефтью»¹¹.

В 1972 году в Институте геологии и геофизики в Новосибирске шла защита докторской диссертации на тему «Закономерности распределения и условия формирования залежей нефти и газа в мезозойских отложениях Среднего Приобья». Соискатель — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Фарман Курбан-Оглы Салманов. «Диссертация Салманова, — говорил официальный оппонент академик А. А. Трофимук, — крупное исследование, вносящее существенный вклад в развитие нефтяной геологии. Заслуги соискателя особо подчеркиваются тем обстоятельством, что объектом его исследования стал регион средней части Западно-Сибирской низменности, являющийся основным плацдармом подъема добычи нефти в нашей стране до конца этого века. Рекомендации Салманова, вытекающие из разработанных им теоретических предпосылок, позволяют повысить эффективность выявления новых залежей нефти и газа в стране, что по скромной оценке может измеряться эффектом в сотни миллионов рублей».

После защиты к Салманову протиснулся его земляк, видный геолог, и крепко обнял:

— Азербайджан гордится тобой, друг... Характер настоящего шамхорца!

— Почему шамхорца? — сузил глаза Салманов. — Сыбырский характер!

Оборот «используя...» (резервы, новую методику, специальную технику и т. д.) годится на все случаи жизни, но особый прок от него бывает в обстоятельствах, когда надо обратить внимание на причинные связи. Так, применение машин, приспособленных к работе при низких температурах, появление высокопрочных хладостойких сталей для изготовления трубопроводов, строительство буровых и других объектов из готовых узлов и блоков, доставляемых к месту сборки тяжелыми вертолетами или баржами, ускорили темпы и сильно снизили затраты при освоении газовых месторождений на севере Западно-Сибирской низменности, за Полярным кругом: Уренгойского, Медвежьего, Заполярнинского, Губкинского, Тазовского... Хотя разведана незначительная часть северной тундры, запасы газа считают триллионами кубометров. Возникающий здесь новый газовый район значительно превосходит по своему экономическому значению современный Донбасс и по запасам природного газа выводит Советский Союз на первое место в мире.

Великая равнина стала испытательным полигоном для новейшей отечественной техники, способной выстоять против крайностей северной

природы. Как бывало? Когда трудно дышать, а изо рта с каждым выдохом выталкивается не воздух, а хрустящие облачки, жизнь на строительных площадках замирала. И если находился выносливый смельчак, готовый продолжать работу в морозном тумане, при температуре сорок — сорок пять градусов, то оборудование поднимало бунт: лопалась сталь, рушились металлические конструкции, а автомобильные покрышки, стоило тронуть их носком сапога, превращались в груды изжеванной резиновой рвани. Машины серийного производства работали только в половину своих возможностей, экскаваторы и краны простаивали по два с половиной месяца в году. Неприспособленность техники к большому холодам приносила убыток до ста пятидесяти миллионов рублей в год¹².

Кое-кому казалось, что можно выйти из положения некоторым усовершенствованием оборудования, общепринятого в средних широтах. Но дальновидные люди понимали — улучшением тут не обойтись, предстоит создавать принципиально новые машины, специальные стали, особые виды топлива и смазки. Север потребовал собственной индустрии — предложить ее мог тройственный союз географии, экономики, промышленности. По заданию правительства предпринятия стали проектировать и создавать образцы техники «в северном исполнении». Уже в 1969 году в Москве на Выставке достижений народного хозяйства открылась первая в истории советской промышленности демонстрация новых типов машин, транспортных средств, аппаратуры и разных материалов, способных нормально работать при сильных морозах, до шестидесяти градусов ниже нуля. Мы с приятелями-сибиряками два дня ходили по великолепному павильону и вокруг, задерживаясь у машин-гигантов, поражающих техническими характеристиками и яркими красками. Ах, как чудесно это смотрелось бы среди белых снегов.

Тут был болотоснегоход «Витязь», челюстной гидравлический лесопогрузчик, аэросани и легкие мотонарты, компактные снегоочистители для взлетно-посадочных полос; арочные шины на особом синтетическом каучуке, новые топлива и смазки; теплые арктические костюмы с электроподогревом, электроодеяла, электроматрацы... И хотя многое из увиденного на выставке мы до сих пор так и не встречали далеко от Москвы, все-таки северяне воспрянули духом. Умеем делать! А некоторые машины, сорта сталей, типы топлива появились и прошли проверку в высоких широтах Западно-Сибирской низменности. На них рассчитаны проекты будущих сверхмощных скважин, трубопроводов большого диаметра, громадных промыслов.

Еще недавно территория равнины была помечена на схемах размещения производительных сил как резервная зона далекого будущего. Что могло предложить промышленной революции сочетание тайги, пушнины, рыбы, оленей, даже если всего этого много, но так далеко, в сыром бездорожном краю?

Буровым вышкам удалось поломать десятилетиями возникавшие схемы и отстоять особый вариант. Месторождения нефти и газа заставили экономистов обозначить Западно-Сибирскую равнину как главный топливный цех Советского Союза. Не только по объемам углеводородного сырья, но и по эффективности: когда подсчитали полные затраты на освоение этого района, то получилось, что одна тонна условного топлива здесь обходится значительно дешевле, чем в европейских районах страны. Даже непосвященный человек может себе представить, что же это за промыслы, если при огромных капиталовложениях в строительство энергетических баз, трубопроводов, дорог, городов и рабочих поселков они все-таки дают самое дешевое топливо.

В чем стратегический замысел освоения?

Экономическое мышление шестидесятых и семидесятых годов развивается от планирования отдельных предприятий и отраслей к планированию территориально-производственных сочетаний. Новый нефтегазовый район уже видится не только поднявшимися среди болот на сваях автоматизированными промыслами; его шелушат со всех сторон, как кедровую шишку, чтобы не потерять ни ядрышка; обсуждаются пути извлечения выгод от выявленных на местности разных ресурсов; намечается комбинирование добывающих и обрабатывающих отраслей. Создание общих энергетических источников, строительных баз, транспортных коммуникаций может привести к большой экономии живого труда и капитальных вложений. Так разворачивается панорама огромного народнохозяйственного комплекса с тремя природными опорами — нефть, газ, лес. Из их вариаций сложится законченный производственный облик района.

Сибирь на большей части пространства свободна от традиций и исторически сложившихся хозяйственных пропорций, с которыми в других местах приходится считаться при размещении новых производств. И понимаешь вздох проектировщика: осуществил бы он свою блестящую идею, да развернуться негде, вот если б тот рудник перенести, а поселок снести, а железную дорогу передвинуть... В сибирские районы освоения наш современник является как пионер. Здесь можно экспериментировать, проверять практикой новые территориальные структуры и находить формы, которым принадлежит будущее. Широкий выбор экономических и социальных решений!

Когда возвращаешься к гипотезам тридцатых годов по Ангаро-Енисейскому проекту, когда отдаешь себя, как течению реки, далеким раздумьям, надеждам, опасениям, то на несущихся мимо скалах замечаешь предупредительные знаки, оставленные теми, кто прошел этот путь до тебя. При каждом крутом повороте они делали одну и ту же зарубку — надо переходить от проектирования механической суммы заводов

и одиночных городов к проектированию целостного индустриального района и зоны городских поселений; время мыслить пространственными сочетаниями производительных сил; думать о разумном взаиморасположении промышленных площадок (полос, колец?), городских кварталов, лесных парков, сельскохозяйственных земель, мест отдыха и лечения; предусматривать общую инфраструктуру; намечать резервные площадки для будущего развития: как бы стремительны ни были темпы прогресса, они не должны заставить городские агломерации врасплох; нельзя допускать, чтобы научно-технические сдвиги, даже самые существенные, были бы причиной скученности населения, обреченного дышать дымом труб и печально смотреть на реку, отравленную сточными водами.

До Великой Отечественной войны темпы социалистической индустриализации опережали разработку теории размещения производительных сил, да и сейчас приходится создавать территориально-производственные комплексы (ТПК) иногда параллельно с экономико-географическими исследованиями и прогнозами. Тем не менее, традиционное внимание советской школы экономического районирования к территориальной организации промышленности помогало умнее и интереснее решать важные народнохозяйственные задачи. Опыт Восточной Сибири, где создаются ТПК вокруг ангаро-енисейских гидростанций, привлекает возможностью наблюдать планировочный процесс: от первого комплекса — поэтапно — к последующим.

Постановление о строительстве Иркутской ГЭС вышло в январе 1950 года. На заметенный снегом пустырь пришла первая техника — пять грузовиков и экскаватор. Только через три года стройка получила все механизмы для начала основных работ по возведению плотины и станции. Мне рассказывал Л. Ф. Лепендин, начальник первого строительного участка:

— Знаешь, я строил Волховскую ГЭС, Днепрогэс, Рыбинский гидроузел. Всякое перевидал. И когда в марте под Иркутском мы собирали первый экскаватор и помогали ему черпать землю — у кого лом, у кого лопата, — я подумал, что на стройке успех обеспечивают не только техника и средства, а в основном энтузиазм людей!

— Эффективен ли этот метод? — спросил я.

— Как сказать... Теоретически нельзя утверждать, что энтузиазм способен заменить научную организацию труда. Но ведь нам нигде не удавалось вести строительство естественными этапами: дороги, потом коммуникации, при этом бесперебойное снабжение, точный ритм, который нельзя нарушать, чтобы не срывать действий взаимосвязанных служб. А при обычной ограниченности наших возможностей, при постоянных нехватках да перебоях, при желании добиться результата любой ценой, но побыстрее, — и ведь на самом деле приходится спешить — тут уже все решал энтузиазм.

В 1956 году Иркутская ГЭС выдала энергию.

Первая гидростанция на Ангаре (мощность 660 тысяч квт.) вместе с тепловыми станциями дала толчок развитию Иркутско-Черемховского ТПК, возникшего в обжитом и многолюдном районе, вытянутом вдоль Сибирской железной дороги. На узкой полосе длиной сто пятьдесят километров один за другим следуют шесть промышленных центров, в том числе Иркутск (500 тыс. жителей), Ангарск (210 тыс.), Черемхово (99 тыс.), Усолье-Сибирское (93 тыс.)... Если подходить с сибирскими мерками, то по концентрации жителей этот район надо отнести к числу весьма редких: в Восточной Сибири средняя плотность населения составляет один человек на квадратный километр, а здесь в квадратный километр втиснулось от пятидесяти до шестидесяти человек. От Иркутска в двадцати километрах город Шелехов, в шестидесяти километрах Ангарск, в девяноста километрах Усолье-Сибирское, в ста сорока километрах Черемхово. Ну разве похоже на Сибирь?

Перед проектировщиками района стояла трудная задача — компактно расположить узлы и придать производственную завершенность территории, где с XVII века стихийно возникала промышленность (знаменитые солеварни, угольные шахты, фарфоровый завод, выделка кож и т. д.) и появлялись разбросанные деревянные поселения. Традиционные отрасли надо было реконструировать на современной основе, особенно угольную промышленность. Участие же района в общесоюзном разделении труда должны определять его главные преимущества: энергетическая база, местные ресурсы, обилие чистой воды, хорошие транспортные связи, а также исторически сложившаяся стабильность населения.

Так здесь выростала мощная нефтехимия, химия, цветная металлургия (алюминий), крупное машиностроение. Комбинирование нефтехимии Ангарска с химией Усожья-Сибирского, создание этого крупнейшего в стране химического комплекса открыло путь к выпуску большой гаммы «продуктов XX века».

Не все трудности проектирования удалось преодолеть. До сих пор вблизи некоторых предприятий, все больше в Черемховском угольном бассейне, расположено множество мелких поселков; планировочным решениям мешают открытые карьеры и терриконы старых шахт, сложные переплетения подъездных путей. Когда обдумывали схему размещения производств и населенных пунктов, еще не знали и о некоторых природно-климатических особенностях, а может быть, в свое время и не очень-то с ними считались. А теперь выяснилось, что в долине Ангары, где раскинулись предприятия и города, редки порывы ветра, чаще стоит спокойная тихая погода, и холодные массы воздуха не расходятся, а висят над долиной недвижимым плотным туманом. Потому чрезмерная концентрация вредных веществ в воздухе может оказаться опасной. Выход из этого положения видят в том, чтобы совершенствовать очист-

ку воздушного бассейна и ограничить строительство в долине новых производств, пускающих в небо лисьи хвосты.

Все это принимают во внимание, намечая дальнейшую судьбу территориально-производственного комплекса. Здесь есть удачные резервные площадки, где возможно размещение новых крупных предприятий. По всей вероятности, это будет квалифицированное машиностроение, в основном химического профиля. Предусматривается строительство комбината магнетитовых изделий — в ста двадцати километрах от Черемхова открыли месторождение магнетитов. Само собой разумеется, намечено развитие уже созданных отраслей, обсуждаются варианты их комбинирования, усилятся значение легкой и пищевой промышленности, пригородного сельского хозяйства.

По размерам промышленного производства Иркутско-Черемховский ТПК стал занимать второе место в Сибири, уступая Кузбассу.

В 1954 году десанты строителей уже добрались до деревушки Заверняйки в среднем течении Ангары. На скале Пурсей написали белой краской: «Здесь будет построена Братская ГЭС». Гидростроители вырвались наконец из зоны транссибирской железной дороги, где традиционно закладывались новые предприятия, и подались в необжитые северные места.

Когда при мне произносят слова «Братская ГЭС», одни и те же видения встают перед глазами — случайные, несвязные, необъяснимые. Вижу в розовом снежном дыму дорогу через тайгу на Падун. Навстречу утреннему солнцу по ухабам, как по облакам, несется покрытая брезентом «грусть-тоска» (так называли братчане грузовую машину-такси, единственный в ту пору вид общественного транспорта). Морозный ветер рвет брезент полого, летят заиндевелые лица в треуголах и платках. На борту машины приколочены предупреждения: «На подножке не стоять!» и «На ходу не прыгать!».

Это дорога на Братскую ГЭС.

Холодный, пронизанный лучами прожекторов машинный зал гидростанции, в тумане плывут щиты, кабели, трубы. В ушах стоит скрежет и грохот. Разговаривать приходится знаками, как среди глухонемых. А на свежей оштукатуренной стене прибит плакат. Парень в красной буденовке тычет в тебя пальцем: «А ты подготовил фронт работ для монтажников?»

Вспоминаешь, все вспоминаешь, и в памяти встает тревожный май 1957 года: бурный ледоход, ледяные острова надвигаются на верховую перемышку. Кружит вертолет, сбрасывает взрывчатку; ящик аммонита с зажженным бикфордовым шнуром зацепился за ось колеса, а вертолет кружит, еще минута и... Бортмеханик Александр Иванов спускается на веревке к колесу, висит над пролетающей внизу стройкой, над белы-

ми ледяными полями — взрывчатка летит на затор; и слышишь взрывы, грохот, простуженные голоса.

— ...Я с тебя голову сниму, а пуговицы выплуну!

— Брось ты заниматься своей культличностью.

— Товарищи, это непроходимый случай... Мы должны разобраться.

— Танечка, наши отношения пора усерьезнить.

— Опять на второе лапштекс?

— ...Работы сто пудов. Все по юстиции!

— ...Надоело в мурье жить!

— Я туфта?.. Меня с какой стороны ни поверни — патриот!

— У тебя шапка из ондатры, что ли?

— Нет, из Риги.

— Ты думаешь, товарищ корреспондент, уникальность Братской ГЭС в мощности? В высоте плотины? В площади водохранилища?

— А в чем же тогда?

— Пиши: Это единственная крупная советская стройка, где ни разу не менялись начальник строительства и главный инженер!

Начальник управления «Братскгэсстроя» И. И. Наймушин и главный инженер А. М. Гиндин появились на Падуне в одни и те же поздние дни 1954 года, добирались из разных мест, где тоже строили гидростанции, они занимались этим уже не первый десяток лет, но судьба никогда не сводила их на одной стройке. И назначение обоих в Сибирь на Братскую ГЭС вызвало у их общих знакомых некоторую растерянность: припоминали телегу, в которую впрячь не можно коня и трепетную лань. Гадали, как скоро нарушится этот немислимый союз. Ведь Сибирь, ведь пятьдесят тысяч рабочих, столько сложных задач, а время будет уходить на борьбу самолюбий и демонстрацию независимостей — такие были пророчества.

Наймушина американские газеты называли «гидромедведем», и я не знаю определения, которое полнее схватило бы его внешний облик и повадки: сутулый, угрюмый, резкий, он смотрел исподлобья и прятал глаза за густыми бровями. Его настырность, упрямство, пробивная сила были необходимы огромному строительству. Он часто улетал в Москву, его принимали в самых высоких кругах, и всегда он оставался самим собой, ни под кого не подлаживаясь, гнал от себя корреспондентов и писателей, заявлял им, что предпочитает иметь дело с производителями материальных благ, с тем, кто работает (пишущих он такими не считал), и эта его прямота еще более укрепляла за ним репутацию странного неотесанного мужика. И только немногие, кому удавалось все же прорваться к нему, долго оставались под впечатлением его глубоких, пронизательных суждений и его отзывчивости, и только совсем немногие, кто бывал с ним в домашнем кругу, знали его как галантного кавалера с изысканными манерами, и лишь едини-

цы осведомлены были о том, что Иван Иванович — да полноте, правда ли это? — любит Тютчева и сам пробует писать стихи.

Гиндин, блестящий инженер-энергетик, живой, остроумный, доступный, был всегда в окружении людей, и его шутки гуляли по котловану уже как народный юмор. Смелость и блеск его инженерных решений притягивали к нему техническую молодежь, собирали вокруг него умы и таланты, и уж вот с кем отводили душу корреспонденты, писатели, композиторы; говорить с ним по вопросам искусства было одно удовольствие, и эти беседы часто затягивались в его домике на берегу реки до полуночи, а ранним утром он уже бодро спускался по сходням в котлован, и сотни рабочих были ему известны по имени-отчеству. Но когда в кабинет набивалось слишком много народу и разговор принимал беспорядочный характер, он поднимался и спрашивал: «Кто получает больше денег — рабочий или главный инженер?» — «Главный инженер!» — раздавались голоса. «Ну, так давайте беречь его время!»

На Братской ГЭС И. И. Наймушин и А. М. Гиндин стали Героями Социалистического Труда, лауреатами Ленинской премии, и хотя эти высшие знаки общественного признания оказаны им, главным образом, за вклад в технический прогресс советской энергетики, лично мне великая их заслуга видится еще и в том, что, оставаясь индивидуальностями и не стремясь подавить в себе самих себя, они разными путями и с одинаковой настойчивостью стремились поддерживать и в других чувство личного достоинства, свободу суждений, способность доказать правоту. Прежде чем построить гидростанцию, они создавали нечто более важное, хотя и лежащее в ином измерении, — атмосферу интеллектуальной раскованности, при которой можно перекрывать реки, возводить плотины, прокладывать новые пути — и делать это с желанием, с радостью, с вдохновением.

В 1973 году Наймушин и его жена разбились на вертолете в устьилимской тайге. Ивана Ивановича похоронили на левом берегу Ангары, на виду у плотины Братской ГЭС, где вошли друг в друга древняя скала и молодой бетон, проникли громада в громаду, а над противостоянием этих стихий, над крошечной, такой внезапной здесь могилой, как будто оброненной проплывавшим в небе деревенским кладбищем, из поднебесья падает на землю тонкий щемящий звук. Над могилой склонились опоры ЛЭП-500, как вознесенные к облакам серебряные кресты. И все, и тишина, только бесконечный этот стон цепей сверхвысокого напряжения, да еще плеск воды у вечерней плотины. А по субботам приходит из города кортеж свадебных машин. Жених и невеста, держась за руки, идут к Ивану Ивановичу, опускают на могилу багульник. Этот ритуал никто в городе не устанавливал, его не числят в отчетах как новый обряд, он возник сам собой, как дань человеку, за которым пришли их отцы и матери в 50-е годы строить Братск.

Братску с высоким научно-техническим уровнем производств, с большой прослойкой образованных и культурных рабочих, к тому же хорошо зарабатывающих и информированных о том, что происходит вокруг, приходилось сталкиваться с естественными в этих условиях трудностями взаимоотношений. Административный нажим и вмешательство в поведение людей вступали в противоречие со стремлением людей к внутренней свободе. Здесь чаще, чем на других предприятиях, встречались независимые в суждениях и поступках личности с развитым чувством собственного достоинства.

Братский ГПК возник вслед за Иркутско-Черемховским, при помощи его энергетики, его техники, его жителей, охотно ставших пионерами нового индустриального района. Но у двух этих зон освоения общего мало: второй промышленный район как бы совершил семисоткилометровый прыжок из густонаселенного Верхнего Приангарья на север, в Среднее Приангарье, в глухую тайгу, где надо было не день и не два ходить по увалам под соснами, чтобы встретить охотника или выйти к старинной деревне. Очень малолюдные были эти места, пришлось собирать сюда строителей, а потом лесохимиков, металлургов, горняков со всего Союза, все начинать с просеки и с палатки; прокладывать дороги, поднимать тракторами стальные опоры, тянуть линии электропередачи; строить Братск, Железногорск-Илимский, Усть-Илимск, как три центра особых производств, вместе образующих территориально-производственный комплекс. И хотя в 1970 году здесь уже производили четвертую часть всей промышленной продукции области, район стоит пока на первых ступеньках своего экономического будущего. Предполагается, что население района составит 600 тысяч человек. Братская, а за ней и Усть-Илимская ГЭС в одной упряжке потянут эту развивающуюся зону производств к новым горизонтам, сегодня едва различимым.

По законам классического комбинирования на северном склоне горы Моргудон вблизи мощного источника энергии разместили крупнейшее электроемкое производство — алюминиевый завод, определяющий судьбы этой отрасли в Советском Союзе. На выплавку одной тонны алюминия нужно около восемнадцати тысяч киловатт-часов электроэнергии, потому обилие и дешевизна энергии ангарских установок обещивает не только большие объемы алюминия (в виде катанки и отливки), но и высокую экономичность. Здесь есть площадки и для новых электроемких предприятий.

На территории комплекса лежит Коршуновское месторождение железных руд (запасы около 0,5 миллиарда тонн). Здесь формируется добывающий центр с горно-обогачительным комбинатом: он рассчитан на производство около шести миллионов тонн железного концентрата в год. Сейчас коршуновские железные руды идут на Западно-Сибирский металлургический завод, но не исключено, что в недалеком буду-

щем они найдут применение в границах этого же индустриального района, где намечается расположить новый металлургический завод.

На Пьяновской площадке, близко от железной дороги Тайшет — Лена, вдоль тихой бухты Братского водохранилища раскинулись корпуса лесного суперкомбината или лесопромышленного комплекса, самого крупного в Советском Союзе. Здесь поточное расположение технически связанных производств позволило из одного и того же исходного сырья получать множество видов продукции — целлюлозу, картон, кормовые дрожжи, канифоль, фанеру, древесноволокнистые плиты. Все идет в дело — суперкомбинат не знает отходов. Вторая очередь лесопромышленного комплекса с персоналом в несколько тысяч человек (триста специальностей) поднимает годовую мощность предприятия до семи миллионов кубометров переработанного леса. Помимо изделий, которые я уже назвал, здесь расширяют производство деталей для автомобильной промышленности и судостроения. Надо ли пояснять, как это важно для Сибири!

Все эти заводы, города, инфраструктуру сооружает солиднейшая строительная организация на востоке страны — Братскгэсстрой с коллективом 70 тысяч рабочих и инженеров. Прежде чем разворачивать работы по индустриальному освоению района, она укрепила свои возможности обширной и современной строительной базой. Здесь возникли заводы железобетонных изделий, домостроительные комбинаты, свои леспромхозы и деревообрабатывающие предприятия, три крупных завода по производству металлоконструкций, санитарно-технических и электромонтажных деталей, ремонтные центры. Теперь не что иное, как сама строительная индустрия — главная притягательная сила, влекущая в этот район всевозможные производства и отрасли.

В Братске начинался Усть-Илим.

Первый десант плотников высадился на ледяное поле Ангары у охотничьей деревушки Невон. Встречать редкий в тех местах самолет вышли все, кто не отправился на промысел. Много было женщин с детьми на руках. Они стояли под ветром на льду, в сопровождении собак, напуганных гулом мотора. Наслышанные о стройке в двухстах пятидесяти километрах выше по реке, у Падунских порогов, они старались по десантникам, по их вещевым мешкам, откуда торчали топоры, представить, что теперь будет с их землей. В старшем над плотниками кто-то признал Иннокентия Перетолчина, из здешней илимской деревни Перетолчино. «Кеха! — кинулись к нему. — Ты как сюды попал?» — «Да я уж пять лет бригадирствую в Братске!»

Строители проторили тропу к Толстому мысу, где у трех вытянутых островков, прозванных «лосятами», надо было строить Усть-Илим-

скую гидростанцию. Братск переезжал на новую стройку со своим экскаваторным парком, крановым хозяйством, колоннами большегрузных машин, оставаясь крепким тылом освоения усть-илимского индустриального пояса: энергетики, лесохимии, а в будущем и электрометаллургии.

На Усть-Илиме случилась беда.

В воскресенье 19 мая 1974 года в 13 часов 30 минут загорелась деревянная опалубка напорной стены плотины. Ветер перекинул огонь по сухим дощатым щитам, и скоро реку перегородил фантастический пылающий обвал. Да какой: длиною с километр, высотой пятьдесят метров. Местное радио прервало передачи, известило население о беде. Люди, кто где был, побежали к реке. Никогда не забуду, как неслись по склону горы молодожены. Девушка в фате бежала босиком, держа в одной руке ведро, в другой белые лакировки лодочки. Пожарники в тот день на правом берегу проводили учения, а когда заявили, долго не могли обнаружить гидранты, что-то еще у них не ладилось. И три тысячи человек образовали от реки до плотины безостановочный конвейер с мелькавшими в обе стороны ведрами.

На верхней эстакаде с консольных кранов опустили в металлических люльках смельчаков с пожарными шлангами. Ошмотья горячей минеральной ваты попали в машинное отделение крана. Взорвался трансформатор, и пожарным пришлось спускаться сквозь огонь по мокрым брезентовым рукавам. Монтажная площадка, где собирали первые турбины, походила на чердак дома в часы воздушного налета: у каждой турбины расставили дежурных, они следили за головешками, как за бомбами, обезвреживали их водой и песком.

Усть-илимцы потушили пожар. И с артельным напряжением принялись наверстывать дни: в конце года предстояло пускать первые турбины.

Помню ночь с 27 на 28 декабря 1974 года в этом недостроенном машинном зале, в самолетном гуле работавших на холостом ходу турбин. За фанерной перегородкой диспетчеры принимали телефонограммы — поздравления с пуском, звонили из разных городов, под утро пришло приветствие от министра. А энергии все еще не было, что-то не ладилось, государственная комиссия волновалась и заседала безостановочно. Наконец, динамики разнесли по залу команду: «Включить агрегаты в сеть!» Все сгрудилось у щитка приборов — только здесь можно было видеть, как по ЛЭП-220, до сих пор питавшей Усть-Илим энергией Братской ГЭС, новая усть-илимская энергия хлынула в обратном направлении, в объединенную систему Сибири.

В 1977 году на Усть-Илиме работало 15 агрегатов (из 18 запроектированных) общей мощностью 3600 тысяч киловатт.

На правом берегу Ангары строится новый город Усть-Илимск на сто тысяч человек и лесопромышленный комплекс. Технологическая схе-

ма предусматривает непрерывные процессы, оборудование мирового уровня, электронно-вычислительные машины, управляющие производственными участками. При проектировании специально продумывали, как предотвратить или снизить вредное воздействие на природную среду. Возможно, со временем в этом районе разместят заводы вискозного волокна и целлофана.

Усть-Илим дал начало Богучанам.

Если плыть вниз по Ангаре до ее впадения в Енисей, то попадешь в самый центр будущего Приангарского ТПК. По-видимому, эта площадь в 80 тысяч квадратных километров, почти вся покрытая тайгой, станет на первом этапе освоения индустриальным районом энергетического, лесохимического и горнодобывающего профиля. Здесь намечено строительство Богучанской и Средне-Енисейской ГЭС, лесопромышленных комплексов крупнее Братского, а также добыча железных руд (Ангаро-Питский бассейн), свинца и цинка (Горевское месторождение), бокситов (Чадобецкие месторождения) и других природных ресурсов. Тут множество удобных равнинных площадок, пригодных для размещения в будущем энергоемких и водоемких производств — цветной металлургии, а может быть, и нефтехимии: геологи считают этот район перспективным на нефть и газ.

ЛЭП — звучит коротко и сильно, как хлеб. Это слово только и было на устах москвичей, горьковчан, одесситов, толпившихся в накуренной комнате отдела кадров: все просились подальше в тайгу, чтобы обязательно палатки, чтоб каждому накомарник, чтобы в тот край, где живут слова — просека, пикет, переход, угол. Ставить стальные опоры и при свете копилки писать домой загадочные строчки: «Мы строим ЛЭП...»

Они шли в тайгу на лошадях, совсем еще мальчишки и девчонки. Рубили в глухом лесу зимовье и летом мучились от жажды, а воды поблизости не было, и девушки тайком отсылали в посылках белье в Москву или в Одессу, чтобы мамы постирали и скорее высылали обратно: «Мамочка, ты не волнуйся и не презирай меня, просто нет времени на все на это...» — лукавили письма. Эти мальчишки и девчонки объединяли Иркутскую, Красноярскую, Кузбасскую, Новосибирскую, Томскую и Барнаульскую энергосистемы в энергетическую систему Центральной Сибири.

Пусть простят меня канатоходцы под куполом цирка, а я скажу: лэповец — вот это артист. Он идет по проводу в валенках и ватных брюках, ушанка лихо сдвинута на затылок, и хлопья снега с плеч уносит ветер, они долго кружат, прежде чем коснутся земли. Монтажник-верхолаз бежит по проводу, размахивает гаечным ключом и веревкой, ставит дистанционные распорки, чтобы в метель провода не били один

другой. Мороз на высоте делает пальцы белыми, и уже не чувствуешь боли, когда кожа с кончиков пальцев остается на проводах. На много километров от опоры к опоре ни лыжни, ни санного следа. Маленькая девушка в ватнике подает верхолазам распорки, привязывает их к бечеве. Она проваливается в снег по самый подбородок, со слезами на глазах ползет от опоры к опоре по-пластунски, как солдат. Прячет металлические пластинки под ватник, потом долго согревает в ладошках, пока сверху, с воздушного провода, не спустят бечеву... Следы девушки, как точки и тире на белом снегу, тянутся по всей трассе линии электропередачи от Братска через Тайшет на Камалу.

Линия электропередачи теперь непривычно пустынна, словно и не ревели на болоте машины, не дымили костры. Все это я видел здесь не так давно: тракторы зарывались в снег и на поверхности оставалась одна кабина. Другие тракторы подходили, вытаскивали их, и сами погружались в трясину, в конторке сохранились ведомости простоев в те дни. Поперек промасленной бумаги — размашистое объяснение механика Завирухи о причине простоя: «бо втоп», что по-русски означало — «потонул, тяжело увяз...»

Как-то на речушке Ныгри в районе реки Лены мне показывали построенную лет семьдесят назад первую в Восточной Сибири гидроэлектростанцию. Здесь же была единственная в России линия электропередачи напряжением 10 киловольт. Тогда, после четырнадцати лет строительства, протяженность линии достигла 21-го километра. На столбах можно было разобрать выцарапанные имена первопроходцев. Наверное, они думали о своих детях и внуках — пусть узнают, как это начиналось. Сейчас на опорах никто не оставляет своих имен.

Лэповцы — народ веселый, любители острого слова. Иначе и нельзя на заснеженной трассе, подолгу отрезанной от «материка». Мне помнится, как на просеке верхолазы окружили заместителя главного инженера строительства линий электропередачи Ротфорта, легендарного вожака лэповцев. Молодой парень наступал на него:

— За стеной кричит ребенок, не могу жить в таких условиях!

Ротфорт снял очки и удивленно посмотрел на парня:

— Слушай, так это ж здорово, что он кричит. И громко кричит? Ребенок развивает легкие, точно тебе говорю. Будешь отцом, сам узнаешь. Ты радоваться должен, что за стеной ребенок кричит...

Лэповцы смеются, и растерянный парень машет рукой, смеется вместе со всеми. А когда лэповцы расходятся, Ротфорт тихо, словно бы для себя, говорит:

— Даю вам слово, это героическая молодежь.

...Мы стоим на опушке леса и слушаем еще один диалог между Ротфортом и обросшим краснолицым рабочим, который переминается с ноги на ногу и смотрит куда-то поверх деревьев.

— Ты пьяница, ты же знаешь, что ты пьяница,— говорит Ротфорт.

— Есть немного...

— Ах ты, кошмар. Ах ты, Синегубов! Мы же тебя уволим за прогул.

— За прогул бы не надо, Михаил Семенович.

— Куда же ты денешься, Синегубов?

— На запад уеду, к родным... Только с сорок седьмой там не устроишься.

— С твоей попойкой даже на Север не берут, а ты хочешь на запад.

— Не буду я больше, Михаил Семенович...

С Ротфортом мы знакомы давно, и я помню, как это случилось. Он пришел в корреспондентский пункт «Известий» в Иркутске, нервный, даже возбужденный, и я, взглянув на него, подумал, что сейчас он будет кого-то разоблачать. А он загадочно смотрел поверх очков:

— Вы что-нибудь слышали о железном дереве?

Я ничего не слышал о железном дереве. И тогда гость протянул мне крупно исписанные листки бумаги—свою статью для газеты о преимуществах лиственницы перед металлом и железобетоном при устройстве линий электропередачи в сибирских условиях. Эту его статью потом опубликовали, а тогда был такой разговор:

— Вы не слышали о железном дереве? Ну, а Илимский острог видали? Иркутские избы вы видали, вы знаете, что им по триста лет? Попробуйте их тронуть топором, вы лишитесь топора, это я вам говорю. Потому что и острог, и избы, и все другие долговечные постройки в старину наши мудрые предки ставили из сибирской лиственницы зимних порубок. Обязательно зимних, когда дерево сохраняет все свои соки. Это железо: не гниет, а в сырости становится еще крепче. Перестраховщики заставляют нас бандажировать—они не пробовали топором иркутскую избу! Нет, раньше не применяли антисептики, не обрабатывали это дерево ни фтористым натрием, ни креозотовым маслом, ни битумом. А стоят дома по триста лет. Ну скажите, зачем на линии электропередачи напряжением 110 и 220 киловольт ставить опоры из металла и железобетона, когда есть лиственница?

Ротфорт и его друзья построили линию электропередачи напряжением 110 киловольт от Братска до Коршунихи с опорами из лиственницы. Это дерево пошло шагать по многим другим воздушным магистралям Восточной Сибири. И когда едешь вдоль просеки, то эти столбы, похожие на старославянские буквы, как будто твердят: не пренебрегайте опытом предков, не забывайте о простоте и дешевизне даже в век самых современных материалов!

Итак, мы вышли в бассейн Енисея.

Разве забудешь март 1963 года, дни перекрытия великой реки у Дивных гор, когда самосвалы, наступая с обоих берегов, сбрасывали в проран последние глыбастые камни и по перемычке, перескакивая с камня на камень, бросились навстречу друг другу строители, обнимаясь, как в долгожданный победный день. Из штаба вышел начальник строительства А. Е. Бочкин, он силился что-то сказать обступавшим его людям, а потом махнул рукой и — ему казалось — крикнул, а на самом деле хрипло прошептал: «Это ж только начало...» Мне никогда не узнать, какой смысл тогда был вложен в эти слова, имелся ли в виду будущий пуск первого агрегата или полная сдача гидростанции мощностью 6 миллионов киловатт, но теперь хочется думать, что начальник стройки (он же руководил строительством и Иркутской ГЭС) смотрел еще дальше и видел, как проступают гармоничные формы Красноярского ТПК.

Этот индустриальный район лежит в зоне Красноярска, Ачинска, Канска, в краю лесов, каменного угля, многих других природных ресурсов. Прежде он был известен деревообработкой, лесохимией, машиностроением, металлообработкой, пищевой и легкой промышленностью, а сейчас на свободных площадках возникают новые производства, несколько меняющие традиционные представления о профиле комплекса. Появляются новые энергоемкие предприятия цветной металлургии, химические, нефтеперерабатывающие и прочие современные отрасли. Здесь очевидна законченность целого ряда родственных промышленных сочетаний. Скажем, лесохимические центры выпускают гидролизный спирт, он служит сырьем для расположенных рядом предприятий, специализированных на производстве синтетического каучука, а этот каучук, в свою очередь, направляется на размещенные в границах комплекса заводы, изготавливающие шины для автодорожного транспорта и резинотехнические изделия. Резинотехнические изделия идут на красноярские же машиностроительные, судостроительные и другие заводы.

В Красноярском ТПК развита обрабатывающая и легкая промышленность — он дает шелковые ткани, стиральные машины, телевизоры, фотобумагу, пианино, швейные и кожаные изделия, товары бытовой химии, газетную бумагу. Бумагой он снабжает и книжные издательства Сибири.

В южной части Красноярского края, на площади 150 тысяч квадратных километров, на просторах хакасско-минусинских степей формируется Саянский ТПК, сильно отличающийся от других территориально-производственных комплексов. Он тоже богат запасами природного сырья, энергетическими возможностями — он неплохо освоен и имеет свободные пространства для размещения новых производств. Преимущество же его в двух планах: во-первых, он расположен в краю мягко-

го климата, на плодородных почвах, где получают высокие урожаи зерновых, выращивают даже сахарную свеклу, помидоры, арбузы, дыни, в степи пасутся тучные стада крупного рогатого скота и овец; во-вторых, он прекрасно опоясан железными и автомобильными дорогами, легко выходит транспортными магистралями на Кузбасс, в Западно-Сибирский индустриальный район, на Красноярский ТПК, в районы Тувы и Иркутско-Черемховского ТПК.

Саянская ГЭС и тепловые станции на минусинских углях вызовут к жизни энергоемкие отрасли цветной и черной металлургии, крупное машиностроение, химические производства. Особенность же этого района будет в том, что он окажется в скором времени самым мощным в Сибири индустриально-аграрным комплексом, где в структуру промышленных сочетаний органично впишется производство сельскохозяйственной продукции. Я не берусь судить о здешних арбузах и дынях, не пробовал; но вот за минусинские помидоры могу ручаться: они не уступают узбекским, молдавским, болгарским, а на мой вкус, даже приятнее и сочнее. Свежие овощи пойдут из Саянского ТПК в районы Крайнего Севера.

Прощаясь с территориально-производственными комплексами Ангаро-Енисейского бассейна, мы напоследок побываем в Норильском ТПК за Полярным кругом. Это самый северный индустриальный район. У него четко выраженное горнодобывающее направление. Главная сырьевая база — Талнахское и Октябрьское месторождения медно-никелевых руд, содержащих и многие другие полезные компоненты. Тут действует комбинат в составе рудников, обогатительных фабрик, заводов, металлургического передела. Построен город Норильск (около 140 тысяч жителей), связанный линиями электропередачи с Хантайской ГЭС и трубопроводом с газовыми промыслами на Мессояхе.

Так, подобно сосудам на гончарных кругах, в стремительном движении обнаруживают свои формы территориально-производственные комплексы, круто замешанные артельной экономической мыслью первых пятилеток и послевоенных лет. Можно думать, что в будущем связи между комплексами окрепнут, иные из них, уже оптимально развитые, сумеют найти возможности расцвета, объединившись в районные научно-технические комбинаты будущего, в наивысшие формы сочетания науки и труда.

Но чтобы произошло это пораньше и с наименьшими потерями, хотелось бы из опыта освоения новых территорий извлечь уроки.

В сибирских говорах, чутких к таинству слов, с давних времен принят глагол «успокаивать» в значении «потерять»: где ж ты, братец, один сапог успокоил? Удобна эта гибкость понятий. Как ни смотри, а все-таки приятнее, даже увереннее называть тему

разговора таким образом — отчего же сибирские комплексы «успокаивают».

Однажды меня осенило, что я живу не только в Иркутске и, садясь за руль автомобиля, мчусь по шоссе не просто в Ангарск или Черемхово; все это Иркутско-Черемховский ТПК, особо организованная территория, выражающая свои преимущества в зримых и осязаемых формах. Стыдно признаться, но сколько ни задумываешься над окружающими картинами, как-то не встречаешь наивысшей рациональности или чего-нибудь такого, что принципиально отличало бы этот пояс от других промышленных районов. Везде есть элементы кооперированной связи производств, а где же тут увязка в одно целое экономических, социально-политических, демографических и многих других факторов?

Оставим Иркутск, ему скоро 350 лет; не так просто теперь вынести из центра города старый завод машиностроения, разорванный на две половины улицей, увитой серебряным нимбом трубопроводов; нелегко отодвинуть подальше аэропорт, чтобы гул тяжелых самолетов, пролетающих над крышами, не будоражил бы горожан; и не разрушишь сразу все трубы ведомственных котельных, чтобы выйти утром в белой сорочке и сохранить бы ее чистоту хоть до захода солнца. Трудно исправлять давние шрамы на лице города, но реконструкция и новое строительство дают основания для надежд.

Оставим же Иркутск и, выжимая на шоссе восемьдесят-девять километров в час, минут через пятьдесят, сильно сбавив ход, проедем через каменную арку в Ангарск, самый старший из молодых сибирских городов. По населению (больше 200 тысяч человек) он приблизился к таким старым русским городам, как Калуга, Орел, Смоленск, а по экономическому, научному, техническому потенциалу вошел в число самых развитых городов страны. История же этого района, от первого колышка, прошла перед глазами нынешних жителей, и если они не слишком, может быть, разбирались в тонкостях планировки, то живым практическим умом быстро схватывали, где кончался порядок и возникал строительный бедлам, из-за которого прекрасный современный город до сих пор развивается трудно.

Как рождался Ангарск?

Первые строители пришли в сосновый бор междуречья Ангары и Китоя в 1949 году, чтобы при будущем нефтеперегонном заводе поставить рабочий поселок на 30 тысяч человек. Схемы планировки района тогда не было, а потому и другие ведомства, присмотрев подходящие площадки для своих заводов, намечали при них новые поселки, полагаясь на собственный вкус и руководствуясь принципом независимости от соседних поселков. Между прочим, из-за отсутствия заранее составленной схемы размещения производств и по причине неосведомленности каждого в отдельности ведомства о перспективах всего рай-

она некоторые предприятия забрели в зону водохранилища Бархатовской ГЭС, предусмотренной Ангаро-Енисейским проектом.

От строительства Бархатовской ГЭС пришлось отказаться.

Между тем, первый проект районной планировки Ангарска и его окрестностей (1952 г.) вынужден был сводить воедино все, что уже существовало и продолжало самостийно возникать. На площади в сорок квадратных километров набиралось свыше ста пятидесяти крупных и мелких предприятий, при этом одни дублировали другие; семь независимых друг от друга заводов железобетонных изделий, три самостоятельных теплоцентрали, восемь ведомственных автобаз. У железнодорожного транспорта оказалось четыре хозяина... Потом еще не раз составляли схему районной планировки, рассчитывая город в будущем на 400 тысяч человек и с горечью думая о том, как придется опять заменять подземные коммуникации, маломощные даже для существующего города.

Конечно, были и неизбежные трудности, отчасти связанные с тем, что темпы размещения производительных сил опережали степень изученности территории. Многие сложности удалось преодолеть и выстроить, в конце концов, компактный и уютный город. Но это произошло именно в конце концов, с большими затратами и потугами.

Чему учит история Ангарска?

Начинайся город не со строительства, а с разработки комплексной долговременной схемы, составленной людьми широкого кругозора, способными видеть территорию в совокупности всех составляющих ее элементов, обладай они к тому же информацией о планах союзных отраслей, молодой город был бы еще рациональнее и гармоничнее — без особых потерь.

История, говорят, имеет свойство повторяться. Во всяком случае, история проектирования и строительства Иркутско-Черемховского ТПК почти в точности повторилась при создании Братского ТПК, хотя иные времена отягощают виток спирали новыми проблемами.

В 1951 году при разработке схематического проекта Братской ГЭС институт «Гидроэнергопроект» сделал попытку выйти за пределы гидроузла и во второй части проекта изложить соображения по всему территориально-производственному комплексу. Назывались предприятия — будущие потребители энергии, их возможные масштабы и размещение на местности, были и рекомендации, как поставить строительство из года в год, чтобы совместить сроки ввода гидростанции, города, линий электропередачи и потребителей энергии. Не берусь судить о глубине всех этих расчетов; важно заметить, что эта предварительная комплексная схема существовала, но в свое время сочувствия

не нашла — наверное, насторожил беспрецедентный случай: ведомственный институт вторгается в сферу интересов других отраслей. Экспертная комиссия рассмотрела лишь первую часть проекта и благословила начало строительства гидростанции.

А что же комплекс в целом?

С ним получилось то же самое, что с путником, отмахавшим по тайге добрую сотню верст, чтобы потом спохватиться — а куда, собственно, он намерен идти? Братский ТПК, в отличие от Иркутско-Черемховского, отправился в путь, не обремененный сложившимися пропорциями и решительно ничем не связанный, готовый повернуться лицом и шагать в любую сторону, какую ему укажут. А ему не давали маршрута, он шел четыре года, куда ноги сами вели. Первый генеральный план появился в 1958 году, когда уложили бетон в фундамент плотины, построили ЛЭП-220 Братск — Иркутск, расположили «временные поселки», которым суждено теперь пережить иные каменные города, а ясности с комплексом все еще не было.

Потом принимали второй генеральный план, вслед за ним третий, уже стремясь опять-таки не столько прояснить горизонты, сколько воссоединить в нечто общее, возникшие по большей части стихийно, девять поселков («нахаловки» и «индии» — поселки индивидуальных деревянных домов с баньками, амбарами, огородами...), а они вместе не сходились, оставаясь каждый сам по себе, как отдельные независимые Братски, вытянутые вдоль таежных дорог на девяносто километров. Генплану ничего не оставалось, как посмотреть правде в глаза и утешиться схемой центрального города, на двести тысяч человек — этакой местной столицы окрестных Братсков.

Запоздалое появление генерального плана ТПК можно считать одной из причин неудач со стыковкой отраслевых планов капитального строительства. Уже была построена гидростанция, ангарская вода крутила лопасти турбин, жаждущих давать электроэнергию, а девать ее было некуда — не успевали ставить опоры и натягивать провода, а кроме того, главный потребитель энергии — алюминиевый завод — еще был в строительных лесах... Синхронного ввода связанных между собою предприятий (каждое из них стоимостью больше миллиарда рублей) не получилось. Потому и эффективность территориально-производственного комплекса была не такой, какой могла бы стать с самого начала.

Даже при утвержденной схеме развития района ведомства поступали так, как было выгоднее их собственному хозяйству; по своему усмотрению вносили коррективы в общую схему, опять там и сям возникали «временные» сооружения, как антитезы комплексности, антиподы долговременных решений, анти... — всех пропорций и гармоний на развивающейся территории. Железную дорогу проложили не как-нибудь, а таким образом, что отрезали поселок энергетиков от Брат-

ского моря. Потому что поселок шел по одним планам, дорога по другим, а море по третьим, и не было силы, которая заставила бы их объединиться на основе интересов «горизонтально-коммунистических», как великолепно говаривал Колосовский.

Много я ездил по молодым городам Сибири — когда в лесу при кострах рыли котлованы, и когда шли гулянки в светившихся всю ночь квартирах первого пятиэтажного дома, и позднее, когда под ботинками лежал мягкий асфальт тротуаров с белыми бордюрами, а по обочинам зеленели газоны и тонкие деревца тянулись по панелям к вымытым окнам. И почти везде, после дневных встреч, оставшись наедине с собою, я чувствовал, как впечатления расслаиваются, словно репчатый лук, а спрятанный в глубине стерженок бывает горше внешнего покрова. Уже русских казаков, пионеров освоения Сибири XVI века, здравый смысл учил сначала рубить остроги и ставить крышу над головой, а уж потом, прочно обосновавшись, давать казне продукцию. «И мы, холопы твои, поставя зимовья, учили твой государев ясак збирати», — писали атаманы. Поставя зимовья! Они бы весьма удивились, если бы какой воевода спустил план на пушнину из расчета сотни сборщиков дани, а на строительство острога и зимовий выдал бы гривенников совсем ничего, разве что на десять-пятнадцать казаков, да при этом, чтобы ни женок, ни детей себе не заводили. И в ответ на их, казаков, недоумения шли бы вместо гривен отписки насчет трудностей роста. Право, растерялись бы чубатые казаки!

Итак, первым делом — условия. Жилые дома. Магазины. Школы. Больницы, клубы, стадионы, городской транспорт... А потом или наряду с этим строительство основных промышленных предприятий. Здесь не только подсказка здравого смысла, проверенная народным опытом в течение столетий и доказанная «от противного» на многих сибирских стройках. Это уже научно и экономически обоснованная наивыгоднейшая схема освоения новых территорий. Когда ведомство стремится быстрее пустить производство и сделать подешевле продукт, экономя при этом время и средства за счет города, урезая социально-бытовые условия жителей, оно добивается иллюзорных побед. В Дивногорске в разгар строительства Красноярской ГЭС каждый пятый житель уезжал, не прожив и года. Кто подсчитает общественные убытки от миграции сотен тысяч людей, от временного дорожного безделья армии квалифицированных рабочих и специалистов, от возраставших поэтому затрат живого труда на новостройках, от пониженной, в конце концов, эффективности освоения района — если взять для сравнения оптимальный вариант?

Братск открыл занавес, и мы увидели на сцене драму из современной жизни — столкновение ведомств, равно желающих быть береж-

ливыми, давать самую дешевую продукцию, пусть даже за счет соперников; мы следили, с какой изобретательностью герои представления препирались друг с другом, руководствуясь опять же не какими-то мелкими интересами, а ведомственными, значит — государственными. Только в последнем акте, убедившись в призрачности отдельно взятых побед, они придут к простой мысли, которая носилась в воздухе с самого начала, — высокие достижения в каждом ведомстве, если все их сложить, еще не дают наивысшего эффекта; только при общих источниках энергии, при единой транспортной сети, коммуникациях, ремонтных базах и складах, дополненные разумными связями на территории, подчиненные одному безупречному ритму, они предложат сверх всего дополнительную прибавку, называемую «эффектом комплекса».

Конечно, перед нами клубок глубоких проблем и трудностей, не всегда зависящих от субъективных свойств тех, кто их создает; как это часто случается, носители «зла» сами по себе бывают умными и милыми людьми, но это как раз и заставляет искать выход вне сферы личных отношений. По-видимому, следует начать разматывать клубок, ухватившись за кончик всеми видимой суровой нитки планирования. Разрабатывать обстоятельный, долговременный, обязательный для всех генеральный проект развития ТПК не после и даже не параллельно с застройкой территории, а за несколько лет до первых просек. Это верный шаг к тому, чтобы сибирские комплексы перестали — еще до рождения — сами себя «успокаивать».

Не будем забывать, что в Советском Союзе размах градостроительства невиданный в мире. Ангарск, Братск, Мирный, Дивногорск, Горноправдинск — не перечислить все города, возникшие только в последние годы на сибирской земле. Общество решает задачу огромной социальной важности, стремясь повысить материальный и культурный уровень жизни трудящихся. Казалось бы, за долгие годы работы на берегах Ангары, при постоянных поездках вокруг да около могут примелькаться и стать привычными индустриальные картины. А расступается тайга, расходится утренний туман, в освещенных неярким солнцем соснах, как мираж в пустыне, возникает белокаменный город у искусственного синего моря, и ты словно бы в первый раз испытываешь возбуждение — это же надо, куда добрались.

Отчего же братчане, в особенности те из них, кто, наверное, лет двадцать назад прыгал через колдобины и рытвины, протискивался в холодный прокуренный барак, в красный уголок и читал лекцию о будущем городе, который они строили, о прекрасном городе-саде XX века, — почему же иные из них теперь, много лет спустя, признаются, что представляли себе Братск лучше, нежели тот город, который получился?

Дабы отвести возможные надежды несведущих людей на субъективное и несправедливое отношение к молодому Братску, можно отослать их к официальному заключению Госгражданстроя при Госстрое СССР и Госстроя РСФСР, двух могучих организаций, которые не станут зря наговаривать на себя и связанные с ними учреждения: «Застройка города однообразна и архитектурно невыразительна, выполнена без необходимого учета природных факторов (Братского моря, лесных массивов, рельефа местности)».

Хотя с тех пор, как появился этот горестный документ (1969 г.), кое-что меняется к лучшему, вот уже растут и первые высотные дома, все-таки Братск пока еще не отвечает сегодняшним идеалам. Краеведы ревностно коллекционируют отзывы воспитанных иностранцев, щедрых на вежливые комплименты, но мы-то знаем город не с одной парадной стороны, мы-то живем в похожих друг на друга каменных коробках, далеко не лучших образцах архитектуры времен начала индустриализации строительства. Рядом с великолепной гидростанцией город кажется детищем предыдущих десятилетий. И грустно бывает наблюдать, как инженеры, властелины электронной техники, а после работы просто жильцы, несутся с пятого этажа вниз, гремя мусорными ведрами: в жилом дворе стоит пронзительный звон колокольчика, а у замызанной машины-мусоровозки, поторапливая жильцов, суетится грузчик с лопатой — на фоне Братской ГЭС!

Хотя умение предотвращать ошибки предпочтительнее энергичности при их исправлении, отдадим должное строительным ведомствам, сумевшим сформулировать для Братска выход из положения: «Для застройки наиболее ответственных в градостроительном отношении мест города следует допускать применение жилых домов, разработанных по индивидуальным проектам, с учетом номенклатуры изделий местной строительной базы».

По индивидуальным проектам! — хорошо сказано, с пониманием, с учетом перспектив; при таком подходе города будут полнее отвечать современному образу жизни, удовлетворяя не одни функциональные, но также и эмоциональные потребности горожан; и спустись на парашюте в город, в любой его район, сразу догадаешься, в Братске ли ты, в Железногорске-Илимском или вовсе в Стрежевом: города обретут свое лицо и характер. Да в том пока беда, что правильные слова мы научились катать по слою таких же точно слов, как снежный ком по белу полю, а что до практических дел, то, сколько ни допытываешься у проектировщиков, отчего в молодых городах Сибири так мало сооружается по индивидуальным проектам, в ответ слышишь туманные разъяснения: «Мы такие проекты делаем за пять-шесть месяцев, а утверждать их ходим два-три года». — «Кто же тянет?» — спрашивал я. «А кто утверждает... Госгражданстрой при Госстрое СССР и Госстрой РСФСР».

Есть ситуации, которые не раскроешь ключом логики или здравого смысла. Можно понять торопливость при возведении стандартных серийных домов, вызванную благородным желанием быстрее расселить людей, хотя было бы лучше стараться заранее; можно объяснить и стремление строить подешевле, хотя с учетом всех долговременных факторов, экономических и социальных, еще неизвестно, что для общества окажется выгоднее. Дело, однако же, в том, что молодые сибирские города иногда возникают как некий неизбежный придаток к производству, как нежеланное дитя, от которого не удастся избавиться, он не окружен той лаской и любовью, какая выпадает новому производству; потому и не сыщешь архитектора, который бы сказал: «Это мой город», у него обычно много хозяев-застройщиков, охваченных единым порывом где только можно сэкономить на строительстве города.

Чей город Братск?

Чьи понятия о жизни, о красоте, о будущем воплощены в новом городе, какой архитектурной мыслью или откровением объединены кварталы, кто вложил в эти проспекты и площади свои раздумья и озарил их талантом? Мы много раз возвращались к этой теме в архитектурных мастерских, в дружеском застолье с приятелями-проектировщиками, и столбовая прямизна вопроса никого не ставила в тупик, а, напротив, рождала варианты если и не пригодные к немедленному использованию, то, во всяком случае, заслуживающие того, чтобы к ним отнестись со вниманием. Шел разговор о престиже архитектора, о доверии к нему и его таланту; но у меня перед глазами сейчас уважаемый архитектор, автор интересных градостроительных решений. Он смотрел в окно на стандартные жилые кварталы и говорил не тем, кто сейчас сидел за столом, а скорее самому себе: «Я никакой не шкурник и не искатель легкой жизни, но я москвич и люблю свой город, я не хочу покидать его навсегда. И все же, если бы — если бы! — мне сохранили прописку и оставили за мной квартиру, с какой бы радостью я поехал в Сибирь на несколько лет, чтобы строить задуманный мною город. Пусть я не потяну на мэра этого города, но его главным архитектором я бы сумел!»

Молодой сибирский город — элемент территориально-производственного комплекса, и его судьба так или иначе связана с принципом создания всей народнохозяйственной структуры на местности. По-хорошему, следовало бы с самого начала не упускать из вида сочетание производств с городами и зонами отдыха, точнее определять характер будущих поселений, уровень благоустройства, архитектурный облик, подсказанный сибирской природой. Социальная инфраструктура должна развиваться в строгом порядке, отвечая генеральным проектам комплекса всеми своими составляющими.

Может быть, тогда молодые города Сибири перестанут походить друг на друга, а все вместе на старый квартал московских пятиэтажных Черемушек и замрет, наконец, прекратив свой унылый марш по склонам гор и сквозь тайгу тысячу раз повторенный дом серии 1-464, а вслед за ним дома двух-трех таких же скучных серий. Местные органы, имея в руках отчисления от заинтересованных ведомств и выступая заказчиком всего комплекса, не позволят каждому предприятию заниматься «своими» домами, «своими» школами, «своим» ларьком «пиво-воды». Они привлекут к планировке города лучшие проектные мастерские, вдохновят их возможностью свободного и разумного самовыражения. Оригинальные проекты и смелые решения, все истинно талантливое будет вызывать сочувствие даже у финансистов, как единственная и наивысшая возможность экономии общественных затрат.

Их было трое на пустынном перроне. Мужчина в коротком полушубке опустил наземь обвязанный веревкой чемодан. На узле со скарбом устроилась женщина, прижала к себе ребенка, не допуская мороза к его плечам и спине. Они появились вместе, но не смотрели друг на друга, занятые собственными мыслями. Да и мало радости разговаривать на холодном ветру. Скорей бы подошел поезд на Тайшет, уж там можно сесть на пассажирский в любую сторону.

Не сдвинься с места этот, в полушубке, не подойди он прикурить, так бы и расстались мы, случайные попутчики, дожидаясь каждый своего вагона. А он подошел, спросил — далеке ли мне и, как водится по законам нечаянного общения, «а вот я...» или «ну, а мы...», сообщил о себе с исчерпывающей краткостью дорожного разговора. Жил в Братске, теперь уезжает с семьей на запад. Ну что ж, и рыба ищет, где глубже, — плыви себе на здоровье.

— Испыток не убыток, верно я говорю?

Повышенная громкость его голоса, наверное, означает, что свои слова он адресует кому-то другому.

Женщина не проявляет к нам никакого интереса. Взгляд ее блуждает по запорошенным шпалам и задерживается на товарном вагоне, что одиноко стоит в тупике.

— С твоими испытками всю жизнь на колесах будем. Дите бы пожалел, — произносит она, глядя на тупик.

Мой собеседник не реагирует на слова женщины, но говорит уже тише, как бы уверенный, что теперь к нему прислушается тот, кто должен услышать.

— Разве ж это жизнь: то чужой угол, то комнатуха в общежитии. Честно сказать, на заводе у нас положение в этом деле несоответствующее. Далеко несоответствующее.

— Другие горлом берут, кулаком о стол. А ты у нас все в пра-

вильниках ходишь, не видать и не слышать,— женщина продолжает, не поворачивая головы.— Об ребенке подумал бы.

— А что я могу? — отвечает он мне.— Ходил, просил, обещали много раз. Да я и сам знаю, не потому отказывают, что не хотят, а положение с жильем у них несоответствующее.

По виду мой знакомый не из тех братчан, которые приехали сюда в начале пятидесятых годов строить гидростанцию, а пока жить в палатках, звать весь поселок на новоселье в горизонтальные небоскребы, как сами они величали первые бараки на правом берегу. Они узнавали друг друга и душевно сходились в свои счастливые годы, в праздничном угаре первой самостоятельности, покинув родительский кров и пока не обретя ничего, кроме надежды и бодрости. И как бы ни складывалась потом их судьба,— кто покинул город, кто обзавелся семьей и прочно обосновался, кто и оглянуться не успел, как все переменялось, возникли новые люди, и уже подростки с почтением уступают им дорогу, а сами они все еще мнят себя начинающими жить — для всех новоселов пятидесятых годов Братск останется Братском их молодости, на которую грешно роптать.

Моего же знакомого занесло сюда переселение начала шестидесятых годов, когда строительство отодвинулось в глубину сцены, а на первый план вышли уже готовые заводы и комбинаты. Их предстояло научить давать продукцию, а это могли сделать новые люди — иные и по профессиональной ориентации, и даже по складу характера. И снова, уже во второй раз, без прежнего романтизма, но с прежней значительностью Братск становился понятием зовущим, притягательным. Теперь сюда ехали новоселы с житейским опытом, с семьями, и средний возраст горожан стал подниматься.

Эта новая генерация братчан уважает подвижный, почти бродячий образ жизни первых строителей, а также их спартанский дух, но для себя желает иной участи; устроиться стабильно и основательно. пустить крепкие корни, чтобы никакие ветры не сдвинули с места. Пришло время самим себе признаться, что она не так уж устарела, традиционная фигура домоседа, тяжелого на подъем и чуждого скитаниям. На нынешнем уровне развития индустриальных центров Сибири именно такие люди выносят на своих плечах истинные трудности освоения пионерных территорий.

Наш новый знакомый из таких вот, как в старину говорили, седунов, или сидней, не склонных к переменам места,— этим его история и значительна: он уезжает...

— А так бы что в Сибири не жить: заработки нормальные,— говорит он, растирая носком сапога окурки.

В последние годы бюджет сибиряка стал и впрямь устойчивее: тут поддержал его коэффициент (в Восточной Сибири — 1,2, а в Братске — даже 1,4), или, как его еще называют, «сибирская надбавка». Она

помогла как-то компенсировать дополнительные в холодном крае затраты на теплую одежду, на обогрев жилья, на освещение. Теперь реальные доходы сибирской семьи в общем приблизились к доходам такой же семьи в западных районах страны.

И все же глаголу «приблизились» не удастся заинтересовать новых людей жить в Сибири: тут требуется другой, единственно справедливый для здешних условий глагол — «превзошли...». Экономисты и старожилы знают, что после Октябрьской революции в сибирских городах жизнь была дешевле, чем за Уралом, да и сибирский крестьянин жил состоятельнее крестьян центральных губерний страны. В том и мудрость партийных решений, что закрепление кадров в экономически перспективных районах здесь органично увязывается с дальнейшим повышением оплаты труда путем введения новых и расширения действующих коэффициентов к заработной плате, создания дополнительных льгот для некоторых районов.

Сибиряк, если примечать не случай, а явление, не позволяет деньгам брать над собой верх: он чужд накопительству, привычен к размаху, не прочь слегка покуражиться в знак широты души. Приезжим, большинству из них, это решительно нравится. Они охотно и даже с интересом стараются перенять многое из здешнего уклада, следуют местным обычаям и хотят наладить свой собственный быт, чтобы все шло капитально и достойно, «как у людей». Они отметают упреки в торопливости и в неумении ждать, как ждали раньше, и не желают, повторю, походить на своих предшественников — первых строителей с их палатками, бараками, неустроенностью: теперь иные требования.

Мой знакомый, когда уже невольно стало ждать квартиры, а тут еще жена крупно с ним поговорила, пошел к заводскому начальству — была не была! Его приняли вежливо и, как бы ища у него понимания, сочувствия, солидарности, объясняли причины, с которыми сами совладать не могли. Министерство планирует Братскому алюминиевому заводу пустить новый корпус. Это требует, к примеру, ста рабочих. А на средства, отпущенные министерством, можно построить десять-пятнадцать квартир.

«Мы не подумали, что бани, пекарни, магазины, столовые — это далеко не последнее, а первое звено в крупном строительстве, где заняты десятки тысяч людей», — помните, признавал И. П. Бардин «ошибку, которую одинаково совершали на всех строительствах Союза в первые годы индустриализации».

Почему бы не сделать, как говорится, выводы из поучительного опыта тридцатых годов?

Но послушаем рассказ моего знакомого на перроне:

— Непременно будет тебе квартира, — говорили мне, — в первую очередь. — А когда придет очередь той первой очереди? — допытываюсь я. — Строим, сам видишь, а все не хватает. Людей требуется много,

а квартир у нас мало.— Отчего же, спрашиваю, не строите столько, чтобы хватало? Тут же не старый город, где из подвалов да из бараков переселяют. Ведь все начинаем сызнова, на чистом месте?— Недостаточно средств, говорят, выделяют на это дело.— Так, может, я здесь лишний человек и планом не предусмотрен?— Да нет,— говорят,— ты вполне плановая единица. А только квартиры тебе пока нет.

В тот день он мало что понял из этих рассуждений. Да и здесь на перроне я не мог ничего объяснить ему толком. В Иркутской области в последние годы устойчиво сохранялся повышенный удельный вес капитальных вложений в строительство промышленных предприятий. И сравнительно малая часть средств направлялась на возведение жилья и всего другого, что необходимо человеку.

В далеком крае, где стройки возникают действительно на пустом месте, часто в стороне от транспортных магистралей, капитальные вложения на жилье, ясли, детские сады, школы, больницы, то есть в непроизводственную сферу (термин, правда, странный), относительно ниже, чем по стране в целом. Журналисты, говорят, должны уметь из факта выжимать смысл, но как я ни стараюсь, выжать здравый смысл из этого факта не могу.

— Хотели дочку в садик устроить,— снова вступила в разговор женщина с ребенком на руках.— Мне бы тоже работать пойти. Ничего не получилось!

Она ведет речь о себе и не подозревает, что касается проблемы, над которой давно бьются сибирские плановики. В Иркутской области, как выяснилось, много трудоспособного населения, особенно женщин от двадцати до сорока девяти лет, которые не работают, хотя среди них есть люди со средним и даже высшим образованием. Обследование принесло точные цифры: 35,8 процента тех, кто не занят в общественном производстве, в качестве главной причины называют вот эту — негде и не с кем оставить ребенка.

Вернемся к Братску. Кажется, еще недавно мы писали с нежностью и даже с некоторой завистью: молодой город выходит на первое место в стране по числу детей на тысячу жителей, и как это грустно, что няnek и бабушек не хватает. Легкая тень тревоги не смогла приостановить сложные социальные процессы: они назревали постепенно, проявляя себя в семейных размолвках. А в 1970 году Братск вышел на первое место среди городов Иркутской области по числу распавшихся семей. Демографы тут усматривают много тонких причин, не все они связаны с особенностями нашего города, а скорее носят некий общий характер. Но одно существенное обстоятельство присуще новым городам: то же отставание так называемого непроизводственного строительства.

Мы видим, что просчеты в экономической политике некоторых ведомств оборачиваются социальными потерями для общества. Встречаешь немало думающих хозяйственников, которые понимают ситуа-

цию, даже пытаются при поддержке местных органов добиться перераспределения средств, естественно, без ущерба для ввода новых производств. Но на этом пути такое множество утверждающих инстанций, это требует таких затрат времени и сил, что не каждый станет ввязываться в новые хлопоты.

...Женщина на перроне пересадил ребенка, а сама снова умолкла и замкнулась, как бы жалея о сказанном. Думала, освободится душа, но тяжесть не желала отпускать ее. Они не пропадут, эти трое, доберутся до места и постараются устроить жизнь, как им хочется. А поезд, который увезет их отсюда, на обратном пути оставит на перроне новых людей. Их ждут, они очень нужны здесь: надо завершить строительство алюминиевого завода и лесопромышленного комплекса, пустить агрегаты на Усть-Илимской ГЭС и там же развернуть сооружение нового гиганта лесохимии — это намечено партией.

А две пары рабочих рук Братск уже потерял. Потерял зря!

Подошел поезд, заброшен в тамбур узел и чемодан, поднялась женщина с ребенком, а за нею мой новый знакомый, и вскоре все трое исчезли в вагоне. Поезд идет до Тайшета. А там можно пересесть на пассажирский и даже на скорый — в любую сторону.

Сложность пространственной организации промышленности и городов в районах нового освоения естественно втягивает в круговорот противоречий многие отрасли хозяйства, институты, учреждения. Кто должен выступать единым Заказчиком Комплекса и совмещать всю полноту власти с ответственностью за судьбы ТПК?

Эти функции мало свойственны местным органам власти, тем более, что границы административного района и территориально-производственного комплекса могут не совпадать; их нельзя возложить и на единственную, общую для всего комплекса строительную организацию, даже если она державно могущественна, как Братскгэсстрой, хотя бы по той причине, что это — подразделение одного ведомства и его решения не могут быть обязательны для других равноправных ведомств; да если бы волевым путем и наделить его постановления силой непреложности для всех, связанных с этим районом, вряд ли получилось бы что-нибудь путное, потому что нужен аппарат особого свойства — способный держать в уме проблемы комплекса в целом.

Кто же тогда?.. Однажды, когда угроза растащить будущий город по поселкам стала реальной, была создана Дирекция строящегося города Братска с правами отдела облисполкома. Людей подобрали надежных и практичных, рьяно взявшихся за новую роль коллективного просителя-толкача. С бескорыстием истинных патриотов молодого города они ходят по предприятиям комплекса и собирают долевые деньги, дабы вкладывать их в строительство новых домов, магазинов, школ,

больниц... Их тут зовут уполномоченными по заготовкам финансов. Они стараются, но возможности их ограничены.

А между тем, в территориально-производственном комплексе нужна Генеральная Дирекция ТПК, или фирма «БК» (Братский Комплекс) или Бюро «АП» (Ангарский Проект) — изобретать можно до бесконечности, но нам сейчас важна не эффективность названия, а эффективность сути.

Перебирая блокноты последних лет, восстанавливая в памяти разговоры в Госплане СССР, в Совете по изучению производительных сил при Госплане СССР, в Институте экономики и организации промышленного производства, перечитывая материалы научно-практических конференций в сибирских городах, следишь за вариациями одной и той же важной идеи — каждому комплексу нужен штаб, где мыслят обобщениями, планируют совокупности, отвечают за целое.

Чей это орган, Бюро «АП»?

Возможны разные варианты решения, и я не стал бы утверждать, что однозначный ответ предпочтительнее многозначного; даже допускаю, что Бюро будет подразделением не одной какой-то организации, а нескольких сразу; ведь для успешной работы предстоит объединить административные права, научно-проектную мысль и организационно-плановые возможности. На этот счет существуют многие структурные предложения, а смысл сводится к одному — координирующий орган должен быть уполномочен принимать решения по стыковке отраслевых интересов для гармоничного развития комплекса.

Тогда прекратятся несообразности вроде тех, что возникли в районе Усть-Илимской ГЭС. Схема районной планировки, составленная Гипрогором в 1962 году, учитывала, что строительство гидростанции у Толстого мыса начнется с правого берега, где первый поселок строителей впишется в будущий город; на этом же берегу наметили Катывскую площадку под лесопромышленный комплекс, резервные площадки под будущие предприятия и обозначили трассу железной дороги Хребтовая — Усть-Илим. По железной дороге будут быстро доставлять из Братска к новой гидростанции строительные материалы, железобетонные конструкции, оборудование, а затем поезда помчат круглый лес на целлюлозный завод, а обратно будут вывозить продукты лесохимии. Казалось, что составители схемы учли все мыслимые варианты, но на проверку вышло, что один они не приняли в расчет, а он-то перекрыл многолетний труд института. Одержавший надо всеми верх — вариант «препирательства замедленного действия».

Освоение начиналось с прокладки железной дороги. Кому ее строить? Министерство путей сообщения даже и говорить не хотело — дорога нужна гидростроителям и лесникам, пусть они и вкладывают деньги. Лесники возразили: что за резон тратить деньги, если целлюлозный завод начнут строить через несколько лет; железная дорога

им пока ни к чему, а кому нужна, тот пускай и раскошелится. «Нас вокруг пальца не обведете,— писали в бумагах гидростроители (я сжато излагаю смысл).— Мы построим, а вы пользоваться будете? Не выйдет, мы вообще обойдемся без рельсового пути!»

И обошлись — начали строить гидростанцию не с правого берега, а опять же с левого, проложили по левому берегу из Братска до Усть-Илима грунтовую дорогу, вереницы машин повезли к Толстому мысу цемент, панели, арматуру; разумеется, поселок пришлось ставить не там, где будет город, а по другую сторону от плотины. Через несколько лет, когда на горизонте появились контуры целлюлозного завода, лесники согласились соорудить железную дорогу по правому берегу, но трассу сами обозначили, вдоль берега реки. Тут подняли шум градостроители. Новая трасса отрезает будущий город от водохранилища, зачем же так делать? Лесники остались непоколебимы — как дешево, так и будем строить, а город появится, дорогу перенесем. Строим по временной схеме!

Наверно, есть повести печальнее на свете... Но чтоб в районах нового освоения их было меньше, чтобы их вовсе тут не было, нужен облеченный властью хозяин комплекса — Бюро «АП». Этот орган, как бы его ни именовали, представляется не канцелярией, но как бы Лабораторией специалистов высокого класса, с определенным уровнем культуры и кругозора. Пусть их будет человек тридцать-сорок, не больше; они держат в поле зрения развитие всего комплекса; сводят вместе нужных людей и организации; координируют действия ведомств; они могут наложить вето на все, что отступает от проекта комплекса, и им разрешено перераспределять фонд капитальных вложений, чтобы не нарушать гармонии в застройке; среди них есть инженеры, экономисты, архитекторы, географы, строители, экологи; высокие оклады позволили собрать здесь действительно знающих людей, может быть, ученых; независимость и широкие полномочия обеспечивают быстрое решение проблем; их первые помощники и опора — Совет директоров крупнейших предприятий ТПК.

Всем знакомы учреждения, с доброй сотней работников, каждый при больших полномочиях, в бегах да в заботах, занят текущей суетой; встречаются учреждения иные, с авторитетной вывеской и тихими коридорами; там рассуждают о будущем, но в настоящем времени имеют мало прав и обходятся без распорядительных функций. Бюро «АП» решительно отличается от тех и от других. Тут сошлись полномочия с непререкаемой властью, но люди, этим наделенные, проходят мимо карусельного кружения будней; они координируют все крупные работы на территории; им бы так поставить комбинирование, чтобы избежать потери сырья и энергии, ликвидировать встречные перевозки, максимально использовать общерайонные устройства и сооружения; они предлагают научные экспертизы и дают квалифицированные консультации; все

их старания устремлены к одному — соблюсти действительно комплексный подход к промышленному освоению территории, не упуская из вида также охрану природы, развитие сельскохозяйственной базы, уровень жизни населения.

Формирование территориально-производственных комплексов пойдет быстрее и удачнее, если заниматься ими будут люди, достаточно знакомые с экономическими идеями 20-х, 30-х, 40-х годов, чтобы не тратить умственных сил на поиски уже известных решений; люди, способные на ходу усваивать противоречивые уроки комплексов 50-х и 60-х годов, не страшась выводов и не останавливаясь перед ломкой мешающих привычек. Так удастся освободить комплексы от ведомственности, раздирающей их на части, обеспечить от начала и до полного расцвета комплекса развитие заложенной в него логической мысли, согласования действий всех заинтересованных сторон — словом, достичь той высшей эффективности, которую несет сочетание отраслевого принципа руководства народным хозяйством с территориальным планированием.

Обо всем этом я писал на страницах «Известий» и теперь из многих писем, полученных редакцией и мною, приведу два.

Госплан СССР:

«В статье правильно ставится вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования порядка планирования, проектирования и строительства территориально-производственных комплексов и промышленных узлов в целях повышения эффективности общественного производства. При разработке и осуществлении планов развития ТПК встречается ряд сложных вопросов, затрагивающих действующую систему планирования и управления хозяйством, права и обязанности министерств. По заданию Госплана разработана схема развития и размещения производительных сил СССР на 1971—1980 годы. В ее составе материалы по союзным республикам, экономическим районам и важнейшим ТПК, в которых определяется перечень основных предприятий, включенных в комплекс, примерные сроки их строительства, взаимная увязка развития и размещения всех производств и инфраструктуры по территории».

Госстрой СССР:

«Газета правильно обращает внимание на важность вопросов планового формирования территориально-производственных комплексов, включая создание и развитие городов и поселков, координации действий участников освоения и выбора эффективной структуры управления строительством комплекса. Учитывая, что создание ТПК с единой дирекцией, по единому проекту, с единым финансированием, как это рекомендуется «Известиями», требует внесения серьезных изменений в систему управления и планирования народного хозяйства, решение по этому вопросу должно быть принято в установленном порядке по

предложению Госплана СССР, разработанному с участием заинтересованных министерств и ведомств».

На XXV съезде партии указывалось, что «Центральный Комитет против поспешных, необдуманных перестроек управленческой структуры, сложившихся методов хозяйствования. Не семь, как принято говорить, а восемь или даже десять раз нужно тут примерить, прежде чем отрезать. Но если уж мы примерили, если мы поняли, что непрерывно развивающемуся народному хозяйству стало тесно в рамках существующего хозяйственного механизма, то его надо решительно совершенствовать».

Сибирь с особыми надеждами ждет, когда управление ее промышленным потенциалом станет гибче и совершеннее, и в большей мере, чем теперь, будет отвечать ее масштабам. Дело говорят экономисты, предлагая именно здесь осуществить экспериментальное долгосрочное планирование в форме крупных комплексных программ, как раз на этих пространствах испытать новые методы управления, учитывающие возрастающее значение территориально-производственных комплексов. Эксперимент, как известно,— это метод познания действительности и ее преобразования. Во имя этих достойных целей сибирский край готов пойти на социальный научный эксперимент.

Сибирь ставит много задач и много требует, но с этим приходится считаться. Далеко вперед смотрел Г. М. Кржижановский, когда в 1930 году со свойственной ему запальчивостью говорил на заседании президиума Госплана СССР:

— Бывает, что докладчики с мест, выдвигающие местную проблему и защищающие местные нужды, впадают в некоторое хвастовство. Но вот, если Сибирь говорит о своих богатствах, тут нечего опасаться такого уклона, ибо вопрос об ископаемых богатствах Сибири и об утилизации этих богатств — это даже не вопрос СССР, а вопрос мирового порядка. Тут никаких элементов мещанского хвастовства нет. Нужно учитывать перспективы развития Сибири, как позиции мировой борьбы, и всякое сопротивление, которое начинают нам оказывать под флагом рентабельности расчетов сегодняшнего дня и на основании сегодняшней конъюнктуры, есть прямое непонимание того, в какую игру сил мы включены¹³.

ЛЮДИ МЕДВЕЖЬИХ УГЛОВ

Булунские выдвигенцы.—
Повариха из «угла 561».—
Сухановы и Парамский
порог.—
Любкина горка.—
Железный у нас народ! —
Там, где начнется Лена

Для тех, кто судил бы о Сибири по газетам 60-х годов, огромное пространство от Монголии до Арктики могло показаться безмолвной снежной пустыней с островками «передних краев», как стало принято называть крупные стройки, одна от другой в пятистах и даже в тысяче километров. Эти молодые индустриальные центры выхвачены прожектором общественного интереса из туманных расплывчатых далей, их высоко приподняли над древними городами, ведущими счет от первых острогов, над степными деревнями, над шахтерскими поселками, над таежными заимками — все это оставалось под оптическими стеклами, утратившими резкость.

Избирательность общественного внимания имеет сложную природу, ее не объяснишь одной тягой людей к новостям, или целенаправленной пропагандой, или другою отдельной причиной: тут решает стечение обстоятельств. А оно-то, стечение обстоятельств, и приводило к сдвигам в воображении подростков, молодежи, даже людей старшего поколения, которым отныне при слове «Сибирь» виделись исключительно панорамы строительства, слышались взрывы в горах и оглушительный грохот техники. Школьными классами, рабочими бригадами, производственными участками ехали люди в дальние края. «Дом родимый свой у Москвы-реки мы оставили навсегда, чтобы здесь, в тайге, встали фабрики, встали новые города...» — гремели над страной репродукторы.

Сибирь стала географическим идолом целого поколения.

И уж так получилось, что на какой-то срок в тени остались исконные жители края, потомки варнаков и чалдонов, миллионы коренных сибиряков, которые па-

шут землю, пасут в степи овец, уходят в тайгу на промысел, сплавливают лес, идут проводниками с геологами, ставят опоры линий электропередачи, спускают через пороги карбасы с сеном и продовольствием, размещают в своих избах пришельцев и отпускают парней, самые крепкие руки, в города, на стройки. У них ни к кому нет претензий, они смирились с мыслью, что «передний край» где-то близко, а у них какой-то другой край, может, сбоку, а может, и позади главного... Между тем именно на их плечи выпали главные трудности освоения новых территорий. Несправедливо такое забвение!

Верно, что приезжие отовсюду люди, большей частью командиры производства, рабочие высокой квалификации, интеллигенты в широком смысле слова, принесли в новые края повышенный счет к образованию, культуре, быту. Концентрация интеллекта в молодых городах явилась притягательной силой для местной молодежи. Но этот благотворный процесс нисколько не умаляет значения также и обратной зависимости: глубинные сибирские районы, так называемые медвежьих углы, соседствуя с молодыми городами, посылая на крупные стройки своих таежных земляков, вносили в складывающиеся производственные коллективы лучшие черты привычного уклада, влияли на чистоту и состоятельность нравственной атмосферы. На этом взаимопроникновении культур были замешены и пошли в рост традиции новых промышленных центров.

Когда мои приятели, завершая короткую поездку по Сибири, командировку или туристский маршрут, возбужденные Братской ГЭС, вышками Самотлора, алмазными карьерами Мирного, просят напоследок рассказать им, с чего все это начиналось, с моей памятью происходит что-то неладное. Сквозь множество картин, встающих перед глазами, проступает и все заслоняет собою занесенная снегом деревушка, спрятанная в лесах на Средней Ангаре, словно старообрядческий скит.

В деревню Невон, к исконным рыбакам и охотникам, сибирякам четвертого, а то и пятого поколения, я попал по чистой случайности, из-за вынужденной посадки биплана. Летчики разошлись отдыхать по знакомым, а меня позвали старики Чарушины в свою древнюю и еще крепкую избу. Петр Иванович и Панна Ивановна, оба плосколицые и похожие друг на друга, как брат и сестра, коротали со мною вечер при тусклом свете керосиновой лампы. Керосин сюда завозили раз в год, приходилось экономить. Я листал семейный альбом, видел двух плосколицых парней в бескозырках, их сыновей, балтийских моряков, не вернувшихся с войны. Двое других сыновей и три внука ушли из своей деревни, подались в изыскательские партии, к топографам, к геологам — «все при лошадях», как сказала Панна Ивановна. По ее словам, в деревне уже и вовсе не осталось «молодняка», даже старики уходят проводниками к «экспедищикам». В окрестностях ищут железную руду, уголь, нефть...

Петр Иванович не сводит хмельных глаз с Панны Ивановны, раскрасневшейся, хлопочущей у медного самовара.

— Сибирь благая, мошка злая, народ бешеный!— балагурит старик, поднимая над головой алюминиевую кружку.

Панна Ивановна разбивает ножом на ладони кусок сахара.

— Забыли молодые стариков, не едят... Находят ли, чего ищут?

— Обязательно найдут!— Петр Иванович глядит на жену влажными глазами и торопится снова столкнуть над столом три кружки, как бы только ради их тупого и жалостного соприкосновения.

— Знать бы их заговоры!— вздохнула Панна Ивановна.— На волка в капкане сложили, про змею помню, от шатуна есть... А чтоб нашли чего, не сложили!

— А вы скажите, что помнится,— попросил я.— Авось поможет!

Старушка отступила на два шага в полутемный угол, к белеющей русской печи, торжественно сложила руки на груди, ладошка к ладошке, и полузакрыла глаза.

— Ставлю я ловушки, железные капканы, на пути-на дороге, на звериные тропы, бежали бы, скакали со всех четырех сторон. В первую сторону — в восточную, в другую — в полуденную, в третью — в северную, в четвертую — западную. Со всех четырех сторон ступайте всеми четырьмя ногами, безотпятно, безотворотно, бесхитростно, безурочно, рысячие звери, не урочьтесь, не призортесь...

Я смотрел в угол избы, откуда, как из далекого прошлого, доносился таинственный шепот. Старушечье лицо с полузакрытыми глазами не столько виделось, сколько угадывалось. О чем думала в эти минуты сама заклинательница? Какие видения вставали перед Петром Ивановичем, опустившим чубатую голову на стол? Могилы ли погибших сыновей, навеки оставшихся в прибалтийской земле, сибирские ли пути-дороги, по которым бредут в эту холодную вьюжную ночь двое других сыновей, да еще и внуки, оставив старикам хранить очаг дома, сажать картошку, ходить в тайгу за соболем, «перевыполняя план сдачи пушнины государству», как сообщает грамота, висящая в рамке под стеклом над железной кроватью?

Когда друзья просят рассказать о начале сибирской индустриализации, я вспоминаю ту ночь у керосиновой лампы, полутемный угол, где стоит, полузакрыв глаза, маленькая старушка, отдавшая этой индустриализации все, что она могла отдать, и я долго молчу, сам себе повторяя ее заклинание: «Запру я, замкну свои уста тридцати ключам, тридцати замкам, снесу свои переговоры в Киян-море, положу ключи и замки под белый горяч-камень...»

Эта глава о сибиряках, живущих и работающих в стороне от «переднего края», — хотя я уверен, что никакого иного края тут нет, он мне не попадался.

На побережье моря Лаптевых, чуть выше устья Лены, живут потомки эвенских (ламутских) кочевников: оленеводы, охотники и рыбаки совхоза «Булунский». Площадь совхозных земель огромна — не час и не два висеть самолету над тундрой. И все же хозяйство по здешним меркам среднее, есть покрупнее и покрепче. Другим взял «Булунский». В один год булунского звероведа Лену Павлову коммунисты послали делегатом на съезд, а ее земляка — охотника Спиридона Антонова избрали депутатом Верховного Совета СССР. Согласитесь, не каждому хозяйству выпадает иметь таких выдвиженцев, да еще враз. У булуницев это как правило.

Понятие «выдвиженец» возникло в начале двадцатых годов. Его как бы выплеснуло небывалое в истории явление: рабочие выдвигали товарищей на руководящие посты. Суть понятия классически выразил герой ранних стихов Сельвинского: «Вчера ты, скажем, работаешь тут, а завтра — в замнаркомы». В наши дни это понятие получило несколько иной смысл, но осталось связанным с революцией и потому дорого, как прежде. Булуницы, что ни год, выдвигают своих односельчан в какие-нибудь выборные представительства. И не было, говорят, случая, чтобы их выдвиженца не поддержали соседние хозяйства, а за ними и вся республика. Раздумывая над постоянством такого выдвижения булуницев, я склонялся к мысли, что причиной тому закономерное стремление поддержать одну из малых народностей Севера — эвенов всего девять тысяч в стране.

А оказалось, наперед скажу, все не так просто.

Олени, мотая рогами и фыркая, звонко бегут по ледяной реке. Ну и ветер... Ну и снег! Сидишь на нартах, втянул голову в плечи, торопишь оленей длинной палкой и веселым криком. Чуть приоткрыв глаза, смотришь на белые увалы. В этих местах снаряжались полярные экспедиции, сюда вели тунгусы ездовых собак для путешественников и тащили одежды, нанимаясь в проводники. Где-то поблизости моряки «Жаннеты» искали последний лагерь капитана Де Лонга, замерзавшего в этих снегах. Молчат сугробы, от поворота к повороту передает оленей белый конвой, и с прежней скоростью влетаешь на длинную улицу поселка, несешься между избами, похожими на заснеженные вулканы, дымящиеся после извержения. Олени сами замедляют ход и, тяжело дыша, бьют копытами у порога дирекции совхоза.

Кюсюр — центральная усадьба совхоза «Булунский». В совхозе занято четыреста рабочих и восемнадцать специалистов: они пасут двадцать две тысячи оленей, ловят на песках рыбу, отправляют самолетами в Мирный, Алдан, Якутск, и хотя чуть ли не каждый день в небе над тундрой возникает самолетный гул, олени кидаются врассыпную, как много лет назад, и пастухам надо погорланить, чтобы остановить и успокоить стадо.

В Кюсюре есть электричество от движка, поликлиника, магазин,

два клуба, школа с интернатом. Черноглазые первоклашки в песковых шапках разглядывают приезжего человека. «Однако, ты откуда? Из республики или за пределами?» — интересуются.

Любопытство — от осведомленности про масштабы тундры.

— Ты правда корреспондент? — ставит меня в тупик молоденькая эвенка на звероферме. Мы стоим у шедов с голубыми песцами, и я чувствую себя дальтоником: зверьки белые, как облака. Моя знакомая ловит их рогулькой и допрашивает, смеясь:

— Будешь писать, как мы вымирали при царизме?

— Почему ты так решила? — растерялся я.

Наконец она поймала песца и, придерживая за лапы, опустила в сугроб. Вот где чудо! На снегу отливало серебристой голубизной. Было слишком красиво, даже неестественно.

— Почему ты так решила? — повторил я.

— А про это мы все время читаем.

Ее зовут Мотя, ей девятнадцать лет. Вся в оленьих одеждах, она передвигается, как перекачивается.

— А что бы ты хотела прочесть про Кюсюр? — спрашиваю я.

Мотя улыбается, и лицо ее становится почти без глаз.

— Как мы расцветаем.

Я понял, что палец в рот ей не клади.

Кумир Моти и ее веселых скуластых подруг — Юра Степанов, главный зоотехник и собственный их комсорг, как они говорят. Юра окончил Московскую ветеринарную академию, быстро сошелся с булунскими звероводами, затеял строительство новых шедов, увлек всех экспериментами, и, поскольку его бурная деятельность не повредила звероферме, а вывела ее в число лучших среди всех звероферм района, булунцы души не чают в молодом москвиче и рассказывают приезжим людям о нем так много, что и не поймешь, где кончается правда и начинается воображение. Одну историю повторяют чаще других: о том, как однажды, будучи по делам в Тикси, Юра увидел на берегу моря, у разбитой лодки замерзавшего подростка. Впрочем, какой подросток, восемнадцать лет! Только на девять лет моложе Юры. Его звали Гошкой, он был связан с людьми сомнительной репутации, которые на Севере компенсируют свою сравнительную малочисленность несравненной многоопытностью... Юра потянул парня за собой, посадил в самолет и доставил в Кюсюр. Хотя у них с женой всего одна комнатка, Юра поставил для Гошки раскладушку, одел и обул, устроил на ферму разнорабочим. С тех пор живет у него Гошка: сын не сын, в поселке говорят — брат.

Я пошел домой к Юре и Гошке.

— Москву люблю до слез! — Юра качает русой головой и блаженно улыбается не столько мне, сколько Гошке, шурующему у железной печки. Мы сидим за шатким столом, покрытым газетами, пьем

чай из стеклянных банок, спорим о разных вещах — и почему дороги корма для северных лаек, и отчего бы не доставлять сюда в баллонах сжиженный якутский газ; есть ли смысл в проекте Нижне-Ленской ГЭС, и нет ли надежды на ленинградских энтузиастов, проектирующих дирижабли. И не то удивило, что Юра успевает за всем этим внимательно следить. Готовиться в аспирантуру он тоже находит время. Отметил я другое: северные проблемы для него уже совсем свои, сугубо личные — отношение к ним стало его жизненной позицией.

Вот окружение делегата партийного съезда Лены Павловой. Юра — ее начальство, Мотя — подчиненная, Гошка — можно сказать, сослуживец. На ферме хорошие люди, многие из них, по-моему, достойны быть выдвиженцами. Я даже думаю, что они не уступили бы Павловой, а кое в чем и превзошли бы ее — у каждого свои преимущества.

В те дни, когда Лена Павлова была на партийном съезде в Москве, я познакомился в Кюсюре с ее матерью. Старая эвенка приехала на оленях из далекого стойбища, километров за триста, пожить в избе дочери, пока железная птица не вернет дочь из далекого мира в тундру. Когда я открыл дверь в избу, перед моими глазами заиграли яркие краски: старушка сидела на табурете у окна и расшивала бисером новые торбаса, по всей видимости, дорогой подарок для дочери. Она была взволнована. Предки их кочевали, жили и умирали в пути, и вся их семья движется за оленями, добираясь летом до холодного моря, и никогда не было такого, чтобы каждый встречный на долгих перекочевках так расспрашивал о ее дочери и так подчеркнуто пожимал ее руку. Как будто не простая дочь была у нее, а какая-нибудь невиданная красавица, как Айталы-куо или Юкэйдээн из древних сказаний.

— И отец у Лены — коммунист, — говорит старушка. — Депутат райсовета.

— А где он сейчас? — спрашиваю.

— А с оленями. В тундре.

Я дождался возвращения Лены Павловой в Кюсюр.

Лена, когда мы наконец встретились, произвела на меня впечатлительное упругой стальной пружинки — энергии у нее через край! Она объезжала на оленях поселки вдоль берега Ледовитого океана, встречалась с моряками и портовиками Тикси, летчики полярной авиации доставляли ее на острова и в самые далекие стойбища, чтобы рассказала про съезд, да у кого из министров была, чего добились... Наконец, охрипшая и счастливая, вернулась в Кюсюр к своим голубым песцам, к дорогим для нее собраниям женсовета — эвенки давно уже выбрали ее своей предводительницей, но всего этого, казалось, ей было мало.

— Знаете, как поддерживали нас в женсовете, — рассказывает Лена, зашивая рукав своей кухлянки, разорванный где-то на островах. — Приезжали в Якутию московские швеи. Показывали одежду для северян. Капрон, перлон, лавсан... А что толку, не погреешься у костра. По-

ка удобнее и легче оленьей шкуры нет. Мы и решили сами шить меховые костюмы, торбаса, шапки — как в ателье!

— Это ты придумала, Лена? — спросил я.

— В Москве я советовалась. Выгодны, говорят, местные промыслы.

В одной довольно научной книге мне попалось на глаза определение, которое я тогда выписал себе в блокнот: «Личность — это интеграция социально-значимых черт, характеризующих сущность данного общества в индивиде...» Мне думается, если вернуться к началу разговора, где-то здесь лежит, очевидно, одна из возможных разгадок влияния булунских выдвиненцев: судя по всему, здесь стараются воспитывать в людях вот эту «интеграцию социально-значимых черт». Иначе говоря — личности.

На Крайнем Севере я слышал от полярников термин — «гражданские сумерки». Так называют время после захода или перед восходом, когда солнце ниже горизонта настолько, что еще можно читать. Этот термин так и хочется перенести в область обществоведения. Гражданские сумерки — уже в ином смысле — наступают, когда люди нивелируются, утрачивают индивидуальность. В совхозе «Булунский» видна другая тенденция — противоположная.

Ранним утром олени помчали нас вверх по реке. В моей нарте вожак поставил однорогого здоровяка, который посылал задними копытцами комья снега мне в лицо. Не смея поднять головы, я поторавливал оленей улюлюканьем, как это делали на передних нартах и позади меня. За день прошли километров семьдесят по руслам разных речек, пока не перевалили на Аблахан, к стойбищу бригады № 3. Ночевали в тордохе, эвенком чуме. Посреди дымила железная печка, над ней в деревянном ящике, приколоченном к стояку, виднелась керосиновая лампа, как пленница, привязанная к мачте. Хозяева снабдили меня спальным мешком, и я улегся на спрессованные ветки лиственницы, от которых шел терпкий духмяный запах.

Когда открыл глаза, солнце просвечивало сквозь шкуру. Я был в янтарном шатре! Долго пытался поднять голову, но она не слушалась. Наконец, сообразил, в чем дело. Ребром ладони ударил по затылку — и примерзшая к мешку голова с хрустом оторвалась от лежанки. За столом уже сидели хозяева и мои спутники. Мы ели сырую оленью печень с солью и пили крепкий плиточный чай.

Бригадир Никитин дымил длинной березовой трубкой. Мария Гавриловна, его жена, кочующая с ним вместе и назначенная на должность «чум-работницы» — такое название! — изо всех сил старалась накормить редких здесь гостей. Делала все молча и сосредоточенно, не ввязываясь в мужской разговор. А начал пастух Бетюнский. Мне рассказывали, что до войны он был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве.

Бетюнский с трудом выговаривал русские слова, но смысл был понятен: он сетовал, что добираться до поселка тяжело, а завозить грузы в тундру или что-нибудь строить еще затруднительнее. Транспорт один — олени да собаки, кормить их дорого, себе в убыток, и непонятно ему, Бетюнскому, отчего утихли разговоры о дирижаблях для Крайнего Севера. Опять о дирижаблях!

— Надо наказать нашему Антонову,— пригрозил Бетюнский.— Пускай толкает это дело в Верховном Совете. И министров, однако, пускай пошевелит. Крепко надо шевелить. Пускай приедут в тундру. Поживут маленько. Послушают Антонова.

В тех интонациях, которые ловил слух, когда заходила речь об Антонове, об их выдвигенце, угадывалась спокойная уверенность: этот депутат не то что министров, кого хочешь расшевелит.

Честно сказать, я несколько опешил, когда в первый раз увидел Антонова. Ему лет тридцать семь. И хотя у него десять детей, и старшей дочери уже шестнадцатый, сам он выглядел очень молодо. Застенчивое, я бы даже сказал, робкое лицо. Живет на левом берегу речки Оленек, в маленьком селении Тюмяти, это километров двести пятьдесят от центральной усадьбы совхоза. В три летних месяца он помогает семье — рубит на зиму дрова, стирает белье, перекладывает крышу. А с началом осени уходит с оленями на промысел. Берет с собою дрова, уголь, одежду, хлеб, сахар, чай, заправку для супа и шкуры для тордоха. Он удачливый охотник. Награжден орденом Ленина. У его жены — почетное звание «Мать-героиня».

Об Антонове мне рассказывали еще в Якутске. Он трижды был депутатом сельского Совета. Затем Верховного Совета республики — кругозор у него широк, он знает суждения людей тундры, ставит вопросы необтекаемо, угловато, остро. Потому булунского охотника и избрали депутатом Верховного Совета СССР.

Мы встретились и разговорились.

— Что всего сложнее в работе депутата?— спросил я.

— Попасть на сессию,— сказал Антонов.— Пойдет пурга, оленями кое-как до аэродрома доберешься, а самолет не приходит.

В другой раз мне хотелось узнать:

— Какой из наказов избирателей самый трудный, Спиридон?

— Убрать из тундры тордохи.

Выступления сибиряков, в том числе и булунцев, с трибун и в печати принимаются во внимание. Причастность к большим проблемам жизни могла бы служить, по-моему, еще одним объяснением влияния депутатов совхоза «Булунский».

В одном областном центре я зашел в учреждение к своему знакомому. Да в самую запарку: он расписывал по районам разнарядки на кандидатов для участия в каком-то крупном собрании. «Нельзя на самотек,— говорил он,— на местах должны в точности знать, каких

профессий, возрастов, процент мужчин и женщин, чтобы полная демократия...»

У булунцев, по-моему, такое было бы невозможно, не прошло бы такое у них. Перебираю в памяти встречи — в партбюро, со специалистами, с директором совхоза. Здесь сами знают, кого им должно выдвигать. К народу обращаются за советом. Этих принципов придерживается директор совхоза И. А. Козин, заслуженный агроном РСФСР и тоже депутат — районного Совета. Он живет в тундре четверть века. По-якутски говорит так же свободно, как на родном уральском наречии. Да и по виду, в тяжелом оленьем сокуе до пят, в натянутых на легкие кянчи торбасах, перевязанных у шиколотки, — чистый абориген. Многие в республике знают, сколько у него оленей и какие он ставит опыты. И только один вопрос, связанный с «Булунским», бывает неожиданным даже для знатоков местного сельского хозяйства — как там растут выдвигенцев?

Козин рассуждает так:

— Все пишем про человека: и нормы дает, и в семье обходителен, и книги почитывает. Чем не избранник! А надо бы для начала — умен или так себе, имеет принципы или нет. Взять Антонова, чем он силен? На вид прост, голос негромкий, запинается. Какой из него трибун? А мысль в голове собственная, напрокат не взятая. Бывает, забуксует мысль или куда-то слишком быстро бежит — всегда в работе. Суждения его широки, выводы крепки. И он за них, будьте спокойны, уж постоит до конца. Таких мы поддерживаем, подчеркнуто уважаем — мыслящих. Надо поднимать в цене народный ум и талант.

В сущности, Козин говорит о вещах само собой разумеющихся. Кто же с этим станет спорить? Другая сторона заслуживает внимания: булунцы не только рассуждают об этом. Они и в самом деле поддерживают у себя обстановку полного взаимного доверия, при котором только и может раскрыть себя каждая личность.

Северная экзотика, мы видим, дело чистого случая. Мы рассказали о выдвигенцах эвенского совхоза. А могли — алтайского, омского, иркутского... Кое-что пришлось бы писать по-другому, но смысл, я думаю, остался бы тот же. Как сказал мне напоследок Козин: «В цене пусть будет тот, кто ногами стоит в родном Кюсюре, а в голову вобрал все государство».

Кормилицей в этих местах зовут Анну Петровну Чунга из столовой № 5. Не знаю, кто пустил по трассе то слово, много тут лесорубов, сварщиков, шоферов — приезжих из разных краев. Прижилось оно, наверное, не из-за будничных забот тети Ани, а скорее потому, что есть в ней что-то мягкое, добродушное, сострадательное, от пушкинской няни Арины Родионовны. Перевяжет на спине тяжелый платок, с приба-

утками накроет стол, расспросит про жите, а под конец прищурит глаза и рассмешит едока всегдашней скороговоркой: «Сорок да сорок — рубль сорок, ел не ел, — два рубля, итого три восемьдесят».

Столовая — слишком сильно сказано для половины вагончика в лесотундре, посреди обледенелых буреломов. В этих местах, говорят, бродили стада мамонтов, антилоп, шерстистых носорогов. Во всяком случае, экскаваторы извлекают из вечной мерзлоты музейные реликвии. Но этим они занимаются, как теперь говорят, по совместительству; в основном же здесь строят магистральный трубопровод от Таас-Тумуса через Якутск на Бестях.

В вагончике железная печка с трубой — главный агрегат тети Ани. Чуть свет она строгаёт ножом мерзлые поленья на лучину, отчего между большим и указательным пальцем правой руки образовалась шершавая припухлость. Рядом с печкой деревянный стол, две скамейки. И еще я заметил на подоконниках алюминиевые миски и консервные банки, где тетя Аня выращивает зеленый лук и чеснок. Нелегко ей — все же средняя температура зимой шестьдесят градусов, а топить печь для обогрева вагончика надо примерно двести пятьдесят дней в году. Все бы терпимо, если б вдоволь пресной воды. Поначалу растаивала в котле свежий снег, сгребала ладошками с самого пушистого сугроба. Кто-то из приезжих обмолвился, что в снегу не хватает для людей минеральных веществ. Тетя Аня решила с тех пор растапливать куски льда с ближних лесных озер.

За цветастой ситцевой занавеской — ее жилище. Голубая железная кровать с двумя взбитыми подушками. Поздно ночью, помыв посуду после ужина и уже придумав ранний завтрак для своих ненасытных, тетя Аня гасит одним вздохом свечу и долго лежит с открытыми глазами. Мне рассказывали, что на войне она потеряла мужа, сама попросилась на фронт и в батальоне связи прошла с войсками Европу.

— Бородатые у меня парни, — улыбается тетя Аня, нарезаая утром хлеб. — Говорю Аветису: сбрей бороду, а то любить не буду. Пришел вечером за зеркальцем.

В двух соседних вагончиках, занесенных тем же пушистым сугробом, что и вагончик тети Ани, живет бригада лесорубов Ерванта Манукяна. Вот эти три вагончика и обозначены на схемах трубопровода индексом «угол 561» — до ближайшего пикета отсюда километров сорок, а до Якутска будет, наверное, километров двести пятьдесят — через много рек и ручьев, на большинстве которых уже есть переправы.

Словом, «угол 561» — самый что ни на есть медвежий угол.

Тетя Аня — стряпуха, она же официантка, судомойка и грузчица тоже. Мне осталось привести меню этой далекой столовой на трассе, чтобы видна была мера ее бесконечного труда. Вот кое-что из моих 'записей, я вел их в той поездке с особой тщательностью, стараясь не пропустить ни строчки, дальше расскажу почему.

Понедельник		Вторник	
суп морковный с говяжьей тушенкой	—0-13	салат из квашеной капусты	— 0-05
суп гороховый с мясом	— 0-14	щи с мясом	— 0-20
колбаса отварная	— 0-24	карась жареный	— 0-12
гуляш говяжий	— 0-25	макароны отварные	— 0-06
омлет	— 0-13	пельмени домашние в масле	— 0-27
рис отварной	— 0-08	шашлык в кастрюле	— 0-34
чай с сахаром	— 0-02	кофе	— 0-18

Перечень сам по себе вряд ли способен вызвать повышенный интерес, разве что отчаянный шашлык в кастрюле даст нам повод для усмешки: голь на выдумку хитра! Хитра, что же ей еще остается... А между тем наименования блюд надо просматривать на фоне географии, конкретной экономики, транспортных условий вблизи Ледовитого океана. И тогда меню предстанет явлением удивительным. Ну скажем, те самые караси: их ловили подо льдом в Кобяйских озерах неподалеку от трассы и привезли шоферы в знак благодарности кормилице. А пельмени! Не было полуфабрикатов в картонных коробках — тетя Аня ночью месила тесто, крутила мясорубку, подталкивая мясо к тупым ножам, а потом лепила их штука за штукой, чтобы хватило на десять-пятнадцать мужских ртов.

Была в ней сокрытая внутренняя сила, способная к неожиданным бурным проявлениям, но сознательно усмирная в самой себе и подчиненная обстоятельствам, к которым приходилось подстраиваться; к ней вполне подходила несколько наивная характеристика сибирских женщин, составленная полтора века назад на страницах провинциального русского издания: «добры, ласковы, и что редкость в женском поле, весьма скромны, застенчивы и молчаливы. Впрочем, в родных и дружественных кругах своих веселы и шутивы. Совершенно покорные супруги мужей своих и нежные, попечительные матери... Добродетельны и сострадательны к несчастным...»¹

При всей простоватости такого представления о сибирячках, в нем между тем схвачена особая мягкость характера, как бы противостоящего большим обидам, причиняемым стихией и обстоятельствами. Этот стержень человечности не гнулся под тяжестью исстари горемычной женской доли, а держал устои семьи и устои общества.

Такой и осталась тетя Аня у меня в памяти — маленькая добрая женщина, ради которой лесорубы гоняли самосвал в Якутск, чтобы в день 8 Марта подарить авоську, полную «Мишек на Севере».

С тех пор прошло несколько месяцев. Я случайно узнал, что тетя Аня больше не работает поварихой. Не буду гадать, сама ли ушла или что случилось, но вдруг вспомнился мне последний наш разговор в лесу.

— Эх, попала бы я в Москву,— говорила тетя Аня,— пошла бы к самому министру. Как думаешь, пустили бы?

— И что бы вы сказали ему, тетя Аня?— хотел я знать.

— У-у-у! Всю правду выложила бы. Товарищ министр, сказала б ему, быть поварихой на стройке — сил-моих больше нет...

В Министерстве газовой промышленности СССР добрые люди рассказали мне, что у них на магистральных трассах работало свыше двух тысяч пятисот таких вот поварих, как тетя Аня. Потом я ходил к геологам, энергетикам, лесникам и в другие ведомства, пока не прикинул: по нашей стране кочуют с небогатым своим хозяйством примерно сто тысяч работников общественного питания. Они движутся вместе с теми, кого надо кормить, разделяя все трудности своих подопечных, и они лишены были даже тех небольших преимуществ, которые есть у людей, работающих на востоке.

Выберем из торгового мироздания маленькую песчинку — нашу тетю Аню из Якутии. По подсчетам экономистов, у нее каждый месяц уходит на белье, одежду, обувь в среднем 29 рублей 30 копеек. У поварихи в центральных районах страны на эти же нужды требуется 18 рублей 07 копеек. А заработная плата у них почти одинаковая. Вот и стремились поскорее в свои города выпускницы торгово-кулинарных школ, а пожилыестряпухи при удобном случае уходили в экспедиторы, грузчики, разнорабочие, куда угодно.

В главках, ведающих рабочим снабжением, мне тихонько, но с гордостью рассказывали об одной стороне своей деятельности, почти что подпольной... Это массовая изобретательность: как лучше обойти устаревшие инструкции финансовых органов и удержать на стройках работников общественного питания. Ну, такие есть достижения, хоть патенты выдавай. Не буду здесь раскрывать фирменные секреты — мне поверяли их под умоляющим грифом «не для печати». Скажу только, что государству было бы выгоднее, во всяком случае, дешевле, привести мешающие главкам инструкции в соответствие с реальным положением вещей. Надо освободить титанов снабженческой мысли от соревнования, как в сибирских условиях изящнее обойти законы.

До недавних пор проблема общественного питания на стройках, связанных с постоянным кочевьем, решалась по-артельному. Бригада сама подыскивала себе повариху и договаривалась об оплате. Лет восемь-девять назад стали появляться первые деревянные вагончики на колесах и с железной трубой, из которой валил дым: это были прародители нынешних вагончиков-столовых, которые выпускаются по заданию УРСа Министерства газовой промышленности СССР в очень небольших количествах. Комплекс состоит из вагона-столовой, вагона-магазина и передвижной электростанции, работающей на солярке. При явных преимуществах такой формы обслуживания перед артельной инициативой вагончики не вызывают особого восторга у поварих. Оборудование там громоздкое, много тяжелого ручного труда.

И это понятно — ведь проектировали ту походную кухню специали-

сты по газовым магистралям. Можете себе представить, как выглядела бы газовая магистраль, если бы ее проект составили самые квалифицированные конструкторы мясорубок. Кстати говоря, в Министерстве энергетики и электрификации СССР мне показали другой, их собственный вариант передвижной столовой, спроектированный создателями лучших в мире бетонных плотин.

Наверное, это происходит от недоразумения и неосведомленности — так думал я, направляясь в Государственный институт по проектированию предприятий торговли и общественного питания, который коротко называется Гипроторг. Наверняка здесь должны быть проекты, составленные с полным знанием тонкостей кухонного дела и с учетом условий труда тети Ани. Признаться, я и впрямь рассматривал проекты с нарастающим интересом.

— Видите, наш коллектив создал проект ресторана «София» в Москве и «Дайнава» в Вильнюсе... — рассказывали мне.

— А для тети Ани?

— Минуточку, торговый центр в Челябинске с железобетонной оболочкой без единого столба...

— Ну, а для тети Ани?

— Вы еще не видели магазин «Донские вина» в Ростове...

— Но тетя Аня!

— Этим мы не занимаемся. Откровенно сказать, тут вам не поможет никто.

Коротко и ясно.

Теперь осталось побывать у создателей кухонного оборудования. Что они могут предложить тете Ане сегодня и завтра, чтобы не валилась с ног наша кормилица, чтобы руки у нее не болели? В Министерстве машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов мне рассказали об интересных новинках для предприятий торговли и общественного питания. Они облегчат труд тысячам работниц. Вот, скажем, посудомоечный агрегат производительностью тысяча тарелок в час. Разрабатывается проект еще более мощной машины — две тысячи тарелок в час. Вероятно, это дальнейший успех машиностроения данного профиля — не могу судить.

Меня интересовало специальное компактное оборудование для стационарных и особенно передвижных кухонь с небольшим объемом работ, где всего десять-пятнадцать едоков с таким аппетитом, как у лесоубов тети Ани.

Ведь если к поварихам строительства прибавить количество стряпух, занятых в сельском хозяйстве страны, на полевых станах, то цифра получится внушительной. Мы смотрели номенклатуру продукции, там немало полезных машин, всевозможной посуды, хитрых приспособлений.

Но если иметь в виду не абстрактную точку общепита, а конкрет-

ный вагончик далеко в тундре, при бездорожье и отсутствии источников энергии, эти механизмы там окажутся ни к чему. Упрек наш, понятно, не в адрес министерства, оно изготавливает лишь то, что заказывает торговое ведомство.

Прощаясь, работники министерства решили показать последнее свое достижение — кафе-автомат. Тем более, что такое кафе, как они мне сообщили, собирается купить издательство газеты «Известия». Смотрю, ничего не скажешь, отличный автомат...

Я ни в чем не виновен перед тетей Аней. Но рядом с этим сооружением, предназначенным для меня, стало мне стыдно.

— Не сомневайтесь, — сказал мне работник министерства, — будет работать как часы.

И вот последняя встреча, о которой просила тетя Аня.

— Товарищ министр, сил больше нет у тети Ани быть поварихой на стройке, — говорю я тогдашнему министру торговли РСФСР Дмитрию Васильевичу Павлову.

Министр слушает, вспоминает годы войны, походные кухни...

Генерал-лейтенант Павлов в те нелегкие годы руководил снабжением и питанием Советской Армии. Он помнит, как люди отрывали от себя все лучшее и отсылали туда, где труднее, на линию огня.

Действовал святой и непреложный закон — все для переднего края. Это было справедливо по отношению ко всему обществу.

— Кто же поможет тете Ане? — спрашиваю я. — Кто позаботится?

— Надо подумать, — говорит министр, — мы подумаем... А вообще-то этим должны заниматься снабженцы других министерств.

Параллели всегда рискованны и не совсем точны, но в данном случае мы не побоимся сравнения. И сегодня в экономическом продвижении страны есть линия наивысшей трудности. В частности, она проходит по восточным районам, по той сибирской глуши, где в стороне от поселений стоит вагончик нашей кормилицы. Но в Министерстве торговли как-то потеряли это из вида.

Перед моими глазами снова якутская лесотундра, где люди прокладывают магистральный газопровод в зоне вечной мерзлоты. Уже давно выпал снег. Вместо тети Ани другая кормилица рубит дрова, везет куски льда с озера, крутит изо всех сил мясорубку, чистит картошку, чтобы накормить своих строителей, которым мы вверили судьбу наших больших планов.

Бодайбинский горняк-сибиряк держится независимо, с достоинством, знает себе цену и не упустит случая показать приезжему человеку подчеркнутое равнодушие к «золотишку», но за сдержанностью в движениях и неторопливостью в словах угадываешь его подспудную гор-

достью своим положением: добывает он все-таки золото. Про него и в газетах пишут — герой валютного цеха. А между тем, если подняться по тому же бурному Витиму против течения километров четырехста, в глухоманные лесные края, где по ручьям в былые годы ворочали камни фартовщики-старатели, где даже теперь можно споткнуться в высокой траве о лоток — этот потерпевший крушение кораблик, — то в тихих местах, в тайге на лесоповале или у реки на сплотке леса увидишь множество людей, которым и в голову не приходит, что они имеют касательство к ленскому золоту, хотя и работают на него.

Грешно укорять их неведением, они выполняют то, к чему приставлены, и стараются делать это хорошо: сосну выбирают повыше и плоты вяжут накрепко, чтобы не растащило на порогах. И когда бодайбинский горняк идет шахтой под рудничными стойками или вбивает в мерзлый грунт опору электролинии, рядом с ним тенью проходит весь этот путь незнакомый ему земляк, оставшийся в лесу.

Мысль проста, и я не возьмусь объяснить, отчего мне думалось об этом на палубе катера «Светлый», когда в треволнениях и страхах мы все же прошли Парамский порог.

Мне давно хотелось побывать на Витиме, даже раньше, чем попала в руки шишковская «Угрюм-река», которой суждено было стать не толчком, а уже последней окончательной точкой клятвенного решения, принятого не столько детским умом, сколько восторженным сердцем. Со святых школьных лет, когда с друзьями мы мечтали о дальних странствиях, выбирая между Амазонкой, Миссисипи и Леной, в памяти коричневым пятном географической карты осталось горное Забайкалье, отроги Яблонового и Искатского хребтов, где берет начало бурный, капризный, каменистый Витим, самый опасный приток великой Лены. Воображение рисовало вздыбленные дикие волны, мечущиеся меж узкими берегами, в ушах стоял грохот пронесившихся мимо окатышей и оглушающий шум водопадов... Как же далеко до тебя было, мое Эльдorado!

Соотнести представления с впечатлениями мне удалось только в 1969 году, когда уже взрослым с друзьями в жаркие июльские дни мы добрались до Улан-Удэ и оттуда маленьким тряским самолетом до Романовки, до первого населенного пункта в верховьях Витима, где половина села занята постройкой деревянных карбасов, какие раньше строили только в верховьях Лены, а теперь уже много лет не строит никто, кроме романовцев, единственных сегодня хранителей секрета древних сибирских корабелов. Под их наблюдением и с их помощью мы тоже за две недели соорудили небольшой карбас; установили сосновые корневища — кокоры, приколотили к ним плахи, настлали палубу, все это сбили могучими деревянными гвоздями-шкантами (ленские плотники называют их пикниками), спустили на воду, установили две тяжеленные гребни, носовую и кормовую, и масляной краской написали на

скуле утюгообразной посудыны ее имя: «Чалдон» — и пошли самосплавом вниз по реке протяженностью 1800 километров.

Витим, Витим, где же твоя дикость и своенравность? В тот жаркий июль река была маловодна и ленива, мы то и дело садились на осередыши, медленно петляли меж валунными грядами и выходами скальных пород, тревожно думая о том, что при такой воде нам не добраться до цели и к поздней осени. Связки груженных романовских карбасов, каждый год сплавляемых до Бамбуйки, до Муи, до Бодайбо; оставались неподвижными у пологого романовского берега, ставя под угрозу снабжение глухих мест и лишая заработков профессиональных витимских люцманов, безнадежно выходящих при закате солнца к реке, чтобы угадать по приметам, когда ждать большой воды. У «Чалдона» была малая осадка, и, пошаркивая по донному песку, мы тихо спускались вниз, мимо листовенничных лесов и озерных луговин.

На пятый или шестой день все переменялось!

В горах пошли дожди, вздулись мелкие притоки, и в одну ночь, за несколько часов, мы оказались как будто на другой реке, на той мятущейся, ревущей, грохочущей, о которой мечтали в детстве. Камни скрылись под водой, на шиверах несло наш карбас с такой скоростью, что мы едва управлялись с гребями, наваливались на гребни по два человека, чтобы удержать посудину посредине реки, не дать ей налететь на береговые скалы. Только на плесах переводили дыхание. Так шли мы вниз и вниз, останавливаясь у давно заброшенных поселков, где когда-то обитали геологи, а теперь никто не живет и густая трава поднимается выше стареньких крыш. Всякое случалось на этом пути — карбас садился на камни, мы его стаскивали воротом, заново осваивая этот незнакомый нам дедовский способ, и скоро почувствовали себя уверенными.

Но не настолько, чтобы решиться пройти Парам.

О Парамском пороге нам рассказывали повсюду на Витиме; эти предупреждения, легенды, страхи сопровождали нас на всем пути, и чем ближе был порог, тем настойчивее и строже говорили с нами витимские старожилы. Правда, проходили через порог байдарки с опытными туристами, но не все попытки кончались удачей, и нет такого года, когда бы вблизи порога не поднимались холмики свежих могил. «Да вы спросите Сухановых, они порасскажут...» — «Обязательно попросите Сухановых, они вас проведут через порог...» — «Без Сухановых и думать не думайте приближаться к Параму...» — «Кто эти Сухановы?» — спрашивали мы и всюду слышали почти единый ответ: «Сухановых не знаете... Ну, дает!»

Братья Сухановы проводят суда через Парамский порог.

Мы познакомились с ними в Усть-Муе, в живописном витимском поселке, где золотоствольные сосны торчат из голых песков, как будто на прибалтийском взморье. В былые времена, до прихода русских,

в этих укромных равнинных местах, охраняемых Южно-Муйским и Северо-Муйским хребтами, кочевали безродовые «орочоны» (эвенки), удачливые охотники и оленеводы. Русские обнаружили на здешних речках золото, понаплыли-понаехали в этот район ватаги старателей, с ними увязались и эвенки, меняя традиционные занятия на извоз, на заготовку сена и дров. Крошечные прииски скоро истощались, зато возникали новые, более крупные, вниз и вверх по реке, и этой котловине с благодатным мягким климатом снова приходилось менять свой хозяйственный профиль, развивать земледелие, заготовку кормов для скота, снабжать рабочих золотых россыпей продовольствием.

Так угасало кочевье в здешних местах и появлялось стабильное население, привязанное к плодородной земле: овес, ячмень, пшеница, яровая рожь густо поднимались на нивах, недавно освобожденных от лесов. И теперешние жители Усть-Муи (их уже около тысячи человек) заготавливают лес, пашут землю, работают на пилораме, конеферме, в ремонтных мастерских. А большая семья Сухановых, почти вся, ходит вверх-вниз по Витиму. Причалив к обрывистому муйскому берегу, мы закрепили носовой и кормовой концы «Чалдона» за коряги, спросили у грузчиков, где сухановская изба, и поспешили на окраину тихого поселка.

— Туристы?— встретила нас у порога круглая ладная женщина в платке, опущенном на брови.— Ну, заходите в избу, горемычные...

— Да нет, мы не туристы...

— А, геологи. Ну проходите же.

— Журналисты мы... К братьям Сухановым.

— Ну, ничего,— успокоила она нас, отступая в темные сени и пропуская гостей вперед.— У кого как сложится жизнь. Сюда всякие приходят.

Мы сидели за большим столом, застланным старенькой клетчатой клеенкой; Агафья Евграфовна, жена младшего брата Ивана Суханова — она встречала нас у порога — носилась от кухни до стола и обратно, выставляя тарелки со снедью, а сами братья Иван да старший Степан чинно сидели против нас, все больше отмалчивались, отшучивались, переглядывались, несколько смущенные непривычными нашими вопросами — что да как,— и отвечали волнуясь, как будто держали экзамен. Иван сопел своим крупным шишкастым носом, несколько неожиданным на его узком лице с впалыми щеками. А широколицый Степан смотрел на нас во все глаза, как будто тужился вникнуть в смысл беседы. Но когда бутылка на столе опорожнилась и все заметно покраснелись и разогрелись, братья повеселели.

Сухановы выросли в многодетной семье сплавщика и старателя Феоктиста Суханова, много мыкавшего по сибирской тайге и осевшего наконец в Муйской долине. Отец любил землю, понимал в ней толк, и потому в деревушке Токсимо, у подножия Южно-Муйского хребта,

в пору создания первых колхозов шесть семей объединились в артель «Красный таежник» и поставили его верховодить над собой. Мужик он был нрава крутого, но справедливого: в работе ни себе, ни другим послабления не давал.

Мать в доме была всеми обожаема и сохраняла душевные силы, как ни горько обходилась с нею судьба. Лет в двадцать пять стали гаснуть ее глаза, и скоро она видела одну лишь черную тьму и училась передвигаться, вытянув руки перед собою. Она прожила до семидесяти лет, легко находила тропинку к реке, стирала белье, готовила обеды, и дом приезжими людьми был признан одним из самых хлебосольных на Витиме. Случайных гостей, если когда-нибудь раньше они бывали в их доме, мать узнавала по голосам и по гроыханию сапог и всех привечала и угощала с тою обходительностью, как если бы она была зрячая.

Могила матери — холмик с деревянным крестом — на песчаной горе в Усть-Муе. А отец похоронен в четырехстах километрах ниже по реке на горняцком кладбище в Бодайбо. И уж само собой получилось, что оба брата — Степан да Иван — так вот и проводят каждую навигацию: от матери до отца, от отца до матери. Если хорошая вода, то в лето они успевают навестить отца два-три раза.

Наверное, о такой расторопности на Витиме и думать не думали первые русские землепроходцы — основатель Братска Максим Перфильев и его помощник Яков Анциферов, когда в 1639 году они попытались спуститься вниз по неизвестной реке и отыскать кратчайший путь к Амуру. Казакам никто не посмел бы отказать в отваге; опыта в присмотре «новых земель» им обоим не занимать. Однако здесь они не прошли, не сумели одолеть пороги и с опущенными головами повернули обратно. Пропустив одно лето, попытать удачи решил Еналей Бахтеяров — уж он бы на своих стругах продвинулся дальше предшественников, но и перед ним встали гремящие витимские пороги... С той поры русские казаки начали искать и нашли другой путь в Приамурье — через Алдан и Олекму, заказав даже внукам своим зря не терять силы на чертовой этой реке.

Самый трудный порог на Витиме — Парамский.

Уже в 1923 году при составлении карты Витима изыскатели занесли в дневники: «Сплав плотов через порог с людьми и грузом обычно производится только при низкой воде, большей частью плоты спускаются сверху и ловятся под порогом порожними, груз или перевозится на лошадях выгоном по тропинке левого берега или переносится людьми на себе по узкой долине правого берега»².

Между прочим, известна одна отчаянная попытка пройти порог на пароходе. В 1899 году инженер Буйвид доставил из Читы на Витим пароход «Запорожец», подвел под днище плот и пошел вниз по реке, преодолевая многие шиверы и перекаты. А как подошел пароход ближе

к Параму да посмотрел инженер на это буйство стихии, то позволил все же благоразумию взять верх над азартом. Пароход разрезали, разобрали по частям и так сплавляли вниз рекою до Бодайбо.

Парамский порог прошли братья Сухановы.

С молодых лет, следуя примеру почтенных витимских старцев, Сухановы шли на карбасах с сеном для золотых приисков, спускались на плотах, ворочая гребями. По четыре мужика стояло на каждой греб-би, чтобы достало сил совладать с прижимным течением и оказать сопротивление воде или камню, несущемуся навстречу. Они ходили лощманами, каждый на отдельном плоту, и пришло время, когда река признала: никто не постиг Парам так, как оба брата. И хотя по годам они годились большинству сплавщиков в сыновья, все же перед войной их уже величали по отчеству — Феоктистовичами.

Перед самой войной и женился Иван Суханов. Когда уходил из Усть-Муи на фронт, он и подумать не мог, что его Агаша, хрупкая, молодая — восемнадцать лет! — станет на плот, к тяжеленным гребням, с другими женщинами из Романовки, Нелят, Барголино и прочих поселений на Витиме. В мокрых ватных штанах, подвязав веревками к дранным башмакам галоши, они будут нести по реке, через шиверы и пороги, сплочивать металлическим тросом скользкие холодные бревна, плыть с ними к золотым приискам Бодайбо с тою же сноровкой, какую наблюдали у мужиков. Не знаю, изучали ли историки второй мировой войны подвиг витимских женщин-плоторабочих, как называлась эта их должность, но труд их стоит того, чтобы звучать на главных страницах повести о героизме советского тыла.

Иван Суханов попал в десантные войска, брал Вену, освобождал Будапешт и Прагу, находил земляков-забайкальцев в соседних гвардейских полках, но редко отсылал на Витим треугольники, писать не любил, а передавал приветы с ранеными, которым суждено было вернуться в муйские леса или в близкие к ним районы. Да и приветы-то были скупы и деловиты: жив, воюем, освобождаем, скоро вернусь домой и снова начнем шуровать через пороги. Да не на плотах, а может быть, на новом речном транспорте. Агафья мало бывала дома, все на воде да на плотах, а когда встречала усть-муйских инвалидов войны с поклоном от мужа, садилась отписывать ответ, какая в нынешнюю весну вода на пороге, сколько провели плотов, кто и где угодил на скалу. «Лесу сплавили больше плана, и никакой задержки по нашей вине не было...» — писала она на фронт, глотая слезы от беспричинных обид и усталости.

Степан Суханов, хотя и старше брата, но ростом не вышел и страдал, что его не взяли в десантники, в одну часть с братом, а определили конником в кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Константинова. Он воевал на Первом Белорусском и Первом Украинском фронтах, а в 60 километрах от Берлина, на Одере, его ранило в бедро разрывной

пулей. О ранении домой не писал, тоже не жаловал писанины, а к тому же и не хотел лишней раз волновать жену, Ефимию Степановну, которая после его проводов в 1942 году родила ему сына и нарекла не муйским, а каким-то городским, по его мнению, красивым именем: Геннадий, Гена, Генка... Пять месяцев Степан лежал в госпитале, а потом упрямился на Восточный фронт воевать против японских самураев, но не доехал до армии: тут закончилась война.

Иван и Степан вернулись на Витим почти в одно время, возмужалые, почерневшие, с медалями да нашивками на линиях гимнастерках и в хромовых скрипучих сапогах, которые до войны в их местах были большой редкостью. Усть-Муя жила прежними заботами — лесоповал, вспашка зяби, сенокос — а им предстояло получать моторные суда и попытаться приучить двигатели работать на пороге.

В 1948 году на Среднем Витиме появился первый катер — деревянный, трескучий, слабосильный. Иван Суханов взялся пройти на этом катере Парам и провести с собою плот. Нелегко далось ему это решение, и хотя по характеру он осторожный человек, смущала его не река и даже не порог; к тому времени он с закрытыми глазами мог по ходу движения плота в точности показать камень Приемник и самый опасный утес Кронштадт и за порогом грядущую валунов Чертовы заездки... Не давали покоя сплавщики. Стоя на гребях, они зарабатывали крупные деньги и в почине своего лоцмана усматривали возможный для себя ущерб. «Ты же не пойдешь против сплавщиков, Ваня?» — умоляла Агафья Евграфовна. «Не бойся, — успокаивал он жену, — люди сами поймут».

По скалам левого берега стояли витимцы и оглушенно смотрели вниз, на кипение порога, сильно сомневаясь, пройдет ли нескладный дребезжащий катерок Карагодинскую россыпь, пропустит ли его камень Верблюды, не затащит ли к себе Ушаковское улово... Катер возник на воде с задраенными иллюминаторами, люками, трюмами, как будто всплыла подлодка, и понесся, петляя мимо камней и опасных мест, и когда он пролетел Кронштадт и, отброшенный от утеса течением, все же не налетел, миновал Запорожский бычок, уж тут вздохнули старики: на «транзитке» — на быстрине за порогами — уже ничто не остановит.

Так начиналось освоение Парамского порога самоходными судами, и хотя с той поры много менялось катеров, прибывали все лучше и современнее, Ивану Суханову особенно дорога память о том первом, деревянном, в который поверили витимцы. Теперь они ходят на судах матросами, механиками, а иные стали капитанами, известными всей реке.

Не так давно Ивану Суханову при всем честном народе вручали орден «Знак Почета». По этому случаю в доме было широкое застолье, собралось чуть ли не полсела, и Агафья Евграфовна, в нарядном платье, подавала соленья и варенья, стараясь каждому угодить. И когда

гости разошлись, она подсела к хмельному Ивану, обняла его сникшие плечи и свободной рукой пододвинула награду на край скатерти:

— Слышь, Ваня, на ордене рядышком и ты и я, нас обоих нарисовали!

Сухановы — люди во многом разные, и только в одном сделала их похожими судьба: у каждого по одной дочери и по три сына. Дети принесли им горластых внуков и, расселившись по лесным витимским берегам, в низких избах, спускающихся к самой воде, превратили для обоих капитанов могучую и суровую реку в какую-то старозаветную родственницу, имеющую обыкновение время от времени собирать у себя всю «родову» до третьего колена.

Сидя за столом, мы и договорились с Иваном Сухановым о буксировке нашего «Чалдона» его катером «Светлый» через Парамский порог.

— Только мы останемся на карбасе...

— С ума сошли!

— Он у нас надежный... Сами строили!

— И разговаривать не об чем. Вы эвакуируетесь на катер. И перетаскаете вещи.

— Меня возьмешь?— спросила Агафья Евграфовна мужа.

— А не страшно на катере через порог?— повернулся я к ней.

— Может, с кем и страшно. А с Иваном мне нигде не страшно.

— Посиди дома,— ответил Иван,— скоро геологи должны появиться, встретить надо.

...Парам мы услышали издали.

Стопнулись на палубе «Светлого», у левого борта, чтобы не мешать Ивану Суханову, стоящему у штурвала, наблюдать за начинавшей волноваться водой. Ворот его клетчатой фланелевой рубашки был растегнут и открывал клин тельняшки, этой слабости всех витимских речников. Фуражка с лакированным черным козырьком сбита на затылок, но ее удерживает ремешок, перехвативший лицо от уха до уха. Он крутил штурвал то влево, то вправо, не поворачивая головы, как будто взгляд его был устремлен в одну точку. Мы волновались, поглядывая на корму, где на коротком буксире, окатанный брызгами, зарывался скулами в волны наш «Чалдон», и никто не мог поручиться, выдержат ли скрепленные деревянными гвоздями доски удары парамских вод.

— Скоро порог, заходите в рубку!— крикнул Суханов.

— А можно здесь постоять?

— Смует за борт.

— Да мы уцепимся руками за фальшборт.

— В рубку! Живо!

Мимо пролетали древние скалы, едва не задевая корму катера, из пучины выныривали каменные островки и как бы откидывались из-

под катера то в одну, то в другую сторону. Не плавание, а какой-то бешеный водный слалом, и не знаешь, чему удивляться больше — скорости нашего движения или неподвижности припавшего к штурвалу Ивана Суханова. Он не замечал нас, он не видел сейчас вообще ничего, кроме белых загривков и скрытого за брызгами и туманом скалистого мыса Кронштадт, он жил в эти минуты по собственным законам памяти, опыта, интуиции; и хотя уже тридцать лет с весны до осени вот так проводит он через порог плоты муйского леса и караваны с сеном, каждый раз он подбирается и напрягается заново, как будто проделывать этот путь раньше ему не приходилось. Эта внутренняя собранность в обстоятельствах явного риска у коренных сибиряков наследственна, она восходит к стародавним временам, когда отряды шли в неизвестном краю и малейшая оплошность грозила смертельной бедой. Потому-то сибиряки и не склонны окружать ореолом геройства тех, кто погибает в тайге, на реке, в снегах, оставаясь один на один с природой: почитают тех, кто умеет оставаться в живых.

Наконец мы пролетели Чертовы заездки, катер пошел чуть ровнее, и мы снова высыпали на палубу и кинулись к корме, посмотреть, как там наш корабль... Милый добрый друг, он послушно неся вслед за нами, отряхивая холодную воду со своих мокрых бортов, и был цел, цел, цел! — теперь уже можно прощаться с катером и возвращаться в свой плавающий надежный домик.

— Зря... сомневались, — только и сказал Иван Суханов, закуривая.

Вода за бортом все еще вскипала, лезла на катер, но страха здесь уже не было, и чайки кружили над раздавшейся вширь рекою без крика и без особого трепета, как будто вместе с водою оставили на пороге весь свой запал. Распахнулся люк, и на палубе появился черный, мокрый, обессиленный моторист Гена Суханов, сын Степана, оставшегося в Усть-Муе. Гена уже третий год ходит мотористом у дядьки Ивана, и скоро ему обещают должность капитана на «Гидравлисте», где сейчас командует его отец. Наш новый знакомый снял замасленной рукой берет, вытер лоб, расправил плечи — широкие и мощные, как у его отца или у его дяди. Он смотрел на нас с благосклонностью бывалого витимского речника и небрежно спрашивал:

— Все в норме?

— Вроде бы.

— Это вам еще повезло, — говорит он, снимая тельняшку, — бывает, так прихватит!

— А самому приходилось стоять за штурвалом на пороге? — спрашиваю я.

— Случалось... На будущую навигацию сам поведу.

Я вдруг подумал о своих бодайбинских друзьях, добывающих золото. Наверное, им и в голову не приходит, что где-то километрах в четырехстах от их присков живет семья Сухановых, от которой зависит

снабжение лесом, продовольствием, фуражом, оборудованием, запасными частями к механизмам, и никто им никогда не рассказывал про опасный порог и про редчайшую специальность «порожных лоцманов», которая становится для витимских речников потомственным занятием. Впрочем, если бы даже они знали про сухановскую семью — что из того?

У каждого свои пороги.

Мы прощались с Иваном Сухановым на лесистом берегу под грохот близкого Парамы.

— Нелегко вам достается... золото, — сказал я.

Суханов втянул воздух в свой шишкастый нос:

— Всю жизнь вода, камни, бревна... Золота я сроду в руках не держал.

Двое молодых, муж и жена, поехали из Запорожья в Сибирь, да не на известный Усть-Илим, а на безвестный Усть-Амбардах, в глубь чахлой якутской тайги, где стоит единственный домик в 500 километрах от ближайших огней. Их соседи — Аза, Пират, Белка, три мохнатые лайки, наследство от прежних обитателей домика. Уединение продолжается три года, и за это время они почти не встречали людей. Однажды у горы ночевали проплывавшие мимо геологи и показались браконьеры, заброшенные вертолетом в глухомань на рыбный ход. Кто теперь поверит, что можно жить в тайге, не встречая геологов и браконьеров?

Геологи выплыли из багряного заката, в ярком сиянии реки. Кудлатые, загорелые, с облупившимися носами, они разгружали лодки, вытаскивали на прибрежный галечник и переворачивали вверх килем, освобождая от грязной воды. И когда Любушка, а вслед за ней и Леонид спустились с горы каменной тропой, раздвигая локтями березовый подрост, им открылась чужая бивачная жизнь, как воспоминанье о земле, которую сами оставили.

Им было по-своему радостно среди неожиданных геологов, смотревших на Любушку шуточно и влюбленно, подтрунивая друг над другом и над собой. Они всю ночь сидели у костра, тесно прижавшись, называли опасные пороги, слушали гитару и запоминали чужую песню на цыганский мотив: «Аномалий много — нет руды, значит, нам не мигновать беды!»

Утром, в сыром тумане, кутаясь в куртку, Любушка сбегала на гору, раздавала геологам консервы. А потом следом за Ленею прыгнула в дюралевую моторку, оборудованную лебедкой, кран-балкой, вертушкой. Не «Витязь», но все-таки... Оттолкнулись веслом, взревел мотор, и понеслись они вперед по узкому среди мелководья проходу, известному им одним, намечая путь осторожным отрядным лодкам. Прощальный круг сделали уже за порогом, у устья Лахарчона. С тех пор

пошла по Вилюю легенда про гидропост Усть-Амбардах, который теперь зовут Любкиной горкой.

Благодать подняться чуть свет, накинуть на свитер куртку и выскочить в прохладные туманистые травы, и в светлеющих разрывах увидеть далеко внизу изгиб реки, синие леса, гряды далеких гор, ощутить в груди охлаждающую сладость простора. Несись с горы, издавай воинственные крики и, забыв условности, никого не стыдясь, сбрось на песок одежды, войди в воду — живи как хочется.

Леня и Любушка забивали в грунт сваи, замеряли рейкой уровни воды, а весной, в половодье, гребли, напрягаясь, к середине грохотавшей реки, опускали тяжеленную вертушку, балансируя, чтобы не опрокинуть лодку, и глядели по сторонам, не разбило бы корму несущимся в потоке лесом.

С браконьерами они повстречались на песчаной косе. Сначала заметили верхнюю кромку сети, перекрывшей Вилюю, а поодаль палатку, навес, самодельную коптилку и бочки, прикрытые целлофаном. На берегу моторка, к борту прислонены ружья. У костра увидели трех мужиков, и показалось, так они потом рассказывали, — у всех троих черные повязки наискосок лица, как у заправских пиратов. Был, можно сказать, крупный разговор, настолько затянувшийся, что браконьеры хватались за ружья, один даже выстрелил, но то ли промах дал, то ли припугнуть хотел. Уразумев, что на гидропосту есть рация, рыболовы все-таки убралась.

Никто не знает, из-за браконьеров ли или от ночных молний вспыхнул в тайге пожар. Ветры стелили пламя по верхушкам деревьев, раскачивали огонь из края в край, и, когда вершину горы и домик стало обволакивать прогорклым дымом, Леня отбил последнюю радиограмму. Готовились к эвакуации: вынесли рацию, упаковали бумаги, собрали продукты для дальнего пути. С горы было видно, как внизу и поодаль в густом мареве рушатся наземь черные дымящиеся стволы.

В полдень пошли дожди, погасили пожар, но еще долго тлел мох и небо оставалось черным, будто его заволокло тучей.

Любушка лежала в постели, давясь от приступов кашля и опустив руки на пылающий лоб. Она пила лекарства, которые доставал Леня из белого ящичка с красным крестом. Она послушно натягивала теплые носки с сухой горчицей, ей очень хотелось быть поскорее здоровой, чтобы не взваливать на мужа свою половину забот. Леня все успевал делать за двоих и минута в минуту выходил на сеанс, передавал по рации сводки, а вечером принимался менять Любе укладку волос, а то и стричь — она так любила эти часы.

Иногда Любушка просила почитать ей вслух. Эта привычка слушать осталась у Любушки с малолетней сиротской поры, с детдома, где она росла. Тут у них библиотека не велика, сотни полторы книг, зато отборные. Леня брал с полки Рокуэлла Кента, усаживался на по-

стель, читал любимые ими страницы: «Можете ли вы — есть ли у вас для этого внутренние силы, душевная выдержка — надолго остаться лицом к лицу с безжалостным, холодным величием природы? Вынесете ли вы эти сплошные белые снега, долгие зимние ночи, долгие недели, когда горы заслоняют солнце, окутывая окружающий мир сумраком? Можете ли вы примириться со всем этим и полюбить такое место настолько, чтобы назвать его Земным Раем? Если да, то идите ко мне, разделите нашу компанию на Лисьем острове!»

— Как хорошо,— говорила Любушка, глядя в мокрое окно.— Теперь про мыс Горн...

Так стала представляться мне жизнь Лени и Любы Солодких, радиооператора и гидролога таежного гидропоста, по их рассказам в тот августовский вечер, когда мы с друзьями, спускаясь на лодках по Вилюю, остановились на ночевку под горой, у впадения ручья Амбардах. Название ручья воскрешает в памяти страницы сибирской истории начала XVII века, когда первые русские перевалили с Нижней Тунгуски на Вилюй, вышли в этих самых местах, оставляя за собой зимовья и амбары для хранения зерна. Тунгусы-кочевники подхватили новое слово и сохранили его в своем звучании до наших дней.

Мы слышали про Усть-Амбардах еще от илимпийских эвенков, кочующих с оленями по топким прибрежным холмам. Они-то и рассказали, что ниже по течению реки, в двух-трех неделях лодочного хода, на правом берегу будет Любкина горка (Люпкина, говорили они) и что живут там двое новых людей: летом и зимою путника ждет у них горячий чай, а на вершине горы есть радиостанция и можно вызвать самолет. В их рассказах о двух усть-амбардахцах было что-то от эвенкийских сказаний, но мы не удивлялись и не оспаривали, потому что люди здешних мест становятся героями легенд не за особую судьбу, а уже за одно то, что живут здесь.

И теперь, доплыв до Усть-Амбардаха, находясь на вершине горы, в теплой избе, в спальном мешке на полу, в двух шагах от занавески, за которой шепчутся, чтобы не спугнуть наш отдых, Любушка и Леня, я перебирал в памяти впечатления дня, эпизоды нового знакомства и приходил к старому изречению о том, что горе можно снести одному, но для радости нужны двое. Может быть, радость этих двух была так откровенна оттого, что они избрали образ жизни, укрепляющий их уважение к самим себе.

Любушка, когда я первый раз увидел ее с реки, стояла в воде, зажав коленками подвернутый подол платья. Устанавливала подводную сваю, сбитую весной при ледоходе. Соломенная шляпа сползла на затылок, но шнуровка не отдавала ее ветру. Обернулась, распрямилась, проводя мокрыми руками по бедрам, как крестьянка после стирки. Ее лицо с короткой мальчишеской стрижкой выражало удивление и восторг: надо же, нарисовались!

Леня, напротив, встречал нас со спокойным радушием, не суетясь и не задавая вопросов. В синей спецовке и с высоко засученными рукавами, он походил на автомеханика с бензоколонки: дескать, давай, подруливай, кто там на очереди. И в том, как он водил нас по хозяйству, как помогал разбирать наш лодочный мотор, побитый на порогах, как после разводил костер и жарил серебряных тугунков на шампурах, каждое его движение выражало достоинство и готовность отозваться.

Мы сидели на бревне, греясь у костра, и я спросил, как же они воду таскают каждый день на вершину горы. По-городскому считать, так это ж на двенадцатый этаж, да еще по таким зыбким ступеням: то слякоть при дождях, то снег, то гололед, а в гору пять-шесть сотен шагов. Любушка смеялась, а Леня отвечал, что первый год так и поднимали, эмалированными ведрами, потом догадались научить водовозному делу Азу, Пирата, Белку. Крепят ремнями канистры к бокам, и собаки, слегка погавкивая, идут караваном вверх по тропе. На Любкиной горке прижилась новая пословица: собака лает — воду носит.

Пиши я рассказ, обязательно выкинул бы детали, скажем, про стрижку, про библиотеку, про Рокуэлла Кента в тайге. Искушенному читателю они могут показаться сентиментальными, хотя тут дело и в характере восприятия: человек бывалый, таежник, к примеру, не обратит на это внимание — стрижка, книги, ну и что? И все же будь это художественным вымыслом, я бы придумал для своих героев иные подробности, но как быть, если повествуешь о реальных людях, о том, что сам видел, хоть это и может показаться скорее от литературы, чем от бытия.

Боюсь, какой-нибудь ехидный мой корреспондент спросит: может, на Усть-Амбардахе вашем эти двое на вершине горы еще и ленты Антониони крутят?

Нет. Антониони не крутят. А фильмы делают. Цветные, кстати, — это я видел.

— Первую ленту, — рассказывала Любушка, — мы снимали на Чоне, правом притоке Вилюя. Все там излазили. Какой песчаный берег, трава по пояс, листовенницы в пять обхватов, на озерах кувшинки. Но самое удивительное — это лилии на берегу, рядком вдоль реки, как будто бы их специально высаживали. Такие лилии я видела только в садах у нас на Украине.

— А самый новый фильм? — спросил я.

— Новый?.. Мы шли по бруснику и вдруг видим — козуля, такая красивая стоит! А камеру дома оставили. Я кинулась обратно, а когда вернулась, козули и след простыл.

Так они живут.

От Усть-Амбардаха, в трех-четыре дня лодочного хода, река вырывается из каньонов, простирается языками в глубь тайги, так что

деревья по краям растут как бы из воды. Река ширится, гуляют по ней морские волны, случаются штормы, и это уже не рекою зовется, а Вилюйским водохранилищем — его подпирает плотина Вилюйской ГЭС, первой крупной электростанции на вечной мерзлоте.

Нам не сразу пришла в голову связь между гидропостом и водохранилищем, слишком велико между ними пространство, но вечером, поднимаясь следом за Любушкой и Леней по их тропе к их домику, мы слышали, как Любушка сказала: «Прибывает вода, скорей бы сообщить, может, турбины сработают уровень». — «Для чего это, Любушка?» — спросил я. «Ну как же... Мы контролируем почти сорок процентов стока в Вилюйское море. Если часть воды сбросить по другую сторону плотины, снимутся с мели теплоходы, на участке от Сунтар до Якутска пойдут плоты».

Это их заботы.

Перед тем как войти на ночлег в домик, в темные сени с висящими на гвоздях волчьими шкурами (двух убил Ленья, одного уложила Любушка в десятке шагов от порога), мы постояли на вершинной пятчковой лужайке, вдыхая прозрачный воздух и как бы паря над вечерними горами, над землей, оставшейся под нами. Мне на ум пришло слово «коллектив» и подумалось, что это не обозначение численного свойства, а совсем иное. Любушка и Ленья — коллектив.

В то утро на Усть-Амбардахе, когда мы прощались, Любушка попросила мой путевой дневник. Полистав, она достала из нагрудного кармана куртки карандаш и записала на чистой странице слова Рокуэлла Кента, ей и Лене, как видно, дорогие. Теперь я часто раскрываю дневник и перечитываю вслух, завидуя и восторгаясь: «Мы испытали жизнь такой, какой она должна быть — безмятежной и здоровой... О боже, и после всего этого снова на землю!»

Сейчас на Любкиной горке, наверное, лютый холод, и я представляю себе, как в это метельное утро по глубокому снегу Любушка и Ленья спускаются на лед реки, долбят пешней три лунки, опускают вертушку и пишут показатели в тетрадь водомерных наблюдений. Потом Любушка передаст Лене водомерную рейку, похожую на огромный рыболовный крючок, он опустит рейку в лунку, подтянет к себе, и Любушка снова запишет цифры. Согнувшись под ветром, они будут замерять снежный покров, заносить в тетрадь гололед, мокрый снег, метель — и снова в гору, упираясь валенками в лед, не опоздать бы на радиосеанс.

В их судьбе, разумеется, нет примера для подражания. Не каждому дана привязанность к природе, и не любому по силам такая работа, да еще, как говорится, в отрыве от масс. Я не знаю, как бы эти двое жили, допустим, на Усть-Илиме, окруженные всеобщим вниманием, но, с другой стороны, и не каждый строитель согласится ехать туда, где не легче, — на Усть-Амбардах. И когда на метеостанции, где-

то на таежном кордоне, встречаешь людей, молодых или пожилых, сознательно избравших эту судьбу и не страдающих от одиночества, то с уважением думаешь, какие они сильные, и тихо-тихо завидуешь им.

В селении Тунка, в нескольких десятках верст от Мунку-Сардыка и Хулугайши, в тридцатых годах прошлого века служил приставом казак Черепанов. Однажды пришли к нему буряты-охотники со своею бедою: кончился свинец, как пойдешь в горы на зверя? Пристав расплавил свинцовые гири от своих старинных часов. Гири были обернуты желтыми листами меди. Наблюдая за переплавкой, охотники решили, что свинец получился из меди. Они поблагодарили и ушли, ничем не выдав своего изумления. А некоторое время спустя один из них вернулся в Тунку к Черепанову:

— Ты, нойон, из меди добыл свинец, а у нас целая гора свинца, но растопить его не можем.

— Как гора свинца,— удивился Черепанов,— где?

— Вот смотри, нойон...

Черепанов развернул сверток и увидел тускло поблескивающие куски графита. Пристав решил своего не упускать. По его заданию крестьяне добыли около 30 пудов графита. А в 1847 году при поездке по служебным надобностям в Петербург Черепанов добился приема у министра финансов Вронченко и показал ему саянский графит. Анализы подтвердили хорошее качество образцов. Черепанов воспрянул духом, рассчитывая на государственную казну, которая займется открытым месторождением. Пришлось разочароваться: в казну месторождение не брали, разрешив приставу самому, если желает, разрабатывать графитовый пласт.

Черепанов махнул рукой, где ему начинать предприятие — ни средств, ни понятия об этом производстве, никаких коммерческих навыков. И уже совсем было собрался уезжать, как к нему явился известный в Петербурге француз Алибер, владелец мехового магазина. Без лишних слов предложил 300 рублей за право эксплуатировать графитовое месторождение. Пристав не заставил себя уговаривать: три сотни тоже на дороге не валяются.

Я видел фотографию Алибера — худощавый человек, с резкими чертами лица и выразительными черными глазами, закутанный в сибирский тулуп. В молодости он переменял немало профессий, занимался коммерцией, интересовался карандашным производством, побывал в Германии, Франции, Швейцарии, Англии, изучал знаменитое Борроудельское графитовое месторождение, разрабатываемое с XVI века и уже истощенное. Цена на графит резко поднималась во всем мире. «Вникая,— писал предприимчивый Алибер,— с давнего времени в весьма важное дело для карандашного производства, имеющего по-

всюду такой огромный круг потребления, я окончательно убедился, что в настоящее время единственно одни английские карандаши Брокмана по своему прекрасному качеству пользовались полною и заслуженною известностью. С 1840 года количество выделяемых Брокманом карандашей, по случаю истощения графитной руды, значительно уменьшилось, и, между прочим, замечено, что и самое достоинство их далеко было ниже против прежнего...»³.

Задумываясь о возможностях блестящего предприятия, Алибер все чаще видел перед собой таинственные снежные пространства России. В самом деле, если Россия стала едва ли не основным поставщиком гусиных перьев для цивилизованной Европы, отправляя каждый год только в Англию до двадцати-тридцати миллионов этих орудий письменности, которые держали в пальцах Пушкин и Байрон, то отчего бы не стать России также и источником графита для лучших в мире карандашей?

Алибер прибыл в Россию в 1837 году как торговец мехами и коммерсант. Ему удалось совершить поездку в Восточный Саян, где в районе горных рек Китоя, Иркутта, Оки и Белой он встречал разные минералы, в том числе полудрагоценный камень нефрит, высоко ценившийся на мировом рынке. Попадался ему и графит — но месторождения столь незначительные, а руда такого невысокого качества, что было бы безумием начинать предприятие. Он совсем уже было отчаялся, как вдруг услышал случайно о находке тункинского пристава — и тотчас отправился к нему... Сделка состоялась.

Алибер добрался верхом до гольца Ботогол, терпеливо перенося снегопады, колючие ветры, вечную мерзлоту, о которую ломалось древно колуна. Он устроил жилище для рабочих, на вершине горы выложил ветрозащитную стену, под нею разбил огород. На высоте 2100 метров вдоль стен посадил кусты черной смородины. Они плодоносили, хотя обычно встретить их можно было только в лесном поясе. Сам поселился в каменном доме на вершине, привез молодую жену и, чтобы она не скучала, возле дома, у самого края скалы, вокруг каменной беседки устроил ипподром. Отдадим должное талантности француза, а еще больше пониманию ситуации, которая на нынешнем языке называется проблемой закрепления кадров.

А разведочные работы долго оставались безрезультатными. За четыре года он израсходовал весь свой капитал, но попасть на богатую жилу не удавалось. «По общему мнению, — вспоминал потом Алибер, — за исключением немногих, предприятие мое считалось несбыточным, а я сам если не безумным, то по крайней мере увлеченным»⁴.

Ни снежные бураны, ни горечь долгих неудач — ничто не поколебало отчаянной решимости искателей. Они добрались-таки до черных жирных пластов — до ботогольского графита, о котором очень скоро стали писать многие газеты мира. Между тем финансовые дела

Алибера были шатки, он получил небольшой кредит от иркутского купца Кузнецова, но после смерти купца наследники не пожелали быть втянутыми в сомнительное предприятие и отказали в кредите. Алибер вынужден был согласиться на предложение купца Занадворова: образовывать совместное товарищество по разработке прииска. При этом купец по договору обязался устроить в Москве или в другом городе России карандашную фабрику, на которой можно было бы наладить производство и других изделий из графита.

Алиберу не повезло — богатый компаньон оказался пустым и несерьезным человеком, заниматься устройством фабрики не стал и не проявлял к месторождению особого интереса. Пришлось заключить контракт на поставку ботогольского графита в Германию на знаменитую карандашную фабрику Фабера.

С декабря по май 1856 года Алибер отправил Фаберу 2530 пудов и 26 фунтов отборного графита, с радостным волнением замечая, что «просвещенная Европа с напряженным вниманием следит за развитием дела». И вот неожиданное известие. Алибер оставляет графитовый рудник и уезжает в Париж. Ходили разные легенды — утверждали, что француз нашел на Ботоголе крупный алмаз и изумруд, другие строили догадки еще фантастичнее. Полагают, что причиной отъезда послужило изменение техники карандашного производства, а с нею конъюнктуры рынка. И распри между компаньонами. Как бы то ни было, преуспевающий Алибер привез во Францию художественные изделия из графита и нефрита, экспонировал их на промышленных выставках в Лондоне, Вене, Париже, подарил крупные коллекции различным музеям, и прежде всего родному городу Риому, где до сих пор хранятся его материалы и бумаги.

Умер Алибер во Франции в 1905 году глубоким старцем.

Ботогольский рудник пришел в упадок и опустел. В 60-х годах прошлого века в Восточный Саян отправился П. А. Кропоткин проверить сообщение «Северной почты» о водопадах на реке Оке, которые превосходят все водопады мира, достигая высоты падения воды сто сажен. Правда, потом обнаружили, что в текст вкралась опечатка: было не сто сажен, а всего десять. Тем не менее, прежде чем это выяснилось, Кропоткин совершил поездку в Окинский караул, успев за полуторамесячное путешествие побывать на Ботоголе. «В настоящее время, — писал он, — прииск совершенно брошен, только караульщик — сойот, живущий на займке под гольцом, изредка посещает прииск и посылает туда свою дочь...»⁵.

Нелегко добираться до Ботогола. В сухое летнее время можно от поселка Монды пройти вдоль правого берега Иркуты по тропе через гольцовое плато Нуху-Дабан, что по-бурятски означает «Перевал

с дыркой», мимо горных озер Сусер и Окинское к улусу Сорока: до Ботогола остается пятьдесят семь километров по тропе. Есть еще и другой путь — добраться до поселка Онот, где расположено Черемховское рудоуправление. Оттуда два-три раза в год на Ботогол летает вертолет с продуктами, промтоварами, оборудованием... Мне было удобнее добираться через Онот, потому что директор рудоуправления Яблочкин, с которым мы встречались в Иркутске, обещал помочь вертолетом, если будет погода.

В Оноте Яблочкин предложил, пока нет ответа из нижнеудинской базы вертолетов, посмотреть знаменитые тальковые рудники. Мы сели в «газик», миновали мост через горную речку и стали подниматься по лесной дороге вдоль Самоходкина ключа к гольцу Камчадал. По склонам гольца пылала освещенная солнцем красная рябина. Машина взобралась по крутой горной дороге почти к макушке горы с деревянной треногой топографов. Мы на высоте 1190 метров.

Внизу виден карьер: там буровой станок, однокубовый экскаватор — и ни души.

— Кончился рабочий день, — говорит Яблочкин, спрятав руки в карманы плаща. — Поглядели бы завтра: стучит станок, рвется аммонал, экскаватор грузит тальк на самосвалы... Я привез вас сюда, как к источнику. От Камчадала и пошел онотский тальк...

С горы хорошо видна сопка Сосновый Байц: там геологи открыли железную руду. В противоположной стороне, километрах в восемнадцати отсюда, у деревушки Савино обнаружены перспективные месторождения магнетитов.

— Быть здесь индустриальному комплексу, — рассуждает Яблочкин. — Если бы деньги на капитальное строительство, такие дела можно было бы у нас завернуть — куда там Железногорску.

Мы едем по лесной дороге на рудник Два Камня — там добывают тальк под землей. В низком деревянном строении переоделись, нахлобучили фибролитовые каски, перекинули через плечо карбидки и спустились по лесенкам на нижний горизонт, в длинный полутемный штрек.

По штреку шли вагонетки, груженные рудой, в забоях слышались отбойные молотки — все, как в любой шахте. Онотский тальк, оказывается, безжелезистый, он применяется в высокочастотной радиокерамике, спрос на него велик, и, хотя в последние годы открыты богатые месторождения талька на Алтае и в Красноярском крае, тальковый Онот уверен в завтрашнем дне.

Мы возвращались в поселок поздно вечером. В лесу на дороге стояли две женщины с туесками на плечах и махали косынками. Яблочкин велел остановить машину и взять попутчиц. Они уселись шумно, весело, поставив туески на колени.

— Грибники, что ли? — спросил я.

— Нет, по рябину ходили...

— Настойку ставить будете?

— Да вы чего это! — засмеялась одна, в синем платке. — Или не нашенский, не разгляжу... Сдавать будем.

— И много платят? — поинтересовался я.

— Так смотря что: брусника тридцать копеек за килограмм, рябина тоже, кедровые орехи девяносто, а в этом году их мало, так рубль десять назначили.

— Не станешь богатым, а станешь горбатым, — сказала вторая.

— И много собираете за день?

— А мы днем не ходим, мы работаем на руднике, а после работы промышляем несколько часов по лесу. У нас почти все этим занимаются. Три-четыре ведра соберешь, и домой.

— И много в сезон зарабатываете на этом?

— Да как тебе сказать... За лето рублей по двести получить можно.

Вечером Яблочкин выяснил, что наутро обещают пригнать вертолет для рейса в Ботогол. Он сам обрадовался, потому что не был на том гольце около года, выбраться туда все как-то недосуг, а тут такой случай. Мы еще побродили по поселку и разошлись спать.

Утром сидим в кабинете Яблочкина, ожидая вестей от радистки. Яблочкин подписывает бумаги, поминутно звонит на рудник, и ему звонят, и я вижу, что эта суетливость идет от нетерпения: прилетит или не прилетит? Наконец, вбежала курносая радистка:

— Минут через десять сядет на косе!

— Николай! — кричит Яблочкин в коридор, затыгивая портфель. — Заводи!

Мы приехали к берегу Онота, когда вертолет уже сидел на галечниковой косе посреди реки. Подъехал грузовик, рабочие погрузили в вертолет ящики с консервированными огурцами, кипы ватных брюк, шапки-ушанки и связки мужских нижних сорочек. Наконец, мы влезли тоже, пристроились у иллюминаторов, поглядывая, как раскручивается над нами провисший винт. От лопастей винта сначала пошла по воде рябь, потом побежали мелкие волны, и, когда на волнах появились пенные гребешки, вертолет оторвался от косы и повис в воздухе. С высоты сквозь чистую зеленоватую воду Онота отчетливо видно дно и серебряные иглы между камнями.

— Вон наш рудник! — кричит мне в ухо Яблочкин.

Круглое мясистое лицо Яблочкина возбуждено: наверное, приятно ему вот так однажды увидеть с высоты поселок и рудник, где он хозяин, где он прожил немало лет, отдав этим местам и живущим здесь людям все, что имел за душой и что с такою же щедростью отдавал на вольфрамовом руднике в Белухе, где был инженером до Онота. А вон домик, у которого стоит его жена, поглядывая в небо, —

то ли нас провожает, то ли гадает, брать на работу плащ, или дождя не будет: она техник-маркшейдер на руднике.

— Красный яр — это уже там река Урик! — кричит Яблочкин. — Переваливаем с бассейна Оота на Урик!

Под нами лес, тронутый ранней осенью, как ворсистый желтоватый платок на чьих-то огромных крутых плечах. На берегу Урика видны две избушки — наверное, их ставили геологи: рядом вырублена площадка для посадки вертолета. А далеко за лесом виден зубчатый гребень горного хребта с ледниками по лощинам. Тьма ледников: говорят, их здесь насчитывается около шестидесяти. А горы под ними бурые и причудливые. Вот одна, как будто спилили верхушку, теперь похожа на гигантский пенёк с ровной поверхностью: здесь мог бы взлететь разбег винтовой самолет...

— Ботогол!

Вертолет делает круг над поселком у речки со множеством рукавов и, отыскивая подходящую косу, садится на песок. Пока рабочие, летевшие с нами из Оота, выгружали ящики и мешки, мы начали подъем на Ботогол. Перепрыгнув через рукава горной речки, вышли к дороге, которая брала круто вверх по юго-западному склону. По дороге, откуда-то сверху, бежит вода, и скоро на наших ботинках виснут тяжелые глинистые комья. Справа низкорослые кедры и лиственницы. Слева обрыв... Скоро началось редколесье, а за ним горная тундра. Яблочкин останавливается, расстегивает ворот рубашки, вытирает кепкой мокрую шею и лицо.

— Шахтеры поднимаются этим склоном каждый день... видите следы?

Где-то на высоте полутора тысяч метров, уже изнемогая, мы слышим надрывной гул: с вершины спускается за нами гусеничный трактор. По рации ли сообщили ботогольцам, или редкий здесь вертолет навел на мысль — как бы там ни было, мы радуемся и этой высокогорной карете, и встрече с первыми ботогольцами. Из кабины кричит нам что-то тракторист, высунув чумазое лицо.

Трактор развернулся на узкой дороге, мы влезли на гусеницы и плюхнулись на скрипучее пружинное сиденье рядом с трактористом. Со страшным грохотом, в синем дыму, стали подниматься.

— Я пригнал его в прошлом году по дороге от Оота за две недели, — говорит тракторист Ерофеев, ворочая рычагами и не сводя глаз с обочины, за которой обрыв: левая гусеница ползет по самой кромке. — На прицепе тащили компрессор, дизель, оборудование. Здесь у нас два трактора, второй я тоже пригнал по льду. Теперь спускаем графит с рудника тракторами до весовой. А оттуда конным обозом зимою до Бортов. Там перегружаем в автомашины... и...

— Длинная дорога вашего графита, — говорю я.

— Длинная, — смеется тракторист, — до самого космоса,

Мне сразу приглянулся начальник рудника Кирьянов — в углу кабины сидит молодой парень, не сводит глаз с вершины горы, речь ведет сдержанно, с достоинством. Он здесь сельсовет, судья, милиционер — кругом начальник. Горный техник, он вполне мог устроить свою жизнь в крупной экспедиции или даже в индустриальном городке, а не захотел, попросился на далекий голец.

— А там что за избушка? — спрашиваю я.

— Склад взрывчатки, — отвечает Кирьянов. — Охраняем круглосточно, как на Большой земле.

На вершине гольца стоят шахтеры с черными лицами в фибролитовых касках, карбидки у пояса, и встречают наш трактор, как паром: издали вглядываясь в лица, махая руками. Графитовая пыль покрыла их с ног до головы, видны только зубы, такие одинаково белые, словно их выпилили из одной ледниковой глыбы. В снегу на узкоколейной дороге стоят вагонетки с поблескивающими кусками графита, ради которого эти люди поселились здесь, на высоте две тысячи пятьсот метров. Какими путями пришли они сюда, какая сила их держит?

Познакомились, присели, разговорились.

Механик Пажинцев уже семь лет в Саянах. Внизу, у подножья горы, живут в поселке его жена Галя и двое детей. Каждое утро они провожают отца на рудник, пока его фигура не растворится в тумане. Вечером Галя первой из женщин поселка встречает шахтеров: каждый день она топит для них баньку на берегу реки.

Проходчик Романовский с женою всю жизнь в тайге. Ольга здесь пекарем: они вместе перестроили плиту, теперь в их избе выпекают для поселка хлеб, двух-трех сортов ежедневно.

— Что меня привязало? — смеется проходчик. — Охота на изюбра да еще рыбалка на речке Хончоне: хариусов можно руками таскать!

Проходчик Мусин — москвич, работал на сибирских тальковых рудниках, попросился на Ботогол с женою и тремя детьми. Августина, его жена, единственный источник информации обо всем мире за Ботоголом: она радистка.

...Горняки повели нас по штрекам, похожим на сталактитовые пещеры, где в забоях, среди сиенитовых пород, отливает сталью графитовая жила, будто ящер притаился в камнях. Крупная залежь обнаружена возле ипподрома, почти у поверхности, — там намечены открытые разработки.

— Мне, кому еще гнать сюда по рельсам экскаватор, — улыбается в темноте Ерофеев, — снова увижу материк...

Кирьянов идет впереди, рядом с Яблочкиным, посвечивая лампой. До меня доносятся обрывки их разговора про аренду обоза лошадей у геологов, про погонные метры и нормы выработки.

— В день шахтера вышел как один, — сообщает молодой начальник. — Понимаем обстановку!

Вечером мы спускаемся в поселок по старой алиберовской дороге, прорубленной по лесному склону. Из-под ног шумно катится галька. Скоро за деревьями в долине реки возникает четырнадцать бревенчатых строений. Посреди поселка бродит, громыхая боталом, мохнатый хайнык, как называют здесь помесь высокогорного яка с коровой.

Галя Пажинцева постаралась: через час или полтора в конторку ввалились шахтеры — белочицы, распаренные, разморенные, узнать их можно было с трудом. У Пажинцева, оказывается, рыжие усики, днем я их не приметил. Пришли все женщины с детьми, усаживались на лавки. За столом, за белой скатертью заняли председательские места Яблочкин и Кирьянов. Уже давно было тихо, но Яблочкин, подчеркивая торжественность момента, постучал карандашом по пустой жестяной банке:

— Начнем. Все собрались?

Яблочкин поднимается, поздравляет коллектив с успехами и первым делом вручает премии.

— Пажинцевой, Мусиной, Романовской к 8 Марта, распишитесь...

— Кузину к 1 Мая, Романовскому к Дню шахтера...

Премированные получают пакеты, старательно расписываются, один только Кузин замешкался, вытянул руки по швам и нерешительно сказал, глядя в окно:

— Я получаю здесь первый раз, благодарю, оправдаю.

На него смотрели с любопытством. Он смутился окончательно и сел на место. Забылось, что мы далеко в горах: пошло обычное собрание, жаркое и громкое, так что не раз объявляли перекур, чтобы утихли страсти.

Нас провожал весь поселок, даже мохнатые собаки прибежали на отмель, куда опустился вертолет. Поднимаясь над деревьями, мы долго видели у подножья Ботогола горсточку людей, которые в подоблачном краю добывают графит. Кто-то махал шапкой...

Вместе с нами улетал до Онота и Кирьянов — «получить ценные указания», как объяснил ботогольца Яблочкин. Начальник рудника сидел, опустив голову: думал о чем-то своем.

— Железный парод, — сказал Яблочкин, — вот о ком надо писать,

Все было так. Отчего же, перечитывая эту беглую запись, я подумал о мокром фотоснимке, который недодержали в проявителе? Нет здесь каких-то важных деталей, — куда они подевались? Захотелось снова опустить этот рассказ в ванночку своей памяти, прополоскать в ней, пока не станут проступать забытые мною черты.

Итак, вернемся к тому, что нас высадили на песчаном островке посреди речки Ботоголки. Где-то на высоте полутора тысяч метров,

уже изнемогая, мы услышали надрывный гул: с вершины спускался за нами гусеничный трактор. Мне приглянулся начальник рудника Кирьянов — в углу кабины сидит молодой парень; он здесь сельсовет, судья, милиционер — кругом начальник.

— А что там за избушка? — спрашиваю я.

— Склад взрывчатки, — отвечает Кирьянов. — Охраняем круглосуточно, как на Большой земле.

— От кого же охраняете, — не понимаю я, — вы же все вместе?

— Откуда мне знать, у кого что на уме, — повернул голову Кирьянов, — тут всего можно ожидать...

Наконец мы добрались до вершины гольца. Нас окружили шахтеры и повели по штрекам, где свисали сосульки: здесь зона вечной мерзлоты. Кирьянов идет рядом с Яблочкиным, посвечивая лампой.

— Он понимает... — зашептал проходчик Мусин, толкнув меня в бок. — Смена поднялась на рудник, а Кирьянов остался в поселке, приволок из склада ящик водки и по улицам за нашими женщинами гонялся.

Я споткнулся о рельс и толкнул бы головой вагонетку с графитом, если бы Мусин не удержал меня за плечо.

— Тут надо смотреть в оба, — сказал он, усмехнувшись, — гости всегда спешат и плохо видят.

Вечером мы спускаемся в поселок старой алиберовской дорогой. Через час или полтора в конторку ввалились шахтеры — белолицые, распаренные, разморенные. Скоро забылось, что мы далеко в горах: пошло обычное собрание, жаркое и громкое, так что не раз объявляли перекур, чтобы утихли страсти, а они разгорались еще сильнее, как огонь на ветру. Вот что я успел записать:

Романовская. Как же тут жить, скажите, если овощей нету, в складах все заплесневело, а заведующая складами Никитина, все знают, ребенка своего с полу не поднимет, если упал, пока рюмку не выпьет. Ни купить ничего толком нельзя, ни заказать. Как на другой планете живем. Терпим, жаловаться некому, письма отсюда не уходят полгода.

Ерофеев. Мы газет тут полгода в глаза не видали, радио не слушаем — на весь поселок ни одного репродуктора, а про кино уже и не говорю. Вон рыбаки уходят в море, так у них тебе и кинопередвижка на палубе, и самолеты им почту свежую доставляют, и московское радио для них концерты передает, голоса родственников для них записывают. А почему — ездят же наши лошади в Сороку, там и почтовое отделение есть. Обслуживать нас не хотят: мы, говорят, Бурятская АССР, а вы — рудник Иркутской области, пусть ваши и обеспечивают. Проблема!

Кузин. Скажу прямо: во всем Кирьянов виноват. Сам он пьет, а за ним другие. Как выпивка, так драки. Вы меня знаете, я не хожу

на гулянки, так он пригрозил: смотри, говорит, от народа отрываешься. А как обо всем сообщить куда следует, если по рации можно передать сообщение только с визой начальника. Что тут предпримешь? Махнешь рукой — все же главное, думаешь, надо давать графит, выполнять план!

Яблочкин сидел бледный как стена. Он инстинктивно отодвигался на край табуретки, подальше от Кирьянова, барабанившего пальцами по столу. Понимал ли он, начальник рудоуправления, что главные его хлопоты накануне полета к ботогольцам о премиях — не обидел ли кого, не пропустил ли в списках — как-то померкли перед действительными трудностями, о которых до сих пор не думалось всерьез. Ботогол издавна считается благополучным рудником: план идет, рекламаций нет, в местной печати время от времени появляются предпраздничные сообщения. И премии, которые он вручал людям, заработаны в поте лица.

А жизнь у маленького коллектива не ладится, он оторван от мира, как на затерянном острове. Представьте, каким невероятным, скандальным событием выглядел бы случай на каком-нибудь заводе, если бы обнаружилось, что на участке шестнадцать мужчин и шесть женщин полгода не держали в руках газет, не слышали радио, не бывали в кино... Не правда ли, это трудно вообразить.

Отчего же Ботогол остается как бы в стороне от магистрали, на забытой, никому не ведомой тропе? Да и только ли этот рудник на пространствах Сибири? Может быть, оттого, что не везде еще поняли самый дух нынешних преобразований в нашей стране, когда уже мало только запевать «...человек проходит, как хозяин», пришла пора приобщить каждого человека к действительному участию во всех делах общества. Каждого — от Москвы до самых, как поется, до окраин.

Тысячи таких вот маленьких коллективов живут и работают в особых условиях. Пусть же и внимание к ним будет особое, и забота повышенная, во всяком случае — пусть к трудностям суровой природы никто не прибавляет иных, искусственных трудностей.

Нас провожал весь поселок. Поднимаясь над деревьями, мы долго видели у подножья горы людей, которые в подоблачном краю добывают графит. Вместе с нами улетал до Онота и Кирьянов. «Получить ЦУ — ценные указания», — как пообещал ботогольцам Яблочкин. Кирьянов сидел в сторонке от нас, сомкнув тонкие злые губы.

Мы уже летели над крутыми склонами гор, над вечерней тайгой и синими ледниками, когда Яблочкин оторвался от иллюминатора и повернулся ко мне:

— А все-таки железный у нас народ, — сказал он. — Вот о ком писать надо...

Мы снова были в облаках.

Расскажу еще про одно воздушное странствие, в другое время и в ином уголке Прибайкалья.

Тень вертолета парит посередине реки летучей мышью, небрежно задевая то левый низинный берег с зарослями карликовых берез, то высокий правый берег с древними русскими поселениями XVII века.

Сидим за спиной пилота, не слышим друг друга, отвернулись в разные стороны и уткнули носы в органическое стекло.

Тень движется вверх по реке, против течения, огибая зеленые острова, как будто из глубины столетий возник почерневший плот первых землепроходцев, орудующих на корме рулевым бревном. Трудненько же им приходилось на воде, река тут суживается, мельчает, скоро расплетется на тонкие серебряные нити. Мы сядем у истока — полетное задание под целлофаном планшета прыгает у нас на коленях.

Давно мы собирались в это путешествие, да все не получалось: по весне строили планы и назначали сроки, но все это пролетало мимо, подобно тому, как мелькают в карусельном кружении деревья. В это лето стало ясно, что откладывать дальше означало бы навсегда распрощаться с заветным замыслом. И мы вырвались, наконец, из круговерти дней, и вот висим в безоблачном небе над рекой и чувствуем себя если не богами, то, по крайней мере, вольными птицами.

Нетерпеливо смотрим вниз: не ошибиться бы... Справочные издания называют разную протяженность этой реки, начиная отсчет верстам или километрам от разных истоков. Но ведь должно же быть у великой реки ее подлинное, истинное, единственное начало. Там-то мы и сядем, вобьем железный шест со щитом и напишем три слова: «Здесь начинается Лена».

У Алексея Павловича Окладникова была еще и своя интимная причина отложить дела и пуститься в дорогу: он родился и вырос в верховьях этой реки, и первое, а затем и все лучшее, что написал он за сорок лет, было связано с Леной. И теперь, поездив по белу свету, он все чаще заводил разговор о своих древних Бирюльках, о тамошнем крестьянском бунте 1696 года и о том, как крестьяне называли верхоленского предводителя Стенькой Разиным, не скрывая замыслов и не страшась царева суда.

— Как народ голкнет, так и царь умолкнет... — припоминал Окладников слышанное с детства. — Слова-то какие!.. Пора, пора на Лену.

И тогда он повторял имя Иннокентия Трофимовича Житова, сельского учителя, создателя краеведческого кружка, любимца верхоленской детворы. Учитель строил лодки, спускался с кружковцами вниз по реке, а однажды затеял пройти с караваном лошадей в тайгу, разыскать легендарную речушку Панкуч, где, по преданиям, находился мертвый город. Мальчишки вели раскопки, таскали в свой школьный музей все, что попадало под руку, а юный Окладников вблизи Бирюлек открыл и описал десять неолитических стоянок. И уже студентом-

первокурсником напечатал в научном издании статью о сходстве неолита Байкала с неолитом Верхней Лены.

Теперь Окладников приехал в Бирюльки, первым делом сбежал к реке, опустился на колени испить родимой воды и, не утирая мокрого лица, заторопился к знакомым избам. Высокий, как каланча, он с юношеской прытью взбирался на склон горы, и со стороны ни за что бы не подумать, что ему седьмой десяток. Старики узнавали его, обступали, спрашивали, и он был для них не ученый с мировым именем, а прежний Алексей, сын народного учителя Павла Окладникова, расстрелянного колчаковцами на Байкале.

Воспоминаниям не было конца — как строили тут карбаса, как сплавляли их связками по реке и кричали с берега отплывающим: «Ты, паря, ленский?», а в ответ несло озорное: «Нет, не ленский, а шемь вершт в шторону!»

Вечером бирюльцы собрались в сельском клубе, принаряженные и торжественные. На подоконниках и на полу примостились школьники-краеведы: они давно переписывались с ученым, получали его книги с пожеланием «любить свой чудесный край и его богатую природу», а теперь смотрели на Окладникова, как он стоял у стола и говорил об удивительной истории родных Бирюлек, и они очень гордились, что этот академик вышел из их села.

Окладников выглядел спокойным, иногда шутил, и только те, кому приходилось слышать его в других аудиториях, могли бы заметить, как сильно он волнуется в этом полутемном деревянном клубе. Он говорил о раскопках и наскальных рисунках, оставленных нам в наследство древними людьми, но мысли его, как это было видно, сейчас не в тех давно прошедших временах, а где-то в глубине его собственной души, которой это возвращение в деревню сладостно и тревожно.

А на летном поле в Качуге, где заправляли вертолет, Окладников заговорил вдруг о ленском крестьянине, как ему досталось тут корчевать тайгу и пахать землю, и как годы не сумели вытравить в нем доброты и открытости, и то, что не всегда улавливается разумом, здесь угадывается сердцем. «Не могу забыть одну картину детства. Шла гражданская война, банды каппелевцев упорно сопротивлялись, кровопролитные бои шли и в окрестностях Бирюлек. Нашу школу превратили в лазарет. Я прошмыгнул в коридор, заглянул в класс и не поверил глазам: на койках рядом лежали раненые — красные и белые. Гуманность наших меня, подростка, потрясла...»

Пока мы разговаривали, вокруг собрались авиаторы. Они слышали, что мы намерены выбивать на скале, камнем по камню, как это делали в древности, знак об истоке Лены, и стали уверять нас, что в тех болотистых местах скалы нам не найти, да и большого валуна поблизости не сыщется. Мы были в отчаянии: без этой надписи затея

теряет свой главный смысл. Тут наш пилот Русанов подал совет проскочить на машине к судоверфи, там помогут выйти из положения.

Мы к машине... Директор верфи Александр Иович Керосинский, в годы индустриализации один из создателей ленского флота, наш давнишний знакомый, теперь и слушать не хотел какие-то жалкие просьбы и потащил на берег реки, к стапелям и новым теплоходам, где внуки карбасостроителей, «к судовому делу заобычайных», как писали о них в старину, монтируют в белоснежной рубке навигационные приборы. Что и говорить, хороши эти теплоходы, могут и по мелким речкам ходить и по бурному морю: то, что и нужно Сибири. Но у нас в ушах стоял грохот винтов вертолета, и мы нетерпеливо сказали, наконец, чего нам надобно. Директор улыбнулся: «Слышал, слышал... Минут через пятнадцать будет готов железный шест со щитом... Принесут и краску».

...С птичьей высоты, повернувшись друг к другу спинами, мы смотрели вниз. Конец, конец легенде о бескрайнем море тайги: под нами словно бы выщипанные редины, а треть пространства чернеет горями, где вместо сгоревших хвойных лесов робко и редко тянутся березки и осины, скрюченные ветрами и неспособные возместить утрату могучих вековых деревьев, спрос и на эту поросль есть, но цена на нее ничтожна.

Места малолюдны, деревушки жмутся к большой реке или к ее притокам, и в нескольких шагах от крайних изб начинается лесная глухомань. Крестьяне вяжут из ерника метлы, до 60 тысяч веников вывозят каждый год в Иркутск, а к осени уходят в тайгу шишкарки, пробираются в густые кедровники. Вслед за ними по первому снегу идут на лыжах, пропуская вперед мохнатых лаек, верхоленские соболятники.

Деревни все больше старинные, не менее трех веков, обозначены именами первых насельников, или носят тунгусские названия, переименованные русскими, и какую деревню тут ни взять, местный житель расскажет ее историю и назовет достославных людей, которые из деревни вышли: из Козлова — Козловы, из Петрова — Петровы, из Куницына — Куницыны...

Ниже Качуга по речушке Илге, левом притоке Лены, осталась деревушка Знаменка, родина видного археолога Е. Д. Стрелова, исследователя якутской старины. Атмосфера доброжелательности к добрым людям и ко всем племенам, царящая в ленских селениях, пробудила у русского парня из самой что ни на есть простой крестьянской семьи интерес к сибирской истории. Он раскопал в могильниках, в вечной мерзлоте такую утварь, что даже знатоки этнографии северных народностей были поражены открытиями.

— Смотрите, Анга! — кричит мне в ухо Окладников.

И я вижу на берегу синей речки селение, откуда родом выдающийся

ся этнограф XIX века священник И. Е. Вениаминов, автор классических работ об алеутах. Он поселился на Аляске, перевел на язык аборигенов литургию, руководил постройкой церкви и знаменитого собора Св. Михаила в Ситке и обратил несколько тысяч коренных жителей в православную веру. Что заставило его, ленского жителя, отправиться в далекие края и так сойтись с аборигенами, что они открыли ему тайны жизни и духовной культуры, какие прежде не доверяли ни одному исследователю?

В той же Анге родился А. П. Шапов, один из тех людей, которыми Сибирь еще долго будет гордиться, как наивысшим проявлением истонного сильного характера и мятежного духа. Историк-демократ, философ, публицист, кумир студенческой молодежи в Казанском университете, он проповедовал с кафедры или со страниц журналов собственные выстраданные убеждения, часто повторяя мысль о том, что умственная пища должна служить к образованию умственного мускула, а не умственного жира. В этом человеке доброй кроткой души с вулканической мощью клокотала отчаянность и смелость: он жил сам так, как учил жить других. И когда проходила панихида по случаю расстрела восставших крестьян из села Бездна Спасского уезда, профессор Шапов приехал на панихиду и выступил с обличительной антиправительственной речью. Его арестовали и приговорили к пожизненному заточению в Соловецкий монастырь. В защиту Шапова поднял голос «Колокол» Герцена и Огарева, за него вступилась вся мыслящая Россия. Шапова выслали в Иркутск.

В сибирскую ссылку вместе со Шаповым поехала и его жена Ольга Ивановна Жемчужникова, женщина чистой и благородной души, передовых взглядов. Она уговаривала иркутян хлопотать о возвращении Чернышевского из вилюйского заточения, устраивала в кругу друзей читальные вечера, она и для опального мужа была кроткой яркой звездочкой, светила и грела его измученное сердце. И когда ее не стало, Шапов, всеми забытый, нищий, голодный, пишет очерк ее жизни, одну из самых удивительных биографий, какую мне когда-либо приходилось читать: «В Сибири такой женщины еще не бывало и, вероятно, долго еще не будет. Знаю, что она по величайшей своей скромности велела бы мне уничтожить эти строки и всю ее коротенькую биографию. Но уничтожьте все мои сочинения, отнимите мою жизнь, бросьте в огонь или воду все, что я написал и напечатал в русской литературе, только — умоляю, заклинаю всех будущих людей, какие будут жить на месте нынешней Сибири и России — сохраните эти мои строчки о женщине — Ольге Ивановне Шаповой...»⁶

И отчего же, подумалось мне, в самом деле не переиздать этот очерк, лишь однажды опубликованный после смерти Шапова в 1906 году, ведь и эти судьбы несут нам поучительный урок.

— Идем на посадку! — крикнул Русанов.

Рассейтесь, не отвлекайте, воображаемые картины... Под нами давно уже не полноводная река, она обернулась в конце пути мелкими пересыхающими ручьями. Мы повисли над долиной между Приморским и Онотским хребтами, судя по карте, примерно на 54 градусе северной широты и на 107 градусе 55 минуте восточной долготы.

Отсюда через хребет к Байкалу, к ближайшему мысу Покойники, каких-нибудь восемь-десять километров, а может, и того меньше.

Байкал ослепил нас полукругим густой спокойной синевы, подставлявшей себя для игры с солнечными зайчиками. Низко над водой кружили чайки. Они шли к берегу навстречу вертолету. В старину, еще во времена Чингис-хана, буряты изображали на круглых берестяных иконках своего онгона — духа предков — его войлочную «плоть», похожую на изображение человечка, и приклеенную к ней, повторяющую этот же контур маленькую жестяную «душу». Вот и эти чайки, поравнявшись с нами, были как живые души онгона — вертолета. Птицы не стали набирать высоту и тем же стройным рядом прошли мимо, направляясь к вершинам разрушенных скал.

Прибрежные горы подались к озеру мокрой грудью, приняв на себя тяжкий крест удерживать Байкал и не давать ему прорваться каменным коридором в тайгу и степи. А вода ходит при каждом ветре по отвесной выщербленной стене, оставляя белую пену, ищет тайные лазейки, чтобы настоять на своем, и похоже, что она отыскивала возможности проникнуть в толщу древних геологических свит, просочиться по другую сторону хребта, в траве и в камнях, светлыми чистыми ручьями, дающими начало большой реке.

Странное это чувство двойного видения, когда пятна карты, развернутой на коленях, проецируешь на местность, где высокая трава дрожит под тугим воздухом, разрубаемым винтами вертолета. Нет, ты не маг и даже не первооткрыватель: давным-давно здесь побывали люди с планшетами и инструментами, самолеты вели аэрофотосъемку, а ты идешь по чужим следам, по старым забытым маршрутам и, если тебя грызет тщеславие, можешь успокоить его поисками несходств.

— Сядем там! — наклонился к пилоту Окладников, показывая на ручей, выше других петляющий по хребту.

Вертолет покружил над местностью, но не сел — слишком высокий кустарник, — а поплыл в сторонку, низко над землей, и если бы сейчас открыть дверцу и опустить ноги, то можно было бы коснуться замшелых кочек. Наконец, отыскали небольшую полянку с травой и, чуть касаясь выпуклостей, прощупав их колесами, сели.

Густой мох под ногами пружинит, и мы ступаем, как на подкидной сетке. В низине поднимаются редкие листовенницы, а меж корней извивается маленький прозрачный ручей: сквозь воду видны цветные камушки. И это ты, Лена?

Мы наклонились к ручью, коленями на мокрый мох, прогнувший-

ся под нами, и стали пить из ладоней чистую холодную воду, пока не стало больно зубам. Мне знаком был вкус ленской воды в среднем течении реки, в ее низовьях, даже в дельте у Ледовитого океана, и теперь я могу сказать, что самая просветленная, студеная, бодрящая вода реки здесь, в журчащем ручейке.

— Слушайте, Афанасий Николаевич,— обратился Окладников к Русанову,— ведь это прелесть что за места, правда?

Русанов шагал с нами рядом по траве: в белоснежной сорочке, при галстукe, в синей форменной фуражке, он был странно уместен среди тайги и диких гор; авиаторы вообще быстро вписываются в самый неожиданный ландшафт. Лет за двадцать работы на воздушном флоте он облетел, наверно, чуть ли не всю Сибирь, много повидал и теперь улыбался нам снисходительно, как пассажирам-чудакам. Что же тут особенного? — читалось в его насмешливом взгляде, но отвечал он неторопливо, как бы взвешивая каждое слово:

— Азия она и есть Азия.

Русанов протянул стеклянную банку с нитроокраской, и мы, присев на корточки, стали по очереди рисовать кисточкой на жестяном щите крупные красные слова: «Здесь начина...» И хотя буквы выходили не слишком красиво и ровно, скорее даже грубовато, щит нам понравился, особенно потому, что краска быстро просохла. Мы вбили шест близко от лиственницы, на приметном высоком месте. Для пущей устойчивости к основанию подкатали замшелый камень. Туристам, спускающимся по Приморскому хребту, щит будет виден издалека: «Здесь начинается Лена».

Со стороны Байкала показались низкие облака, перевалили через хребет и поплыли над нами, создавая на короткие промежутки спасительную тень. Ручей катит звонкие камушки, что-то верещит и цвиркает в высокой траве, а на душе нет успокоения, только снова тяга — добраться бы в жизни и до иных начал.

БАЙКАЛ И ВОКРУГ БАЙКАЛА

Самые трудные из
20 миллионов лет.— Строить:
что, где, как? — Природные
ресурсы требуют ума.—
Бацилла профессора
Талалаева.— Наводнение
1971 года.— Судьба
«русского зверя»

В начале июля 1954 года министр бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР Ф. Д. Вараксин пригласил на беседу ленинградского проектировщика Б. А. Смирнова, крупного специалиста и ветерана отрасли. Раньше их не сводила вместе судьба, но перед министром лежала на полированном столе «объективка», из нее можно было заключить, что это инженер дисциплинированный и энергичный: четверть века строил предприятия на Кондопоге, в Каменогорске, Соликамске, Сыктывкаре, четыре года был советником румынских целлюлозников.

Ожидая приема, Смирнов заходил в кабинеты к своим старым приятелям и уже был наслышан о последних новостях. В США разработали технологию производства высокооблагороженной растворимой целлюлозы — полуфабриката вискозного корда «супер-супер» с повышенной разрывной длиной. Уже пущен первый в мире завод «Бакай-селлюлоз» в городе Фоли штата Флорида мощностью 80 тысяч тонн в год. Проектируются и строятся заводы «Районир инкорпорейтед» в городе Джесеп штата Джорджия и «Интернейшнл» в городе Нетчес штата Миссисипи. Они будут давать по 100 и 200 тысяч тонн целлюлозы для сверхпрочного корда. «Технология известна?» — «Американцы не публикуют... Занесли в список стратегических товаров, запрещенных к продаже в СССР и социалистические страны». — «Да, дела...» — «Нужен свой «супер-супер...» — «Легко сказать...» — «А что прикажешь делать?»

Смирнов слушал, как говорится, вполуха: что ему эти страсти, надо подбраться и не забивать голову посторонним, чтобы в кабинете министра устоять против «врасплошности» — переходы из одного состояния в другое

давались нелегко. И все же он почувствовал себя профессионально задетым, смутное беспокойство передалось и ему. Выходит, целлюлозники в какой-то степени сдерживают развитие реактивной авиации. При взлете и посадке современных летательных аппаратов температура в шинах поднимается до трехсот градусов по Цельсию, на больших высотах она опускается до минус шестидесяти. Шины плохо выдерживают такой перепад температур, и их хватает на один-два полета. Обнадеживал синтетический корд из полиамидных и полиэфирных волокон — нейлона, найджена, перлона, дакрона, терилена, он прекрасно выдерживал испытания на прочность и мог бы конкурировать с вискозным кордом, если бы не одна обидная и пока непреодоленная уязвимость: синтетические волокна плавятся при температуре 200 градусов и становятся хрупкими при 15—20 градусах ниже нуля. Термостойкость! — вот преимущество вискозного корда «супер-супер», и именно это свойство вызывало к жизни молодые американские заводы сверхпрочной кордной целлюлозы.

В Европе такой целлюлозы не было и пока не предвиделось.

Смирнов даже представить себе не мог, что новая проблема может иметь к нему какое-то отношение и перевернуть вверх тормашками его ожидания.

— Я тут смотрел ваше дело, Борис Александрович, — сказал министр, жестом приглашая сесть. — Вы, кажется, никогда не бывали в Сибири?

— Нет, не приходилось... — насторожился Смирнов.

— Богатейший край! Почти треть лесных заготовок страны. В районе Братска будем строить крупнейшее хозяйственное объединение по химической переработке древесины. Комплекс целлюлозных заводов, картонной фабрики, гидролизно-дрожжевого завода... Они будут кооперированы между собой, и все отходы производства пойдут в дело. Размах, не правда ли?

— Да, любопытно... Очень интересно, — кивал Смирнов, мучительно соображая, к чему клонит министр.

— Кроме того, предстоит выбрать площадку под строительство целлюлозного завода на Байкале. Нам нужно в кратчайшие сроки получить высокопрочный корд «супер-супер». Надеюсь, вы слышали о нем и понимаете, что это значит?

— На Байкале? — поправил пенсне Смирнов.

Министр доверительно рассказал: уже изучали химический состав воды в крупных водоемах страны, чтобы определить место для будущего завода. Хорошо американцам — они используют грунтовые воды южных штатов, где вода содержит ничтожный процент кремния и круглый год у подземного пресного моря постоянный химический состав. В наших широтах речные воды меняют гидрохимические свойства, грунтовые пока слабо изучены, потому источник водоснабжения искали

в зарегулированном водоеме; нужно озеро, при этом такое, где кремния не больше одного миллиграмма, а растворенных солей не больше 100 миллиграммов на литр воды, и этот состав не должен зависеть от перемены погоды. Таких озер оказалось четыре — Ладожское, Онежское, Телецкое и Байкал. Первые два сразу же отпали: в примыкающих к ним лесах малы запасы сосны, которая идет на варку целлюлозы, — и два шага до государственной границы. Алтай и озеро Телецкое всем бы взяли, если бы в тайге не преобладала пихта. Пихта не годится для нового производства. Оставался Байкал, море чистой воды в окружении хвойных лесов, никогда не выдавших заводской дымящей трубы.

— Мы просим вас, Борис Александрович, возглавить комиссию по выбору площадки на Байкале, — сказал министр. — Будем вести переговоры с финской фирмой «Раума-Репола» о поставке технологического оборудования.

— Уже и оборудования?

— Надо торопиться, сами понимаете... Желая вам хорошей погоды на Байкале.

Да простит меня читатель за, быть может, излишние подробности давнего разговора между двумя людьми — министром и проектировщиком — я записал его, как слышал, от свидетелей той короткой деловой встречи. Не могу поручиться за достоверность каждого слова в том диалоге, о нем рассказывали мне много лет спустя, но смысл беседы был таков. События после той встречи шли на повышенных скоростях: 7 июля 1954 года заместитель министра Н. Н. Чистяков подписал приказ о назначении комиссии по выбору площадки для строительства Байкальского сульфатно-целлюлозного завода; 8 июля заместитель министра К. А. Вейнов утвердил задание на обследование западного побережья озера Байкал от устья реки Голоустной до истока Ангары, правого берега Ангары от истока до города Иркутска, юго-восточного берега от Култука до устья реки Селенги. В первых числах августа Смирнов и его коллеги, устроившись в мягких креслах самолета, летели на восток в голубом и безоблачном небе.

Катер иркутских лимнологов «Альбатрос», отданный на две недели в распоряжение комиссии, шел вдоль скалистых берегов. Отвесные красные плоскости, доступные разве что альпинистам, сменялись зелеными полями с буйной высокой растительностью, но еще не успевали глаза привыкнуть к спокойствию ландшафта, как местность снова взрывалась дикими лесистыми горами, ущельями, гротами, устьями быстрых рек. На голой скале стоит сосна с кроной, обращенной в сторону озера, как натянутый флаг. Тут все сошлось и смешалось: подвижная складчатая страна с древней кристаллической платформой, природные зоны тайги, лесостепи и степи; в соседних бухтах, падах, на островах особые

микроклиматы. Это был парад сибирских ландшафтов! Целлюлозники толпились на палубе, не скрывая изумления: что говорить — Байкал...

Смирнов стоял на носу катера, как предводитель воинства, припоминал сведения из паспех прочитанных книг, но цифры — у него на цифры всегда была память отличная — тут теряют смысловой вес, расплываются и меркнут перед величию живой кристальной воды. Перегнувшись за борт, видишь себя в синем зеркале, только легкая зыбь изломом проходит по груди. Попробуй представить эту самую глубокую из неокеанических впадин, державу чистейшей влаги, равную по площади Бельгии и Швейцарии; и если бы переместить сюда Женевское озеро с окружающими горами, то оно колыхалось бы на байкальских волнах, как голубое блюдо с белой каемкой... Вода прекрасная, думал Смирнов, цены ей нет: всего 96,8 миллиграмма минеральных примесей на литр.

Ниже 250 метров до самых больших глубин водная масса Байкала темна, холодна, с неизменной круглогодовой температурой, существующей веками: 3,2—3,5 градуса. И когда гуляют над озером сильные ветры, временами такие сильные, что в прибрежных деревьях срывают крыши домов, поднимают в воздух лодки и относят их к лесу, даже при этих дьявольских ветрах и огромных волнах глубинные пласты озера хранят вечный покой. Гигантские массы воды оказывают влияние на климат прилегающей к озеру местности. Лето у озера прохладнее, чем в других районах Восточной Сибири, а зима теплее. Кстати сказать, здесь довольно много солнечных дней. Годовые величины суммарной солнечной радиации, — вспоминал Смирнов, — такие же, как на юге Украины или на Северном Кавказе. Наверное, поэтому байкальские рыбаки, охотники, лесники потомственно бронзоволицы.

В то время беспокоила, главным образом, судьба рыбного стада на Байкале: как скажутся сточные воды предприятия на фауне озера? В глубинах обитает 1200 видов живых организмов. Из них две трети больше нигде не встречаются. Особый интерес ученых вызывают байкальские рачки-бокоплавы (гаммариды или «бормаши», как называют их сибиряки). Здесь нашли двести сорок видов гаммарид — почти третью часть всех видов гаммарид, известных в пресных и соленых водах нашей планеты.

Эндемиком признаны также многие плоские ресничные черви и другие организмы. Из семисот видов и разновидностей водных растений двести сорок пять живут только в Байкале. Камни прибрежной полосы, скрытые под водой на небольшой глубине, служат местом обитания великого множества организмов. Если поднять пять-шесть камушков величиной с ладонь или чуть побольше и внимательно рассмотреть их, то можно обнаружить до двух тысяч разных беспозвоночных животных. В прибрежной полосе множество водорослей и губок неожиданных форм. Сибиряки наловчились байкальскими губками чистить посуду.

Глубоководная зона Байкала пока еще слабо исследована, хотя интерес к ней давний и большой. По мнению ученых, «мы еще плохо знаем жизнь байкальских глубин; трудно добывать оттуда животных, а также наблюдать за их поведением: они не выносят условий жизни в аквариумах и гибнут, когда драга или трал выносят их на поверхность. Но ясно, что этот загадочный мир организмов заслуживает самого тщательного изучения с применением мощных средств современной техники морских исследований»¹.

В Байкале водится пятьдесят видов рыб, но самые удивительные из них — два вида голомянки.

Их описал в 1776 году натуралист и путешественник П. Паллас. Научное название их — комефорус, но народное название «голомянки» — от русского «голомень», что означает «открытое море» — довольно точно передает характер этих рыбок. Тело голомянки содержит до 35 процентов жира. Жир обладает целебными свойствами, утверждают медики. Голомянки полупрозрачны, и сквозь ее тушку иногда можно читать газету. Она легко выдерживает большие перепады давления, опускаясь с поверхностных слоев на глубину до пятисот метров и снова поднимаясь на поверхность. Зато очень чувствительна к температурным изменениям. Ей не по душе вода уже в пять градусов тепла, а при температуре в семь-десять градусов она впадает в оцепенение и погибает. От других пресноводных рыб голомянки отличаются еще и тем, что не откладывает икру, а рождает весной и летом до двух тысяч живых личинок. Это дается ей нелегко. Как правило, после появления личинок самки погибают.

Понятие «Байкал» немислимо без понятия «омуль» — деликатесной рыбы, которую относят к роду сигов. Она не слишком велика: тридцать-сорок сантиметров, средний вес пятьсот граммов, хотя иногда потянет три-четыре килограмма. По величине она уступает своему предку — омулю из Ледовитого океана. Но по вкусу, как уверяют гурманы, сравнить не с чем...

Помню рыбокомбинат. Вместе с бригадой рыбаков поздно вечером мы ушли на кунгасе «в море» ставить сети. Долго плыли, привязанные к берегу лунной дорожкой. Мы выбросили сети и в кунгасе устроили ужин. Бригадир расстегнул телогрейку, достал бутылку водки. Прежде чем разлить ее по стаканам, он отлил несколько капель на дно лодки. «Зачем это?» — спросил я. «Чтобы задобрить Бурхана». — «Какого Бурхана?» — не понимал я. «Духа, покровителя рыбной ловли». Никто из рыбаков, конечно же, ни в какого духа не верует. Тем не менее древний обычай очень живуч.

Освещенный желтым светом луны, Байкал был тих и загадочен, и я ни за что не сумею сказать, какого он был цвета, потому что краски и оттенки менялись каждое мгновение. На рассвете, когда еще не показалось солнце, мы выбирали сети. Упругие серебристые омули

били хвостами и падали в открытый трюм кунгаса. Бурхан, как видно, был в эту ночь в добром расположении духа.

Однажды на Байкал приехал Фидель Кастро со своими кубинскими соратниками. Они были в зеленых куртках с капюшонами и в тяжелых солдатских ботинках. Поднимались гуськом по влажным тропам Приморского хребта, уверенно и ловко, как по знакомым камням Сьерра-Маэстры. С высоты открывалась картина весеннего озера. Вода лишь накануне освободилась ото льда и только на горизонте поблескивала белыми полями. Кубинцы заторопились вниз, к маленькому деревянному причалу, на катерок «Москвич», скорее выйти на рыбную ловлю. И хотя знали, что их не ждет туша марлина и что спиннинговые удочки рассчитаны на другой улов, азарт был дружный, шумный, откровенный.

Катер кренился в северо-западных ветрах. Высокие волны переваливали через борт, образуя на палубе бассейн глубиной выше толстых солдатских подошв. Было холодно, гости набились в рубку, пытались по очереди постоять у штурвала, но у руля были свои счеты с озером и чужим сигналам он не хотел повиноваться. Кастро оставался на палубе, подняв капюшон и натянув кожаные перчатки. «Теперь я понимаю, — прищурился он, — почему Сибирь триста лет оставалась малоосвоенной!»

Погода помешала рыбалке.

Омуль был на берегу: сибирские рыбаки угощали кубинцев. Кастро не отходил от костра, переспрашивал рыбаков — запоминал технологию. Сибиряки пекут омуля по-разному. Первый способ: непотрошеную рыбешку трижды слегка надрезают по бокам, насаживают на деревянный шампур и обжаривают у костра с обеих сторон. Этот жирный и мягкий омуль называется «кругляшом». Второй способ: омуль пластают надвое, очищают от внутренностей, тоже насаживают на шампур и обжаривают. Он получается не такой жирный, посуше, но со своим неповторимым вкусом. Такой омуль называется «на рожне» (рожнями здесь величают шампуры). И тот, и другой омуль едят прямо с шампура, как кукурузный початок.

Существует еще и третий способ, изобретенный байкальскими речниками. Омуль обертывают в газету и держат на выхлопной трубе катера, пока бумага не истлеет. Это блюдо так и зовут — «омуль на выхлопной трубе». Шутники утверждают, что вкус этого омуля зависит еще и от того, какая газета...

— Тунца или марлина на такой шампур не засадишь, — сказал Кастро, обгладывая рыбу. — Но надо будет попробовать!

В былые времена на Байкале вылавливали каждый год до ста тысяч центнеров омуля². В послевоенные годы вылов стал резко падать — это встревожило ученых и местное население. Среди причин называют засорение молевым лесосплавом впадающих в озеро рек, где нерестится

рыба. А также и бесконтрольный вылов... Ученые настаивали, чтобы на несколько лет повсеместно запретили промысел омуля. Правительство прислушалось к рекомендациям — вылов байкальского омуля был запрещен на пять лет.

Ранней весной на льдинах, оторванных от зимних тяжелых торов и кочующих по озеру белыми островками, можно увидеть нерпу — серого тюленя, обитающего в средней и северной части озера. На нерпу обратили внимание триста лет назад первые русские землепроходцы, оказавшиеся на этих берегах. Но как морское животное попало в замкнутый водоём среди материка — до сих пор одна из байкальских загадок. Археологи рассказывают, что несколько тысячелетий назад древний человек уже промыслял нерпу на озере, а во второй половине XVIII века брали до двух тысяч животных каждый год. В предвоенные и военные годы промысел был стабильным, но небольшим. А после войны стал падать. Видимо, повлияли невысокие заготовительные цены на жир и шкуры.

Но судьба нерпичьего стада неожиданно изменилась. Это случилось, когда спортсменам сборной олимпийской команды Советского Союза пошли куртки из серебристо-серых нерпичьих шкур. На них смотрела с завистью вся Европа, но обладатели курток не могли объяснить, что за зверь у них на плечах.

Однажды я ехал по западному берегу Байкала в село Большой Онгурен (в переводе с бурятского это означает «конец пути»). Дальше дороги нет: стеной стоят отроги Приморского хребта. Здесь живут охотники за нерпой. Они начинают промысел в середине апреля. Лед еще прочен, дни уже ясные, солнечные. Охотник ставит на санки белый парус с двумя отверстиями. Одно для глаз. Другое — для ружейного ствола. Сам надевает на ватную фуфайку белый маскировочный халат и скользит на санях к тем льдинам, на которых греются нерпы. Выстрелы слышны так далеко, что и не разберешь, началась охота на нерпу или это трещат льдины. Сейчас на Байкале насчитывают больше сорока тысяч нерп — добывают в год около трех тысяч.

Итак, что ожидает животный мир Байкала при сооружении целлюлозных предприятий?

В лабораториях провели эксперимент: поставили рядом два аквариума — в одном сточные воды сульфатного производства, в другом, контрольном, чистая вода. Два месяца велось наблюдение за рыбами в обоих аквариумах. И рыбы не подвели: в специальном отчете указывалось, что «за время опытов рыбы не испытывали внешнего угнетения, активность их в поедании корма была такая же, как и в контрольном аквариуме».

Проектировщики стояли на своем: если сточные воды сульфатного производства очистить и развести чистой водой в пропорции хотя бы один к десяти, то рыбам ничто не угрожает, а поскольку Байкал —

крупнейшее хранилище пресной воды и разбавлять здесь можно как хочешь, что ему пара целлюлозных заводов? — говорили они.

В этой главе мы то и дело будем возвращаться к Байкалу, к его горным хребтам со снеговыми шапками, к дремучему таинству тайги и ее животному миру, но это вовсе не значит, что проблема «цивилизация — природа» стоит здесь острее, чем на соседних территориях. В Сибири повсюду есть природные комплексы, которые нужно беречь. И скалы попричудливее байкальских, и тайга ценнее байкальской, и животный мир разнообразней, и водоемы богаче рыбой, и недра, где больше минеральных ресурсов. А все же, сколько бы ни попадалось на глаза природных дублей, в одном-единственном случае не найдешь аналога нашему озеру — я имею в виду воду: ее прозрачность, вкус, химизм.

Такой сверхчистой воды нигде больше нет.

Глубокая котловина Байкала, способная вобрать в себя целиком, до последней капельки Балтийское море, хранит редчайшую по свойствам воду: с ничтожным содержанием минеральных солей, насыщенную растворенным кислородом и с неизменной низкой температурой во все времена года. Спрос на такую воду сейчас возрастает во всем мире. Это связывают с ростом населения, с развитием традиционных и возникновением новых отраслей индустрии. Некоторые прогнозисты считают, что к 2000 году можно ожидать сокращения общих темпов экономического развития из-за нехватки пресной воды. Ученые уже рисуют возможную картину будущего, довольно близкого: от озера пойдут трубы большого диаметра, доставляя байкальскую воду за тысячи километров, как нефть или газ.

Откуда же у байкальской воды особые свойства?

Тут надобно было бы рассказать о диатомовых водорослях, извлекающих из воды кремний, чтобы укрыться кремниевыми створками, обилии планктонных рачков (их зовут эпишурой) и о том, как они участвуют в самоочищении воды; об особых биохимических процессах, которые происходят в котловине на протяжении двадцати миллионов лет. Но разговор пора клонить к тому, что эта влага своим рождением и постоянным обновлением обязана не только самой котловине, ее внутренним законам, а еще и ближним горам, соседним лесам, своеобразному климату. Природное окружение выступает соучастником байкальской котловины в производстве чистой воды.

...«Альбатрос» причаливал к берегам, комиссия замеряла равнинные участки, радуясь счастливому сочетанию синей воды с сосново-лиственничными лесами. Обследовали пятнадцать площадок, придиричиво отвергали одну за другой, а напоследок, сопоставляя технико-экономические расчеты, оставили две конкурирующие площадки: Ангарскую

(Лиственничную), расположенную на правом берегу реки Ангары в 28 километрах выше Иркутска, и Солзанскую, лежащую на юго-восточном побережье Байкала. Обе площадки были признаны столь удобными, что комиссия предложила разместить рядом с целлюлозным заводом также и завод вискозного корда, чтобы не возить полуфабрикат на большие расстояния. Эту мысль поддержали: строить так строить.

Какая же площадка перетянет?

В 1956 году на Байкале появилась межведомственная комиссия: 28 специалистов целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, легкой промышленности, строительства предприятий металлургической и химической промышленности. Им предстояло изучить обе площадки и дать заключение. Иркутские власти возразили против Лиственничной площадки, поскольку правый берег Ангары, от Иркутска до Байкала, предполагалось застроить санаториями, домами отдыха, пионерскими лагерями. К тому прибавились опасения, что сточные воды будут загрязнять водохранилище Иркутской ГЭС в районе города с населением почти в полмиллиона. Совет технико-экономической экспертизы Госплана СССР отклонил Лиственничную площадку еще и по той причине, что водохранилище в ближайшие пять-десять лет будет затапливать новые территории и за счет выщелачивания почв станет меняться химический состав воды, увеличится в ней и содержание кремния. Госплан СССР письмом от 25 июля 1956 года отдал решительное предпочтение устью речки Солзан.

В ту пору министр лесной промышленности СССР Г. М. Орлов предложил отказаться от сооружения целлюлозного завода на Байкале и разместить новое предприятие в Братске на площадке будущего лесопромышленного комплекса. Все привлекало в этой идее — возможность увести вредные производства подальше от озера, не распылять строительство, а стянуть все силы в одно место, во глубину ангарской тайги, где уже запроектирован огромный комбинат по переработке древесины.

Проектные организации изучали вариант размещения новых заводов в Братске — и отклонили... Потребовалось бы строительство станции химической очистки воды, какой не существовало в мире. Для проведения исследовательских работ и создания технологии такой очистки понадобилось бы, по заключению специалистов, не менее десяти лет. При этом никто не мог поручиться, что уникальная станция будет давать огромную массу химически чистой воды постоянного состава. К этому вопросу Совет технико-экономической экспертизы Госплана СССР (под председательством члена-корреспондента Академии наук СССР Н. Н. Некрасова) вернулся в 1958 году и снова подтвердил, что целлюлоза самых высоких сортов для корда может быть получена только на Байкале.

В 1958 году возле устья мелкой речушки Солзан появились первые

строители: валили высокие сосны, освобождая площадку. На деревьях, как белые флаги, трепетали плакаты: «Эй, баргузин, пошевеливай вал! Любуйся и силой и хваткой: мы строим завод и построим завод в широком таежном распадке!»

Строители читали и радовались.

Стоп! — к чему вся эта бесстрастная хроника давно минувших дней, слышу недоумение читателя, зачем тягуче излагать биографию стройки печальной известности, разве что следуя завету М. Горького писать историю фабрик и заводов — но такая ли история и такого ли завода имелась в виду?

Не торопись, читатель... Ведь ты уже загодя знаешь многое из того, о чем нам предстоит говорить, ты слышал, а может быть, сам принимал живейшее участие в дискуссии о судьбе Байкала, и мы не будем возвращаться к ликбезу по охране природы. Надо разобраться, что же произошло, не давая нашим мнениям о предмете брать верх над знанием самого предмета.

Мы живем в эпоху перемен в экономической географии страны. Истощение одних природных ресурсов и открытие других, возникновение искусственных материалов, заменяющих естественные, обращение современной индустрии к новым видам сырья уже сейчас заставляет перераспределять промышленные предприятия, подчиняя их местоположение и технологию потребностям развивающейся цивилизации.

Еще недавно мы говорили о планировании пространства и ресурсов как о предпочтительном подходе к освоению новых территорий. Сегодня без этого нельзя шагу ступить: в действие приведена армада техники, превосходящая по своим возможностям единовременные усилия миллионов людей с борцовскими бицепсами, и стоит символическому бульдозеру прихватить сверхплановый ковш земли, как в окружающей среде возникнут непредвидимые процессы — утраты, смещения, разруха — их пока не берется предсказывать физическая география.

Вероятность ошибки тем больше, чем азартнее принимаются за дело энтузиасты, которые не очень-то ведают, что творят, а потом продолжают героически творить по инерции, даже если уже и начали вводить... Во многих странах это происходит при молчании равнодушного и невежественного большинства, верующего в благие намерения упрямец: дело не нашего ума, им там виднее... Увлеченные мнимыми победами над природой, покорением рек, наступлением на тайгу, эксплуатацией ресурсов, эти молчаливники пребывают в состоянии гражданской эйфории и не желают замечать связи между причинами и следствием. «Лишь небольшое число жителей Нью-Йорка вполне представляет себе, каким образом пыльные бури в Техасе поднимают цены на

бифштексы в Манхаттене или почему осушение болот может лишить их охоты на уток», — замечает американский натуралист Р. Парсон³.

Сибирь так могуче раздалась в плечах, что трудно и просто немислимо натягивать на нее готовый костюм без предварительных вдумчивых примерок. Закройщик и портной должны поставить ее перед зеркалом, чтобы она оглядела себя сама со всех сторон, не тесно ли ей в поясе и не трещат ли где швы. Пусть скажет свое слово — хозяйка какникак.

У нас традиционно всенародное обсуждение пятилетних планов экономического развития страны. Помню, как в дни публикации проекта плана очередной пятилетки в редакцию «Известий» почтальоны доставляли каждый день по полтора-два мешка писем. Пусть не все предложения можно было тотчас принять, не все идеи реализовать, не со всеми суждениями согласиться. Но выслушать, но подумать, но приобщить массы к ответственности за судьбу пятилеток... То же и с природными ресурсами, которые мы не создаем, а получаем в наследство от тех, кто жил до нас, чтобы употребить их с заботливым умом во благо живущих, а затем передать их будущему поколению.

Прекрасен извечный круг жизни, когда каждый такт движения совершается с ведома всего поколения и его собственными осознанными усилиями. В эпоху научно-технической революции ни одна крупная программа, это всем известно, не может быть осуществлена без надежной общественной поддержки.

Она требовалась и для программы индустриального строительства на Байкале.

Знай общественность о намерении строить целлюлозный завод в Прибайкалье в 1954—1955 годах, когда разрабатывалось проектное задание и эксперты изучали площадки, открытое обсуждение вариантов способно было на той стадии обогатить инженерную мысль и помогло бы планирующим органам полнее учесть особенности, связанные с природной средой в бассейне Байкала. И опасения, прозвучавшие в пору широкой полемики, могли стать всенародно известными значительно раньше и при обстоятельствах, когда к ним возможно было бы прислушаться.

Целлюлозно-бумажная промышленность успела во всем мире обрести славу главного погубителя рек и озер. Загрязненная вода убивает или изгоняет многие виды животных и растений, наносит ущерб ландшафтам, она выходит из игры в качестве ресурса, пригодного для использования, и становится опасной для населения, обитающего по берегам этих потерянных рек. Нам известны последствия глубокой переработки древесины на Волге, на Каме, на других водоемах, принявших на себя натиск химической индустрии в тридцатых годах.

Настал черед Байкала — и люди встревожились, как никогда раньше, заговорили об опасениях в полный голос.

В феврале 1959 года «Литературная газета» выступила со статьей «Байкал должен быть заповедником» — общественность страны впервые узнала о строительстве целлюлозного завода на берегу сибирского озера.

К Смирнову, теперь уже главному инженеру проектного института Сибгипробум, обращались с вопросами: что же, целлюлозная промышленность погубит озеро Байкал, как успела погубить другие водоемы?

— Те заводы строились в тридцатых годах, без очистных сооружений и без утилизации отходов, — объяснял он. — Мы же задумали современное предприятие, где утилизационные цехи будут вырабатывать из отходов кормовые дрожжи, таловое масло, оберточную бумагу. В водоем после тщательной очистки будут сбрасываться стоки, практически чистые, безвредные для флоры и фауны.

— Вы уверены, Борис Александрович?

— Об этом говорят расчеты: утилизационные цехи должны перерабатывать до девяноста семи процентов отходов. В стоки попадет три-пять процентов всех загрязнений — это в десятки раз меньше, чем на действующих сульфат-целлюлозных заводах. Но мы идем дальше: строим мощные очистные сооружения.

Весной 1960 года в устье речки Солзан стояли палатки строителей. Молодые люди приезжали сюда, как в Братск, как в Дивногорск, как в Шелехов — в одиночку, семьями, коллективами, с энтузиазмом и оптимизмом, воодушевленные будущим натиском индустрии.

«Новый город заложен», «Ожила таежная долина», «Рождается гигант целлюлозной промышленности», «Вахту несут строители»... Репортажи и информации, исполненные газетами на октаву выше будничных сообщений, падали на подготовленную почву. В обществе замечалась возбужденность переменою мест; на трассы выходили реактивные самолеты, но вокзалы российских городов пуше прежнего были тесны и суматошны; всех куда-то звали расклеенные по заборам плакаты, обещающие льготы, выгоды, ссуды или койку в общежитии, на худой конец; среди адресов шрифты чаще прочих выделяли Восточную Сибирь и Дальний Восток.

В Иркутском корреспондентском пункте «Известий» почтальон, тяжело дыша, вытряхивал на стол битком набитую сумку; мятые конверты и открытки, все больше от людей с несложившейся биографией или с неустроенной судьбой; их привлекала байкальская стройка возможностью наладить степенную жизнь в местах красивых и перспективных; не дожидаясь ответов, люди пускались в путь семьями, а отдел кадров стройки не мог всех принять, женщины с детьми толпились в коридорах, как цыгане, отказываясь понимать, отчего пренебрегают их чистыми трудовыми стремлениями.

Солзан на языке тофаларов означает «спокойное устье». Очень скоро эти слова покажутся иронией судьбы.

Эпистолярный жанр давно известен истории русской публицистики, но по пальцам перечесть, пожалуй, открытые газетные письма, которые так отвечали бы на распространенную в обществе потребность, как появившееся в ноябре 1959 года «Открытое письмо Госплану СССР и Госплану РСФСР, научным, проектным институтам и другим организациям, заинтересованным в использовании Байкала». Под письмом стояли подписи директора Института географии АН СССР И. Герасимова, директора Института географии Сибири и Дальнего Востока В. Сочавы, председателя президиума Восточно-Сибирского филиала АН СССР В. Кротова, директора Восточно-Сибирского геологического института М. Одинцова, докторов биологических наук М. Кожова и Ф. Реймерса, председателя Совета Восточно-Сибирского отдела Географического общества СССР П. Силинского, начальника Байкальской лимнологической станции Г. Галазия. Множественность подписей указывала на общность тревоги, заставлявшей призадуматься серьезных людей. Первый проект целлюлозного завода не учитывал особенностей озера. Сбрасывая большие количества загрязненной и обескислороженной воды, предприятия могли нанести Байкалу непоправимый ущерб. Ученые призывали разработать технологический процесс, при котором полностью исключался бы сброс в озеро загрязненных стоков. Если бы смысл выступления ограничился этой заботой, то и ее одной хватило бы занять общественное мнение на долгий срок. Но авторы открытого письма сделали шаг вперед — они предложили составить научно обоснованную программу комплексного использования природных ресурсов Байкала, некий государственный план, рассчитанный на перспективу.

Казалось бы, что значат два-три газетных столбца, к тому же набранные петитом. А между тем, если они и не могли остановить строительство байкальского завода, сорвать стоп-краны поездов, которые шли и шли на восток с дорогим оборудованием, нажать на тормоза самосвалов, громыхавших по тряской прибрежной дороге, то им удалось, во всяком случае, чуть охладить восторг перед любой, без разбора и раздумья, новостройкой и в общественном мнении расставить вопросы несколько в ином порядке, чем они традиционно располагались.

Печать становилась воистину полем брани — в обоих смыслах слова — стрельба раздавалась то с одной стороны, то с другой, но в ход шли по большей части холостые патроны; шуму было много, но сразить противника наповал не удавалось ни одной из сторон: в 50-х годах еще сырым был порох аргументов. Слева слышалась канонада: «Проектируется бесхозяйственность!», «Все ли сделано для охраны Байкала от загрязнения?», а справа шли под этим огнем вперед короткими перебежками: «Быстрее сооружать гигант на Байкале», «Молодость рапортует», «Большая химия Прибайкалья», «В поселке Байкальском — свадьба!».

Министерство химической промышленности СССР, которому пере-

дали производство искусственных волокон, делает первую уступку защитникам Байкала: отказывается от строительства двух заводов на одной площадке и переносит предприятие по выработке вискозного корда в город Балаково Саратовской области — по-видимому, полагая, что защитники Волги уступчивее защитников Байкала. Комплексное оборудование завода, купленное у итальянской фирмы «Шотильон», а также проект и технологию производства сверхпрочного вискозного корда направили по волжскому адресу.

В канун 1961 года в «Комсомольской правде» появилась статья «Байкал в опасности».

«Один только цинк будет за сутки отравлять 400 миллионов кубометров байкальской воды! А Ангара выносит за это время вдвое меньшее количество воды. Значит, не пройдет и нескольких лет, как Байкал будет в значительной мере загрязнен одними только цинковыми солями», — сообщалось в статье.

— Помилуйте, где газета отыскала цинк, когда в целлюлозном производстве соли цинка вообще никогда не применялись! — ходил из угла в угол Смирнов, швырнув на стол номер газеты.

В ту пору вопрос «строить или не строить» в печати не стоял. Речь шла о другом — как строить, чтобы сохранить озеро. Директор Лимнологического института Сибирского отделения Академии наук СССР Г. И. Галазий призывал «высказать свои предложения, направленные на то, чтобы, не затягивая сроков и не удорожая строительства, вместе с тем оградить Байкал от ущерба». И в других выступлениях был реалистический подход, учитывающий обстановку и сформулированный профессором Я. М. Грушко: «Иркутские ученые и специалисты-практики должны помочь проектировщикам разработать такой проект, чтобы к моменту пуска завода в эксплуатацию у всех была твердая уверенность, что завод не будет загрязнять Байкал...»

Этот призыв ждал отклика.

В 1962 году был образован Государственный комитет по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству во главе с Г. М. Орловым, который в свое время предлагал перенести строительство целлюлозного завода за семьсот километров от озера в район Братска. Но теперь ситуация изменилась, министру предстояло отвечать не только за рубку леса, но и за продукты переработки древесины. Под его руководством ускорились строительство Байкальского целлюлозного завода и Селенгинского целлюлозно-картонного комбината. Его имя не раз называли в печати, связывали его с недостатками проекта и неудачным размещением предприятия, и он отвечал на выступления с решимостью и оптимизмом.

— Борис Александрович, мне бы хотелось поговорить с вами, — позвонил я Смирнову.

— Что, и вы начнете атаку? — услышал я. — Ну что же, давайте, не вы первый, не вы последний...

Проектный институт Сибгипробум помещается в большом стеклянном здании на набережной Ангары. Миновав длинный и тихий коридор и заглядывая в приоткрытые двери, за которыми видны были гигантские чертежные доски, я вошел в кабинет Б. А. Смирнова. Разговор у нас не получался: издерганный газетными статьями, он отвечал односложно, к вопросам прислушивался настороженно, за каждым словом старался уловить подвох.

Сибирский геолог В. П. Солоненко дал заключение о сейсмическом микрорайонировании площадки завода на Солзане и доказал ее непригодность: площадка расположена на краю сброса Черского, обнаруженного аэрофотосъемкой, промерами глубин и водолазными исследованиями.

— Никакого сброса Черского не существует, — сказал Смирнов. — Мы произвели около тысячи промеров глубин, дно озера оказалось пологим. Мы сообщили в Москву: «Уточнение сейсмического микрорайонирования площадки строительства должно быть поручено не Восточно-Сибирскому геологическому институту Сибирского отделения Академии наук СССР, а какой-либо вполне объективной организации».

В тот же день я побывал у директора Восточно-Сибирского геологического института, крупного ученого М. М. Одинцова, с именем которого связано открытие якутских алмазов и многих других полезных ископаемых Восточной Сибири. Мы заговорили о таинственном сбросе Черского.

— Кого вы слушаете! — сказал Одинцов, подвигая к себе папку с бумагами. — Мы уже ответили в Москву таким образом: «Критика фактических материалов и выводов отчета В. П. Солоненко дана в заключении совершенно неквалифицированно, тенденциозно и имеет целью вопреки фактам оправдать проектную организацию, недостаточно серьезно подошедшую к решению важнейшего вопроса...»

Было отчего схватиться за голову! Ведь не один человек противоречил другому, а два крупных института, где сотни специалистов и современная техника исследований оспаривали друг друга по конкретным локальным вопросам: есть в полутора километрах от площадки завода подводный уступ или его нет — такой вопрос, пожалуй, не решить большинством голосов и мнением широкой общественности⁴.

Кто прав? По-видимому, прежде всего правы те, кто считает: следовало начинать строительство завода с предварительного и тщательного инженерно-геологического исследования, как это и предусмотрено законом. А сейчас водолазы спускались на дно искать загадочный сброс, но стройка уже росла, как на дрожжах: по транссибирской магистрали без задержки пропускали поезда с импортными конструкциями. Целлюлозный завод приближался к Байкалу...

В те дни я снова побывал на Солзане. Поднялся главный корпус завода, за лесом стоят ярко раскрашенные синие, желтые, зеленые домики строителей, отовсюду слышится рокот машин, но общий ритм площадки казался каким-то замедленным — может быть, потому, что я помнил горячность и удаль первых дней. У директора завода Н. И. Черпанова был удрученный вид, как будто болели зубы.

— А что вы хотите, — сердился он, — устроили газетную шумиху, строители не знают, оставаться им здесь или собираться в дорогу, проектировщики задерживают документацию. Народ хлынул в отдел кадров увольняться. Скажите, что за порядки: государственное мы строительство или приход какого-то предпринимателя?

Подобно ниткам разных расцветок, сплелись, скрутились, смешались в один тугой клубок нравственные позиции, человеческие страсти, различные кругозоры, особые понятия о добре и зле, широта с узостью, крикливая безответственность с упрямством, и гипотезы, предсказания, измышления — попробуй вытяни хоть одну чистую ниточку... Кое-кто, желая расставить противоборствующие силы, хотя бы в своей собственной голове, стал изображать ситуацию, как конфликт ученых с проектировщиками. Это иллюзорное и упрощенное представление подхватывалось массой несведущих людей, которым ни к чему было входить в дебри истинных обстоятельств. Но если бы они решились толкнуться в эти дебри, то открыли бы для себя новости: скажем, что выбор байкальских площадок согласован с крупными институтами Академии наук СССР, что межведомственные экспертные комиссии, одоббившие проекты байкальских заводов и принципиальные направления их технологии, возглавляли известные ученые (академик С. И. Вольфович, академик Н. М. Жаворонков и другие)... Впрочем, может быть, общественному мнению и не стоило вникать в эти осложняющие обстоятельства, поскольку решать все равно приходилось не разумом, но наболевшим сердцем: правда на той стороне, которая защищает Байкал, а защищает его сторона, выступающая против строительства целлюлозных заводов.

Тому, кто следил за полемикой и соотносил ситуацию с положением дел в народном хозяйстве, становилось ясным, что строительство заводов не остановят. Споры идут, а на площадке громыхают бульдозеры, днем и ночью работают краны. Начали монтаж оборудования бетонного завода. И уж если целлюлозному заводу на Солзанской площадке суждено существовать, то лучшим способом обезопасить озеро, казалось тогда, был бы совместный поиск ученых, проектировщиков, инженеров, экологов, всех тех, кто хотел бы помочь сохранению природной среды мыслью или действием. Нельзя допускать, чтобы под шум газетных столкновений, под шестел гневных резолюций продолжалось строительство по несовершенным проектам! И если бы институты, которые тогда выступали оппонентами проектировщиков, выполняли бы, кроме того, совместные исследования, связанные с судьбой озера и исключая-

шие ведомственный подход, это бы ускорило создание эффективных способов очистки промышленных стоков. «Байкальцы хотя бы верить, что руководители уважаемых организаций все-таки сядут за круглый стол. Их время и кипучая энергия, которые бесхозяйственно растрачиваются на взаимные обвинения и опровержения, должны использоваться более рационально», — писали «Известия» в июне 1962 года.

Мне сейчас неловко за грубоватость и неуклюжесть иных строк, как они появились в газете, но суть была сказана: если строительство неизбежно и уже стало фактом, то нужно объединиться, чтобы было меньше потерь.

Впоследствии сама жизнь заставила ученых и практиков объединить усилия. В июне 1971 года президиум Академии наук СССР обязал ученых Сибирского отделения «оказать помощь Байкальскому целлюлозно-бумажному заводу в дальнейшем совершенствовании схемы очистки сточных вод, утилизации осадков после биологической и химической очистки, разработке экономичных методов регенерации растворенных соединений, содержащихся в промышленных сточных водах, и уменьшении расхода чистой воды на производство целлюлозы».

Это требовалось сделать еще десять лет назад.

В декабре 1962 года иркутская областная газета поместила статью специалистов Сибгипробума «Байкал останется чистым» — о заседании технического совета института, где одобрили проект очистных сооружений. Между тем для оптимизма не было оснований. Специалисты Комитета по водным ресурсам исследовали схему и пришли к заключению, что проектировщики не учли замечаний экспертных комиссий и проект по-прежнему не совершенен.

Очистная схема предполагает три ступени: биологическую, химическую и механическую — на песчаных фильтрах и с завершающей очисткой в пруде-аэраторе. Но даже пройдя эти чистилища, сточные воды будут содержать в каждом литре до двухсот миллиграммов чужеродных для озера веществ: сульфаты и хлориды натрия, остатки меркаптановых соединений, вредных для живых организмов. Подсчитано, что каждый год в Байкал будет сбрасываться 430—860 тонн взвешенных веществ, 15 300—16 800 тонн органических веществ и до 30 000 тонн минеральных веществ — в естественной байкальской воде всего этого содержится очень мало.

До сих пор в газетной полемике над аргументами преобладали эмоции, а потому неискушенный читатель был окончательно растерян и доверялся только инстинкту: правда там, где охраняют природу. Наконец, в апрельском номере журнала «Октябрь» (1963 год) появился очерк В. Чивилихина «Голубое око Сибири», из которого общественность впервые могла почерпнуть обстоятельные сведения о предмете спора. Автор пришел к выводу: надо эвакуировать завод подальше от

Байкала, в другое место Сибири. То есть к тому, о чем думали проектировщики семь лет назад.

Над множеством проблем теперь поднималась самая важная и тревожная: действительно ли очистные сооружения сумеют освободить стоки от загрязнений и спускать в Байкал прозрачную, чистую и безвредную воду — возможно это или невозможно?

Печальный опыт многих загубленных рек стоял перед глазами убийственным ответом.

Уже осенью 1960 года в Российской Федерации был принят закон об охране природы, которым запрещался «ввод в эксплуатацию предприятий, цехов и агрегатов, сбрасывающих сточные воды без выполнения мероприятий, обеспечивающих их очистку». Проектировщикам-целлюлозникам пришлось туго: индустрия химической водоочистки не решена нигде в мире. Раньше требования к очистке стоков не были столь строги, глубоких научных проработок не велось, и опираться проектировщикам теперь приходилось на неполный, иногда незаконченный материал исследовательских организаций да на зарубежный опыт, из которого тоже мало что можно было почерпнуть. В Сибири предостало устроить испытательный полигон. Проектирование очистных сооружений поручили Союзводоканалпроекту, его ленинградскому отделению. Там делали все возможное, не считаясь со сметой строительства, — только бы предотвратить беду.

Биологическая очистка должна уменьшить количество растворенных в сточных водах органических веществ. Такие установки широко распространены и проверены в различных климатических условиях. Химическая фаза очистки вызывает коагуляцию органических загрязнений, здесь частицы остаются, и происходит осветление сточных вод. Этот метод также известен. Но к нему теперь предъявляли повышенные требования. Органы здравоохранения, рыбоохраны, земельного и водного хозяйства после тщательных экспертиз позволили сбрасывать очищенные таким образом и обесцвеченные сточные воды в Байкал.

По мнению проектировщиков, двух этих порогов вполне достаточно для полной очистки стоков. Но для гарантии, чтобы в чистые сточные воды не попали даже мельчайшие взвешенные вещества, включили в схему третью стадию очистки — песчаные фильтры, которые до сих пор использовались при очищении питьевой воды. Больше того, предусматривали еще заключительную очистку сточных вод в прудах-отстойниках и пруде-аэраторе: перед выпуском в озеро чистые стоки отстаиваются и насыщаются кислородом. По химическому составу, прозрачности, концентрации водородных ионов и по всем другим показателям сточные воды будут соответствовать действующему в нашей стране стандарту на питьевую воду — завершают проектировщики.

Что же, возможно... Только подходят ли к уникальной байкальской воде стандарты на питьевую воду — ведь если установлена их идентич-

ность, то отчего же не разместили целлюлозный завод у городской водопроводной трубы? Видимо, это все-таки разная вода. Физико-географические условия местности влияют на микробиологические процессы в водоемах, на способность природных вод к самоочищению, на их химический состав. И те нормы, которые хороши для озера Рича, могут оказаться губительными для Байкала. По мнению члена-корреспондента Академии наук СССР Г. И. Галазия, «загрязнение Байкала промышленными стоками, даже при работе очистных сооружений Байкальского целлюлозного завода, неизбежно»⁵.

Это мнение другие биологи оспаривают, но не станем гадать и согласимся, что Байкал требует внимания особого, осторожности повышенной.

В феврале 1965 года статьей «Туман над Байкалом» писателя О. Волкова «Литературная газета» снова открыла дискуссию о проблемах Байкала. Эта полемика в тот самый год, когда был намечен пуск завода, приняла невиданный раньше накал. Газета выдвинула новый аргумент против целесообразности строительства завода: вискозный корд доживает последние годы, его вытесняет синтетический корд, более прочный, легкий и дешевый. Байкал приносится в жертву морально устаревшему продукту.

— Слушайте, что же это у нас происходит? — говорил Смирнов, еле сдерживая гнев. — Балерины, журналисты, эстрадные певцы могут рассуждать о размещении и работе целлюлозного завода, а специалистов, занимающихся этими проблемами десятки лет, никто и слушать не хочет. Я посылал статьи в редакции центральных газет, ну хоть бы ответили!

Смирнову удалось уговорить редакцию одной периферийной газеты поместить его статью «Рассеять туман над Байкалом». Касаясь главного вопроса, возникшего в последнее время, — об устарелости вискозного корда, он утверждал, ссылаясь на практику целлюлозной промышленности США: действительно, начиная с 1950 года во всех высокоразвитых капиталистических странах растет производство корда из полиамидных волокон. Синтетический корд превосходит почти вдвое вискозный корд «супер-супер» по прочности. Это увеличивает срок службы автомобильных покрышек. Но для производства авиационных шин новый корд по-прежнему не годится из-за недостаточной термостойкости. Поэтому в США и других странах для авиационных шин применяется только высокопрочный вискозный корд. «Возможно, что в ближайшее время будет создано синтетическое волокно, обладающее, помимо высокой прочности, необходимой термостойкостью, но на сегодня, — писал Смирнов, — ведущиеся в этом направлении в течение последнего десятилетия во всех странах мира научные исследования не дали желаемых результатов...»⁶

В ту пору оживленно обсуждалась идея отвода очищенных стоков

в Иркут по трубопроводу протяженностью около пятидесяти километров и стоимостью сорок миллионов рублей — это могло бы полностью исключить загрязнение озера отходами целлюлозного производства и предотвратить возможную деградацию Байкала. В 1965 году Совет народного хозяйства СССР предложил изучить новый вариант. Но проектные организации сумели убедить экспертов, что затея дорогая и лишняя: обойдемся без трубы...

В газетной полемике увлеченность иногда достигала азарта, факты и цифры уже брались, как говорится, с потолка, благо никто не мог их проверить, а это эмоциональное нагнетание не проясняло исходные позиции, а окончательно сбивало с толку тех, кто хотел бы разобраться в ситуации своим умом.

«Эта масса представляет около... одной сороковой мировых запасов пресной воды», — пишет «Литературная газета» 6 февраля 1965 года.

«Ведь в нем хранится десятая часть запасов пресной воды нашей планеты», — спорит «Правда» 28 февраля 1965 года. Кому верить?

Я видел настроение жителей Байкальска, ни в чем не повинных людей; они из добрых побуждений отправились в Восточную Сибирь, на объявленную в газетах ударную комсомольскую стройку, они уже возвели гигантские корпуса завода, смонтировали сложнейшее оборудование, проложили в тайге дороги и построили живописный городок, но как-то стыдились всего этого и чувствовали себя словно бы в штрафном батальоне, где оказались неизвестно за какие грехи. По вечерам люди собирались в общежитиях и вслух читали свежие московские и местные газеты, от которых кругом шла голова:

«Строительство целлюлозных заводов на берегах Байкала надо немедленно прекратить. Возведенные уже корпуса можно использовать для других производств...»

«Байкал вне опасности, — так отвечают на ряд выступлений в защиту Байкала крупнейшие ученые страны...»

«...требуют рискнуть Байкалом не только ради высокопрочного шинного корда, но и во имя выпуска высокопрочных тросов и маек!»

«...высказываемые опасения о загрязнении озера и нарушении его режима лишены какого бы то ни было основания».

«...под благовидным предлогом и, главное, на крупные казенные деньги замышляется злодейство над Байкалом... Сьем же шапки всенародно в тот пасмурный денек, когда хлынет туда, в эту чистейшую чашу, первая отравка...» — писал в апреле 1965 года в «Литературной газете» Леонид Леонов.

В ответ на статью руководителей целлюлозно-бумажной промышленности о безопасности байкальского завода для озера выступил академик А. Трофимук. Он выдвинул еще одно серьезное опасение: промышленные стоки, поступая в водозабор, нарушат состав воды — в ре-

зультате заводу не получить целлюлозы необходимого качества, очистные установки будут сбиваться с ритма, и неочищенная вода хлынет в Байкал.

— Как же так? — спрашивал я в Сибгипробуме. — Разве это нельзя было предвидеть?

— Мы четыре года ведем наблюдение за течениями в озере,— услышал я в ответ.— Действительно, в поверхностных слоях течение постоянное: с запада на восток. Поэтому водозабор предприятия опустили на глубину сорок метров, перенесли его с восточного участка на западный, и стокам в водозабор никак не попасть...

Первого апреля 1966 года на шестом заседании XXIII съезда партии выступил Михаил Шолохов:

— А может быть, мы найдем в себе мужество и откажемся от вырубки лесов вокруг Байкала, от строительства там целлюлозных предприятий, а взамен их построим такие, которые не будут угрожать гибели сокровищнице русской природы — Байкалу? Во всяком случае, надо принять все необходимые меры, чтобы спасти Байкал. Боюсь, не простят нам потомки, если мы не сохраним «славное море, священный Байкал!».

Были бурные аплодисменты.

О Байкале говорили все, с жаром и пылом, на трамвайных остановках, на студенческих вечерах, в рабочих столовых и на писательских собраниях, на песчаных пляжах, играя в преферанс. Однажды в рыболовецкий колхоз поселка Култук пришли четыре бочки пльзенского пива от чешских друзей, с которыми много лет переписываются култукцы. В ответ послали чехам четыре бочки омуля. И пошли разговоры: «Слышали последние новости с Байкалом?» — «А что случилось?» — «Озеро продали чехам». — «Чепуха какая-то...» — «В аренду, на двадцать лет!»

Тем временем в печати появлялись выступления ученых, где, может быть, первый раз в истории нашего общества так последовательно и терпеливо разъясняли несведущим людям истинную цену природных ресурсов. Огромные массы уникальной, химически чистой и однородной байкальской воды в скором времени могут стать всепланетной лабораторией, где можно будет изучать физические свойства материи. По мнению Г. Поспелова, байкальская котловина понадобится «для исследования свойств света в тех его удивительных пучках, которые, формируясь в квантовых генераторах, становятся в миллионы и миллиарды раз более яркими, чем солнечные, обретая способность «простреливать» огромные космические пространства. Поведение света в крупных массах прозрачных плотных сред еще не изучено. А на Байкале можно исследовать его в условиях давлений и плотностей, меняющихся с глубинами. Самые гигантские по масштабам физические опыты, требующие химически чистой, прозрачной и однородной водной среды, могут быть

поставлены в будущем только на Байкале. Других подобных же условий для этого нигде в мире нет»⁷.

В течение одного десятилетия — конец 50-х и 60-е годы — Сибирь открыла глаза и узнала о себе самой столько нового, что уже и во всех других отраслях хозяйства начинал меняться подход к природным ресурсам. В проектных институтах громко заговорили о сохранении водной и воздушной среды, о восстановлении земель, разрушенных горнодобывающей промышленностью, о комплексном освоении полезных ископаемых, дабы не терять ни одного из их компонентов... Чуть было приостановилась неумемная гонка и спешка, осторожнее стали планировать, которым еще в недавнюю пору любо-мило было с распростертыми объятиями принимать и размещать у себя всякое производство, не глядя ни на цену, ни на последствия. Завод — давайте, комбинат — просим, есть площадки, других таких не найдете... Восточные районы пережили этот романтический период ликования по поводу каждого предприятия, которое уступала им отрасль, и теперь как бы опомнились: ведь можно и выбирать!

Между тем «байкальская проблема» пошла гулять по страницам мировой печати, потеснив на какое-то время статьи об иных аспектах советской жизни. Писали ведущие обозреватели и крупные ученые, для которых судьба озера Байкал была новым поводом опять возвысить голос против хищнического отношения к природным ресурсам на планете Земля и в своей собственной стране. Особенно активной была пресса США, где развитие индустрии и рост численности населения приводили к бессмысленному нарушению структуры природных комплексов. Разнобой в оценках и мнениях отражал сложную расстановку сил, связанных с той или иной корпорацией.

В 1966 году специальный корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Харрисен Е. Солсбери побывал в Сибири и передал в свою газету информацию: «Заканчивается строительство одного из крупнейших в Советском Союзе целлюлозно-бумажных заводов на южном коротком берегу озера, который будет пользоваться замечательно чистой водой Байкала, почти такой же чистой, как дистиллированная, и сбрасывать обратно в озеро миллионы галлонов неочищенных, необработанных сульфатных отходов... До сих пор единственным ответом бумажников было, что уже вложено слишком много денег для того, чтобы списать завод на слом, и что если Байкал пострадает, то это очень печально, но будет только ценой, которую придется заплатить за прогресс»⁸.

Вслед за ним в Сибирь приезжает редактор журнала «Палп энд пэйпа интернешнл» Альберт В. Уильсон, занимающийся проблемами мирового лесохимического производства. У него оказались другие впечатления, и, не боясь пойти против общественного мнения, он затевает полемику с «Нью-Йорк таймс».

«Так же как и в западных странах, советской промышленности при-

ходится вести борьбу с восторженными, но плохо информированными консерваторами... Газета «Нью-Йорк таймс», ратовавшая за чистую воду в США, часто подвергавшая резкой критике целлюлозные заводы в США (но не в Канаде, где она является совладельцем двух заводов), командировала одного из своих ветеранов из числа международных корреспондентов на озеро Байкал с целью получить репортаж... Поскольку в статье газеты «Нью-Йорк таймс» цитируются только слова работника музея, то понятно, что в ней содержится несколько неточностей. Она называет Байкальский завод «одним из крупнейших в Советском Союзе целлюлозно-бумажных заводов». Фактически он один из самых небольших из 30 строящихся в Сибири. ...Сообщение «Таймс» также ошибочно там, где говорится: «Байкальский завод был спроектирован без учета охраны природы или катастрофического влияния, которое он окажет на байкальскую воду и экологию рыб, растений и животных». Однако в России при выполнении гигантской программы расширения имеется значительное отставание по времени между планами, проектом и его выполнением. Они форсируют получение остро необходимой продукции. Я видел первую целлюлозную линию Братского завода, запущенную в очень холодную погоду, даже прежде, чем в цехе были вставлены окна... Ввиду одной особенности образа жизни советских русских — который очень поражает сперва жителей Запада — целлюлозно-бумажная промышленность в этой стране, пожалуй, более подвержена критике своих проблем воды и воздуха, чем промышленность любой другой страны. Вы не найдете в России противников, критикующих правительство, как в Гайд-парке в Англии, но критика промышленности, с другой стороны, поощряется и может быть суровой»⁹.

В январе 1969 года Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по сохранению и рациональному использованию природных комплексов бассейна озера Байкал». Правительство определило водоохранную зону озера в границах его водосборной площади с особым режимом пользования природными ресурсами. В течение двух лет надо было провести изыскательские работы и дать проект организации такой защитной зоны, а также проект правил охраны вод озера и естественных ресурсов бассейна. Имелась в виду комплексная защита почв от водной и ветровой эрозии, создание защитных лесных насаждений, закрепление и облесение подвижных песков, горных и овражных склонов. Намечалось расчистить русла рек от затонувшей древесины и берега от отходов лесосплава, прекратить транспортировку леса по озеру в плотках и перевозить его сухогрузными судами.

Министерство целлюлозно-бумажной промышленности СССР обязывалось завершить строительство на БЦЗ комплекса очистных сооружений и цехов по утилизации отходов производства, обеспечивающих доведение очистки сточных вод до норм, предусмотренных проектом.

Постановление предусматривало организацию на территории бассейна Байкала лесопарков, заповедников и заказников¹⁰.

Не все ведомства сумели выполнить в назначенные сроки то, что от них требовалось.

Летом 1971 года я снова ходил по Байкальскому целлюлозному заводу стоимостью 260 миллионов рублей и с персоналом три тысячи человек. Здесь продолжался пуско-наладочный период, при котором время от времени случались аварийные сбросы грязных вод в озеро. Иркутская прокуратура возбудила было уголовное дело против начальника очистных сооружений С. А. Потехина, по вине которого несколько раз сбрасывались неочищенные сточные воды в Байкал. Но дело прекратили, поскольку экспертной комиссии не удалось установить, кто конкретно виновен в случившемся: проектировщики, монтажники оборудования или эксплуатационники.

На заводе к приезжим журналистам настороженное отношение — люди чувствовали себя виноватыми неизвестно в чем. Милый розово-щекий инженер по имени Вера ведет нас по цехам.

— Были у вас аварийные сбросы? — спрашиваю я.

— В мою смену не было.

— Но завод-то останавливался?

— В мою смену не было.

— Байкал тоже будет охраняться именно в вашу смену? — спрашиваю я.

— За других не отвечаю...

На заводе, на самом берегу, работает лаборатория водной токсикологии Петрозаводского университета — молодые люди в туристском снаряжении. В небольшом пруду, через который протекают сточные воды, содержат рыбешек и мальков. За ними ведутся наблюдения. Руководит работами доктор биологических наук, профессор Е. А. Веселов, заведующий кафедрой зоологии и дарвинизма Петрозаводского государственного университета. Его на месте не оказалось, но его сотруدنники охотно давали разъяснения и вступали в споры.

— Ведь стоки нарушат биологическое равновесие водоема, не так ли? — говорил я.

— Конечно... Но кто доказал, что это вредно для Байкала?

— Не понимаю вас.

— Это же элементарно: при внесении в озеро некоторых дополнительных минеральных и органических веществ для скудной пока фауны будет только польза. Не случайно же Селенгинское мелководье, постоянно удобряемое массами органики и минеральных частиц, приносимых сюда рекою, считают одним из самых кормовых и продуктивных участков Байкала.

— Ученые проводили опыты с водорослью, она бурно развивается в сточной воде. Может же случиться, что озеро станет цвести?

— Что вы, масса стоков слишком ничтожна по сравнению с массой воды в котловине.

— Вы уверены, что Байкалу не будет вреда?

Мой собеседник вздохнул:

— Уверены, не уверены... Предположения годятся для любителей гипотез, а исследователь может опираться на факты, выраженные в точных расчетах, формулах, графиках, вы согласны?

— И что же факты?

— В течение 1967—1970 годов мы провели больше пятнадцати тысяч экспериментов. Даже при многих неполадках в технологии и очистке достаточно было разбавлять промышленные стоки в пропорции 1:32, и они становились безвредными для живых организмов (беспозвоночных и рыб). Разумеется, исключая случаи аварий. При нормальной работе завода и очистных сооружений для устранения токсичности стоков хватило бы их разбавления в пропорции 1:4. Между тем первичное разбавление стоков у выпуска их в озеро 1:20, а в ста шестидесяти метрах от берега при выпуске стоков на глубине и рассеивающим способом они разбавляются фактически в пятьдесят-сто раз. Таким образом, спуск кондиционных очищенных сточных вод не вреден для флоры и фауны Байкала.

— Но все же считают, что озеро будет загрязнено.

— Видите ли, для начала надо договориться о том, что означает «загрязнение озера». По определению Организации Объединенных Наций и по правилам, существующим в нашей стране, поверхностные воды считаются загрязненными, если их состав или свойства изменились под влиянием производственной деятельности и бытовых условий населения и они стали из-за этого непригодными для одного или нескольких видов водопользования. В нашем случае Байкал не меняет состава и свойств своих вод таким образом, чтобы они стали непригодными для водопользования.

— Так уж ничего и не меняется?

— Некоторые изменения воды обнаружены в небольшой зоне, близко от сточных труб завода. Здесь отлагаются на дне волокна целлюлозы и хлопья лигнина, образуя овальное пятно длиной около пяти-сот и шириной около двухсот метров. На химизм воды озера они не могут оказать никакого влияния.

— Даже и в будущем?

— Предстоит вообще исключить прорыв целлюлозного волокна и хлопьев лигнина в озеро, и тогда само собой отпадет этот вопрос.

Мы пошли по территории комплекса очистных сооружений, который занимает площадь тридцать гектаров и стоит тридцать миллионов рублей. Это колоссальное хозяйство, что и говорить, производит впечатление: мощные насосная и воздухоудная станции, бетонированные аэротенки, похожие на плавательные бассейны, циркульно круглые озера

отстойников, аварийные накопители, смесители, пруды-аэраторы... Действительно уникальное по масштабам и техническому уровню сооружение. Ему нет аналогов в мировой целлюлозно-бумажной промышленности. Его создание считают важным шагом в решении международной проблемы очистки производственных стоков.

— Наш идеал,— обещают целлюлозники,— добиться такой очистки сточных вод, чтобы их вообще никуда не сбрасывать, а снова бы пускать в производство по так называемому замкнутому циклу. Это будет революция в технологии химической переработки древесины, которая остается в числе перспективного сырья XX века.

В 1971 году Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранению природных богатств бассейна озера Байкал».

Сибирскому отделению Академии наук СССР поручено обеспечить проведение научных исследований по проблемам, связанным с организацией рационального использования и сохранения природных богатств Байкала. Комитету народного контроля СССР велено создать специальные посты для систематического контроля за сохранением природных комплексов бассейна озера и периодически докладывать Советскому правительству о положении дел на Байкале.

Как-то летом 1977 года на Байкале появились два китовых дитеныша — так выглядела пара подводных лодок «Пайсис», глубоководные исследовательские субмарины, переброшенные «Антеем» с Черного моря в Сибирь на один сезон. Гидронавты взялись удостовериться, действительно ли озеру, где берега, говорят, живые и раздвигаются на два сантиметра в год, суждено вырасти в море. Неужто наши предки, триста лет назад называвшие водоем «славным морем», были недалеко от истины? Мне тоже хотелось погрузиться, и когда на базе субмарин в Больших Котах такая возможность представилась, я сбросил на берегу ботинки, вслед за двумя гидронавтами спутился через люк в тесный отсек, на узкий топчан, послушно лег на живот, уперся носками в холодную стенку, лбом в иллюминатор, и едва началось погружение, я испытал болезненную утрату ориентации. Бортовые прожекторы высветили мирозданье поверхностных слоев, метров двести мы спускались сквозь мерцающие организмы, а мне казалось, мир укрыла новогодняя ночь, на уличный фонарь густо валит снег, и я не могу сообразить, почему он идет от земли к небу.

Из тьмы возникло и стало приближаться глубокое ущелье, за ним выплыл таинственный грот, на нас двинулись подводные камни, неизвестных мне красок, может быть, знакомых космонавтам, и так бедна, так зыбка была жизнь: колышутся губки на склонах, да время

от времени, прямо перед иллюминатором, увеличенные выпуклым стеклом, вертикально устремляются ввысь, как по нитке, тугие голомянки. Вода не давит, а когда выключили двигатели, было ощущение, что парим на воздушном шаре. Часа через три, где-то на глубине пятьсот метров, подлодка легла на дно, взбаламутив песок. Я заметил бутылку, заплывшую илом, как след затонувшего корабля, но разум подсказывал, что корабль жив, их стало много там, над нами, сухогрузов, лесовозов, танкеров, обгоняющих один другого. Над самым озером, у мыса Курлы, куда выходят рельсы БАМ, будет город и станция, пробивают четыре тоннеля, гравий берут, где сподручнее, и свежие овраги ползут к реке. От флота в устьях речек Тья, Кичера, Верхняя Ангара концентрация нефтепродуктов уже много выше допустимых норм. Самосвалы купают в Байкале! Там стройка размашистей, чем целлюлозный завод... Гидронавты занялись промерами, а я смотрел в иллюминатор, на простреленную прожекторами воду, мысли тоже устремлялись, не скажу ввысь, но кверху. На сессиях аймачного Совета печалятся депутаты-сибиряки: «Несколько лет назад мы вылавливали в устье Тьи 300—400 центнеров рыбы. В этом году рыбакам здесь нечего делать»... «Проблемы экологического равновесия в связи с хозяйственным освоением зоны БАМ изучены пока весьма недостаточно...»

Так не хотелось подниматься на поверхность!

...Впервые опасную ситуацию на Байкале чуть было не создали в годы гражданской войны японские интервенты, вывозившие из Забайкалья через Владивосток пушнину, минеральное сырье, железнодорожное имущество. В декабре 1919 года японцы заключили в Чите договор с администрацией атамана Семенова об организации лесопромышленного общества «Ничиро Дзипучке Тооси Куминай»: японцы брали в долгосрочную аренду часть побережья Байкала для строительства писчебумажной фабрики, деревообделочных и лесопильных заводов, а еще и спичечной фабрики. При тогдашней технологии производства бумаги наше озеро давно бы стало хранилищем смрадных отходов, мусора,хлама — величайшей свалкой планеты.

Байкал могла спасти только Советская власть.

Под ударами Красной Армии японцы оставили территорию Забайкалья. Разбитые банды семеновцев бежали в монгольские степи. В январе 1921 года В. И. Ленин подписал декрет о Байкальских государственных заповедниках.

...Эти факты из истории мне вспомнились на катере «Москвич», на мокрой палубе, где сушились под холодным солнцем сети, пахнущие водорослями. Слава Шалашов, потомственный байкальский рыбак из села Лиственничное, сидел на бочке в распахнутой телогрейке и с не-

покрытой головой, подчеркивал строки газеты крупным ногтем с прилипшей к нему чешуистой блесткой. Катер покачивался на якоре близко от истока Ангары, в полумиле от подводной скалы, что острою вершиною торчит на виду и, как перископ, оглядывает окрестные горы. Это Шаман-камень, о нем рассказывают много легенд, но на катере я услышал предание, похожее на быль.

В стародавние времена, говорят, от Лиственничного переправляли к Шаман-камню на лодках людей, подозреваемых в преступлениях. Их ставили на камень, посреди свинцовых волн, ревуших и стонущих в бурю. Ветер лохматил их головы и рвал отрепья на их ослабевших плечах. А волны бросались на камень, грозя смыть и унести людей, связанных одной цепью. Мало кто выдерживал такое испытание — люди сознавались в грехах.

Шалашов опустил газету и сказал:

— Однако те, кто должен отвечать за Байкал, согласятся ли постоять на Шамане?¹¹

Когда устает душа, исходит в тоске и печали, и человеку надо выломиться из привычной среды, стряхнуть с себя неустроенность, освободиться для новых начал, его тянет в тишину доверчивого леса. Поброди меж соснами-вековушами, которые укрывали в спасительной тени наших предков, присядь на рыжую замшелую валежину, мягкую и пригретую солнцем, словно бы устланную сукном, подбери беспокойной рукой сухую смолистую шишку — и прислушайся... Ветер гуляет по верхам, изредка роняет усохшие хвоинки, как остановленные мгновеньем и вытянутые в полете капли старого дождя, в глубине листья щебечут незримые птахи, вот побежала вверх по стволу белка, быстро перебирает лапками, и пушистый хвост виляет за нею, как шлейф. Боже, как же удастся нам, живя рядом с лесом, забывать, что все это еще существует на свете, открыто и доступно, и одаряет людей целебным умиротворением. Велика врачующая сила лесов: здесь грусть не обратится в злобу, и поражение не приведет к отчаянию, и появится надежда, что все будет хорошо.

Извечная близость сибиряка к природе и к кормилице-тайге умягчала его душу, лепила в ней добрую жалость и то сострадание, которое подметил Герцен: около сибирской границы исчезает слово «ссылный» и заменяется словом «несчастный». Немного существует наблюдений, где бы так глубоко и с безупречной точностью был схвачен характер сибиряка.

А что же тайга?

С древнейших времен, мы знаем, тайга окружала первожителей Северной Азии, допуская их под свою сень охотиться и рыбачить, собирать дары природы, кочевать с места на место, а затем, уступая их то-

порам, стелилась перед ними свежей пашней. Дрова шли на костры, согревавшие сибирское племя, их несли в кузницы, где ковали наконецники стрел и мечи, леса продолжали одевать и обувать, становились удобным жилищем, ловким колесом, быстроходным стругом... Взаимодействие людей и природы на дорогах к новым цивилизациям приводило к результатам, которых никто не ожидал. И если леса все-таки выстояли в этой самой долгой войне, если они еще не перевелись на земле, то причиной тому не столько их множественность или неистребимость, сколько способность природы противостоять варварству, постоянно возобновляя себя. Между двумя стихиями — небом и землею — стелется посредником древний лес, колыбель человечества.

Но скажите, люди, кто из нас хранит или хотя бы помнит свою колыбель?

В Сибири лес называют тайгой... Слово «тайга» («тайгаа») бурятского или монгольского происхождения и переводится буквально как горный дремучий лес. Огромные пространства тайги действительно гористы, из сил выбьешься и ноги обобьешь, взбираясь по лесистым склонам. Но даже и равнинные леса, пусть самые малые, сибиряки зовут этим суровым, дурманящим, сладким словом — тайга. Она по сию пору кормит, поит и одевает людей, но к традиционным способам взаимоотношений с нею прибавились новые, невиданные и для нее небезопасные: глубокая переработка древесины на крупных целлюлозных, картонных, бумажных предприятиях. Тайга стала материальной базой культуры XX века, но ей самой пока не по плечу поднять уровень культуры людей до такой степени, чтобы все научились ценить благодеяния природы.

Тайга — это две трети территории Сибири с ее городами, заводами, дорогами... Это самый большой лес Северного полушария.

Южный пояс тайги простирается от монгольской границы до транссибирской магистрали, по которой безостановочно движутся поезда, точно патрули этого зеленого ожерелья. Лесные острова идут степью и лесостепью, устилают распадки и поднимаются к вершинам гор, на водоразделы, в те заповедные места, где робкими ручьями стекают в низины Обь, Иртыш, Енисей... По долинам рек, на галечниках и песчаных отмелях тянутся заросли облепихи. Осенью мандариново-желтыми шариками тяжелеют ее ветви в Минусинском крае, в Тункинской долине, по речкам Китою, Темнику, Джиде, во многих других местностях. С первыми заморозками идут вдоль высоких кустов сборщицы облепихи, повязанные пуховыми платками, с огромными корзинами на груди. Тонны ароматных шариков отправляют на фармацевтические предприятия, где готовят целебное облепиховое масло; буряты выпускают облепиховый сок — по вкусу он напоминает сок ананаса и сок лимона, а по количеству полезных витаминов превосходит и тот и другой. И все же главная масса мороженой облепихи попадает на сибирь.

ские рынки: золотые горы ягод высятся рядом с кругами мороженого молока и бутылками медвежьего жира. Что за кисель из облепихи! — у сибиряков облепиха нарасхват, хранится в подпольях, в банках и кастрюлях до самого лета.

В ельниках и лиственничных лесах урчат электропилы, по пологим склонам гор спускаются трелевочные тракторы, волочат за собою хлысты и сдирают почвенный слой... По счастью, вырубки здесь не повсеместны, многие леса оставлены для охраны вод и полей; их нельзя трогать по берегам рек и озер, в орехопромысловых зонах, в пригородных и курортных районах. В бассейне Байкала лесами покрыта площадь в 13,8 миллиона гектаров: здесь все больше хвойные породы (90 процентов), но есть и лиственные: осина, кустарниковые березы. Вокруг озера тянется запретный для рубок пояс шириной от пяти до пятидесяти километров — очень живописный ландшафт. Все эти южные леса еще плохо изучены. Их смотрели с воздуха, производили аэрофото съемку, но разглядеть таким образом можно лишь общие черты.

К северу от транссибирской магистрали, а местами южнее, берет начало вековая тайга с влажными и часто заболоченными почвами, где с трудом пробираешься через могучие ветровалы и полусгнившие стволы, в мрачной сырости и настороженной угрюмости. Давний прелый мох клочьями свисает с ветвей, тонкая паутина соединяет подрост и, нарушенная движением, прохладно щекочет лоб и щеки. Жители таежных селений тут собирают бруснику, малину, клюкву, голубику, чернику, черемуху. Сибиряки любят потчевать своих гостей пирогом с начинкой из черемуховой муки, а местные гурманы из этой же муки выпекают прекрасные торты. Про грибы и говорить нечего: грузди, рыжики, подосиновики, подберезовики — только белые грибы редковаты в тайге. На заболоченных местах таежники собирают зеленые листья черемши (лука победного) с сильным запахом чеснока. Ранней весной мешки с черемшой везут на рынки Иркутска, Читы, Улан-Удэ, Красноярска, их раскупают горожане как зеленую приправу, а коренной сибиряк знает множество способов консервации богатого витаминами и обладающего целебными свойствами растения: черемшу засаливают в больших бочках, квасят, как капусту, на ней настаивают водку — помимо традиционного применения такой настойки, ею еще растирают тело при ревматизме и лечат лихорадку. По мне, нет ничего вкуснее ржаного хлеба с посыпанной солью черемшой!

Эта обширная средняя зона, где часты голубые завитушки рек, хранит главные лесные ресурсы Сибири. Основная заготовка леса приходится на Красноярский край и Иркутскую область. В Восточной Сибири собрана третья часть лесных ресурсов страны, и нет ничего удивительного в том, что именно сюда двинули мощнейшую технику, механизированные колонны, строительные подразделения. В бассейне Ангары и среднего течения Енисея возникло множество леспромхозов, вслед

за ними предприятия лесопиления, гидролизные заводы, а в самое последнее время появились лесопромышленные комплексы и комбинаты, выпускающие целлюлозу, картон, древесностружечные и древесноволокнистые плиты... Круглый лес и пиломатериалы отправляют по железной дороге в степные районы Казахстана, Западной Сибири, Урала, Средней Азии. Через речной порт Игарку сибирский лес уходит на экспорт в страны Европы.

Севернее 60—62-й параллели и до границы с тундрой простирается среднетаежный лиственничный лес, а местами таежное редколесье, где над кустарниковой ольхой, ерниковыми зарослями, багульником и можжевельником возвышаются островки даурских лиственниц-недоростков, а на водоразделах Вилюя, Оленька и некоторых других рек попадает чахлая ель, скрюченная полярными ветрами. Под ногами заболоченные луга и травяно-моховые болота, и только по долинам рек лес вклинивается в тундру.

По мнению ученых, северные границы лесов в Сибири сейчас находятся южнее своих возможных тепловых пределов: в Якутии они могли бы продвигаться ближе к океану еще на 20—60 километров, а в Западной Сибири на 200—300 километров, но человеку сподручно было вырубать деревья на вечной мерзлоте и не по силам оказалось выращивать их снова. Крайние деревца усыхают, сильные ветры гнут их, ломают ветки, а то и вовсе пригибают к земле, приучают корни расползаться в стороны по тонкому слою почвы. Самым крайним полярным леском можно считать, наверное, кусочек тайги на острове Тит-Ары близко от устья Лены, за ним начинается тундра, где еще стелются карликовые деревья — ива и береза, а потом уже и они пропадают, одни мхи и лишайники подступают к Ледовитому океану.

Самое ценное дерево в Сибири — кедр.

Уже в давние времена русские пашенные крестьяне корчевали тайгу, но кедр обходили стороной и звали его «хлебным деревом». Больше половины доходов крестьянской семьи приносил кедровый орех. Почти восемьдесят процентов в его ядрышке — чистое масло, такое питательное и вкусное, что может сравниться со знаменитым прованским или миндальным маслом. Кое-где в деревнях и по сию пору отжимают кедровые орехи, как подсолнух, и льют в банки прозрачное желтоватое масло. Бывалые таежники угощают гостя кедровым молоком: толкут ядрышки в миске, заливают горячей водой и такое получается молоко, что позавидует хозяин самой жирномолочной коровы.

Хорошо идти не спеша лесною тропой, под пологом орлинокрылых кедров, разглядывать в почтительном молчании их оперение — пышное, боярское. Ермак только еще собирался в Сибирь, а они уже роняли в траву тяжелые лиловые шишки: иным сибирским великанам 600—630 лет, и они все еще в силе. Стоит вынуть иглу из смолистого пучка, размять ее в пальцах, и закружится голова в солнечном пьянящем

дурмане... Кедровый дух издавна считался здоровым и сохранным, оттого и ставили из кедровых бревен «вечные» избы, потому и рубили из них крепкие сундуки и лари, где хранили дорожную одежду, чтобы не тронуту-свежей осталась бы внучкам и правнучкам.

Публицист В. Дмитриев, современник Пушкина, славил на страницах «Сибирского вестника» царственный кедр словами высокими и достойными: «Какое величество в осанке сего дерева, какая священная тень в густоте лесов его, которые одевают холмистые берега величавой реки Оби, от самых вершин ея, составляющихся на соборе редких красот природы в амфитеатре, голубеющим Катунскими горами обнесенном, из слития сердито мчащей воды свои реки Бии с тихими водами Катунни. Войдите в тенистые леса кедровые, там встретят вас дремоты лесной жители. Заколеблются и зашумят многоплодные ветви кедра от скока резвого и прекрасного соболя, прыгливой белки или полосатого бурундука, испуганных стрелою, пущенною из лука звероловца».

Язык-то каков!

«Богатство кедровых лесов сибирских,— продолжает Дмитриев,— многозначительно для самых выгод Государства. Оно значительно для внутренней, а может быть, и внешней торговли, важных отраслей Российской экономии»¹².

А каковы мысли! — уже полтора века остаются, как теперь говорят, актуальными.

Истинное имя этих деревьев — сосна сибирская кедровая. В море лесов Советского Союза (680 миллионов гектаров) кедровники не велики (37 миллионов гектаров), они петляют таежными протоками по Алтаю, в Саянах, в Прибайкальских горах, облагораживая окружающую среду.

Крестьянин любил это дерево, сажал росточки близ своей избы, и до сих пор в таежных селениях можно встретить кедровые сады. Но время и в кедровники привело человека с топором, прочная красивая древесина понадобилась мебельным фабрикам, судостроительным заводам, пошла на производство аккумуляторной шпонки и музыкальных щипковых инструментов (у кедра обнаружили высокие акустические свойства)... И все карандаши, выпускаемые в Советском Союзе и в некоторых других странах,— это сибирский поваленный кедр — устойчивый перед грозами столетий и бессильный против бензопилы. Ладно бы рубили кедрячи по острой нужде, придерживаясь норм лесной науки, обходя стороной особо ценные массивы и восстанавливая посадки на тех местах, где оставались меж пеньками гусеничные следы... Да разве ограничит себя наша широкая натура, для которой гулять так гулять, работать так работать, а рубить — так уж рубить!

Без особой надобности на тысячах гектаров валят кедровые деревья, если те оказываются на пути лесорубов. Ценнейшие ореховые леса обращаются в пустыри, чтобы потом зарости тонкими осинами.

А над поселком лесозаготовителей грохочет лихою песней репродуктор: «Сорок семь холостяков валят кедры в три обхвата!»

Много бед натворили в сибирских лесах сорок семь холостяков.

Но не только они.

С егерем Афанасием Игнатьевичем мы шли кедрачами вдоль Иркутка, как вдруг услышали глухие удары. Что бы это могло быть? Раздвигая руками ветки рябины, осторожно спускаясь по курумникам — каменным россыпям, мы торопились на странные звуки. Иногда они пропадали, как будто дятел позволял себе передохнуть, а потом возникали снова, сильнее и тревожнее. Мы вышли к поляне и увидели черную лошадь, телегу с мешками, кострище — а вокруг ни души. Только тупой оглушительный стук: бух! бух!

— Шишкар... Ах ты, еким романыч, шишкар! — пробормотал егерь. — Двигай за мной, парень.

Стоял жаркий август, и лиловые недозрелые шишки, занятые накоплением масла в каждом ядрышке, еще крепко держались на ветвях. Природа позаботилась, чтобы ни ветер, ни дождь, ни даже легкое землетрясение не оторвали от кедра смолистые плоды, пока они не войдут в полную силу. Тут снова действует закон великой целесообразности: недоразвитые орешки содержат мало питательных веществ, они еще неполноценны как пищевой продукт и непригодны как семена для будущих кедров. В эту пору особенно прочна связь между деревом и шишками. С какою же силой надо колотить по кедру, чтобы эта связь нарушилась и оторвались от ветвей ранние шишки?

Под кедром двое: один в сапогах, по пояс обнаженный, сильное тело атлета мокро от долгой работы на солнцепеке. А его приятель, пониже ростом, в сетчатой майке. Первый держит в руках огромный колот. Черенок — ствол дерева метра два длиною. А на него насажена тяжеленная чурка. Этот колот весит килограммов сорок-пятьдесят, и я не уверен, что мне удалось бы с такою ловкостью размахивать этим орудием. Но шишкар ухарски крутит колотом, как палицей былинный богатырь, напрягая красную шею и руки, бьет по кедру с хриплым выдохом, точно кузнец по наковальне. Второй, щуплый, в сетчатой майке, подбирает шишки в траве.

Кедр вздрагивает, оббитая пробковая кора отслаивается и сползает, обнажая гладкий беззащитный ствол. От сильных сотрясений осыпаются озимые шишки, которым плодоносить на будущий год, а удар следует за ударом, летят шишки, хвоинки, ветки, кора. Дерево ходит маятником, и удивляешься, как его держат расшатанные под землю корни. А полуобнаженный шишкар вошел в раж и с размаху бьет по дереву во всю силу своих железных мускулов.

— Это что же вы делаете? — кричит Афанасий Игнатьевич, перехватывая колот. — Остановитесь!

Шишкар смотрит на нас удивленными глазами.

— Тебе что надо, откуда такой свалился?— тяжело дышит.

— Чего, отвечай, делаешь? Сроки не знаешь? Разрешение есть?

— Милиционер, что ли?— шишкарь ослабился, сверкнув золотым зубом.— Проваливай, папаша, подобру-поздорову. А то ведь невзначай этим колотом и тебя легонько задену... Ну, отвались!

— Егерь я... Отвечай!

— А что ей, кедре, делается,— подходит тот, что в майке.— Наш с тобой век, папаша, этой кедровке хватит под завязку.

— Так бы и сказал, что егерь... Пойдем к палатке, почаевничаем. Гостем будешь...

— Что же вы уродуете дерево колотушкой?— не унимается Афанасий Игнатьевич.

— Что ж, что колотушкой... Раньше мы его рубили и валили, чтоб мешок орехов набрать. А теперь культурненько: не валим, а колотим. Природу, папаша, любить надо, правильно я говорю?

Они еще паясничают!

Хищник и браконьер пошел теперь грамотный: он сам, кому хочется, прочтает лекцию об охране природы. Ему хорошо известно, что промысел кедрового ореха колотом пока существует. Правда, уже изобретены и кое-где действуют механические вибраторы, они безвредно для кедрового ствола, сваливают наземь сухие шишки. Но эти механизмы есть у промысловых хозяйств, расположенных близко от населенных пунктов. А в лесную глухомань как их доставишь? И пользуются пока еще колотом, который применяли сто и двести лет назад. И не такая была бы беда, если бы колотили, когда шишка созрела и опадает от небольшого дрожания ветвей. Но шишкарь-хищник торопится выйти в тайгу поскорее, опередить других, занять лучшие кедровые рачи. А шишка, что ж что незрелая,— доспеет в мешках, нальется силой по дороге к базару.

— Проходите в вашу палатку!— говорит Афанасий Игнатьевич.— Поживее...

На поляне у палатки шел жаркий и небезопасный разговор. Тот, который в майке, хватался за ружье, но приятель его осаживал и покорно предъявлял егерю документы. Видно, он попадаете не в первый раз и знает, что с егерями и лесниками шутки плохи. Афанасий Игнатьевич заносит их адреса в свою тетрадку. Ждет, пока они снимут палатку, соберут вещички и начнут убираться из тайги. Лошадь понуро потащила телегу, а тот, в майке, покачиваясь на мешках с орехами, не унимался:

— Погоди, мы с тобой еще встретимся, егерь... Попадешься ты мне на глаза!

— Попадусь, попадусь,— отвечал егерь.— Катись поживее!

Велика тайга, немалый в ней разбой, так напасешься ли на каждого браконьера по Афанасию Игнатьевичу?

Страшное бедствие сибирской тайги — пожары. Непередаваемой обидой и болью обволакивают душу черные столбы дыма, стелющиеся над лесом и восходящие к небу. В бассейне Байкала пожарами бывают охвачены площади в сотни тысяч гектаров. Что ни лето, пылают леса на пространствах Западной и Восточной Сибири, в тусклом прогорклom дыму стоят на приколе речные караваны, ветер приносит дымы в города, и в полдень люди видят такое чумазое солнце, как будто смотрят на него сквозь закопченное стекло.

В то лето с Афанасием Игнатьевичем мы видели такую беду.

Вдали над лесом валил густой дым, как будто деревья обратились в заводские трубы и дым от труб соединялся в сплошной непроницаемый дымище, повисший над землею черной тучей. Огня не было видно, но мне казалось, что разгоряченный дым лижет лицо и руки.

— Горит,— запричитал егерь, спускаясь с горы.— Ох, занялось...

Петляя меж деревьев, мы услышали нарастающий гул и скоро увидели над головой самолет лесной охраны. Он кружил вблизи пожарища — как говорят авиаторы, «лег в коробочку». Наверно, отыскивал площадку для вертолета или для выброса парашютистов-пожарников. Откуда же взяты полянке в дремучей глухомани? Идти становилось все затруднительнее: мы оба покашливали, как будто простудились, воздух был плотен и горек, и небо над нами, как в бурю. А вокруг такая тишина, что все происходящее воспринималось, словно кадры немого кино. Беззвучно дымил лес, в разные стороны тихо разлетались снегири, клесты, перепела.

Мы уже были у ручья, остановились перевести дыхание, когда в дымном небе появился маленький самолет Ан-2. Он сделал круг над полыхающим лесом, подался чуть в сторону и выбросил парашют. Приглядевшись из-под руки, мы заметили под оранжевым куполом на длинных стропях мешок с грузом. Видно, это был пробный или пристрелочный парашют. Пилоту надо проследить, где и как приземлится этот разведчик, сделать поправки в расчете, а потом нажать кнопку и зажечь красную сигнальную лампочку в фюзеляже: парашютисты стоят наготове у открытой двери.

Куда же им прыгать?— на верхушки деревьев, что ли?

Мы стояли задрав головы: вот сейчас, вот-вот...

И они возникли, раскрылись, пошли снижаться один за другим — шесть парашютов на разной высоте приближались к лесу. Они похожи были на елочные парашютики: елку убрали, а они как висели на разных ветках, так и продолжают висеть, соблюдая дистанцию. Между тем, они летели к земле со стремительной скоростью — пять или шесть метров в секунду, и мне трудно было представить себе, как они врежутся в верхушки сосен, и запутают стропы среди ветвей, и как достигнут земли, не повредив лица, ног, рук...

Надо быть мужественным, чтобы прыгнуть с парашютом на ров-

ное зеленое поле. А если черная тайга внизу, островерхие хвойные деревья?

А мы все шли, продирались сквозь заросли, плутали между деревьями, ушибая локти о стволы. Скоро самолет снова появился над лесом и сбросил грузовые парашюты. Один, два, три... Что там в стропах? Лопаты, взрывчатка, рация, продовольствие?

Некоторое время спустя послышались взрывы то в одном, то в другом месте, сухая пыль вставала над лесом, долго не рассеиваясь. Но не успевало пыльное облако исчезнуть, как где-то рядом бухал новый взрыв и новый столб вырастал над деревьями.

Вот и пожарище... Пламя заглатывало кроны деревьев, оставляя после себя дымные головешки, и поверху перекидывалось на соседние деревья, охватывая их тем же бушующим огнем. Это верховой пожар. Пламя послушно одному лишь ветру, куда ветер, туда и огонь, и ни за что не подойдешь близко, и нет таких сил, которые были бы способны погасить пылающий лес. Разве что внезапный ливень — но откуда взяться дождю в этот безоблачный вечер?

Мне приходилось видеть и другие пожары: огонь ползет по земле, выжигает траву и тянется к нижним ветвям деревьев, но не достает их. Пламя стелется, извивается огненными змеями и сливается в один горящий вал, несущийся по лесу, обходя деревья или слегка взбегая по стволу, до уровня первых ветвей. Этот низовой пожар уничтожает в тайге зеленую подстилку, оберегающую почвенный слой. И вечная взаимосвязь в природе прерывается маленьким звеном, и уже некому принимать в себя атмосферные осадки, накапливать перегной и питать растения. И хотя сами деревья после пожара кажутся вполне здоровыми, шумящими листвой или хвоей, судьбе этого леса не позавидуешь — он тоже обречен.

Уже смеркалось, когда мы вышли к лагерю пожарников. Увидели палатку, вернее сказать, оранжевый парашют, распыленный на колышках. Шестеро молодых людей похожи на космонавтов: такие же комбинезоны, на бедрах металлические защитные листы, вроде купальных плавок, а на пеньках лежат шлемы с плексигласовым смотровым экраном. Плексиглас, мы догадались, предохраняет лицо при спуске между деревьями.

Парашютисты, как видно, были удивлены нашим неожиданным появлением. Самый высокий из них — на ногах гетры, как у футболиста — стал освобождать руки от кожаных краг с раструбами и, завершив этот труд, протянул нам руку:

— Гульченко, старший группы.

Мы поздоровались, спросили ребят, кто и откуда.

— Костромские мы. Послали на лето в Сибирь. Ну и тайга у вас, ну и густота! — произнес он с упреком или с восторгом, не поймешь.

— Это весь день-деньской вы его тушили?

— Мы не тушим... Дальше не пускаем!

Гульченко повел нас показать, как поработала взрывчатка. Заряды аммонала расчистили длинную полосу, шириною в два-три шага. Полоса легла между пожарищем и остальным массивом тайги: взрыленная земля — ее называют минерализованной полосой — не пропускает дальше низовое пламя. Парашютисты уже успели поджечь сухую траву по ту сторону полосы, которая примыкает к пожарищу. Встречное пламя добралось до выжженных участков и захлебнулось на сухой пепельной земле.

Мы вернулись к оранжевому парашюту-палатке, усыпанной облетающими хвоями. Пожарники были с черными пятнами на лбу и на лице. Им бы отоспаться, да времени нет — надо брать топоры и рубить площадку, где сумеет сесть вертолет, который придет за ними.

— Трудная у вас работа, — сказал я, опускаясь на пенек.

Гульченко нахмурился:

— Обидная работа... Был привал туристов. Вон их следы — пустые консервные банки, разбитые бутылки, окурки, хлам. Ушли и оставили близко от сухостоя незатушенное кострище. Поднялся ветер, занялась трава, листопад, мох, и пошло... А шкодники бежать!

Продолжая наш путь по тайге, ночуя в лесных избушках и, чуть свет, окатив себя студеной водою из родничков, снова отправляясь в дорогу, мы вышли к странному, почти неземному ландшафту. Куда ни посмотришь, торчат черные палки, целые леса голых палок. Мне вспомнились памятники изможденным жертвам концлагерей.

— Что это? — спросил я Афанасия Игнатьевича.

— Шелкопрядники... От гусениц лесу гибнет больше, чем от пожаров. Начисто объедают кедровые, пихтовые, лиственничные леса. Такую оставляют картину...

— И теперь оставляют?

— Поменею, попржижали их... Бациллой профессора Талалаева!

Это имя знают в Сибири.

История тридцатилетней войны иркутского микробиолога Е. В. Талалаева с сибирским шелкопрядом приводится в лекциях и в случайных разговорах как пример высокого самопожертвования. Кое-кто считает, что ученому просто повезло, но, познакомившись с ним поближе, я возьмусь утверждать, что дело тут не в случае. Хотя внешне выглядело так: возвращаясь осенью из тайги, студенты принесли в лабораторию спичечный коробок с мертвой гусеницей. Шли и нашли в лесу, опустошенном сибирским шелкопрядом. Талалаев разглядывал лиловый стручок: отчего погибла в мертвом лесу гусеница? Тяжелая ветка упала и придавила? Он поворачивал пинцетом гусеницу, но следы уда-

ра не обнаруживались. Что же, может, гусеница заболела? Тогда какой недуг мог привести ее к гибели?

На леспромхозовском грузовичке, который по случаю оказался в городе, Талалаев трясся по разбитым лесным дорогам, а потом спрыгнул в высокую траву и пошел искать шелкопрядник близ поселка Большая Глубокая в семидесяти километрах к югу от Иркутска: там студенты подняли с поваленного наземь ствола мертвую гусеницу. Он уже привык видеть эти гниющие пустыри, где обглоданные стволы торчат или валяются под ногами, изъеденные и разрушенные, погружаясь в зеленую трясиину. И снова испытал чувство горькой досады и бессилия: как остановишь это нашествие, этот шквал, этот гусеничный опустошающий ураган? Он ходил по болоту, легко пружиня, а временами с трудом вытаскивая увязший ботинок, от валежины до валежины, от пенька к пеньку, и был весьма доволен этим днем: обнаружил еще одну мертвую гусеницу.

Под микроскопом в теле гусеницы оказалось множество бактерий. Какая из их разновидностей могла быть возбудителем смертельной болезни? Талалаев выделил отдельно каждую группу бактерий и стал выращивать их в искусственной питательной среде. Скоро в стеклянных банках накопилось некоторое количество бактерий всех разновидностей, обитавших в трупе шелкопряда.

Теперь можно было приступить к опыту.

Из тайги, из самых тревожных районов, где уже пировал сибирский шелкопряд, студенты привезли в лабораторию здоровых гусениц. Талалаев взял в руки шприц — одну гусеницу заразили бактериями № 1, второй ввели бактерии № 2, третьей пустили под кожу бактерии № 3, четвертой достались бактерии № 4... Их было много, подопытных гусениц, и каждая получила свою порцию микробов. Микроб, который возбуждает смертельное заболевание, и на этот раз должен проявить себя — умертвить гусеницу. Опыт за опытом... Еще заразили гусеницу... Еще одну... Еще...

Студенты никогда не видели профессора таким одержимым, почти что азартным. Он замучил своих лаборантов и сам еле держался, но ни он, ни его помощники этого не замечали. Еще одну гусеницу... Ну еще одну, последнюю... Пожалуйста, еще одну!

Через несколько дней обнаружили мертвую гусеницу — ей был введен микроб № 4.

Так вот он, возбудитель болезни сибирского шелкопряда... Новый микроб стали исследовать и выяснили, что такую разновидность бактерий раньше никогда не встречали. Ученые назвали новый микроб именем первооткрывателя «бациллюс дендролимус Талалаев».

Открытие новой бациллы было только началом поиска.

Весной Талалаев со студентами снова отправился в тайгу. Надо в лесных условиях проверить результаты, которые получались в лабо-

ратории. Тут все было ясно и проверено: стоило заразить живой шелкопряд микробом «бациллюс дендролимус Талалаев», как экземпляр чахнул и погибал. Но это в лаборатории, где и стены, как говорится, помогают. Будет ли этот же эффект на больших площадях тайги?

С утра они опыляли деревья смертоносным раствором.

Насыщенные бактериями капли влаги стекали по стволам, по ветвям, по хвоинкам. Гусеницы — а их было много на пихтах и кедрах — продолжали проворно объедать зелень, далекие от предчувствия беды. Еще в Иркутске жена и помощница Талалаева — Анна Михайловна — по ночам шила из марли огромные чехлы, похожие на купола парашютов. Теперь этими чехлами покрывали опытные деревья. Скоро участок тайги в белых марлевых одеждах стал похожим на зимний лес, опущенный густым снегом.

Несколько дней спустя стали снимать с веток погибших гусениц. Предположение Талалаева подтвердилось: если заразить бактерией несколько гусениц, они будут передавать болезнь другим гусеницам, вызывая цепную реакцию заражения. Это было началом микробиологической войны с сибирским шелкопрядом.

Профессор Талалаев теперь носился по коридору факультета с невиданными для его возраста скоростями, кивал направо и налево, здороваясь со студентами, все с изумлением смотрели на пролетающую сгорбленную фигуру. У профессора под мышками поблескивали бутылки, колбы, банки, как будто он эвакуировал городское аптечное управление. Он торопился создать препарат, который содержал бы смертоносные для шелкопряда бактерии и был бы пригоден для распыления на больших площадях. После долгих экспериментов в лаборатории, он выбежал однажды в коридор в распахнутом белом халате и сказал студентам, попавшимся ему на глаза:

— Полный порядок!

Новый препарат из споровой культуры, выделяемой сибирским шелкопрядом, назвали дендробациллином. По рецептам иркутского биолога технологию производства освоил Московский завод бактериальных препаратов. Мешки с сухим порошком дендробациллина уже покачивались в товарных вагонах поездов, торопившихся по транссибирской железной дороге на восток, в таежные края.

Лесники тормошили Талалаева: давайте скорее, чего мешкать?

Но профессора как будто подменили: обычно быстрый на решения, он теперь проявлял очевидную медлительность, вызывая недоумение даже у сослуживцев. И только Анна Михайловна догадывалась о том, что мучит мужа в последнее время. Еще не было ответа на вопрос, который висел на кончике языка у людей, связанных с охраной природы: а не смертелен ли новый препарат для лесных обитателей — он может случайно попасть и в кровь медведя, и изюбра, и лося, и птиц?

А человек? Ведь не исключено, что дендробациллин окажется и в теле геолога, охотника, туриста?

Профессор Талалаев решил испытать новый препарат на самом себе.

История медицины знает немало случаев, когда врачи проводили смертельно опасные опыты. Еще в 1892 году врач Макс Петтенкофер в присутствии свидетелей выпил холерные бациллы, чтобы доказать справедливость своей теории. Два русских врача Григорий Минх и Илья Мечников изучали способы борьбы с возвратным тифом, уносившим тысячи человеческих жизней, — они заразили тифом себя.

Профессор Талалаев выпил раствор дендробациллина.

Через несколько дней, оставшись в кабинете наедине с работой, он дописал уверенную строчку: «Бацилла совершенно не опасна для человека и теплокровных животных».

Иркутский препарат, созданный профессором Талалаевым, теперь широко применяют в Сибири и на Дальнем Востоке. Дендробациллин помогает сохранять хвойные леса¹³.

Как ни опасны стихийные возмущения в природе, можно найти на них управу или хотя бы ослабить их нежелательные последствия, если изучать биологические законы и опираться на знания, а не на интуицию. Во всяком случае, борьба с лесными пожарами, с вредоносными насекомыми, со многими прочими губителями всего живого перестала быть проблемой технических возможностей — она стала исключительно проблемой организации дела. В мировой практике давно уже ставятся опыты электронного (радиолокационного) обнаружения пожаров. В Канаде сконструировали оригинальный авиационный прибор, улавливающий инфракрасные лучи: самолет парит над лесами, и при малейших изменениях теплового излучения с земли на борту срабатывает сигнализация.

Для тушения применяют специальные самолеты, способные нести в баках до 16 тонн воды, а также гидросамолеты с подвешенными на крыльях баками: они заполняются водой при посадке гидросамолета на ближайшее озеро или на реку. Практикуется тушение пожаров и при помощи вертолетов: опускают пожарные рукава или сбрасывают на горящие леса контейнеры с химикатами.

Техника многое может в наш век... смотря по тому, в чьих она руках. «Сорок семь холостяков», до зубов вооруженных современными бензопилами и мощными тракторами, опустошают леса почище пожарищ и шелкопряда. Чтобы обнаружить происходящую от них великую беду, не надо особых электронных устройств, а достаточно походить по тайге, по зонам сплошной рубки, где сводят леса современными сокрушительными средствами, но с кругозором палеолитического охотника.

Вслед за местными лесорубами в тайгу нахлынули из степных районов «самозаготовители». Для них нет леса, а есть торчащая деловая древесина, существующая для того, чтобы рано или поздно ее повалили. Безоглядные вырубки сибирских лесов нарушают сложившийся веками природный комплекс.

Общество обойтись без леса не может, да и незачем ему обходиться: нужна и древесина, и сосновый воздух; и шпалы, и пиловочник, и ягоды, и грибы; и бумага, и картон, и целлюлоза, и кедровый орех, и еще тысячи продуктов и изделий. И нужен просто лес, то самое чудесное «просто», при виде которого поэта тянет к бумаге, а художника к холсту; то привычное и знакомое «просто», коему человечество обязано и материальными благами, и великими творениями духа. Но одни охраняют лес, другие по соседству сводят ценнейшие массивы; одни лечатся в лесу, а другие поджигают его; а третьи, а пятые, а десятые... Бедный сибирский лес!

Нет комплексной программы, способной свести интересы общества, ведомств, человека с интересами природы. Рано или поздно бесхозяйственность в тайге должна была привести к катастрофе.

Бедая пришла в Восточную Сибирь в конце июля 1971 года.

Над территорией Прибайкалья пронесся большой циклон, обрушивая проливные дожди. Горные потоки, соединяясь и набирая силу, шумели по крутым оголенным склонам, не задерживаясь, как в прежние времена, а волоча за собой кустарник, валежины, камни,— в низины, в долины рек и ручьев. Маленькие речушки, которые еще недавно можно было вброд перейти, не замочив колен, теперь вздулись, взревели и стремительно понесли громадные массы воды. Река Иркут поднялась на пять с половиной метров, вышла из берегов и широким половодьем стала заливать пашни, топить леса.

В Иркутской области под воду ушла территория площадью более двухсот тысяч квадратных километров. В зоне затопления оказалось тридцать три населенных пункта, где проживало около семидесяти пяти тысяч человек. Вода залила предприятия, колхозные строения, нарушила электролинии и связь.

Иркутское радио, прерывая все передачи, каждый час извещало население о паводковой обстановке. Но люди есть люди — одни замешкались с эвакуацией, другие по иным, только им самим известным причинам не успели покинуть избы и уйти от надвигающегося вала воды. По рекам несло мосты, ворота, заборы... Люди взбирались на крыши и там ожидали спасения. Авиаторы снимали людей с крыш, спасали государственное добро и имущество жителей. В села, лежащие на возвышенностях, вертолеты доставляли продукты питания и медикаменты. В спасательных работах участвовало восемь вертолетов, пять

самолетов, 40 катеров, семьсот грузовых автомобилей, семьдесят один бульдозер, двадцать два экскаватора, множество другой техники. На помощь пришли воины Забайкальского военного округа на автомобилях-амфибиях и с артиллерийскими тягачами.

Особенно трудная обстановка сложилась на транссибирской магистрали Москва — Владивосток. С отрогов Хамар-Дабана понеслась на примыкающий к Байкалу участок железной дороги невиданная за всю историю великого пути масса скальных обломков, камней, вырванных с корнем деревьев. Свыше двухсот тысяч кубометров грунта навалилось на железнодорожное полотно, лавина сносила мосты, разрушала колею, повредила рельсы на участке протяженностью восемь километров. Железнодорожники шли по шпалам десятки километров, под дождем и ветром, чтоб остановить у завалов поезда. Четыре дня стояли составы в горах, среди тайги. Пассажиров эвакуировали вертолетами, самолетами, теплоходами по Байкалу.

Такое случилось на магистрали впервые за семьдесят четыре года.

В иркутском управлении Гидрометслужбы я видел фотографии, переданные искусственными спутниками Земли. Пространства были окутаны черными тучами, обрушившими на землю долгие и яростные дожди. Циклоны шли над Прибайкальем к северо-востоку.

— Конечно, циклон большой силы, — говорили метеорологи, — но он не был бы таким разрушительным, если бы на водоразделах рек сохранились леса.

Стихийное бедствие всегда неожиданно, его нельзя предотвратить: все равно прошел бы циклон, были бы многодневные ливни, реки бы вышли из берегов. Но будь на склонах гор леса, они впитали бы и удержали часть влаги. Наводнение утратило бы в какой-то степени свой катастрофический заряд. Неужто и впрямь мы бываем способны бороться за ум, лишь когда гром грянет?

Вернувшись из мест затопления, я сел было за эти записки, но тут раздался звонок из московской редакции:

— Слушай, старик, у вас там, говорят, наводнение... Передай сорок строк о героизме.

И еще об одном богатстве Сибири — о соболях.

Драгоценных баргузинских соболей я видел дважды в жизни: на пушно-меховой базе в Иркутске и в стеклянном магазине Нью-Йорка на Пятой авеню.

Иркутская база, как застава, стоит на выезде из города: глухие стены высотой в четыре этажа. Вахтер долго изучает ваш документ, провожает к лифту, и через несколько секунд подыма узкая кабина замораживает, распахивает створки — и перед вами страна чудес: гигантскими ромашками цветут на поле связки полярных песцов, под ногами

возникают белые сугробы горностая, а за ними хребты белок, колонков, рысей, лисиц, росомах. Женщины навешивают на связки ярлыки, как будто вяжут снопы на поже.

Тимофеев чувствует себя проводником в этой мягкой местности, я петляю вслед за ним по тропинке между мехами к черной соболиной горе. Он поднял соболью шкурку и потрянул ее перед глазами: «Густой мех на огузке, пореже на загривке, второго цвета... Баргузинский кряж». Он говорил о мехах с профессиональной небрежностью — предмет привычного труда не вызывает эмоций.

Мне вспомнилось, проявилось на широком витринном стекле, как в магическом кристалле, сухонькое лицо Виктора Владимировича Тимофеева, два пучка мощных седых бровей и тонкие губы, сосущие трубку,— встало перед глазами на Пятой эвению в Нью-Йорке, когда я замер перед витриной с черными соболями. Точь-в-точь такими, какие держал передо мной в руках старый сибирский охотовед, бывалый таежник, коротко объясняя про огузок и про кряж... Машинально толкаю дверь и вхожу в фешенебельный магазин. На изящных манекенах висят шубы, горжетки, палантины... Не скажу, что все это красиво, тут уместнее будет другое слово — роскошно. Хозяйина не было, я уселся поудобнее в кресло и стал смотреть на черных соболей — неужто наши?

Наконец, отворилась боковая дверь, и возник хозяин. Ворот клетчатой сорочки расстегнут, на ногах домашние тапочки. Перехватив мой взгляд, он взял в руки черного соболя и стал ласково гладить густой податливый ворс: «У вас хороший вкус, мистер. В Монреале шубу из этих шкурок продали за 80 тысяч долларов. Восемьдесят тысяч! Потому что Россия. Сибирь. Бар-гу-зин. Большая редкость, мистер... Теперь ваша жена будет самой счастливой женщиной Северного полушария. Упаковать?»

Мне очень хотелось сделать свою жену счастливой, но были не те возможности: извини, хозяин. Гуд бай!

Я вышел на улицу, в шумную, нарядную, пеструю толчею, и опять, как мираж, увиделся мне ствол царственного кедра: глухо падают в мох спелые сухие шишки, и плывет над землею смолистый запах хвойного леса. А в глубине дерева, на узловатом золотом суку увиделась узкая мордочка соболя, настороженно шевелит он усиками, такими прямыми и редкими, словно бы приклеился к нему пучок кедровых игл. Что говорить, изобретателен разум современного человека, он многое может — ракеты, небоскребы, компьютеры... А создать эквивалент сибирскому соболю ему не по силам: этот зверек рожден северной природой в один из ее самых вдохновенных часов.

Мысль о соболе долго не оставляла меня.

Последние четыре века соболей били из луков, из мушкетов и ружей; под старыми соснами в снегу затаились капканы, вокруг нор вырастали обметы, зверьков выкуривали из логова едким дымом, гоняли

чутьистыми мохнатыми лайками, специально натасканными на соболей, и, как говорит один биолог, сдирали шкуры быстрее, чем размножались звери, которые с ними расставались.

Соболь уже караулила строка в горьком перечне исчезнувших животных. Соболю, соболь... Не тот ли это востроухий зверек, от которого сходили с ума шеголихи всех времен и народов?

Соболь вернулся в леса Сибири и Дальнего Востока уже в наши дни, расселился на площади 442 миллиона гектаров. Этому приходу одинаково были рады как донкихоты родной природы, так и торговцы пушно-меховыми товарами, хотя выводы они сделали разные... Нас же в этой истории интересует проблема не биологического и даже не экономического плана, а скорее психологического.

Возвращение соболя случилось не в один год и не усилиями одиночки-энтузиаста. Многие ученые и охотоведы были озабочены судьбой зверька и старались действовать по законам экологии во спасение животного мира. Когда они выходили из тайги, их не встречали оркестрами, как шахтеров, побивших рекорды. Их не приводили в пример на школьных уроках, как пограничника Карацупу... Их даже не всегда понимали, не везде принимали, но охотоведы находили в себе великое терпение не опускать рук. Им все же удалось кое-что сохранить в природе, не дать разрушить до основания... Россия должна знать их имена.

Но прежде о том, что такое соболь для России.

В Московском государстве XVII века торговля пушниной давала почти половину дохода казны. Шкурками платили жалованье, ими же взимались налоги и расплачивались за долги, соболями финансировались войны, их отсылали цари дорогими подарками высокопоставленной знати Европы и Востока. Даже за распространение христианства на Руси Византия брала соболями. Не было другого зверька, который бы сыграл такую же важную роль в мировой политике и экономике. Слава русского соболя была столь велика, что Даниэль Дефо, неистощимый выдумщик и фантазер, заставил Робинзона Крузо в Тобольске закупать соболей и караваном из тридцати двух лошадей и верблюдов вывозить сибирскую пушнину в Англию.

Будем благодарны соболю и от лица Советской России.

В годы гражданской войны и первых пятилеток торговля пушниной укрепляла финансовое положение социализма. На мировом рынке шкурки соболя оборачивались машинами, станками, оборудованием, которые так нужны были народному хозяйству. И пусть жены классовых врагов щеголяли в дорогих мехах. Ешь ананасы, рябчиков жуй! Работницы, повязанные красными косынками, не завидовали им, не до того было: копали землю, закладывали фундаменты Днепрогэса, Комсомольска-на-Амуре, Урало-Кузнецкого комбината.

Да и теперь, приобретая для наших строек импортное оборудова-

ние, плановики не раз поминают благодарным словом соболя. По справедливости, этому зверьку следовало бы поставить памятник во дворе Государственного банка СССР в Москве. Отдавая должное братьям нашим меньшим, мы сами в отношениях с природой становились бы добрее и мудрей.

Но это к слову, в экономике ли суть... Соболю — исконный зверек нашего Отечества, он дорог сердцу безрасчетно и неоглядно, как тенистые дубравы, как куст красной рябины, как белая березка на краю ржаного поля. «Детки мои, соболятки мои...» — приговаривала крестьянка, встречая ребятишек, вернувшихся из леса.

Соболь — национальная гордость России, и ему повезло в том смысле, что у него нашлись неистовые заступники.

Рассказываю о Тимофееве — он причастен к спасению соболя.

Не буду перечислять, какие встряски в наш индустриальный век способны возбудить в человеке глубокую, как страсть, привязанность к природе, которой потом бывают отданы лучшие силы души. История нашего героя обыкновенна, и нам тут не прибавить опыта. Тимофеев рос в семье московского инженера-путейца, натуралиста: подоконники в комнате были заставлены аквариумами, а по квартире порхало шестьдесят певчих птиц. В одиннадцать лет мальчик был уже известен как знаток подмосковных птиц; в тринадцать ушел из дома (1919 год...), попал на биологическую станцию юных натуралистов, где собирали таких же бродяжек, устраивали их в интернате, учили; юннаты копали огороды, возились в живом уголке. Здесь Витя Тимофеев проводил опыты с синицами, и ему пророчили будущее знаменитого орнитолога.

Все его планы спутала Клара Цеткин.

Старенькая легковая машина остановилась у станции, ребятишки с изумлением смотрели, как из машины вышла женщина, а вслед за нею появился на цепи мохнатый медвежонок. Настоящий живой медведь! Клара Цеткин шествовала с медвежонком по станции в сопровождении обалдевших от радости юннатов. Оказывается, ей привезли медвежонка в подарок сибирские охотники, и она передает его юннатам. Много лет спустя воспитанники станции, известные зоологи, биологи, охотоведы, встречаясь изредка в Москве, вспоминали тот счастливый праздничный день, и другие дни, когда приезжала Клара Цеткин проведать медвежонка, и как юннаты ревниво соблюдали очередь, чтобы покормить косолапыша или убрать его клетку. И были долгие разговоры о Сибири, о тайге, о животном мире таинственной Северной Азии. «Там всегда убивали природу, — говорила Клара Цеткин, — а товарищ Ленин хочет, чтобы знающие люди теперь спасали ее». — «Мы спасем Сибирь!» — говорил Витя Тимофеев, и все смеялись мальчишеской восторженности.

А он собрал вещи да поехал в Сибирь — это было более 50 лет назад.

Первый соболиный след он увидел на берегу Витима: вмятинки на пушистом снегу сбежали под обрыв к замерзшей реке. Лыжи неслись с горы на гору, и приходилось петлять, как слаломисту, чтобы при спуске не задеть летящие навстречу деревья, и пригибаться, втягивать голову, оберегая лицо от мохнатых колючих ветвей. Остановившись у белой валежины оглядеться и перевести дух, услышал лай собаки и заметил на ближней лиственнице соболя. Соболь вцепился лапами в сучок, испуганно сжавшись и разглядывая незнакомца, который стоял тяжело дыша, с ружьем за плечами. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга, но вековой инстинкт смахнул соболя в снег, зверек изогнулся, прыгнул, еще раз прыгнул и, не оглядываясь, скрылся, собака за ним... Охотовед стоял не шевелясь и не чувствуя, как заиндевелые щеки белеют.

Тимофееву поручили учет соболей.

Он жил на Подкаменной Тунгуске, кочевал по притокам Витима, забирался в верховья Нерчи, поднимался на склоны Восточного Саяна, облазил Чикойско-Ононскую горную страну. Прежде чем считать соболей, надо было знать, как считать, а методики учета не существовало, и он решил сам разработать эту методику для себя и для других. Соболи имеют обыкновение бежать по одной и той же тропе, попадая в свой собственный след, и поди разберись, сколько соболей прошло по одним и тем же следам. Тимофеев создал методику — я не буду о ней рассказывать — замечу, что ее приняли охотоведы и биологи страны, как самую обоснованную из всех до той поры существовавших. С тех 30-х годов Сибирь, а затем и вся Россия ведут учет соболей «по Тимофееву».

От его собственных наблюдений и расчетов не веяло здоровым оптимизмом. Уже многие охотоведы понимали: собель на грани исчезновения, и восстановить его былую численность можно только полным запретом промысла. «Вы что, хотите подорвать экономику государства? — раздавались голоса. — Намереваетесь под видом защиты природы сорвать наши планы?» — «Вот возьмем власть в свои руки и ополчимся на врагов природы...» — «Повторите, что вы сказали!» — «Это Ленин сказал...»

В 1935 году Советское правительство приняло решение: запретить сроком на пять лет добычу и заготовку соболиных шкурок на всей территории Советского Союза.

И опять сибирская тайга... Поскрипывает снег под камусиными лыжами; заплечная поняга согревает спину, правая рука с палкой сама выбрасывается вперед, помогая скользить по чистому насту. Так бы и добежал он до избушки в радостном состоянии духа, если бы не случайная встреча. На тропе стоял охотник — незнакомец — и держал в руках соболя. Соболь, как видно, попался в капкан. «Ты что же делаешь?» — набросился Тимофеев. «Прости, Виктор Владимирович... Вот

уж не думал, что тебя встречу» — «Ты что, закона не читал?» — «Да не сердись ты... Поделим выручку пополам... Ты Пахом, и я Пахом, долгу нету ни за кому!»

Уже ночью в зимовье, не зажигая свечи, он лежал на топчане с открытыми глазами, перебирая в памяти подробности встречи. Что есть закон в обстоятельствах, при которых никто не может поручиться за соблюдение правил и за неизбежность наказания? Хорошо, он встретил нарушителя на таежной тропе, а ведь мог и не встретить, и сколько таких вот браконьеров неслыханно шастает в глухих местах, охотясь на белку или на колонка, а уж заодно не брезгуя и соболем... Заготовщики не примут шкурку, так мало ли найдется в городе покупателей. Ты Пахом, и я Пахом!

И все-таки запрет если не исключил, то, во всяком случае, резко сократил соболиную охоту. Как ни крути, а открыто ни добывать, ни продавать шкурки было уже нельзя — подсудное дело.

Однажды я побывал в гостях у Тимофеева, теперь кандидата биологических наук, в его иркутской квартире на левом берегу Ангары. В комнатке тесно, накурено, на столе пищащая машинка. В соавторстве с В. Н. Надеевым он написал монографию «Соболь», самую фундаментальную из работ о нашем зверьке, пишет научные статьи, готовит лекции, преподает на охотоведческом факультете сельскохозяйственного института... По стенам подарки от охотников страны — самодельные ножи с инкрустированными ручками, замысловатые таежные табакерки, пепельницы, чего только нет.

Ах, вот чего нет — так называемых охотничьих «трофеев», он этого не любит и держать в доме не желает. Другое дело — фотография соболя, такая крупная симпатичная морда, висит под стеклом, как будто близкая родня. «Единственный соболь, которого я вижу, — смеется и утирает глаза Мария Робертовна, жена Тимофеева. — Как-то заикнулась ему про шапку. Сколько сибирячек ходят в соболиных шапках. А он на меня как закричит, как зарычит... Ну, тайга!»

Балкон завален обрезками фанеры, ящичными дощечками, консервными банками, полными гвоздей, как будто мастерят тут табуретки. «Вот, с весны до осени стучал молотком, — качает головой Мария Робертовна, — думаете, что для дома мастерил?» — «Для кого же?» — не понял я. «А все для него же...» — она кивнула на фотографию соболя. Собственно, зачем соболю табуретки? — вертелось у меня в голове. «Не хватало ящиков для отлова, — сказал Тимофеев, — мы их сколачивали на дому...»

С именем Тимофеева связано искусственное расселение соболей по Восточной Сибири. Такие опыты известны были и раньше, но только после войны, в 50—60-х годах, они стали крупнейшим биологическим мероприятием на территории Северной Азии. Сотни сибирских охотоведов отлавливали лучших соболей и в ящиках доставляли их поездами

и самолетами, а потом караванами лошадей, и затем на собственных спинах в самые отдаленные уголки тайги, в пустыющие уголья Алтая, Тувы, Эвенкии, Забайкалья, Якутии, Дальнего Востока.

Больше трех тысяч соболей выпустили в лесах Западно-Сибирской низменности. На Васюганье, в Нижневартовском, Березовском, Сургутском районах, в тайге Ханты-Мансийского национального округа объявился баргузинский соболь. Его появление по времени примерно совпало с возникновением нефтяных и газовых фонтанов в тех местах, и сенсационные сообщения о богатстве недр затмили короткую новость возвращения соболя. Хотя люди сведущие понимают, что нефть и соболь — не враги, не надо делать их врагами — пусть себе уживаются, они вполне могут ужиться: будущее тюменской земли принадлежит им обоим. Во всяком случае, соболу на земле суждено пережить нефть, как бы ни были велики ее запасы.

Тимофеев и его товарищи месяцами не выходили из тайги, стараясь забраться со своею нелегкой поклажей как можно дальше. К 1971 году от Урала до Тихого океана соболя выпустили в 311 местах. Расселили больше 19 тысяч зверьков — они разошлись, разбежались, заселяя новые пространства — густую темнохвойную тайгу, землю своих предков.

Были и неудачи.

Соболь не прижился в ельниках Тянь-Шаня, покинул пределы заповедника «Столбы», ушел и из некоторых других районов... И опять возникли несогласия: искусственное расселение кто-то снова называл «псевдонаучным экспериментом», обвиняли Тимофеева и его единомышленников в экологической безграмотности, в дорогостоящих операциях, смахивающих на авантюру.

«К области тех же псевдонаучных преувеличений относится долго державшаяся вера в то, что соболи черные, «баргузинские» и «витимские» обладают непреодолимо сильной наследственностью и, будучи выпущены в место обитания светлых соболей, непременно «очернят» светлую популяцию. В результате целыми десятилетиями осуществлялись выпуски этих соболей повсюду, хотя безнадёжность их была очевидна...» — пишет иркутский ученый.

«Наблюдается изменение окраски меха у многих популяций соболя, особенно заметное в последние годы. В некоторых районах, чаще всего там, где производились выпуски соболей — в Западной Сибири, на Дальнем Востоке, произошло заметное потемнение популяций», — возмущает научный сотрудник с Алтая.

«Акклиматизация соболей проводилась в первой половине пятидесятих годов на хребтах Уюкском и Танну-Ола. На первом хребте расселение не дало желаемого результата, так как в год выпуска был пожар. На хребте Танну-Ола соболи прижились сравнительно хорошо, широко расселились от мест выпусков. Товарные качества соболей

с хребта Танну-Ола лучше, чем в других географических популяциях»,— сообщают из Тувы.

«Изучение окраски меха соболей показало, что выпуски баргузинских соболей в Туруханском районе и в других пунктах края не привели к увеличению процента шкурок темных цветовых категорий»,— пишет сам Тимофеев.

Это к вопросу о трезвости и бесстрашии при оценке последствий.

По материалам статистики, с 1961 по 1969 год в Советском Союзе заготавливали в среднем по 183 тысячи соболиных шкурок. Полагают, что охотники за сезон отлавливают 25—30 процентов соболей, обитающих на территории. Можно предположить, что сегодня в наших лесах 600—800 тысяч соболей. Такая численность, по мнению историков, была в лучшие годы конца XVI—начала XVII века.

Соболь вернулся в леса... Душе обмякнуть бы по этому случаю, а она сжимается в тревоге за соболю судьбу. Ибо так уж мы устроены, что добиваться цели у нас хватает сил—недостает усердия сохранить то, что имеем.

Первые насельники спускались на плотках по рекам, шли верхом через топкие мари, понукая лошадей, карабкались по красным камням на вершину хребта, разбивая колени и локти, а на остром гребне, почти у белых облаков, мокрые от полуденного солнца и опухшие от гнуса, который забивался в уши и делал больно глазам, переводили дыхание. Простор! В дрожании теплого хвойного воздуха, как сон или привидение, открывались новые хребты, а в низинах—опять реки и болота, и нету края чистому зеленому одеялу земли.

Пространства кружили голову, и безмерной казалась щедрость природы: зверя, птицы, рыбы—сколь хошь бери, не убудет... В победной бесшабашной радости выпорхнуло и разлетелось по свету при словье о тысяче верст, которые тут-де «не расстояние», и о сотне рублей, кои здесь тоже «не деньги». И эта уверенность, столь любезная широкой душе сибиряка, становилась предпосылкой разудалого отношения к окружающей среде.

Три века спустя, сидя в самолете и припав лбом к холодному стеклу иллюминатора, сибиряк беспокойно смотрит вниз и делает неожиданное открытие. Тайга-то велика, но если называть ее «одеялом земли», то разве что лоскутным, крестьянским, стареньким: из прорех во все стороны торчат испревшей рыжей ватой гари и вырубки. И, правда, зверя-то стало меньше, чем бывало раньше, и дичи поубавилось, и реки пооскудели. Изменилась природа, иное приняла обличье, а отношение к ней все еще остается размашистым, безрасчетным («бери, не убудет»), как в давно прошедшие времена.

Вот противоречие, которое замечаешь в Сибири, и горько думаешь:

неужто нам надобно упасть лицом в пески пустыни и изнемогать от жажды, чтобы научиться быть счастливым, глядя на тенистое дерево, и чтобы каждый прозрачный ручеек в зеленой траве принимать как великую милость природы — свято и благодарно.

Сознание отстает от бытия, но не до такой же степени!

В эту позднюю осень тайга в верховьях Могольки, притока Киренги, была богата снегом. Изредка попадаются следы соболя, там пробежала белка, тут оставила круглые вмятины осторожная рысь... Надо смотреть в оба. За день так набегаешься, что нету сил. Ноги послушны только привычному ритму, идут сами, но с каждым шагом все тяжелее кажется приложенная за спиной поняга с топориком и таежной всячиной. Добраться бы засветло до зимовья, да поскорее бы — костер, да чай, да вытянуть гудящие с непривычки ноги.

Мы сидим на раскатанных спальных мешках в полутьме палатки. С еловой поперечины свисает, покачиваясь, желтый фонарь, освещает мокрые вещи над печкой: шерстяные вареги, брезентовые верхонки, юфтовые чирки... Березовые чурки в печи поскрипывают, ведут свою долгоиграющую мелодию, убаюкивают бессильное тело.

— Чего хлеб опять щелявый? — спрашивает Тимофеев.

— Дрова сучковаты были, — усмехается охотник Кириллов, выскобливая ножом из чурки ложку.

— Сколько соли-то сыпать? — задаю я вопрос.

— Пока соль тонет, — продолжает Кириллов, не поднимая головы. — ...Ума-то нет, беда неловко!

— Где же ты оставил сохатого? — это опять Тимофеев.

— А на жирах... — отвечает Кириллов. — Ресторанить будем?

— Эка у тя ложка неловуча!

— Дедушка мой такой был гулеван, уж загулял так загулял. Зато потом кто еще встает, а он уже сено везет.

— Чой-то ты бурмулишь? — спрашивает Кириллов.

— Вот так зиму походишь — в своих собственных брюках, как ложка в стакане, болтаешься, — говорит Тимофеев.

— Это точно, уйдешь, и весь разговор с собаком. Ходишь, последний глаз на лбу вылазит.

Кириллов нацелил на меня свой единственный глаз («Вторая шара за боярышник задела...») — присматривается. Мы с ним ходили в дальний конец, верст пятьдесят отмахали, и он со снисходительностью бывалого таежника учил меня устраивать юксы на лыжах, тормозить крутой спуск шомбой с кольцом, а на коротком привале у валежины, разведя на снегу костерок, различать деревья по направлению витков — где посолонь, где противнина, а где прямослой; он знал, куда употребить лиственницу, а куда ель, и с небрежностью говорил про пихту — «от нее ни жару, ни пару, ни чертовой матери». Он был опытным соболевщиком, мы гонялись весь день по соболиному следу, отыскивали в суг-

робе укрытие, где соболь исчез, обметали это место высокой сеткой, долго рыли лыжами траншен, но соболь нас, как видно, обхитрил, и это было досадно.

— Прошлый год весь хребет утоловали, — говорил Кириллов, не спуская с меня глаз.

— Хитрый зверь, — вздыхаю я.

— Еще не хитрый... Раньше и родни у меня вроде не было. А как соболь пошел в цене, тут столько родни объявилось. Дядьки, тетки, всем дай. Письма стали писать, про здоровье спрашивают!

Над печкой держит портянки Эрик Леонтьев, четвертый зверовщик нашей случайной артели. В городе он на должности с длинным названием — начальник отдела охраны, воспроизводства фауны и учета ресурсов областного управления охотничье-промыслового хозяйства. Но его редко встретишь за столом, он мотается по тайге в любую пору года, и охотники издали узнают его на тропе по мохнатой шапке да по зипуну из шинельного сукна — сам кроил и шил по собственному фасону. Он неистовый защитник природы, упрямец и фанатик, и его товарищи относятся к нему, как к блаженному или как к святому. Леонтьев пишет стихи, и я уговорил его однажды почитать их. «Холодный ветер на кисти рук наручники надел. Январский ветер почти потух, а путь далек и бел. Куда ни кинешь усталый взор, белизна снега холодит. Как на решетку взирает вор, так я на снег...»

— Ну и снабжаешь? — спрашивает Эрик Леонтьев, не отводя глаз от портянок.

— А куда денешься, — доверительно шепчет Кириллов, — ты седни со мной, а завтра тебя нету, кто меня законтролирует?

— Совесть должна быть.

— Скажи ты, совесть! — вспыхивает Кириллов. — Намедни я несу сдавать шкурку. По пути три человека останавливают, сотню предлагают. Нет, у меня совесть, несу сдавать. Приемщик покрутил, посмотрел. Тридцать рублей. Ну, пускай, порадуя Настюху. А на руки, говорит, пятьдесят процентов. Бог с тобой, говорю, гони пятнадцать. Нет, отвечает, дефекты тут есть, еще половину скошу. Значить, семь рублей? И еще срезал, не упомяну за что... Пошел я в магазин, взял поллитру, и думаю: дурак-губошлеп, ведь сотня на дороге не валяется... Сидим и пьем втроем — Настюха, я да моя совесть.

Тимофеев ерзает на пеньке, подбрасывает в печь сухой лапник и тоже помалкивает: дескать, что тут скажешь... Охотникам непонятна сложная система оценки соболиных шкурок и вознаграждения за них. Расчеты с ними затягиваются на два-три месяца, а иногда до полугода, окончательные цены часто не совпадают с первоначальными, и тут рождаются разговоры о кознях на пушно-меховой базе.

Отменить бы условную приемку, рассчитываться бы с охотниками тотчас же при сдаче шкурок: взял — уплати. Да какой приемщик заго-

товительного пункта согласится вешать себе на шею такое ярмо? Сортировка собольих шкурок и широкий диапазон цен, зависящих от цвета шкурки и от кряжа, требуют от приемщика высокого профессионализма. А таких специалистов на местах почти что и нет. Обяжи нынешнего приемщика полностью рассчитываться с охотниками — он будет снижать цену, потому что за расхождения придется отвечать карманом.

По мнению Тимофеева, лучше бы назначить единые цены на шкурки соболя, принимая во внимание только сорт шкурки и степень ее целостности. Простую науку осилил бы каждый приемщик... Да вот сомнение: если так поставить дело, где гарантия, что при одинаковой закупочной цене на все шкурки, самые ценные из них, баргузинские или близкие к ним, не уйдут на сторону?

Думающие охотоведы предлагают и другие варианты упорядочения цен, но умные разговоры пока не привели к умному решению. По расчетам экономистов, только из-за искусственных сложностей при сдаче пушнины до 20 процентов всех соболиных шкурок плывет мимо государственной торговой сети, и народное хозяйство теряет каждый год 5—6 миллионов рублей.

— Все говорим: отрасль народного хозяйства, — Тимофеев подвигается со своим пеньком поближе к огню. — А у этой отрасли девять хозяев. У потребительской кооперации свои интересы, у сельского хозяйства другие, у треста «Северовостокзолото» третьи... А все бьют соболя — легко ли найти общее решение?

— Надо подвеселить печь-то, — бормочет Кириллов.

— Главохота искони занималась инспекторской деятельностью, — вступает в разговор Леонтьев, повесив портянки на перекладину. — А теперь и нам вменили в обязанность добывать и сдавать пушнину. Хозяйства организовали. План спустили!

— Как же вы совмещаете? — спрашивает Тимофеев.

— Задай вопрос кому другому.

— Да ты не бойсь, — говорит Кириллов, — давай, ни на кого не взирая внимания.

— Я все и сказал: отрасль есть, а хозяина нету.

— А по мне так и отрасли нету, — вскинул пучки бровей Тимофеев. — У нас в области семнадцать кооперативных и четыре государственных охотничьих хозяйства. За ними, за каждым, до шестидесяти тысяч квадратных километров лесной площади. Это же целая страна! А во многих ли хозяйствах сыщешь тракторы, вездеходы, катера? Хорошо, если перепали одна-две стареньких грузовых машинешки. Не могут строить дорог, прокладывать троп, не хватает зимовий, не знают толком запасов животных, и не под силу им составить обоснованный план добычи. Это отрасль?

— Вот кака потеха, — вздыхает Кириллов, сверля своим единственным глазом поочередно каждого из нас.

— Попалась мне на глаза цифирь, — продолжает Тимофеев. — Все охотничьи хозяйства области тратят на постройку заготовительных баз, избушек, прокладку путей и на все прочее в среднем 45,8 тысячи в год. Выходит, на каждую тысячу гектаров по пятнадцати копеек. Потому и не хватает в дальних угодьях зимовий, вертолетных площадок, нет там и охотников. А бьют соболей поблизости от жилья, куда проще добраться... Так можно и выбить зверя.

В тайге идет густой снег, и нам в палатке видно, как оседает ткань над головой. Запах хвои, примятой спальными мешками и собранной в кучу у изголовья, становится густым и плотным, в сладкой дреме кружит голову. И хочется спать, и надо дожидаться ужина.

— Ты пока рушай хлеб,— поворачивает Кириллов ко мне разгоряченное лицо.

— Куда его так много... — возражаю я.

— Едой силу не вымоташь... Хорошо, когда брюхо большо!

— Чего же хорошего, — говорю я, — полные люди чаще становятся сердечниками.

— Вот-вот, — подхватывает Кириллов, — раньше их называли купцами, а теперь сердешниками.

Мы едим таежное лакомство — губу сохатого, — торопясь, как будто соревнуемся, кто быстрее, но ритмом управляет не чья-нибудь воля, а только общая наша усталость. Ужинаем молча, занятые своими мыслями, но тишине суждено просуществовать лишь до последнего куска мяса. Чай пьем уже под разговор.

— Слушай, Иван, ты продавал соболя на сторону? — спрашивает Леонтьев Кириллова.

— Мало, почти что и нет... Разве соседка выпросит или теща уломает.

— А вообще-то ведь много продают. В иных районах до половины всех шкурок уходит на черный рынок. Берут все — вертолетчики, геологи, командированные. Ведь погубят так соболя, Иван?

— А что тут поделашь... Как увидел я, что жена киренского судьи ходит в соболиной шапке, так понял, что ничего не поделашь.

Лежа на спальном мешке, почти в потемках, я прислушивался к разговору. Одна мысль не давала покоя. Частный рынок стал бедствием сибирской тайги. Предприимчивые покупатели уже не дожидаются возвращения охотников в районные центры, они арендуют вертолеты, навещают промысловиков в зимовьях, снабжают их хлебом и спиртом, а взамен увозят соболей. Уходят шкурки самодельной кустарной выделки, многие шкурки портятся и теряют свои достоинства. А беда не только в этом. Частная торговля стимулирует бесконтрольную охоту, и теперь она становится или даже стала серьезной угрозой соболям¹⁴.

Неужто и впрямь ничего не поделаешь, если жена киренского судьи ходит в соболях?

Кое-кто надеется: вот будет новый закон, утвердят жесткие меры наказания, годы тюрьмы за продажу и закупку соболиных шкур, и тогда частному рынку придет конец, как пережитку проклятого прошлого. По мне, это пустые надежды, — что проку в законе, который нельзя обеспечить контролем? Тайга есть тайга, и ужесточение мер научит браконьеров быть изобретательнее и умнее.

— Истинный охотник на это дело не пойдет, — говорит Тимофеев, ворячаясь. — Это все от любителей-отпускников.

— Не скажи, — подает голос Леонтьев, — это же в большинстве вчерашние промысловики, ушедшие в город. Вы же сами писали, что в некоторых районах почти шестьдесят процентов всей сдаваемой пушнины падает на любителей. Выходит, они становятся главной силой на промысле.

— В том и дело, — соглашается Тимофеев, — любитель идет в тайгу не за заработком. Как правило, не за этим. А чтобы отдохнуть, а заодно добыть пушнину — шапки и воротники — своим близким. Сочетает приятное с полезным, в этом его сущность. Половина женщин Иркутска, Читы, Красноярска ходит зимою в соболях — откуда, как не от любителей?

— Ашке куда иголка, ашке туда и нитка, — вздыхает Кириллов, втягивая голову в мешок.

— В российских лесах сейчас 25—30 тысяч профессиональных охотников. Любителей куда больше, но заменить кадровых зверовщиков они не могут, не должны. У любителя всегда ограничено время, ему подавай вертолет, душа у него не болит за избушку, за базы, за тропы, за воспроизводство животных. Он в эту осень вышел, а в другую не захотел. Одно слово — сезонник!

— Это теория, — Леонтьев поднимается на своем спальном мешке, — а вот практика: борьба с частным рынком, если хочешь, входит в противоречие с интересами населения, у которого нет другой возможности достать меховые товары, какие хочется. И закрыть промысловые угодья для любителей, для десятков тысяч рабочих, ни с какой стороны не оправданно. У людей, особенно у горожан, все больше стремления провести отпуск среди природы, уйти в тайгу, в снега, к вершинам рек от оглушенности города. И если внутренние проблемы охотничьего хозяйства не согласуются с интересами общества, то верх, по-моему, должны брать последние.

Тимофеев тоже приподнялся, устроился сидя.

— Что же ты предлагаешь?

— Вернуться к опыту 30-х годов. Организовать льготную продажу мехов и дефицитных товаров в обмен на сырые собольи шкурки. Сдал пушнину — можешь купить для себя, для своих близких шапку, воротник, транзистор, мотоцикл! Тогда у охотника не будет морального права утаивать соболей и сбывать их на стороне.

— А к чему это приведет, ты понимаешь? — Тимофеев стал на колени. — По-твоему, выходит, добытки золота тоже могут в первую очередь обеспечить себя дорогими перстнями?

— Не вижу другого пути, чтобы вся или почти вся пушнина попадала в каналы государственных заготовок и фабричной выделки. Из многих зол надо выбирать наименьшее. И если будет встречная продажа меховых товаров, тогда-то и будут оправданы жесткие меры против тех, кто торгует сырыми собольими шкурками.

— Ну и ночуйка у нас сегодня, — вздохнул Кириллов. — Ночевать можно, а спать нельзя.

Я лежал, размышляя еще и о другом... Как ни охраняй соболя в русском лесу и сколь ни расширяй его промысел, охоте не угнаться за модами века. Ружьем проблемы не решишь. Промысловую охоту должна дополнять развитая индустрия звероводства.

Советский Союз — пионер успешного разведения соболей в неволе. Удалось получить искусственным путем «пушкинский», или «супербаргузинский», вид особо черного соболя в Пушкинском зверосовхозе под Москвой. По мнению генетиков и биологов, в неволе можно вывести редчайшего цвета соболей — белых, бежевых, серых, голубых. Цветное соболеводство втянет женщин в новый круговорот страстей, а главное, поможет сохранить популяцию дикого соболя в сибирских лесах.

Он вернулся, этот «чисто русский зверь», как называл соболя в 1875 году Л. П. Сабанеев, видя в нем «исключительную принадлежность нашего обширного отечества»¹⁵. Но чтобы соболь никуда не ушел, охотничьему хозяйству страны пора навести порядок в своих собственных рядах. Социализм, как известно, это учет... У нас достаточно сильный характер, чтобы при освоении природных ресурсов учитывать не только свои достижения, но и былые потери.

Учет соболей — это, между прочим, тоже социализм.

...Когда-нибудь возникнет на Байкале огромный Национальный парк с особым режимом хозяйственного управления и охраны ландшафтов, растительности, животного мира. Не допустив стереотипа промышленных районов и научившись осваивать природу, не разрушая ее, а сохраняя великое разнообразие, общество будет способствовать прогрессу и создаст условия для биологического и эмоционального здоровья людей. И не станет платить цивилизации древний ясак в виде погубленных природных ресурсов, но познав законы экологии, поможет человеческой деятельности осознать себя как органическую часть окружающей среды, как динамичный перекресток естественных сил и культурно-исторических традиций... Так хочется дожить до этих дней!

НАУКУ ДЕЛАЮТ В ТАЙГЕ

Строгановская библиотека
и первый университет.—
Главный взрыв академика
Лаврентьева.— Пояс
внедрения: институт
и производство.— Дети из
племени КЮТ.— Ядерные
пушки Сибири.— О чем
задумалась Арктика

В один из июльских дней 1888 года по украшенному флагами Томску празднично одетая публика стекалась к центру города, в молодой аккуратный садик, где за березами и елями сияли белизной колонны первого университета в Сибири. После благодарственного молебна гости перешли в актовъй зал. С высокого лепного потолка свешивались гирлянды живых цветов, а вдоль стен стояли кадки с пальмами, фикусами, кактусами («с тропическими растениями», не без гордости писали очевидцы). Томичи привозили на телегах эти кадки, дабы в меру сил оправдать возбуждение провинциальных газет, называвших в те дни Томск Сибирскими Афинами. На торжества прибыло губернское начальство, именитые граждане, священнослужители, влиятельные лица из соседних уездов. В нарядной и чинной толпе как-то потерялись восемь профессоров, семь лаборантов, семьдесят два студента и два вольнослушателя, хотя они собственно и составляли единственный тогда медицинский факультет университета. Поздравления принимали попечители, в именинниках ходили жертвователи капиталов и коллекций, с помоста неслись стихи: «Край наш забытый, далекий, жаждет тепла и привета. Пусть он воспрянет, великий. Света побольше нам, света!»

Университетского света Сибирь добивалась восемьдесят пять лет.

При вступлении в царствование Александр I в 1803 году обнародовал предварительную программу развития российского просвещения. Среди месторасположений будущих университетов под давлением сибирской общественности названа была и Сибирь (Тобольск). Идею университета на востоке страны вынашивали ссыльные декабристы, ею

жила сибирская интеллигенция и молодежь, восторженно ожидавшие собственного очага науки и культуры, способного освещать движение родного края своим, а не отраженным или заимствованным светом. В широкой печатной кампании шестидесятых годов чаще прочих повторялся еще и тот резон, что талантливая сибирская молодежь, получая дальнейшее образование в университетах европейской части страны, редко возвращается обратно, и потому Сибирь не сумела воспитать из своих уроженцев хотя бы одного образованного и стоящего на уровне века поколения, готового посвятить свою жизнь единственно процветанию родимой стороны. А. П. Шапов говорил: «Да, университета ждут все молодые поколения сибирские, не только русские, но и инородческие, в массе которых гибнет множество Ломоносовых, Банзаровых»¹.

Шесть сибирских городов боролись за право именоваться университетскими: Тобольск, Томск, Омск, Барнаул, Красноярск, Иркутск. У всех были яростные приверженцы, и каждый выискивал в свою пользу аргументы — экономические, исторические, географические... Победу одержал Томск.

Правительству не с руки было брать на себя полностью финансирование столь дорогого предприятия, а потому оно уповало на средства сибирской буржуазии, стороны заинтересованной. Строительство университетского здания обошлось в 761 тысячу рублей, при этом четыреста тысяч внесло государственное казначейство, а остальные суммы пожертвовали заводчик П. Г. Демидов и томский городской голова — золотопромышленник З. М. Цибульский. Большую сумму на учебные пособия и на стипендии передал университету полярный исследователь А. М. Сибиряков. На частные пожертвования удалось создать музеи — зоологический и ботанический, минералогический и геологический, археологии и этнографии, анатомический музей, физический кабинет и химическую лабораторию.

Но это случилось потом, через несколько лет, а пока обер-прокурор святейшего синода К. П. Победоносцев писал новому государю Александру III: «Мысль об учреждении университета в Сибири (возникшую в период совершенного оскудения и падения наших университетов) я с самого начала называл несчастною и фальшивою... Общество томское состоит из всякого сброда: можно себе представить, как оно действует на университет...»².

Обер-прокурору не откажешь в логике, когда он связывает уровень университетской подготовки с общественной и духовной жизнью города. Вопрос иной — справедлив ли был Победоносцев к Томску?

Победоносцев пытался утвердить во мнении государя мысль о безнадёжной дикости азиатской России, непригодной для культурного сева ни ныне, ни впредь. Слишком долго, в иных работах до недавних дней, сохранялся сугубо мрачный обер-прокурорский взгляд на прошлую сибирскую жизнь. Между тем еще А. Н. Радищев находил «вовсе неле-

пым», когда слышал общие тривиальные суждения о Сибири, где в действительности, «подле дикости живет просвещение, подле зверства мягкосердие...»³.

Подле дикости живет просвещение — задержим внимание на этом. Мне бы не хотелось скрупулезно перечислять факты, подтверждающие правоту суждений о культурном развитии русского и инородческих народов Сибири, сумевших вопреки колонизаторским действиям царизма, под влиянием политической ссылки, притока образованных передовых людей, при стечении и многих других обстоятельств все же развиваться и вносить свою долю в историю российской культуры. Среди сибиряков из русских было немало грамотных людей, а иные крестьяне и оставшие солдаты даже выписывали «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина.

Но наш разговор о Томске, о первом сибирском университете, и я не могу отказать себе в удовольствии изложить хотя бы коротко историю университетской библиотеки, как она возникла и как ее берегут, изучают, приумножают вот уже скоро столетие.

Эта история начинается зимним вечером 1880 года в Петербурге.

В кресле-качалке перед камином сидел старик восьмидесяти пяти лет, чуть покачиваясь и отрешенно глядя в одну точку. Если бы не анфилада залов, где висят портреты его предков, если бы не лакеи, безмолвно замершие у каждой двери, вряд ли можно было бы подумать, что этот озабоченный и тяжело вздыхающий старец и есть граф А. Г. Строганов, член Государственного совета, генерал-адъютант, участник сражений под Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом, наследник знатного российского рода. Его предки выкупили из татарского плена князя Василия Темного, организовали поход Ермака, в годы Северной войны на свои деньги снарядили два военных фрегата; среди них были бароны и сенаторы, покровители искусств, а один из них, Павел Александрович, даже состоял в клубе якобинцев, бродил в шапке санкюлота по Парижу с Теруань де-Мерикур, героиней Французской революции, и кричал во все горло: «Отрубим башку нашей Екатерине!»

Строганову бог не дал сыновей, и не было уверенности, что хотя бы одна из четырех дочерей сохранит неделимо и полно ценнейшие семейные коллекции. Особо заботила графа судьба родовой библиотеки, считавшейся одним из самых крупных частных книгохранилищ Европы. Тут были прижизненные издания Вольтера (в 90 и в 70 томах), Руссо, Дидро, Монтескье, Даламбера, Гельвеция, Гольбаха, работы Марата по физике, бумаги Робеспьера, полный комплект первого издания знаменитой французской «Энциклопедии наук, искусств и ремесел», многие инкунабулы, Шекспир, Лафонтен, Гольдони, редкие древние документы, полный комплект еженедельной французской газеты «Монитер» почти за восемьдесят лет, собрания других французских изданий, рукописные и печатные партитуры Моцарта, Гайдна — всего больше 20 тысяч то-

мов... Граф знал, что этой библиотеке нет цены, и некуда было деться от печальных раздумий о ее судьбе. Являлись петербургские и московские антиквары, предлагали крупные суммы, но их суетливость не вызвала доверия. Вот и сейчас лакей доложил о новом посетителе. Профессор В. М. Флоринский, врач и писатель, занят строительством Томского императорского университета. Граф колебался, принимать или нет, уже не те силы, чтобы попусту давать аудиенции, а что ждать от господина Фло-ринского, кажется?

— Прости, — вздохнул граф.

Профессор Флоринский неспешно пересек залу, приблизился к креслу-качалке и сказал две короткие фразы:

— Граф, ваши предки помогли Ермаку покорить Сибирь оружием. Помогите же и вы покорить ее книгами, знаниями, наукой.

Судьба Строгановской библиотеки была решена.

Весной 1880 года по последнему снегу торопился в Сибирь длинный санный обоз, скрипели полозья под обитыми жестяною лентой деревянными ящиками, весом более трех тысяч пудов, покрытыми тяжелым брезентом, и бородастые возчики, погоняя лошадей, ведя их под уздцы по льду сибирских рек и понукая на крутых горных тропах, еще не догадывались, что же это они волокут по российским пространствам, сквозь холодные ветры, сквозь лай деревенских собак, бегущих следом по тракту.

Обоз продвигался к остроглавым сибирским городам, где выросла местная интеллигенция, были общества или кружки, измерявшие богатство домов теперь не соболями, а книжными собраниями.

Уже в 1789 году публичную библиотеку имел Иркутск. Она была второй в России (после тульской, открытой на четыре года раньше). Во многих городах существовали крупные частные собрания — декабристов, петрашевцев, других политических ссыльных и просвещенных давних жителей края. Пожалуй, каждый российский библиофил слышал о книгах Г. В. Юдина, В. И. Баснина, П. А. Слобцова, А. В. Белоголового... В Сибирь приходили книги и периодические издания из Петербурга, Москвы, из городов Европы, и можно верить приезжим из центральных районов России, когда они дивились тому, как в Сибири «любят литературу, искренне рассуждают о разных ее явлениях и не чужды никаким новостям европейских...»⁴.

Самым книжным городом Сибири был Томск.

Этой славой Томск обязан Петру Ивановичу Макушину, сибирскому интеллигенту, одаренному не только свойством самостоятельного мышления, но еще и способностью к энергичным практическим делам. Макушину было двадцать шесть лет от роду, когда он открыл у себя на квартире публичную библиотеку, при ней «кабинет для чтения», и вот уже пятьдесят томичей переступают порог его дома. Люди берут книги, журналы, газеты. А ему этого мало, душа к размаху рвется, и он

начинает организацию книжной торговли. В феврале 1873 года Томск получает первый «Сибирский книжный магазин». С Макушиным сотрудничает И. Сытин, А. Маркс, М. Стасюлевич, другие петербургские и московские издатели.

Макушин стоит за прилавком, бойко торгует, выставляет книги в окне — смотрите, заходите, покупайте! — снаряжает приказчика с книгами в окрестные села. А на доходы создает собственные типографии в Томске и Иркутске, организует цинкографию, переплетную мастерскую, линовальную фабрику, затевает издание сибирских газет. Ни раньше, ни потом сибирская земля не знала такого яростного и напористого пропагандиста книги, фанатика и делового человека. Макушин завещал поставить на его могиле рельс и светящуюся лампочку, а на плите написать три слова: «Ни одного неграмотного».

...Обоз со строгановскими книгами пришел в Томск уже в конце весны. Ящики спустили в подвал Гостиного двора. Там они дожидались, когда построят университет, а вслед за ним и книгохранилище, по тем временам — самое крупное на сибирской земле. Томичи были счастливы приобретением, но не желали на этом остановиться. Они закупили библиотеки поэта В. А. Жуковского (больше четырех с половиной тысяч томов художественной литературы на русском, немецком, английском, французском языках), академика и цензора А. В. Никитенко (две тысячи томов, среди них первые издания Пушкина, Гоголя, Герцена, Чернышевского и других русских писателей, многие книги с автографами), книги профессора Венского университета Гнейста, профессора Пфейфера из Берлина. Пять тысяч томов пожертвовал князь С. М. Голицын, интереснейшее собрание передали наследники Ф. П. Литке. Ко времени открытия университета томичи собрали 96 тысяч томов. За тридцать семь дореволюционных лет библиотека в два с половиной раза увеличила фонды и встала в ряд с самыми крупными книгохранилищами России.

На этом можно было бы и закончить опровержение обер-прокурорской характеристики томского общества и сибирских нравов.

Но история первой университетской библиотеки Сибири только еще начиналась. По этим книгам учились в Томске В. В. Куйбышев, М. Ф. Владимирский, Н. Н. Баранский, многие другие участники революции и гражданской войны в Сибири. Это поколение уходило навстречу своей судьбе, в гущу событий, а хранители библиотеки держали свой собственный фронт, не давая интервентам и белогвардейцам грабить сокровища нации.

Мне рассказывала Любовь Александровна Панова (она работает в библиотеке пятьдесят лет), как тянулись через город обозы с отступавшими колчаковцами. Белые офицеры увозили добро из тобольского Софийского кафедрального собора: книги, украшенные золотом, серебром, драгоценностями, оставляли при себе, а остальные — она сама ви-

дела — бросали в снег, в грязь. Томские женщины отыскивали странички, сушили, склеивали, возвращали их к жизни. Любовь Александровна показала спасенную в те времена редчайшую рукопись «Книги записной», памятника XVIII века, показывала с тем трогательным смущением, с каким сестра милосердия встречается через многие годы с раненым, у постели которого проводила ночи.

Когда в Томске открылся рабочий факультет (1920 г.), в вестибюле появилась молодежь в гимнастерках, в красных косынках, совсем новый народ, любознательный и недоверчивый к хранителям книг («Наши или не наши?»). Тогдашний директор библиотеки В. Н. Наумова-Широких, дочь известного бытописателя старой Сибири, водила рабфаковцев в отдел строгановских книг и бывала счастлива, когда молодые люди еще и еще раз просили ее вслух перевести с французского речи якобинцев в Конvente во время обсуждения судьбы короля. Они шумно одобряли Робеспьера за его прямоту: «Я голосую за смерть тирана!».

Сказал — отрезал.

Лозунги принимали сердцем, и вера в мировую революцию удерживала на студенческой скамье нетерпеливых, а душу распирала такая эмоциональная энергия, такая жажда грядущего всеобщего социализма, что занятия, бывало, обрывались спорами, подозрениями, взаимными обвинениями. В университетской библиотеке без особых церемоний передавали из рук в руки кожаные фолианты, а встречая испуг в зрачках хранительниц, добродушно утешали: «Не бойся, тетя, откроем свои типографии, все это добро живо-два перепечатаем!»

Это потом, спустя годы, им простое увидится сложным, и от книг, от чужих страданий и судеб, будет пересыхать во рту. Не сразу, а все же приоткроется иная жизнь, существующая внутри самого себя, душа обнаружит новые движения, а привыкший к избирательному восприятию разум начнет освобождаться от предрассудков.

В читальном зале выдавала книги Елизавета Петровна Макушина, дочь Петра Ивановича Макушина, продолжательница благородного дела отца. До революции семья Макушиных пожертвовала тридцать одну тысячу рублей на организацию бесплатных сельских библиотек. Петр Иванович создал и возглавил «Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален». Среди членов общества были Г. Н. Потанин, В. Я. Шишков, Н. Н. Баранский. Лиза Макушина разъезжала по деревням, вела переписку с сельскими библиотекарями. В первые годы Советской власти семейная библиотека Макушиных тоже перешла в книгохранилище университета. Елизавета Петровна стала университетским библиотекарем и проработала здесь пятьдесят лет.

Эти томские женщины и их подруги по библиотеке в двадцатые и тридцатые годы выполняли заказы геологов, проектировщиков, инженеров, всех тех, кто строил Урало-Кузбасс, реконструировал Беловский

цинковый завод и другие производства. Ритм первых пятилеток стал ритмом их собственной жизни.

На рубеж 20—30-х годов приходится первое крупное переселение ученых из западных районов страны на восток. В конце 1931 года из Москвы и Ленинграда выехало в Сибирь 200 научных работников. Это было связано с организацией новых научных центров, и в первую очередь Сибирского физико-технического института в Томске, созданного по инициативе А. Ф. Иоффе. «Мы решили, что необходимо выделить группу ученых во главе с крупным специалистом и направить их в провинцию, — вспоминал позднее А. Ф. Иоффе. — В бытовом отношении это было тяжело. И все же... в глухую провинцию уехали лучшие ученые... В каждом из этих городов они создали первоклассные научные институты»⁵.

А потом грянула война... В здании Томского университета, в аудиториях и кабинетах разместили оборонный завод. А ценнейшие коллекции — гербарий, археологический, минералогический, зоологический музей — перенесли в библиотеку, сложили в проходах между полками книг. Туда же — полярные находки Норденшельда, собранные во время плавания парусной шхуны «Вега» через Ледовитый океан вокруг Евразии, тобольские древности, раскопанные на Иртыше; все это было принято библиотекой, устроено, сохранено, как часть одного неделимого наследства.

...В 1941 году к перрону Томска подошел поезд с запломбированными товарными вагонами. Поезд встретил ректор университета Я. Горлачев, вооруженный пистолетом, и под этой охраной из вагонов выгружали ящики. На повозках, запряженных лошадьми, грузы повезли к библиотеке. Это были эвакуированные из Москвы архивы музеев Толстого и Горького — все их рукописи! Сюда же доставили вещи и документы из Ясной Поляны.

«Без прикрас можно сказать, — вспоминает заведующий рукописным отделом музея Л. Н. Толстого В. Жданов, — что интеллектуальная жизнь в Томске не замирала. Мне постоянно приходилось наблюдать, как эвакуированные из занятых неприятелем городов, разоренные, подавленные, чуть ли не в первый день приходили в научную библиотеку. Большинство продолжало читать книги по специальности, изучать иностранные языки, интересоваться классической литературой... В летнее время бытовые вещи просушивали на солнце, как обычно это делают рачительные хозяйки. Во дворе библиотеки появились шубы, различная шерстяная одежда. Бросалась в глаза широкополая шляпа Горького, запечатленная на многих фотографиях. Занятые своим делом прохожие не обращали внимания на хозяйственную суету, а как бы они взволновались, если бы узнали, что висит на привычных в быту веревках...»⁶

Мы стоим с Пановой в узком проходе среди строгановских книг, у старинных фолиантов в переплетах из кожи и сафьяна, размером чуть

повыше Любви Александровны — маленькая женщина словно бы заблудилась в золотоствольном лесу. Ее руки тянутся то к одному тому, то к другому. Вот пятнадцать подшивков газеты «Парижские революции» за 1789—1794 годы. Среди руководителей газеты был прокурор Парижской Коммуны Шометт, он написал для газеты эпиграф: «Великое только потому кажется нам великим, что мы на коленях. Встанем же!»

Любовь Александровна извлекает из-под стекла два рукописных альбома из строгановских книг. «Мой портфель» — называется первый альбом 1807 года. Записи на французском, немецком, русском. Рукописные заметки графа Ростопчина о походах Наполеона, письма генерала с поля боя у Прейсш-Эйлау, текст манифеста Александра I об образовании народного ополчения, стихи литературного кружка, много стихов, и среди них послание, посвященное де Сталь, когда она обедала у Строгановых. Редчайшие документы, неизвестные или мало известные науке.

— А это, голубчик, — «Архив Аполлона», рукописный альбом Строгановых 1812 года, — Любовь Александровна торжественно переворачивает страницы. — Тут есть письмо из Москвы, охваченной пожаром... На русском!

Хорошо, когда ничем не озабочен, просто так, присматриваясь, бродить по тихим коридорам и читальным залам библиотеки, вглядываться в полторы тысячи лиц. В основном это студенческая молодежь, профессора и преподаватели, но занимаются также и искатели нефтяных месторождений Западной Сибири, и конструкторы сибирских бета-тронов, и приезжие из других городов. Среди трех миллионов книг хранилища много редких и даже уникальных изданий. А в окна видно, как рядом поднимаются этажи нового библиотечного здания на пять миллионов книг, с читальными залами почти на две тысячи человек, с конференц-залом и киноустановкой, со множеством других помещений, оборудованных современной техникой: одно из самых крупных книжных собраний на востоке страны.

Директор библиотеки Михаил Родионович Филимонов предложил мне прогуляться по городу, и я с благодарностью отправился с ним, фанатиком книги, приятелем всех крупных букинистов страны. Мы шли, то и дело уступая дорогу ватагам молодежи. Шумной, веселой... Студенты! Ни в одном сибирском городе я не встречал такого множества студентов. Не потому, что необычайна их абсолютная численность — пятьдесят тысяч. В Новосибирске или Иркутске студентов побольше. Все дело в концентрации — пятьдесят тысяч томских студентов приходится на триста тысяч жителей. Такой концентрации студенчества нет, пожалуй, больше нигде в Сибири, хотя к 1974 году здесь открыто уже шесть университетов (Томск, Иркутск, Новосибирск, Красноярск, Якутск, Тюмень) и множество других высших учебных заведений.

Идем по горбатым окраинным улочкам, мимо старинных домов.

Здесь останавливался Радищев... Там жил Станюкович... Тут — Шишков... Я слушал моего спутника и думал о хранителях томских сокровищ, об одной из тех стойких духовных династий, без которых была бы неполна история русской культуры.

И когда мы подошли к могиле Макушина и я увидел железный рельс, а над ним электрическую лампочку, горящую ночью и днем, меня осенила догадка: а не имел ли в виду сибирский просветитель эту ответственность за судьбы культуры и не мечтал ли он о *духовной* грамотности народа, когда просил написать на плите три слова: «Ни одного неграмотного»?

Создание Сибирского отделения Академии наук СССР (май 1957 г.) — знамение активной стратегии на востоке страны и ошеломляющих темпов середины двадцатого века.

Люди проникли в тайны атомного ядра, увидели новые картины строения материи, «прислушались» радиотелескопами к далеким галактикам и стали различать ответные сигналы — может быть, отраженье холодных неведомых звезд, а возможно, и эхо вселенских цивилизаций. В материальном производстве появились новые источники энергии и синтетические материалы, прерывные процессы заменяются непрерывными, планирование и управление хозяйством переходит к электронно-вычислительной технике и автоматизированным системам. Искусственные спутники связи сблизили народы разных континентов: передачи «Интервидения» из Москвы могут смотреть в Якутске и в Монреале. К тому же человечество узнало много нового о своей собственной сущности. Открыты механизмы биосинтеза белка и законы передачи возбуждения по нервным волокнам. И все-таки наука только еще бочком протиснулась в мир великих неожиданностей. Каждый следующий шаг за этим порогом ведет к открытиям, способным повлиять на ближайшие судьбы землян.

История промышленности не знала столь коротких сроков между научным открытием и его применением в производстве. Обнаружив давление газов, лишь через сто лет предложили паровую машину; от познания закона индукции до первого электродвигателя прошло пятьдесят лет; радио потребовало тридцать пять лет, телевизор — четырнадцать, транзистор — пять... Быстро развивается индустрия, ее обгоняет техника, а их обеих опережает наука — для сегодняшнего прогресса это закономерно. Мы живем в век науки, и наука, как хозяйка положения, предъявляет обществу жесткие и возрастающие требования. Ей нужны развитые производительные силы. Безотказное материальное обеспечение. Природные ресурсы. Переход от «прелести индивидуального творчества» (С. Пауэлл) к объединению в крупные коллективы и научно-технические комплексы.

В воздухе уже носилась идея небывалого по масштабам экспериментального научного строительства. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза в решении записал: «Дальнейшее развитие производительных сил страны настоятельно требует вовлечения новых источников сырья, топлива, электроэнергии и прежде всего мобилизации огромных природных ресурсов восточных районов страны».

Ученых, задумавших строить модель будущих научных центров, влекла к себе Сибирь — край новостроек, яранг, речных шкиперов, шоферов, охотников, хлеборобов, полярных летчиков, степей, тайги, арктических пустынь, где природа и обитатели не знают чувства меры: все укрупнено и шире обычного.

Осуществить строительство научно-технического комплекса в Сибири взялся академик Михаил Алексеевич Лаврентьев, известный ученый и организатор.

Лаврентьеву предстояло сыграть в сибирской академической науке ту же роль, какая выпала на долю И. В. Курчатова в атомной промышленности и С. П. Королева в космической программе: собрать талантливых людей, сформулировать принципы действия, принять широкие полномочия и непосредственно осуществлять строительство. При этом возникали не только идеи, но складывался особый подход к делу — не совершенствовать, не улучшать, а создавать принципиально новое и на всех участках обеспечивать движение вперед.

Лаврентьев наделен счастливой способностью тонко чувствовать ускоренные темпы перемен.

Сведущие люди утверждают, что в науке этот человек не планета, а целая галактика. Крупный математик и механик, один из создателей советской электронно-вычислительной техники, автор важных работ в области взрывов. Его фундаментальные исследования по взрывам помогли нам выиграть минувшую войну. Изученные им взрывы штампуют детали, сваривают металлы, строят дамбы и плотины. У него много учеников, стремящихся перенять у «деда» (так его называют между собой) напористость, практичность, умение вникать в детали, не выпуская из виду общее, его оптимистическую ориентацию на новое и способность шагать в ногу со временем.

Физик Н. Привитц, много лет работавшая с М. А. Лаврентьевым, так рассказывала о нем: «Михаил Алексеевич не любит читать проповеди, он просто действует. Он ночью садится за руль и едет искать водопроводчика, когда у его сотрудника в доме прорвало отопление, а в городке еще не было ни телефонов, ни аварийной службы. Он берет ведро и таскает воду к засыхающему у дороги дереву. Он позволяет применять взрыв и для корчевания пней, и для прорубки во льду проруби, где будут купаться академгородковские «моржи», — но только не для глушения рыбы. Он первым спрыгивает с катера на берег. Он лихо берет на машине подъемы и крутые виражи, но не знает ава-

рий. Он всегда заряжен энергией и никогда не жалуется на здоровье, хотя ему уже за 70... Он может собрать семинар в субботу и приехать на интересный эксперимент в воскресенье».

Лаврентьев — человек XX века.

Из всех его взрывов главным и, может быть, самым результативным по последствиям останется «взрыв науки» на востоке Советского Союза.

В двадцати пяти километрах к югу от Новосибирска, на берегу Обского моря Лаврентьев выбирал место для строительства будущего Города Науки. Ему хотелось осуществить пророческую мечту ученых древних времен о светлом и радостном исследовательском храме. Он будет в сосновом лесу. Двадцать, а то и больше институтов, прекрасные лаборатории, новейшее оборудование. Университет. Библиотека. Городок на тридцать пять тысяч человек. Лесные коттеджи, дома в пять и девять этажей. В тайге тихие бетонные дорожки, сквозь плиты пробивается зелень. Торчит предупредительный треугольник: «Осторожно, белки!».

Лаврентьев поставил в березовой роще домик с железной печкой и грифельной доской. Зимой выпал великолепнейший снег, выше окон. С порога можно становиться на лыжи и нестись, петляя меж деревьями — он любит это делать баз палок, — вниз по склону, к замерзшей речке Зырянке. Там под косогором уже соорудили первые щитовые домики лабораторий. По вечерам тридцать новоселов собирались вместе. Вера Евгеньевна — жена Лаврентьева — организовала этих первых в кружок английского языка.

Так начинался Новосибирский академгородок.

Крупные ученые с мировым именем, основатели московских и ленинградских научных школ, согласились переехать в Сибирь со своими семьями, лабораториями, институтами. Среди них были Г. К. Боресков, А. М. Будкер, Н. Н. Ворожцов, А. И. Мальцев, С. Л. Соболев, А. В. Николаев, А. А. Трофимук... Некоторые объясняли их отъезд подспудными личными целями или же данью временной моде и пророчествовали им судьбу командированных, в лучшем случае — задержавшихся в чужом краю чуть продолжительнее обычного. Нельзя утверждать, что для таких сомнений прежняя практика не давала оснований. Но на этот раз все делалось мудро и дальновидно. За учеными в оставленных городах сохранялись квартиры, эта возможность выбора придавала их действиям спокойствие и обдуманность, и мне остается сказать, что за двадцать лет вернулись обратно немногие. Руководителям будущего центра предоставлялось право первоочередного отбора молодых специалистов из числа тех, кто оканчивал высшие учебные заведения в 1958—1962 гг. Крупным ученым, независимо от возраста, уезжавшим на постоянную работу в восточные районы страны, были выделены места для избрания в академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР.

Все научные учреждения обязаны были безоговорочно освобождать от работы каждого, кто желал ехать в Сибирь.

На востоке страны располагалось много новостроек, но этой оказывалось предпочтение... Отовсюду шла техника, оборудование, приборы, книги. В стройку была вовлечена вся страна. Еще зияли котлованы, поднимались коробки первых зданий, еще разные институты обитали под одной крышей, как в коммунальной квартире, шли споры о сметах, о квадратных метрах, о направлениях работ, а между тем наука жила своею жизнью; продолжались фундаментальные и прикладные исследования, и были неудачные опыты, и озарения, и открытия... Все шло своим чередом.

Сентябрьским утром 1961 года в Новосибирске приземлился рейсовый самолет из Москвы. По трапу спускались академики М. В. Келдыш, В. А. Кириллин, Л. А. Арцимович, М. И. Кабачник... Президиум Академии наук СССР!

Такого в Сибири еще не бывало.

Ученые хотели посмотреть ход восточного эксперимента. История мировой науки не знала подобного опыта: создание вдали от признанных культурных центров самостоятельного и целостного города-комбината, где вырабатывают идеи и осуществляют собственные замыслы. Машины с гостями следовали сосновым лесом мимо новых институтов, недостроенных зданий, котлованов. На заборе надписи мелом: «Проникнем в тайны микромира досрочно!», «Дадим до конца года три дополнительных идеи из сэкономленного сырья!».

Академики поняли, куда они попали, и настроение было превосходное.

В Институте математики гости познакомились с новыми работами по алгебре, дифференциальным уравнениям, теории функций, математической логике, кибернетике, теории вероятностей, линейному программированию, теории кубатурных формул... Труды академиков С. Соболева и А. Мальцева, исследования других ученых института вызвали интерес математиков всего мира. Уже построили вычислительный центр, собрали электронно-вычислительную машину, стали изучать теоретические и экспериментальные проблемы новых быстродействующих систем. «Ну, как первая машина?» — спрашивали гости. «Нормально, — отвечали хозяева, — пробую расшифровать Мадридскую и Дрезденскую рукописи народа мая».

В Институте гидродинамики гостей знакомили с работами по теории гравитационных волн. На берегу Зырянки неподалеку от первых домиков вырыли бассейн длиной шагов двадцать и глубиной по локоть. Здесь начинали изучать закономерности течения воды вдоль пластинок и тел. Используя математические методы, теоретики решали сложные задачи и уже получали новые теоремы, объясняющие природу волн цунами. Учились предсказывать поведение жидкости в различных

условиях и при взаимодействии с другими телами. А в плане работ стояла гидробионика, все жила ожиданием, когда начнутся опыты с дельфинами. «Очень важно узнать, как создается тяга изгибающейся пластинкой при ее движении в сплошной среде...»

Пришли на полигон смотреть экспериментальный импульсный водомет — «гидропушку». Изобретатель попросил гостей отойти в сторонку и взмахнул рукой. Залп, как на огневой позиции! Струя воды под сильным давлением разрушила кирпичную кладку, при втором залпе раздробила валун, при третьем залпе пробила насквозь металлическую пластинку. Гости передавали ее из рук в руки, дивясь не столько пулевому отверстию, сколько тому обстоятельству, что все это создано в Сибири. Они-то понимали, что сулят орудия этого типа горнорудной промышленности, всему народному хозяйству. Забегая вперед, скажу, что через несколько лет лицензии на сибирскую гидропушку закупит фирма «Джой Мануфэчкуринг Компани» (США) и попросят другие иностранные фирмы.

А поблизости слышались взрывы... Ученые разработали принципиально новый метод направленного взрыва в грунте. Они предложили и затем осуществили знаменитый взрыв в районе Алма-Аты для создания селезащитной плотины. Лаврентьев и его ученики уже успели побывать в Арктике и проверить эффективность подледных зарядов в условиях Ледовитого океана. Открылись возможности раньше начинать навигацию на Великом Северном пути. А в лабораториях шли эксперименты применения взрыва в автоматизированных процессах штамповки металла и для соединения материалов, не свариваемых другими способами. «Как правило, прочность сварного шва превышает прочность слабейшего из компонентов пары...»

В Институте ядерной физики академик А. М. Будкер повел гостей вниз, в бетонированное подвальное помещение. Там собирали установки для ускорения заряженных частиц. Шли интереснейшие эксперименты по физике высоких энергий на встречных пучках. Молодые люди создавали ими же разработанное оборудование для экспериментов с античастицами. Они первыми рассчитали проект установки с античастицами — только через два года о таких работах сообщил объединенный коллектив итальянских физиков из Фраскати и французских физиков из Орсе. «В нашем институте ведутся работы по созданию установок со встречными протон-антипротонными пучками. Большой циркулирующий ток антипротонов мы надеемся получить, используя метод затухания поперечных колебаний ионов в ускорителе на электронном пучке...»

Гостей познакомили с работами по физике плазмы и по управляемым реакциям, и ведущие ученые страны согласились, что уровень сибирских исследований нисколько не уступает мировым достижениям, а кое в чем и превосходит их.

А впереди были Институт теоретической и прикладной механики, Институт автоматики и электрометрии, Институт цитологии и генетики, Институт теплофизики... Попробуй, обойди этот городок хотя бы за несколько дней!

Через пять лет на Общем собрании Академии наук СССР в Москве М. В. Келдыш сообщает: «В Новосибирске создан крупнейший центр советской науки, я бы сказал, центр, безусловно имеющий мировое значение...»⁷

Сибирское отделение — бросим географический взгляд — связано своими институтами с территорией, значительно превосходящей взятые вместе площади размещения и влияния всех остальных научных учреждений Академии наук СССР. Помимо Новосибирска, видными исследовательскими центрами стали Иркутск, Красноярск, Томск, Якутск, Улан-Удэ... Они имеют свой ясный профиль, институты по тематике фундаментальных и прикладных исследований. Центры своеобразны по школам, по направлениям, у каждого на счету открытия мирового значения. Не случайно полные титулы иных сибирских ученых могли бы занять добрых полстраницы — они члены многих зарубежных академий, научных обществ, международных комиссий. Когда академика В. Б. Сочаву, директора Института географии Сибири и Дальнего Востока (Иркутск), уже избранного почетным членом Французской академии наук, членом Постоянной комиссии прикладной географии Международного географического союза, члена Финского общества натуралистов, выбрали еще и в члены Международной комиссии по охране природных ресурсов бассейна Тихого океана, он снял с головы узбекскую тюбетейку и вытер лоб: «Не Сибирь, а каторга!».

То, что происходит в Сибири, только условно можно назвать «научным взрывом», как подражание модной в наши дни терминологии — «демографический взрыв» и т. д. В действительности речь идет об общественном процессе: он по-своему быстр, а все же постепенен, последователен, поэтапен. Тут все подчинено трем принципам. Их следует назвать не потому, что каждый в отдельности или их совокупность отмечены печатью оригинальности. Оригинальным скорее можно было бы считать их осуществление — за пятнадцать лет строительства от них ни разу не отступили.

Первый принцип: разработка фундаментальных проблем на стыке наук, общими усилиями институтов. В различных областях знания стали применять математические методы. Математизация наук и привлечение электронно-вычислительной техники открыли чудесные возможности — моделировать происходящие в природе процессы. Даже в биосфере, где связи столь сложны и велики, что все ЭВМ мира сегодня и в близком будущем вряд ли справятся со всеми ее переменными, даже в системах этого порядка научились создавать математические модели, «просчитывать» на них новые проекты, а не затевать, как бывало рань-

ше, эксперименты на живой природе с последствиями, которые не умели предсказать. Объединение усилий различных школ и направлений привело к крупным успехам не только самой математики, но и механики, биологии, химии, экономики, наук о Земле.

Может ли такое ускоренное развитие современных наук привести к каким-либо отрицательным последствиям? По мнению крупнейшего сибирского математика С. Л. Соболева, движение науки само по себе ничему не угрожает, «но могут быть болезни роста, связанные с тем, что развитие науки «уходит вперед» по сравнению с развитием общества. Кроме того, очень опасной может стать диспропорция в развитии различных отраслей знания. Наука о природе может отстать от развития техники. Результат этого известен — загрязнение среды, в которой живет человек. Наука об управлении обществом может отстать от наук, дающих людям в руки опаснейшее оружие уничтожения. Тот факт, что человечество не научилось предотвращать возникновение тоталитарных режимов, тоже таит в себе опасность. Однако сильно надеюсь, что люди найдут способ «застраховать» себя и в этом отношении»⁸.

Фундаментальные исследования в институтах Сибирского отделения получают широкое мировое признание. В Новосибирске проходят международные конгрессы и конференции по важнейшим разделам современной науки. В лабораториях работают многие иностранные ученые. Восемь месяцев провел в Институте ядерной физики профессор Лехай-университета (штат Пенсильвания) Раймонд Я. Эмрих. Перед возвращением из Новосибирского академгородка в США он дал интервью журналистам:

— Я провел много времени в лабораториях Лос-Анджелеса, где расположен большой научный центр. В Новосибирске я ожидал увидеть нечто подобное. Но я обнаружил между этими научными центрами определенное различие. Проблемы, разрабатываемые в Лос-Анджелесе, в основном связаны с физикой, химией, математикой. В Новосибирске помимо этих отраслей науки исследуются проблемы биологии, геологии, экономики. На меня произвел сильное впечатление фундаментальный характер работ... Те работы советских ученых, с которыми я познакомился, замечательны и достойны их репутации.

Как тут не вспомнить горестный вздох А. П. Щапова о том, что «умственная жизнь сибирского общества требует живейших импульсов, самых могучих, динамически двигательных, сил европейской науки...»⁹.

Теперь Европа едет за умственными импульсами в Сибирь.

Второй принцип: быстрое внедрение идей, открытий, разработок в производство. Институты Сибирского отделения с самого начала потянулись к промышленным предприятиям. Нет ничего удивительного в том, что стали налаживаться связи прежде всего с индустрией вос-

точных районов. Ведь и само возникновение большой академической науки в этом крае связано с ускоренным развитием производительных сил. В век научно-технической революции стало рискованным и даже опасным размещать производства по интуиции, видя перед собою лишь географическую карту, и вовлекать в оборот природные ресурсы под нажимом того или иного местного администратора, сумевшего перекричать своего соседа. Такими способами можно было затевать охоту на мамонта. Но так нельзя осваивать Сибирь.

В Новосибирском академгородке разработана система реализации научных результатов. С одними предприятиями заключили хозяйственные договоры, вместе с другими организовали научно-производственные группы и комплексные бригады внедрения. Производственники могут осваивать новую технику или технологический проект уже на стадии конструирования или даже в институтских лабораториях. В прежние времена, бывая в исследовательских учреждениях, то и дело приходилось слышать: идей у нас хоть отбавляй, да разве нам под силу сконструировать машину, посмотрите, какой производственной базой мы располагаем. Или иной поворот того же горевания: конструкторы мы разработали, передали в производство, да вы поинтересуйтесь, в какие руки она попала, что они из нее сделали, а мы при чем? Конец этому положил сибирский «пояс внедрения»: вокруг институтов создали конструкторские бюро и прикладные организации с единственной задачей — максимально быстро реализовать научные достижения в народном хозяйстве. «Пояс внедрения» находится в двойном подчинении: научное руководство осуществляют ученые, а практические задачи решают производственники. По-видимому, здесь рождаются прообразы мощных научно-производственных объединений близкого будущего.

Первым в «поясе внедрения» появилось специальное конструкторское бюро гидроимпульсной техники. Дальнейшая разработка теории гидроудара привела к созданию совершенно новой отрасли техники — гидроимпульсной. Из первых примитивных гидропушек выросло целое семейство новых устройств: от насоса сверхвысокого давления до проходческого комбайна по твердым породам, до оборудования для скоростного глубинного бурения, до скоростного гидропресс-молота «Сибирь». Этот гидропресс-молот привел к созданию принципиально новой автоматизированной технологии штамповки деталей сложной конфигурации, при этом такой точности размеров и чистоты поверхности, что сводится к минимуму или вовсе исключается дополнительная механическая и термическая обработка.

Предприятия и целые отрасли народного хозяйства стали связывать свои надежды с институтами Сибирского отделения.

Видя такие темпы внедрения, иностранные фирмы еще настойчивее потянулись к Сибири. В Новосибирске устраивают выставки своей продукции французская компания «Сориз», швейцарская «Вариан»,

японская «Токио Бозкилимитэд»... А между тем самым большим успехом здесь все же пользовалась выставка «Сибирский прибор-71». Сконструированные и изготовленные сибиряками на предприятиях «пояса внедрения» и в институтах приборы во многом превосходили лучшие зарубежные образцы. Я бы не взял на себя смелость так утверждать, если бы собственными глазами не видел документы: сибирские приборы, устройства, установки уже запатентованы в США, Англии, Франции, Бельгии, ФРГ... Не будем использовать этот повод для привычной патетики. Сегодняшний сибиряк был бы огорчен и даже несколько удивлен, если бы при таких возможностях и размахе дела здесь обстояли иначе.

Третий принцип: «помочь талантливому человеку войти в науку — для ученого дело, пожалуй, более важное и почетное, чем даже крупный собственный результат» (М. А. Лаврентьев). Если когда-нибудь осуществится мечта ученых об идеальных формах подготовки молодых исследователей, то, может быть, в числе первых приближений назовут Новосибирский университет. Он расположен в том же сосновом лесу, что и академические институты, но важна их общность не столько территориальная, сколько организационная: университет существует как часть системы научного городка. В составе его преподавателей, ведущих кафедр, членов ученого совета — ученые академических институтов. Ректор университета — член президиума Сибирского отделения Академии наук СССР. Для студентов разработаны особые программы, учитывающие характер научных школ и направлений: учебные планы всех специальностей математизированы. Общенаучная подготовка студентов дается на первых трех курсах. А затем два — два с половиной года студенты занимаются в академических институтах избранного профиля. Так или иначе в подготовке научной смены участвуют все ведущие ученые. Среди них двенадцать Героев Социалистического Труда и тридцать один лауреат Ленинской премии. Под их руководством студенты ведут исследовательскую работу, и ко времени выпуска многие дипломники уже являются авторами важных научных публикаций. Из выпускников университета вышли математик Ю. Ершов, физик А. Галеев и другие крупные ученые, чьи работы получили мировое признание.

Такой уровень университетской подготовки можно поддерживать при условии, если с ним стыкуется уровень общеобразовательной средней школы. Традиционная система школьного обучения уже не устраивает. Наделяя учеников стандартной суммой знаний, не так легко обнаруживать склонности, не говоря уже о том, чтобы сымалства развивать способности каждого. Совет по проблемам образования Сибирского отделения Академии наук СССР пришел к важной мысли: хорошо бы уже в седьмых классах вводить специализацию и вообще создавать средние учебные заведения по интересам. Новосибирцы изучили опыт

некоторых московских школ и на первых порах открыли у себя классы: математические, геологические, биологические. Каждый старшеклассник волен сам избрать себе класс. Подростки усиленно изучают профилирующие предметы, факультативно проходят практикумы по радиотехнике, по программированию на ЭВМ, по химии, по математической лингвистике. Лабораторные занятия школьников проходят в университете или в академических институтах. А летом «геологи» могут отправиться на полевую практику с первокурсниками университета в Горный Алтай (условие — с разрешения родителей!), а «биологи» — по желанию — в каникулы зачисляются в состав биологических отрядов университета и уходят в предгорья Саян или в таежные дебри Приобья.

С 1961 года Сибирское отделение устраивает на территории от Урала до Сахалина физико-математические школьные олимпиады. Около десяти тысяч подростков, увлеченных точными науками, состязаются в знаниях и сообразительности. Победители районных и областных олимпиад в летние каникулы приглашаются в Новосибирск, на берег Обского моря, в знаменитую «олимпийскую деревню»: тут будут встречи с учеными, знакомства с институтами, веселые соревнования и, наконец, заключительный тур олимпиады. Кто одержит верх, получит титул «фымышонка». Так называют учеников физико-математической школы при Новосибирском университете. Через два-три года «фымышата» поступают на математический и физический факультеты университета. Мне показывали статистику: среди тех, кто затем кончает университет с отличием, сорок процентов составляют бывшие «фымышата». Этот новый тип средней школы вызвал интерес в нашей стране и за рубежом.

Отчего же каждый раз, когда я принимался писать о сибирских олимпиадах, что-то мешало мне, удерживало, тревожило? Вроде все выходило по справедливости: у всех подростков, несмотря ни на что, равные возможности побеждать... Равные ли? Мне виделся арктический поселок Булун вблизи Ледовитого океана. Школа сложена из тонких листовенниц, утепленных кошмою и мохом. Здесь учатся и живут дети эвенов-оленевонов, кочующих по тундре. Учителя тут долго не задерживаются, меняются: в иную зиму так запуржит, что за неделю не доберешься от своей избы до школы, даже если расстояние пятьдесят-шестьдесят шагов. Ученики зимуют в интернате, а летом возвращаются в тундру и помогают родителям пасти совхозное стадо оленей. А между тем среди этой широкоскулой, черноглазой детворы, гоняющей мяч по ягелю, может быть, бегают Эйнштейны, Кеплеры, Ландау. Кто знает! Способности и подготовленность — не одно и то же. Так по силам ли юному булунцу победить сверстника из областного центра, из крупной школы, со стабильным составом опытных педагогов, с хорошими традициями, со множеством других преимуществ, которые видны, когда составляешь себя смотреть вокруг глазами булунского жителя...

Через пять лет после первой сибирской олимпиады ее устроители пошли на эксперимент. При отборе подростков из далеких сел, рабочих поселков, мелких городов стали обращать внимание не столько на уровень подготовки, сколько на природные задатки. Ученые добивались до самых глухих мест в поисках талантливых подростков. Для этих ребятешек создали особый подготовительный класс. Лучшие новосибирские педагоги занимались с ними. Усилия не пропали. «Эксперимент показал,— сообщали устроители олимпиад,— что при правильной постановке процессов обучения можно плохо подготовленных, но работоспособных детей из сельских школ сделать «конкурентоспособными» при поступлении в лучшие вузы страны».

Пришло время, и М. А. Лаврентьев осуществил еще одну свою любимую идею: все в том же сосновом лесу Академгородка возник КЮТ (клуб юных техников). Суть вот в чем. Научно-технический прогресс нельзя обеспечить лишь учеными и специалистами высшей квалификации. Нужны талантливые инженеры, техники, рабочие, способные не только воспринимать новые идеи, но и воплощать их в приборах, устройствах, машинах — «доводить до металла», как здесь говорят. Одаренных в этом плане подростков, у которых развито пространственное мышление и воображение, да при этом золотые руки, надо повсюду выискивать и собирать вместе, точно так же, как будущих математиков или физиков. И вот уже прокатились по Сибири первые технические выставки и состязания подростков. Победители те, кто разработал и осуществил самые оригинальные проекты. Их зачисляют в технические классы физико-математической школы при Новосибирском университете.

Как их теперь называть — «техмышата»?

День, который я провел среди «техмышат», детей из нового сибирского племени КЮТ, по концентрации впечатлений на единицу времени, до сих пор остается в моей жизни одним из самых плотных. Лаборатории оснащены такой техникой, словно бы здесь работают не юные граждане от шести лет до пятнадцати, а по меньшей мере аспиранты. Зато и результаты! В лаборатории опытного моделирования и конструирования мне показали модель вездехода «Тайга»: двухкорпусная машина (в переднем корпусе помещается экипаж и рулевое устройство, а в заднем корпусе установлен двигатель и питание) легко преодолевает болота, снежные заносы, водные преграды. Это работа семиклассника Игоря Грибанова и восьмиклассника Васи Сарваева. В лаборатории физического эксперимента группа ребят собрала оптический квантовый генератор-лазер... В лаборатории автоматики девятиклассник Саша Бардюков изготовил особый вольтметр с запоминающим устройством — этот прибор приобретен Институтом физиологии и применяется учеными. В лаборатории физического эксперимента «техмышата» выполнили просьбу Биологического института: разработали и

изготовили прибор, фиксирующий на бумаге в виде электрических сигналов поведение мелких животных, находящихся в клетке. Теперь не нужно экспериментатору сутками следить за поведением животных и вручную записывать наблюдения в журнал. Все это делают угольные микрофоны и самопишущий прибор... Всего не перечести!

Мне повезло — я попал к детям племени КЮТ в тот необыкновенный день, когда «техмышата» всех лабораторий облачились в белые халаты и белые шапочки, объявив себя «докторами Айболитами». Уже неделю или две по всему Академгородку были развешаны объявления: у кого «заболела» кукла, поломалась заводная машина, перестал крутиться гуттаперчевый мальчик или что стряслось с другой механической и электрической игрушкой, приносите игрушки в КЮТ — их будут лечить Айболиты!

Больше двухсот малышей и подростков городка пришли к юным техникам и на традиционный конкурс «Фантазеры». Авторы самых необыкновенных проектов должны были публично защищать свою идею и давать пояснения членам жюри, где сидели видные ученые и конструкторы. Лучшими признали проекты Андрюши Коптюка «Верхом на линейке» и Вити Викслера «Как сделать свинью, которая питалась бы светом».

В гостях у «техмышат» были летчики-космонавты СССР К. П. Феокистов и Г. Т. Береговой, командир корабля «Аполлон-11» Нил Армстронг, первый человек, ступивший на Луну... «Техмышатам» было о чем с ними поговорить. В книге гостей КЮТа осталась запись: «Желаю вам всего наилучшего в построении будущего мира. Нил Армстронг».

...Иду лесом. По бетонной дорожке впереди семянт две старушки с хозяйственными сумками. До меня доносится их разговор. «Химики-то твои вчерась снова каку-то сборню собрали... Французы понаехали». — «Сим-по-зим!» — «А так славнецкий у ты в институте народ». — «Грех жаловаться, в одно сердце работают!»

Я сторонюсь и пропускаю вперед профессора Ю. Б. Румера, окруженного студентами. Румер два с половиной года работал в Геттингене у М. Борна, встречался с А. Эйнштейном, написал вместе с Л. Ландау научно-популярную книгу о теории относительности.

«Дима! — слышу я изумленный голос Румера. — Вы читаете Аполлинера в переводах?!»

От дорожки шаг в сторону — лес...

— Но почему Институту ядерной физики понадобилась Сибирь, — спрашиваю я, — ведь это не территориальная наука и ее законы одинаковы в Европе, в Африке, в центре Солнца?

— Видишь ли, ядерная наука молода. Но как женщина, которая

прожила бурную молодость, она быстро состарилась и теперь полна предрассудков. Новую идею ускорителей на встречных пучках принимали далеко не все. Ее постоянно надо было защищать от предубеждений. И уже с середины пятидесятих годов лаборатория новых методов ускорения Института атомной энергии в Москве жила предчувствием перемещения к иным географическим и психологическим широтам, где бы новая идея могла динамично развиваться, огражденная от влияния традиционных направлений.

— А как смотрел на это Курчатов?

— Курчатов одобрял создание Сибирского отделения Академии наук. Он рассчитывал, что в Академгородке под Новосибирском наша лаборатория вырастет в самостоятельный крупный институт, сбросит груз предрассудков и начнет прокладывать новые пути. Не только в изучении микромира, но даже в принципах организации научного труда, в самой структуре исследовательского учреждения. Бесстрашный в действиях, он и в других не терпел копирования, а желал дерзости. Встречаясь с сотрудниками, он вместо «Здравствуйте!» или «Доброе утро!» любил спрашивать, поглаживая бороду: «Какие имеем достижения?»

Мой собеседник машинально чертит палкой на сырой снежной земле крючки, то ли стаю птиц, то ли квадратные корни. Ветер налетает с Обского моря порывами, шумит над нами в хвост. Человек поднимает воротник нейлоновой куртки, защищая шею от иглопада. Он в черном берете и с роскошной бородой, но об этом забываешь, ничего этого не видишь, когда он поднимает лицо — только ироничные, смешливые, пронзительные глаза. И этот ветер, и сосны, и весь его загадочный облик уводят куда-то в мир гриновских повестей, в полутьму портовой таверны или на пахнущий морем причал.

Мой собеседник — академик А. М. Будкер.

...Накануне я весь день провел в Институте ядерной физики, в бетонных помещениях, похожих на машинный зал теплохода, с трубопроводами, запахами масла, крутыми трапами вверх и вниз. Все говорили про два бэва, и я с понимающим видом кивал головой, потому что в грохоте, в лязге металла, среди торопливых людей в свитерах и джинсах было стыдно отнимать расспросами время у беспокойного паренька, назначенного мне в сопровождающие. Я видел, как ему не терпится отвязаться от меня, уйти к своим осциллографам, и он не знал, как сохранить при этом любезное отношение к гостю, а у меня оставалась единственная возможность ему помочь: выглядеть сообразительнее, чем я есть на самом деле. «Метод электронного охлаждения призван заменить радиационное трение для тяжелых частиц! — кричит паренек мне в ухо. — Затухание колебаний появляется из-за трения антипротонов об электроны!» Я улыбаюсь: «Понятно!»

И когда меня оставили, наконец, одного, я присел на ступеньку

и записал в блокнот новые для меня термины, без которых разговор в этих стенах лишен смысла.

«ВЭП» — ускоритель со встречными электрон-электронными пучками («...В 1956 году мы построили ВЭП-1 и начали эксперименты в одно время с лабораторией американцев в Стэнфорде...»).

«ВЭПП» — ускоритель со встречными электрон-позитронными пучками («...Только через год после наших работ на ВЭПП — аналогичные установки пустили во Франции, а затем в Италии...»).

«ВАПП» — ускоритель со встречными протон-антипротонными пучками («...Наиболее захватывающие перспективы откроются с пуском нашей установки ВАПП...»).

«НАП» — накопитель антипротонов («...Может быть, нам удастся, используя НАП, выпустить в атмосферу струю антиводорода, и если не существует антизвезд и антигалактик, а также планет с более высокой цивилизацией, чем наша, то это будут, по-видимому, первые антиатомы во Вселенной...»).

Каким путем идет Сибирь к разгадкам тайны микромира?

Со времен Эрнста Резерфорда в исследованиях элементарных частиц утвердилась классическая схема: пучок быстрых частиц бомбардирует неподвижную мишень. Чем больше энергии, тем больше возможностей обнаружить элементарные частицы и вызвать к жизни совершенно новые частицы. Энергия в три миллиона электрон-вольт позволила увидеть структуру атома. При энергиях в двадцать миллионов электрон-вольт удалось рассмотреть строение атомного ядра. А желание увидеть структуру протонов, нейтронов и других частиц заставило идти к еще большим энергиям. Сейчас в ядерный «микроскоп» человек видит частицы, которые во столько же раз меньше гена, во сколько раз ген меньше земного шара.

Стремление к большим энергиям заставляет сооружать крупные и дорогие ускорители: многотонные магниты протяженностью в несколько километров со скрупулезной точностью устанавливаются на особых фундаментах. Каждый такой ускоритель заставляет работать на себя многие отрасли индустрии, требует крупных государственных затрат. А эффективность не слишком велика. Физики приводят пример с мухой и паровозом. Представим себе, что летящий на всех парах паровоз сталкивается с неподвижной мухой. Вряд ли на это столкновение он затратит много энергии. Точно так же и частица, летящая почти со скоростью света, увеличивая свою массу в тысячи раз, при столкновении с легкой покоящейся частицей — мишенью тратит до обидного малую часть своей энергии. Основная же ее часть остается в виде бесполезной энергии движения паровоза и мухи.

В поисках более рациональных и дешевых методов ускорения частиц ученые обратились к идее встречных пучков... Сама мысль не нова, даже тривиальна. Она является элементарным следствием теории

относительности Эйнштейна. Впервые на принципиальную возможность метода обратил внимание академик Я. Зельдович, но он считал его практически неосуществимым. В самом деле, можно пустить пучки частиц навстречу друг другу, но где гарантия, что они столкнутся? Ведь это все равно, как если бы Робин Гуд с Земли и Вильгельм Телль со спутника, вращающегося вокруг Сириуса, пускали стрелы навстречу друг другу, а мы бы ожидали, пока кончик одной стрелы попадет в кончик другой... Невероятно?

Мир элементарных частиц кажется нам отдаленнее, непостижимее, таинственнее, чем бескрайние просторы Вселенной. Полеты космонавтов и астронавтов, становясь привычными и уже не волную так, как в самом начале, тем не менее исподволь и бесповоротно меняют нас: мы как бы соучаствуем в изучении мироздания, и нашему мышлению становится тесновато в привычных рамках. С эмоциональной же стороны космические эксперименты, может быть, тем симпатичны, что обещают если не нам, то нашим ближайшим потомкам дальнейшее раскрепощение духа.

Очевидно, какие-то важные психологические сдвиги будут происходить с человечеством и по мере проникновения в глубь микромира, с появлением объясненной системы элементарных частиц, явивших науке тайну своего возникновения, короткой жизни и гибели. Затрудняюсь предугадать, чем это обернется для развития личности, какие стороны мыслительной и эмоциональной деятельности начнут, может быть, затухать, а какие станут быстро и даже гипертрофированно развиваться. Ясно только, что этот процесс неостановим: Робин Гуд и Вильгельм Телль все равно будут пускать навстречу друг другу стрелы, пока не столкнутся законечники,— за пытливость, мы знаем, можно лишать чинов, вырывать язык или даже сжигать на костре, но выбить ее из головы еще никому не удавалось.

Создать ускорители со встречными пучками частиц взялся А. Будкер.

По рассказам учеников физической школы Будкера и приверженцев его научных идей, далеко не каждый ученый отважился бы принять на себя ответственность перед государством и перед историей науки за судьбу нового направления и необычной установки в обстоятельствах, когда успешно развивались надежные и проверенные методы, когда строились и давали результаты мощные «нормальные» ускорители, один грандиознее другого. Ускорители поглощают такие средства, что в некоторых странах их осуществление называют национальной программой. И сами нации, обладательницы гигантских установок сверхвысоких энергий, испытывают чувство гордости за собственное интеллектуальное просветление. В Бухэвене (США) соорудили 30-миллиардный ускоритель, в Женеве — 28-миллиардный, в Серпухове размахнулся полутораклометровым кольцом 70-миллиардный ускоритель.

тель, самый большой в мире. А американцы задумали ускоритель на 500 миллиардов электрон-вольт.

Будкер принадлежит к типу ученых, испытывающих удовольствие от красоты самой идеи, но еще наделенных и способностью превращать эту радость в энергию практических дел. Такую гармонию идей и их осуществления высоко ценил Курчатов. По словам И. Н. Головина, беседы с Будкером приносили Курчатову «громадное наслаждение». Курчатова воодушевляла «неиссякаемая научная фантазия молодого ученого, его яркое физическое толкование явлений»¹⁰, и он привлекал его к решению важнейших проблем атомной науки и техники. Строительство первых ускорителей на встречах пучках не было торжественным маршем по ступенькам ядерной физики. И каждый раз, когда заходит речь о начале пути, сибиряки не забывают благодарно вспомнить курчатовское плечо.

Вот какую историю рассказали мне новосибирские физики.

Зимой 1959 года на ученом совете Института атомной энергии в Москве обсуждали первый в мире проект установки с античастицами. Его предложил Будкер. Курчатов разослал проект трем академикам, известным и авторитетным ученым. И получил заключения: проект неосуществим. И на ученом совете оппоненты темпераментно доказывали несостоятельность заманчивой с виду, но бесперспективной, по их мнению, затеи. Всем было ясно, что проект провален...

Курчатов пригласил Будкера к себе домой и сказал: «Будем готовить предложения правительству!»

«По-видимому, в само обсуждение оппоненты внесли столько накала и страсти,—вспоминал потом Будкер,—что опытный и трезвый ум И. В. Курчатова сразу же отметил всю серьезность дела. Идея не противоречит законам природы и чрезвычайно интересна, но практически неосуществима — таков был приговор маститых. Все, что не противоречит законам природы, можно осуществить, утверждали авторы. Игорь Васильевич доверился недавно переехавшим в Сибирь молодым физикам».

С тех пор девизом новосибирских ядерщиков стало изречение: «В науке дозволены все дороги, кроме тех, которыми уже шли».

Сибиряки попытались получить плотные интенсивные пучки элементарных частиц и пустить их в канале навстречу друг другу.

Установка ВЭП-1 состояла из двух колец радиусом сорок три сантиметра. А по энергии взаимодействия электронов она была равна ускорителю электронов классического типа на сто миллиардов электрон-вольт: такой энергии электронов не удалось пока получить ни на одном ускорителе мира. Но тот первенец уже демонтирован, новые ускорители ВЭП-2 и ВЭП-3 дали более высокую энергию, а с нею возможность систематически изучать вещество и антивещество.

Раньше люди были прикованы к дорогим и громоздким ускорите-

лям, как Прометей к скале: когда они созданы усилиями национальной индустрии, с ними не так скоро расстанешься и не примешься за другой. А в Сибири физики стали не рабами, а хозяевами ускорителей. Создали целую плеяду установок, рассматривая их как привычное экспериментальное оборудование. Когда первая установка перестала устраивать, ее разобрали, а вместо нее построили новый усовершенствованный ускоритель другого характера. Сибиряки могут себе позволить такое обращение с оборудованием, потому что затрачивают на него не так много средств и проектируют, изготавливают, собирают сами, как инструмент для исследований.

— Принято считать, — говорили мне физики, — что из ускорителя надо выжимать все, на что он способен...

— Что же плохого в этом лозунге? — сказал я.

— Скорее надо говорить о «максимальных удоях» на заданную сумму капитальных затрат. В этом смысле наши ускорители дают максимальные результаты на рубль капитальных вложений. И на каждого физика получается больший результат, потому что в Сибири вокруг наших ускорителей физиков неизмеримо меньше, чем вокруг любого другого ускорителя.

Сибирские физики приобрели свободу действий, когда отказались от привычных принципов. В частности, от традиционных огромных ассигнований. Решили строить свои главные ускорители методом «самокупаемости»: параллельно с мощными исследовательскими установками стали конструировать и на институтском опытном заводе собирать компактные промышленные ускорители. Ходовой товар! Стоимость новых ускорителей была такою же, как и прочих аналогичных установок, а «товарные качества» выше.

Промышленным ускорителем облучили кабель — сохраняя все свои обычные прекрасные свойства, полиэтиленовая изоляция стала еще и устойчивой к высоким температурам. Конструкторы обнимали институтских физиков: «Ребята, вы развязали нам руки!»

Облучили зерно. С хлебом ничего не случилось, но перестали размножаться амбарные вредители, от которых каждый год гибнет масса зерна. Облученный картофель и овощи стали сохранять все свои качества дольше обычного, и даже при длительном путешествии в Заполярье они выглядели, как будто только с гряды.

Медики сообщили, что лечение рака протонами эффективнее рентгенотерапии и гамматерапии. Запросили у физиков дешевые и простые ускорители для лечебных целей. Геологи возлагают надежды на луч ускоренных частиц, способных отыскивать на большой глубине полезные ископаемые. Выяснилось, что луч может заглянуть в глубину бетона или металла и отлично выполнять контрольные функции... А Будкер уже рисовал новые картины: «Ярко светящийся луч ускорителя, выпущенный в атмосферу, окружен клубами бурого дыма. Это горит

воздух: хорошо известный процесс соединения азота с кислородом. Высокая эффективность и большая мощность новых ускорителей делают процесс получения азотной кислоты из воздуха и воды экономически выгодным. Недалеко время, когда из огромных кубов высотой в многоэтажное здание поезда станут вывозить продукцию ускорителя — тысячи тонн азотных удобрений»¹¹.

Фантастика?.. Да, сказал бы я, если бы к этому не имел отношения Институт ядерной физики.

— Это наш знаменитый круглый стол,— показывали мне в институте,— весь аппарат лицом к директору, и все видят друг друга. У нас есть свои обычаи: за столом никто не добивается каких-то своих целей. Каждый только старается, чтобы его мысль была другими понятна. Если кто-нибудь начинает исподволь добиваться преимуществ для своей лаборатории, Будкер останавливает: ты умен, а рядом еще двадцать девять человек, и неизвестно, кто умнее...

Я очень сожалел, что не сумел повидаться с Будкером, он был болен, врачи не выпускали его из дома. Но под конец дня я все же решился позвонить к нему на квартиру.

В трубку услышал: «Приезжайте!»

...И вот мы сидим в креслах перед коттеджем под соснами. Будкер ворошит палкой старую листву на сырой земле; я чувствую, каких усилий стоит ему каждое слово, и уже не спрашиваю ни о чем, но он сам, делая паузы, говорит об элементарных частицах, а мне неловко и останавливать, желая поберечь его силы, потому что он оживился, рассказ ему этот, как видно, приятен, и мне остается запоминать.

— Пока нет управляемого термоядерного синтеза, слова о том, что человек на земле всесилен — большое преувеличение. Зато овладев энергией термояда, люди станут действительно могущественны. Они сумеют растапливать айсберги, перекачивать реки, менять климат. Дождя, который падает на крыши электростанций, будет достаточно, чтобы станция круглосуточно и бесперебойно вырабатывала электроэнергию из воды. Новое ядерное топливо — дейтерий — можно черпать из морей и океанов. Наступит эра, когда в руках человека будет больше энергии, чем он сумеет тратить. Термоядерная энергия не будет связана с дымом, пеплом, осадками. В отличие от урановых реакторов, новые установки не будут давать радиоактивных отходов, исчезнут проблемы удаления и захоронения вредных веществ. Грубо говоря, в термоядерный реактор заливается вода (водород) и выходит гелий. То же происходит на Солнце, только наш процесс будет более быстрым и управляемым. Представляешь, нет?

— Андрей Михайлович,— спросил я.— Может случиться, что родины управляемого термоядерного синтеза станут Сибирь?

— Не исключено... Во многих лабораториях мира работы сейчас по термояду идут примерно на одном уровне. Управляемую термо-

ядерную реакцию могут получить в ближайшие три-пять лет в любом научном центре. Это дело физиков нашего поколения. Международное агентство по атомной энергии при Организации Объединенных Наций первую международную конференцию по термояду собрало в 1961 году в Австрии, вторую в 1965 году в Англии, а третью в 1968 году в Советском Союзе — в Новосибирском академгородке. Здесь советские физики впервые сообщили об устойчивом удержании плазмы в замкнутых ловушках. По мнению зарубежных атомников, Сибирь стоит в ряду ведущих термоядерных центров мира.

...Пора прощаться, но уходить сейчас все равно что закрыть книгу научной фантастики, когда только начал вчитываться, увлекся сюжетом и хочется скорее взглянуть на последние страницы.

— Как мы получили антиматерию, рассказывали, нет?

Да, в институте мне показывали установку, где впервые получили сгусток антиматерии — он существовал часами. При свете «луча из антимира» фотографировался Жорж Помпиду: президентам европейских государств не так часто выпадает случай оставить потомкам свой портрет в свете античастиц.

— Видишь ли, антиматерия является единственным известным сегодня источником энергии, способной доставить человека за пределы Солнечной системы, к далеким звездам, к иным мирам. Всех запасов термоядерной энергии морей и океанов не хватило бы для такого путешествия. А имея десять тонн антиматерии при скорости, близкой к скорости света, можно лететь к звездам, вернуться обратно младше своей жены, а если повезет, то и младше своего сына. Вот тогда и появится проблема «отцов и детей»! Ведь пока отец был в ракете, сын развивался в цивилизованном обществе и стал старше отца не только по развитию, но и по возрасту. Кто кого должен слушаться?.. Но шутки в сторону. Я думаю, что это не завтрашний день и не нашему поколению использовать энергию антиматерии. Хотя я бы не удивился, если бы через сорок-пятьдесят лет антиматерия была освоена практически. Сейчас эта проблема выглядит так же, как в тридцатые годы людям представлялись проблемы ядерной энергии.

— К чему все это может привести, в конце концов? — спросил я.

— Не исключено, что существуют антизвезды и антипланеты. Тогда путешествие к антимиру будет путешествием за золотым руном, за неисчерпаемым источником энергии. Если прибуксовать к Земле маленький островок антивещества, то это даст энергии больше, чем ее содержится во всем Мировом океане. Воображаешь, нет?

...Возвращаюсь ночным лесом в гостиницу «Золотая долина». На память приходит история, услышанная в Институте ядерной физики. Будкера пригласили в США, в лабораторию Стэнфорда, известную исследованиями элементарных частиц. Всем хотелось увидеть физика-ядерщика из Советского Союза, да еще из Сибири. За Уралом, в та-

инственной и сумрачной стране, изучают структуру атомного ядра и проблемы термоядерного синтеза — это звучало если не парадоксально, то, по меньшей мере, сенсационно. Конференц-зал был полон, на ступеньках в проходе между рядами сидели, поджав или скрестив ноги, студенты. И когда Будкер закончил доклад, смахнул тряпкой формулы с грифельной доски, в зале возник шум. Американцы обступили гостя, пожимали руки, приглашали на коктейль, удивлялись неожиданным результатам, а руководитель лаборатории профессор Пановски развел руками:

«Надо подумать, не перебраться ли нам на Аляску!»

Старые полярники помнят, как весной 1920 года по Тверской улице Москвы громыхали три извозчичьи пролетки, сопровождаемые вооруженными охранниками. В пролетках лежало по два туго набитых дерюжных мешка с пломбами Государственного банка. Это были 50 миллионов рублей бумажными денежными знаками. Их выдали по решению Президиума ВСНХ на организацию Северной научно-промысловой экспедиции. Случись на улице прохожий, осведомленный о содержании мешков, он бы с горькой усмешкой подумал об истерзанной революционной России, где в час исторических испытаний швыряют деньги на ветер.

Деньги — на ветер Арктики.

Между тем высокоширотные экспедиции изучали Северный морской путь, выявляли производственные возможности Заполярья, обеспечивали первые сквозные плавания в одну навигацию, доказывая экономическую выгоду соединить сплошной водной магистралью порты Атлантического и Тихого океанов. Скоро на всем арктическом побережье в укромных скалистых бухтах появились порты и станции, обеспечивающие безопасность плавания в ледовитоморских водах. Ледокольные пароходы «Сибиряков», «Челюскин», «Литке» будоражили воображение миллионов людей, и какое мальчишечье сердце не замирало при этих названиях, кто во дворе дома или в детском саду не играл тогда в полярников... В мае 1937 года И. Д. Папанин, Е. К. Федоров, П. П. Ширшов, Э. Т. Кренкель высадились на льдине и подняли флаг первой в мире дрейфующей станции «Северный полюс-1».

Мы не знаем пока, отчего миллионы лет назад, формируя себя во вселенском пространстве, расщепляя атомы и соединяя их в новые комбинации, наша планета оказалась особо щедрой к высокоширотным районам и при каких обстоятельствах возникали под земной корой и тянулись к северу нефтяные моря, золотые россыпи, алмазные трубки, угольные пласты, оловянные, медные, никелевые жилы, по каким законам именно в самых суровых и труднодоступных местах образовались хранилища потенциальных природных ресурсов мира. Может быть,

космическая геология, вторгаясь в зоны вечных льдов, неизученных высокогорий, морского дна обнаружит, наконец, механизм происхождения земной коры и закономерности размещения крупных геологических структур. Тогда земляне еще увереннее и точнее будут обнаруживать на Крайнем Севере новые залежи, провинции, бассейны природного сырья, изумляя живущих неожиданными открытиями. И если бы, предположим невероятное, если бы люди больше ничего и никогда не нашли в высоких широтах, если бы уже ничем новым не пополнились наши знания заполярной стороны, то даже и в этом случае, на уровне только известных возможностей, северная шапка планеты все равно считалась бы главным запасником ресурсов для научно-технического прогресса в будущем.

Но уже сегодня модель экономики Советского Союза немыслима без районов Крайнего Севера. Затраты государства на освоение североазиатских пространств площадью 11 миллионов квадратных километров исчисляются не миллионами, а миллиардами рублей. Нарастают масштабы и темпы комплексного освоения природных ресурсов, в дело вовлекаются не только полезные ископаемые особой ценности (золото, алмазы), но и массовые виды сырья — нефть, газ, каменный уголь, железная руда, лес, цветные металлы. И вот ведь что интересно: в недрах арктической и субарктической зоны обнаруживаются именно те виды ископаемого сырья, в которых нуждаются современные и только еще возникающие отрасли индустрии — народное хозяйство завтрашнего дня. Это нефть и газ, важные для новых технологических процессов (к примеру, для выработки электроэнергии путем прямого превращения энергии газа в электричество в топливных элементах и на магнитно-гидродинамических генераторах) или для развития полимерной промышленности, способной дать северным районам материалы с заданными свойствами. Это никель, медь, молибден, хром, другие цветные и редкоземельные металлы, позволяющие легировать сталь и развивать машиностроение, пригодное для работы при экстремальных температурах не только на земном шаре, но и в космосе. Это олово, лес, вода: без них какой же научно-технический прогресс?

Основная трудность освоения природных ресурсов Севера — суровый климат... Пожалуй, нигде больше на нашей планете не встретишь такого широкого распространения низких температур. В районе Оймякона (Восточная Якутия) расположен полюс холода, а годовые колебания температуры в некоторых местностях превышают 100 градусов по Цельсию: скажем, от пятидесяти градусов жары до шестидесяти мороза. Строить надо на вечной мерзлоте, в морозных туманах, при особом растительном покрове, в полярные дни и в полярные ночи. Это требует самостоятельных решений во всем: в стратегии, в экономике, в формировании трудовых коллективов. Еще недавно физико-географическая среда Севера была предметом более или менее верных и все-таки

приближенных описаний. Возникали разного рода ошибки. Пока объемы производства были не слишком велики, то и просчеты не так бросались в глаза. При нынешнем же развороте работ, когда на хозяйственное освоение направляются миллиарды рублей и речь идет о судьбах всей советской экономики, просчеты оборачиваются крупными потерями в народном хозяйстве. Крайнему Северу понадобилась опора на фундаментальные и прикладные науки.

Что же надо Северу?

Однажды в Москве я попал на юбилейное собрание ветеранов освоения Заполярья. Тут были открыватели месторождений угля, золота, полиметаллических руд, были гидрологи и метеорологи, известные всей стране ученые, заслуженные полярные летчики и капитаны ледоколов, а в группе молодых людей размахивал руками Папанин... Я проходил по фойе, останавливаясь и вглядываясь в лица, как будто с каждым шагом возвращался в волшебные миры своего детства. До слуха доносилось со всех сторон: «А помнишь, как Отто Юльевич Шмидт собрал на «Седове» Воронина, Визе, Самойловича, усадил их за стол и...» — «Да нет же, это Водопьянов предлагал направить к полюсу большой самолет, несущий на себе маленький самолетик...» — «Блеснул на западе румяный царь природы, и изумленные народы...» — декламировали в углу старички, дирижируя друг другом, — не знают, что начать: ложиться спать или вставать!» — хором повторяли они любимые строчки. Эти люди сохранили в себе до глубокой старости черты пионеров. И может быть, самое главное, что сделали эти первые для развития производительных сил Северной Азии, заключается не столько в решении новых технико-экономических проблем (свайный метод сооружения фундаментов на вечномёрзлых грунтах, применение ледокольного транспорта, идеи морского подледного транспорта и т. д.), сколько в постепенной коллективной разработке особой региональной или зональной политики по отношению к северным территориям.

Многие наши беды при освоении новых территорий происходят оттого, что проекты развития производительных сил опережают изученность и научно-техническую подготовку площадей, предназначенных для индустриализации. Было время, когда плановики бесстрашно размечали на карте северной земли новые рудники, поселки, города, опираясь на формы и методы, уже испытанные и оправданные в среднеширотных районах. Но Север быстро образумил! И стало ясно, что тут нужны иные мерки и специальный подход. Научные и проектные институты стали разрабатывать северную тематику. Для координации исследовательских работ в 1954 году создали Комиссию по проблемам Севера при президиуме Академии наук СССР, а с 1960 года она стала называться Межведомственной комиссией по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР.

Во время северных поездок мне не раз встречались в гостиницах

или в самолетах члены этой комиссии, старые полярники, привыкшие к весне без пения жаворонков, к осени без багряных лесов, к черной пурге, к сильным ветрам, к яркому солнцу и к снегам с такою ослепительной блестякостью, что невозможно на них смотреть без дымчатых очков. Они разработали гипотезу развития производительных сил районов Северной Азии на длительный период.

В марте 1969 года ученые съехались в Якутск — договориться о стратегии освоения Крайнего Севера. Древний приполярный город лежал в снегах. Снег не обошел и башню старинного острога. Башня похожа на ледяное сооружение детской площадки в школьные каникулы: кажется, сейчас раскроются массивные ворота и понесутся вниз пестрые санки с детворой. А между тем эта сосулина веками стояла среди лесотундры сторожевым неприступным постом. Собственно говоря, кто может поручиться, как будут выглядеть через столетия самые строгие раритеты сегодняшнего дня?

Солнце такое щедрое на ультрафиолетовые лучи, что у приезжих на третий или на четвертый день лица становятся бронзовыми, как у коренных жителей. Отличить гостей можно разве что в фойе драматического театра в дни работы конференции: местные товарищи толпятся у прилавков с якутскими сувенирами, а приезжие москвичи, ленинградцы, новосибирцы, иркутяне стоят невозмутимо в стороне. Их обеспечивают через гостиницу. «Мы хотим довести коэффициент полезного действия гостей до ста процентов,— объясняли мне ситуацию.— Времени у них мало, а дела много». Устроители конференции поступили мудро: к приезжим ученым и без того не протиснуться. Якутские экономисты их не отпускают ни на шаг, на ходу спрашивают совета, шепотом на заседаниях получают консультации, в машине по дороге в гостиницу или из гостиницы к театру обсуждают свои тезисы. И я до сих пор затрудняюсь восстановить подробности, как мне все же удалось в один из перерывов увлечь доктора экономических наук С. В. Славина за собой в артистическую комнату, усадить перед зеркалом и повернуть ключ в двери, чтобы никто не вошел хотя бы несколько минут.

Славин больше сорока лет занимается северными территориями. Это крупный теоретик форм и методов освоения Северной Азии, он возглавляет Междудеведомственную комиссию по проблемам Севера, его труды хорошо известны в ученом мире. Было бы непростительной журналистской оплошностью упустить возможность этой встречи. Больше всего, помню, меня поразило в тот момент, что Славин несколько не удивился бесцеремонности и не пытался протестовать, а был послушен, как пленный или как узник.

— Самуил Венедиктович,— сказал я,— простите за насилие над личностью, но я решил вас похитить исключительно в интересах Севера.

Славин покорно кивнул головой и поднял на меня печальные гла-

за. Мне показалось, он настолько привык за эти суматошные дни к неожиданным обращениям, что уже слабо различал, кто и зачем перед ним, на его лице я видел и усталость, и возбуждение, и готовность удовлетворить любознательность всех, у кого к нему дело.

— Я хотел спросить, чего ждет Север от науки.

Славин стал говорить, словно бы продолжая прерванную беседу:

— Т-теперь о науке... Видите ли, Север только на карте выглядит сплошным белым куском. В действительности он состоит из различных районов. Каждый требует особых методов освоения. Потому забота первой важности состоит, пожалуй, в том, чтобы создать научные основы регионального подхода к северным территориям. Только на этом пути мы сумеем свести до минимума удорожающие факторы и сделать северное хозяйство образцовым — по организации освоения и по эффективности производства.

— Где такой подход уже осуществлен?

— Где осуществлен... Я бы назвал северную часть Западно-Сибирской низменности. На площади два миллиона квадратных километров развернулся мощный комплекс из промышленных узлов и центров. Нефть, газ, лес или их сочетания вызвали к жизни новые города и рабочие поселки, притянули к себе десятки тысяч людей. В перспективе на северное Приобье придется не меньше трети всех капиталовложений зоны Севера. Здесь и внедряют новый региональный подход. Назову наклонное кустовое бурение скважин. На небольшой площади группируются устья множества скважин, уходящих в недра наклонно и в разные стороны. Такой куст становится промышленным центром со вспомогательными службами. Буровые бригады работают почти как на заводе. Наука предложила и особые типовые схемы для измерения и контроля всех параметров работы скважин. Из диспетчерского пункта при помощи автоматических устройств централизованно управляют технологическими процессами добычи и транспортировки нефти. Это сокращает сроки освоения месторождений и потребность в рабочих руках. Ведь содержание каждого человека на Севере обходится весьма дорого. Могу вам сказать, что больше сотни научных и проектных учреждений сейчас разрабатывают новые образцы машин, оборудования, технологических схем, приспособленных к экстремальным условиям Севера.

— И все же тундра, болота, льды...

— О льдах... Современная наука располагает возможностями обрабатывать «зло» северных земель в их «благо». Ведь лед — прекрасный инженерный материал. Я вижу ледовые склады, плотины, дороги, аэродромы круглогодочного действия...

— Круглогодочного? — переспросил я.

— Круглогодочного... Если применить пенистые синтетические материалы, лед будет прекрасно защищен от тепловой радиации. Аэродром

сумеет зимой и летом принимать самолеты, даже если ледовое поле будет залито жарким солнцем, а у кромки взлетно-посадочной холодной полосы начнется цветущая тундра.

— А лед, он выдержит тяжелые самолеты?

— Есть опыты. Если армировать лед древесным или хлопковым волокном, его прочность увеличивается вдвое, а если применить для этой цели стекловолокно, то прочность возрастет в восемь раз. Уверен, что очень скоро лед станет незаменимым строительным материалом Арктики и Субарктики.

— Жаль только, из-за этих льдов нельзя круглый год использовать Северный морской путь.

— Н-не могу согласиться! Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт считает реальной именно круглогодичную навигацию. Есть разные способы: создание флота для подледного плавания или прокладка новейшими средствами судоходного канала в зимнем льду. Я уверен, что Севморпуть станет широтной транспортной магистралью круглогодичного действия и заставит нас по-новому подойти к освоению Заполярья и прилегающих к нему районов... Но вам не кажется, что уже был третий звонок и пора меня выпустить на волю?

Прохожу в зал и сажусь на свое место, рядом с якутскими мерзлотоведами, чувствующими себя на этой конференции законодателями завтрашних проектов. Они записывают выступления, посылают записки, с места задают вопросы и выглядят возбужденнее других. Это наследники одной из самых старых научных северных школ. Своим праотцем мерзлотоведы называют неутомимого россиянина Ф. Шергина, отважившегося десять лет, с 1827 по 1837 год, рыть в Якутске шахту глубиной больше ста шестнадцати метров. В этой шахте Российская Академия наук проводила первые наблюдения за вечной мерзлотой. Институт мерзлотоведения Сибирского отделения сегодня — единственный в нашей стране центр по комплексному изучению мерзлых зон земной коры, занимающих почти половину территории Советского Союза. Гости Якутска, далекие от геотермических проблем высоких широт, обычно приходят в трепет, попадая в полутемное институтское подzemелье, в царство вечного льда, где у мерцающей ледяной стены лежит мохнатая шкура мамонта. А между тем действительная экзотика начинается двумя этажами выше. В залитых люминесцентным светом комнатах люди в белых халатах работают у моделирующих установок и на счетно-решающих устройствах. Здесь распознают происхождение и развитие вечной мерзлоты, одной из великих загадок северной природы. По мнению ученых, под ледяной корой, на большой глубине, шумит особое рассоловое море, богатое ценными веществами, в том числе тяжелой водой («термоядерным топливом») и газовыми гидратами («твердым газом»).

Мерзлотоведы изучают физическое строение ледяной толщи, при-

чины ее образования, ее аномалии и ее развитие, но до знакомства с институтом я никак не мог представить, что за этими работами нетерпеливо следят горняки, строители, изыскатели, конструкторы. Полагаясь на выводы ученых-мерзлотников, в Якутии стали строить под землей, в глубине вечных льдов, сооружения без искусственных креплений. Научились возводить на ледяной подушке многоэтажные дома, прокладывать газопровод, проходить шахтные стволы, разрабатывать золотоносные и алмазоносные россыпи. В институте мне рассказывали, как выручали жителей центральных районов республики, страдавших без воды. Летом пересыхают речки и ручьи, а в озерах вода не пригодна не только для питья, но даже для элементарных хозяйственных нужд. Где взять чистую пресную воду, когда до могучей Лены и до ее притоков сотни километров по лесотундре?

Мерзлотоведы обнаружили чистую воду там, где ее меньше всего ожидали — в земных толщах под аласами (котловинами) и аласными озерами. Никто пока не знает, как и когда образовались эти глубинные подземные воды, отчего они скопились именно в этих местах, много ли подводных морей в недрах республики. Это еще предстоит изучить, но пока ведутся исследования, пока строятся планы и рождаются проекты на далекую перспективу, уже тысячи северян из отдаленных селений получили воду. Понять их радость могут разве что жители жарких пустынь! «Не успевают наши труды дойти до прилавков книжных магазинов,— рассказывал мне директор института член-корреспондент Академии наук СССР П. И. Мельников,— как их уже переводят и издают в странах, имеющих вечномерзлые грунты. В США, в Канаде, Норвегии, Швеции, Финляндии...».

...В нашем ряду вижу и якутских космофизиков — Ю. Г. Шафера, А. И. Кузьмина, Д. Д. Красильникова... Несколько дней я провел у них в Институте космофизических исследований и аэрномии, диву даваясь, как много тут ученых с мышлением теоретиков и с руками мастеровых людей. Почти девяносто процентов — местные жители. Они показывали созданные ими приборы для изучения космических лучей и полярных сияний.

Тут и система установок «ШАЛ» (широких атмосферных ливней), и подземные регистраторы элементарных частиц, и аппараты, поднимаемые в атмосферу и даже предназначенные для спутников Земли. В моем блокноте запись: «Основные научные направления института — изучение электромагнитных свойств околоземного, межпланетного и межзвездного пространства методом вариаций космических излучений, выявление природы полярных сияний, ионосферных и геомагнитных возмущений, прерывающих радиосвязь, и т. д.».

Поскольку назвать меня дилетантом в области космофизики было бы некоторым завышением моих истинных представлений о предмете, то нет нужды и объяснять, отчего интерес у меня возник первым делом

к полярным сияниям. Это хоть что-то говорило мне. О, волшебство тиксинских арктических ночей! Скрип летящих нарт, комья снега из-под оленьих копыт, редкие тени на разноцветном снегу, а над головою во все небо праздничный фейерверк, взрыв нежных пастельных красок, замороженных и сохраненных в прозрачном светящемся воздухе... Печально я разглядывал запавшую в душу феерию на пронумерованных черно-белых фотографиях: исчезли переливы, игра, очарование — осталась «лабораторная продукция». Оказывается, с недавних пор создана единая мировая сеть патрульных наблюдений за полярным сиянием: на разных широтах в ночное небо нацелены объективы фотокамер и киноаппаратов. Природу этого явления выяснить пока не удалось никому. А наблюдения якутских космофизиков привели к новым загадкам: отчего над одними районами сияния бывают чаще, а над соседними реже, почему кое-где сияния повторяют очертание ледовитоморских берегов, какая связь между сияниями и рельефом местности? «Не исключено, что разгадка тайн полярных сияний приведет нас к познанию новых закономерностей природы, и сегодня даже трудно вообразить, какие горизонты это откроет перед научно-технической революцией», — рассказывал мне Владимир Самсонов, первый из якутов исследователь полярных сияний.

Институт космофизических исследований и аэронавигации ведет наблюдения за искусственными спутниками Земли, дает прогнозы безопасности космических полетов, помогает устанавливать на огромных пространствах надежную радиосвязь.

Думаю, что мы недооцениваем значение для Севера связи вообще, в частности, радиосвязи. Конечно, здорово, что в чумы оленеводов пришла «спидола», а кое-где в бригадах появилась рация. Мы пишем об этом во всех северных очерках уже лет десять, а то и пятнадцать, как о приметах времени. И умалчиваем, что по нынешним техническим возможностям телеграфно-телефонная связь тут пока в зачаточном состоянии. Мало квартирных телефонов, слаба сеть телетайпов. И если вам приходилось пережить пургу где-нибудь на Таймыльере и пытаться установить связь с райцентром или со столицей республики, не говоря о соседнем селении, если вы впадали в отчаяние от бессилия и теряя самообладание, то легко вообразите иные ситуации, когда без надежной многоканальной связи северянам приходится туго. Очевидно, что современные средства связи, как и развитый транспорт, помогли бы осваивать новые территории на принципиально ином уровне. Может быть, пришла пора составить государственную программу развития связи на Азиатском Севере¹².

Но прочь воспоминания — к трибуне вышел контр-адмирал В. Ф. Бурханов, хорошо знакомый полярникам: он много лет возглавлял Севморпуть, выдвинул массу новых идей и внедрил на арктических землях шапку, отороченную росмахой, чтобы не смерзалась на мо-

розе, ее до сих пор называют «бурхановкой» — я сам носил «бурхановку», долго оставаясь в неведении об этимологии названия.

Зал утих, приготовившись к неожиданностям, но первые же бурхановские слова вызвали шум и гул. Я не успевал записывать дословно и теперь передам только смысл. Нет нужды, говорил Бурханов, увлекаться заселением Крайнего Севера и повсюду строить города. Зачем? Людям свойственно жить там, где им лучше, в южных сибирских городах, со здоровым климатом, с достатком солнца, фруктов, овощей. А использовать природные ресурсы северных земель можно экспедиционным или вахтенным способом. Специалисты выезжают в Заполярье и две-три недели живут в комфортабельной гостинице со всеми удобствами, с библиотекой и плавательным бассейном. А после возвращаются в город, к своим семьям, к прерванной на время учебе и к развлечениям. Их сменяет доставленная вертолетом или дирижаблем новая вахта.

Выступление Бурханова вызвало протестующие возгласы, хотя его пафос сводился к призыву поразмышлять спокойно и непредвзято... В самом деле, Крайний Север советские люди обживают уже во втором и третьем поколениях; десятки тысяч убежденных сединою работников отдали суровому краю лучшие годы жизни, привязались к нему нераздельно, оставляя детям и внукам эту землю, уже как единственную, как родимую. Преемственность опыта помогает умнее осваивать новые территории. И возможно, будь в северных городах побольше институтов, техникумов, специализированных учебных заведений, молодежь бы не так часто покидала край. Убедительны и выводы медико-географических исследований: хотя природные условия в арктической пустыне, в тундре и лесотундре суровы, грозят бедою на каждом шагу, хотя человек здесь все еще испытывает недостаток в полноценных витаминах и в ультрафиолетовом облучении организма, хотя чередование долгой полярной ночи и полярного дня иных угнетает и подавляет, все-таки в принципе можно создать благоприятные условия, при которых сравнительно быстро и безболезненно происходит акклиматизация людей.

Вопрос стоит иначе — везде ли на северной земле понятия «освоение» и «заселение» должны быть взаимосвязаны?

Идея вахты сама по себе не должна бы обескураживать. Идем ли мы работать на смену, сторожим ли ночью склад, дежури́м ли сутки, уходим в поле или в море на три-четыре месяца, зимуем ли год на дрейфующей льдине — мы несем вахту. И опыт студенческих строительных отрядов, выезжающих каждое лето на сибирские стройки, часто на те самые стройки, о которых идет спор, как их лучше осваивать, этот опыт тоже укрепляет позиции сторонников вахт или экспедиций. Речь идет, стало быть, не о принципе, а о границах применения старого и испытанного метода.

Можно ли использовать вахтенный способ для первоначальной эксплуатации месторождения, пока не возник поселок или город для стабильного населения?

А если запасы природного сырья в этом районе не слишком велики и рассчитаны на небольшой срок горных работ, так, может быть, вообще не затевать постоянных поселений и ограничиться вахтенно-экспедиционным способом?

В каждом случае вахту должны проектировать с участием экономистов, социологов, медиков и, конечно же, архитекторов, понимающих толк в запросах современного человека и небольшого коллектива людей, согласных жить какое-то время в своем отдельном мире.

Идею вахт поддержали многие ученые. По прогнозам, к 2000 году Север будет оснащен техникой особых габаритов и высокой производительности. Ей понадобятся небольшие группы специалистов. «Здесь люди будут работать определенное время: потом уедут на юг, откуда на их место приедут сменщики. На юге Сибири будет жить основное население, потому что содержать семьи на севере, в суровых климатических условиях нерационально, неудобно, глупо», — писал М. А. Лаврентьев¹³.

В начале семидесятых годов в советской прессе возникла полемика вокруг идеи вахтенно-экспедиционного освоения пионерных территорий. Одни приводили новые доводы в пользу идеи, другие называли ее «экономикой перелетных птиц». Года два спустя после якутских встреч я снова увидел Бурханова.

— Ну, а как же вахты? — поинтересовался я.

— Идея пробивает себе дорогу! — кивал он.

— И вы уверены, что ни к чему Северу новые Норильски?

— Вряд ли понадобятся за шестидесятой параллелью новые крупные города. Заселение Крайнего Севера никогда не было самоцелью, а только средством взять дефицитные ресурсы и обеспечить нормальные условия для тех, кто там живет.

Слушая Бурханова, я думаю о том, что вахтенный способ пробьет себе дорогу и будет не единственным, а равноправным среди других. Но как же важно при этом с научной безупречностью определить продолжительность работы и отдыха, вахтовые и межвахтовые дни, чтобы не получалось, как иногда бывает в портовых городах, когда рыбаки возвращаются на несколько дней с деньгами, «жадные до жизни». В их глазах вся планета в эти дни оборудована для веселья. И потом снова прощаясь с берегом, глядя с кормы, как растет кромка воды между пирсом и траулером, пытаются вспомнить звездные береговые часы, а что вспоминать, когда тяжело хмельной голове, прислоненной к борту. Эту сторону лучше не упускать из вида, когда намечают вахты и базовые города: тут науку надобно соединить с опытом, в том числе и не радостным.

В пользу вахтенного или экспедиционного метода свидетельствует и практика освоения зарубежного Севера. Там тоже стараются перенести, сколько возможно, все вспомогательные отрасли из районов с высокими издержками производства в обжитые среднеширотные районы с низкими издержками. И заменить громоздкие коллективы строителей небольшими мобильными вахтами, хорошо оснащенными техникой. Так соорудили гидроэлектростанцию Черчилл-Фоллс мощностью 5,2 миллиона киловатт на севере Канады. Объединяя по три комфортабельных автоприцепа, создали нечто вроде гостиничных комплексов, каждый из десяти комнат на двадцать человек. В этом «мобильном городке» с электроэнергией, центральным отоплением, водопроводом, торговым и культурным центром, телефонной станцией и даже с церковью жили свыше трех тысяч человек. Самолеты доставляли из центральных районов страны вахту на три недели. После строителям давали недельный отдых. Так появилась гидроэлектростанция, а рядом капитальный благоустроенный поселок на тысячу человек — для будущих энергетиков и их семей. Городок же на колесах перекочевал на новую стройку. И не пришлось строителям гидроэлектростанции сначала воздвигать для себя жилье, а с ним магазины, больницы, школы, и с этой целью сооружать новые дома для продавцов, врачей, учителей и создавать сферу обслуживания для обслуживания еще и этой сферы — сэкономили живой труд.

Будем критичны к зарубежному опыту, связанному с частной собственностью и конкуренцией. Но при наших масштабах промышленного освоения новых территорий и формирования индустриальных комплексов не лишне сверять свои шаги с тем, что уже проверено технико-экономической практикой.

До Северного полюса оставалось триста пятьдесят морских миль.

Перебросив карабин на другое плечо, я потуже стягиваю заиндевелый по краям капюшон и продолжаю обход лагеря. Лед глубоко дышит, пружинит под ногами, руки в шерстяных перчатках, а поверх еще и в варежках, неловко расходятся в стороны, сохраняя равновесие телу, защищенному арктическим костюмом.

Пасмурное небо время от времени стряхивает снег; все зыбко и размыто в косых белесых струях, и по освещенности не угадать, середина ли теперь ночи или уже разгар утра; плывут полушария палаток, раскачиваются мачты, два гидролога совершают у лебедки замедленные действия, словно мимы исполняют заученный танец. И как в перевернутом мире, отрывается от сугробов и поднимается медленно в небо гигантская слеза радиозонда.

Это дрейфующая станция «Северный полюс-15».

С полярной вершины земли мне виделась Сибирь вся разом, с ее историей и судьбой. В сущности, думалось мне, каждый народ, боль-

шой или маленький, пытается на свой лад представить будущее своей земли — в мифах, религиозных пророчествах, социальных утопиях, и сквозь причудливые фантазии иногда прорастают гениальные догадки.

В нынешние просвещенные времена человек полагается на предвидение, ищет обоснованный научный прогноз, но и этого мало его уму. И он поглощает художественную фантастику, слушает мнения авторитетов, заставляет работать собственное воображение: к чему же мы идем, в конце концов?

Будущее Сибири издавна занимало умы и возбуждало страсти, особенно тех, кто хоть однажды ощутил в груди распирающую силу азиатского пространства. Правду говорят — кто побывал в Сибири, становится хотя бы немного, но уже другим человеком, с новыми представлениями о больших величинах. И как бы ни различались политические взгляды, концепции, прогнозы — у всех общее понимание, что тут имеют дело с чем-то из ряда вон выходящим и непригодным для привычных обмеров.

Так размышлял я, дежуря по лагерю и наблюдая издали, как мои новые друзья-зимовщики долбят лунки, опускают приборы, берут пробы льда и воды, снимают показания приборов на метеоплощадке. Метеоролог-актинометрист Жора Кизино с аэрологом Володей Чичигиным тащат в упряжке глыбу льда на жестяном листе. В эти дни полнолуния здесь самые большие приливы, часты торошения льдов и надо забивать глыбами трещины, чтобы они смерзались, не расползаясь по паковому льду. Ко мне движется, согнувшись под ветром и чуть подпрыгивая, как водолаз на дне моря, Володя Панов, начальник дрейфующей станции. Снежные брови и заиндевевшие ресницы. «В пятнадцать ноль-ноль идем простреливать аэродром! — кричит. — Все идем!» — «Ясно!» — кричу в ответ. Через пару часов мы отправимся через торосы к соседней белой пустыне очищать кайлами и лопатами передуву на взлетно-посадочной полосе, единственной пристани нашего лагеря.

Мы в самом северном научном центре планеты.

Иду мимо трактора к радиорубке послушать последние известия. Радист Яша, бывалый зимовщик, только что кончил связь с мысом Шмидта и принялся соединять проволоки на щитке приборов. Устроившись с ним рядом на табурете, я облокотился на заваленный всякой всячиной стол, полузакрыв глаза, вслушиваясь в вести с большой земли и с некоторой завистью подумал о радисте, который на льдине будет не неделю и не месяц, а круглый год. «Тянет Север?» — спросил я его однажды. «Тянет... — улыбнулся Яша, — когда денег нет!»

Я ловил Иркутск, и в свисте, треске, пiske эфира предстало перед глазами Северное полушарие, в кружении гор, морей, лесов, и я снова был уже не здесь, на макушке планеты, а где-то там, в сибирских городах, у пылающих мартонов, в охотничьей избушке, сидел за баранкой

самосвала, груженного кимберлитовой рудой, следил за зеленой молнией осциллографа, тянул с ленскими рыбаками сети, собирал турбину и варил в котлах целлюлозу, я весь был там, и там я был везде.

Что ждет тебя, Сибирь? Хотя ни одно поколение не знало и никогда не будет знать в точности будущего — мы даже прошлого до конца не представляем себе — все же человеческий разум не буксует на месте. Разум развивается и стремится понять многие точки пока еще прыгающих перед глазами пунктиров.

— Это все игра воображения,— сказал радист Яша, снимая наушники.— На шарике может случиться такое, что угу-гу!

— Ты имеешь в виду...— насторожился я.

— Да, водородные бомбы!

— С ума сошел.

— Жертва печатной пропаганды!— бросил в мою сторону Яша и продолжал, воодушевляясь:— Американец Векслер из Бюро погоды США предложил взорвать над Ледовитым океаном водородные бомбы. Это повысило бы содержание влаги в атмосфере, сократило бы инфракрасное излучение и в конечном счете утеплит Арктику. Представляешь? Изменился климат Северного полушария, растаяли полярные льды, мы с тобой здесь купаемся, как в высокогорном озере. А в тундру пришли хвойные леса.

-- Вздор,— сказал я.— Бомбы над Северным полюсом!

— Или с высоты птичьего полета рассыпать над арктическими льдами угольную пыль. Мало ли у нас пыли? Увеличивается поглощение солнечной радиации, тоже растаивают льды, круглый год навигация. А то еще проще: расселить во льдах особые водоросли. Они будут разрушать торосы и паковые льдины не хуже солнечных лучей.

— Ну, ты и выдумщик!— удивился я.

— Или соорудить плотину через Берингов пролив.

— Поднимется уровень океана и затопит Европу!

Яша смотрел на меня с жалостью.

— Пожалуй, самый подходящий проект инженера Борисова. Мощными насосами перегонять ледовитоморские воды в Тихий океан. И увеличить поступление в арктический бассейн теплых атлантических вод. Пустить Гольфстрим к Северному полюсу!

— Забавно,— вздохнул я.

— Статьи Борисова тебе не попадались? Голова у него угу-гу! Жаль, он не коротковолновик, а то бы мы с ним вышли на связь...

Толкаю тугую дверь радиорубки.

Скрипят оторванные льдины, наваливаясь на старый паковый лед, взламывают и рушат торосы, вздымая рядом другие, тоже обреченные на слом. Стою перед свежим разломом, перед чудным зеленым экраном, и в снежной круговерти вижу иное время — новые лица, города, панорамы: куда же идешь ты, Сибирь?

ДОРОГА В XXI ВЕК

Ресурсы сегодня и завтра.—
Долговременные программы:
возможности, задачи.—
Сибирь в мировой
экономике.— На фермобиле
в будущее.— Иртыш повернул
на юг.— Плотина через
Берингию?

Двадцатый век вступил в последнюю четверть. Провидцы смиряются с обидной для себя ситуацией: утратило смысл поучать грядущие поколения, как им следует жить. Ведь и нам самим было бы странно совершать поступки под указку из минувших столетий. А наши потомки будут лучше нас знать законы развития природы, общества, мышления, они будут в большей мере свободны от невежества и предрассудков, а потому они сами сообразят, как им распорядиться наследством. Наши раздумья о будущем важны не столько для потомков, сколько для нас самих. Мы хотим постичь движение жизни и возможность творческой эволюции — это помогло бы нам быть увереннее при выборе дорог.

В быстро развивающемся обществе каждая сфера и любая грань могут вырваться вперед сегодня или завтра. Судьба Сибири не представляет исключения: еще долго будут стремиться в эти края искатели приключений, а все-таки стиль жизни формировать суждено не им, а стабильному населению, пестрому по происхождению, традициям, правам, но сплоченному единым духом первопроходцев и общими устремлениями. Будущее края связано с планомерным изменением огромных пространств земли. И может быть, оставаясь крупным поставщиком сырьевых ресурсов, машин и оборудования, продовольствия, оригинальных научных идей и технических разработок, эти районы окажутся впереди других прежде всего по «экспорту» новых и проверенных форм освоения пионерных территорий.

Это к вопросу об ответственности наших глобальных программ.

Прогноз развития Сибири перестал быть заботой отдельно взятой мыслящей личности, наделенной воображением; вре-

мя требует записать пророчества на перфокарту и рассчитать варианты на электронно-вычислительной машине. В наш век уже недостаточно предсказывать, что «Сибирь должна стать страной фабрик и заводов» (А. Бестужев-Марлинский)¹, или, напротив, что «Сибири еще на много лет предстоит быть страной, главным образом, сельскохозяйственной, добывающей и поставляющей на мировой рынок сырье» (П. Столыпин)², или быть уверенным, что в будущем «роль Сибири, страны между океаном, южной Азией и Россией, чрезвычайно важна» (А. Герцен)³. Провидцы нашего поколения объединились в исследовательские институты, создали научные школы и направления. И будущее, когда-то предсказанное в общих, до конца не ясных очертаниях, теперь предстало в виде экономико-математических моделей.

Прежде чем разгадывать шифры новых прогнозов, давайте разберемся в том, чем располагают сегодня восточные районы Советского Союза и что тут может направлять перспективу движения.

По исторической справедливости первыми среди природных ресурсов следовало бы назвать месторождения благородных металлов, привлекавших в свое время в сибирскую тайгу десятки тысяч людей, превращая на несколько дней нищих в миллионеров, счастливых возможностью в ближайшем кабаке под хохот веселящейся толпы и в жарких объятиях танцовщицы Соньки снова становиться нищими. Это было бы заслуженной данью давно минувшим дням. Но если взвешивать роль сибирского сырья в хозяйстве современном и прогнозировать его удельный вес в завтрашнем индустриальном мире, то предпочтение следует отдать подземным сокровищам, по времени открытия самым молодым, а по масштабам использования не имеющим себе равных.

Речь идет о нефти и газе.

К середине 70-х годов на болотах Западно-Сибирской равнины открыли больше ста пятидесяти крупных нефтегазовых площадей. Залежи уходят в глубины земли этажами.

Самотлор лежит на правом берегу Оби, среди полузаболоченных озер. Скважины здесь дают в сутки до тысячи двухсот, а порою и тысячу пятьсот тонн нефти. Но интерес в той счастливой особенности, что рядом с самотлорским расположены другие месторождения. Общую площадь, перспективную на нефть и газ, определяют в полтора-два миллиона квадратных километров. По прогнозным оценкам, к 1980 году Западно-Сибирская равнина будет поставлять каждый год триста — триста пятьдесят миллионов тонн нефти.

На Севере известны огромные залежи природного газа. В Надым-Пурском районе выявлены месторождения с прогнозными запасами в двадцать три триллиона кубометров. Среди них такие, как Уренгой, Медвежье, Комсомольское, Юбилейное, Губкинское. Газовые скопления

обнаружены на Южном Ямале, на побережье Арктики, в болотах Васюганья. Как представить себе их потенциальные возможности? Скажем так: одна уренгойская скважина способна выдать за год столько условного топлива, сколько смогла бы выработать угольная шахта производительностью два миллиона тонн.

Прогнозные запасы нефти и газа в Западной Сибири таковы, что в обозримой перспективе их добычу можно будет довести до уровня современной добычи США (четыреста — пятьсот миллионов тонн нефти и газового конденсата и пятьсот — шестьсот миллиардов кубометров газа в год)⁴.

По оценкам экономистов, со временем этот район будет давать до сорока процентов нефти и пятьдесят процентов газа от предполагаемой добычи в Советском Союзе.

Мне немало пришлось ездить по восточным районам страны, но ни на одной из новостроек, даже на самых знаменитых, я не встречал такой концентрации могучих высокопроизводительных машин, новейшего оборудования, всевозможных средств автоматизации: советская индустрия направила лучшие образцы своей техники в эти снега и болота. Возникают промыслы, строятся рабочие поселки, железные и автомобильные дороги, линии связи и электропередачи, станции, речные порты, аэродромы, подземные коммуникации и трубопроводы. За девятую пятилетку (1971—1975 гг.) в этот комплекс вложили почти тринадцать миллиардов рублей. В целом они составят семьдесят-девять миллиардов рублей. Сравните: Урало-Кузнецкий комбинат обошелся около четырех миллиардов рублей⁵.

Сто лет понадобилось нефтепромыслам нашей страны, чтобы довести годовую добычу нефти до трехсот пятидесяти миллионов тонн. Сибиряки рассчитывают пройти этот путь в четыре-пять раз быстрее. Уже в десятой пятилетке Тюменский комплекс даст прибавку в 152—162 миллиона тонн нефти, тогда как в целом по стране прирост добычи составит 129—149 миллионов тонн. Западная Сибирь, таким образом, не только возьмет на себя весь прирост нефтедобычи в СССР, но и перекроет ее снижение в некоторых районах.

Тобольск и Томск, два старинных сибирских города, где прибрежные косогоры хранят пепел костров, оставленный современниками Ермака, уступят часть своих окрестностей химическим комплексам — они дадут больше половины прироста мощностей по производству синтетического каучука и по существу изменят ситуацию развития нефтехимии страны.

Во время одной из поездок по Приобью на трассе нефтепровода Шаим — Тюмень я встретил академика А. А. Трофимука, специалиста по геологии Северной Азии, одного из открывателей сибирской нефти. Мы вошли в деревянный балок-домик на полозьях, расстелили на полу подклеенную марлей карту района.

— Смотрите сюда... Нефтяные и газовые месторождения тянутся к акватории Карского, Восточно-Сибирского и Охотского морей. У меня нет сомнений и в том, что очень скоро обнаружатся новые нефтегазовые площади в Западной и Восточной Якутии, в Иркутской области и за Байкалом. Видите, сколько здесь межгорных впадин?

Трофимук идет по кромке карты.

— Обратимся к югу Сибири... Здесь возникает целостная система нефтегазохимических производств. Помимо нефти, сюда поступает попутный газ и газоконденсат. Это пояс индустрии органического синтеза и новейших синтетических материалов. Одним словом, сибирский Техас!

Трофимук прислонился к фанерной стене, скрестил руки на груди и стал смотреть на карту издали.

— Нефть и газ станут источником многих продуктов питания. Не улыбайтесь! Меня уже угощали бутербродом с искусственной икрой. Ничем не отличается от натуральной, только шарики чуть покрупнее и круглее. Не сомневаюсь, что люди будут предпочитать эту икру настоящей...

Трофимук хитро сощурился и добавил:

— Только не могу ручаться, сохранится ли к тому времени натуральная икра и будет ли с чем сравнивать!

Сибирь лежит на мощной угольной подушке: здесь расположено больше половины угольных бассейнов страны (четырнадцать из двадцати двух), Кузнецкий бассейн по запасам угля равен четырем Донбассам, а Ленский, Тунгусский, Канско-Ачинский, Южно-Якутский и другие бассейны куда крупнее. Природа одарила край месторождениями особого свойства. Невиданная в иных районах концентрация запасов уже сейчас заставляет проектировщиков оставить в стороне привычные модели, а задумывать сверхкрупные рудники и супершахты с автоматизацией горных работ. Кое-где пласты выходят на поверхность земли, даже пробиваются сквозь корни старых сосен. Уголь можно черпать ковшами экскаваторов. По подсчетам, здесь находится больше 7 триллионов тонн углей — это девяносто с лишним процентов угольных запасов Советского Союза.

Будущее Сибири тесно связано с судьбой Канско-Ачинского бурого угольного бассейна. Больше двадцати крупнейших месторождений вытянуто одно к одному, по обе стороны транссибирской магистрали на протяжении семисот километров. Под небольшим слоем земли лежат угольные пласты мощностью пятьдесят-шестьдесят метров. Представьте себе эти подземные угольные кряжи, прорвавшиеся сквозь земную толщу почти наружу! Тут можно брать до миллиарда тонн угля в год и при этом не снижать ритма более ста лет. По масштабам и по экономическим показателям с этим бассейном не может соперничать никакой другой бассейн мира.

Канско-Ачинский уголь вызовет к жизни небывалый топливно-энергетический комплекс: восемь крупнейших электростанций, каждая порядка 6,4 миллиона киловатт, общей мощностью свыше пятидесяти миллионов киловатт, угольные разрезы, линии электропередачи сверхвысокого напряжения. В европейские районы страны будет транспортироваться не только электроэнергия, но и уголь — в виде подсушенной пыли или полукокса. Для перевозки угля понадобится особая углевозная железная дорога с вагонами небывалых размеров; может быть, уголь придется отправлять и по трубопроводам в углеводяной или угленефтяной суспензиях, в специальных капсулах под давлением в потоке жидкостей или по трубам в плывущих под землей «баржах».

По прогнозам экономистов, дефицит минерального топлива в европейской части Советского Союза к 2000 году будет на 90 процентов покрываться за счет Сибири.

Обь, Иртыш, Енисей, Ангара, Лена, множество других сибирских рек таят в себе больше половины всех гидроэнергетических ресурсов Советского Союза. Это особенные реки. Тут не так сильны колебания уровней во времена года, а крупные приплотинные водохранилища обеспечивают равномерное поступление воды на лопасти турбин и помогают агрегатам всегда работать при полной нагрузке. Себестоимость одного киловатт-часа на сибирских гидростанциях получается в три-пять раз ниже, чем на волжских и многих других гидростанциях. Поэтому у гидроэнергетического строительства в Сибири перспективы велики. К 1980 году будут построены Усть-Илимская и Саянская ГЭС, вслед за ними Богучанская, затем Средне-Енисейская, Осиновская, Нижне-Тунгусская и, может быть, иные гидростанции Ангаро-Енисейского проекта.

Во всяком случае, к 2000 году Сибирь будет производить 40 процентов всей электроэнергии Советского Союза. Основную прибавку дадут экономичные тепловые станции с турбогенераторами мощностью по 1200 тысяч киловатт: один такой агрегат заменит разом почти все мощности плана ГОЭЛРО... Внесут свою лепту атомные электростанции, а может быть, и совершенно новые методы получения электроэнергии: магнитно-гидродинамические и электрохимические установки, парогазовые циклы.

Обилие электроэнергии приведет Сибирь к сдвигам в технологии производства, в сырьевой базе, в характере труда.

Уже сейчас на восток потянулись электролизные предприятия. За этим следует цепочка новых принципиальных явлений. Электроемкие методы предусматривают промышленное производство легких металлов и специальных сталей: эта задача, в свою очередь, переориентирует сырьевой цех страны — редкие элементы, прежде известные разве что по Менделеевской таблице, теперь станут массовым промышленным ресурсом, важным для научно-технической революции.

Меняется и характер труда. На смену простейшим электрическим устройствам приходят сервомоторы — электродвигатели, способные управлять машинами и станками, их режимом, наклоном деталей, направлением подвижных частей. Механическая обработка изделий уступает место автоматическому процессу и контролю за режимом в системе связанных между собою машин. На автоматизированных предприятиях появляются пульты управления. Человек имеет дело со щитом приборов; стрелки несут информацию о скоростях, давлениях, напряжениях, температурах, о поступлении сырья и выходе готовой продукции.

Но вернемся к экономическим сдвигам в Сибири.

Дешевая электроэнергия приманила заводы по выплавке алюминия — их разместили в Братске, Красноярске, Шелехове, теперь еще и в Саянах. И хотя глинозем приходится завозить из европейских районов — своих запасов пока не хватает, — все же производства довольно выгодны: экономия затрат на электроэнергию с лихвой возмещает дополнительные расходы при дальних перевозках сырья. Геологи ищут месторождения бокситов и нефелинов в родной стороне, и уже есть надежды на промышленные запасы.

Особенно перспективным для Сибири считают размещение производства магния и титана. Из этих металлов получают легкие и сверхлегкие сплавы для новейшей сегодняшней и завтрашней техники — ядерных реакторов, мощных газовых турбин, сверхзвуковой авиации. Обнаружилось обнадеживающее сочетание: месторождения железа, бокситов, титановых и магниевых руд часто располагаются близко друг от друга, а также в зоне влияния крупных электростанций — можно планировать комплексную электрометаллургию.

Промышленная Сибирь три века назад начиналась с добычи цветных металлов — и хотя уже немало вычерпано, хотя многие рудники и штольни давно поросли травой, геологические открытия последнего времени снова заставили говорить об этой земле, как об одном из главных или даже главном поставщике меди, олова, цинка, никеля, свинца, вольфрама, молибдена, кобальта, металлов платиновой группы. Запасы руд простираются от недр земной коры до шельфа и донных отложений Ледовитого океана.

Норильский промышленный узел можно рассматривать как вариант будущего комплексного освоения месторождений цветных металлов в условиях Крайнего Севера.

Самым популярным географическим названием на страницах печати скоро будет слово, звонкое и раскатистое, как удар колокола, — Удокан... Удокан... Удоканское месторождение медных руд расположено на севере Забайкалья, в труднодоступном горном районе, где суров климат и часты землетрясения. Там, возможно, построят карьер открытых горных работ.

Приятные сюрпризы ожидает Сибирь и от месторождений золота.. До сих пор преобладающая масса золота добывается из россыпей, еще достаточно богатых. Но геологическая наука заверяет, что недалек день, когда обнаружат, наконец, коренные месторождения, почти еще не тронутые⁶.

Запасы углеводородного сырья, поваренной соли, фосфоритов, апатитовых руд и известняков в сочетании с обилием чистой воды и электроэнергии самой природой предназначены для развития химической промышленности. Можно ожидать расширения действующих и размещения новых современных производств по выпуску синтетических смол и пластмасс, серной кислоты, каустической и кальцинированной соды, азотных и фосфорных удобрений, моющих средств. По мнению экономистов, в перспективе химические предприятия в Сибири будут проектироваться большой мощности, но по преимуществу с узкой специализацией. Так, Ангаро-Енисейский регион, по всей вероятности, станет поставщиком хлоропродуктов, фосфорных соединений и штапельных волокон, в основном вискозных. Очевидно, со временем здесь возникнет промышленность лавсановых и капроновых волокон.

Будущая Сибирь видится и как крупный центр машиностроения, в особенности регионального. Пока только в западно-сибирском крае создан солидный промышленный комплекс по производству энергетического, электротехнического, сельскохозяйственного машиностроения, тракторов и комбайнов. В группе восточно-сибирских районов машиностроение, если соотносить с потребностями, развивается слабо и одностронне: здесь выпускают оборудование для металлургической и горнорудной отраслей, подъемно-транспортные механизмы. На большей части территории машин потребляют вдвое больше, чем их производят. И не в том беда, что крупное и металлоемкое оборудование сюда везут за многие тысячи километров. Привозные машины в большинстве своем не ориентированы на сибирские природные особенности, а потому эффективность их не так велика, как того требуют темпы промышленной революции.

Можно предполагать, что южные районы Сибири, где невелики издержки производства и устойчиво население, привлекут возможностями размещать новые машиностроительные комплексы. Здесь будут выпускать оборудование для нефтяной и газовой промышленности, для механизации и автоматизации шахт, высокопроизводительные машины для открытых горных работ, для лесной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной промышленности, современные и перспективные виды наземного, водного и воздушного транспорта, предназначенные специально для использования в восточных и северных районах. Только этот путь позволит нашему краю идти в ногу с научно-техническим прогрессом.

Что станет с сибирской тайгой?

По всей вероятности, промышленное освоение новых районов первым делом скажется на участии южных лесов. Именно здесь будут размещать города с комплексом жизненных удобств и системой индустриальных образований. И сколь бы внимательны ни были строители к каждому деревцу или подросту, как бы ни применяли для монтажа вертолеты, все же тайга неизбежно будет уступать свои площади цивилизации. Хотя придут, будем верить, счастливые времена равновесия между общественными потребностями и возможностями и людям ни к чему будет трогать новые таежные территории — тогда экзотические южные леса Сибири станут священным храмом человеческого духа и интеллекта.

Иная судьба у тайги высоких широт... Местами тут будут угольные карьеры, золотые прииски, оловянные рудники и, кто знает, какие еще тыловые базы грядущей промышленности. В этих же лесах мы увидим главные центры лесохимии: поезда помчат на юг целлюлозу, картон, бумагу, искусственные волокна, продукты гидролиза. Но не станем утверждать наверняка. Возможный «химический взрыв» — переход на синтетические материалы с заранее заданными свойствами, получаемыми из органического и неорганического сырья, — сумеет освободить северную тайгу от хозяйственных перегрузок. Надо полагать, развитие химических производств будет, в конце концов, сочетаться с продуманным и бережным использованием лесных ресурсов. Лесам останется их самое высокое предназначение — быть комбинатом по производству вселенского кислорода.

Самый важный ресурс будущего привычен настолько, что взгляд на нем уже не останавливается; нам ничего не стоит брать его, сколько надобно, часто без меры; и если сберечь его чистоту — самое главное свойство, — то в грядущие времена, когда он станет дефицитен на всем материке, может быть, только Сибирь сумеет утолить жажду людей и жажду промышленности... Чистая пресная вода!

Этот важнейший минерал на земле, как называл воду А. Ферсман, широко течет Обью, Енисеем, Леной и другими сибирскими реками общей длиной девятьсот пятьдесят тысяч километров и с поверхностным стоком больше сорока процентов стока всех рек Советского Союза; он заполнил котловины озер, для точности скажем — бесчисленных, их количество пока не подсчитано (полагают, что в Западной Сибири их больше миллиона, а в Восточной Сибири около ста тысяч); он шумит под землей, в артезианских бассейнах, в горизонтах различного возраста, даже в самых древних, и его объемы тоже неведомы до сих пор; он поблескивает на солнце алтайскими горными ледниками и фирновыми снежными скоплениями, хранящими сто или сто десять миллиардов тонн пресной воды. Без нее нет ни ландшафтов, ни дикой фауны, ни

материального производства, ни самой жизни. А потому, заботясь о ее охране и возобновлении, предстоит первым делом произвести инвентаризацию водных запасов, чтобы знать не только их объемы, но и особые свойства.

В Сибири четыре пятых всей пресной воды Советского Союза. Она будет притягивать предприятия с повышенной водоемкостью: магниевые, свинцово-цинковые, медные, никелевые, целлюлозно-бумажные, по производству синтетического каучука, химических волокон. Может быть, особо чистые воды придется транспортировать по трубам большого диаметра на далекие расстояния. И если сибиряки обладают самыми крупными на земле запасами пресной воды, то это обстоятельство не только дает им преимущества, но и налагает ответственность перед миром: сумеют ли пользоваться с умом?

И еще один бесценный дар Сибири, древний и вечный — земля.

Новые промышленные центры запросят много зерна, мяса, овощей и других продуктов. Предполагается, что уже к 1980 году в Сибири будет жить больше двадцати трех миллионов человек. Их надо кормить, и желательно — сытно! Сибирское сельское хозяйство, считают прогнозисты, могло бы к тому времени обеспечить основными продуктами питания выросшее население края и давать излишки, притом значительные, для вывоза на внутренние и мировые рынки.

О возможности такой перспективы свидетельствует исторический опыт. В начале нашего века сибирские яйца экспортировались в Англию и там продавались под названием «русских яиц»; сибирским маслом широко торговали в Копенгагене, Гамбурге, Лондоне, оно успешно конкурировало с продукцией лучших европейских маслоделов. «Сибирские продукты идут в Лондон большее число дней, нежели то число часов, какое нужно французским продуктам для появления их на этом рынке; тем не менее, несмотря на громадные расстояния, которые отделяют Сибирь от Лондона, сибирское масло с успехом борется с французским; если Франция ничем не поможет этому делу, то ея масло, когда устроится более быстрое сообщение между Сибирью и странами, потребляющими ея продукты, очутится в затруднительном положении», — писал Кл. Оланьон в 1903 году⁷.

Сибирское маслоделие в начале XX века давало России вдвое больше золота, чем вся сибирская золотопромышленность.

Нынешнее индустриальное развитие восточных районов сильно изменило структуру сельскохозяйственного производства и потребления. И если дать аграрным предприятиям мощную технику и механизированные технологические линии, улучшить селекционную работу и при этом получить сорта всех сельскохозяйственных культур, достаточно скороспелые и приспособленные к сибирским условиям (по мнению специалистов, урожайность зерновых здесь можно поднять в среднем до

25—30 центнеров с гектара), то очень может быть, что при сложившемся размещении производительных сил и при дальнейшей индустриализации Сибири станет экспортером сельскохозяйственной продукции, особенно пшеницы.

Это не произойдет само собой, если и впредь сельское хозяйство Сибири будет обеспечено рабочей силой в полтора-два раза хуже, чем в европейских районах, если и дальше на одного сибирского земледельца будет приходиться почти в три раза больше пашни, чем в целом по стране, а нагрузка на одного животновода будет на одну треть выше среднего показателя в этой отрасли. Потребуется особые усилия как самих производителей материальных благ, так и тех, кто формирует региональную плановую политику. Им теперь легче быть мудрыми в идеях и обстоятельными в действиях — они опираются на Сибирское отделение Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, созданное в Новосибирске.

Но вернемся к нашей главе, устремленной, как говорится, в будущее.

Воображение переносит в агропромышленные комплексы Сибири. Видятся крупные электрифицированные фермы с максимальной механизацией и автоматизацией производства. На ферме до двух тысяч коров, и каждая дает в год по три с половиной — четыре тысячи килограммов молока. Сейчас средние надои не поднимаются выше двух тысяч двухсот — двух тысяч семисот, но в перспективе высокий уровень не должен быть удивительным: уже и в наши дни в лучших сибирских колхозах и совхозах надаивают от коровы до четырех тысяч килограммов.

...На культурных пастбищах можно ожидать скот продуктивных мировых и отечественных пород — восемь миллионов голов. Мясное животноводство будет развито, как незаменимый источник полноценного белка. Будущий сибиряк привыкнет к калорийному питанию по научно обоснованным нормам. Он станет меньше потреблять «тяжелого» свиного мяса, предпочитая телятину, баранину, птицу.

По-прежнему любимым сибиряками останется картофель: в механизированных хозяйствах картофеля будут выращивать так много, что часть урожая стану вывозить в Среднюю Азию и на Дальний Восток. В предгорной зоне Алтая, в окрестностях Новосибирска и Омска, в Минусинской долине и в других южных сибирских районах будут снимать хорошие урожаи овощей. На Севере появятся мощные тепличные комбинаты. Но и при этих условиях к 2000 году Сибирь сможет получать лишь до 2,6 миллиона тонн овощей и удовлетворять потребности населения только на 60 процентов. Ранние овощи и овощи южного типа, как и фрукты, будут поставлять в Сибирь Казахстан и Средняя Азия⁸.

Возможно, для тех, кто живет иллюзией о будущей Сибири, как

о крае исключительно индустриальных долин и интеллектуальных гейзеров, наш разговор о мясе, о картофеле, об удоях может показаться прозаической данью интересам сегодняшнего дня. Но это не так. История сибирского хозяйства уже не раз давала трудный урок. Однобокое развитие отраслей и авральные броски на «решающих участках» не способны привести край к истинной гармонии и процветанию. На бедных землях, где ресурсов мало, невелик и выбор действий. Не то восточные районы! Изобилие всех или почти всех жизненно важных природных богатств ставит перед нашим поколением задачу безошибочного выбора стратегии. Сибирь должна стать краем не только сверхмощной индустрии, но также равного ей по размаху и техническому оснащению сельскохозяйственного производства. Тут есть над чем подумать людям, причастным к созданию на сибирской земле новых экономических ситуаций.

На XXIV съезде КПСС Западную Сибирь назвали в качестве примера — вот положительный опыт комплексного подхода к планированию, когда интересы множества отраслей, часто противоречивые или даже исключают друг друга, удалось свести в единую долгосрочную программу и принять огромной важности народнохозяйственные решения.

Есть разные способы составления программ. В их числе и «дерево целей». Представьте на листе бумаги одинокий рисунок сосны. У самой вершины обозначьте главную цель, на ветвях ниже укажите цели поменьше, а еще ниже — еще меньше, но таким образом, чтобы каждая нижняя цель обеспечивала выполнение цели выше, а верхние цели представляли бы собой составные части вершинной цели. Каждой ветви — отдельной задаче — присваивается коэффициент относительной важности на этом «дереве». При помощи такой схемы и с использованием электронно-вычислительных машин появилась возможность поэтапно и комплексно решать долгосрочные программы. Эта методика, известная в мировой практике, используется и сибирскими экономистами, составляющими программные межотраслевые комплексы восточных районов.

Предстоит осуществить систему крупномасштабных проектов.

Программа развития Кузбасса... Повышается роль этого обширного района, как важнейшего поставщика энергетических и коксующихся углей; здесь будет расширяться производство черных металлов, проката, металлоконструкций; новый размах получит химическая промышленность; надо улучшить территориальную организацию хозяйства за счет индустриализации средних и мелких городов, рабочих поселков, а кое-где и сельской местности; намечается подтянуть уровень развития непроизводственной сферы (жилищно-коммунального хозяйства, про-

свещения, здравоохранения, торговли, общественного питания, бытового обслуживания) и повысить комплекс жизненных удобств для населения; начнутся работы по очистке воздушного бассейна и рек, загрязненных отходами промышленности.

Ангаро-Енисейская программа... Индустриальный пояс меж двух великих рек Сибири уже сейчас оказывает все возрастающее влияние на развитие народного хозяйства страны; здесь расположена четвертая часть общесоюзных ресурсов гидроэнергии, около трети запасов древесины, почти половина прогнозных запасов угля и руд цветных металлов, огромные залежи железных руд, каменной соли, графита, фосфоритов, строительных материалов. Этому району предстоит занять ведущее место в экономике Советского Союза по добыче топлива, всевозможного природного сырья, по производству электроэнергии, выпуску электроемкой продукции черной и цветной металлургии, продукции химических производств, по заготовке и переработке древесины. Предусматривается бурное развитие транспорта, сельского хозяйства, повышение жизненного уровня населения.

Большие перемены может принести сюда строительство Тайшетского металлургического завода, воплощенной мечты И. Бардина: черную металлургию — на меридиан Байкала. Намечают предприятия завтрашнего дня, с доменными печами объемом четыре или пять тысяч кубометров, с автоматизацией технологического процесса и управлением производством из единого центра. Продукция завода — листовой прокат с алюминиевым, цинковым, пластмассовым, лакокрасочным покрытием — даст новый толчок развитию сибирского машиностроения. Возможно, здесь будут выпускать и стальные трубы для нефтяной и газовой промышленности. На живописном берегу Бирюсинки, в таком случае, вырастет новый город с населением 400 тысяч человек.

Программа охраны и комплексного использования бассейна озера Байкал... Имеется в виду выделить озеро и прилегающие к нему территории в район с особым режимом хозяйственного управления и освоения естественных богатств — создать Национальный парк СССР; озеро будет сохранять свое значение как огромное водохранилище, позволяющее регулировать каскад гидростанций на Ангаре и отчасти на Енисее, а в дальнейшем здесь возможно размещение новых производств — «предприятий XXI века», рассчитанных на исключительно чистую воду и полностью безвредных для озера и окружающих ландшафтов; являясь ценным туристским и очень важным курортным ресурсом страны, Байкал станет крупным центром отечественного и международного туризма, а также всесоюзной здравницей; в перспективе здесь на туристских базах сможет находиться каждый год до миллиона человек⁹.

Они разные, эти программы, как по содержанию, так и по прогноз-

ным срокам исполнения (от десяти до тридцати лет). Но их объединяет системный и комплексный подход к планированию. Локальные задачи отраслей и интересы развития сибирской территории подчиняются общей конечной цели: решению социально-экономических проблем общества. Уже разрабатывают (1978 г.) двадцать четыре программы такого рода.

Долгосрочные программы — это их новая приятная особенность — теперь учитывают воздействие индустриализации на природную среду и обязывают этим заниматься. Многие проектные институты и лаборатории, где рождаются модели будущего, уже не ограничиваются коллективами ищущих экономистов, математиков, проектировщиков, архитекторов, а привлекают к работе географов и экологов, способных дать свое обоснование проектов и долгосрочный прогноз изменений в окружающей среде.

Новая долговременная комплексная программа освоения Сибири и Дальнего Востока связана со строительством Байкало-Амурской железной дороги, обещающей повлиять на судьбу территории общей площадью до двух миллионов квадратных километров. Было бы неоправданным ожидать от сопутствующей рельсовому пути земельной полосы (протяженность больше трех тысяч километров, ширина до четырехсот) сплошных индустриальных картин. Этого, слава богу, не произойдет. Освоение будет выборочным, или, как еще говорят, очаговым. Но там, где разместится промышленность, заниматься ресурсами начнут комплексно, основательно, в расчете на длительный срок — столь велик природный потенциал. По-видимому, будут складываться территориально-производственные комплексы, похожие на Братско-Илимский, но с сильным акцентом на горнодобывающую промышленность, лесопереработку, на предприятия по ремонту горных и дорожных машин. Из семисот тысяч прежнего населения примыкающих к трассе районов почти треть приходилась на два города (Усть-Кут и Комсомольск-на-Амуре). Смотря по тому, как пойдет освоение, можно ожидать рост населения к 1990 году до полутора-двух миллионов человек. Минерально-сырьевые возможности дают основание видеть здесь несколько крупных городов (на 250, 200, 100 тысяч человек) и до шестидесяти рабочих поселков, цепь индустриальных районов, которые со временем станут плацдармом для дальнейшего продвижения производительных сил к Северу.

Программа хозяйственного освоения зоны БАМа требует крупных капитальных вложений, материальных ресурсов, рабочих рук, неизбежно и с трудом отвлекаемых из других сфер народного хозяйства, и я не могу утверждать, что дальновидность этой стратегии уже осознана всеми до конца. Что говорить об обывательском подходе, его природа ясна, но ведь вот встречаются (как правило, вне Сибири) плановики,

люди грамотные, привыкшие все измерять одним только рублевым аршином и подходить к освоению сибирских территорий как к очередной финансовой операции, где очевидны им расходы и доходы, а также предсказуем итоговый баланс. Между тем уже наши предшественники, современники строительства Великого Сибирского пути, завещали нам подход, более свойственный развивающемуся обществу. В жизни государства, как и в жизни отдельного лица, полагали они, немисливо оценивать все действия, затраты и предприятия с одной исключительно точки зрения — доходности: «Производя ряд затрат (например, культурно-бытовых), мы не руководствуемся вопросом о доходности, а задаемся только вопросом о потребности, желании и возможности произвести эти затраты. Нет и не может быть такой статистики, которая вычислила бы и выразила в рублях то счастье и удобство жизни, которое приносится народу железнодорожным путем, усиленным обменом и ускоренным передвижением»¹⁰.

Программу «БАМ», мы знаем, не могли завершить ни в 30-е, ни в 40-е, ни в 50-е годы. По мнению сведущих людей, в те времена, помимо прочего, не было у советской экономики объективной возможности осуществить проект такого масштаба, да и подобного проекта не было, дело сводилось, в основном, к прокладке рельсового пути. Понадобился новый уровень экономического и планировочного мышления, геологические открытия в восточных районах, накопленный за это время научно-технический потенциал, чтобы понятие БАМ в 70-е годы зазвучало как программное, как глобальное, связанное с главными проблемами размещения и развития производительных сил Востока СССР и всего Советского Союза.

Эта программа продолжает предыдущие (развития Кузбасса, Ангаро-Енисейского региона, Западно-Сибирской низменности), но она значительнее их и многограннее. Здесь предусматривается система территориально-производственных комплексов, образующих новую полосу хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока. Эта полоса лежит севернее транссибирской железной дороги, в географических широтах Ближнего Севера. Никогда у этого обширного пространства не бывало целостной программы, учитывающей разные ситуации в народном хозяйстве страны в ближайшие годы и обеспеченной на эти случаи вариантными расчетами.

Принципиальна для Сибири и организационная сторона. Впервые на моей памяти для координации работы над проектом создали Научный совет Академии наук по проблемам БАМ, его возглавил академик А. Г. Аганбегян, энтузиаст развития восточных районов. В сводной фундаментальной работе, и это тоже, пожалуй, в первый раз, обстоятельно и заблаговременно изучены также социальные проблемы территории.

Железнодорожный путь приближает лавину перемен (социальных, культурных, экономических) в Якутии и Бурятии, он так или иначе

касается судеб 25 тысяч нанайцев, ульчей и других малых народностей Сибири и Дальнего Востока. Встала задача осмыслить их будущий образ жизни, определить профессиональную ориентацию, учитывая при этом особенности этих народностей и выработанный веками механизм их адаптации к природной среде. На какой вычислительной технике измеришь полностью отдачу от социальных перемен?

Напоследок о двух долгосрочных программах, которых пока нет, а они желанны: программы развития бытового обслуживания и индустрии туризма. По эффективности обе эти сферы стоят вровень с ведущими отраслями народного хозяйства, а местами даже превосходят их. Это почти нетронутые ресурсы процветания Сибири, новые и устойчивые источники благоденствия сибирского населения.

Может быть, толчком к размышлению об этом послужила уже привычная несправедливость: жители восточных районов хуже обеспечены жильем, удобствами, комфортом, чем население других областей и республик. Показатели этого ряда здесь ниже, чем в целом по стране. Но идея особых сибирских программ развития бытового обслуживания и индустрии туризма идет и от экономического анализа перспективных статей дохода.

Денежные накопления сибиряков будут неостановимо расти, особенно у тех, кто работает в отдаленных северных районах или на вредных и малопривлекательных производствах. Что же, и через десять-двадцать лет, возвращаясь из очередного отпуска, житель нашего края будет выгружать из вагона битком набитые чемоданы и ящики, а то и встречать контейнеры с покупками, сделанными в центральных городах? Утечка крупных денежных средств из Сибири, вызванная нехваткой товарной массы в магазинах, низким качеством многих изделий местной промышленности, слабым развитием культурного и бытового обслуживания, и наводит на мысль о единой долговременной программе, выравняющей жизненный уровень в разных частях страны.

Широкое развитие жилищного строительства, предприятий торговли, общественного питания, крупных комплексов бытового обслуживания, фабрик химической чистки, автоматов-прачечных, пунктов проката, многочисленных бюро услуг, гостиниц, мотелей, кафе — все это приведет к росту благосостояния, и тогда сибирякам не придется менять города и области в поисках лучших условий жизни. При одинаковой комфортности, а в северных районах особо высокой, люди если и будут переезжать с места на место, то причиной тому станут обстоятельства скорее духовного свойства: выбор работы по душе, тяга к приятному климату и ландшафту.

Эта программа зависит от решения других экономических и социальных проблем. Тем не менее она видится самостоятельной, целенаправленной, гармоничной. Пути осуществления долговременных про-

грамм такого типа могут быть разными. Мне видится мощный концерн «СК» («Сибирский Комфорт») с генеральной дирекцией, крупными проектными и строительными организациями, где сосредоточены предназначенные для бытового обслуживания средства всех министерств и ведомств. Мозговой трест концерна разрабатывает модели установленных на автомобильных шасси «палаток» с автономной системой освещения и отопления, с горячей водой, газовой или электрической плитой — для изыскателей; проекты передвижных строительных городков из домиков на колесах, с полным комфортом — для строителей, горняков, любого временного населения; планы реконструкции быта в старых городах и рабочих поселках с максимально широким набором услуг для населения, обеспеченных автоматизированными бытовыми приборами и системами...

Мечтаю о времени, когда слова «Я строил прачечную в Хапчаранге» или «Я возводил фабрику химчистки в Ербогачене» будут звучать с той же гордостью, с какою в наши дни говорят: «Я строил Братскую ГЭС!».

Пришла пора иметь и долговременную программу развития индустрии туризма. Уже очевидно повышенное стремление людей отдыхать в новых для себя местностях, быть активными «потребителями впечатлений». В экономике многих стран ширятся и выходят на первое место отрасли, специализирующиеся на удовлетворении спроса отечественных и зарубежных туристов. В мировой торговле темпы роста доходов от иностранного туризма превышают темпы прироста доходов от экспорта сырья и промышленной продукции. Индустрия туризма неизбежно влечет за собой строительство новых дорог, гостиниц, ресторанов, кемпингов, восстановление памятников старины, охрану ландшафтов и заботу о чистоте рек, озер, водохранилищ, стимулирует сувенирное и сельскохозяйственное производство. Надо ли доказывать, что это будет значить для Сибири?

Экономисты рассчитали эффективность капитальных вложений в индустрию туризма по некоторым районам Северной Азии. Результаты неожиданные и даже обескураживающие. Иностраный туризм на Байкале, оказывается, может давать в два-три раза больше валюты, чем при тех же затратах ее дает добыча россыпного золота или размещенные здесь лесопромышленные предприятия, экспортирующие пиломатериалы и целлюлозу. Столь же выгодна организация спортивной охоты в Якутии. Индустрия туризма на Алтае и в Туве тоже довольно прибыльна и может стать ведущей отраслью хозяйственной специализации этих районов¹¹.

Сибирь — это край, где каждый путешественник найдет то, что ему по вкусу — острые ощущения, когда попадаешь в эпицентры прошлых и, возможно, будущих землетрясений, которые могут случиться каждую минуту; радость езды на собачьих упряжках по тундре; чувства уста-

лости и счастья при восхождении на горную вершину; знакомство с молодыми городами, гидростанциями, золотыми приисками, с каменными идолами в минусинских степях; охотничий азарт в тайге, когда идешь с ружьем наперевес по следу зверя; ловлю серебристых рыбин на крючок или на спиннинг где-нибудь на берегах Оби, Енисея, Лены; вечер у костра с аборигенами, и, как в полусне, освещенные огнем бронзовые лица, приветливые узкие глаза, фантастические предания и воспоминания о забавных приключениях в арктических снегах. И если человек ищет что-нибудь из ряда вон выходящее, неправдоподобное, нигде на земле не встречающееся, то больше всего шансов, что все это он найдет на сибирской земле. И даже столкнется здесь с другими, ему подобными путешественниками, которые пришли сюда за тем же самым.

Особого расцвета торговли, сферы обслуживания, арктического туризма можно ожидать за Полярным кругом, в причудливых дельтах сибирских рек, на трассе Великого Северного морского пути, на высокоширотных островах. Найдется много любителей за недорогую плату провести отпуск в краю полярных сияний, в хижине-гостинице среди белых торосов, набросив на плечи эвенскую парку и согревая ноги в расшитых бисером унтах, получив на прощанье «грамоту гиперборейца», вырезанную на мамонтовой кости.

Представляю себе фантастическую, и все же реальную, возможную, желанную картину побережья Ледовитого океана: дирижабль доставил мою семью и моих друзей в прекрасный отель, расположенный в скалах; завтра на подводной лодке мы уйдем подо льды и, не отходя от иллюминаторов, будем видеть таинственную жизнь холодных глубин; а друзья предпочтут лететь под парусами на буерах по тундре. К вечеру все возвратятся на базу. Собравшись у электрокамина или оказавшись рядом на ступеньках плавательного бассейна, мы будем слушать забавные истории, как наши новые знакомые жили по соседству с семейством белого медведя, как ловили полярную сову и летели на лыжах по следам волка... Эй вы, туристы, вам снились такие маршруты?

На рубеже XX и XXI веков восточные районы Советского Союза будут давать сорок процентов всего промышленного и сельскохозяйственного производства страны.

Каким путем придет к этому Сибирь?

Умные головы, генераторы новых идей, пока еще везде дефицитны, и сибирякам повезло, что с возникновением Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук концентрация таких умов увеличилась. В институте я встретил старого знакомого — доктора экономических наук Р. И. Шнипера. Мы разговорились, и мой слух уловил особенность его лексики: чуть ли не в каждой фразе он употребляет слова «сценарий» и «концепция»

(раньше он был равнодушен к «сочетанию»), и я спросил, что же он подразумевает под «концепцией Сибири».

— Три основных вопроса... Во-первых, цели развития. Во-вторых, выбранная стратегия. В-третьих, региональная политика для реализации стратегии и достижения цели. Все это в сочетании и составляет концепцию Сибири.

— А сценарий — что, ваше новое хобби?

— О, нет... Занимаемся профессионально. Седьмой сценарий заканчиваем!

Сценарий — это вроде плоскостей многогранника, который поворачивают к свету то одной, то другой стороной, чтобы выявить и рассмотреть возможности каждой грани.

Первый сценарий рисует картину будущей Сибири при условии, если сохранятся пропорции и темпы наших дней. Интересное сочетание природных ресурсов и выгодное географическое положение создают удачную ситуацию для расширения добывающих и обрабатывающих отраслей, внутренне связанных с производствами западных районов страны. В 20-е годы среди части экономистов бытовала теория автономного развития восточных окраин — идея сверхиндустриализации Сибири, обособленной от социально-экономических задач государства. Но уже при составлении первого генерального плана развития Сибири (1925 г.) эта концепция была отвергнута, и верх взяла ленинская установка на комплексный рост экономики восточных районов как отдельной подсистемы всего народного хозяйства.

Изучается и такой вариант: что будет, если одну из ближайших пятилеток посвятить не столько новому строительству в Сибири, сколько подтягиванию тыловых подразделений — дорог, коммуникаций, связи, всевозможных вспомогательных производств, ремонтных служб, складского хозяйства, холодильников... Отставание инфраструктуры от темпов развития основных производств, мы уже знаем, приводит к серьезным диспропорциям в экономике, к зряшным потерям времени и крупных средств. Хорошо бы назвать внушительную цифру утрат, но не назову, не знаю — мы еще не научились подсчитывать, как влияет на человека и на результаты труда сфера обслуживания: жилищные условия, коммунальное хозяйство, просвещение, здравоохранение. Пока нет методики, чтобы анализировать воздействие таких факторов на самочувствие рабочего, когда он стоит у станка. Но связь существует, и немалая! Может быть, близко время, когда мы будем учитывать эффективность не только отдельных отраслей, но и целиком районного хозяйства — синтезировать и сопоставлять совокупные физические и психологические усилия всех занятых в производственной и непроизводственной сфере района?

Второй сценарий представляет Сибирь, какой она была бы, если бы здесь развивали по преимуществу сырьевые отрасли: строили бы

лишь новые промыслы, шахты, разрезы, рудники, прииски... У этого варианта есть своя логика — должна же страна иметь прочную базу ископаемого сырья; кроме того, сырой продукт пользуется возрастающим спросом и на мировом рынке. Нет другого района, где «сырьевая ориентация» казалась бы столь же оправданной. Но прежде, чем дать убедительный и закрывающий проблему ответ, надо выяснить экономику добывающих отраслей: уточнить запасы природных ресурсов, наметить пропорции развития сырьевой промышленности, определить инфраструктуру и новые виды транспорта, подсчитать объемы капитальных вложений. Взвесить возможные последствия такого курса — к чему район придет и когда это может случиться?

Третий сценарий предусматривает противоположную ситуацию — основное внимание уделяется производствам по глубокой переработке природных ресурсов. Нефтехимические комбинаты, лесопромышленные комплексы, металлургические и машиностроительные заводы, всевозможные фабрики и объединения, выдвигающие Сибирь на внутренний и внешний рынок как крупного партнера по торговле готовыми изделиями и полуфабрикатами. У такой ориентации тоже есть экономическое обоснование. Кто не знает, как много мы пока теряем полезных ископаемых, не умея извлекать из руд все компоненты и оставляя следующим поколениям гигантские отвалы и «хвосты». Но научись мы комплексно и полно перерабатывать сырье — может быть, хватило бы народному хозяйству нынешних объемов и не было бы нужды развивать дальше добывающие отрасли? Опять считать, считать, считать...

Четвертый сценарий учитывает иные обстоятельства: слишком дорого завозить в Сибирь людей. По расчетам экономистов, проезд каждого нового работника на северные стройки обходится государству в 20 тысяч рублей (тут имеются в виду капитальные вложения в жилье, в сферу обслуживания и так далее). Что же будет, если отказаться от привлечения новоселов, а строить планы индустриального развития с учетом только естественного прироста населения и допустить при этом одну абстракцию — никто сюда не будет приезжать, но и живущие никуда не уедут? По-видимому, следовало бы предложить новые характеристики рабочих мест и технологических схем, чтобы в десять-двадцать раз сократить долю живого труда на единицу мощности — по сравнению с такими же производствами в других районах страны. Осваивать Сибирь с применением техники особого класса, оправданной именно в этих условиях.

Пятый сценарий исходит из формирования народнохозяйственного комплекса Сибирь — Казахстан — Средняя Азия с организацией разделения труда между северными и южными территориями.

Нельзя ли попытаться, используя особенности природных ресурсов и климатических условий, построить экономику всех этих трех районов таким образом, чтобы они дополняли друг друга и в сочетании давали

бы наибольший выигрыш? Скажем, создать мощный сибирско-среднеазиатский Лесной синдикат с единым центром управления. Леспромхозы будут работать в сибирской тайге, а мебельные фабрики или бумажные комбинаты, может быть, выгоднее было бы разместить на узбекской, туркменской, таджикской земле?

Или за счет капитальных вложений сибирских предприятий организовать в среднеазиатских республиках овощные хозяйства, снабжающие северные районы свежей морковью, капустой, редиской, огурцами, помидорами в мае — июне, в трудный весенний сезон... Такое разделение труда могло бы оказаться благоприятным для всего территориального комплекса. Но чтобы снять предположительность вывода, опять-таки нужен математический расчет.

Шестой сценарий предполагает размещение в Сибири преимущественно «наукоемких» производств: электроники, оптики, радиотехники, точного машиностроения — производств XXI века. У них будет своя особенность. Скажем, если сейчас изделие стоит сто рублей, то из них один рубль приходится на науку, а девяносто девять на сырье, материалы, обработку. В будущем же придется иметь дело с такими приборами, аппаратами, машинами, где из ста рублей затрат шестьдесят-семьдесят рублей составят расходы на науку. «Сибирь еще не отяжелела от груза накопленного богатства, — заметил Р. И. Шнипер, — здесь широкие возможности экспериментировать, используя достижения науки для технического прогресса».

Седьмой сценарий предписывает Сибири восточную ориентацию. Если иметь в виду транспортные связи, то уже сейчас наблюдается некоторый спад «западных» направлений и возрастание роли «восточных». Скажем, Урало-Кузнецкий комбинат в тридцатые-пятидесятые годы имел удачный экономический маятник «уголь-руда», что можно было читать и как «восток-запад». Но ситуация изменилась — Кузбасс получил сибирскую горнорудную базу, а Урал обходится среднеазиатским газом и казахстанским углем. Недавние связи ослабевают. Означает ли это, что сибирские районы сумеют впредь обходиться без новых взаимодействий с экономикой западной части страны? Можно заранее сказать, что вряд ли Сибирь будет развивать свои производительные силы без участия ресурсов национального дохода, создаваемого по другую сторону от Урала, без взаимосвязи с расположенными там научно-исследовательскими и проектными центрами, задающими жизненный ритм всему народному хозяйству.

Не думаю, что из этой семерки сценариев какой-нибудь один, в чистом виде, может сразу же, без борьбы, уступить всем другим или же, напротив, с первой попытки одержать верх над остальными безоговорочным преимуществом. Если присмотреться, у каждого из них есть возможности успеха. Скорее всего, интересы Сибири будет представлять сильная сборная этих концепций, где развитие сырьевых отраслей

совместится с курсом на глубокую и комплексную переработку ресурсов, на подтягивание отставшего тыла, на связи с хозяйством соседних территорий, а все они вместе будут стремиться к сокращению живого труда за счет применения новейшей технологии и машин особого класса.

Сверх очевидных внутренних путей, которые можно видеть или предвидеть, надо держать в уме еще одну сторону вопроса, важную без навязанностей и сложную без преувеличений: Сибирь лежит на границе с Монголией и Китаем, в относительной близости от Японии, США, Канады, открыто спускается к Ледовитому океану, где сошлись интересы (политические, экономические) разных стран.

Эту географическую особенность приходится учитывать, намечая характер и размещение народнохозяйственного потенциала. Производительные силы здесь принимают на себя, сверх всего, дополнительную ношу — гарантировать незыблемость государственных границ Советского Союза; обеспечивать внешнюю торговлю и культурный обмен, особенно со странами Европы, Америки, Тихоокеанского бассейна; быть базой международных исследований Арктики и ресурсов Мирового океана, создавать условия для развития удачного первого опыта 1973 года, когда в течение трех недель в Беринговом море советские и американские ученые при участии кораблей, самолетов, метеорологического спутника «Нимбус-5» проводили совместный научный эксперимент и получили сведения, повышающие точность навигационных прогнозов в полярных широтах.

Сибирь давно участвует в международном разделении труда. И не только своими сырьевыми ресурсами, вывозимыми во многие страны мира, но также экспортом черных и цветных металлов, машин и оборудования, продукции химии, лесопереработки, приборостроения, строительных материалов и медикаментов. Больше 350 предприятий за Уралом выполняют заказы внешнеторговых всесоюзных объединений. И хотя темпы растут, по объемам экспортной продукции восточные районы пока еще уступают европейским районам страны (Сибирь и Дальний Восток дают примерно 14 процентов экспорта РСФСР)¹². «О, Сибирь — это масштабы!», «Сибирь — это кондиции!», «Сибирь — это Сибирь!» — эти и подобные им оценки, высказанные иностранными партнерами при подписании контрактов и разнесенные по белу свету лентами телегазет, прибавляют кое-что не столько к вежливости деловых людей, сколько к их дальновидности.

В сибирских городах встречаешь аспирантов, ученых, студентов, молодых инженеров из социалистических и развивающихся стран. Они приезжают в легких пальто и в меховых, не по сезону, шапках, вызывая улыбки прохожих. А в научных центрах или на предприятиях, куда их послали учиться и стажироваться, в рабочих халатах, засучив рука-

ва, они ничем не отличаются от своих наставников — жителей сурового края, проводят с ними долгие месяцы, перенимая то, что не почерпнешь из самых лучших книг. И когда арабские строители из Асуана, поучившись на Братской ГЭС, прощались с сибиряками, своими сверстниками, и называли Сибирь «техническим Кембриджем России», они хотели выразить уважение сибирскому центру воспроизводства научных и инженерных кадров для развивающихся стран.

Все чаще, пожимая руку зарубежному гостю Сибири, когда он называет себя, слышишь ударение не на том, какую страну он представляет, а на другом, на сфере его интересов: «Плановик из Польши», «Сотрудник торгпредства Болгарии», «Эксперт по алюминию из Венгрии». Едут специалисты, чтобы решать практические дела. Они знают — развитие национальных производительных сил в социалистических странах связано с углублением международного разделения труда и, в частности, с ускоренным освоением восточных районов СССР — крупнейшего, а по некоторым видам и единственного поставщика сырьевых ресурсов. Формы сотрудничества гибки и разнообразны, при этом большинство иностранных экономистов быстро оценивает сибирские возможности и выступает сторонником непосредственного участия заинтересованных стран в разработке месторождений или строительстве предприятий на сибирской земле.

Это можно осуществлять на основе двустороннего соглашения, подобного советско-чехословацкому 1966 года, когда Чехословакия предоставила Советскому Союзу кредит 500 миллионов рублей в виде специальных машин, оборудования и материалов для сооружения сибирских нефтепромыслов. Кредит погашается в течение 1971—1984 годов поставками советской нефти сверх объемов, предусмотренных обычными соглашениями.

Социалистические страны и коллективно участвуют кредитами в строительстве центров сибирской индустрии, также рассчитывая на оплату ссуды продукцией будущих предприятий. Около сорока процентов сметной стоимости Усть-Илимского целлюлозного завода мощностью 500 тысяч тонн беленой целлюлозы в год оплачивают партнеры Советского Союза по этому строительству — Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния. СССР взял на себя проектирование, инженерную подготовку территории и основную часть строительных работ. Заинтересованные страны поставляют конструкции, оборудование, аппаратуру, отделочные материалы, товары широкого потребления, а также и рабочую силу. В 1976—1977 годах на Усть-Илиме уже работал болгарский строительный отряд, немецкий, венгерский. После пуска предприятия партнеры двенадцать лет будут получать беленую целлюлозу пропорционально вложенным средствам, в среднем по 45—50 тысяч тонн. По истечении этого срока сотрудничество может быть продолжено во взаимных интересах.

Возможно объединение усилий ряда стран для строительства крупных объектов, которые выходят за пределы одного государства (к примеру, трансконтинентальный нефтепровода или газопровода).

Наверное, будут создаваться совместные промышленные предприятия и в форме акционерных обществ. Кое-кого отпугивает это понятие, а между тем сама форма сотрудничества не виновата в том, что наша память или воображение связывают ее с неприемлемым для нас содержанием.

Во время поездки по Монголии мне случилось близко познакомиться с советско-монгольским акционерным обществом «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД), существующим больше двадцати лет на паритетных началах, при равной доле сторон в основном капитале. Акции поделены поровну, в такой же пропорции распределяются доходы. Всеми делами руководит Правление акционерного общества с равным представительством от каждой стороны. Начальник УБЖД говорил, знакомя с путевым хозяйством: «Дорога помогает развитию производительных сил Монголии и Сибири, дает акционерам большие прибыли, и я не вижу причин, которые мешали бы возникновению новых акционерных обществ».

Дорогой к минеральным ресурсам глобальных масштабов выступает Байкало-Амурская магистраль. Примыкающим к ней районам выпало быть экспортером дефицитных видов сырья, потребность в которых растет в нашей стране и во всем мире. Эта зона окажет влияние на судьбы сырьевых товарных рынков, прежде всего в Тихоокеанском бассейне, а возможно, и в других частях земного шара. Внешние рынки, естественно, еще выше поднимут эффективность освоения Сибири и Дальнего Востока. В районы влияния новой железной дороги, с другой стороны, поступает зарубежная техника, оборудование, машины (из Японии, ФРГ, США) для сооружения рельсового пути, а также угольных, целлюлозно-бумажных и других предприятий.

Интересно следить за прессой капиталистических стран: в последнее время она отходит от манеры похлопывать Сибирь по плечу, снисходительно называя ее «восточным Эльдorado» или «арктическим Клондайком». Идет разговор о конкретных усилиях деловых кругов, желающих участвовать в освоении ее природных ресурсов. Эта перемена интонации вызвана развитием мировых событий в сторону разрядки напряженности между государствами с различным социальным строем и перспективами выгодной торговли с Советским Союзом. Ведущие монополии-гиганты предлагают сотрудничество на так называемой компенсационной основе: они предоставляют советским партнерам долгосрочные кредиты для покупки машин, оборудования, материалов, а также и новейшего технического опыта, чтобы затем вернуть эти суммы дефицитным природным сырьем или продукцией вновь созданных советских производств.

Особый интерес к природным ресурсам Сибири проявляют крупнейшие корпорации и банки США. Они хотели бы закупить в Советском Союзе технологию строительства трубопроводов на сваях в зоне вечной мерзлоты, соорудить газопровод, установку по сжижению газа, чтобы вывозить танкерами западносибирское топливо. Не зря американский «Тайм» пророчествовал, что сибирский газ, пройдя через Европу, однажды согреет Нью-Йорк, а электроэнергия Сибири придет через Берингов пролив в США и Канаду.

С сибирскими месторождениями ископаемого сырья связаны многие надежды японских промышленников. Они намечают участие в строительстве магистральных трубопроводов, чтобы вывозить западносибирскую нефть и якутский газ, согласны строить завод по сжижению газа и уже предоставили кредит на сумму 450 миллионов долларов для осуществления якутского угольного проекта.

Япония, Франция и некоторые другие страны предлагают услуги для разработки Удоканского месторождения меди.

Сибирь становится фактором мировой экономики.

Мы помним ленинское указание — необходимо использовать внешнеэкономические связи с капиталистическими странами в интересах социалистического строительства. Привлекая иностранные кредиты для освоения природных ресурсов и промышленного развития восточных районов, Советский Союз экономит время и средства, успешнее наращивает народнохозяйственный потенциал, оставляя за собой управление новыми объектами, как своей безраздельной собственностью. Экспорт же части сырья и продукции дает возможность расплачиваться за импортное оборудование, технический опыт и обеспечивает постоянное поступление в Государственный банк СССР иностранной валюты, способной оборачиваться новыми товарами для расширения производства и для того, чтобы наши люди жили лучше.

Сибиряк в этом месте обязательно переспросит, а какой прок заводу или, к примеру, комбинату от торговли с иноземцами.

Тут общим смыслом не отделаешься, нужна конкретность. Прокопьевский завод «Электромашина» выпускает 250 разных типов машин и оборудования (электромшины, генераторы, двигатели для экскаваторов и многое другое) для экспорта в 52 страны. Это хорошие вещи, они удостаивались высоких похвал на международных ярмарках в Париже, Милане, Базеле, Будапеште, Брно, Загребе, Познани. Большие объемы внешних поставок создают экономическую заинтересованность: у завода имеется валюта для приобретения самой совершенной техники, лучшей, чем есть. И снова растет производительность труда, строже требования к культуре производства. Качество продукции держится на мировом уровне. Увеличивается зарплата и повышается настроение людей. Лучше работает! «А как же, — говорят прокопьевцы, — технические новинки заставляют тянуться».

По каким бы сценариям ни развивалась экономика Сибири, сохранится или изменится структура ее народного хозяйства, так или иначе будет расти ее участие в международном разделении труда. Можно заранее предполагать, что новые виражи и подъемы восточных районов еще потребуют от нашего поколения напряженных усилий — не только материальных, но и интеллектуальных¹³.

В раздумьях о будущем Сибири все остальное заслоняет своею важностью проблема «дорога — транспорт». Дороги испокон века влияли на размещение производительных сил, на предпочтительное освоение тех или других новых территорий — они бывали законодателями структуры хозяйства и даже уровня жизни людей. Потому исторически так получилось, что главные индустриальные центры возникают и развиваются по берегам сибирских рек, по обе стороны широтной железнодорожной магистрали. Куда проникает транспорт, там пробуждается дремлющая земля. И напротив, если нет дорог, то, сколь бы ни были богаты найденные ресурсы, им еще долго лежать под спудом. Эта судьба постигла медь Удокана, уголь Тунгуски, асбест Южно-Муйского хребта, свинцово-цинковый рудный пояс на Бурятском Севере...

Каковы дороги и транспорт — таков и завтрашний день Сибири.

Основные перевозки каменного угля, леса, железной руды, черных металлов, строительных материалов, химических удобрений, хлебных и других массовых грузов останутся за железными дорогами, прежде всего за широтной транссибирской магистралью, которая будет электрифицирована на всем протяжении.

Строительство железных дорог в восточных районах требует больших капитальных вложений. Километр однопутной колеи на равнине обходится до 160 тысяч рублей, в болотистых и горных районах до 300 тысяч рублей, а на сооружении электрифицированной магистрали Абакан — Тайшет каждый километр дороги стоил 433 тысячи рублей. И все-таки железные дороги приносят огромные выгоды — экономические и социальные. В планах развития Сибири намечена реконструкция существующих путей и сооружение новых широтных магистралей.

В 1974 году возобновилось строительство Байкало-Амурской железной дороги, ее срединного участка (3125 км), связующего западное крыло (Тайшет — Лена) и восточное (Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань) однопутной на первых порах колеей (земляная полотно, мосты, тоннели строятся сразу под два пути). Более 80 тысяч человек (кадровые транспортные строители, молодежные отряды, воинские специализированные подразделения и т. д.) одновременно ведут работы по всей трассе. БАМ задумана как железная дорога первой ка-

тегории, оснащенная автоматизированными системами управления движением поездов, электронной диспетчерской службой — автоблокировкой, электрической централизацией стрелок и сигналов. На магистраль выйдут электровозы и тепловозы в северном исполнении, громадной мощности, с особо оборудованным подвижным составом, способные взбираться на крутые подъемы. Это будут поезда весом до семи тысяч тонн. Впервые в истории хозяйственного освоения восточных районов многие республики, края, области взяли на себя проектирование и строительство новых поселков, станций, разъездов.

Сквозное движение по трассе БАМ предполагается открыть в 1982 году.

Очевидно, проложат новые железные дороги на Крайнем Севере. Полярные поезда будут кружить по горным кряжам, нестись по лесотундре, в меняющихся ландшафтах, что привлечет туристов и путешественников.

Начнут курсировать специальные туристские поезда с полустеклянными вагонами и комфортабельными смотровыми площадками, откуда будет открываться широкий обзор нетронутой субарктической природы. Пассажиров будут провожать тени давно ушедших искателей золота.

На железные дороги уже выходят локомотивы с повышенными возможностями, а в будущем для пассажирских и грузовых перевозок в северных районах ожидают использование еще и скоростных газотурбовозов. На большинстве линий общая скорость поездов возрастет до ста восьмидесяти километров в час, а на некоторых участках появятся специальные линии, где поезда будут нестись со скоростью двести — двести пятьдесят километров в час. В перспективе возможно появление сверхскоростных поездов, движущихся на воздушной подушке.

По-видимому, будет возрастать значение Северного морского пути. Мощные ледоколы, в том числе и атомные, дадут возможность расширить продолжительность навигации вдоль всего побережья.

Будут совершенствоваться речные пути, особенно в глубинных районах Восточной Сибири, куда железные дороги придут не скоро, если вообще когда-нибудь придут. Здесь станут курсировать тяжелые и быстрые грузовые корабли, способные совершать рейсы река — море — река, а на небольших речках и на водоемах мы увидим суда на воздушной подушке.

В некоторых районах Сибири (Якутия, Тува) две трети перевозок грузов и пассажиров приходится на автомобильный транспорт. Я встречал костры во льдах и в снежных пустынях, где шоферы отогревали у пылающих старых покрышек свои машины и самих себя на долгом зимнем пути, и каждый раз удивлялся высокому порогу их выносливости и долготерпения. Хочется верить, что начнут быстрее покрывать

дороги асфальтом или бетоном, оснастят их заправочными станциями, ремонтными базами, гостиницами для автомобилистов и для пассажиров. На сибирских автомагистралях это должно произойти раньше, чем в европейской части страны. На дороги выйдут автомобили с повышенной грузоподъемностью и высокими скоростями. Между промышленными центрами, расположенными не слишком далеко один от другого, будут ходить мощные тягачи с автопоездами весом в сто и двести тонн.

Автодороги могут стать составной частью крупных транспортных полимагистралей, соединяющих промышленные комплексы.

По трубопроводам на дальние расстояния будут транспортировать не только нефть и газ, но также уголь, железную руду, минеральное сырье, контейнеры и капсулы со всевозможным грузом. И кто знает, может быть, окажется экономичным и быстрым отправлять по трубам лодки-кабины с пассажирами. И пассажиры предпочтут этот вид транспорта другим. Во всяком случае, адаптация человека к лифту и метрополитену дает пищу для предположений.

Сибирское небо видится перекрестком оживленных воздушных дорог.

С развитием горнодобывающей промышленности и других отраслей народного хозяйства в районах, лежащих в стороне от железных, водных, автомобильных дорог, главным перевозчиком станет авиация. Она обеспечит доставку грузов, почты, пассажиров, будет нести охрану лесов, поможет строительству буровых вышек, линий электропередачи, производственных корпусов. На трассы выйдут могучие реактивные тяжеловозы типа «Ан-22» («Антей»), сверхзвуковые лайнеры класса «Ту-144» с сотнями пассажиров на борту, машины с коротким разбегом или вертикальным взлетом, а также вертолеты с расширенными возможностями. Авиация еще больше укрепит свои преимущества в районах нового освоения.

К 1990 году можно ожидать появления в Сибири бездорожного наземного транспорта.

Еще раньше, где-то в восьмидесятые годы, обычными станут разного класса снегоболотоходы, снегоходы, гусеничные тракторы, способные буксировать тяжелые санные поезда. Некоторые из этих машин называют вездеходами. Они действительно будут мощны и надежны, эти высокопроходимые «ходы», но — увы! — не «езде». Даже лучшим из них не преодолеть все различия изменчивых северных грунтов. И все-таки снегоходный транспорт будет популярен и местами незаменим для вывозки леса или доставки грузов от аэродрома, речной пристани, железнодорожной станции к горному карьеру или к буровой вышке. Возможности этого типа машин станут еще шире, когда их обуют в сегментарные пневмогусеницы, сочетающие достоинства пневматической шины с преимуществами гусеничного трака.

Но будущее, по всей вероятности, за бездорожным транспортом иного характера. Это могут быть самоходные вибраторы — чугунные корыта. Они чуть подпрыгивают, вроде кенгуру, и не спеша продвигаются в любом заданном направлении, через топи, валежники, пни, по снегу и по льду, волоча за собой на полозьях груз весом в десятки тонн. На Ямале уже испытывали один такой вибратор, снабженный мотоциклетным двигателем в четырнадцать лошадиных сил. За счет малой скорости у него оказался большой коэффициент полезного действия. Испытатели уходили на несколько километров вперед, сидели на валежинах и глотали холодную морозку, а через час-полтора поспевал самоходный вибратор с санным грузом, преодолевший все препятствия и вышедший точно к намеченной цели. Инженеры рассчитывают поднять скорость этого корыта до десяти-двенадцати километров в час, и тогда грузы круглый год будут поступать в те места, куда раньше их можно было доставить только по зимнику.

Возможно, именно Сибирь станет полигоном для испытания шагающих машин, которые передвигаются на четырех ногах, способных сгибаться в «коленях». Водитель будет стоять ногами на двух педалях и держать в руках два рычага. Ноги машины станут продолжением его рук и ног, они сумеют подниматься, переступать через преграды, шагать дальше, приседать и выпрямляться, как будто сам водитель ползет на четвереньках. Ноги машины, длиной до трех метров, легко перешагнут через ямы, траншеи, кустарники. Редкостная способность шагающих машин приноровиться к любому рельефу все больше привлекает к ним внимание конструкторов будущего транспорта. По описаниям специалистов, «это неуклюжее творение человеческих рук, пошатывающееся на своих алюминиевых ногах, ходит не хуже своего создателя — со скоростью 8 километров в час. Одной ногой оно может поднять до 500 килограммов груза и легко перешагнуть через сложенные штабелями деревянные восьмидесятикилограммовые бруски, как через спички. Это «чудовище» способно выполнять и более деликатные операции: положив свою тяжелую лапу на куриное яйцо, оно даже не повредит его скорлупу...»¹⁴

Но если бы мне предложили когда-нибудь, уже напоследок, вроде прощального желанья, прокатиться на транспорте близкого будущего, я попросил бы поднять меня на фермобиль. Пусть это будет где-нибудь на Крайнем Севере, в дорогах для меня края.

Представьте себе спаренные бетонные опоры-сваи буквой «П» — уходящие полукругом в глубь тундры к Ледовитому океану... Над опорами, едва касаясь их рольгангами, несется железнодорожный мост — металлическая ферма. Она сама, собственными подъемными механизмами, приняла на себя грузы, которые доставит в пункт назначения:

сборные северные дома, плети сваренных труб, реактор атомной электростанции, электромобили-вездеходы.

А в стеклянных комфортабельных каютах, подвешенных к верхним конструкциям фермы, сидим мы, пассажиры 2000 года. Я смотрю на приборы — наша ферма летит со скоростью шестьдесят километров в час, а внизу пестрая тундра, поблескивают озера, и стада диких оленей проходят под опорами, не встречая препятствия. И мысли у меня о том, как прекрасно, что с постройкой фермобильной дороги не повреждена земля. Рядом со мною прильнул к стеклу один из авторов этого транспорта инженер И. А. Бескин (авторское свидетельство № 290981 на изобретение фермобилиа или колеиной дороги выдано 13 октября 1970 года В. Ф. Бурханову, И. А. Бескину, А. Г. Рафаилову, Ю. А. Таргуляну). С Бескиным мы знакомы давно, и он рад показать мне, наконец, действующий фермобиль, который я рассматривал когда-то в чертежах с недоверием и усмешкой. «Километр колеиной дороги обходится в сорок тысяч рублей. Во много раз дешевле, чем стоила бы в этих местах автомобильная или железная дорога...» — «Отчего же не строили фермобиль тогда, в семидесятых?» — спрашиваю я. Бескин снимает очки и долго их протирает платочком. «Мы предлагали, да никто не брался!»

Впрочем, может быть, время изменит суть разговора.

Фермобиль замедляет ход у перрона северного города Кызыл-Сыр... С борта каюты нам хорошо виден архитектурный комплекс, вытянутый вдоль гористого берега Вилюя, против песчаного острова. Вся общественная жизнь сосредоточена на главной улице — магазины, рестораны, прачечные-автоматы, дворцы отдыха с зимним садом и плавательным бассейном. Ближе к лесу стоят пятиэтажные дома, соединенные крытыми теплыми галереями. Жители города идут на главную улицу по свежему воздуху меж деревьев. Но в пургу или в дождь они совершают этот маршрут крытыми галереями. Группы пятиэтажных домов обращены к югу и расположены таким образом, что защищают сами себя от ветра. В детских садах есть крытые зимние дворики. В самую лютую стужу там, говорят, поддерживается температура не ниже десяти-пятнадцати градусов холода по Цельсию.

— Это проект наших дедушек, типичная северная архитектура конца семидесятых годов, — поворачивается к нам незнакомец с широкоскулым азиатским лицом. — Центр информации Сибири прислал по моей просьбе микрофильмы тогдашних крупноформатных газет, и я просматривал на экране сообщения. О таких планировках с крытыми переходами писали как о «городах будущего»!

Пассажиры стоят у ограды, наблюдают за цветным кружением тундры. Кто в бинокли, а кто через солнцезащитные ацетилцеллюлозные очки. Пожилые люди дремлют в низких надувных креслах, накрывшись пледами. Все они чем-то похожи друг на друга, но я затруд-

няюсь подобрать слова, чтобы обозначить точно содержание сходства. Может быть, их роднит чувство полного равенства между собою, независимость их духа и их мышления. Как прекрасно общение людей, не утративших внутренней свободы и достоинства.

— Знаете, язык той эпохи приводил меня в замешательство,— продолжает наш спутник, приподнимая воротник дакроновой куртки.— О своих жилищах, где они творили, отдыхали, рожали и воспитывали детей, об этих святых храмах вдохновения и любви они пишут «сдали в эксплуатацию», как будто о рабах Древнего Рима.

Он помолчал, что-то припоминая.

— И еще одно сочетание слов часто возникало на экране: «строим на века...» Странные стремления были у наших предков. Разве сами они хотели бы обитать в жилищах столетней давности?

Узкие глаза смотрят на нас вопросительно.

— Нелегко было потом приспособлять оставленные ими в наследство вечные каменные города к новым потребностям. Некоторые поселения, задуманные на века, стали постепенно отмирать. Наступала пора осуществления более свежих и смелых архитектурных замыслов. Но теперь никому не приходит в голову рассчитывать постройки и города на слишком долгий срок. Технологические возможности и вкусы людей меняются так стремительно, что строить «на века» означало бы тормозить прогресс.

Фермобиль несется по Восточной Сибири, вовлекая в орбиту кружения и оставляя позади гигантские индустриальные концерны, горнодобывающие объединения, лесохимические, сталелитейные, машиностроительные комбинаты, атомные реакторы, станции магистральных путей. Проплывают поля густой пшеницы, ржи, кукурузы, близко от сельских поселков видны корпуса животноводческих помещений, за ними стеклянные птицефабрики и оранжереи. В сельской местности живет восемь или десять процентов населения. Это потомки выходцев с Украины, Поволжья, центрально-черноземных районов России, сохранившие в крови неистребимую любовь к крестьянскому труду, хотя по образу жизни они ничем не отличаются от промышленных рабочих: имеют дело с электронным пультом управления, автоматизированными линиями, с портативной вычислительной техникой.

Незнакомец предложил пройти в ресторан. Мы выпили по бокалу холодного облепихового сока и принялись есть из тефлоновых сковородок омлет с кусочками оленины. Внизу серебрились и петляли речки, проплывал уже редкий кустарник, в воздухе все явственнее ощущалось дыхание Ледовитого океана.

Скоро фермобиль причалил к перрону города Сысскылах.

Извинившись, я поднялся из-за стола и вернулся на смотровую площадку. В половину синего безоблачного неба вставал над землей прозрачный купол. Огромный пленочный пузырь, воздушный шар. Внут-

три виднеются уютные домики в один и два этажа, зеленые парки, спортивные площадки. По улицам проносятся разноцветные электромобили. Мне показалось, что в сибирских городах электромобилей больше, чем в европейской части страны: видимо, здесь дешевле электроэнергия, и потому экономичнее этот вид городского транспорта, который подзаряжает свои батареи на станциях обслуживания электромобилей. Но на чем же держится эта полусфера, где опоры ее? Ничего не вижу, хотя смотрю в бинокль. Скорее всего, купол подпирает несколько повышенное давление внутри крытого города. В долгую полярную ночь тут ярко светит искусственное солнце, а в полярный день тонкий гигантский полушар пропускает сквозь себя тепло и ультрафиолетовые лучи настоящего солнца.

— Вам нравится город под куполом?

Сосед уже снова был рядом со мною.

— Об этой идее давно поговаривала Сибирь,— ответил я.— Еще со времен алмазного Айхала. Были интересные проекты северных городков под куполом, но в семидесятые и восьмидесятые годы осуществились только надувные склады, спортивные сооружения, подводные транспорты да еще рестораны на туристских привалах в горах.

— Первые города под куполом стали строить у нас где-то в конце 1990-х годов. Лично меня крытый город не привлекает, я чувствую себя в нем неуютно. Хочется естественности, природы, простора!

Внимая собеседнику, я радовался тому, как это замечательно, что пришло, наконец, время, когда размещение городов, их размеры и архитектурное лицо перестали быть делом случая или следствием разных нехваток, что к городам теперь подходят, как к сложным системам, научно решая, где они нужны и какие именно, на миллион человек или на пятнадцать тысяч, для какого социального и возрастного состава они предназначены и будет ли жителям этих городов хорошо работать, сумеют ли они там безмятежно отдыхать, встречаться в уютной обстановке с друзьями, уединяться, если захотят, смогут ли в условиях этого конкретного поселения наилучшим образом проявить свою человеческую сущность.

— А вы где живете? — спросил я.

— Недалеко отсюда, в Кюсюре.

— Что, Кюсюр теперь город?

— Десять тысяч жителей. Весь город в одном доме из пластиков, алюминиевых и титановых сплавов. Моя квартира в блоке «в» девяносто третьего этажа. На скоростном лифте можно быстро спуститься в залы общего развлечения, в плавательный бассейн, спортивным площадкам, в парикмахерские. Лифт выходит и на плоскую городскую крышу — к ресторанам, соляриям и к вертолетной площад-

ке. Оттуда прекрасный вид на отроги Хараулахского хребта и на дельту суровой Лены... Я очень люблю проводить на крыше ночи в сезон полярных сияний.

— А магазины куда встроены? — Меня занимала проза жизни.

— На нижних этажах и в переходах. Но мы редко туда заглядываем. По телефонному звонку продукты доставляются по трубопроводам в каждую квартиру. Параллельно проложили и молокопровод. Открываешь краник, льется в кастрюлю молоко, а магазинный автомат учитывает потребление, как электросчетчик. Обещают провести и пивопровод, но в жилищной корпорации оказались болтуны. Третий месяц идут разговоры, а пивопровода все нет.

— И большие квартиры? — вздохнул я сочувственно.

— Как сказать... В восьмидесятых годах, вы знаете, на каждого сибиряка приходилось около десяти квадратных метров жилой площади, в девяностых годах больше двенадцати, а к двухтысячному году уже шестнадцать-восемнадцать. Сейчас немножко больше, но никто не стремится к просторным квартирам. К чему они, если нет нужды запасть продукты на зиму и хранить их в жилище, если не надо держать у себя холодильники, стиральные машины, громоздкие шкафы и велосипеды в прихожей. Все бытовые приборы и аппараты встроены в стену, даже экран телевизора висит на стене плоской картиной, почти не занимая места в пространстве. Человек стал мобильным, быстрым на подъем, его не удержишь на одном месте; он любит менять убранство квартиры, саму квартиру, дом, как меняют по временам года костюмы.

— А каково детям и их воспитателям?

— Они живут вместе, на лоне природы, в «школьной деревне». Квартиры учителей, комнаты учеников и лаборатории для занятий представляют собой один комплекс, оснащенный телевизионными установками и кассетами видеозаписи с учебными программами. Пять дней в неделю они неразлучны, и хотя у каждого достаточно времени, чтобы побыть наедине с самим собой, все же именно взаимное общение для них становится внутренней потребностью и наслаждением. Уроки обрели форму свободного обмена мнениями. Учитель и ученик одинаково уважают убеждения друг друга. Поощряется пытливость и несогласие, как возможность развить ум и укрепить чувство собственного достоинства. В субботу и на воскресенье дети возвращаются к родителям, проводят время в кругу семьи, равноправные участники семейного совета, со своими взглядами на жизнь.

Собеседник был мне интересен, и я не преминул спросить, чем он занимается. Оказывается, в цокольном этаже сверхвысокого города-дома в Кюсюре размещен филиал авиационного концерна для сборки аэросаней с реактивным двигателем. Рабочая неделя продолжается тридцать часов, отпуска получают два раза в год, зимой и летом. Цеха

завода совмещены со спортивными площадками. В обеденный перерыв, а особенно после работы, многие отправляются играть в теннис, заниматься конным спортом или стрелять из лука. В соревновании участвуют рабочие, инженеры, руководители филиала — укрепляется общение между работниками.

Слушая спутника, я вдруг подумал о том, что лично у меня другие вкусы. Небоскреб мне кажется чрезмерным среди северных гор. Он ломает голубую линию возвышенностей и разрушает гармонию местности. Мне по душе был бы небольшой арктический поселок с комфортабельными, ярко окрашенными коттеджами в один и два этажа. Подвесная дорога доставляет меня и моих друзей к отдельно расположенным и функционально безупречным производственным зданиям. В хорошую погоду я предпочту идти на работу по горной тропе, не торопясь и вбирая полную грудь бодрящего воздуха.

— Много людей живет в Сибири? — спрашиваю я.

— По переписи 2000 года было 35 миллионов. Правда, каждый год приезжает полтора-два миллиона туристов, все больше из южных районов. Охотники за снегом!

...А мимо несется Сибирь XXI века. Взгляд задерживается на промышленных парках, как называют свободные территории, уже подготовленные для будущего строительства: под землей уложены все коммуникации и газопроводы, видны отличные автомобильные дороги, другие подъездные пути к предприятиям, которых пока еще нет, между опорами висят высоковольтные линии электропередачи, кое-где загодя соорудили гидроузлы. А больше ничего не заметишь, территория живет ожиданием. Как хорошо, что не сбылась надежда слишком восторженных гостей, когда-то в порыве добрых чувств называвших этот край «сплошной строительной площадкой». Они думали, что говорят и пишут комплименты и даже не пытались представить себе, как было бы ужасно видеть, куда ни глянь, одну огромную стройку... Все вышло иначе, слава богу: освоение новых территорий происходит выборочно, очагами или точками, намечаемыми с учетом интересов экономики и охраны окружающей среды.

В сущности, картина поездки по будущей Сибири не должна бы казаться слишком оторванной от реальности. Вернее, от научных и технических возможностей семидесятых годов. Еще не такое увидишь, склоняясь перед новейшими проектными разработками, следя за конструкторскими и технологическими экспериментами. Создаваемые на востоке страны интеллектуальные «мощности» способны обеспечить материальное воплощение самых смелых идей. В этом смысле прогулка на фермобиле или встреча с новой архитектурой идут не от полета мечты, а скорее от знакомства с лабораторными исследованиями.

Но истинный прогресс измеряется не прекрасными достижениями, даже если их добились усилием всей нации, а их влиянием на судьбы

тех, кто живет пока труднее прочих. Хочу сказать, что расстояние до будущего есть величина переменная, зависящая от уровня отсчета. Думать о фермобиле, поднимаясь по трапу на борт реактивного самолета, собираясь лететь на отдых к морю, и думать о нем, выпрашивая у председателя телегу, чтобы добраться до остановки автобуса, идущего по большаку в райцентр,— это все-таки разные вещи. Мне хочется вымерять этот путь, начиная от тех сибирских городков и деревень, где пока нет центрального отопления, водопровода, канализации; от той крестьянской избы, где я сейчас сижу за старым сосновым столом, у керосиновой лампы, выкрутив побольше фитиль, чтобы не болели от напряжения глаза. И тогда сами собой просятся в главу о будущем спокойные слова о том, что еще потребуются большие усилия и много работы впереди.

Странная бывает судьба у великих предвидений.

Сегодняшние открытия в Сибири, да и все то, что мы предсказываем в будущем, если разобраться, лежит в кругу старых известных идей, выношенных в двадцатые и тридцатые годы, а то и значительно раньше. Возникая и получая огласку, проекты кажутся современникам чудачеством одиночек, оторванных от жизни, и потребны десятилетия, а то и целый век, чтобы почти забытые идеи стали технически осуществимыми, даже актуальными и насущными. Академик И. М. Губкин вынашивал мысль о сибирских нефтяных месторождениях, когда голодало Поволжье, в домах сидели при керосиновых лампах, а по улицам собирали беспризорных детей. Да вот пример еще более разительный: в нашу эпоху реализуются возможности Северного морского пути, заложенные еще Ломоносовым.

Сто лет назад появилась фантастическая идея поворота сибирских рек на юго-запад для орошения засушливых земель. Российской читающей публике было забавно слышать и пересказывать прелюбопытнейшую выдумку. Реки вспять поворачивать. Сибирские! Это когда крестьянин, недавний крепостной, ходит по борозде за плугом, когда строят первые железные дороги — «чугунки» и свозят тачками землю на полотно, когда лучшая часть дворянства получает образование в европейских странах и еще не родились даже отцы и матери тех, кому выпадет осуществлять проект, казавшийся сумасбродным.

Но пришло время!

Межбассейновая переброска больших масс воды стала осуществимой в условиях социалистического планового хозяйства, при концентрации огромных материальных и трудовых ресурсов, на базе высокопроизводительной землеройной, транспортной, насосной, разной другой техники, когда государство способно маневрировать этой мощью и менять облик земли на тысячекilометровых пространствах. Поворот

сибирских рек несет живительную влагу потрескавшимся под знойным солнцем землям Казахстана и Средней Азии. Там, где гулял суховей, шарами пыли катился по степям, обтекая двугорбых верблюдов, шипавших колючий кустарник, ландшафт принимает иное обличье. Идут караваны комбайнов по пшеничному полю. До горизонта раскинулись бахчи. В высоких сочных травах пасутся тучные стада. В городах этой зоны забудут о «водном голоде», о строжайших лимитах на воду в технологических процессах на производстве и о коротких, по жесткому расписанию часах, когда в жилых домах, как милость, из крана каплет вода — чистая, прекрасная, питьевая!

Сибирским рекам выпала счастливая миссия — влить свежую силу и вдохнуть полнокровную жизнь в Аральское море и в Каспийское море, которым грозит понижение уровня. Студеные воды Оби и Енисея, предназначенные природой пополнять бассейн Ледовитого океана, будут выделять часть от щедрот своих на юго-запад, чтобы сохранить для страны два ее славных теплых моря, во всей их первоизданной могучести и продуктивности.

Никогда на земном шаре не решались комплексные народнохозяйственные проблемы такого масштаба.

В 1962 году началось строительство первой очереди канала Иртыш — Караганда, протяженностью пятьсот километров. На трассе соорудили 22 насосные станции, 14 плотин, 13 искусственных морей, множество дамб, мостов, водосбросов. Чтобы направить иртышскую воду в южном направлении, ее пришлось поднимать насосами на высоту пятьсот метров. Эта техническая задача решалась тоже впервые в практике гидростроительства. Через пять лет иртышские воды прошли от города Ермак через павлодарские земли (оросив двадцать пять тысяч гектаров) в город угольщиков Экибастуз, а еще через три года заполнили водохранилище у города металлургов Темиртау: благодаря воде здесь появилась возможность вдвое увеличить производство стали и проката.

По проекту сибирские воды проникнут в глубь Казахстана на полторы тысячи километров, орошая целинные земли, помогая развитию угольной промышленности Экибастуза и Караганды, цветной металлургии Джекказгана.

Уже ведутся проектно-изыскательские работы по переброске вод Оби и Енисея в Арало-Каспийскую низменность. Будущие грандиозные каналы и гидроузлы можно видеть на ватманских листах: одна из схем предусматривает ежегодный отвод на юг ста пятидесяти — ста шестидесяти пяти кубических километров сибирских вод, при этом две трети объема намечается брать из Енисея и одну треть из Оби. Среди прочих обсуждаются варианты подачи воды из водохранилища Саянской ГЭС через системы рек Би и Томи, а из Енисея в районе Кызыла через Чую, Катунь, Коксу. В Обском бассейне изучают четыре трассы за-

бора воды: Верхне-Катунскую, Верхне-Обскую, Каменскую и Чулым-Омскую.

Осуществление проекта связано с перестройкой гидрографической сети в верховьях Оби и Енисея, с искусственным изменением режима этих рек и их притоков. Десятки исследовательских институтов изучают возможный ход перемен в природной среде и прогнозируют отдаленные последствия. Они опираются на опыт, связанный с влиянием крупных сибирских гидроузлов на окружающую природу.

В новую эпоху идеи столетней давности получают вторую жизнь.

— Как далеко можно заглядывать в будущее? — спрашивал я в Иркутске академик Виктор Борисович Сочаву.

— Для Сибири, которая из-за естественных трудностей будет осваиваться медленнее других территорий, было бы разумно прогнозировать развитие на конец XXI века и даже дальше. Искать пути, выдвигать новые идеи, кажущиеся сегодня фантастическими. Пусть через сто или двести лет они найдут свое место и лягут в уготованное жизнью ложе. Только так в какой-то мере обеспечивается существование идей-долгожителей и бессмертие смелых проектов.

Тогда я спросил, наконец, о том, что давно занимало меня.

— А реальна ли перспектива сооружения плотины через Берингов пролив, уничтожения арктических льдов, потепления климата Северного полушария?

Виктор Борисович пожал плечами:

— Технически это вполне осуществимо, но предстоит тщательное изучение всех возможных последствий. Не думаю, что это дело сегодняшнего дня или ближайших тридцати-сорока лет. Но идеи такого рода следует всячески поддерживать, критически рассматривать, стимулировать их дальнейшую разработку. Кто знает, как распорядятся этим наследством потомки!

— А вы не встречались с Борисовым, автором проекта?

— Не приходилось, но знаю, что он живет где-то в Москве... Было бы интересно поговорить с ним.

...В Москве я шел по Малой Бронной, сжимая в руках мятую бумажку из справочного бюро с адресом и телефоном П. М. Борисова. Мне не хотелось звонить и договариваться о встрече. Лучше побродить по улицам и как бы невзначай забрести в этот дом, и я мучительно старался угадать окно, где по утрам стоит созданный моим воображением наш современный Жюль Верн и поверх старых московских крыш смотрит на мир через подзорную трубу.

Дом. Подъезд. Этаж... Нажимаю кнопку звонка.

— Чем могу служить?

В дверях этакий крупный русский хлебосол с румяным лицом и седыми аристократическими усиками.

— Мне горного инженера Борисова.

— Проходите... Это я!

Полчаса спустя мы сидим за круглым обеденным столом, среди рулонов бумаг, спущенных хозяином с верха старого дубового шкафа. Вокруг меня диаграммы, грамоты, дипломы, а Петр Михайлович то и дело вскакивает со стула, торопится в другую комнату и возвращается с новым ворохом конвертов, чертежей, старых газет и журналов. Он так взволнован интересом к его проекту, так тронут вниманием к делу всей его жизни и так суетится, что я почувствовал неловкость от бессилия быть ему чем-то полезным.

— Ну-с, с чего прикажете начать?

На подоконнике два белых голубя, распушили хвосты, греясь под солнцем, поднявшимся над плоскогорьями московских крыш.

Петр Михайлович уже ушел в себя и, словно бы размышляя вслух, рассказывает о климатах давно минувших эпох, что было миллионы лет назад, при оледенениях и межледниковьях, а я напрягаюсь, чтобы определиться в этом мире смещенных понятий, времен, координат и ловлю себя на том, что внимаю рассеянно, иное не выходит из головы: неужто этот человек начертал один из самых дерзких проектов нашего времени, задумал привести Гольфстрим к Северному полюсу, растопить льды и обогреть планету, это его идеи вызвали шумный интерес в Советском Союзе, США, Канаде, Японии?

Передо мной письма сенаторов, конгрессменов, инженеров, ученых. Да, это ему. И мне не оставалось ничего другого, как отрешиться от уводящих в сторону мыслей и заставить себя вслушаться.

Два вопроса занимали меня — действительно ли нашему поколению под силу изменить климат Северного полушария и надо ли, разумно ли, безопасно ли это делать?

Вот что я узнал.

Проект плотины через Берингов пролив попал в печать и обошел страницы мировой прессы, возбудил столкновения прогнозов, и дотеле неизвестного инженера, строителя сибирских газопроводов, вечного скитальца, пригласили на работу в Институт географии Академии наук СССР. Он ходил по коридорам, встречал путешественников, объезжавших весь свет, и, сам себе удивляясь, не чувствовал робости. Институтские ветераны с некоторым недоверием отнеслись к новичку-здоровячку и его планетарным идеям. Но скоро признали между собой, что его доверчивость и общительность не мешают усидчивости и по законам житейской логики даже помогают ему привлечь внимание к своим занятиям. Были безоговорочные сторонники его проекта, были и решительные скептики, но всем им одинаково нравилось, что горный инженер способен внимательно слушать.

Борисов тогда изучал историю климатов на Земле.

Ему хотелось реконструировать климаты прошлых эпох. Из трудов палеогеографов, палеобиологов, палеоботаников и других знатоков древних геологических эпох он черпал тысячи мозаичных фактов, сопоставлял их, стараясь проникнуть воображением через толщу тысячелетий. Он знал, что, если бы удалось направить искусственное воздействие на климат по тем же каналам, по которым в далеком прошлом происходили естественные перемены климата на планете, тогда воссозданные наукой палеоклиматы могли бы послужить моделью прогнозов возможных преобразований; изучая, что было,— понять, что может случиться.

Климат не раз менялся на Земле.

Даже за последние миллионы лет, плотно изученные геологией и палеогеографией, наблюдают перепады от пустынных обледенений к мягкому климату, когда острова в водах Арктики были покрыты лесами, в полярных широтах цвели субтропические растения, а температура поверхности вод Ледовитого океана у побережья Сибири и Аляски достигала 14 градусов по Цельсию. Это примерно температура Балтики в курортную весенне-летнюю пору. С некоторой условностью мы могли бы представить себе северную оконечность Якутии или Чукотки панорамой Рижского взморья с соснами на чистых песчаных дюнах.

Откуда бралось тепло в Арктическом бассейне?

На рубеже мезозоя и кайнозоя, что-нибудь восемьдесят миллионов лет назад, теплые южные воды шли без препятствий в высокие широты по двум природным коридорам.

Западный коридор — он пересекал нынешний материк Северной Америки — пропускал на север воды Карибского моря и Мексиканского залива.

Через восточный коридор — это было море Тетис и Западно-Сибирский пролив — устремлялись к полюсу воды Индийского океана.

Геологические процессы постепенно воздействовали на земную кору, она поднималась, и на месте бывших коридоров возникали равнины или отроги горных хребтов. Бассейн Арктики становился все более изолированным от экваториальных вод — наступало охлаждение поверхности Земли. Были фазы похолодания, когда на нашем полушарии под сплошными вековыми льдами находилось в десять раз больше суши, чем в нынешнюю историческую эру (26 млн. кв. км против 2,3 млн. кв. км).

И все же чаще и продолжительнее существовал на планете мягкий климат, благоприятный всему живому. Случались времена, когда в Гренландии росли каштаны и вились по склонам гор виноградная лоза, а в Заполярье произрастали секвойя, сосна, тополь. Даже пальмы, мирты, магнолии достигали 60-го градуса северной широты. Болотный кипарис цвел на Новосибирских островах!

«Поэтому мы вправе считать, что мягкий климатический режим, значительно более теплый, чем мы наблюдаем ныне в полярных и умеренных широтах, присущ Земле в неизмеримо большей степени, чем современный», — так суммировал Борисов выводы многих исследователей¹⁵.

В последние 20 тысяч лет климат тоже резко менялся. Были таяния ледников, им на смену приходили новые внезапные похолодания, а потом опять разливалась повсюду теплынь, да еще такая, что в арктических водах бесследно исчезали тяжелые паковые льды, словно бы их никогда и не было. И как миллионы лет назад, приближались леса к полярному берегу. Остатки древесной растительности той поры обнаружены в безлесной таймырской тундре, в 80 километрах от мыса Челюскин. Полярные моря, расставаясь со льдами, влияли на климат в обоих полушариях, причем хорошо, благотворно влияли. В близких к экватору пустынях отмечают климат более влажный, чем нынешний. Как ни странно покажется на первый взгляд, но учеными признана зависимость уровня озер в Африке от ледовитости северного бассейна. По мнению В. Ю. Визе, если следить за уровнем воды в этих озерах, то можно составить представление о состоянии льдов в Арктическом бассейне.

— Полярные льды всегда взбаламучивали режим атмосферы, — говорит Петр Михайлович, разворачивая на столе новые схемы. — А вслед за этим на землю приходили заморозки, засухи, неурожайные годы... Голод!

— А что же в наше время, — спросил я, — потепление или похолодание на Земле?

— Видите ли, начало крупного потепления отмечено во второй половине XIX века. Потепление постепенно нарастало и достигло кульминации в 30-х годах при нашей с вами жизни. Если помните — хотя откуда вам помнить! — когда дрейфовал «Георгий Седов» в 1938—1940 годах, толщина льда была 2 метра 18 сантиметров. А четыре десятилетия перед тем норвежский «Фрам» даже в более южных районах столкнулся со льдами толщиной 3 метра 56 сантиметров. Мы полагаем, что за эти годы и общая площадь дрейфующего арктического льда сократилась вдвое. И снова приближались леса к полярному берегу, а в низовьях Енисея и Лены гнездились птицы, которые в былое время предпочитали более южные места... Все жили ожиданием — скоро Арктика освободится ото льдов!

— И что же случилось? — нетерпеливо спросил я.

— Зима 1939/40 года... Началось новое медленное похолодание. А в Арктике прибавилось льдов, стали разрастаться горные обледенения, и каждый год средняя температура воздуха понижалась. С 1940 по 1965 год стало холоднее на три десятых градуса.

— Отчего же?

— Если коротко и предельно условно, то можно сказать так: все дело в температуре поверхности вод Мирового океана. В первую очередь Ледовитого океана и Северной Атлантики. Чуть понизится их температура, и на обоих полушариях замечается похолодание. А стоит градусному столбику там хоть самую малость подняться, как на всей планете улучшается климат. Это вы поняли?

— Ну,— кивнул я по сибирской привычке.

— Вывод напрашивается сам собой: путь к искусственному улучшению климата — растопление льдов Арктики.

— Значит, уничтожить льды?

— Дело не в этом... Надо унять те силы, которые способствуют образованию ледового покрова. С ними вполне могли бы справиться теплые течения Мирового океана. Недаром Воейков называл их трубами водяного отопления земного шара!

Борисов развернул на столе чертежи, и я увидел наконец плотину через Берингов пролив.

В створе островов св. Диомида ширина горловины от мыса Дежнева до мыса принца Уэльского немногим более восьмидесяти километров, а средняя глубина около пятидесяти метров. Этот створ и выбран для железобетонной плотины, некоего прообраза древней Берингии, когда-то сплошным мостом соединявшей два великих материка. Плотина задумана не монолитной, ее соберут из блоков-понтонных, доставленных к месту строительства буксирами.

Внутри плотины разместят затворы, лестницы, могучие насосы, невидимые тем, кто будет смотреть на нее с вертолета или стоя на скалистом мысу. Взору откроется грандиозное зрелище: старые паковые льды, ломая и круша друг друга, движутся на обтекаемый гребень плотины и обрушиваются глубоко вниз.

Со временем, когда льды исчезнут, по гребню плотины пройдет автострада и двухпутная электровозная магистраль Сибирь — Аляска.

Плотина перекроет путь тихоокеанским водам в Ледовитый океан. Мощные насосы станут откачивать полярный сток в обратном направлении — 140 тысяч кубометров арктических вод будет сбрасываться каждый год в бассейн Тихого океана. А с запада теплые воды Гольф-стрима начнут постепенно согреть Арктику.

Борисов наметил три этапа мелиорации климата.

Первый этап потребует два-три года. Льды Арктического бассейна станут распадаться, таять в летние месяцы и в небольших объемах восстанавливаться зимой. При этом в Северном полушарии наступит климат, очень схожий с тем, что существовал в X веке нашей эры. В Сибири зимы станут мягче, сократятся поздние весенние и ранние осенние заморозки, реже будут случаться засухи в степных местах. И в других широтах начнутся благоприятные изменения.

На втором этапе полностью исчезают полярные льды, Арктический

бассейн круглый год открыт для навигации. Наступает климат, какой был четыре-шесть тысяч лет назад. Там, где сейчас арктическая тундра и редколесье, поднимутся густые сочные травы, лиственные леса — в этих районах разовьется животноводство. Исчезнет поверхностный слой вечной мерзлоты, огромные пространства станут удобными для индустриального и аграрного освоения. И, конечно, повсюду потеплеет: в Омске зимы будут, как теперь в Вологде, в Новосибирске, как в Саратове, в Иркутске, как в Куйбышеве... В Якутск придут те же зимние температуры, что в Астрахани.

— Между прочим,— говорит Борисов, вышагивая вокруг стола,— Ледовитый океан станет одним из самых рыбопродуктивных бассейнов. От Баренцева моря до Чукотского на континентальных отмелях появится богатая морская фауна, и я уже сейчас вижу флотилии кораблей будущего, как они ловят косяки на звук или на электросвет. Или как-нибудь еще, у меня не хватает воображения!

Ну, а третий этап?

— Сначала пауза в несколько лет. Наука выясняет, как реагирует животный и растительный мир на смену экологических условий. Надо следить, чтобы не нарушалось естественное равновесие в природе. И если процесс протекает, как задумано, можно переходить к следующим этапам мелиорации климата. Насосы включаются на полную мощность, гонят ледовитоморские воды в тихоокеанский бассейн, постепенно повышая температуру поверхностных арктических вод. Исчезает тундра, ее место занимают лиственничные и хвойные леса. Под Тобольском растут атлантические виды деревьев — граб и бук. В принципе можно постепенно довести температурные условия на Крайнем Севере до уровня средних широт.

— За сколько лет можно было бы осуществить проект?

— Исследования потребуют пять-восемь лет, затем на строительство плотины и связанных с нею сооружений надо еще восемь-десять лет. Таким образом, при благоприятном стечении обстоятельств проект мог бы осуществиться что-нибудь к 2000 году.

Работа Борисова под названием «Коренное улучшение климата полярных и умеренных широт земного шара» была зарегистрирована Комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР в 1957 году — я держал в руках авторское свидетельство № 7337.

Смотрю на Петра Михайловича, как он сидит в домашнем одеянии, забросив ногу на ногу, и думаю, а вдруг и в самом деле эти идеи когда-нибудь, а может быть, скоро будут общепризнанными, и на международную стройку, на Чукотку, отправятся первые добровольцы, как в свое время они шли на Ангару, на Енисей, на Обь?

А вдруг? Учит же нас история осторожнее обходиться с фантазерами!

Тут я стал припоминать вычитанные в разных статьях возражения

против проекта и теперь повторял их Петру Михайловичу, желая хотя бы на слух взвесить аргументацию.

— Под силу ли нам расходы на такое строительство?

— Отчего же... На переброску вод потребуются источники электроэнергии общей мощностью 25 миллионов киловатт — чуть больше четырех Красноярских ГЭС. К 1980 году вступят в строй новые атомные электростанции, гидростанции, тепловые энергоцентры на месторождениях угля, нефти, газа в Советском Союзе и в США. Уже освоены линии электропередачи сверхвысокого напряжения на дальние расстояния: нет проблемы!

— Но я спросил о средствах.

— Затраты на строительство гидроузла в Беринговом проливе составят 24 миллиарда рублей. Тут стоимость и транспортировка блоков плотины, расходы на оборудование и металлоконструкции, на насосы и обтекатели, на сооружение шлюзов, рыбоходов, железнодорожных путей и автострады. На эти же средства построят на западном и восточном берегу города, на 50 тысяч жителей каждый, морские порты и аэродромы, а также проведут все другие работы, включая изыскания, проектирование, научно-исследовательские поиски.

— Да ведь это немалые деньги,— заметил я.— Несколько Братских территориально-производственных комплексов!

— Что говорить... Но речь у нас идет о проекте международного строительства, и осуществлять его будут объединенными усилиями заинтересованных стран. Долевое участие Советского Союза составит что-нибудь сорок процентов или девять-десять миллиардов рублей. Если учесть практические выгоды, какие сулит планетарное улучшение климата, то эти расходы нельзя признать слишком большой платой.

— Где-то я читал, что растопятся льды Гренландии и зальют Европу.

— Есть основания предполагать, что Гренландский ледник не будет таять вообще. Но если бы такое случилось, то уровень Мирового океана стал бы подниматься со скоростью один-полтора миллиметра в год. Вряд ли такие темпы будут угрожать чему-нибудь. Между тем возможны и уже зреют проекты, как затормозить даже это незначительное повышение уровня.

— В какой стадии сейчас реализация идеи?

— Проблемы планетарного улучшения климата планеты рассматривали во многих отраслевых институтах, на президиуме Академии наук, в Государственной экспертной комиссии Госплана СССР. В целом отношение к идее оптимистическое... Проект плотины через Берингов пролив на ВДНХ удостоен диплома почета. Вот, пожалуй, все мои трофеи!

Прощаясь, Борисов протянул свою книгу «Может ли человек изменить климат», выпущенную издательством «Наука» в 1970 году.

— Ее переводят на английский и на японский... Обратите внимание на подчеркнутые места.

Уже в лифте я раскрыл книгу и пробежал глазами подчеркнутое: «...Последним и вместе с тем главным выводом настоящей работы является тот факт, что в широком географическом аспекте изо всех до сих пор выдвинутых проектов и предложений по уменьшению зависимости сельского хозяйства от природной стихии организация прямого тока теплых атлантических вод через Арктический бассейн в Тихий океан с попутной ликвидацией морских льдов в Северном полушарии есть мера с технологических позиций наиболее доступная, с позиций выигрыша времени — наиболее эффективная, с позиций международных связей — наиболее прогрессивная, с экологических позиций — наиболее благоприятная»¹⁶.

Это убеждение Петра Михайловича Борисова.

Его оппоненты — их выступления тоже были в печати — придерживаются иного мнения и высказывают серьезные опасения за возможные последствия от столь масштабного вмешательства в естественный природный процесс. Обращают внимание, к примеру, что если уничтожить огромные площади льдов и изменить цветовую гамму земной поверхности, ее отражательную способность, то могут случиться в природе самые непредвиденные сдвиги... Предстоят обширные и тщательные исследования. Очевидно, это проект не ближайшего будущего. Он затрагивает интересы всех стран и может осуществляться лишь под эгидой Организации Объединенных Наций.

Что же тебя ждет, Сибирь?

Может быть, идея и проект кандидата географических наук, лауреата Государственной премии П. М. Борисова так и останется в истории науки прекрасной утопией, одной из возвышенных сказок, которым не раз внимало человечество в раздумьях о грядущем?

А может быть, проект осуществим — поднимется плотина в Беринговом проливе, и наши потомки-сибиряки будут читать об инженере Борисове в школьных учебниках?

Сейчас никто не ответит на эти вопросы.

Меня же вдохновляет мысль о том, как все-таки справедливо, что живут среди нас смелые и зоркие выдумщики — за добрые предвидения спасибо им.

Я думал о вас, воображаемые спутники на фермобиле, сибиряки третьего тысячелетия, борясь с желанием выложить как на духу, чем мы жили, что любили, как страдали и строили, заботясь не только о себе. И тогда — был ли то сон или полусон — захотелось написать о Сибири, какой она видится в прошлом и будущем. Пусть же она пройдет уготованную судьбою дорогу удачливыми крупными шагами.

Хочется, чтобы великое это пространство ценимо было не только в качестве площадок под новые города и производства, но чтобы во веки веков тянуло к себе людей суровым величием и красотой, вызывая в памяти прекрасные мечтательные строки: «Там, в далекой Сибири, где плачет пурга, застывают в серебряных льдах мастодонты...»

Обращаюсь к тебе, сибиряк будущих времен... Может быть, упадет тебе в руки эта книга или микрофильм, и, читая с экрана старые страницы, ты будешь улыбаться неведенью предка и наивности его представлений о грядущем. Ну что же, улыбнись, укори, покачай головой. Только, пожалуйста,— пусть тебе живется хорошо.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тайны каменной летописи

¹ М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальте. Предварительный отчет о работах 1928—1932 гг. «Палеолит СССР. Материалы по истории дородового общества». М., 1935, стр. 78.

Заметим, что до сих пор не разгадан этимологический и топонимический смысл слова — Сибирь... Одни полагают, что название бытует с V в. н. э. и происходит от племен сибир, обитавших тогда на Оби; другие уверены, что оно от русского «сивер» — север; третьи связывают его с названием Сибирского ханства; четвертые улавливают корни в названии древнего народа «сыбыр» или «сывыр», который будто бы обитал на Иртыше. По мнению же одного из современных исследователей, настало время «отказаться видеть в термине «Сибирь» название, привнесенное извне. Накопленные археологические, этнографические, фольклорные материалы и письменные источники позволяют видеть происхождение этого слова от названия одной из этнических групп, населявших с конца I тысячелетия до н. э. территорию лесостепной полосы Западной Сибири. Такой этнической группой, носившей название «сипир» (сепыр, сабир), были предки древних угров...» (З. Я. Бояринов. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960, стр. 143).

² «Итак, истоки арифметики, астрономии, биологических наук, геометрии, механики, минералогии, химии, еще в зачаточном нерасчиленном виде,— таков в самых общих контурах мир позитивных представлений палеолитического человека, реальных побед его интеллекта над силами природы» — к этому выводу пришла современная археология (Б. А. Фролов. Познавательное начало в изобразительной деятельности палеолитического человека. «Первобытное искусство». Новосибирск, 1971, стр. 116).

³ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М., 1948.

⁴ С. А. Федосеева. Древние культуры верхнего Вилюя. М., 1968.

⁵ Ю. А. Мочанов. Многослойная стоянка Белькачи-I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969.

⁶ О совместной экспедиции советских и американских археологов в 1974—1975 гг. см.: А. Окладников, А. Конопацкий. Здравствуйте, алеуты! Здравствуйте,

русские! («Сибирские огни» № 7, 1976); А. Окладников. Стыковка на Байкале («Сибирские огни» № 3, 1976).

Теория Ю. А. Мочанова изложена в его статьях «Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски» в журн. «Советская этнография», 1969, № 1; «Дюк-тайская пещера — новый палеолитический памятник Северо-Восточной Азии» («По следам древних культур Якутии». Якутск, 1970); «Новые данные о берингоморском пути заселения Америки» («Советская этнография», 1972, № 2).

⁷ Краткое обозрение р. Лены и судоходства по оной.— «Журнал Министерства путей сообщения», № 32, 1835, стр. 84.

⁸ А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск, 1959. История поисков ленских писаниц изложена и в книге А. П. Окладникова «Олень — Золотые рога». М.— Л., 1964.

⁹ Весной 1970 года с археологом П. П. Хороших и директором Иркутского художественного музея А. Д. Фатьяновым мы отправились в Кудинские степи смотреть наскальные рисунки на горе Манхай-1 и Манхай-2. Как же было удержаться скорбь и негодование, когда оказалось, что древние писаницы на горе Манхай-2 взорваны и камень пошел на устройство проселочной дороги...

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 326.

Русские люди за Уралом

¹ «На север от Каракорана (Каракорума) и от Алтая... есть равнина Бангу, тянется она сорок дней. Народ тамошний дикий и зовется мекри, занимаются скотоводством, много у них оленей; на оленях, скажу вам, они ездят. Нравы их и обычаи те же, что и у татар; они великого хана. Ни хлеба, ни вина у них нет. Летом у них есть дичь, и они охотятся на зверей и на птиц, а зимою от великого холода там не живут ни зверь, ни птица». (Книга Марко Поло. Перевод со старофранцузского текста И. П. Минаева. М., 1955, стр. 92).

² Сибирь. Краткое землеописание. Составил В. Турбин. Спб., 1871, стр. 4.

³ Летописи бегло ссылаются на волжское или донское происхождение Ермака и почти ничего не сообщают о его настоящем имени. В Ремезовской летописи он называется Германом («Сибирские летописи». Спб., 1907, стр. 312), а в Есиповской летописи по Бузуновскому списку сообщается, будто бы Ермак оставил записки, из которых следует, что дед его, Афанасий Григорьевич Аленин, был суздальским посадким человеком и «от хлебной скудности» перебрался во Владимир, воспитал двух сыновей — Родиона и Тимофея, сам стал промышлять извозом, помогал муромским разбойникам, попал в тюрьму, оттуда бежал в Юрьев-Польской. Родион и Тимофей оказались на реке Чусовой в вотчине Строгановых. У Тимофея было три сына — Гаврило, Фрол и Василий. Особо выделялся Василий Тимофеевич — он был силен, ходил на стругах по Каме и по Волге. Его прозвали атаманом Ермаком, ибо ермак — это название дорожного артельного тагана, а по-волжски так называли еще жерновую ручную мельницу («Сибирские летописи», стр. 305—306).

Эта версия не находит подтверждения в других сибирских летописях.

⁴ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. Спб., 1892, стр. 191.

⁵ Согласно Строгановской летописи (по списку Спасского) в поход вышло 840 казаков, из них 300 дружинников, собранных Строгановыми.

Существует версия, что вместе с Ермаком на Урал пришло 80 казаков, а Строгановы присоединили к ним еще 2047 дружинников из собственного войска и таким образом в походе участвовало две-три тысячи человек. (Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. Спб., 1903, т. I, стр. XII).

⁶ Первое знамя, врученное перед походом Ермаку Максимом Строгановым, представляло собой четырехугольную доску. Ее обычно несли впереди дружины и оберегали, как священное знамя-икону. По сообщению А. Ф. Палашенкова, в 1939 году знамя-икону перевезли из Березова в Омский краеведческий музей, там оно находится поныне. (Фонды Омского краеведческого музея, инв. № 1363).

После взятия Кашлыка Строгановы послали в дар Ермаку еще одно знамя — полотнище с изображением Михаила Архангела и воина Дмитрия Солунского, поражающего копьём Кучума. Это знамя хранилось в Березове и в Тобольске, в 1891 году его перевезли в Омск, а в 1919 году знамя похитил атаман Анненков... Следы знамени затерялись. Копия осталась в Омском краеведческом музее. (И. Н. Шухов. Знамена Ермака — «Сибирские огни», 1946, № 2).

⁷ Фонды Научной библиотеки Томского университета. Отдел редких книг. Инв. № 752, стр. 1—2.

⁸ А. В. Оксенов. Ермак Тимофеевич в исторических песнях русского народа. «Сибирский сборник». Спб., 1886, кн. 2, стр. 48.

⁹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. М.—Л., 1941, т. 2, стр. 158.

¹⁰ П. Небольсин. Покорение Сибири. Спб., 1849, стр. 99.

¹¹ Из рода Первовых, ведущих начало от ермаковского атамана Первяка, вышел первый сибирский авиатор Павел Александрович Первов. Он окончил в 1912 году летную школу и трагически погиб в 1915 году.

¹² Пользуясь случаем выразить признательность за эти сведения следопытам-краеведам восьмилетней школы села Царицыно Калачинского района Омской области.

¹³ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 616—618.

¹⁴ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, стр. 8.

¹⁵ Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг. М.—Л., 1948, стр. 49.

¹⁶ В 1958 году на месте бывшего «вольного города» работала Мангазейская историко-географическая экспедиция Арктического и Антарктического научно-исследовательского института. При раскопках обнаружили детали древнего коча, бортовые доски, сапожные ножи, кожаные обрезки, древние монеты, зерна изумруда — около тысячи предметов. См.: М. И. Белов. Мангазея. Л., 1969.

О прошлом Мангазеи рассказывает поэтичная «Повесть о Тобольском воеводстве»

Л. Мартынова, изданная впервые в 1945 г. в Омске и переизданная в 1970 году в Новосибирске.

¹⁷ Русская историческая библиотека. Изд. Археологической комиссии. Спб., 1875, т. 2, стр. 376.

¹⁸ А. П. Окладников. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века. «Летопись Севера», 1949, вып. 1, стр. 94—102.

¹⁹ Предположение И. П. Магидовича (Очерки по истории географических открытий. М., 1967, стр. 250) не лишено оснований. В финском языке есть слово, по звучанию соответствующее русскому «пянда» — его можно перевести как «стая», «стадо». Может также обозначать «род», «племя», «семейство». В южнокарельских говорах производное от этого слова означает «семью», «большую толпу».

Есть и другие гипотезы появления странного имени. Пянда — один из небольших притоков Северной Двины, слово фино-угорского происхождения. Известно, что многие казаки получали фамилии, служившие одновременно и прозвищами, по названиям рек, откуда они были родом. Вероятно, Пантелей Пянда был выходцем из Европейского Севера.

²⁰ Б. П. Полевой. Новое о Пянде. («Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв.», Новосибирск, 1966, стр. 284).

²¹ Г. Ф. Сафронов. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 1956, стр. 11.

²² Г. Ф. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961, стр. 13.

²³ Обширный материал об этом содержится в книге С. Е. Мостахова «Сподвижники путешественников и исследователей. (Участие местного населения в географическом изучении Северо-Востока Сибири в XVII — начале XX в.)». Якутск, 1966.

²⁴ Б. П. Полевой. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.). «Известия Всесоюзного Географического общества», 1960, т. 92, стр. 47.

²⁵ А. П. Шапов. Соч. Спб., 1908, т. 3, стр. 28—29.

²⁶ «Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году». Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. М., 1871, стр. 75—77.

²⁷ Об этом автору книги сообщил Б. П. Полевой, изучавший документы архива Ленинградского отдела Института истории АН СССР.

²⁸ Немецкие и советские историки подготовили к печати и издали в Германской Демократической Республике путевой дневник Д. Г. Мессершмидта в пяти томах (в сокращенном виде). Эти и другие сведения о Д. Г. Мессершмидте сообщил Е. Винтер (ГДР) на XIII Международном конгрессе по истории науки, проходившем в Москве в 1971 г.

²⁹ В. П. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II. Иркутск, 1957, стр. 448—449.

³⁰ По исторической литературе, Мария Прончищева умерла 12 сентября 1736 года (по старому стилю) через тринадцать дней после смерти мужа. Челюскин принял за самую северную точку нынешний мыс Чекина и назвал его Восточно-Северным. В 1843 году А. Ф. Миддендорф дал этому мысу имя Челюскина. Только в 1919 году

Х. Свердруп установил наиболее северный выступ суши (в двенадцати километрах западнее Восточно-Северного, или Челюскина), и с тех пор этот истинно крайний выступ зовется мысом Челюскина. (Топонимика морей Северной Азии. Л., 1972).

От Оленекского залива, почти от Усть-Оленька, где могила Василия и Марии Прончищевых, тянется на северо-запад к Анабарскому заливу кряж Прончищева (назван в 1892—1893 гг. Э. Толлем). На восточном берегу Таймырского полуострова есть озеро и речка Прончищева, а северный берег зовется Берегом Прончищева. На востоке он опускается к бухте Марии Прончищевой. Бухта открыта в 1736 году во время плавания «Якутска», а названа в 1913 году экспедицией Б. Вилькицкого.

³¹ П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 243—244.

³² П. К р о п о т к и н. Записки революционера, т. 1. Спб., 1906, стр. 191—192.

³³ Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925, стр. 81.

³⁴ «Сибирский сборник». Кн. 2. Спб., 1886, стр. 95.

³⁵ Несколько слов о Сибирской железной дороге. Спб., 1890, стр. 19.

³⁶ «Московские ведомости», № 52, 1878.

³⁷ Несколько слов о Сибирской железной дороге, стр. 19.

³⁸ С. Ю. В и т т е. Воспоминания, т. 1. М., 1960, стр. 441.

³⁹ П. В. Г о л о в а ч е в. Экономическая география Сибири. М., 1914, стр. 175.

⁴⁰ «Русские ведомости», № 252, 1909.

⁴¹ «Факт присылки панцирей в подарок Ермаку... подтверждается не только очень прочной традицией туземного происхождения, но и наличием в середине XVII века в семье тобольского служилого татарина Кайдаула одного панциря, по довольно правдоподобному описанию принадлежавшего Ермаку. Если предположить, что одним из пожалованных панцирей была кольчуга П. И. Шуйского, то вполне удовлетворительно объяснилось бы присутствие мишени в развалинах Искера» (С. Б а х р у ш и н. Сборник Оружейной палаты. М., 1925, стр. 121).

⁴² П. А. С л о в ц о в. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1886, стр. 6.

Кандалный звон

¹ П. Н. Буцинский, стр. 198—199.

Некоторые историки считают названную цифру преуменьшенной (Ф. Г. С а ф р о н о в. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке. Якутск, 1967, стр. 19).

Во всяком случае, уже в 1586 году в Тобольске был создан Разбойный приказ, занимавшийся делами беглых крестьян, и в перечне применяемых мер наказания значилась ссылка в Сибирь (В. Н. Д в о р я н о в. В сибирской дальней стороне... Очерки по истории царской каторги и ссылки. 60-е годы XVIII в.— 1917 г. Минск, 1971, стр. 12).

² Е. Я р о с л а в с к и й. Возвращенный из Сибири угличский колокол. Ярославль, 1892, стр. 10.

³ Д ж. К е н н а н. Сибирь и ссылка. Спб., 1905, т. 1, стр. 40.

⁴ Эти сведения содержатся в кн.: Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. Спб., 1900, стр. 151.

В исторической литературе приведена следующая статистика сибирской ссылки в XIX веке:

- с 1823 по 1832 гг. сослано 98725 человек
- с 1833 по 1842 гг. сослано 86550 чел.
- с 1843 по 1852 гг. сослано 69764 чел.
- с 1853 по 1862 гг. сослано 101 238 чел.
- с 1863 по 1872 гг. сослано 146 380 чел.
- с 1873 по 1877 гг. сослано 91 257 чел.
- с 1878 по 1882 гг. сослано 84 661 чел.
- с 1883 по 1888 гг. сослано 106 326 чел.

В начале XIX столетия в Сибирь высылали каждый год примерно по 2 тысячи человек. Эта цифра росла быстро и в отдельные годы к концу века достигала около 20 тысяч человек (Н. М. Ядринцев, стр. 247).

⁵ П. Кропоткин, т. 1, стр. 156.

⁶ Цит. по кн.: Н. П. Митина. Во глубине сибирских руд. К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. М., 1960, стр. 139.

⁷ Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие сочинения. М., 1934, стр. 90—91.

⁸ По заключению известного историка, хозяйственное освоение Сибири «ничем не отстало бы от образцов, представляемых Америкой, если бы делались уступки народным требованиям и не затрудняли бюрократические тонкости и многочисленные формальности, излишняя подозрительность и боязнь присутствия опасностей там, где они менее всего имеют место» (С. М. Максимов. Сибирь и каторга, т. 1. Спб., 1886, стр. 400).

⁹ М. С. Лунин. Сочинения и письма, т. 2. М., 1923, стр. 6.

¹⁰ Цит. по кн.: Г. П. Шатрова. Декабристы и Сибирь. Томск, 1962, стр. 94.

¹¹ «Письма декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири». Киев, 1908, стр. 146.

¹² Там же, стр. 148.

¹³ Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1898, стр. 15.

¹⁴ «Восстание декабристов». М.—Л., 1925, т. V, стр. 85.

¹⁵ Н. А. Белоголовый, стр. 10—11.

¹⁶ Там же, стр. 43.

¹⁷ Найденные при раскопках 1952 года золотой крестик А. П. Юшневского, медальон и иконка А. З. Муравьева хранятся в фондах Иркутского областного краеведческого музея.

¹⁸ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 24, оп. 3, св. 45, ед. хр. 160, л. 1. Материалы этого дела частично использованы в кн.: М. В. Научитель, З. Т. Тагаров. Чернышевский в Сибири. Иркутск, 1969.

¹⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1949, стр. 491.

²⁰ Цит. по назв. кн. Н. П. Митиной, стр. 48.

²¹ ГАИО, ф. 24, оп. 3, св. 45, ед. хр. 160, лл. 2—3.

²² Там же, л. 6.

²³ «Русское богатство», 1905, № 11—12, стр. 173.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 34.

Выдержки из шушенских писем и работ В. И. Ленина в тексте книги даются по этому же изданию.

²⁵ М. А. Сильвин. Ленин в период зарождения партии. Л., 1959, стр. 186.

²⁶ Цит. по кн.: С. Беляевский. Большевики в Минусинской ссылке. Красноярск, 1964, стр. 49.

Дни творения

¹ А. Буллард. Деятельность Америки в Сибири. Передовая статья нового журнала «Дружеское слово», изд. Американского Правительственного Бюро Печати. Владивосток, 1918, ноябрь, стр. 5.

² Д. М. Зольников. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969, стр. 53—54.

Почти половина крестьянских хозяйств Западной Сибири (Л. Горюшкин. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967, стр. 111) и Восточной Сибири (В. Тюкавкин. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966, стр. 174—175) относилась к числу бедняцких, и эта категория трудящегося населения Сибири так же, как и пролетариат, была заинтересована в свержении буржуазных порядков.

³ Деятельности Центросибири посвящено много исследований и воспоминаний. Среди них книги В. В. Рябикова (Центросибирь. Новосибирск, 1949), В. Т. Агалакова (Подвиг Центросибири. Иркутск, 1968) и др.

О писателях и поэтах, активных участниках борьбы за власть Советов в Сибири, обширные сведения содержатся в монографиях В. Трушкина «Сибирский партизан и писатель П. П. Петров» (Иркутск, 1965), «Литературная Сибирь первых лет революции» (Иркутск, 1967), «Пути и судьбы» (Иркутск, 1972).

⁴ В. В. Рябиков, стр. 19.

⁵ Цит. по кн.: М. Левилов. К истории союзной интервенции в России, т. I. Л., 1925, стр. 61.

⁶ «Земля и труд», 30 ноября 1918 г.

⁷ В. Грэвс. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). М., 1932, стр. 60.

⁸ Д. Уорд. Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 гг. М.—Пг., 1923, стр. 82.

⁹ В. Г. Болдырев. Из пережитого.— «Сибирские огни» № 5—6, 1923, стр. 123—124.

¹⁰ Д. Уорд, стр. 128.

¹¹ О «Гасеевской республике» см.: И. Д. Дубина. Партизанское движение в Восточной Сибири 1918—1920. Иркутск, 1967.

¹² Рабочие и крестьяне о Ленине. Воспоминания. М., 1958, стр. 161.

¹³ В. Грэвс, стр. 242.

¹⁴ Из истории гражданской войны в СССР. Сб. документов, т. 2. М., 1961, стр. 770.

¹⁵ Цит. по кн.: История Сибири, т. 4. Л., 1968, стр. 135.

¹⁶ Н. Н. Захарченко, проживающий ныне в Москве, сообщил об этом автору книги в письме от 6 марта 1970 года.

¹⁷ Позднее А. Г. Нестеров записал свои воспоминания об аресте Колчака и передал рукопись в Партийный архив Иркутского обкома КПСС.

¹⁸ Рукопись воспоминаний И. Н. Бурсака находится в архиве автора книги. В сокращенном виде эти воспоминания опубликованы в сборнике «Разгром Колчака» (М., 1969, стр. 266—280).

¹⁹ Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова. Л., 1925, стр. 4.

²⁰ Из воспоминаний Н. Н. Захарченко, хранящихся в архиве автора книги.

²¹ Из назв. воспоминаний И. Н. Бурсака.

²² Весной 1970 года в Москве А. В. Тимирева рассказывала автору этих строк о прогулках с Колчаком во дворе Иркутской тюрьмы. По ее словам, Колчак однажды сказал ей: «Ленин создал партию и опирается на нее. А на кого мог я опираться, ты же видела, кто вокруг меня...» Он был подавлен и не раз заводил разговор о надвигающейся расплате за преступления перед Советской Россией.

²³ «Известия Иркутского Военно-революционного комитета», 8 февраля 1920 года.

²⁴ Из назв. воспоминаний И. Н. Бурсака.

Бетон социализма

¹ В Чурапчинском краеведческом музее хранится копия телеграммы (инв. № 702).

² М. К. Аммосов. С помощью русских рабочих и крестьян. Статьи, воспоминания, письма. Якутск, 1967, стр. 60.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 138—139.

⁴ С копией этого документа меня познакомил Г. Д. Ефимов.

⁵ Цит. по кн.: В. Н. Увачан. Путь народов Севера к социализму. М., 1971, стр. 112.

⁶ И. П. Бардин. Рождение завода. Воспоминания инженера. Новосибирск, 1936, стр. 121—122.

⁷ Там же, стр. 55.

⁸ В 1926 году «АИК — Кузбасс» была реорганизована и подчинена ВСНХ СССР. Договор с колонией расторгли, и теперь это был обычный советский трест общесоюзного подчинения. Его переименовали в «Кузбассуголь».

⁹ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.—Л., 1928, стр. 827.

¹⁰ И. П. Бардин, стр. 18—20.

¹¹ Кузнецкстрой в воспоминаниях. Новосибирск, 1924, стр. 94.

¹² Там же, стр. 129.

¹³ Там же, стр. 178.

¹⁴ Десять лет угля и металла. Сталинск, 1939, стр. 62.

¹⁵ Кузнецкстрой в воспоминаниях, стр. 27.

¹⁶ И. П. Бардин, стр. 80.

¹⁷ Дальстрой. К 25-летию. Магадан, 1956, стр. 225.

¹⁸ Р. И. Шнипер. Сводное планирование народного хозяйства области и района. М., 1972, стр. 79.

¹⁹ «Сибирские огни», № 3, 1927, стр. 201.

²⁰ Ю. Кондратьюк. Завоевание межпланетных пространств. Новосибирск, 1929, стр. 3.

²¹ Пионеры ракетной техники. Кибальчич, Циолковский, Цандер, Кондратьюк. М., 1964, стр. 664.

²² Ю. Кондратьюк, стр. 7—8.

²³ «Лайф» № 10, 1969, стр. 23.

Фронт и тыл

¹ У. Черчилль. Германия рвется на Восток. Вторая мировая война. Кн. V. Нью-Йорк, 1955, стр. 398.

² К такому выводу пришел, например, Пауль Карелл в книге «История германского поражения на Востоке», вышедшей в Лондоне в 1964 году.

³ Пользуюсь случаем принести благодарность Л. Е. Козулиной, Т. Е. Козулиной (Шавровой), а также работникам облвоенкомата в Улан-Удэ, которые познакомили меня с письмами братьев Козулиных.

⁴ Письмо А. П. Магана хранится в архиве автора книги.

⁵ Воспоминания А. Я. Чалкова опубликованы в сб. «Гвардия тыла» (М., 1962, стр. 138—143).

⁶ Партийный архив Иркутского обкома КПСС (ПАИО), ф. 127, оп. 7, д. 674, л. 26.

⁷ Там же, л. 2.

⁸ Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). М., 1970, стр. 112.

⁹ А. Г. Докучаев. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1968, стр. 275.

¹⁰ Письмо И. М. Подберезина хранится в архиве автора книги.

¹¹ Архив Государственной Третьяковской галереи (АГТГ), ф. 8—10, д. 54, л. 50.

¹² Там же, л. 54.

¹³ Письмо колхозников было опубликовано в газете «Советская Хакасия» 19 сентября 1943 г.

Стратегия освоения

¹ «Вопросы экономики», 1948, № 8, стр. 109.

² Опубликована позже в кн.: Н. Н. Колосовский. Основы экономического районирования. М., 1958, стр. 96.

³ Там же, стр. 109.

⁴ Россия вывозила из Сибири в Европу пшеницу, кожи, пушнину, битую дичь, лес

и кое-что другое, но делала это столь бесхозяйственно, что Германия, например, перепродавала сибирский хлеб, шетину, яйца и прочие товары на рынках Европы по более высоким ценам. (А. Шиша. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1922).

⁵ Г. А. Агранат. Зарубежный Север: опыт освоения. М., 1970, стр. 45—52.

Открытые, например, в Западной Австралии железорудные месторождения контролируются международным консорциумом, созданным группой американских, английских, японских металлургических монополий. (Л. Н. Карпов. Новые районы в экономике развитых капиталистических стран. М., 1972, стр. 181).

⁶ С. Третьяков. Страна А-Е. М., 1932, стр. 91.

⁷ Материалы конференции по изучению производительных сил Иркутской области. Иркутск, 1947, стр. 43.

⁸ Н. А. Утенков. Зарубежный опыт промышленного освоения новых территорий и развития отсталых районов. М., 1966, стр. 12.

⁹ Материалы конференции по изучению производительных сил Иркутской области, стр. 19.

¹⁰ Ю. Г. Эрвье. Сибирские горизонты. Свердловск, 1968, стр. 21.

¹¹ Б. В. Рачков. Нефть и мировая политика. М., 1972, стр. 225.

¹² Экономические и географические проблемы северной техники. М., 1972, стр. 141.

¹³ «Советская Азия», кн. 1—2, 1930, стр. 10.

Люди медвежьих углов

¹ «Сибирский вестник», ч. I. Спб., 1818, стр. 126.

² Карта р. Витим от с. Романовского (устье р. Холоя) до впадения в р. Лену. Иркутск, 1923, стр. 7.

³ «Вестник Русского Географического общества», ч. II, 1854, стр. 9.

⁴ Ф. Кудрявцев. Из истории алиберовских графитных приисков (1838—1931). «Известия Общества изучения Восточно-Сибирского края», т. I. Иркутск, 1936, стр. 28.

⁵ П. Кропоткин. Поездка в Окинский караул. «Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества», кн. IX и X. Иркутск, 1867, стр. 42.

⁶ А. П. Щапов, т. 2, стр. 29—30.

Байкал и вокруг Байкала

¹ М. Кожов. Байкал и его жизнь. Иркутск, 1963, стр. 59.

² Некоторое представление о запасах омуля в далеком прошлом дают записки главы русского посольства в Китае Избранта Идеса. «Когда жители хотят наловить омуля, запасаются лишь мешком, рубашкой или парой полотняных наволочек, идут на берег и вытаскивают уйму рыбы, гораздо больше, чем им нужно». (Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китае (1692—1695). М., 1967, стр. 146).

³ Р. Парсон. Природа предъявляет счет. М., 1969, стр. 18.

⁴ Впоследствии проектировщики вынуждены были учесть карту сейсмического микрорайонирования, составленную В. П. Солоненко: главный корпус и основные сооружения перенесли на триста метров в глубь площадки, а поселок Байкальск передвинули по другую сторону железной дороги.

⁵ Г. Галазий. Байкал и проблема чистой воды в Сибири. Иркутск, 1968, стр. 12.

⁶ Продукцию Байкальского целлюлозного завода я видел весной 1972 года в Венгрии. Ее используют для производства высоких сортов бумаги.

Как выяснилось, для авиационных покрышек байкальская целлюлоза не предусматривалась.

⁷ «Сибирские огни», 1963, № 6, стр. 156—157.

⁸ «Нью-Йорк таймс», 1 авг. 1966.

⁹ «Палп энд пэйпа интернешнл», 31 окт. 1966.

¹⁰ «Для осуществления всего обширного плана комплексного районного социалистического строительства необходимо выделить Байкал и его побережья в особую административно-хозяйственную единицу в составе Восточно-Сибирского края, может быть, в особый округ... Необходимо, чтобы инициатива и руководство не были распылены между отдельными территориально-административными единицами и ведомственными аппаратами, а сосредоточены в одном месте и в одних руках» (Н. Козьмин. Проблема освоения Байкала. «Будущая Сибирь», кн. 4—6, 1932, стр. 125).

Эта идея, высказанная более сорока лет назад, и сейчас не потеряла своей актуальности.

¹¹ В 1972 году Советский Союз и США подписали Меморандум о сотрудничестве в области охраны окружающей среды. По программе совместных научных исследований предусмотрена и разработка оптимальной технологии очистных сооружений. Для этой цели выбраны североамериканские Великие озера, озеро Тахо (Калифорния) и Байкал.

¹² «Сибирский вестник», ч. I, 1818, стр. 134—135.

¹³ Позднее я узнал, что Е. В. Талалаев родился в Сибири, в семье ссыльного революционера. О Талалаеве-отце дважды упоминает в своей переписке В. И. Ленин.

¹⁴ На Всесоюзном научно-производственном совещании по соболу в Иркутске (1971) указывалось, что утечка соболей «на черный рынок» не поддается полному учету и представляет собой серьезную угрозу состоянию их численности. (Материалы к Всесоюзному научно-исследовательскому совещанию по соболу. Киров, 1971).

¹⁵ Л. П. Сабанеев. Соболи и соболиный промысел. М., 1875, стр. 1.

Науку делают в тайге

¹ А. П. Шапов, т. 1, стр. 21.

² Письма Победоносцева к Александру III, т. 2. М., 1926, стр. 99—100.

³ А. Н. Радичев. Полн. собр. соч., т. 3. М.—Л., 1959, стр. 356.

⁴ «Отечественные записки», отд. VIII, август, 1848, стр. 125.

⁵ М. М. Соминский. Абрам Федорович Иоффе. М.—Л., 1964, стр. 425.

⁶ «Москва», № 12, 1966, стр. 188—189.

⁷ «Вестник Академии наук СССР», июль, № 7, 1967, стр. 3.

⁸ «Литературная газета», 21 июня, 1972.

⁹ А. П. Шапов, т. 1, стр. 21.

¹⁰ И. Н. Головин и И. В. Курчатов. М., 1967, стр. 97.

¹¹ «Правда», 27 февраля, 1969.

¹² В 1970 году в Якутске создан Институт физико-технических проблем Севера Сибирского отделения Академии наук СССР. Здесь исследуют возможности повышения прочности машин и металлоконструкций при низких температурах, транспортировки нефти и газа в контейнерно-трубопроводных системах, применения электромагнитной энергии сверхвысотных частот (СВЧ-энергии) при поисках и добыче полезных ископаемых, при строительстве на Севере и т. д.

¹³ «Смена», 1969, № 20, стр. 4.

Дорога в XXI век

¹ А. Марлинский. Полн. собр. соч., т. 1. Спб., 1847, стр. 137.

² Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. Спб, 1911, стр. 114.

³ А. И. Герцен. Собр. соч. М., 1956, т. 8, стр. 255.

⁴ Об этом сообщалось на научно-практической конференции по проблемам развития и размещения производительных сил Томской области в 1969 году.

⁵ Н. Н. Некрасов. Экономика СССР — взаимосвязанный народнохозяйственный комплекс. М., 1972, стр. 58.

⁶ «За науку в Сибири», № 25, 1970.

⁷ К. Л. Оланьон. Сибирь и ее экономическая будущность. Спб., 1903, стр. 127.

⁸ Экономические проблемы развития сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока (вопросы долгосрочного планирования и прогнозирования). Новосибирск, 1971, стр. 125.

⁹ По данным социологического обследования, среди направляющихся из западных районов страны на восток туристов наибольшей популярностью пользуется бассейн Байкала. Туризм уже в ближайшее десятилетие может занять одно из ведущих мест в экономике Прибайкалья. (Г. И. Курьян. Экономические вопросы развития туризма на Байкале. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Новосибирск, 1970).

¹⁰ Несколько слов о Сибирской железной дороге. Спб., 1890, стр. 23.

¹¹ Об этих расчетах сообщил П. К. Олдак (Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР) на научной конференции по развитию и размещению производительных сил Сибири, проходившей в Новосибирске в 1969 году.

¹² По приблизительным оценкам, в Западной Сибири сосредоточено 4%, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке 10% экспортного производства РСФСР («Внешняя торговля», № 4, 1972, стр. 54).

¹³ В 1974 году в Брюсселе экономический директорат НАТО собрал экспертов, изучавших ресурсные возможности Сибири и их участие в мировой экономике. При обсуждении отмечалось: «В то время, когда промышленный Запад сталкивается с ростом цен на сырье и в особенности с ростом цен на энергетические ресурсы, потенциальный вклад Сибири должен быть определяющим при решении проблем настоящего и будущего». (Использование природных ресурсов Сибири. Итоги совещания за «круглым столом» 30 января — 1 февраля 1974 г. в Брюсселе. Брюссель, 1974, стр. 6. На англ. яз.)

О возрастающем участии восточных районов СССР во внешнеторговых связях см.: «География производительных сил СССР и международное экономическое сотрудничество». М., 1976.

¹⁴ И. А. Б е с к и н. Транспорт для бездорожья. М., 1971, стр. 23.

¹⁵ П. М. Б о р и с о в. Депрессия мирового климата в голоцене и возможный путь его реконверсии. Известия Академии наук СССР, серия географическая, № 2, 1969, стр. 48.

¹⁶ П. М. Б о р и с о в. Может ли человек изменить климат. М., 1970, стр. 189.

СОДЕРЖАНИЕ

3 ОТ АВТОРА

5 ТАЙНЫ КАМЕННОЙ ЛЕТОПИСИ

В ГОСТЯХ У СОВРЕМЕННИКОВ МАМОНТА.— ИНТЕЛЛЕКТ ДРЕВНЕЙШЕГО СИБИРЯКА.— СТОЯНКА ПЕРВЫХ ПОЛЯРНИКОВ.— КТО ЖЕ ОТКРЫВАЛ АМЕРИКУ? — МИНУСИНСКИЕ СТЕПИ СПОРЯТ С ОСТРОВом ПАСХИ.— ВСАДНИКИ ШИШКИНСКИХ СКАЛ.— СИБИРСКОЕ ХАНСТВО

34 РУССКИЕ ЛЮДИ ЗА УРАЛОМ

НОВГОРОДЦЫ НА ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛЕ.— ЕРМАК ПРОТИВ КУЧУМА.— РУСЬ НА СИБИРСКИХ ДОРОГАХ.— ПЕНДА ИЛИ ПЯНДА? — ПЕРВЫЕ ПАШНИ ХАБАРОВА.— НА МОГИЛЕ ПРОНЧИШЕВЫХ.— ВЕЛИКИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ПУТЬ.— СТОЛЬНЫЙ ГРАД ТОБОЛЬСК

93 КАНДАЛЬНЫЙ ЗВОН

ИВАН ГРОЗНЫЙ И НОВОЕ НАКАЗАНИЕ.— СКОЛЬКО ССЫЛЬНЫХ БЫЛО В СИБИРИ? — БРОДЯЧЕЕ НАСЕЛЕНИЕ.— КАТОРЖНЫЙ ТРУД.— ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ.— ВТОРЫЕ ПОХОРОНЫ ДЕКАБРИСТОВ.— ВОКРУГ ЧЕРНЫШЕВСКОГО.— ЛЕНИН В ШУШЕНСКОМ

126 ДНИ ТВОРЕНИЯ

ЛЕГЕНДАРНАЯ ЦЕНТРОСИБИРЬ.— ПРИ БЛЕСКЕ ЧУЖИХ ШТЫКОВ.— «ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!» — АРХИВНАЯ ПАПКА О БАЙКАЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ.— ОДИН ИЗ СВИТЫ «ВЕРХОВНОГО».— КРАСНЫЕ! — КОЛЧАК НА ДОПРОСЕ

161 БЕТОН СОЦИАЛИЗМА

НА ПРОВОДЕ КРЕМЛЬ.— СОВЕТЫ В ТАЙГЕ И В ТУНДРЕ.— ДАЕШЬ КУЗНЕЦКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ! — БАРДИН СПОРИТ С ЭВЕРГАРДОМ.— УРОКИ УРАЛО-КУЗБАССА.— ИЗ СИБ-ЧИКАГО — К ЛУНЕ!

188 ФРОНТ И ТЫЛ

ПИСЬМА ТАНКИСТОВ КОЗУЛИНЫХ.— ЗАВОДЫ ЕДУТ НА ВОСТОК.— АВТОМАТЫ СТАЛЕВАРА ЧАЛКОВА.— ЦЕНА ТАЕЖНОГО ХЛЕБА.— ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ В СИБИРИ.— ВОЙНА И АБОРИГЕНЫ.— ПЕРЕД ВЕЧНЫМ ОГНЕМ

219 СТРАТЕГИЯ ОСВОЕНИЯ

БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖ АНГАРСТРОЯ.— ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ БРОСАЕТ ВЫЗОВ ТЕХАСУ.— ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ.— НОВЫЙ ГОРОД: МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ.— ПОЧЕМУ ПОКИДАЮТ СИБИРЬ? — ПЛАНИКИ УКАЗЫВАЮТ ВЫХОД

265 ЛЮДИ МЕДВЕЖЬИХ УГЛОВ

БУЛУНСКИЕ ВЫДВИЖЕНЦЫ.— ПОВАРИХА ИЗ «УГЛА 561».— СУХАНОВЫ И ПАРАМСКИЙ ПОРОГ.— ЛЮБКИНА ГОРКА.— «ЖЕЛЕЗНЫЙ У НАС НАРОД!» — ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ЛЕНА

308 БАЙКАЛ И ВОКРУГ БАЙКАЛА

САМЫЕ ТРУДНЫЕ ИЗ 20 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ.— СТРОИТЬ: ЧТО, ГДЕ, КАК? — ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ ТРЕБУЮТ УМА.— БАЦИЛЛА ПРОФЕССОРА ТАЛАЛАЕВА.— НАВОДНЕНИЕ 1971 ГОДА.— СУДЬБА «РУССКОГО ЗВЕРЯ»

363 НАУКУ ДЕЛАЮТ В ТАЙГЕ

СТРОГАНОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА И ПЕРВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ.— ГЛАВНЫЙ ВЗРЫВ АКАДЕМИКА ЛАВРЕНТЬЕВА.— ПОЯС ВНЕДРЕНИЯ: ИНСТИТУТ И ПРОИЗВОДСТВО.— ДЕТИ ИЗ ПЛЕМЕНИ КЮТ.— ЯДЕРНЫЕ ПУШКИ СИБИРИ.— О ЧЕМ ЗАДУМАЛАСЬ АРКТИКА

403 ДОРОГА В XXI ВЕК

РЕСУРСЫ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА.— ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ПРОГРАММЫ: ВОЗМОЖНОСТИ, ЗАДАЧИ.— СИБИРЬ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ.— НА ФЕРМОВИЛЕ В БУДУЩЕЕ.— ИРТЫШ ПОВЕРНУЛ НА ЮГ— ПЛОТИНА ЧЕРЕЗ БЕРИНГИЮ?

447 ПРИМЕЧАНИЯ

Шинкарев Л. И.

Ш62 **Сибирь: откуда она пошла и куда она идет. Факты, размышления, прогнозы. Изд. 2-е, доп. Отв. ред. акад. А. П. Окладников. М., «Сов. Россия», 1978.**

464 с.

В книге рассказывается о судьбах Сибири, ее населения, о прошлом, настоящем и предполагаемом будущем края.

Ш $\frac{11301-120}{M-105(03)78}$ 86—78

P2

**ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
ШИНКАРЕВ**

СИБИРЬ:

ОТКУДА

ОНА

ПОШЛА

И КУДА

ОНА

ИДЕТ.

**Факты,
размышления,
прогнозы**

**Издание второе,
дополненное**

Редактор *Ф. Цыпкина*
Художественный редактор *В. Щукина*
Технический редактор *Л. Самсонова*
Корректор *Т. Лысенко*

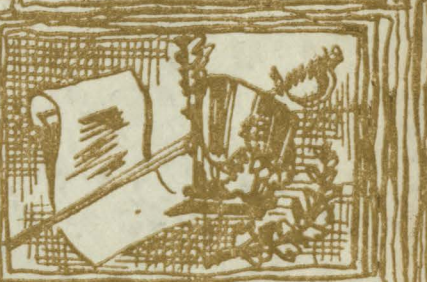
ИБ № 880
Сд. в наб. 7/IX-77 г. Подп. к печ. 2/X-78 г. Форм. бум.
70×84/16. Физ. печ. л. 29,0. Усл. печ. л. 31,61. Уч.-изд. л.
33,07. Изд. инд. ХД-34. А01468. Тираж 50 000 экз. Цена
1 р. 70 коп. Бум. № 1 типогр. Зак. № 1118.

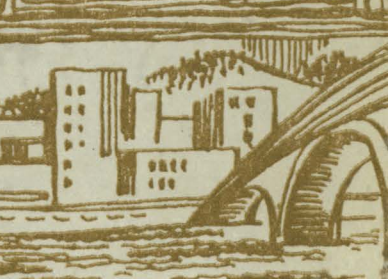
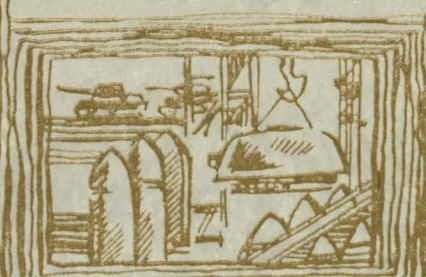
Издательство «Советская Россия» Государственного
комитета Совета Министров РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге
и пожелания присылать по адресу:
Москва, проезд Сапунова, 13/15,
издательство «Советская Россия»

1р. 70к.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ